

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЕНКЕ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

DE MARE AD MARE
Studies in archaeology and history in
honour of Nikolay Krenke

Moscow–Smolensk
“Svitok”
2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

DE MARE AD MARE
Археология и история: сборник статей
к 60-летию Н.А. Кренке

Москва–Смоленск
«Свиток»
2017

УДК 902/903
ББК 63.4
Д25

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Ответственные редакторы:
чл.-корр. РАН, д.и.н. Л.А. Беляев, к.и.н. М.И. Гоняный
Редактор – И.Н. Ершов

*В оформлении обложки использована фотография начала XX в.
с видом на Молоховскую площадь (совр. пл. Победы) в Смоленске.
На форзаце – вечерний вид на полевой лагерь археологов у поселения Куликово-8
(Самбийский полуостров) летом 2010 г. (в центре – чум, действующая модель,
автор идеи – Н.А. Кренке)*

Д25 De mare ad mare. Археология и история : сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке /
Институт археологии РАН. – Смоленск : Свиток, 2017. – 368 с. : ил.

ISBN 978-5-9909339-8-9

В издании публикуются статьи по археологии, палеогеографии, палеоботанике и истории России. Книга предназначена археологам, историкам и специалистам естественно-научных дисциплин, студентам исторических специальностей и всем интересующимся прошлым своей страны.

УДК 902/903
ББК 63.4

The edition contains papers on archaeology, paleogeography, paleobotany and the history of Russia. The book is intended for archaeologists, historians and specialists on the natural sciences, historical studies and people interested in the past of their country.

Издание осуществлено при финансовой поддержке ЦАИ «Куликово Поле»

ISBN 978-5-9909339-8-9

© Авторы статей, 2017
© Оформление. «Свиток», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Макаров Н.А. Беляев Л.А. К 60-летию Николая Александровича Кренке</i>	7
Материалы к библиографии научных трудов Н.А. Кренке	10
Часть I. ПРИРОДА И АРХЕОЛОГИЯ	20
<i>Ершова Е.Г. Ключевые висячие болота Звенигородской биостанции МГУ и их информационное значение для археологических исследований</i>	20
<i>Леонтьев А.Е., Александровский А.Л. Городище Лазаревское</i>	31
<i>Сыроватко А.С., Панин А.В., Зарецкая Н.Е. Роль изменений водного режима р. Оки в формировании Щуровского археологического комплекса в последнем тысячелетии</i>	40
Часть II. АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ	51
<i>Бегунова В.В. Памятники железного века и средневековья Смоленщины в археологических исследованиях 1918–1929 гг.</i>	51
<i>Ершов И.Н. Н.Н. Мурзакевич о Смоленске, смоленских древностях и своем отце</i>	63
<i>Столярова Т.В. «Это в высшей степени симпатичное и культурное дело». История Смоленского отделения Московского археологического института (1910–1917 гг.)</i>	69
<i>Курмановский В.С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: предварительные результаты</i>	82
<i>Чернецов А.В. К изучению древнерусских амулетов</i>	106
Часть III. АРХЕОЛОГИЯ	119
<i>Беляев Л.А. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья</i>	119
<i>Олейников О.М., Гайдуков П.Г. Краткие итоги исследований в Смоленске в 2004 г. (Раскоп на улице Ленина, 15)</i>	137
<i>Лопатин Н.В. Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля</i>	149
<i>Столярова Е.К., Миненко В.В. Стекланные изделия из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска</i>	157
<i>Глазунова О.Н. Посуда с царского стола</i>	183
<i>Гоняный М.И., Аносов Д.В. Новые материалы об археологических памятниках в с. Беседы под Москвой</i>	194
<i>Елкина И.И. Текстиль из погребений собора Покрова на Рву (Москва)</i>	248
<i>Грибов Н.Н. Нижегородская керамика в свете московских аналогий (к вопросу об атрибуции нижегородских комплексов XV в.)</i>	256
<i>Исланова И.В. Археологический комплекс Казикино на р. Мсте</i>	275
<i>Кудрявцев А.А. Зооморфные замки из раскопок в Новгороде</i>	283
<i>Лазукин А.В. Археологический комплекс «Одинцовские курганы»</i>	290
<i>Обломский А.М. Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж</i>	312
<i>Лопатина О.А., Тавлицева Е.Ю. Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль</i>	345
<i>Буров В.А., Завьялов В.И. Металлографическое исследование гранаты XVII в. из Соловецкого монастыря</i>	362
Сведения об авторах	365
Список сокращений	368

CONTENTS

Part I. NATURE AND ARCHAEOLOGY	20
<i>Ekaterina G. Ershova</i> . Spring-fed fens of the Zvenigorodskaya biological station of Moscow state University and their information value for archaeological research.....	28
<i>Andrey E. Leont'ev, Alexandr L. Alexandrovskiy</i> . The hillfort of Lazarevskoye	35
<i>Alexandr S. Syrovatko, Andrey V. Panin, Natalya E. Zaretskaya</i> . The role of changes in the water regime of the Oka river in the formation of the Shchurovo archaeological complex in the last Millennium.....	45
Part II. ARCHAEOLOGY AND HISTORY	51
<i>Viktoria V. Begunova</i> . The place of the Iron Age and the Middle Ages sites of the Smolensk region in archaeological research of 1918–1929 years	60
<i>Ivan N. Ershov</i> . Nikolay N. Murzakevich's recollections about his father, the city and the antiquities of Smolensk	68
<i>Tatyana V. Stolyarova</i> . «This is extremely cute and a cultural thing». The history of the Smolensk branch of Moscow archaeological Institute (1910–1917 years).....	79
<i>Vladimir S. Kurmanovskiy</i> . Excavations at the settlement Glushitsa 1 in 2016: preliminary information	93
<i>Alexey V. Chernetzov</i> . A Contribution to Study of Medieval Russian Amulets.....	115
Part III. ARCHAEOLOGY	119
<i>Leonid A. Belyaev</i> . Studying the Funerary Vessels of the Late Medieval Period Russia: history and methods	129
<i>Oleg M. Oleinikov, Petr G. Gaidukov</i> . Excavations in Smolensk (Lenin street, 15) in 2004: preliminary information	142
<i>Nikolay V. Lopatin</i> . Some notes on the upper layer of hillfort Tushemlya	153
<i>Ekaterina K. Stolyarova, Vladimir W. Minenko</i> . Glassware from excavations in “Zadneprovsky Posad” in Smolensk.....	171
<i>Olga N. Glazunova</i> . Table-ware “from the Tsar's table”	188
<i>Mikhail I. Gonjany, Dmitry V. Anosov</i> . New materials on archaeological monuments in village Besedy near Moscow.....	211
<i>Irina I. Yelkina</i> Textiles from the graveyard of the Intercession “at the Moat” Cathedral (Moscow).....	253
<i>Nikolay N. Gribov</i> . The pottery of Nizhny Novgorod in the context of the Moscow analogues. To the chronological attribution of the Nizhny Novgorod ceramic complexes of the 15 th century.....	270
<i>Inna V. Islanova</i> . The archaeological complex of Casikino on the Msta river	279
<i>Andrey A. Kudryavtsev</i> . Zoomorphic padlocks from the excavations of Novgorod	288
<i>Alexandr V. Lazukin</i> . The archaeological complex «the burial mounds of Odintsovo»	310
<i>Andrey M. Oblomskiy</i> . Materials of the Early-Roman period on the settlement Yarock-9 in the upper reaches of the Voronezh River	324
<i>Olga A. Lopatina, Ekaterina Y. Tavlintseva</i> . Profiled «Textile» Ceramics from Rostislavl Hillfort	356
<i>Vladimir A. Burov, Vladimir I. Zavyalov</i> . Metallographic examination of the 17 th century grenade from the Solovetsky monastery	363
About the authors	366

К 60-летию Николая Александровича Кренке

24 июня 2017 года исполнилось 60 лет Николаю Александровичу Кренке, известному российскому археологу, специалисту по древностям раннего железного века и средневековья Центральной России – особенно Москвы, Подмосковья, Смоленска, а также весьма отдаленных территорий, таких как Приобье, Камчатка и Самбийский полуостров. За десятки лет интенсивной экспедиционной и кабинетной работы им изучены и введены в науку материалы многих десятков археологических памятников, опубликованы многочисленные книги и статьи (их сегодня уже более двухсот).

Н.А. Кренке получил известность и признание как ученый, ориентированный на расширение проблематики археологических исследований, на постановку и решение нестандартных научных задач и разработку новаторских, «неканонических» методов и приемов полевых изысканий. Его творческое лицо определяется сочетанием интереса к использованию методов естественных наук в археологии, установкой на получение максимально точных данных о хронологических позициях и палеоэкологических контекстах археологических древностей, и широким видением исторических явлений, стремлением максимально полно использовать материальные памятники для воссоздания индивидуального характера тех или иных событий или явлений прошлого, исторического своеобразия различных древних культур, с остатками которых имеет дело археолог. Хотя имя Н.А. Кренке тесно связано с изучением памятников железного века и средневековья в Московском регионе, главной темой его исследований можно считать культурные ландшафты Центра Европейской России и их трансформацию в изменяющихся природных условиях и под воздействием антропогенных факторов. Придя в археологию в конце 1970-х гг., Н.А. Кренке выступил инициатором многих новаций в исследовании памятников железного века и средневековья, которые сделали его тогда «возмутителем спокойствия», а сегодня воспринимаются как норма в полевых исследованиях и аналитике. Следуя общим веяниям мировой археологии 1970-х гг., Н.А. Кренке сделал главным предметом своего изучения не артефакты и вещевые древности в их чистом виде, а археологические материалы и экофакты, документирующие облик исторических ландшафтов, изменение палеосреды, пространственную картину расселения и хозяйственной деятельности на различных хронологических этапах. Он первым стал широко использовать радиоуглеродное датирование для определения хронологии памятников железного века и средневековья, первым идентифицировал горизонты средневековой распашки под культурным слоем древнерусских городов и курганов, первым предложил применить флотацию для сбора зерновых материалов в культурном слое городищ железного века. Новые данные, поначалу вызывавшие скептическое отношение коллег, постепенно обогатили историческую картину железного века и средневековья, раскрывая реальную динамику хозяйственного освоения ландшафтов, начальные этапы земледельческой практики, облик древних полей и временных поселений, перекрытых пойменными отложениями или почти полностью стертых распашкой на краях надпойменных террас.

Многие его исследования стали эталонными, а изученные памятники приобрели статус опорных для охваченных регионов и эпох. Среди них – знаменитое Дьяково городище; поселения и погребения фатьяновской культуры раннего бронзового века в Подмосковье; образцовые с точки зрения методики исследования средневековых городов объекты Романова двора в Москве.

Шурф, заложенный в студенческие годы на Дьяковом городище, положил начало новому этапу изучения дьяковской культуры и древностей железного века в, казалось бы, хорошо исследованном бассейне Москвы-реки. В результате этих работ, продолжавшихся более двух десятилетий, Н.А. Кренке разработал хронологию дьяковских памятников, ар-

гументированно определив время начала жизни на дьяковских городищах и их запустения, с исчерпывающей полнотой реконструировал сеть расселения железного века, основными элементами которой были гнезда поселений, включавшие городище и селища, по-новому раскрыл культурный облик дьяковцев, собрал обширный материал, характеризующий земледелие железного века, и убедительно показал, что земледельческое хозяйство было экономическим базисом дьяковской культуры в пору ее расцвета. Новое обращение к памятникам дьяковской культуры заставило пересмотреть традиционные представления о простоте и примитивности экономического базиса и общественного строя дьяковцев, показав, что древнерусская колонизация Москворечья имела глубокую и своеобразную «предысторию».

Раскопы Н.А. Кренке на Дьяковом городище в 1980-х гг. стали одной из точек живого обсуждения методических вопросов полевой археологии, поиска путей более полного сбора научных данных без массивного разрушения памятников вскрытием широких площадей. Так, неординарные подходы к организации полевых работ на Дьяковом городище, использование флотации и просеивания грунта для сбора мелких находок, позволили включить в круг инструментов археологии проработку отвалов, оставшихся после раскопок XIX – первой половины XX вв., где была собрана огромная коллекция бытовых вещей, орудий труда и украшений.

Интересы Н.А. Кренке в археологии чрезвычайно широки и в географическом, и в хронологическом диапазоне, его стихия – диахронное исследование региона, в которое оказываются втянутыми отложения буквально всех периодов, вплоть до самых поздних. Это не случайность и не всеядность: Николай Александрович видит систему отложений как единую, монолитную информационную массу, из которой нельзя произвольно выбирать хронологические зоны для исследования. Поэтому в его капитальных трудах по археологии парка Царицыно (Москва) находят место как древности II-I тыс. до н.э., так и граффити XX в. на колоннах усадьбы; в археологию Романова двора включается и поселение эпохи основания Москвы – и бытовой мусор эпохи Великой Отечественной войны; на таблицу с материалами знаменитого Дьякова он считает необходимым поместить и практически современные артефакты, обнаруженные при раскопках 1980-х гг. (солдатская пуговица 1930-х гг. вызвала настоящую бурю в редакции «Российской археологии», ее с трудом удалось отстоять). Именно Н.А. Кренке принадлежат и первые этно-археологические исследования в Москве – раскопки остатков усадеб раскулаченных крестьян в зоне музея-заповедника Коломенское. Этот подход, как и многие другие в биографии Николая Александровича, был совершенно непривычным и потребовал немалых усилий для признания за ним права на существование. В конечном итоге, эти труды стали одной из опор при создании нового направления – археологии Московской Руси и Российской Империи, и помог отодвинуть хронологическую границу археологии в начало XX в.

В целом, география публикаций ученого охватывает десятки городов и научных центров не только России – его работы знают, можно сказать, во всем мире, они публикуются в таких странах как Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Литва, Мексика, Польша, США, Финляндия, Франция.

Капитальные труды Н.А. Кренке (часто написанные в соавторстве с формируемым им же исследовательским коллективом) посвящаются подчас неожиданным, представляющим далекие территории и культурам: палеолитическим стоянкам Камчатки и средневековым поселениям на берегах Балтики; этно-археологии аборигенов Обдорского Севера и других малых народов России. Ему присуща исключительная любознательность, поистине гумбольдтовская страсть к научным путешествиям и этнографическим экспериментам (чего стоит один только северный чум, сшитый по всем правилам искусства для использования в экспедиционных условиях Подмосковья!).

Среди трудов Н.А. Кренке трудно выделить самые важные, но можно указать на осо-

бенно востребованные коллегами, занимающимися разведками и учетом археологических объектов на территории Москвы — это археологические карты, составленные (в соавторстве с С.З. Черновым) и опубликованные в трехтомнике «Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты». Любимое Подмоскovie буквально исхожено им вдоль и поперек, он лично осмотрел и проинспектировал здесь сотни археологических памятников, открыв десятки новых, дотоле неизвестных. Особенно поражают находки им новых городищ(!) дьяковской культуры — и это в зоне, давно и подробно, на протяжении многих десятилетий, изучавшейся предшественниками.

Несмотря на поистине всероссийский масштаб исследований и умение организовать сколь угодно широкие и трудные полевые работы, Николай Александрович — приверженец углубленного, кропотливого изучения археологических микрорегионов. Он видит здесь огромный потенциал для развития археологических методик. Великолепный образец открытия и исследования пойменных памятников археологии — многолетние работы на территории Звенигородской биостанции МГУ им. М.В. Ломоносова, где ежегодно открываются все новые и новые памятники археологии на участке размером всего 2×2 км! Несомненно, Н.А. Кренке — один из ученых, открывших, что археологически микрорегион просто неисчерпаем.

Отличительные черты научного стиля Николая Александровича — творческий подход, новаторство, стремление к изобретению новых приемов в полевой работе и аналитике. Ему не нужно стараться мыслить неординарно — это его врожденное качество (так же как природный, исключительно тонкий юмор), возможно, идущие, как и твердость характера, целеустремленность, от традиций замечательной семьи, в составе которой представители военной интеллигенции и ученые-естествоиспытатели¹. Он ценит эти качества и в других, умея выбрать для каждого из многих работающих с ним специалистов задачу на пределе возможностей, привлечь к совместной работе специалистов самых разнообразных (в том числе естественно-научных) направлений. Прирожденный лидер, по самому складу своего характера генератор идей, Н.А. Кренке, кажется, черпает силы и энергию из самой земли, из самых недр археологии. Не мудрено, что и ныне он столь же энергичен и жизнерадостен, как десятки лет назад. Пожелаем ему долгих лет жизни и неиссякающей активности в научном творчестве!

Директор Института археологии РАН,
академик Н.А. Макаров
Заведующий отделом археологии Московской Руси,
член-корреспондент РАН Л.А. Беляев

¹ Свообразная «семейная археология» Николая Александровича включает, например, издание фотографий, рисунков и текстов его деда, ботаника Николая Петровича Кренке (1892—1939), за период его участия в Первой мировой войне в качестве командира команды прожектористов.

Материалы к библиографии научных трудов Н.А. Кренке

1984

1. Кренке Н.А., 1984. Раскопки Дьякова городища и селища Чёртов городок // АО за 1982 г. М.: Наука. С. 63.
2. Кренке Н.А., 1984. Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА Вып. 178. М.: ИА АН СССР. С. 25–28.

1985

3. Кренке Н.А., 1985. Раскопки на территории музея-заповедника «Коломенское» // АО за 1983 г. М.: Наука. С. 63.
4. Гунова В.С., Кренке Н.А., 1985. Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестник МГУ. Сер. 5. География. № 1. М.: С. 57–62.

1986

5. Кренке Н.А., 1986. Раскопки Дьякова городища и селища Чёртов городок // АО за 1984 г. М.: Наука. С. 57.
6. Кренке Н.А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186. М.: ИА АН СССР. С. 90–95.

1987

7. Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Дисс. канд. ист. наук. М.
8. Кренке Н.А., 1987. Раскопки Дьякова городища и селищ в его окрестностях // АО за 1985 г. М.: Наука. С. 74–75.

1988

9. Кренке Н.А., 1988. Раскопки Дьякова городища и селищ в его окрестностях // АО за 1986 г. М.: Наука. С. 72.
10. Кренке Н.А., 1988. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. Вып. 194. М.: ИА АН СССР. С. 44–49.
11. Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 1988. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. Вып. 194. М.: ИА АН СССР. С. 39–44.
12. Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. № 3. М.: ИА АН СССР. С. 54–62.

1989

13. Кренке Н.А., 1989. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. № 2. М.: ИА АН СССР. С. 79–87.
14. Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 1989. Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // Геохронология четвертичного периода. Тезисы докладов Всесоюзного совещания / Под ред. О.А. Чичаговой, Я.-М.К. Пуннинга, Н.В. Кинда. М., 1992. С. 169–174.

1990

15. Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З., 1990. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем (археолого-почвоведческое исследование) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Теория, методика, практика. Вып. 1. М., 1990. С. 94–109.
16. Макаров Н.А., Кренке Н.А., Чернов С.З., 1990. Археология. Открытия или утраты? // Знание – сила. № 5. М. С. 10–15.

1991

17. Кренке Н.А., 1991. Новое в изучении археологии Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 1. Музей-заповедник «Коломенское». М. С. 27–33.
18. Кренке Н.А., 1991. Археологическая карта заповедника «Коломенское» // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. Музей-заповедник «Коломенское». М., 1991. С. 38–47.
19. Кренке Н.А., Цепкин Е.А., 1991. Рыболовство на Москве-реке с V в. н.э. по VII в. н.э. // СА. № 1. ИА АН СССР. С. 104–111.

1992

20. Кренке Н.А., 1992. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 3. Музей-заповедник «Коломенское». М. С. 7–15.

1993

21. Кренке Н.А., 1993. Изразцовые печи в селах Коломенское и Дьяково // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 3. Музей-заповедник «Коломенское». М. С. 131–137.

22. Александровский А.Л., Кренке Н.А., 1993. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмоскowie // КСИА. Вып. 208. М.: ИА РАН. С. 20–31.

23. Беляев Л.А., Кренке Н.А., 1993. Археологические исследования дворца Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. Музей-заповедник «Коломенское». М. С. 72–113.

24. Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А., 1993. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Известия РАН. Серия геогр. № 4. С. 60–75.

25. Бызова Е.Г., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Чернов С.З., 1993. Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН. С. 167–189.

1995

26. Кренке Н.А., 1995. Чертов городок – селище железного века в окрестностях Коломенского // РА. № 3. М.: ИА РАН. С. 165–179.

27. Кренке Н.А., 1995. Дьяковская культура: к характеристике одной научной абстракции // Апокалипсис в русской культуре. Макарьевские чтения. Вып. 3. Часть 1. Можайск. С. 98–101.

28. Кренке Н.А., 1995. Археологические памятники Подмоскowie в контексте культуры XV–XX вв. // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.: Наука. С. 250–255.

29. Кренке Н.А., 1995. Археологическая карта заповедника «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмоскowie. М.: Улисс. С. 90–121.

30. Кренке Н.А., 1995. Проблемы обеспечения сохранности археологических памятников заповедника «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмоскowie. М.: Улисс. С. 122–131.

31. Кренке Н.А., Низовцев В.А., 1995. История хозяйственного освоения лесных ландшафтов ГИЗЛ «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмоскowie. М.: Улисс. С. 37–43.

32. Кренке Н.А., Нефедова Е.С., 1995. Раскопки Дьякова городища 1935 г. // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 6. М. С. 3–35.

33. Кренке Н.А., Чернов С.З., 1995. Под мостовыми Красной площади // Природа. № 8. М. С. 80–87.

34. Кренке Н.А., Чернов С.З., 1995. Изучение Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города в Москве // Археологические открытия 1994 года. М. С. 112–113.

35. Кренке Н.А., Шполянский С.В., Янишевский Б.Е., 1995. Разведки в заповеднике «Коломенское», Битцевском лесопарке и Подушкинском лестничестве // АО за 1994 г. М.: Наука.

1996

36. Кренке Н.А., 1996. Археологические разведки по долине Москвы-реки, комплексные археолого-географические исследования в Москве и Подмоскowie // АО 1995 г. М.: ИА РАН. С. 154.

37. Кренке Н.А., 1996. Предыстория Москвы // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты (история, археология, культурная антропология и этнография). М.: Международный научный фонд. С. 244–252.

38. Кренке Н.А., 1996. D'yakovo hillfort (600 BC–700 AD) in Moscow methods of investigations // Time and environment – a PACT seminar. Helsinki. № 32. P. 109–120.

39. Кренке Н.А., 1996. От неолита до средневековья // Наука в России. № 6. М. С. 49–57.

40. Кренке Н.А., Низовцев В.А., 1996. География поселений дьяковской культуры (железный век) в бассейне Москва-реки // Человек в зеркале современной географии. Тезисы II научно-практической конференции. Смоленск. С. 87–89.

41. Алексеева Л.И., Калякин В.Н., Кренке Н.А., 1996. Археозоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмоскowie. Труды Музея истории Москвы. М. С. 24–44.

42. Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А., 1996. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. № 4. М.: ИА РАН. С. 93–120.

1997

43. Кренке Н.А., 1997. На заре истории Юго-Запада (глава 2) // История Юго-Запада Москвы. Учебное пособие. М.: Мосгорархив. С. 32–48.

44. Кренке Н.А., 1997. История Москвы с древнейших времен до наших дней в 3 тт. Т. 1. М.: Мосгорархив. (Раздел «Древности Московской земли»). С. 6–11.

45. Кренке Н.А., 1997. Археология о начале Москвы // Вестник РАН. Том 67. № 8. М. С. 700–706.

Перевод на английский: *Archaeology of the beginnings of Moscow* // *Herald of the Russian Academy of sciences*. Vol 67. № 4. July–August 1997. P. 263–268.

46. Кренке Н.А., 1997. Памятники предыстории Москвы // *Природа*. № 4. М. С. 33–44.

47. Кренке Н.А., 1997. Заповедник «Горки» на Пахре: археология в системе культурных ресурсов территории // *Археологический фактор в планировочной организации территории*. Российский НИИ культурного и природного наследия. М. С. 116–119.

48. Кренке Н.А., Лопатин Н.В., 1997. Петрографический анализ керамики городищ Дьяково и Тушемля // *РА*. № 1. М.: ИА РАН. С. 60–67.

49. Кренке Н.А., Низовцев В.А., 1997. Ландшафтный подход к реконструкции природопользования в Подмоскowie в железном веке // *Исторический источник: человек и пространство*. Тезисы научн. конф. М. С. 200–202.

50. Кренке Н.А., Низовцев В.А., 1997. Человек и ландшафт на территории Подмоскowie в железном веке // *История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона*. М.: Янус-К. С. 81–90.

51. Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., 1997. Почвы и культурный слой Москвы: строение, история развития, география // *Известия РАН. Серия географическая*. № 4. М.: РАН. С. 82–95.

52. Бойцов И.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Чернов С.З., 1997. Археологические карты Москвы // *Природа*. № 4. М. С. 26–31.

53. Кренке Н.А., Бойцов И.А., 1997. Раскопки во дворе Московского университета // *АО за 1996 г*. М.: ИА РАН. С. 130–131.

54. Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1997. Исследования в Московской области // *АО за 1996 г*. М.: ИА РАН. С. 132–133.

1998

55. Александровский А.Л., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е., 1998. Изучение вавлов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмоскowie // *Тверской археологический сборник*. Вып. 3. Тверь: Тверской государственный объединенный музей. С. 333–351.

56. Кренке Н.А., Александровский А.Л., Бойцов И.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К., 1998. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // *Естественно-научные методы в археологии*. Вып. 2. М. С. 3–13.

57. Alexandrovskiy A., Golyeva A., Gunova V., Krenke N. Ponds and Pools in the Landscape of medieval Moscow // *Second international meeting on phytolith research. Volume of abstracts*. Aix en Provence, Aug., 27–29, 1998. P. 55.

58. Alexandrovsky A., Krenke N., Johannes van der Plicht, Chichagova Olga, Sulerzhitsky Leopold, 1998. The early history of Moscow: C14 dates from Red Square // *Radiocarbon*, vol. 40. № 2. P. 583–589.

1999

59. Кренке Н.А., 1999. Археологическая карта Москвы: от каменного века до древнерусского времени // *История и культура древних и средневековых славян*. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М.: Эдиториал УРСС. С. 42–46.

60. Александровский А.Л., Кренке Н.А., Ван дер Плихт, Ковалюх Н.Н., Сулержицкий Л.Д., Чичагова О.А., 1999. Ранняя история Москвы по данным радиоуглеродных исследований почв и культурного слоя на Красной площади // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Вып. 3. Тверь. С. 114–122.

61. Кренке Н.А., Александровский А.Л., Александровская Е.И., Бойцов И.А., 1999. Технологические исследования почв и культурного слоя Москвы // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Вып. 3. Тверь: Тверской НИИАРЦ. С. 230–236.

2000

62. Кренке Н.А., 2000. История Юго-Востока Москвы. Учебное пособие. М.: Мосгорархив, 2000. С. 36–46.

63. Кренке Н.А., 2000. Сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // *Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?* М.: ИА РАН. С. 58–59.

64. Кренке Н.А., 2000. Наблюдение за памятниками железного века и древнерусского времени на территории Москвы за 200 лет // *Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр*. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия. С. 182–183.

65. Кренке Н.А., 2000. Нательные крестики из раскопок во дворе старого здания Московского университета // *РА*. № 1. М.: ИА РАН. С. 207–214.

66. Кренке Н.А., Александровская Е.И., Александровский А.Л., Глазунова О.Н., Янишевский Б.Е., 2000. Исследование городища Гальчино на р. Протве // АО за 1998 г. М.: Эдиториал УРСС. С. 114.

67. Кренке Н.А., Бойцов И.А., Фролов М.В., 2000. Раскопки на «Романовом дворе» в Москве // АО за 1998 г. М.: Эдиториал УРСС. С. 117.

68. Кренке Н.А., Чернов С.З., 2000. Воскресенские (Иверские) ворота по данным археологических раскопок 1988 и 1994 гг. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука. С. 138–166.

69. Александровская Е.И., Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А., 2000. Лес, луг, пашня, городская застройка по данным исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы Новгорода // Естественнонаучные методы в полевой археологии. М.: Вып. 3. С. 27–31.

70. Alexandrovskiy A., Alexandrovskaya E., Krenke N., J. van der Plicht, Sulerzhitsky L., 2000. Radiocarbon chronology as a basis for the reconstruction of the historical landscape of Moscow // Radiocarbon and Archaeology. № 1. SPb. P. 25–32.

71. Alexandrovskiy A., Glasko M., Sedov S., Folomeev B., Krenke N., Chichagova O., Kuznetsova E., 2000. Buried floodplain soils as evidences of the Holocene environmental changes in Eastern Europe // Geolines. Papers in Earth sciences. V. 11. Prague, 2000. P. 51–52.

2001

72. Кренке Н.А., 2001. Денежный двор. Археологические открытия на территории Московского Университета // Вестник РАН. Том 71. № 6. Июнь 2001. М. С. 514–523. Перевод на английский: The Mint: Archaeological Discoveries on the grounds of Moscow University. In. Herald of Russian Academy of Sciences. Vol 71. № 3. 2001. P. 255–263.

73. Мурашко О.А., Кренке Н.А., 2001. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М.: Наука. 155 с., илл.

74. Кренке Н.А., Александровский А.Л., Ладьяченко А.О., Петров В.В., Янишевский Б.Е. Разведки в пойме реки Москвы и московских лесопарках // АО за 2000 г. М.: Наука. С. 77.

75. Александровский А.Л., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е., 2001. Предварительные результаты изучения погребенных почв и археологических памятников в пойме р. Москвы // Звенигородская земля. История, археология, краеведение. Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. С. 99–116.

76. Alexandrovskiy A., Alexandrovskaya E., Krenke N., 2001. Woodland, Meadow, Field and Town Layout: the Evidence from Analyses of the Earliest Cultural Deposits and Buried Soil in Novgorod. // Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland. The British Museum Occasional Paper № 141. London. P. 15–21.

2002

77. Кренке Н.А., Колызин А.М., 2002. Раскопки селища Дубинкин лес 1 в Битцевском парке в Москве // АО за 2001 г. М.: Наука. С. 164.

78. Беляев Л.А., Кренке Н.А., Чернов С.З., 2002. Комплексные исследования в Андрониковом монастыре и исследования в районе храма Василия Блаженного // АО за 2001 г. М.: Наука. С. 102.

79. Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю., 2002. Литейные формы с Дьякова городища // РА. № 4. М.: ИА РАН. С. 90–110.

80. Александровская Е.И., Александровский А.Л., Кренке Н.А., Панова Т.Д., Ван дер Плихт Й., 2002. Экологическая ситуация в районе Московского Кремля в древности и в средние века // Известия РАН. Сер. Географическая. № 3. М. С. 79–86.

81. Беляев Л.А., Кашкин А.В., Кренке Н.А., Юшко А.А., Энгватова А.В., 2002. Памяти Кирилла Алексеевича Смирнова (1931–2001) // РА. № 2. М.: ИА РАН. С. 179–182.

2003

82. Кренке Н.А., 2003. Исследования в заповеднике «Царицыно» в Москве // АО за 2002 г. М.: Наука. С. 143.

83. Кренке Н.А., Глазунова А.Н., Глазунова О.Н., Жуковский М.О., Медведев П.В., Молошикова М.А., Нефёдов В.С., Фараджева Н.Н., Янишевский Б.Е. Раскопки на Романовом дворе в Москве // АО за 2002 г. М.: Наука. С. 144.

84. Кренке Н.А., 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.: Наука. С. 151–167.

85. Krenke N.A., Beliaev L.A., 2003. The Romanovs' Headquarters // Athena Review. Vol. 3. № 4. P. 64–78.

86. Коваль В.Ю., Кренке Н.А., 2003. Рецензия: А.М. Колызин. Торговля Древней Москвы (XII–середина XV в.). М., 2001 // РА. № 4. М.: ИА РАН. С. 159–162.

2004

87. Кренке Н.А., 2004. Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.:

ИА РАН. Наука. (Главы 5, 6, 7, 9, 10, 12; Приложения 1–3). С. 51–104, 111–115, 121–125, 189–227, 278–294, 299–379.

88. *Кренке Н.А.*, 2004. Дьяково городище: методы исследований (по материалам раскопок 1981–1987 гг.) // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В.В. Седова. М.: Наука. С. 172–192.

89. *Кренке Н.А., Александровский А.Л., Нефёдов В.С., Молошикова М.А., Спиридонова Е.А.*, 2004. Разведки и раскопки на территории заповедника Царицыно в Москве // АО за 2003 г. М.: Наука. С. 145–148.

90. *Кренке Н.А., Беляев Л.А.*, 2004. Раскопки в Зачатьевском монастыре в Москве // АО за 2003 г. М.: Наука. С. 149–151.

91. *Alexandrovskiy A., Krenke N.*, 2004. Stages of soil formation on floodplains in the Centre of the Russian plain // The geoarchaeology of river valleys. Budapest. P. 171–184.

92. *Alexandrovskiy A., Krenke N.*, 2004. Stages of soil formation on floodplains in the centre of the Russian Plain // The geoarchaeology of river valleys / H. Dobrzańska, E. Jerem, T. Kalicki (eds). (Archaeologia. Ser. Minor. 18). Budapest. P. 171–184.

93. *Alexandrovskiy A.L., Glasko M.P., Krenke N.A., Chichagova O.A.*, 2004. Buried soils of floodplains and paleoenvironmental changes in the Holocene // Revista Mexicana de Ciencias Geológicas, издательство Universidad Nacional Autonoma de Mexico (Mexico). T. 21. № 1. С. 9–17.

2005

94. *Кренке Н.А.*, 2005. Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 3. М.: ИА РАН. Наука. (Главы 3 и 4, Заключение). С. 293–337, 510–518.

95. *Кренке Н.А.*, 2005. Итоги раскопок на «Романовом дворе» в Москве // КСИА. Вып. 219. М.: ИА РАН. С. 166–194.

96. *Кренке Н.А., Александровский А.Л., Нефёдов В.С.*, 2005. Разведки и раскопки на территории музея-заповедника «Царицыно» // АО за 2004 г. М.: Наука. С. 158–162.

97. *Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С.*, 2005. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. № 1. ИА РАН. С. 112–123.

98. *Беляев Л.А., Кренке Н.А.*, 2005. Деревянный дворец конца XVII в. в Коломенском: опыт археологической локализации // РА. № 4. ИА РАН. С. 176–188.

2006

99. *Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д.*, 2005. Хронология городищ «дьякова типа» в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования // РА. № 2. М.: ИА РАН. С. 121–133.

100. *Krenke N.A.*, 2006. Ancient settlement near rotunda «Ceres Temple» in the park Tsaritsyno in Moscow // Arkeologian lumoa synkkyuteen. Yliopistopaino. Helsinki. P. 90–110.

2007

101. *Кренке Н.А., Александровский А.Л., Алексеев А.В., Лавенто М., Лазукин А.В., Леглер В.А.*, 2007. Разведки в долине Москвы-реки и ее притоков Вяземка и Сетунь // АО за 2005 г. М.: Наука. С. 165–166.

102. *Кренке Н.А., Беляев Л.А., Энгватова А.В., Еришов И.Н., Леонова Е.В., Медведев П.В., Нефёдов В.С., Потапов Н.Н., Русаков П.Е.*, 2007. Работы возле Большого дворца и в парке «Царицыно» // АО за 2005 г. М.: Наука. С. 167–169.

103. *Кренке Н.А., Лопатина О.А.*, 2007. Охранные работы на городище Боровский Курган в Московской области // АО за 2005 г. М.: Наука. С. 170–172.

104. *Кренке Н.А.*, 2007. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // РА. № 1. М.: ИА РАН. С. 64–78. Перевод: Krenke N. Formation of the Cultural Landscape in the Moscow River Basin from Bronze Age to Medieval Times // Anthropology and Archeology of Eurasia. Summer 2008. Vol. 47. № 1. P. 20–27.

105. *Кренке Н.А.*, 2007. Археологические работы А.В. Чайнова в долине Москвы-реки в 1928–1929 гг. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 23–40.

106. *Кренке Н.А.*, 2007. Селитебно-хозяйственный комплекс железного века вокруг городища Дунино // Саввинские чтения. Звенигород. Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. С. 280–282.

107. *Кренке Н.А.*, 2007. Дьяковская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 9. М.

108. *Александрова О.И., Кренке Н.А., Гоняный М.И., Еришов И.Н., Агеева К.Е.*, 2007. Разведки в Подольском и Домодедовском районах Московской области // АО за 2005 г. М.: ИА РАН. С. 4.

109. *Низовцев В.А., Марченко Н.А., Кренке Н.А., Онищенко М.В., Чернов С.З.*, 2008. Дунинский ландшафтно-археологический комплекс. Опыт создания паспорта памятника истории и культуры //

Экологические проблемы музеев-заповедников. Материалы Десятой Всероссийской научной конференции (Москва. 15–17 ноября 2005 г.). М. С. 147–173.

2008

110. *Кренке Н.А.*, 2008. Археология парка «Царицыно» М.: ИА РАН. (Автор-составитель и автор текстов: главы 3–6, 12, 14–17, Заключение). С. 7–11, 49–106, 161–167, 175–206.

111. *Кренке Н.А.*, 2008. Царицыно. Археология современности (Руководитель проекта и автор разделов 1, 4, 6, 7, 8). Музей «Царицыно» и ИА РАН. М.: Трэвел-Дизайн. 208 с.

112. *Кренке Н.А.*, 2008. Предыстория и история Москвы по материалам раскопок на Романовом дворе // Археологические открытия. Европейская Россия 1991–2004 гг. М.: ИА РАН. С. 453–463.

113. *Кренке Н.А.*, 2008. Начало исследований Дьякова городища // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 381–391.

114. *Кренке Н.А.*, 2008. Надворные печи-очаги XVI в. из раскопок на Романовом дворе в Москве // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Л.А. Беляева. М.: ИА РАН. С. 356–373.

115. *Кренке Н.А.*, 2008. Археолого-этнографическое исследование крестьянской усадьбы Квашниных в селе Дьяково // Сельская Русь в IX–XVI вв. М.: Наука. С. 380–391.

116. *Кренке Н.А., Бакунова Т.Н., Русаков П.Е., Александровский А.Л., Грибченко Ю.Н., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алёшинская А.С.*, 2008. Археолого-палеогеографические работы возле Борисовского пруда в Москве в 2006–2007-х гг. // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 181–194.

117. *Кренке Н.А., Курмановский В.С.*, 2008. Предметы вооружения XV–XVII вв. из раскопок Романова двора в Москве // РА. № 1. М.: ИА РАН. С. 104–112.

118. *Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В.*, 2008. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 320–339.

119. *Кренке Н.А., Лопатина О.А.*, 2008. Городище Боровский курган // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 367–392.

120. *Кренке Н.А., Румянцева О.С.*, 2008. Стекланные бусы Дьякова городища // РА. № 2. ИА РАН. С. 95–106.

121. *Кренке Н.А., Александрова О.И., Григорян С.Б., Заидов О.Н., Ершов И.Н., Козмирчук И.А.*, 2008. Раскопки селищ Благодать и Новокрасивое в Тульской области // АО за 2006 г. М.: ИА РАН. С. 158.

2009

122. *Кренке Н.А.*, 2009. Археология Романова двора (автор-составитель и автор текстов: введение; часть 1; часть 2, главы 1–5; часть 3, главы 1–3; часть 4, глава 1). М. С. 7–96, 101–119, 161–175.

123. *Кренке Н.А.*, 2009. Предыстория и история Москвы по материалам раскопок на Романовом дворе // Археологические открытия. Европейская Россия. 1991–2004 гг. М.: ИА РАН. Т. 4. С. 453–463.

124. *Кренке Н.А.* 2009. Начало исследований Дьякова городища // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 381–391.

125. *Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Ершов И.Н., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д.*, 2009. Исследование поселений бронзового века в бассейне Москвы-реки // АО за 2006 г. М.: Наука. С. 214–216.

126. *Кренке Н.А., Александрова О.И.*, 2009. Разведки на территории Москвы // АО за 2006 г. М.: Наука. С. 217.

127. *Кренке Н.А., Агеева К.Е., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В., Нефёдов В.С.*, 2009. Работы в парке Царицыно // АО за 2006 г. М.: Наука. С. 218–220.

128. *Бакунова Т.Н., Русаков П.Е., Кренке Н.А.*, 2009. Охранные исследования возле Борисовских прудов в Москве // АО за 2006 г. М.: ИА РАН. С. 130–132.

2010

129. *Кренке Н.А.*, 2010. Артефакты бронзового и раннего железного веков на территории Боровицкого холма и его окрестностей // Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М.: Голден би. С. 47–55.

130. *Кренке Н.А., Лазукин А.В., Ёлкина И.И., Ершов И.Н., Леонова Е.В., Чернов С.З.*, 2010. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 34–50.

131. *Александрова О.И., Кренке Н.А., Гоняный М.И., Ершов И.Н., Агеева К.Е.*, 2010. Разведки в Подольском и Домодедовском районах Московской области // АО за 2008 г. М.: Наука. С. 78.

132. *Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С.*, 2010. Исследования почв и отложений

под культурным слоем земляного городища Старой Ладogi // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Под ред. Носова Е.Н., Белецкого С.В. Изд.-во Ломоносовъ. С. 43–61.

133. *Беляев Л.А., Кренке Н.А., Шуляев С.Г.*, 2010. Докремлевская Москва: новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ X/XI–XIV вв. // РА. № 1. М.: ИА РАН. С. 104–116.

134. *Коваль В.Ю., Панова Т.Д., Осипов Д.О., Энгватова А.В., Беляев Л.А., Кренке Н.А., Олейников О.М.*, 2010. Раскопки в Тайницком саду Московского Кремля // АО за 2007 г. М.: Наука. С. 133–136.

2011

135. *Кренке Н.А.*, 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 548 с., илл.

136. *Кренке Н.А.*, 2011. Древнерусская керамика московского региона: классификация, хронология // Археология и истории Пскова и Псковской земли. Материалы 56-го заседания семинара имени акад. В.В. Седова. Москва–Псков. С. 273–280.

137. *Кренке Н.А.*, 2011. Предыстория Москвы: от эпохи бронзы к средневековью // Труды XVIII (III) Археологического съезда в Суздале. Т. 4. М.: ИА РАН. С. 74–77.

138. *Кренке Н.А., Еришов И.Н., Кудрявцев А.А., Лазукин А.В.*, 2011. Раскопки усадьбы XVI века на месте дачи П.С. Полуденского в Кузьминках // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 313–323.

139. *Кренке Н.А., Еришов И.Н., Заидов О.Н., Казмирчук И.А.*, 2011. Раскопки селищ 2-й четв. I тыс. н.э. Благодать и Ново-Красивое на р. Красивая Меча // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и великого переселения народов. Тула, 2011. С. 138–153.

140. *Кренке Н.А., Александровский А.Л., Лазукин А.В., Спиридонова Е.А.*, 2011. Земледельцы и скотоводы бронзового и железного веков на берегах Москвы-реки: новые открытия // Вестник РГНФ. № 3(64). М. С. 147–158.

141. *Кренке Н.А., Лазукин А.В., Тавлицева Е.Ю.*, 2011. Клад украшений с городища Дютьково // РА. № 1. М.: ИА РАН. С. 134–148.

142. *Кренке Н.А., Леонова Е.В., Мелекесцев И.В., Певзнер М.М.*, 2011. Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка // РА. № 3. ИА РАН. С. 14–24.

143. *Кренке Н.А., Александрова О.И., Григорян С.Б., Заидов О.Н., Еришов И.Н., Козмирчук И.А.*, 2011. Раскопки селищ Благодать и Новокрасивое в Тульской области // АО за 2008 г. М.: Наука. С. 158.

144. *Кренке Н.А., Лазукин А.В., Александрова О.И., Добровольская М.В., Ёлкина И.И., Еришов И.Н., Леонова Е.В.*, 2011. Исследования памятников эпохи финальной бронзы — раннего железного века в округе Звенигорода // АО за 2008 г. М.: Наука. С. 159–162.

145. *Беляев Л.А., Кренке Н.А., Нефёдов В.С.*, 2011. Работы на территории парка «Царицыно» и Ново-Алексеевского монастыря в Москве // АО за 2008 г. М.: Наука. С. 100.

2012

146. *Кренке Н.А., Александровский А.Л., Войцик А.А., Елкина И.И., Еришов И.Н., Еришова Е.Г., Лазукин А.В., Мазуркевич А.Н., Панин А.В., Кудрявцев А.А., Лавриков М.В., Воронкин В.А.*, 2012. Новые исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки на Москве-реке // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 16–34.

147. *Кренке Н.А., Чаукин С.Н.*, 2012. История исследования городища Кругица в 1956 и 1957 гг. // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 78–85.

148. *Нефёдов В.С., Кренке Н.А.*, 2012. Древнерусское селище Царицыно 2 // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 137–154.

149. *Александровский А.Л., Кренке Н.А., Леонтьев А.Е., Долгих А.В.*, 2012. Ранняя история почв и ландшафтов древнейших русских городов // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной научной конференции. М.: ИА РАН. С. 7.

150. *Krenke Nikolai A.*, 2012. The Moskva River Basin in the Iron Age—Migration Period // *Archaeologia Baltica*. Vol. 17. Klaipeda. Klaipeda University Press. P. 91–99.

151. *Александровский А.Л., Еришова Е.Г., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А.*, 2012. Floodplain geoarchaeology // *Geomorphic Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism*. International conference held in Moscow—Smolensk, Russia, August 20–24, 2012. Extended abstracts. Moscow—Smolensk: «Universum». С. 17–20.

2013

152. *Кренке Н.А., Гайдуков М.П., Кудрявцев А.А., Лавриков М.В., Лазукин А.В., Медведев С.П.*, 2013. Археологические исследования в усадьбе Кусково // Русская усадьба. Т. 18. М.: Коло. С. 71–85.

153. Кренке Н.А., Ершов И.Н., Войцик А.А., Заидов О.Н., Курмановский В.С., Медведева А.А., Певзнер М.М., Раева В.А., Сердюк Н.В., Спиридонова Е.А., 2013. Поселения пруссов на севере Самбийского полуострова в районе п. Куликово (Strobjehnen) // Археология Балтийского региона. ИА РАН. М.: Нестор-История. С. 153–169.
154. Кренке Н.А., Ершов И.Н., Лазукин А.В., Войцик А.А., Раева В.А., Рожанская Н.И., 2013. Поселенческие объекты круга культур шнуrowой керамики в долине Москвы-реки // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 14–29.
155. Кренке Н.А., Тавлицева Е.Ю., Чаукин С.Н., 2013. «Клад» бронзовых украшений I–II вв. н.э. с городища Круглица // Оки связующая нить. Ступино: Ступинский историко-краеведческий музей. С. 55–64.
156. Кренке Н.А., Чаукин С.Н., 2013. Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке // РА. № 1. М.: ИА РАН. С. 106–118.
157. Кренке Н.А., Лазукин А.В., Ершов И.Н., Заидов О.Н., Черная М.П., Володина В.С., 2013. Исследования в окрестностях Звенигорода // АО за 2009 г. М.: Наука. С. 105–107.
158. Александровский А.Л., Кренке Н.А., Александровская Е.И., Долгих А.В., 2013. Ранняя история почв и ландшафтов древнейших русских городов // Известия РАН. Серия географическая. № 2. РАН. М. С. 91–103.
160. Беляев Л.А., Кренке Н.А., Лазукин А.В., Олейников О.М., Хворостова Е.Л., Чернов С.З., 2013. Работы в усадьбах Кусково и Кузьминки в Москве // АО за 2009. М.: Наука. С. 82–83.
161. Панин А.В., Кренке Н.А., Лазукин А.В., Чаукин С.Н., 2013. Археолого-геоморфологическое изучение поймы Москвы-реки в районе Дьякова городища в Коломенском // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 231–239.
162. Nikolay Krenke, Ivan Erschov, Ekaterine Erschova, Alexander Lazukin. 2013. Corded ware, Fatjanovo and Abashevo culture sites on the flood-plain of the Moskva River // Sprawozdania Archeologiczne. № 65. Krakow: Instytut archeologii i etnologii Polskiej Akademii nauk. P. 413–424.
163. Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A., 2013. Palaeosols, palaeovegetation and Neolithic occupation of the Moskva-River floodplain // Quaternary International. T. 324. С. 134–145.
164. Alexandrovskiy A.L., Ershova E.G., Krenke N.A., 2013. The evolution of the Landscapes of the Moskva-River in the Holocene: pedology and palinological records // Book of Abstracts of the International Soil Science Conference «Soils in Space and Times». University of Ulm. Germany. С. 208–209.
- 2014**
165. Кренке Н.А., 2014. Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 29–35.
166. Кренке Н.А., 2014. Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации // РА. № 3. М.: ИА РАН. С. 39–49.
167. Кренке Н.А., 2014. Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА. № 4. М.: ИА РАН. С. 5–18.
168. Кренке Н.А., Александровский А.Л., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Лазукин А.В., 2014. Памятники шнуrowого и «постшнуrowого» горизонтов бронзового века на Москве-реке // КСИА. Вып. 231. М.: ИА РАН. С. 208–223.
169. Кренке Н.А., Ершов И.Н., Войцик А.А., Раева В.А., 2014. Исследования селища Замятино // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Тверь. С.
170. Кренке Н.А., Ершова Е.Г., Александровский А.Л., 2014. Природные и антропогенные ландшафты в долине Москвы-реки по материалам комплексного исследования 1-й Звенигородской неолитической стоянки // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 99–115.
171. Кренке А.Н., Кренке Н.А., 2014. Археологическая карта курганов XI–XIII вв. в бассейне Москвы-реки: подходы к выявлению локальных структур и центра поселенческой системы // КСИА. Вып. 232. М.: ИА РАН. С. 64–73.
172. Кренке А.Н., Кренке Н.А., 2014. О славянской колонизации Подмоскoвья: взгляд через призму археологических и географических данных // Природа. № 6. С. 48–52.
173. Ершов И.Н., Александровский А.Л., Ершова Е.Г., Кренке Н.А., Панин А.В., 2014. Пойма реки Истра у Ново-Иерусалимского монастыря: природно-археологический аспект исследования // Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 217–235.
174. Ершова Е.Г., Кренке Н.А., 2014. Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки методами палинологии и археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (26). Тюмень. С. 159–172.

175. *Ершова Е.Г., Кренке Н.А.*, 2014. Археолого-палинологические исследования в долине Москвы-реки (Звенигородская биостанция МГУ) // Методы палеоэкологических исследований. Тезисы докладов палинологической школы-конференции с международным участием. М.: МГУ. С. 27.

176. *Alexandrovskiy A.L., Ershova E.G., Krenke N.A.*, 2014. Palaeoecology of the Moskva-river floodplain: soil, pollen and archaeological records // Вестник РУДН. Сер. Экология и безопасность жизнедеятельности. С. 62–76.

177. *Alexandrovskiy A.L., Ershova E.G., Krenke N.A.*, 2014. Soil and pollen records in soil-alluvial series of the Moskva-river floodplain // THE QUATERNARY OF THE URALS: global trends and Pan-European Quaternary records. International conference INQUA–SEQS 2014. Ekaterinburg: UrFU. С. 7–9.

178. *Alexandrovskiy A.L., Ershova E.G., Krenke N.A.*, 2014. Buried Soils in Floodplain of Oka and Moscow-River and Holocene paleoenvironment // XIII International Symposium and Field Workshop on Paleopedology “Paleopedological record of postglacial soil and landscape evolution. Nicolaus Copernicus University. Toruń (Poland). С. 26–26.

179. *Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A.*, 2014. Palaeosols, palaeovegetation and Neolithic occupation of the Moskva River floodplain // Quaternary International. Т. 324. С. 134–145.

2015

180. *Кренке Н.А., Войцик А.А., Лавриков М.В., Лазукин А.В., Раева В.А.*, 2015. Могильник фатьяновской культуры Луцино-Газовик // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 89–97.

181. *Кренке Н. А., Александровский А. А., Войцик А. А., Ершова Е. Г., Еришов И. Н., Кудрявцев А.А., Лавриков М.В., Лазукин А.В., Панин А.В., Раева В.А., Трусов А.В., Чаукин С.Н.*, 2015. Работы Звенигородской экспедиции ИА РАН в 2010–2013 гг. по изучению памятников неолита и бронзового века в долине Москвы-реки // АО за 2010–2013 гг. М.: Наука. С. 202–205.

182. *Еришов И.Н., Кренке Н.А., Кулькова М.А., Олейников О.М., Сыроватко Н.А.*, 2015. К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. ИА РАН. М.: Вологда. С. 78–85.

183. *Модин И.Н., Баранчук К.И., Искаков К.Т., Кренке Н.А., Мирзаликызы Т.М., Хабдулина М.К.*, 2015. Геофизические исследования курганов и межкурганного пространства при инженерных изысканиях для строительства // Инженерные изыскания. № 12. М.: Геомаркетинг. С. 34–39.

2016

184. *Кренке Н.А.*, 2016. Позднеледниковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Выпуск 17. М.: ИА РАН. С. 261–332.

185. *Кренке Н.А., Еришов И.Н., Аникин И.С., Войцик А.А., Муценцева Т.Ю., Раева В.А., Лавриков М.В., Столярова Т.В.*, 2016. Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. Вып. 240. М.: ИА РАН. С. 141–149, цв. вклейки.

186. *Кренке Н.А., Еришов И.Н., Муценцева Т.Ю., Хаврин С.В.*, 2016. Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске // КСИА. Вып. 245. М.: ИА РАН. С. 244–266.

187. *Кренке Н.А., Пушкина Т.А.*, 2016. Предисловие // Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска. ИА РАН. Смоленск.: Свиток. С. 7–9.

188. *Александровский А.Л., Ершова Е.Г., Кренке Н.А., Ковалева Н.О., Пономаренко Е.В., Тютерева О.И.*, 2016. Эволюция почв долины Москвы-реки в позднеледниковье и голоцене // Почвоведение – продовольственной и экологической безопасности страны: тезисы докладов VII съезда Общества почвоведов им. В.В. Докучаева и Всероссийской с международным участием научной конференции (Белгород, 15–22 августа 2016 г.). Часть II, серия II. Белгород: Издательский дом «Белгород». Том 2. Тезисы. С. 170–171.

189. *Александровский А.Л., Ершова Е.Г., Пономаренко Е.В., Кренке Н.А.*, 2016. Изменения ландшафтов в днище речных долин в голоцене: почвенные и палеоботанические данные // Пути эволюционной географии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А. Величко (Москва, 23–25 ноября 2016 г.). М.: Издательство Института географии РАН. Т. 1. С. 400–404.

190. *Еришов И.Н., Кренке Н.А., Муценцева Т.Ю., Олейников О.М., Раева В.А.*, 2016. Источниковая база по археологии Смоленска VIII–XIII вв. // РА. № 1. М.: ИА РАН. С. 64–80.

191. *Ершова Е.Г., Кренке Н.А.*, 2016. The environment of the Sambia hillforts according to the pollen studies // 22nd Annual Meeting of EAA. 31st August–4th September 2016. Vilnius. Saulius Jokuzys Publishing-Printing House Klaipėda. С. 405.

192. *Пономаренко Е.В., Ершова Е.Г., Александровский А.Л., Бронникова М.А., Кренке Н.А.*, 2016.

Природные и антропогенные изменения экосистем поймы Москвы-реки в позднеледниковье-среднем голоцене // Материалы IV Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Динамика современных экосистем в голоцене» / Отв. ред. С.Н. Удальцов. Товарищество научных изданий КМК. М. С. 187–189.

193. Пономаренко Е.В., Александровский А.Л., Бронникова М.А., Кренке Н.А., 2016. Природные и антропогенные изменения экосистем поймы Москвы-реки в позднеледниковье-среднем голоцене // Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием «Некрасовские чтения» (памяти д.и.н., проф. Ю.К. Некрасова). Вологда. С. 187–188.

194. Alexandrovskiy A.L., Ershova E.G., Krenke N.A., 2016. Buried Late-Holocene Luvisols of the Oka and Moskva-River Floodplains and their Anthropogenic Evolution according to Soil and Pollen Data // Quaternary International, 418. С. 37–48.

195. Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A., Korkishko D.V., 2016. New pollen data from paleosols in the Moskva-River floodplain (Nikolina Gora): Natural and anthropogenic environmental changes during the Holocene // Quaternary International, 420. С. 294–305.

196. Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A., 2016. Evolution of landscapes of the Moskva-River floodplain in the Atlantic and Subboreal: pedological and palynological records // Catena, 137. С. 611–621.

2017

197. Ершова Е.Г., Кренке Н.А., 2017. Археолого-палинологические исследования на Соборной горе в Смоленске // РА. ИА РАН. № 1. С. 87–95.

Ершова Е.Г.

Ключевые висячие болота Звенигородской биостанции МГУ и их информационное значение для археологических исследований

Аннотация. На террасных склонах Москвы-реки в районе Звенигородской биостанции МГУ, рядом с выходами грунтовых вод распространены маленькие ключевые висячие болота. Спорово-пыльцевой анализ нескольких таких болот, дополненный ботаническим и почвенными анализами, позволил детально проследить динамику растительности береговых склонов, связанную с хозяйственным освоением долины Москвы-реки за последние 4000 лет.

Ключевые слова: спорово-пыльцевой анализ, история растительности, ландшафтная археология.

Ключевые болота (spring-fed fens) – уникальные природные экосистемы, в которых накопление органогенных отложений происходит благодаря постоянному увлажнению грунтовыми водами, богатыми карбонатами кальция и другими солями. Они встречаются в умеренной зоне Северной Америки, Европы и Азии в разнообразных ландшафтах и климатических условиях. В Европе они распространены в основном в горах и предгорьях, реже – на ледниковых равнинах. Ключевые болота могут сильно различаться по составу растительности, гидрологическому режиму и специфике процессов торфонакопления и поэтому являются объектом интереса исследователей разных направлений – ботаников, гидрологов, геохимиков, геоморфологов¹.

Несмотря на растущий интерес к ключевым болотам как экосистемам, их палеоэкологический потенциал мало исследован. Общеизвестно, что карбонатный торф ключевых болот плохо сохраняет пыльцу. При этом главной причиной разрушения пыльцы является не столько наличие карбонатов кальция и щелочная среда, сколько характерная для ключевых болот сильная изменчивость уровня грунтовых вод, зависящая от сезона, погодных условий и глубины залегания водоупора. При периодическом поверхностном иссушении торфа активизируется аэробное разложение органики, из-за чего часть пыльцевых оболочек истончается, что затрудняет идентификацию, а часть разрушается, частично или полностью. В результате концентрация пыльцы в таких торфах оказывается намного ниже, чем в олиготрофных, определение и подсчет требуют гораздо больше усилий, а полученные пыльцевые спектры обеднены и искажены за счет выпадения наименее устойчивых форм². По тем

¹Grootjans A.P., Adema E.B., Bleuten W., Joosten H., Madaras M., Janáková M. Hydrological landscape settings of base-rich fen mires and fen meadows: an overview. *Applied Vegetation Science*. 2006. 9(2):175–184.

²Pidek I.A., Noryskiewicz B., Dobrowolski R., Osadowski Z. Indicative value of pollen analysis of spring-fed fens deposits // *Ekológia (Bratislava)*, 2012, Vol. 31. № 4. P. 405–433.

же причинам, из-за высокой степени разложения органики, затруднен и ботанический анализ торфа. Тем не менее, имеются некоторые, в той или иной степени успешные, примеры палеоэкологических реконструкций на основе использования палинологического и ботанического анализов карбонатных ключевых торфяников¹.

Ключевые болота в долине Москвы-реки

В Московской области болота ключевого типа, или «кальцетрофные», встречаются в Заболотской низине, в долинах рек Истры, Яхромы, Москвы. В пойме Москвы-реки они часто отличаются большой площадью, древностью торфяной залежи и своеобразием флоры, включающей редкие реликтовые виды; примером такого болота является Аксиньинское болото около поселка Николина гора².

Одной из разновидностей ключевых болот являются так называемые «висячие болота», которые образуются на крутых, обычно оползневых, склонах в местах выхода сильно минерализованных грунтовых вод. В отличие от плоских пойменных болот, висячие болота никогда не бывают большими по площади и могут иметь разный возраст и разную глубину торфяного слоя.

В долине Москвы-реки, в верхнем и среднем ее течении, на крутых береговых и овражных склонах или у их подножия многочисленны выходы грунтовых вод, проходящих через известняки среднекаменноугольного возраста, и вследствие этого, относительно богатых карбонатами кальция; рядом с ними часто имеются небольшие торфяники разной глубины. На территории Звенигородской биологической станции МГУ (Московская область, Одинцовский район) таких маленьких склоновых торфяников насчитывается более десятка. Они расположены на оползневых террасах правого коренного берега Москвы-реки под поселками Верхние дачи и Академические дачи (1 квадрат) и на склонах некоторых оврагов, впадающих в Москву-реку западнее Нижних дач, в том числе Вальцевского оврага (2 квадрат) (рис. 1). Несмотря на многолетние работы по изучению растительности и почв биостанции, эти торфяники до недавнего времени не привлекали особого внимания ни ботаников, ни палеоэкологов, возможно, из-за их крайне небольших размеров³.

Впервые на эти маленькие склоновые болота как на потенциальные источники палеоэкологической информации обратил внимание Н.А. Кренке в 2011 году во время археологических разведок на территории биостанции. Тогда им были обнаружены слои карбонатных торфов рядом с ключом, известным под названием «Чеховский грот», и под дачей акад. Андреева («Андреевский родник»). Впоследствии им же были найдены еще несколько подобных торфяников, для некоторых из них были получены радиоуглеродные даты (табл. 1) и отобраны колонки на спорово-пыльцевой анализ. Кроме того, во время летней геоботанической практики 2012 года они стали объектом студенческих геоботанических и почвенных исследований.

Исследования показали, что все висячие болота имеют сходные характеристики и про-

¹Artyushenko A.T., Voropay L.I., Kunitsa N.A., Levitski V.I., 1979. Results of spore and pollen, malocofaunistic and lithologic studies of Holocene deposits of the Dniester river floodplain // Украинський ботаничний журнал. Т. XXXV. № 4. 1979. С. 316–322; Dobrowolski R., Pidek I.A., Alexandrowicz W.P., Hałas S., Pazdur A., Piotrowska N., Buczek A., Urban D., Melke J. Interdisciplinary studies of spring mire deposits from Radzików (South Podlasie lowland, East Poland) and their significance for palaeoenvironmental reconstructions // Geochronometria, 2012. № 39(1). С. 10–29.

²Игнатов М.С. Заметки об экологии и распространении некоторых редких видов растений в Московской области // Бюлл. Главн. бот. сада. М., 1984. Т. 131. С. 86–89; Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A. Evolution of landscapes of the Moskva River floodplain in the Atlantic and Subboreal: Pedological and palynological records // Catena, 2016. Т. 137. С. 611–621.

³Березина Н.А., Гольева А.А., Кривохарченко И.С. К вопросу об истории растительности Звенигородской биостанции МГУ // Труды ЗБС. М., 2001. Т. 3. С. 38–60.

Табл. 1. Радиоуглеродные даты высячих болот ЗБС*

Лаб. номер	Археологический контекст	материал	глубина	14С Датировка	Калиброванный возраст, вероятность 95 %
ГИН-14635	«Андреевский родник», основание торфяной залежи	торф	135-140 см	4670±40	3627–3363 BC
ГИН-14745	«Андреевский родник»	торф	23-28 см	150±40	1666–... AD
ГИН-14746	«Андреевский родник»	торф	40-45 см	450±30	1415–1479 AD
ГИН-14828	Высячее болото на I террасе под Академическими дачами	торф	25-30 см	250±50	1483–... AD
ГИН-14829	Высячее болото на I террасе под Академическими дачами	торф	30-35 см	650±40	1277–1399 AD
ГИН-14738	«Чеховский грот»	древесина	30 см	150±30	1667–... AD
ГИН-14737	«Чеховский грот»	торф	30-40 см	300±30	1489–1654 AD

* Калибровка радиоуглеродных дат произведена в программе OxCal 4.3.

исхождение. Все они расположены на оползневых террасах шириной от 5 до 30 метров с присклонным чашеобразным понижением, из которого вытекает ручей. Выходы грунтовых вод расположены на крутых склонах (от 15 до 30 градусов) или бьют со дна оползневой террасы. Чашеобразные понижения заняты сообществами травянистых многолетников, среди которых преобладают виды богатых и влажных местообитаний (рис. 2). В отличие от пойменных ключевых болот, растительность обводненных понижений не отличается каким-либо богатством и своеобразием, по-видимому, из-за небольших размеров. Однако вокруг наиболее древних высячих болот, расположенных на 4-й надпойменной террасе под Академическими дачами, был обнаружен целый ряд растений, в настоящее время редких или даже уникальных для Биостанции. Это, прежде всего, вяз гладкий (*Ulmus glabra*), а также ясменник душистый (*Asperula odorata*), купена многоцветковая (*Polygonatum multiflorum*), колокольчик широколистный (*Campanula latifolia*), страусник обыкновенный (*Matteuccia struthiopteris*) и др. Все они, очевидно, являются реликтами широколиственных лесов, в прошлом широко распространенных на склонах и верхних террасах Москвы-реки¹.

Органогенный слой высячих болот имеет мощность от 15 см до 150 см, представлен темными карбонатными торфами, как правило, высокой степени разложения (от 20 до 60 %) или перегноем (гумусированным торфом) (рис. 2). Торф имеет слабощелочную реакцию (pH 7.7–8), в отличие от рядом расположенных кислых дерново-подзолистых почв (pH 3.8–6). Ботанический анализ торфа (там, где он был возможен) показал, что все торфяники в прошлом проходили стадии с участием водных и болотных видов (кубышка, пузырчатка, хвощ приречный, тростник, осоки, сабельник болотный, вахта трехлистная, черная ольха, гипновые мхи)².

Возраст изученных болот колеблется от 4800 до нескольких десятков лет.

¹Алексеев Ю.Е., Жмылев П.Ю., Карпухина Е.А. Флора сосудистых растений Звенигородской биостанции Московского университета и ее окрестностей // Руководство по летней учебной практике для студентов биологов на Звенигородской биологической станции им. С.Н. Скадовского. М., 2011. С. 157–229.

²Определения Л.И. Абрамовой и М. Метелевой.

Предположительно, образование висячих болот связано с постоянно идущими процессами эрозии легких песчаных и супесчаных почв береговых склонов Москвы-реки, обнажением новых выходов минерализованных грунтовых вод и образованием оползневых террас. Резко активизировавшиеся процессы эрозии в результате сведения лесов и распашки в последние несколько столетий увеличили и число молодых склоновых торфяников.

Спорово-пыльцевой анализ висячих болот и археология

Традиционными объектами палеоэкологических исследований являются водоемы и водораздельные верховые болота. Хорошая сохранность пыльцы и четкая стратиграфия отложений позволяют получить четкую картину климатически обусловленных и антропогенных смен растительности на уровне региона. Однако в таких реконструкциях теряются нюансы, связанные с локальными изменениями на ограниченных территориях, важных с точки зрения археологии. Например, в бассейне Москвы-реки в течение многих тысячелетий заселение и освоение шло, в основном, на нижних уровнях долины; только в пределах территории Биостанции найдено более десятка памятников разных эпох — от мезолита до средневековья, большинство из них находится в пойме или на нижних террасах¹. Растительный покров поймы и террасных склонов Москвы-реки в значительной степени отличаются от водораздельных, это обусловлено как особенностями рельефа и подстилающих пород, так и длительной хозяйственной историей. Эти локальные особенности можно уловить, только изучая отложения, улавливающие преимущественно локальную пыльцу и расположенные в непосредственной близости от интересующих нас археологических объектов. Висячие болота, или микроторфяники на склонах — один из вариантов таких отложений; в отличие от погребенных почв и культурных слоев, они имеют четкую стратификацию, удобны для радиоуглеродного датирования и в той или иной степени сохраняют органику, что дает возможность для проведения разных палеоэкологических анализов (ботанический, спорово-пыльцевой, диатомовый, изотопный и т.п.).

Как уже указывалось выше, спорово-пыльцевой анализ ключевых карбонатных торфов имеет ряд особенностей. Во-первых, лабораторная обработка торфа должна включать в себя помимо обычных (кипячение в КОН и ацетолиз по Эрдману) дополнительные стадии — обработку HCl для удаления карбонатов и обработку HF при загрязнении торфа минеральными частицами. Во-вторых, из-за низкой концентрации и сложности идентификации поврежденных пыльцевых зерен, подсчет даже до 150 зерен на образец часто требует очень много времени и усилий. В некоторых случаях в образцах из гумусированного торфа трудно найти даже 100 определенных пыльцевых зерен, и получение непрерывной пыльцевой диаграммы из-за этого оказывается невозможным. Поскольку в торфяных колонках с очень низкой концентрацией пыльцы спорово-пыльцевые спектры должны быть сильно обеднены за счет избирательного разложения некоторых малостойчивых форм, это необходимо учитывать при интерпретации полученных данных.

По нашим наблюдениям, в сильно гумусированном торфе обычно недопредставлена пыльца березы, ольхи, дуба, клена, орешника, крапивы, в то время как пыльца культур-

¹Кренке Н.А. Отчет об археологических разведках на территории Звенигородской биостанции в 2011 г. // Архив ИА РАН. М., 2012; Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / ИА РАН. М., 2014; Кренке Н.А., Александровский А.А., Войцик А.А., Ершова Е.Г., Ершов И.Н., Кудрявцев А.А., Лавриков М.В., Лазукин А.В., Панин А.В., Раева В.А., Трусков А.В., Чаукин С.Н. Работы Звенигородской экспедиции ИА РАН в 2010–2013 гг. по изучению памятников неолита и бронзового века в долине Москвы-реки // Археологические открытия 2010–2013, сер. Археологические открытия. М.: ИА РАН, 2015. С. 202–205.

ных злаков, липы, вяза, хвойных, сложноцветных, а также споры папоротников и плаунов дольше сохраняют детали, важные для идентификации (рис. 2). В связи с этим мы считаем, что обедненные пыльцевые спектры ключевых болот не могут считаться таким же полноценным отражением растительности прошлого, как спектры водных отложений или верховых болот. Тем не менее, мы согласны с авторами¹, считающими, что с учетом всех ограничений такие спектры могут быть важным источником информации о динамике локальной растительности, изменениях гидрологического режима и антропогенных трансформациях ландшафта, в особенности, если они сопровождаются исследованиями с помощью других независимых методов, например, археологических, почвенных, геоботанических или исторических. Ниже приведены краткие результаты спорово-пыльцевых исследований некоторых из высячих болот Звенигородской биостанции МГУ.

Торфяник в ручье под дачей Андреевых («Андреевский родник»). Расположен в блюдцевидном понижении на оползневой террасе, на высоте 159 м (4-я надпойменная терраса), окружен со всех сторон лесом из ели с примесью широколиственных пород (клен, липа, ильм) и густым подлеском из лещины. Глубина торфяного слоя – 150 см, под ним залегает погребенная песчаная почва с углем. Для колонки было получено три радиоуглеродных даты (табл. 1). Спорово-пыльцевая диаграмма торфяника отражает динамику локальной растительности непосредственно вокруг места взятия проб с конца атлантического периода по сегодняшний день².

Согласно диаграмме, как минимум, со второй половины атлантического периода (до 5600 кал. лет назад), на склоне рос широколиственный лес с доминированием липы, ильма и участием ольхи. Этот лес неоднократно горел, погребенная под торфом почва содержала микроскопический уголь и пыльцу рудеральных трав и орляка. Не исключено, что пожары стимулировали образование эрозионной террасы и родника. Торфонакопление началось примерно на границе атлантического и суббореального периодов, основание торфяного слоя имеет дату 4670 ± 40 . Еще один пожарный слой, гораздо более слабый, прослеживается на глубине 1 м, он синхронен кратковременным пикам орешника и рудеральных трав, что можно считать признаком осветления леса; возможно, это свидетельствует об активности людей бронзового века. На глубине 65 см появляется ель, исчезает дуб и сокращается участие ольхи и ильма. Участие антропогенных индикаторов в этом слое минимально, но встречен уголь и споры орляка, свидетельствующие о пожарах. Точная датировка этого периода отсутствует, но не исключено, что это следы вырубков времени существования городищ железного века Луцино-1 и Луцино-2 (1500–2500 л.н.), расположенных всего в 500 метрах к востоку от торфяника³.

В отличие от водораздельных болот, в которых отмечается резкое возрастание пыльцы ели к концу суббореала, в склоновом торфянике абсолютное доминирование липы и вяза, несмотря на пожары, сохраняется неизменным вплоть до глубины 35 см, до даты 450 ± 30 л.н. Выше нее наблюдается резкое изменение состава растительности – полное исчезновение широколиственных пород, совпадающее с пиком содержания угля, что свидетельствует о вырубке (выжигании) ильмово-липового леса на склоне. Это событие, согласно радиоуглеродным датировкам, произошло между 450 ± 30 и 150 ± 40 л.н., т.е. в XVI–XVII веках. Соответственно, первый, хорошо выраженный, пик культурных злаков, который наблюдается прямо под слоем сгоревшего торфа, относится к середине XV века. Второй, слабо выраженный, относится к XVIII веку, когда, согласно карте Генерального

¹Pidek et al, 2012.

²Полная диаграмма опубликована в: Ершова Е.Г., Кренке Н.А. Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки методами палинологии и археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. 26, № 3. Ин-т проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН. Тюмень. С. 159–172.

³Кренке и др., 2014. Ук. соч.; Кренке и др., 2015. Ук. соч.; Ершова, Кренке, 2013. Ук. соч.

межевания, на месте нынешних Академических дач, непосредственно рядом с родником располагались обширные поля села Луцино.

В верхней части диаграммы абсолютно доминирует ель, но уже с глубины 25 см снова появляется кривая ильма. По-видимому, ильм первым из широколиственных пород восстановился после вырубки, но только на очень ограниченной территории вдоль русла ручья, где он растет и в настоящее время.

История «Чеховского грота». «Чеховский грот» — грот из известняка, расположенный около родника на залесенном склоне в 170 м к северо-западу от дачи М.Н. Строгановой. По преданию, грот был построен известным врачом Г.И. Россолимо, у которого часто гостил А.П. Чехов. Под родником, на оползневой террасе располагается блюдцевидное понижение диаметром около 15 м, в настоящее время заторфованное, но, по рассказам старожилов, еще в 50-х годах XX века бывшее прудиком¹. Археологические исследования показали, что в средние века террасный склон рядом с «Гротом» использовался под пашни. Так, в 2012 году в 200 м ниже грота по склону, на 2-й надпойменной террасе, было обнаружено селище, датированное по керамике XIV–XV веками, с многочисленными следами распашки вокруг него. В 20 м выше края «чаши» «Грота» также четко прослеживается напашь (резко выраженный уступ) высотой около 0,8 м, под которой обнаружена погребенная почва и керамика XVI века². Таким образом, по археологическим данным, в XIV–XV веках была вырублена под поля значительная часть леса на нижних террасах, под «Гротом», а в XVI веке были распаханы верхние террасы, рядом с «Гротом» и выше него.

Палеоботаническими методами были исследованы торфяные отложения из «чаши» «Грота» и погребенная под напашью почва. Разрез, сделанный в западной части «чаши», вскрыл слой черного карбонатного торфа глубиной 35 см, в нижней части которого сохранились неперегнившие древесные остатки; под торфом прослеживалась опесчаненная почва с углем. Из торфа и почвы были отобраны образцы на спорово-пыльцевой, ботанический и радиоуглеродный анализы.

В погребенной под торфом песчаной почве были выявлены признаки использования почвы под земледелие: большое количество пыльцы трав (до 50 % от пыльцевого спектра), в том числе рудералов и культурных злаков, много спор плаунов и антоцеровых мхов, равномерно перемешанных с частицами угля, золой и переотложенной пылью широколиственных деревьев (липа с примесью ильма, дуба, орешника, вместе — до 40 % от суммы древесных). Похожий спектр был получен и из погребенного пахотного горизонта с керамикой XIV–XV веков. Все это свидетельствует о начале земледельческого освоения (подсека?) в то время, когда на склоне еще рос липовый лес, подобный тому, что отражен в разрезе на склоне под дачей Андреевых.

Выше погребенной почвы лежал слой неперегнившей древесины, затопленной, по-видимому, в результате резкого повышения уровня воды, в результате которого и началось торфонакопление; для него получена радиоуглеродная дата 300 ± 30 л.н. В этом слое найдены остатки водных растений (пузырчатка). Спорово-пыльцевой анализ торфяного слоя показал резкое сокращение, по сравнению с нижележащей почвой, участия пыльцы широколиственных пород (менее 10 % от суммы древесных), а также большое количество пыльцы трав (до 40 % от общего спектра). Это может свидетельствовать о том, что в момент образования водоема, чуть более 300 радиоуглеродных л.н., т.е. к XV веку липовый лес был уже полностью вырублен. На глубине 20–23 см (дата 150 ± 30 , XVII–XVIII века) прослеживается второй, сильно выраженный пик культурных злаков, ему сопутствует пик рудеральных трав, присутствует пыльца конопли и уголь; все это свидетельствует об отсут-

¹Кренке Н.А. Отчет об археологических разведках на территории Звенигородской биостанции в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. М., 2012.

²Кренке Н.А. Звенигородская экспедиция ИА РАН // Научные экспедиции РГНФ. М., 2014. С. 39–40.

ствии в это время леса и наличии пашен в непосредственной близости от родника, возможно, выше по склону.

В верхней части диаграммы, выше даты 150 л.н., хорошо прослеживается сокращение участия пыльцы трав (до 1–2 %) и увеличение доли пыльцы деревьев – сначала березы, потом ели. Очевидно, это отражение зарастания полей березой и формирование елового леса, который существует до сих пор.

Таким образом, согласно пыльцевому анализу, до вырубки на склоне рос широколиственный (липовый) лес. По археологическим и радиуглеродным данным, в XIV–XV веках, этот лес начали вырубать под земледелие. Не исключено, что именно распашка склона вызвала эрозию, вследствие которой и образовалась эрозионная терраса и открылся источник воды. Тогда же в результате создания запруды около ключа, возник маленький водоем, к которому была проложена дорога, ставшая впоследствии границей владений двух больших сел – Аниково и Луцино. К середине XVIII века часть берегового склона к западу от «Чеховского грота» (на территории современной Биостанции), согласно карте Генерального межевания, уже заросла лесом, но уже не липовым, а вторичным – еловым. К востоку и югу от грота, наоборот, до середины XIX века располагались обширные поля села Луцино. Именно эти поля и зафиксировали пыльцевые спектры верхней части торфяной колонки с датой 150 ± 30 л.н. (XVII–XIX века). Вероятно, вывод этой территории из сельскохозяйственного пользования и начало обустройства усадеб в конце XIX века послужили причинами возобновления древесной растительности на склонах. Судя по диаграмме «Чеховского грота», это случилось не ранее, чем 150–200 л.н., а, возможно, всего 120 л.н., судя по возрасту самых старых берез рядом с «Чеховским гротом»¹, т.е. во времена А.П. Чехова.

Висячие болота на первой надпойменной террасе под Академическими дачами. Первая надпойменная терраса под Академическими дачами, на восточной границе Биостанции, имеет ширину до нескольких десятков метров и возвышается над поймой менее чем на 1 м. В этом месте из-под крутого склона второй террасы выклинивается несколько источников грунтовых вод, часть из которых – карбонатные. Под влиянием постоянного переувлажнения водами разного происхождения в тыльной части первой террасы сформировалось несколько небольших по площади, но резко различающихся болотных фитоценозов: молодое низинное открытое осоковое болото, окруженное зарослями серой ольхи, и черноольховый заболоченный лес с густым подлеском из кустарников и высоким ярусом нитрофильных трав. В прошлом терраса была освоена: в 2012–2013 годах Звенигородская экспедиция ИА РАН обнаружила на ней поселение и следы распашки². В XVIII веке, судя по карте Генерального межевания, она использовалась под сенокос, и лишь в XX веке заросла еловым лесом, при этом возраст самых старых елей не превышает 120 лет. Мощный торфяной (или торфяно-перегнойный) слой имеется только под черноольшаником, который занимает чашеобразное понижение рядом с источником минерализованной воды; по-видимому, оно является заторфованным водоемом, образовавшимся в результате бобровой запруды. Из окраины этого торфяника была взята колонка (65 см) на спорово-пыльцевой анализ. Другая колонка была взята в 50 м к востоку, из окраины маленького карбонатного торфяника, питающегося водами другого ключа, также расположенного у подножия второй надпойменной террасы, под пологом елового леса. Для двух колонок было получено три радиоуглеродные даты (табл. 1). Колонки оказались очень похожими как по возрасту (около 700 лет), так и по характеру распределения пыльцы, поэтому здесь приведено описание только одной из них.

¹Здесь и далее возраст деревьев определен К.Б. Поповой с помощью дендрологического бура.

²Кренке Н.А., Ершов И.Н., Лазукин А.В., Войчик А.А., Раева В.А., Рожанская Н.И., 2013. Поселенческие объекты круга культур шнуrowой керамики в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 14–29.

Черноольховое болото. В самом нижнем слое, ниже 60 см, сложенном низинным торфом с илом, преобладает пыльца деревьев – липы (до 40 %), ольхи (до 12 %) и орешника (до 10 %), при незначительном участии хвойных. Из трав встречены злаки, в том числе единично – культурные, а также осоки, полынь, сложноцветные; из спор много папоротников из сем. Polypodiaceae. Предположительно, спектры этого слоя отражают лес из липы с участием ольхи или границу липового и ольхового леса, росшего на нижних террасах до даты 650 ± 40 л.н., или до XIII века. Ель в пойме, возможно, к этому моменту уже была частично вырублена, единичные пыльцевые зерна культурных злаков свидетельствуют о наличии полей в пойме. Обилие спор папоротников указывает на частично заливной режим.

Выше 60 см, начиная с уровня, датированного 650 ± 40 л.н. (XIII–XIV века), резко сокращается участие липы (до 5–12 %) и ольхи (до 5 %) и увеличивается участие сосны (до 60 %). Возрастает также роль трав, характерных для открытых луговых и нарушенных местообитаний – злаки, осоки, гвоздичные, лютиковые, сложноцветные, цикориевые, таволга; появляются травы-индикаторы хозяйственной деятельности: иван-чай, щавель, гречиха, маревые, полынь, горец, синий василек. Количество пыльцы культурных злаков увеличивается до максимума (7 % от общего спектра), среди них появляется рожь. Сокращение всех древесных пород и увеличение роли высоколетучей пыльцы сосны в сочетании с обилием и разнообразием трав свидетельствует об уничтожении липового и ольхового лесов на значительной части поймы и нижней части террасного склона. На месте липово-ольхового леса образовалось открытое осоковое болото, соседствующее с лугами и пашнями. Зона соответствует довольно продолжительному периоду (XIII–XVI века) интенсивного хозяйственного использования поймы и террасного склона, связанного, в том числе с функционированием ближайшего поселения.

Начиная с глубины 30 см, выше уровня, датированного 250 л.н. (XVI–XVII века) доля пыльцы деревьев снова возрастает, в основном за счет ели, достигая на глубине 15 см 90–98 %. Постепенно сокращается общее участие трав, исчезают луговые виды, рудеральные виды встречаются единично, культурные злаки либо единичны, либо полностью отсутствуют. Спорных также мало (менее 20 % от общей суммы пыльцы и спор). Зона соответствует периоду ослабления хозяйственной деятельности в последние столетия и восстановления елового леса вокруг болота – на нижней части террасного склона и, возможно, в пойме.

В самом верхнем поверхностном слое деревья составляют 90 % пыльцевого спектра, участие ели сокращается, возрастает участие березы и, в особенности, черной ольхи (20 %), появляются единично широколиственные породы – дуб, липа, ильм, орешник, – а также вересковые кустарнички и некоторые луговые травы. Количество спор минимально (около 5 %). Спектр соответствует современному состоянию растительности террасы, представляющей собой заболоченный черноольшаник с примыкающим к нему со стороны террасного склона старовозрастным (100–120 л.) лесом из ели с примесью березы, липы и дуба, с подлеском из орешника и черники в травяно-кустарничковом ярусе. Интересно, что на пыльцевой диаграмме пыльца черной ольхи обильна только в самом верхнем слое, т.е. появилась совсем недавно, уже во время существования заказника. Это подтверждает и возраст деревьев, полученный при дендрологическом бурении и не превышавший 65 лет.

Заключение

Проведенные исследования, на наш взгляд, показывают, что палеоэкологические исследования висячих болот, несмотря на сложности и ограничения, могут дать ценную информацию, дополняющую данные, полученные на других объектах и другими методами. Даже с учетом неполноценности пыльцевых спектров из-за избирательного разложения палиноморф, в них четко улавливаются сигналы, связанные с резкими изменениями со-

става лесов, вырубками, распашкой и другими видами хозяйственной деятельности. Этому способствуют также маленькие размеры болот, и, как следствие, отсутствие заносной издалека пыльцы, а также отсутствие собственной, болотной, интенсивно пылящей растительности. Возможность анализа сразу нескольких торфяников разного возраста, расположенных на разных уровнях и на разном удалении от археологических памятников, повышает достоверность полученных выводов.

В наших исследованиях сравнение нескольких диаграмм висячих болот с пойменными погребенными почвами и водораздельными болотами показало, что растительность дренированных и обогащенных карбонатами береговых склонов всегда отличалась своеобразием. В то время как в пойме и на водоразделах ель распространилась уже с самого начала суббореала (после 5000 л.н.), на верхних террасах она практически отсутствовала вплоть до последних нескольких столетий; береговые склоны были покрыты лесами с господством липы и, местами, ильма в течение всей второй половины голоцена. Граница пойменных ельников и террасных липняков проходила, по-видимому, по первой надпойменной террасе, их разделяла полоса черноольшаников. Именно такой черноольшаник с елью и липой отразился в спектрах основания торфяников с первой надпойменной террасы. Исчезновение липы и замена ее елью, отмеченное на всех диаграммах, по-разному датируется на верхних и нижних частях склона. Вокруг «Андреевского родника» и «Чеховского грота» это произошло примерно в XVI в. В нижней части склона, на первой надпойменной террасе, липовые леса (здесь со значительной примесью ели) были уничтожены раньше — уже в XIII—XIV веках. При этом внизу, в пойме, к этому времени уже существовали луга и пашни. Момент начала вырубки липовых лесов хорошо прослеживается в диаграмме черноольшаника, но пока не имеет датировки (раннее средневековье? РЖВ?).

Пыльцевые диаграммы нижних торфяников ясно отразили период наибольшей хозяйственной активности, связанный с жизнью средневековых поселений в пойме и на нижних террасах, последующее в XVIII—XIX веках некоторое «запустение» и затем восстановление «естественной» растительности в условиях заповедного режима второй половины XX века. Диаграммы верхних торфяников, особенно «Чеховского грота», отразили этапы освоения верхней части берегового склона — сведение лесов, массовую распашку, затем строительство усадеб и искусственное восстановление леса в XX веке. В наиболее древнем из торфяников, «Андреевском роднике», отразились и антропогенные сигналы более ранних эпох — бронзового и железного веков — однако они оказались очень слабыми по сравнению с тотальной перестройкой ландшафтов, произошедшей в средневековье.

Автор благодарит за участие в исследовании руководителя Звенигородской археологической экспедиции ИА РАН Н.А. Кренке, сотрудников Звенигородской биостанции П.Ю. Жмылева и К.Б. Попову, а также студентов биологического факультета МГУ Метелеву М., Бойко Л., Клишко А., Пономарева И., Потапову Е.

Работа выполнена при частичной поддержке гранта РФФИ № 16–04–01717.

Ekaterina G. Ershova

Spring-fed fens of the Zvenigorodskaya biological station of Moscow state University and their information value for archaeological research

Summary. On the terrace slopes of the Moscow River near the Zvenigorod biological station of the Moscow State University near groundwater seeps small key spring fens are distributed. The pollen analysis of several such fens, together with botanical and soil analyses, made it possible to trace in detail the dynamics of the vegetation of the coastal slopes, connected with the economic development of the Moscow-River valley over the last 5000 years.

Keywords: pollen analysis, vegetation history, landscape archaeology.

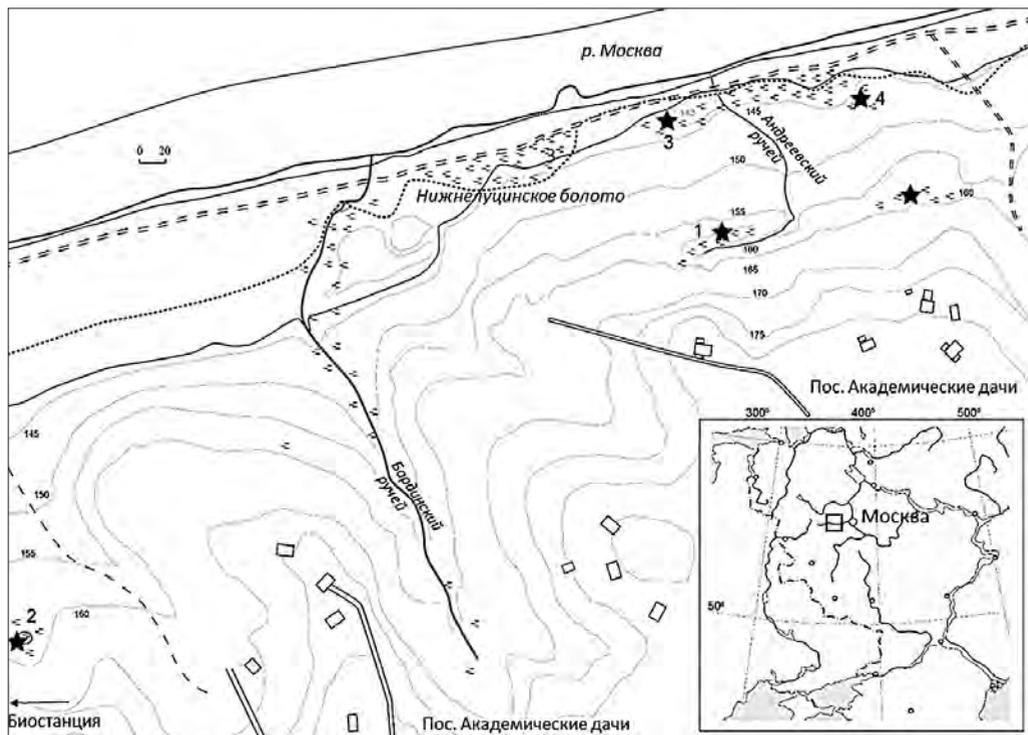

Рис. 1. Расположение некоторых из висячих ключевых болот Звенигородской биостанции
1 – «Андреевский родник»; 2 – «Чеховский грот»; 3 и 4 – болота на 1 террасе (3-Черноольшаник)

Рис. 2. Фотографии «Чеховского грота», почвенного разреза с торфяным слоем и микрофотографии пыльцы из торфяной колонки. Пыльцевые зерна сильно повреждены из-за периодического пересыхания и аэробного разложения торфа

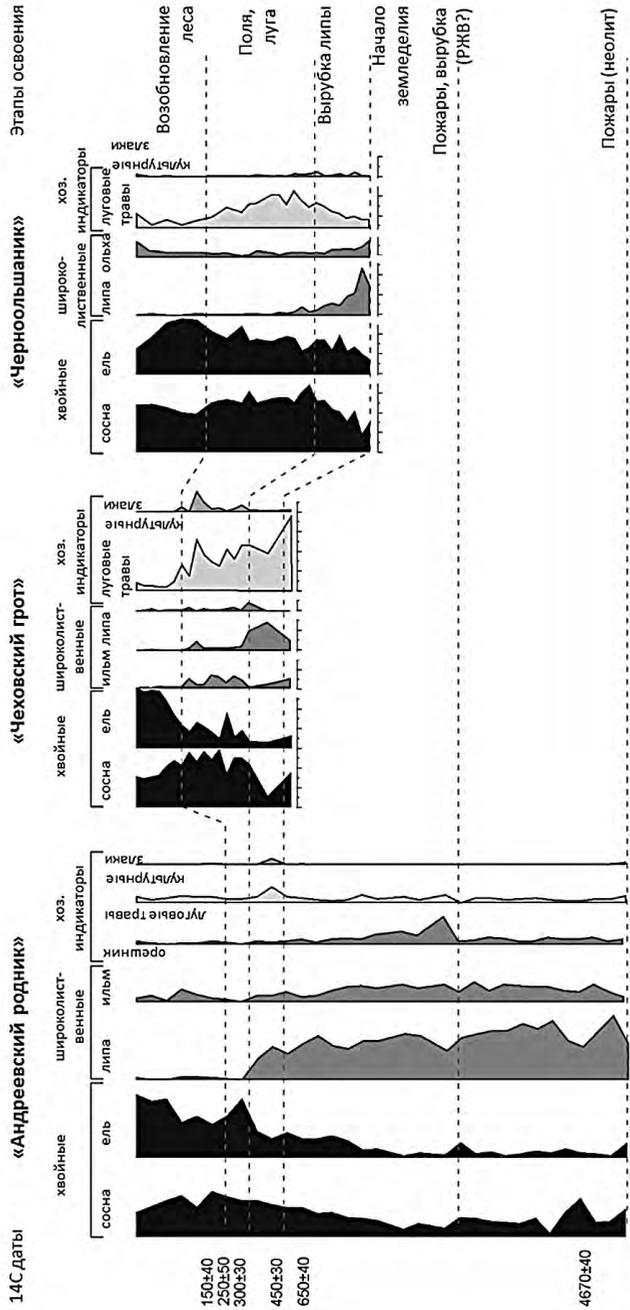

Рис. 3. Сокращенные пыльцевые диаграммы трех склоновых торфяников на территории Звенигородской биостанции. Показаны кривые изменения содержания важнейших таксонов в пыльцевых спектрах, рассчитанные от общей суммы пылылы

Леонтьев А.Е., Александровский А.Л.

Городище Лазаревское

Аннотация. Статья знакомит с результатами исследования археологического памятника на р. Колокше в Юрьев-Польском районе Владимирской области. Укрепления городища состоят из сопковидного вала и широкого рва с плоским дном. Из двух стратиграфически определяемых горизонтов культурного слоя нижний по составу найденной керамики и радиоуглеродной дате относится к последним векам до н.э. Верхний по 14С-дате возможно соотносится с периодом середины–второй половины I тыс. н.э. Однако широкие рамки калиброванного возраста и наличие в слое сетчатой керамики наряду с гладкостенной допускают вероятность формирования верхнего горизонта в первые столетия н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, городище, укрепления, культурный слой, керамика, 14С-даты.

Археологический памятник находится в Юрьев-Польском районе Владимирской области. Впервые был обследован в 1984 г., когда в результате осмотра и шурфовки поселение было датировано серединой–второй половиной I тыс. н.э.¹ В 1995 г. был снят план городища. Заложенный тогда же шурф показал наличие двух горизонтов культурного слоя, из которых нижний, с сетчатой керамикой, принадлежал поселению раннего железного века, а верхний, с лепной неорнаментированной керамикой, мог относиться к периоду середины–второй половины I тыс. н.э.² В 2016 г. было проведено новое обследование городища³.

Памятник находится в 0,8 км к юго-востоку от бывшего села (на современных картах обозначено, но не существует). Занимает заросшую лесом оконечность длинного полого понижающегося мыса левого коренного берега р. Колокши между двумя оврагами. Площадка городища имеет форму, близкую к овальной, вытянута и поката в направлении запад–восток. Ее длина от основания вала – около 50 м, ширина – около 40 м, перепад высот к западу – около 6 м. Площадь определяется в пределах до 2000 кв. м. Высота над уровнем поймы на стрелке достигает 10 м. Современных повреждений поверхности нет (рис. 1).

При осмотре поверхности в корнях упавшего дерева близ южного склона вала были найдены железные пластинка и инструмент, напоминающий столярный резец для выемчатой резьбы и иных мелких работ (рис. 1, 1; 2; 2). Связь предметов с культурным слоем не очевидна.

Необычны укрепления городища. С напольной стороны в узком перешейке городище ограждено сопковидным валом с внешним рвом. Высота насыпи от площадки – до 3,6 м; размеры по основанию – 30×30 м, вершина уплощена. Несмотря на значительную высоту, современная вершина вала оказывается не выше напольной поверхности за рвом – сказывается естественное понижение высоты мыса в сторону поймы. В древности насыпь была выше и круче, на что указывают заметные на склонах старые кладоискательские ямы и выбросы грабительских раскопок. Ров шириной 5–6 м и длиной 25 м концами выходит на склоны мыса. Он обладает хорошо выраженными стенками и имеет редкую особенность – плоское дно шириной до 4 м. Глубина рва от поверхности напольной (восточной) стороны – около 2,5 м.

Сопковидные валы как форма укрепления известна у других городищ р.ж.в. Волго-Клязьминского междуречья. Ближайшее из них – Выжегша – находится в 5 км от Лазаревского на противоположном берегу р. Колокши. Основной культурный слой памятника

¹АКР. Владимирская область. 1995. С. 292. № 685.

²Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА РАН в 1995 г. // Архив ИА РАН. № 19414. Т. 1. 1995. С. 15, 16.

³Работы проводились в рамках проекта РГНФ № 16–01–18057 «Исследования городища Выжегша на р. Колокше в Юрьевском районе Владимирской области».

датируется VII—IX вв., но есть основания полагать что вал, о котором идет речь, принадлежал первоначальному поселению эпохи раннего железного века. В 42 км юго-восточнее находится городище Горицы на р. Рпень, притоке р. Клязьмы, где высота «сопки» от дна рва достигает 7 м¹. Последний территориально близкий археологический памятник — Якиманское городище на р. Нерль в 46 км восточнее Лазаревского².

О распространении плоскодонных рвов как особой детали древней фортификации судить сложно из-за малочисленности наблюдений. Ров городища Васильково в Суздальском Ополе, принадлежавший поселению фатьяновской культуры³, — слишком далекая по времени аналогия. Ров с плоским дном зафиксирован на городище Теньки, находящемся в 25 км к северо-востоку от Лазаревского на р. Селекше, но у этого поселения была иная система укреплений — двухрядные валы с напольной стороны⁴.

Для уточнения данных о стратиграфии и хронологии культурного слоя был заложен шурф размерами 1×1,5 м у северного склона в нижней по уровню поверхности части площадки в 10 м к северу-северо-востоку от шурфа 1995 г. (рис. 1). Выявлена следующая стратиграфия:

- 0,0–0,07 м — дерн;
- 0,07–0,35 м — темно-серая супесь с включением обломков обожженных камней. В нижней части в уровне 0,25–0,35 м — с примесью белесой супеси;
- 0,35–0,6/0,65 м — белесая супесь;
- 0,6–0,65 м — в северной части шурфа в предматериковом уровне прослойка темно-серого углистого суглинка;
- от 0,6–0,65 м — плотный светло-серый суглинок, материк.

На поверхности материка выявлены три ямы, частично уходящие за пределы шурфа.

Яма 1 у восточной стенки. Округлая в плане, поперечником 0,56 м, с пологими стенками, углублена в материк на 0,15 м. Заполнена белесой супесью с небольшой примесью темно-серого суглинка. Представляла собой дно ямы, опущенной с уровня нижнего горизонта, контур которой заметен в профиле восточной стенки. Найдено три мелких фрагмента сетчатой керамики.

Яма 2 в северо-западном углу. Размеры в пределах шурфа — 0,45×0,22 м; стенки крутые, дно плоское, глубина от материка — 0,2 м. Прослеживалась с уровня верхнего горизонта. Заполнена мешаной темной супесью. В яме найдено два фрагмента сетчатой керамики и мелкие куски глиняной обмазки.

Яма 3 в юго-западном углу. Размеры в пределах шурфа — 0,65×0,38 м. Связана с нижним горизонтом. Заполнена белесой супесью с примесью углей. В заполнении найдено девять мелких фрагментов сетчатой керамики.

Шурф подтвердил наличие двух стратиграфических горизонтов культурного слоя. Верхний, выходящий к поверхности и послуживший основой современной почвы, представлял собой темно-серую супесь с включениями обожженных камней. Нижний горизонт — белесая (светло-серая) супесь. В предматериковой части горизонта на большей части шурфа прослеживалась прослойка темного углистого суглинка. Цветность культурного слоя меняется плавно, резкой границы между горизонтами нет (рис. 3).

В шурфе найдены только фрагменты керамики (рис. 4, 5), фиксация которой для верхнего горизонта была проведена по снимаемым пластам толщиной 0,1 м. Статистика находок с учетом особенностей поверхности сосудов представлена в табл. 1:

¹АКР, 1995. С. 262. № 593.

²АКР, 1995. С. 280. № 657

³Кренке Н.А., Ершов И.Н. Городище Васильково на р. Нерль // РА. № 1. М.: ИА РАН, 2016. С. 132, 133. Рис. 5.

⁴Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1990 г. / Архив ИА РАН. № 15428. М., 1990. С. 32; АКР, 1995. С. 294. № 690.

Таблица 1. Распределение керамики в культурном слое

Уровень (горизонт, пласт и яма)	Гладкостенная грубая	Гладкостенная заглаженная	Лощеная	Сетчатая текстильная)
Верхний гор-т. Пласт 1	35 (63 %)	3 (6 %)	1 (2 %)	16 (29 %)
Пласт 2	7 (47 %)	1 (6 %)		7 (47 %)
Пласт 3	1 (14 %)			6 (86 %)
Нижний горизонт				21 (100 %)
Яма 1				3 (100 %)
Яма 2				1 (100 %)
Яма 3				9 (100 %)
Всего	43	4	1	63

В верхнем горизонте встречен фрагмент верхней части лощеного сосуда и мелкий фрагмент венчика сосуда с заглаженной поверхностью (рис. 4, 2, 3). Изготовленная таким образом керамика появляется в позднедьяковских древностях с первых веков н.э.¹

В нижнем горизонте найден обломок сосуда с рогожной поверхностью (рис. 5, 9). Исследователи отмечали незначительное присутствие рогожной керамики в дьяковских комплексах конца I тыс. н.э.² На городище Васильково в Суздальском Ополье (50 км к востоку от Лазаревского) обломки «рогожных» сосудов датируются I в. до н.э. Примечательно, что одна из 14С-дат памятника полностью совпала с лазаревской из нижнего горизонта: 2030±30 л.н. с близкими по значению доверительными интервалами калиброванного возраста³.

В целом, при возможном дрейфе в грунте отдельных фрагментов, результаты подсчетов отражают известный по материалам дьяковских памятников Москворечья процесс смены текстильной керамики гладкостенной⁴. Нижний горизонт культурного слоя Лазаревского городища с текстильной керамикой сопоставим с отложениями раннедьяковского времени.

Получены две даты 14С-датирования древесного угля из культурного слоя городища (табл. 2).

Таблица 2. Радиоуглеродные даты⁵

№ п/п	Привязка	Лабораторный номер	Дата, ВР	Калиброванный возраст
1	Лазаревское-2016, нижний горизонт, уголь	Ki-19264	2030±70	1σ 153BC-52AD 2σ 339BC-126AD
2	Лазаревское-2016, нижняя часть верхнего горизонта, уголь	Ki-19265	1380±180	1σ 441-872AD 2σ 259-1019AD

Примечание: 1σ – вероятность 68,2%; 2σ – 95,4%.

¹Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э.–I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. С. 123, 146.

²Сыроватко А.С. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk, 2009. С. 172, 173; Кренке, 2011. Ук. соч. С. 112.

³Кренке, Ершов, 2016. Ук. соч. С. 133.

⁴Кренке, 2011. Ук. соч. С. 119–123.

⁵Анализы Киевской лаборатории радиоуглеродного датирования НАН Украины.

Таблица 3. Определение углей из нижнего горизонта культурного слоя

№	Порода дерева	Количество
1	Дуб	12
2	Вяз	9
3	Клен	4
4	Ясень	3
5	Кольцепоровые (дуб, вяз, ясень)*	6
6	Рассеяннопоровые (береза, липа и др.)	4
Всего		38

*Фрагменты угля плохой сохранности не дают возможности более точного определения.

Возраст поселения подтверждает определение по углям из нижнего горизонта породного состава деревьев, произраставших рядом с поселением и использовавшихся для строительства и в качестве топлива (табл. 3).

Состав углей характеризуется резким преобладанием широколиственных – дуба, вяза и др. Участие мелколиственных, представленных березой, незначительно. По данным спорово-пыльцевых и антракологических² анализов такой состав древесной растительности был характерен для II–I вв. до н.э., времени существования поселений р.ж.в. в Суздальском Ополе³.

Образец культурного слоя нижнего горизонта исследован методами анализа, применяемыми в почвоведении (табл. 4)⁴.

Таблица 4. Физико-химические свойства культурного слоя г-ща Лазаревское

Образец: шурф, стенка, горизонт. Глубина в см	Характер горизонта	pH _{H₂O}	CaCO ₃ , %	P ₂ O ₅ , %	C _{орг} , %
Нижний горизонт культурного слоя. Глубина 50 см	Белесая супесь	7.9	0.09	0.09	0.49

Результаты исследований показывают относительно слабые признаки деятельности человека, сохранившиеся в культурном слое на месте отбора образца. Содержание фосфора, основного показателя, отражающего интенсивность поселенческой активности, очень невысоко. Несколько повышено содержание органического вещества, однако такое

¹См., например, Александровский А.Л., Чичагова О.А., Пустовойтов К.Е., Шишлина Н.И. Методика и методология радиоуглеродных исследований археологических объектов степных регионов России // Степь и Кавказ. М.: ГИМ, 1997. С. 9–21.

²Определение пород деревьев по углям.

³Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. № 1. М.: ИА РАН, 2008. С. 41, 42; Александровский А.Л. Почвы городища Васильково / Кренке Н.А., Ершов И.Н., 2016. Ук. соч. С. 138.

⁴Анализы выполнены в химической лаборатории Института географии РАН.

незначительное повышение характерно в основном для слаборазвитых культурных слоев. Значение рН смещено в щелочную сторону, что нехарактерно для почв данного региона и нередко обнаруживается в горизонтах давно погребенных почв и культурных слоев с малым количеством органического вещества. Щелочность в данном случае не связана с карбонатностью – содержание CaCO_3 находится в пределах погрешности метода.

Подводя итог, можно констатировать, что работы 2016 г. дали новую информацию о памятнике, но, вместе с тем, поставили и новые вопросы, которые предстоит решить. Исследования подтвердили наличие на городище двух горизонтов культурного слоя. Достаточно определенно нижний слой по совокупности данных можно датировать в рамках столетий рубежа эр. Полученная С14-датировка верхнего горизонта дает основание соотнести верхний горизонт с периодом середины–второй половины 1 тыс. н.э., то есть предположить вторичное освоение заброшенной к тому времени площадки поселения. Однако широкий «доверительный интервал» полученной датировки (2σ 259–1019 AD) допускает хронологическую преемственность отложений. В пользу такой версии говорит отсутствие стерильной прослойки между горизонтами культурного слоя; подсчеты распределения сетчатой и гладкостенной неорнаментированной керамики схожи с данными, полученными при изучении дяковских многослойных городищ¹. В таком случае время формирования верхнего горизонта приходится на первые столетия н.э.

Andrey E. Leont'ev, Alexandr L. Alexandrovskiy

The hillfort of Lazarevskoye

Abstract. The Hillfort of Lazarevskoye on the river Koloksha (the region of Vladimir, the district of Yuryev-Polsky) is composed of semi-spherical rampart and a wide ditch with a flat bottom. The lower cultural layer (of two horizons defined by the stratigraphy) dates back to the last centuries BC by the pottery and the radiocarbon analysis. The upper horizon may relate to the period of the mid-second half of the 1st millennium CE by 14C-date. However, the broad framework of calibrated dates and the presence of a layer of reticulated pottery along with smooth ceramic fragments allow the formation of the upper horizon in the 1st century CE.

Keywords: early Iron Age, hillfort, fortification, cultural layer, pottery, radiocarbon dates.

¹Кренке, 2011. Ук. соч. С. 119, 120.

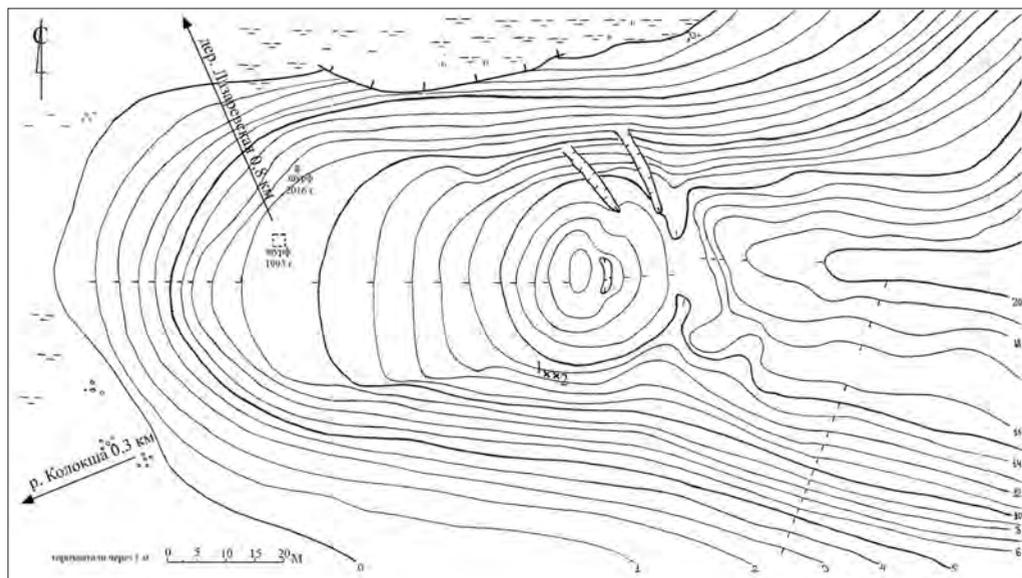

Рис. 1. План Лазаревского городища. Отмечены находки железной пластинки (1) и железного инструмента (2)

Рис. 2. Находки:
1 – столярный резец (?), 2 – железная пластинка.

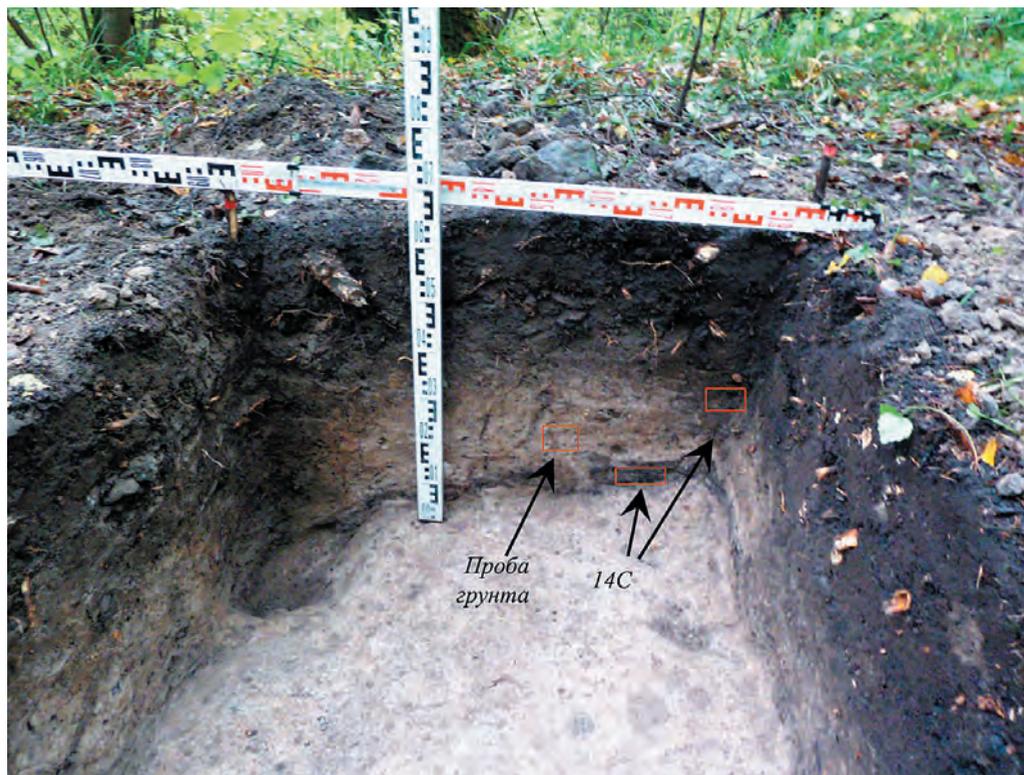

Рис. 3. Северная стенка шурфа с указанием мест взятия проб

Рис. 4. Керамика верхнего горизонта культурного слоя

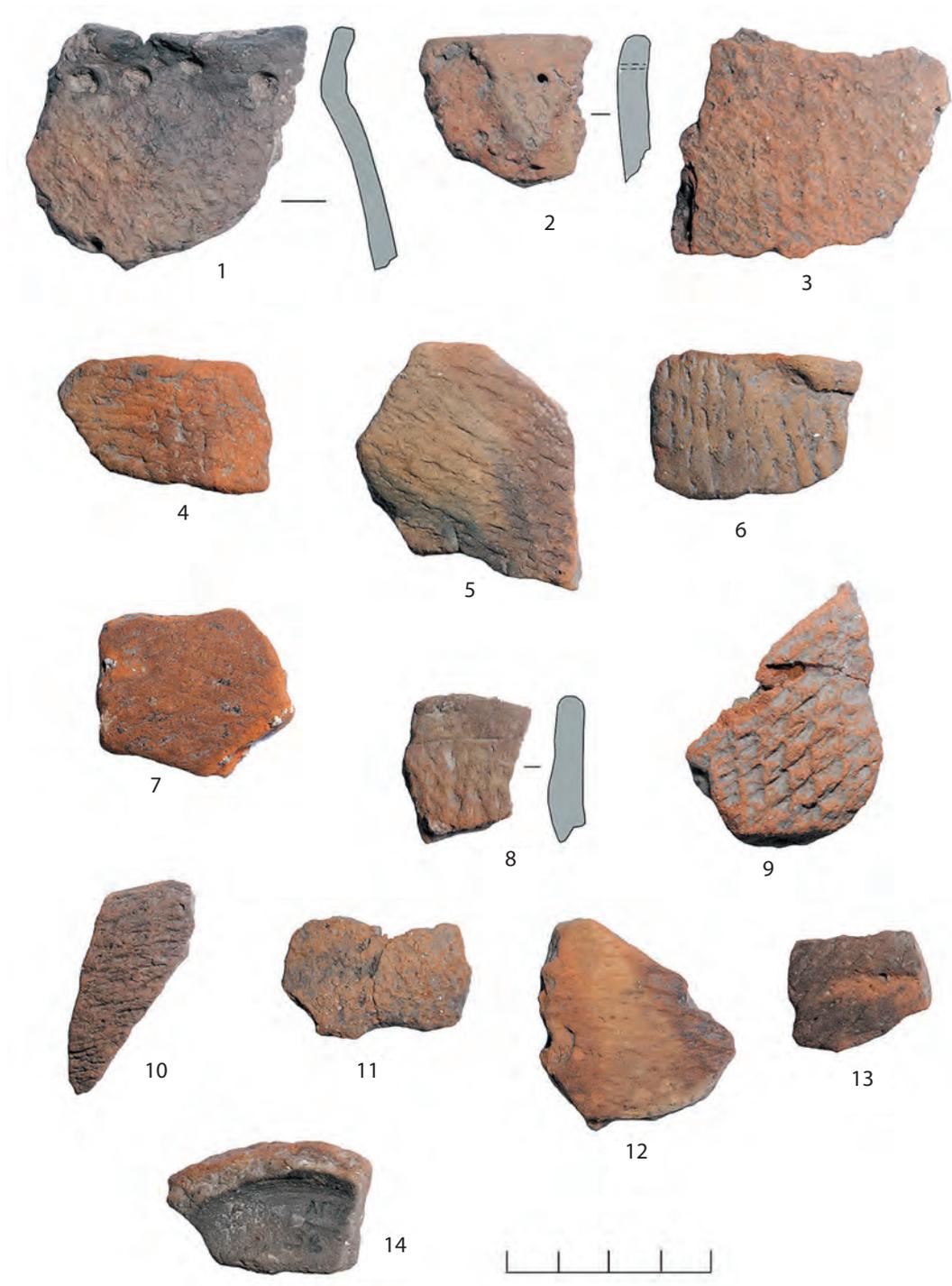

Рис. 5. Керамика нижнего горизонта культурного слоя (1–7) и заполнения материковых ям (8–12)

Сыроватко А.С., Панин А.В., Зарецкая Н.Е.

Роль изменений водного режима р. Оки в формировании Щуровского археологического комплекса в последнем тысячелетии

Аннотация. В статье рассматривается генезис аллювиального слоя в пойме р. Оки, который перекрыл культурный слой 2–3-й четв. I тыс. н.э. и погребения-кремации эпохи викингов археологического комплекса Щурово (р. Ока, правый берег, Московская обл., возле г. Коломна). Авторы приходят к выводу, что начало отложения аллювия относится приблизительно к первой четв. XVII в. При этом участок поймы незадолго до наводнений распаивался, на контакте аллювия и культурного слоя часто встречаются также следы кострищ и большое количество разрозненных костей животных (последние разбросаны по всему полю, на протяжении 400 м). Во второй пол. XVII–XVIII вв. в стратиграфических разрезах зафиксированы следы катастрофических наводнений, которые привели к размыву части памятника, уничтожению части аллювия и образованию в пойме мощных прослоек песка. Дата этих событий получена на основании находок в горизонтах под песком и над ним нательных крестов.

Ключевые слова: Щуровский могильник, Малый ледниковый период, геоморфология, палеорусловедение, палеоландшафты, радиоуглеродное датирование.

Щуровский археологический комплекс располагается на мысовидном выступе низкой террасы р. Оки, на ее правом берегу, напротив г. Коломны (рис.1). Террасовый мыс отделен от самой террасы пологой ложбиной и имеет вид невысокого песчаного холма, в настоящее время не затапливаемого. Культурный слой обнаружен как на холме («верхняя площадка»), так и на прилегающей с севера высокой пойме («нижняя площадка»)¹.

Стратиграфии Щуровского комплекса присуща одна яркая особенность, на первый взгляд, не имеющая прямого отношения к памятнику. Это аллювиальный слой, перекрывающий погребения и культурный слой поселения не только на пойменных участках, но даже на вершине холма (пример стратиграфии в пойме на рис. 3)². То обстоятельство, что слой этот сравнительно позднего происхождения, было понятно сразу после начала исследований памятника, и серьезного внимания ему не уделялось. Однако по мере накопления данных не только об этом слое, но и о геоморфологии памятника стало понятно, что история его представляет собой отдельный и весьма любопытный сюжет.

Открытие в Щурово пойменного слоя и погребений произошло следующим образом. Вслед за вновь открываемыми погребениями к раскопам на вершине холма последовательно прирезались новые раскопы по направлению к северу. Постепенно мы «спускались с вершины», пока не оказались в пойме, с мощным слоем поселения и погребениями под еще более мощным аллювием. Так, с северной стороны холма («верхней площадки») были открыты археологические объекты на «нижней площадке» (на пойме) в виде полосы культурных остатков, приблизительно равной ширине холма.

Многочисленные раскопки выявили ряд любопытных деталей, касающихся начального периода отложения аллювия. На контакте культурного слоя с аллювием обычны кострища,

¹Сыроватко А.С., Панин А.В., Трошина А.А., Семеняк Н.С. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса // Археологические исследования в Подмоскovie: материалы научного семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 53–63.

²Не можем не упомянуть заслуги юбиляра в поиске археологических памятников под аллювиальными отложениями. В ходе визитов на памятник Н.А. Кренке неоднократно предлагал провести шурфовку поймы, и, в конце концов, мы это сделали. Первый шурф (№ 3, 2010 г.) был абсолютно пустым (рис. 9), и нам изначально показалось, что к нашему памятнику этот опыт не применим. Позднее оказалось, что культурный слой в пойме все же был, только с другой стороны, с севера, и точно в створе холма. Вероятно, холм в ходе наводнений выступил отчасти неким волнорезом, прикрыв собой часть памятника. Это обстоятельство объясняет также «пустоту» первого пойменного шурфа: погребенная почва там оказалась той же теми же наводнениями, которые разрушили холм. Существовал ли культурный слой в пространстве между холмом и рекой, осталось неизвестным.

крупные кости животных и следы распашки культурного слоя (некоторые детали можно увидеть на рис. 4). Граница с аллювиальным слоем довольно резкая, т.е. период наводнений (высоких половодий) начался достаточно внезапно. Речь может идти именно о весенних половодьях, а не о летне-осенних паводках, поскольку Ока относится к рекам с восточноевропейским (по классификации Б.Д. Зайкова) типом водного режима, в котором 60–70 % годового стока воды формируется за счет весеннего снеготаяния, а дождевые паводки далеко не достигают высоты половодий.

Наблюдения А.А. Гольевой¹ позволяют сделать вывод, что аллювиальные отложения легли на почву, на которой читались следы грядок от распашки, т.е. между возделыванием почвы и первыми паводками промежуток был совсем небольшим. В то же время самыми яркими следами являются не борозды от рала (сохи?), а какие-то широкие борозды, наиболее вероятно – колеи дороги, в пользу чего говорят частые находки плоских подковных гвоздей. Кострища можно объяснить по-разному, но, вероятно, непосредственно перед наводнениями распашка могла не производиться, хотя борозды пашни на поверхности сохранились. Кости животных – крупных копытных – самый интересный сюжет. Они встречались на контакте аллювия и культурного слоя не только на самом памятнике, но и в каждом шурфе в пойме на протяжении нескольких сотен метров, и эти находки породили устойчивое ощущение, что накануне наводнений (или в результате их начала?) пойма вокруг Щуровского могильника была усеяна костями.

Важная деталь – неоднородность аллювиального слоя, особенно хорошо заметная в пойменных разрезах. В составе аллювия, погребаящего культурный слой на пойме, выделяется две литологические единицы. Непосредственно на поверхности культурного слоя залегает темно-коричневый суглинок мощностью 10–15 см (заметный на рис. 3 и 4). Он указывает на наличие затопления поймы, но скорости течения были невысоки: возможно, преобладала обстановка стоячей воды. Выше залегает существенно песчаный аллювий с четкой горизонтальной слоистостью, который мог переноситься только при достаточно высоких скоростях течения пойменного потока. Посередине аллювиального слоя залегают прослойки чистого песка мощностью до 50 см. Там, где аллювиальный слой особенно мощный, в слое песка можно проследить не менее четырех прослоев, разделенных тонкими (не более 1 см) глеевыми прослойками. Слоистый аллювий залегает над культурным слоем и на верхней площадке (на холме). Почему этот эпизод оказался важным для археологического памятника, датирующегося от раннего железного века до эпохи викингов?

Рассмотрим одну деталь топографии Щуровского комплекса – форму холма с расположенной на нем курганной частью могильника, т.н. «верхнюю площадку» (рис. 1–2). Восточный склон ее вторичен и образовался после отложения культурного слоя позднедьяковского поселения и сооружения погребальных конструкций – курганов, или, скорее, «домиков мертвых». Это стало понятно далеко не сразу, окончательно – только в ходе раскопок 2010 года. Дюнообразную форму холму придает седловина, отделяющая его от мыса надпойменной террасы, а сам мыс, в свою очередь, образован неширокой ложтиной, пересекающей склон террасы с юго-запада на северо-восток. Проследить эту ложтину можно примерно на 100 м вглубь террасы, далее известняковый карьер изменил рельеф до неузнаваемости. В настоящее время слой на восточном склоне представляет собой плотный гумусированный коричневый песок, без всяких переходов перекрывающий материковый желто-коричневый песок (рис. 5). Возможно, он распахивался в советское время и находки в нем относятся только (за небольшим исключением) к XX в.

Для понимания памятника важно то, что на месте современной грунтовой дороги, ведущей из Щурово на турбазу «Нептун» и далее в с. Городну, некогда была плоская поверхность, на которой, возможно, располагалась самая важная часть памятника, однако

¹ которой авторы признательны за готовность помочь и постоянные дружеские консультации.

именно она уничтожена полностью. Срез начинается от гребня холма на восток, уничтожая слой по наклонной: на гребне на узкой полосе уцелело множество погребений грунтового могильника, хотя и, вероятно, с разрушенным верхом; от расположенного чуть восточнее «домика мертвых» № 5 ров с западной стороны цел, от оградки в центре объекта уцелели едва заметные контуры, от рва с восточной стороны не осталось почти ничего (эта ситуация отражена на рис. 6 и 7). Культурного слоя не осталось и на южном склоне, хотя там выявлены заглубленные в материк объекты периода селища, а в пахотном слое встречаются поврежденные огнем вещи, характерные для грунтового могильника. Границей исчезновения слоя на юге условно можно считать внешний край южного участка рва «домика мертвых» № 1. Северный склон холма неоднороден: к западу от воображаемой линии, продолжающей гребень холма, есть культурный слой поселений и погребения грунтового могильника. К востоку от этой линии слоя под пашней нет, как нет и находок в ней — следов распашки культурного слоя. Больше того, эта воображаемая линия может быть продолжена еще дальше к северу: восточнее нее современная глубокая вспашка задевает материк, и на многочисленных вывалах никогда не удавалось обнаружить керамики и находок. Западнее, напротив, культурный слой есть, как есть и погребения-кремации, и мощность культурных отложений в сторону реки возрастает от 10–15 до 40 и более см.

Иными словами, археологические данные указывают на то, что значительная часть памятника была уничтожена, и истинных его размеров мы уже не узнаем. Наиболее вероятное объяснение — паводковый размыв. Можно предположить, что размыв не был единичным событием, а результатом нескольких эпизодов, не менее четырех, данные, данные шурфовки в центре поймы, за пределами памятника, выявили еще более красноречивую картину (шурф. 19 2015 года — рис. 8) — подрез слоем песка пачек аллювия, т.е. в какой-то момент сила наводнений сносила отложившийся на тот момент аллювиальный слой!

Перекрытие культурного слоя к северу от холма аллювиальными наносами, имеющими существенно песчаный состав, ставит вопрос об источнике этого песка. Обычно песок в аллювии пойменной фации имеет русловое происхождение — он поступает из русла в местах перелива воды на пойму при подъеме уровней. Для транспортировки песка из русла требуются достаточно высокие скорости течения, поэтому песок выбрасывается из русла только в местах, где такие скорости достигаются на контакте русла и пойменного яра. Например, подобная ситуация возможна в местах, где поток набегает на пойму на повороте русла — на вогнутых берегах излучин и т.п. Песок оседает в прирвовочной части поймы, формируя прирусловый вал, и далеко вглубь поймы обычно не проходит.

Геоморфологическая позиция шуровского комплекса (рис. 2) не благоприятствует поступлению крупнозернистых фракций: русло на этом участке прямолинейное, в речном потоке не возникает поперечной циркуляции, способной перемещать наносы. Памятник расположен в тыловой части поймы в 200 м от русла и отделен от него глубокой протокой. Невозможность поступления песка из русла доказывается строением толщи, соответствующей времени заиления протоки: ее верхняя часть, откладывавшаяся в последнюю ~1000 лет — озерные илы с небольшой лишь примесью тонкого песка. Если бы песок поступал на пойму в районе памятника из русла Оки, протока служила бы надежной ловушкой и верхняя часть илистой толщи была бы песчаной. Следовательно, песок мог поступать лишь из локальных источников. Таким источником мог служить только уступ песчаной террасы.

Таким образом, размыв корневой части террасового мыса, сопровождавшийся уничтожением культурного слоя и образованием тыловой ложбины, и погребение культурного слоя песчаным аллювием на пойме к северу от холма — тесно связанные явления. Это были звенья одного природного события — серии экстремальных половодий, глубоко затапливавших пойму. Судя по наличию аллювиальной покрывки на вершине холма, уровень воды превышал 11,5 м над меженью — не менее чем на 2–3 м выше современных половодий.

Каким временем датируется начало наводнений и размыв песчаного мыса террасы? У

нас есть два источника – радиоуглеродные даты по углю и монетные находки. Изначально образец на ^{14}C -датирование был один (раскоп 6, участок 17, контакт аллювия и темно-серого культурного слоя), однако в процессе обработки он был разделен на две фракции – мелкодисперсного рассеянного угля (ГИН-15429), возрастом 550 ± 60 лет, и небольших фрагментов угля (ГИН-15429у), возрастом 230 ± 60 лет; результаты датирования, как видим, разошлись. С учетом возможного удревнения (если уголь происходит из внутренних более старых частей древесного ствола), более достоверной представляется вторая дата. Она калибруется в широкий интервал 1720 ± 120 гг. (OxCal 4.3.2, IntCal13)¹, т.е. может относиться как к XVIII в., так и к XVII в.

Рассмотрим теперь монетные находки. На вершине холма, где аллювиальный слой тонкий, они, на первый взгляд, не могут сообщить достоверную дату. В пойменной части, на т.н. «нижней площадке», аллювиальный слой нарастает с востока на запад (вниз по склону, по направлению к реке) от 40 см до 1,5 м – в исследованной части. Монетные находки в нем приурочены к основанию аллювиального слоя.

Таблица

Год, полевой номер	адрес	Номинал, дата
Остаток террасы, «верхняя» площадка		
2004, № 23	Раскоп II, уч. 9, кв. 241, пл. 5 /-385	Полушка, 1736 г.
2007, № 1	Раскоп V, уч. 1, пласт 3, кв. 38, /-129	5 коп., 1788 г., Кольванский монетный двор
2008, № 30	Раскоп V, уч. 6, пласт 1–2, кв. 296, /-26	Деньга, 1731 г.
2014, № 100	Раскоп VI, участок 16, кв. 614, /-174	Деньга, 1749 г.
2014, № 131	Раскоп VI, участок 16, кв. 614, /-184	Деньга, 1738 г.
Пойменная часть, «нижняя» площадка		
2013, б/н	Раскоп VI, участок 12, выклинивание аллювиального слоя (в слое залежала на ребре)	Полушка, 1754 г.
2014, № 59	Раскоп VI, участок 14, кв. 708, /-378	Копейка, Михаил Федорович
2016, № 15	Раскоп VI, участок 17	Копейка, Михаил Федорович

Как видно из таблицы, монет на «нижней площадке» найдено совсем немного, но две из трех – копейки Михаила Федоровича. Видимо, Смутное время или царствование Михаила Федоровича и является временем начала отложения аллювия в пойме – накопления нижнего суглинистого слоя, происходившего в условиях стоячей воды. Монеты на верхней площадке на столетие моложе, их диапазон от Анны Иоанновны до Екатерины II. Удивительно, но нет не только более ранних монет – нет и более поздних, вплоть до раннего советского периода². По всей видимости, середина XVIII столетия стала периодом, когда аллювиальные наносы стали откладываться на вершине холма и во рвах «домиков мертвых», паводки в этот период были особенно сильными³.

¹Использовалась программа: Bronk Ramsey, C. (2009). Bayesian analysis of radiocarbon dates. Radiocarbon, 51(1), 337–360.

²Советские монеты нами в коллекцию не собирались, но все они были не моложе 40-х гг., в основном же довоенной чеканки.

³Речь идет о нижней границе явления. Они же могли быть такими же полноводными и позднее, просто данных об этом у нас нет. Впрочем, повторим еще раз, слой аллювия на вершине холма тонкий, за исключением рвов «домиков мертвых».

В нашем распоряжении есть еще две находки, которые позволяют очертить время разрушения холма/отложения песка в пойме, обе они – нательные кресты. Первый экземпляр найден на нижней площадке (участок 2 раскопа VIII 2016 г.) в аллювии под слоем песка (рис. 10). Крест можно отнести к типу т.н. «сияющих». По мнению А.К. Станюковича, этот тип креста сформировался в XVII столетии и бытовал в XVIII и даже в XIX в.¹ По мнению В. Коршуна, «кресты с сиянием» распространяются после заключения мира 1686 г. с Речью Посполитой, а производство их приходит в упадок после запретов на металлопластику 1722 и 1723 гг.² Если это мнение верно, то датировку креста можно несколько сузить; в то же время указанные запреты практически не коснулись старообрядческих мастерских, и крест мог быть изготовлен позднее первой четверти XVIII в. Вторая находка (рис. 11) была сделана на восточном склоне холма, в пахотном слое (участок 23 раскопа II, кв. 863, 2011 г., показанный на рис. 5). Следовательно, этот крест мог выпасть в слой после разрушения площадки и образования седловины. Возраст экземпляра, найденного в 2011 г., может быть определен весьма приблизительно: изображение Голгофского креста и головы Адама в пещере может указывать на середину XVII в.³ как на нижнюю границу доверительного интервала. Верхняя также может теряться в XVIII–XIX вв., однако Петровские запреты 1720-х гг. остаются наиболее вероятной верхней датой для этого типа крестов. Вторая половина XVII–первая пол. XVIII вв. является также датой, которая следует из аналогий из раскопа на Романовом Дворе в г. Москве⁴ (там же список других аналогий). В итоге оба креста оказываются приблизительно одного возраста – второй половины XVII–первой четверти XVIII вв., условно говоря, это петровское время, и, вероятнее всего, периоды катастрофических размывов приходятся на этот временной интервал.

Таким образом, история пойменных процессов в Новое время выглядит следующим образом. В Смутное время или царствование Алексея Михайловича начинаются паводки, которые затягивают аллювию до этого распахивавшуюся пойму. Высота паводков и скорости течения пойменных потоков были невелики; скорее всего, вода на пойме даже не текла, а стояла. В Петровское время происходят более мощные наводнения, в результате которых значительная часть памятника оказывается размывтой. Размытый песок переносится в пойменную часть, в ряде случаев, вероятно, замещая собой часть аллювия. Уровень паводков остается достаточно высоким и в период от Анны Иоанновны до Екатерины II, когда песчаным аллювием была покрыта вершина холма.

Итак, изменения водного режима Оки в последние столетия сыграли большую и неоднозначную роль в формировании Щуровского памятника. С одной стороны, паводковыми водами была уничтожена часть памятника, с другой – аккумуляция продуктов размыва на нижерасположенной пойме обусловила уникальную сохранность культурного слоя, позволившую обнаружить интересные детали его формирования.

Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ (проект 17–06–00326 «Заселение левобережья Оки в „Темные века“ (VIII–X вв.) в контексте динамики ландшафтов речной долины в позднем голоцене»).

¹Станюкович А.К. Очерки о русской христианской пластике и церковной сфрагистике XII–XIX вв. М.: Группа «ИскательИ», 2015. С. 25.

²Коршун В. Отражение событий второй половины XVI–первой половины XVIII вв. в иконографии русских нательных крестов // Родная старина. № 1(7). М., 2009. С. 28–29. К сожалению, мы вынуждены сослаться на работы и материалы, полученные в результате незаконных раскопок. Помимо этической стороны встает еще и вопрос профессионализма этих авторов – но других работ по поздней металлопластике нет.

³Коршун В., 2009. Ук. соч. С. 26–27.

⁴Кренке Н.А. Нательные и наперсные кресты // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. С. 110–113. Рис. 78.

Alexandr S. Syrovatko, Andrey V. Panin, Natalya E. Zaretskaya

The role of changes in the water regime of the Oka river in the formation of the Shchurovo archaeological complex in the last Millennium

Abstract. The article examines the genesis of the alluvial layer in the floodplain of the Oka, which blocked the cultural layer of the 2nd and 3rd quarter of the I millenium AD and burial-cremation of the Viking age archaeological complex Shchurovo (the right bank of the Oka river in Moscow region, near the town of Kolomna). The authors come to the conclusion that the beginning of deposition of alluvium refers to roughly first quarter of the 17th century. The area of the floodplain before flood was plowed up, on the contact of alluvium and cultural layers traces of hearths and a large number of scattered animal bones are often found (the latter are scattered all over the field for 400 meters). In the second half of the 17th-18th centuries traces of catastrophic floods were recorded in the stratigraphic sections, which led to the erosion of part of the monument, the destruction of part of the alluvium and the formation of powerful layers of sand in the floodplain. The date of these events was obtained on the basis of the findings of pectoral crosses in the horizons under the sand and over it.

Keywords: Shchurovskiy burial ground, little ice age, geomorphology, pleuotomaria, paleolandscape, radiocarbon Dating.

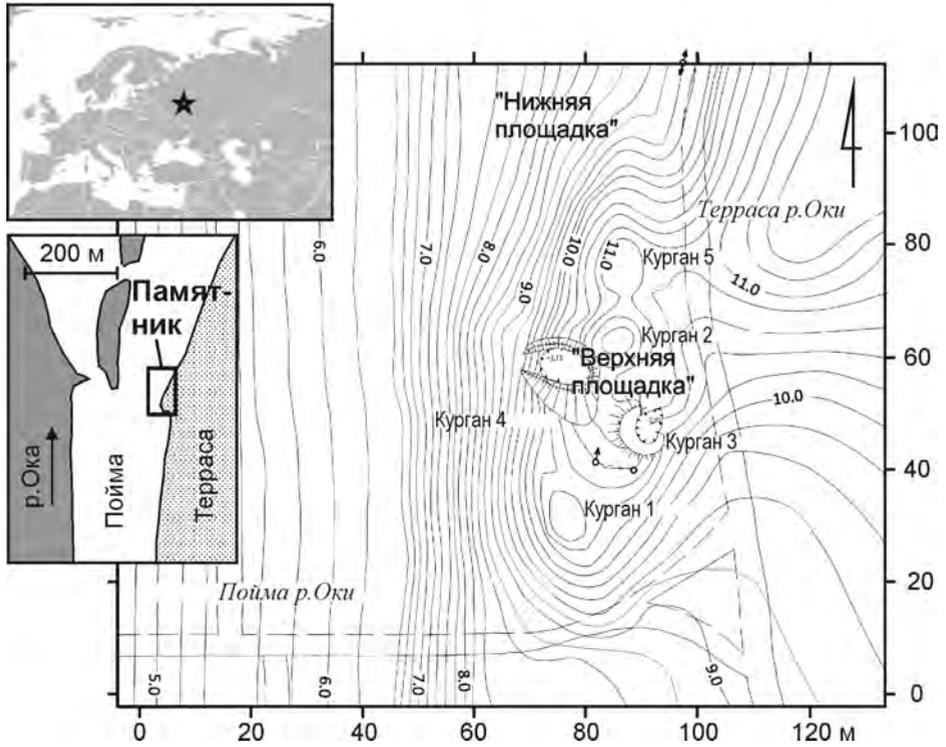

Рис. 1. Расположение и топография памятника

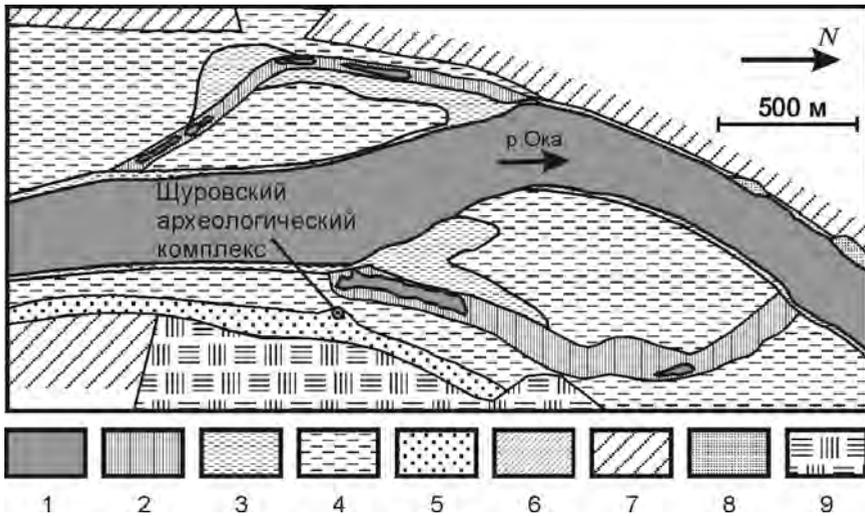

Рис. 2. Геоморфологическая схема шуровского участка долины р. Оки

1 – водные объекты (река, пойменные озера), 2 – отмершие речные протоки, 3 – низкая пойма (1–3 м над рекой), 4 – высокая пойма (5–8 м), 5 – песчаная позднеплейстоценовая речная терраса (11–14 м), 6 – бечевники (эрозионные бенчи), 7 – склоны долины, 8 – искусственные насыпи, 9 – рекультивированный доломитовый карьер.

Рис. 3. Участок профиля раскопа в пойме (раскоп VI, участок 17, северный борт) с выраженными прослоями песка в толще аллювия

Рис. 4. Деталь стратиграфии пойменных отложений (раскоп 6, участок 17, 2017 г.). Снимок взят из серии, выполненной для фотограмметрии нижних отложений, и роль масштаба на нем играют реперы в виде «шпажек». На снимке видны углистый слой («кострица») на контакте аллювия и культурного слоя, нижние прослойки аллювия и нижние прослойки песка

Рис. 5. Пример абсолютно пустого участка в Щурово, на восточном склоне (снимок сделан с крыши машины, участок 23 раскопа 2, 2011 г.). Западнее, под отвалами и за небольшой сосной в левой части снимка, располагались кремации. На данном участке только следы поздней распашки и нательный крестик

Рис. 6. Контуры внутрикурганной канавки и слабые следы от рва — все, что осталось от т.н. «домика мертвых» № 5 на восточном склоне холма (раскоп II, участок 16, 2010 г.)

Рис. 7. Рядом, для сравнения, участок рва того же «домика мертвых», но уже с западной, не пострадавшей от размывов, стороны (участок 14, 2010 г.)

Рис. 8. Профиль северной стенки шурфа 19, 2015 г. в пойме, к северу от раскопов. На освещенной солнцем части стенки виден слой песка, наискось срезающий пачку аллювия и пахотный слой под ним

Рис. 9. Пример пойменных отложений – шурф 3, 2010 г., на берегу старицы. В этом профиле не видно не только мощных прослоев песка – в нем не читается культурный слой и погребенная почва

Рис. 10. Нательный крест из горизонта аллювия под прослоями песка (раскоп 8, участок 2, 2016 г., полевой № 1)

Рис. 11. Нательный крест из пахотного слоя на восточном склоне холма (участок 23 раскопа 2, 2011 г., полевой № 135)

Часть II

Археология и история

Бегунова В.В.

Памятники железного века и средневековья Смоленщины в археологических исследованиях 1918–1929 гг.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность археологов, работавших на Смоленщине в первое десятилетие после революции. Они занимались археологическими исследованиями как самостоятельно, так и в составе краеведческих организаций и научных обществ. Результатом их работы стали важные достижения в деле изучения и регистрации, прежде всего, древностей железного века и средневекового времени на рассматриваемой территории и мероприятия в области их охраны.

Ключевые слова: курганные могильники, городища, селища, древние руины, Археологическое общество, Смоленский государственный объединённый музей, С.М. Соколовский, Е.Н. Клетнова, А.Н. Лявданский, В.Р. Тарасенко, Н.И. Савин, И.М. Хозеров.

В 1918 г. на Смоленщине начал действовать новый государственный орган — Отдел народного образования. В его составе был создан художественно-археологический подотдел¹, в ведение которого входили охрана и собирание предметов искусства и изучение памятников археологии². Представителями подотдела на местах становились специальные уполномоченные лица (или хранители). Среди «хранителей древностей» отмечены С.М. Соколовский — в Рославльском, А.К. Героцкий — в Сычевском, землемер Л.С. Борейшо — в Гжатском, В.И. Грачев — в Смоленске и Гнёздове, П.С. Кулик — в Смоленском и Поречском, Е.Н. Клетнова — Вяземском, Дорогобужском и Юхновском уездах³.

Наиболее выдающиеся успехи в изучении древностей принадлежат С.М. Соколовскому. Он проводил археологические исследования в южных районах Смоленщины ещё до революции. В 1918 г. Соколовский получил открытый лист на право производства раскопок «курганов, городков и могильников в Рославльском уезде», а также на их охрану от умышленной порчи⁴. Вместе с 27 учителями городских школ и учащимися Соколовский провел раскопки курганной группы недалеко от ст. Крапивинской (совр. д. Кубарки). Методика работ не отличалась от дореволюционной: курганы копались не полностью, а колодцами и

¹ В 1919—первой половине 1920 гг. — Смоленский губернский подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, с июня 1920 г. — художественный подотдел Отдела Народного образования.

² ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 46. 1918. Л. 37. Переписка о деятельности художественно-археологического подотдела.

³ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 492. 1919. Л. 4–7, 20, 23. Постановления губернского отдела народного образования об охране памятников искусства и старины.

⁴ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 199. 1918. Л. 25. Переписка о работе подотдела искусств.

траншеями, земля рядом с погребением просеивалась. В первое время были обследованы курганы на р. Ипуть и её притоках — р. Вороницы, а также берега р. Беседь у с. Сукромля, дер. Слобода (совр. Рудня), Корсики (территория совр. Ершичского р-на). В следующем году Соколовский провел раскопки курганных групп в других пунктах: на хуторе Станкевича (совр. д. Глухари), Крестовая, Блинные кучи, Кузьмичи, — а также обследовал некоторые памятники на р. Десне. Во всех курганах были обнаружены труположения на грунте, а также в подкурганных ямах. Соколовским произведены небольшие раскопки на городище у с. Осовик (Брянская область). В 1920 г. он продолжил исследование р. Десны, недалеко от г. Рославля им были раскопаны 4 кургана¹. На основе этих исследований ему удалось установить смешанный характер «аборигенов края», представленный племенами кривичей и радимичей. По его мнению, они селились в XI–XII вв. «в долинах главных рек уезда, являвшихся в то время подъездными путями к великой водной днепровской магистрали»².

В 1918 г. самостоятельные исследования курганов на р. Уже у д. Дежино (Мутышино) в Дорогобужском уезде провёл Н.И. Савин, закончивший Московский археологический институт со званием «учёного археолога». Всего здесь было раскопано 26 курганов, в которых обнаружены кривичские труположения на грунте и подкурганных ямах³.

При художественно-археологическом подотделе постепенно формировался ряд секций, которые решали определённые задачи, связанные с охраной и изучением памятников искусства и старины. Клетнова возглавила археологическую секцию. В этот период она занималась разработкой различных проектов по археологии. В мае 1920 г. при подотделе было создано археологическое бюро, в функции которого входила регистрация «памятников доисторического быта». Инициатива создания бюро также принадлежала Клетновой, которая с момента возникновения организации стала её бессменным председателем. Постоянными участниками заседаний нового учреждения были Л.Я. Лавровский и И.Ф. Барщевский. Для решения проблемы сохранения памятников Смоленской губернии Клетнова подготовила проект «способов охраны археологических памятников и их научного обследования»⁴. Наибольшее внимание бюро уделяло изучению и охране Гнёздовского могильника. Сотрудники бюро неоднократно осматривали курганы Лесной группы и Центральное городище, открыли и обследовали городище на р. Ольше. Прорабатывался вопрос топографической съёмки обширного могильника и создания на этой территории заповедника⁵.

Кроме Гнёздовского комплекса, сотрудников бюро интересовали памятники, находившиеся на территории города и его окрестностей. Прежде всего, планировалось исследование древних церквей (храмов на Смядыни, территории Спасского, Троицкого и Духовского монастырей и некоторых других)⁶. Также внимание исследователей было направлено на известный по работам дореволюционных учёных курганный могильник близ с. Мольково (Кардымовский район), осмотр которого провёл Лавровский⁷.

Преемником археологического бюро стало археологическое общество, которое начало

¹ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3551. 1924. Л. 21–23. Планы работ и отчёты о деятельности Смоленских губернских, городских, уездных музеев за 1924–1925 гг.

² ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 499. 1919–1920 гг. Л. 55. Переписка о работе подотдела по делам музеев и охраны памятников.

³ Савин Н. Раскопки курганов у Дарагобужским и Ельнинским паветах Смаленскай губ. // Працы... Т. II. Менск, 1930а. С. 219–220.

⁴ ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. 1920. Л. 1,3. Протокол № 1 заседания археологического бюро подотдела изобразительных искусств и музеев; подробнее см.: Бегунова В.В. К деятельности Смоленского археологического общества в начале 20-х гг. XX в. // Край Смоленский. Вып. 5. Смоленск, 2016. С. 106–118.

⁵ ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 27. 1920. Л. 3 об., 5, 15–15об.

⁶ ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 36а. Б/д. Л. 1, 3. Отчёт о деятельности археологического бюро при художественном подотделе Смоленской губернии.

⁷ ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. 1920. Л. 21, 24. Протоколы заседаний археологического бюро.

свою работу в феврале 1922 г. В него вступили некоторые студенты Смоленского отделения Московского Археологического института (далее – СО МАИ) – А.Н. Лявданский, А.Ф. Палашенков, В.Р. Тарасенко, К.А. Дергачёв, С.Д. Ширяев. В связи с появлением молодых специалистов произошло некоторое оживление в области археологических исследований.

Новое учреждение должно было собирать сведения обо всех имеющихся археологических памятниках и артефактах в губернии. Главным результатом данной работы должна была стать археологическая карта Смоленщины¹.

Весной 1922 г. представителями общества были проведены работы на Ольшанском городище и сделаны некоторые выводы о его культурном слое². Недалеко от этого городища Лявданский обнаружил другое, на р. Ольше (Новые Батеки), окруженное рядом курганов. Здесь были заложены три разведывательные траншеи на северном конце и середине площадки, а также на скате площадки со стороны реки, позволившие проследить залегающие в нём слои. На месте окружающих городище рвов на его северном и южном краях были вырыты пробные шурфы³.

Интересные результаты в июне 1922 г. принесли раскопки Заольшанской и, вероятно, нескольких курганов Нивлянской группы, проведённые под руководством Клетновой. Во всех курганах был прослежен «похоронный обряд полного трупосожжения»⁴. Впервые результаты этих исследований были опубликованы Клетновой в издании ГубОНО «Смоленская новь». Выпускник СО МАИ В.П. Рогов осмотрел городища в Духовщинском уезде на р. Прость. Секретарь общества, ассистент кафедры археологии Смоленского университета А.П. Серебренников собрал материал о памятниках в Ельнинском уезде. Дергачёв начал обследование городищ в Смоленском уезде Хохловской волости⁵.

Археологическое общество было создано в переломный момент и на какое-то время смогло объединить опытных исследователей и тех, кто только начинал свой путь в археологии. Дореволюционные учёные смогли увлечь молодых специалистов, а в результате совместных исследований передать накопившиеся знания и наметить основные направления археологической деятельности. В 1923 г. археологическое общество прекращает свою деятельность по причине опоздания с перерегистрацией, которую необходимо было пройти по закону всем научным организациям. Членами общества был разработан устав нового учреждения, которое стало именоваться Обществом древностей при Смоленском государственном университете⁶.

Клетнова покинула страну в 1924 г. Находясь в Праге, она опубликовала работу историографического характера, посвященную результатам изучения Гнёздовского могильника. В ней содержатся размышления о заселении территории Смоленщины славянами и другими племенами. По мнению Клетновой, наиболее изученная ею восточная часть губернии изначально была заселена финскими народами до продвижения на эту территорию славян. Она также пришла к выводу, что основным населением Гнёздова являлись представители западных славян⁷.

После закрытия Археологического общества инициатива в деле изучения археологических памятников перешла к А.Н. Лявданскому. С этого времени начались более решительные шаги в деле обследования и регистрации памятников археологии. В 1923 г. он

¹ ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 33 об. и др.

² Клетнова Е. Н. Раскопки в Гнёздове // Смоленская новь, 1923. №№ 3–4. С. 52.

³ Клетнова Е.Н. Ук. соч., 1923а. С. 57; Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924. С. 150–151.

⁴ Клетнова Е.Н. Ук. соч., 1923. С. 54–56.

⁵ ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 35а. Л. 43–43 об.

⁶ СМЗ. Ф. 8. Оп. 3. Д. 85. Материалы Смоленского археологического общества 1922–1923 гг.

⁷ Клетнова Е.Н. Великий Гнёздовский могильник // *Niderlův Zbornik. Praha*, 1925. С. 321.

совместно с другими выпускниками СО МАИ и краеведами провёл осмотр местности в районе Гнёздова и завершил подсчёт общего количества курганов обширного Гнёздовского могильника. Однако Лявданский не ограничился изучением уже известных памятников, а поставил целью выявление новых и расширение ареала исследований. Он стал инструктором Комитета по охране памятников искусства и старины и, производя обследование, информировал об имеющихся в отношении некоторых памятников нарушениях¹. Были осуществлены разведывательные работы в пределах Смоленского района по р. Днепр и его притокам (реки Мошна, Россажа, Дрёсна, Нагаты, Хмара). В районе, примыкающему к Гнёздовскому комплексу памятников, Лявданскому удалось открыть и обследовать новые городища у деревень Бурая, Булохи, Демидовка, Полежанки, а также ряд других, расположенных в пределах Смоленского и Ельнинского уездов, в том числе и Лестровское² в Смоленске. Совместно с Дергачёвым на Лахтеевском городище на р. Мошна был заложен небольшой раскоп. Были произведены раскопки курганов у деревень Полежанки (Новосёлки) и Кушлянщина³.

С формированием сети государственных и уездных музеев и созданием законодательной базы решение задач обследования, регистрации и охраны памятников было возложено на Смоленский губернский музей. В 1923 г. его заведующим Ширяевым были осмотрены некоторые городища в Смоленском уезде (Кучино, Волхово-Доброе, Зверовичи и другие)⁴.

К 1924 г. штат сотрудников музея значительно пополнился, в него вошли многие бывшие члены Археологического общества. Палашенков занял должность хранителя коллекций Смоленского музея искусств и древностей, Лявданский — научного сотрудника историко-этнографического музея, Савин — заведующего музеем в Дорогобуже, а Соколовский — в Рославле⁵. В октябре 1924 г. был образован Смоленский государственный объединённый музей (далее — СГОМ), одним из направлений деятельности которого являлось обследование и регистрация памятников археологии. Предпринятые музеем работы стали продолжением исследований, начатых ещё Лявданским и его единомышленниками. Все данные заносились в карточный каталог для составления археологической карты Смоленской губернии⁶.

Весной 1924 г., во время очередного осмотра Гнёздовского комплекса памятников, Лявданский сделал важное открытие. Впервые рядом с Гнёздовскими городищами были обнаружены неукрепленные поселения (Центральное, а затем и Ольшанское)⁷. Селища были обнаружены и рядом с некоторыми открытыми ранее городищами и курганами (Кушлянщина, Петрово). Кроме того, исследования проходили и в северо-западном направлении, в бассейне Западной Двины. Лявданский обнаружил памятники на р. Катънь, вокруг Купринского озера у деревень Ладыжицы, Куприно и Ермаки, около Касплянского озера⁸.

Результаты проведённых в 1923–1924 гг. работ были опубликованы Лявданским в статье «Материалы к археологической карте Смоленской губернии», вышедшей в издании «Труды Смоленских гос. Музеев». Исследователь сделал подробное описание расположения и размеров курганных групп и подготовил карту обширного Гнёздовского могильника

¹ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3558. 1924. Л. 19–22 и др. Переписка о памятниках первобытной культуры.

² Археологические новости // Рабочий путь. № 156. Смоленск, 1923. С. 6.

³ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3112. 1923. Л. 94–94 об. Планы работы, доклады, отчёты музеев за 1923 г.; ГАСО. Ф. Р-19. Д. 3551. Л. 2.

⁴ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3112. 1923. Л. 94 об.

⁵ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3554. 1924–1925 гг. Л. 107. Сметы, отчёты, переписка о работе Смоленского губернского музея.

⁶ ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3554. Л. 6 об.

⁷ Лявданский. Ук. соч. 1924. С. 139–142, 148–149.

⁸ ГАСО. Ф. Р-455. Д. 34а. Л. 21 об. Материалы об охране и изучении историко-археологических памятников Смоленского края.

и прилегающего к нему района. Все курганы он разделил по форме на конические, плоские, четырёхугольные, удлинённые и круглые «с куполообразной вершиной», причём последние являлись наиболее распространёнными¹.

Городища, встречающиеся на этой территории, он относил к двум разным группам. Их основными отличительными признаками были размеры и наличие определённого типа посуды. Лявданский пришёл к выводу, что данную местность населяли два разных народа — славяне (кривичи) и скандинавы, которые и оставили разнохарактерные поселения. Более древние, небольшие по размеру городища принадлежали славянам и содержали находки керамики без использования гончарного круга (у деревень Бурая, Булохи, Веселевщина, Полежанки, Демидовка). Они существовали с древних времен до конца IX—начала X вв. В дальнейшем, по его мнению, в этом районе среди кривичей «утвердились» скандинавы. Им принадлежали два больших городища в Гнёздове с гончарной керамикой. Население, проживавшее здесь в X и отчасти XI вв., и оставило крупный могильник². Самостоятельную группу городищ Смоленского уезда, по мнению Лявданского, составляли так называемые «круглые» городища маленького размера, расположенные среди болот, большинство которых было оставлено каким-то неславянским народом. Ряд признаков указывал, по мнению автора, на использование их в обрядовых целях³. На Лахтеевском городище он отметил керамику и находки, близкие к дьяковским. Некоторые осмотренные городища в бассейне Западной Двины исследователь также сближал с изученным «Гнёздовским районом»⁴.

В 1925 г. удалось добиться улучшения финансирования археологических работ, по смете на экспедицию было выделено 185 руб.⁵ Лявданский продолжил работы по обследованию ранее известных и новых памятников в бассейне Днепра (реки Сож, Россажа, Лучесьянка, Березинка, Хмара и др.). Всего за эти годы были взяты на учёт 700 городищ, до 2000 курганных групп. В окрестностях Смоленска и Гнёздова открыты 13 новых городищ. Лявданским были осуществлены раскопки на Ковшаровском городище на р. Сож, которые впервые позволили подробно охарактеризовать материальную культуру оставивших их племён⁶.

Все собранные Лявданским данные о городищах были опубликованы в «Научных известиях Смоленского государственного университета» в 1926 г. Впервые была разработана подробная классификация этих памятников. К первой группе относились городища «древнейшего происхождения» с культурным слоем, содержащим лепную керамику, и рядом особенностей (чаще всего — овальная форма, незначительные размеры, разнообразная система валов и рвов). Во вторую группу входили городища среднего размера, без культурного слоя и мощных укреплений. По его предположению, это были места «игрищ, сборищ», но абсолютно точно не могли быть жилыми. Третью группу представляли упоминавшиеся ранее «болотные» городища. Все три группы были близки хронологически и датировались VI—VIII вв.⁷ Этнически с большей вероятностью они могли принадлежать литовцам, заселявшим городища до расселения на Смоленщине «славян-колонизаторов». Многие древнейшие городища Смоленщины первой группы в XI—XIII вв. использовались славянами («ранейшие» с «позднейшей» славянской культурой), которые оставили верхние культурные напластования (Ковшаровское, Ободровское, Вонлярлярское и другие)⁸.

¹ Лявданский. Ук. соч., 1924. С. 166.

² Лявданский А.Н., 1924. С. 167—168.

³ Лявданский А.Н., 1924. С. 174—175.

⁴ Лявданский А.Н., 1924. С. 182—184.

⁵ ГАСО. Ф. Р-455. Д. 34а. Л. 22.

⁶ Лявданскі А.Н. Археолігічныя досьледы у Смаленскай губерніі за 1918—1928 рр. // Працы... Т. I. Менск, 1928. С. 286.

⁷ Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные изв. СГУ. Т. III. Вып. 3. Смоленск, 1926. С. 187, 190.

⁸ Лявданский А.Н., 1926. Ук. соч. С. 183—185.

В отдельную группу (IV) он выделил городища позднейшего времени (средневековые)¹. Наиболее ранними являлись два городища в Гнёздове, Зверовичах на р. Лупе и Осовик на Десне, которые появились не ранее IX–XI вв. Все городища IV группы могли являться «укреплённым пунктом» или «местной языческой святыней». Основная же часть жителей селилась на неукреплённых поселениях, следы которых также были обнаружены².

Для решения вопроса о первоначальном месте Смоленска Лявданским проводились исследования на памятниках, расположенных на территории города. В его окрестностях были обнаружены Рачевское и Лестровское городища. Но исследования показали, что они предшествовали Смоленску и относились к более древнему времени. В результате небольших раскопок на Соборной горе, как предполагаемого «первичного центра», не было обнаружено слоёв IX–первой половины XI вв. А обнаружение двух крупных селищ в Гнёздове для него явилось возможным доказательством существования первого городского поселения на месте крупного археологического комплекса³.

В 1926–1927 гг. Лявданский поставил цель – выяснить связь расположенных поблизости с поселениями курганных групп для решения вопроса их одновременности. С этой целью было произведено исследование памятников по рекам Днепр, Каспля, Сож в центральной части Смоленщины. На ряде уже открытых ранее были осуществлены небольшие раскопки. Здесь Лявданский применил новую методику изучения курганов, которая заключалась в полной раскопке насыпей, с разделением их на сектора и оставлением перемычек⁴. Были обследованы памятники у деревень Рудня, Ямполье, Вязовенька, Пуятинки, Маркатушино, Катынь, Куприно и др. На уже известных городищах производились небольшие разведывательные раскопки (Лестровка, Преображенское, Хохлово (Крюково), Тихановщина (Корытня), Волоковая, Пилички, Лакисы и другие). Во время осмотра неолитической стоянки у дер. Верхние Немыкари (Козичино) на поверхности были обнаружены остатки кальцинированных костей. На основе этих находок Лявданский сделал вывод о нахождении здесь «поля погребальных урн», которое он отнёс ко времени раннего железного века, а позднее датировал началом н.э. Он отметил, что обнаруженный памятник относился к ранее не известной в Смоленском крае погребальной традиции без возведения курганной насыпи. Такие памятники он связывал в дальнейшем с населением, оставившим древнейшие городища первой группы⁵. Последующими исследователями этот грунтовый могильник был признан одним из немногих на Смоленщине, принадлежащим зарубинецкой культуре⁶.

Результаты этих раскопок были опубликованы после переезда Лявданского в Минск в Трудах археологической комиссии БАН. В этой работе он усовершенствовал свою классификацию городищ. Лявданский разделил «раннейшие» городища первой группы на две различных категории по керамическому материалу. В пределах Смоленщины в основном встречались городища с «гладкостенной» лепной керамикой (в настоящее время это памятники днепро-двинской культуры). Городищам с гладкостенной посудой он противопоставлял находки керамики, имеющей штрихованную поверхность, распространённой на территории Белоруссии и изредка встречавшейся также на памятниках западной части Смоленской губернии. По времени существования последние предшествовали более

¹ Лявданский А.Н., 1926. С. 191–193.

² Лявданский А.Н., 1926. С. 245–250.

³ Лявданский, 1924. Ук. соч. С. 168–171; Лявданский, 1926. Ук. соч. С. 208–209.

⁴ Лявданскі А.Н. Археологічныя досьледы у вадазборах рр. Сажа, Дняпра, Каспльі у Смаленскай губэрні // Працы... Т. II. Менск, 1930. С. 269.

⁵ Лявданскі А.Н., 1930. Ук. соч. С. 282–285; Лявданскі А.Н. Археологічныя досьледы у Смаленшчыне// Працы... Т. III. Менск, 1932. С. 39.

⁶ АКР. Смоленская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1997. С. 206. № 589.

поздним городищам с «гладкостенной» посудой. Оставалось не до конца выясненным этническое определение древнейших городищ¹.

Все курганы Лявданский разделил по характеру погребения на два типа. Более ранние — «дославянские» курганы с трупосожжениями и лепной керамикой предшествовали славянским с трупоположениями, в которых встречалась гончарная посуда. Древнейшие погребения до прихода славян имели предположительно «прибалтийское происхождение»².

В результате соотнесения материала из раскопанных курганных насыпей и городищ в большинстве случаев исследователь отметил его тождественность. Но он заметил, что обнаруженная в некоторых из них лепная керамика не была аналогичной найденной на близлежащих городищах. Однако окончательно разрешить вопрос о связи курганов с древними поселениями Лявданскому так не удалось.

В 1924 г. Соколовским были произведены раскопки 37 курганов с трупоположениями, найденными в курганах по р. Деревуж (совр. д. Колпеница). Видимо, после этих работ ему было отказано в выдаче очередного открытого листа, так как для ГАИМК приёмы его исследований и отчётности оставались совершенно неясными³. В это время Соколовский завершает свой главный труд — археологическую карту уезда, которая отличалась «большой точностью в отношении географического положения» памятников и «исчерпывающей полнотой археологических сведений». Карта была готова ещё в 1918 г., но постоянно дополнялась и корректировалась. Как отметил Соколовский, она составлялась «при исключительно благоприятных условиях: при личных разъездах на бесплатных лошадах в течение 18-ти лет земской службы, а главное при увлечении поставленной задачей». Среди зарегистрированных памятников, кроме стоянок и предметов каменного века, некоторых памятников бронзового века, на тот момент ему удалось нанести на карту: 56 «городков, городищ, городцов», 226 номеров курганных групп с «пересчитанными насыпями» (продолговатой и сферической формы) (по сведениям, предоставленным в 1925 г.). Он отмечал отдельно курганы со следами раскопок и неисследованные или уничтоженные распашкой. Причем, раскопанные он разделил на типы по способу захоронения: трупосожжения, трупоположения «поверхностные» и в грунтовых ямах. Отмечены были также случайно обнаруженные находки и денежные клады⁴. Эта карта была опубликована только в 1932 г. Лявданским, который обобщил и проанализировал все собранные за многие годы материалы по Рославльскому уезду.

На основе анализа материалов Соколовского и новых данных о городищах Лявданский несколько изменил свою классификацию. «Раннейшие» городища с лепной штрихованной керамикой он теперь относил ко времени освоения человеком железа и датировал рубежом — первыми веками н.э. Более поздние по времени «раннейшие» городища с «гладкостенной» посудой существовали во второй половине I тыс.н.э. «Болотные» городища, по его мнению, возникали после оставления прежним населением «старейших» городищ первой группы, в конце I тыс. н.э. Но так и не удалось до конца выяснить, к какому народу они могли относиться. Поздние же городища (II, IV группы) здесь, как и на остальной территории Смоленщины, принадлежали славянам и существовали в IX—XIII вв.⁵

В 1923—24 гг. Н.И. Савин, являясь заведующим Дорогобужским музеем, провёл

¹ Лявданскі, 1930. Ук. соч. С. 335.

² Лявданскі, 1930. Ук. соч. С. 277, 337; РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. 1927. Л. 12. Отчёт о раскопках в Смоленской губернии в 1926 г.

³ РО ИИМК. Ф. 2. 1926. Д. 135. Л. 13. Раскопки в месте слияния рр.Острика и Остра в Рославльском уезде Смоленской губернии.

⁴ ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 5. Д. 12. Л. 3—3 об. Археологическая карта Рославльского уезда, составленная С.М. Соколовским.

⁵ Лявданскі А.Н., 1932. Ук. соч. С. 40—42, 54.

раскопки в курганных могильниках у деревень Недники, Харлапово, Усвятые¹. В 1925 г. работы производились им в некоторых пунктах по течению р. Угры: д. Высокое, Хотнежицы, Акулинин Бор (Оселье)². В 1927 г. Савин продолжил исследования Ельнинского уезда. Здесь у д. Милеево он раскопал 10 курганов. Он применил новую методику, при которой для изучения слоёв насыпи копались четырьмя траншеями до основания. Исследователь отмечает, что иногда во время работ таким способом замечал «по прерванным слоям насыпи впускные погребения»³. Только в 1930 г. материалы его раскопок были опубликованы на белорусском языке в виде заметок в «Працах» — Трудах АК БАН. Большинство насыпей содержали труположение на грунте, со временем сменившееся, по мнению автора, положением костяка в грунтовой могиле, размер которой со временем увеличивался. Курганы с трупосожением были на обследуемой территории редким исключением (Тимашово). Исследователь отметил некоторые особенности обряда (обертывание покойного берестой или дубовой корой, изредка подсыпка песка)⁴. Все находки, по мнению Савина, свидетельствовали о высоком уровне развития культуры кривичей⁵.

Летом 1925 г. В.Р. Тарасенко, начавший работы совместно с Лявданским, совершил самостоятельные поездки с целью осмотра археологических памятников, главным образом, интересующих его городищ⁶. От Смоленского музея он получил удостоверение лишь на право поверхностного обследования памятников⁷. После получения открытого листа в 1926–27 гг. Тарасенко смог осуществить более обширные исследования. Это была совместная экспедиция музея и возникшего в 1926 г. Смоленского общества краеведов⁸. В работах принимал участие создатель Рачевского музея Г.В. Парфенов⁹. На наличие памятников был осмотрен Смоленский уезд (на территории совр. Смоленского, Кардымовского и Краснинского районов). Из числа впервые обследованных городищ нужно отметить Бишкарёвское, второе — на Рачевке, Красная горка, Толпа, Сосенки, Новый двор, Захарино, Абрамово, Городище, Городец, а также одно у д. Городище Вяземского уезда (совр. Сафоновский район). Некоторые данные были получены об укрепленных поселениях в бассейне р. Угры. На ряде городищ были заложены археологические шурфы (не больше двух на памятнике)¹⁰.

Летом 1928 г. Смоленским и Дорогобужскими музеями была организована совместная палеоэтнологическая экспедиция по водоразделу рек Осьма, Угра и Ока. Она была осуществлена под руководством А.Ф. Палашенкова, которому в результате удалось открыть ранее не известные городища на реке Угре¹¹.

В 1929 г. Тарасенко предполагал продолжить исследования верховьев Днепра, от истоков и до Смоленска¹². Представителями Смоленского общества краеведов было организованы

¹ РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 182. О раскопках Н.И. Савина в Дорогобужском уезде Смоленской губернии.

² РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 119. Раскопки Н.И. Савина в Дорогобужском уезде Смоленской губернии.

³ РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 172. 1928. Л. 28,30. Раскопки Н.И. Савина в б. Ельнинском и Ярцевском уу. Смоленской губ. 1928 г.

⁴ Савин Н.И., 1930. Ук. соч. С. 221–225.

⁵ Савин Н.И., 1930. Ук. соч. С. 242–243.

⁶ Подробнее см.: Бегунова В.В. Смоленский период археологической деятельности В.Р. Тарасенко // Край Смоленский. № 4. Смоленск, 2016. С. 26–30.

⁷ РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 118. 1926; Д. 206. 1927. Л. 2. Разведка В.Р. Тарасенко в Смоленской губ. (пепериска и рукопись «Археологические разведки городищ в 1926–27 гг.).

⁸ К 1928 г. Тарасенко становится руководителем Археологической секции Смоленского общества краеведения (РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. 1929. Л. 2. Работы В.Р. Тарасенко по обследованию городищ Смоленского края).

⁹ Край Смоленский. № 1. 2016 г. С. 39–56.

¹⁰ РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 118. 1926; Д. 206. 1927. Л. 11–12; РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. 1929. Л. 5–29; Ляуданскі А.Н., 1928. Ук. соч. С. 289.

¹¹ ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 4. Д. 2. Л. 66. Планы и отчёты музея и экспедиций (1928–1929 гг.).

¹² РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. 1929. Л. 2.

три экспедиции продолжительностью по полтора месяца. Первый поход в Переснянскую и Кардымовскую волости Смоленского уезда не принёс результатов, новые археологические памятники не были обнаружены. Второй поход был осуществлён в бывший Ельнинский уезд. Следующая крупная экспедиция была направлена в верховья Днепра. Она проследовала по маршруту от Вязьмы и Сычёвки до Дорогобужа¹.

На основании произведённых исследований Тарасенко подтвердил наличие на изученных укрепленных поселениях разновременных культур. Одна из них принадлежала славянам, изготавливавшим керамику на гончарном круге. Но исследователь затруднялся ответить, к какому этносу относились «древнейшие насельники» Смоленщины, оставившие «лепленую от руки» посуду в нижних культурных пластах городищ. Тарасенко составил свою классификацию этих памятников, разделяя их по внешнему виду и устройству на три вида: а) треугольные; б) яйцевидной, или овальной формы, у которых «края площадки значительно возвышаются над местностью» и с мощной системой валов; в) круглой формы и небольших размеров, окруженных болотами, чаще всего без вещей².

Отдельным направлением исследований 1920-х гг. было изучение древних памятников зодчества на территории города, прежде всего, сохранившихся храмов Петра и Павла, Иоанна Богослова и Свирской церкви³. В 1923–28 гг. в процессе проводившихся реставрационных работ церкви Петра и Павла сотрудник музея И.М. Хозеров произвёл схематический обмер плана здания. В 1924 г. совместно с С.Д. Ширяевым им были осуществлены работы у северо-восточного угла храма Иоанна Богослова, благодаря которым удалось обнаружить ранее неизвестную апсиду северного придела храма. Осуществлены также раскопки юго-восточного придела, открыта восточная стенка в виде «большой алтарной апсиды». В церкви Михаила Архангела были обследованы нижние части стен и фундаменты. Удалось уточнить размеры и глубину залегания фундамента «бесстолпной церкви в детинце», которая была принята С.П. Писаревым за «Мономахов собор». В 1926 г. на Воскресенской горе Хозеров вскрыл траншеей часть южной стены ранее неизвестного храма. В следующем году при земляных работах на углу улиц Соболева и Верхний Волок, в восточной части города, был изучен также участок южной стены нового храма на Малой Рачевке. В 1929 г. были осмотрены фрагменты кладки и некоторые архитектурные особенности известной по работам Писарева церкви у устья р. Чуриловки. Результаты работ были опубликованы в пражском сборнике, а также в Кратких сообщениях ИИМК⁴.

За период «золотого десятилетия» краеведения в области археологии на Смоленщине были осуществлены исследования и сделаны важные открытия, которые были продолжены после войны на более высоком научном уровне. Материал, собранный в результате работ Археологического общества, систематические исследования памятников железного века и средневековья, проведённые Лявданским и Тарасенко, раскопки курганных древностей, проведённые Соколовским, Савиным, остаются актуальными до сегодняшнего времени. Все коллекции, добытые в результате этих работ, были утрачены во время военных действий, информация о них сохранилась только в публикациях исследователей и некоторых архивных материалах.

¹ Тарасенка В.Р. Археологічныя абсьледованы на Смаленшчыне у 1929 р. // Працы... Т. II. Менск, 1930. С. 516.

² Тарасенка В.Р. Археологічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне у 1926–1828 рр.// Працы... Т. II. Менск, 1930. С. 142–143.

³ ГАСО. Ф. Р-455. Д. 34а. Л. 48.

⁴ Хозеров И.М. Новые данные о памятниках древнего Смоленска // *Seminarium Kondakovianum*. Т. II. Прага, 1928. С. 355–360; Хозеров И.М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XI. М.–Л.: Наука, 1945. С. 20–26; Хозеров И.М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Мн.: Навука і тэхніка, 1994. 151 с.

Viktoria V. Begunova

The place of the Iron Age and the Middle Ages sites of the Smolensk region in archaeological research of 1918–1929

Abstract. The article examines the activities of archaeologists in the Smolensk region in the first decade after the revolution. They were engaged in archeological studies, both independently and as the members of local organizations for the historical studies and scientific societies. Primarily, their work resulted in important achievements in the study and registration of the Iron Age and Medieval sites of the region. Also, they were active in the protection of monuments.

Keywords: burial mounds, hillforts, ancient settlements, ruins, the Archaeological Society, the Smolensk State United Museum, S.M. Sokolovsky, E.N. Kletnova, A.N. Lyavdansky, V.R. Tarasenko, N.I. Savin, I.M. Hozerov.

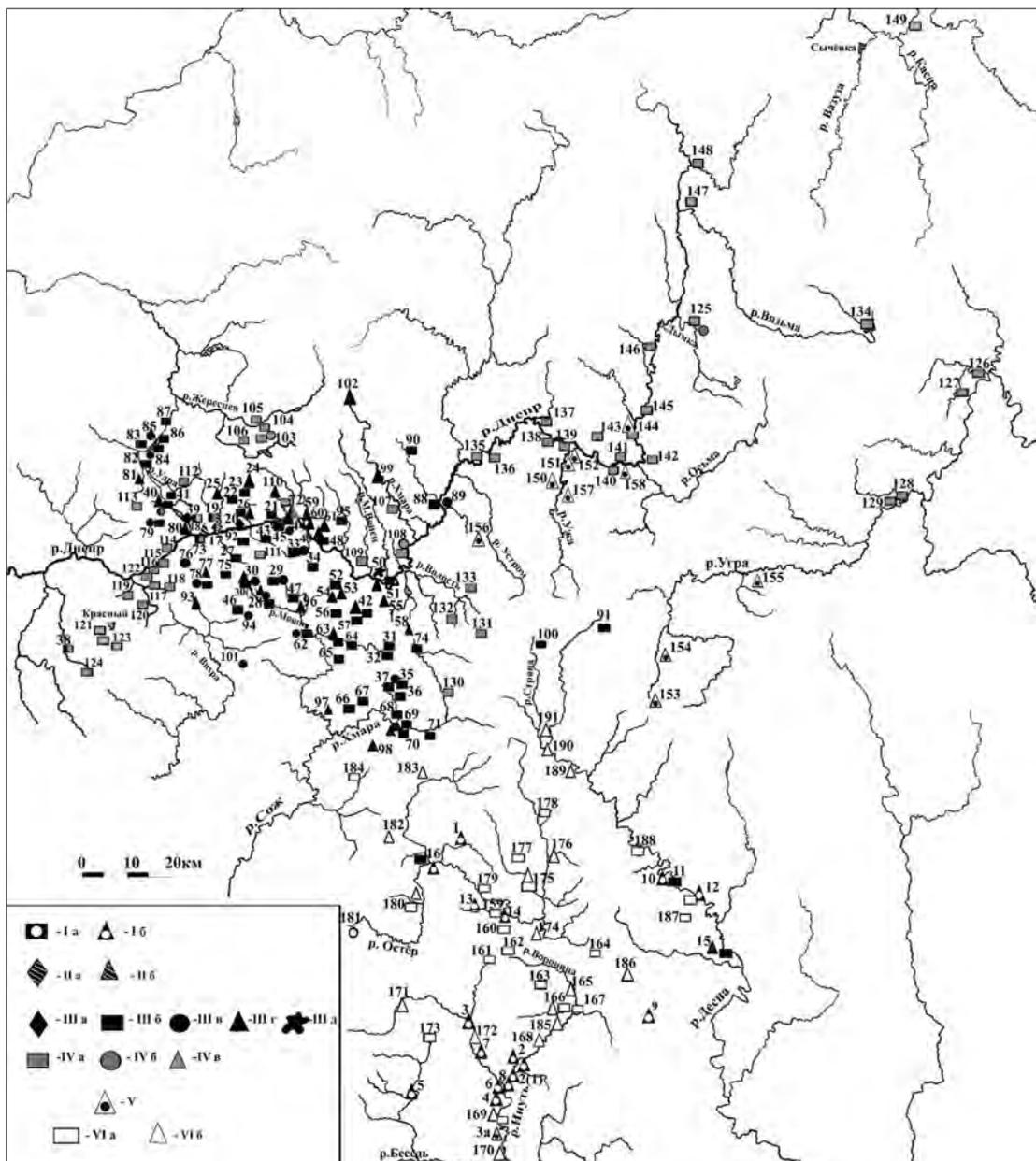

Рис. 1. Памятники эпохи раннего железного века и средневековья, исследованные в 1920-е гг. в Смоленской губернии (не учитывались зарегистрированные, культурная принадлежность которых не была определена исследователями)

Раскопки С.М. Соколовского:

Условные знаки: I а – городище, I б – курганный могильник.

Памятники: 1918–1919 гг. 1 – Кубарки (ст. Крапивенская), 2 – Сукромля 1, 2 (1) – Сукромля 2 (урочище «Пильня»). 1918 г.: 3 – Рудня (Слобода), 3 (1) – Корсики 1. 1919 г.: 4 – Крестовая 1, 5 – Кузьмичи 1, 2. 6 – Крикшино, 7 – Блинные кучи, 8 – Глухари (хутор Станкевича), 9 – Сеща**, 10 – Степаньково (Лозицы). 11 а, б – Осовик**. 12 – Хлюстинка**. 1920 г.: 13 – Шумячка*, 14 – Воронки*. 1921 г.: 15 – Бологча**. 1923–1924 гг.: 16 – Колпеница (Деребуж).

Раскопки участников Археологического общества под руководством Е.Н. Клетновой в 1920–1922 гг.

Условные знаки: II а – археологический комплекс, II б – курганный могильник: 17 – Гнёздово (Ольшанское городище, Заольшанская курганная группа), 18 – Гнёздово (Нивленская курганная группа), 19 – Новые Батеки («Ольшанское-Батеки»).

Работы А.Н. Лявданского (проводились раскопки, собран подъёмный материал).

Условные знаки: III а – археологический комплекс, III б – городище, III в – селище, III г – курганный могильник, III д – грунтовый могильник. 1922 г.: 19/1 – Новые Батеки. 1923–1924 гг.: 20 – Гнёздово (Центральное городище и селище), 17/1 – Гнёздово (Ольшанское городище и селище), 21 – Лестровка (работы производились также в 1927 г.), 22 – Соколово (Бурая), 23 – Булохи, 24 – Дивасы, 25 – Олыша, 26 – Новосёлки (Полежанки), 27 – Демидовка, 28 – Лахтево, 29 – Петрово, 30 – Кушлянщина, 30(1) – Теличино (Комаровщина), 31 – Холм, 32 – Красногорье, 33 – Богородицкое, 34 – Знаменское (Церковище), 35 – Буловицы, 36 – Белое (Белая), 37 – Зяхино, 38 – Зверовичи, 39 – Ерши-Ладыжицы, 40 – Старое Куприно (Куприно), 41 – Ермаки, 42 (Б) – Путятинки (Окулы), 43 – Верхне-Ясенная. 1924–1925 гг.: 44 – Рачевское («Круглый стол»), 45 – Соборная гора. 1925–1927 гг.: 46 – Беленки, 47 – Бобыри (Ободрово), 48 – Соколья гора (Преображенское), 49 – Ясная поляна (Преображенское), 50 – Козичино (ранее у дер. Верхние Немыкари), 51 – Верхние Немыкари (Колупаево), 52 – Шапырёво, 53 – Березинка, 54 – Яново, 55 – Арёфино, 56 – Кучино, 57 – Бабыново, 42(Г) – Путятинки, 58 – Огарково, 59 – Колодня (ст. Дросна), 60 – Маркатушино, 61 – Митино, 62 – Покровское (Ковшары, Ковшаровское), 63 – Ямполье, 64 – Васильево (Вошкино), 65 – Колычёво, 66 – Осташково, 67 – Прудки, 68 – Городок, 69 – Рудня, 70 – Козятники (Демешки), 71 – Мачулы, 72 – Вязовенька, 73 – Коково* (Новосёлки), 74 – Никульчино, 75 – Хохлово (Крюково), 76 – Кончинка, 77 – Цурковка, 78 – Корытня (Тихановщина), 79 – Вонлярово, 80 – Катынь, 81 – Гончаренки*, 82 – Волоковая, 83 – Вавулино, 84 – Пилички, 85 – Нижние Горбуны, 86 – Каспля, 87 – Лакисы (Лукасы), 88 – Радчино*, 89 – Заборье, 90 – Володино, 91 – Ельня, 16/1 – Колпеница (Деребуж). 1929 г. (по сведениям Н.В. Конвисарёва): 92 – Дроветчино.

Условные знаки: IV а, б – без даты (случайные находки): 93 – Жули*, 94 – Червонное, 95 – Николо-Яровеньки, 96 – Гевино, 97 – Акулиники, 98 – Медведка*, 99 – Сопачёво, 100 – Волково-Егорье, 101 – Деньгубовка, 102 – Топорово (Новосёлки).

Работы В.Р. Тарасенко (закладывались шурфы, собран подъёмный материал).

Условные знаки: IV а – городище, IV б – селище, IV в – курганный могильник. 1925 г.: 34 – Знаменское (Церковище). 1926–1927 гг.: 103 – Захарино, 104 – Абрамово, 105 – Сосенки, 106 – Новосёлки, 107 – Любково (открыто в 1925 г.), 108 – Бельчицы, 109 – Бишкарёво*, 44/1 а, б – Рачевское, 72/1 – Вязовенька, 110 – Печерск, 19/2 – Новые Батеки, 111 – Михновка (Новый двор), 112 – Соболи, 113 – Толпа, 39/1 – Ладыжицы, 40/1 – Старое Куприно, 73/1 – Коково* (Новосёлки), 114 – Красная горка, 115 – Волково, 116 – Горбачи (Прудники), 117 – Даниловка (Жорновка), 118 – Ржевка, 119 – Смилово, 120 – Никулино. 1928 г.: 38/1 – Зверовичи, 121 – Павлово (Волхово-Доброе), 122 – Городец, 123 – Буяново, 124 – Городище, 125 – Городище (Сафоновский р-н), 126 – Азаровка (Василевщина); 127 – Дрожжино, 128 – Городище 1 (Самбурово), 129 – Городище 2. 1929 г.: 130 – Сергеево, 131 – Болтутино (Демидовка, Кокоревка), 132 – Орлово (Павлово), 133 – Болотово (Рудлово), 134 – Вязьма, 135 – Буяново, 136 – Елча, 137 – Волочек* (Кондратово*), 138 – Большое Шевелёво (Успенское), 139 – Киселёво, 140 – Дорогобуж, 141 – Иваново, 142 – Благовещенское, 143 – Наквасино, 144 – Верхнеднепровский, 145 – Перстенки, 146 – Городок, 147 – Городня, 148 – Никола-Немощёный, 149 – Савики (Совяки).

Раскопки Н.И.Савина.

Условные знаки: V – курганный могильник. 1918 г.: 150 – Дежино (Мутишино). 1923 г.: 151 – Недники. 1924 г.: 144/1 – Верхнеднепровский (Харлапово), 152 – Усвяжье. 1925 г.: 153 – Бабичи (Высокое), 154 – Хотнежицы*, 155 – Оселье (Акулинин Бор). 1927 г.: 156 – Милеево. 1929 г.: 157 – Ректы (Павлово), 158 – Шагирка*.

Условный знак: VI а, б – без даты (памятники, датированные А.Н. Лявданским на основе сведений и случайных находок, собранных С.М. Соколовским): 159 – Рославль (Бурцева гора), 160 – Лотовиново, 161 – Гореново (Слободище), 162 – Юрьево, 163 – Жарынь, 164 – Крутица, 165 – Турово*, 166 – Епишево, 167 – Ст. Фоминичи, 168 – Тросна-Ивакино, 169 – Рухань (Любутовка), 170 – Семеричи**, 171 – Краснозаборье*, 172 – Староселье*, 173 – Беседка, 174 – Волковичи, 175 – Любовка, 176 – Надворное*, 177 – Приселье, 178 – Костыри, 179 – Васково, 180 – Погорелово, 181 – Песчанка, 182 – Ляхтовка, 183 – Ефремовка, 184 – Новая Рудня, 185 – Комаровка*, 186 – Новосёлки**, 187 – Фёдоровское**, 12(Б) – Хлюстинка**, 188 – Караковичи (Криватынь), 189 – Богданово (Троянова слобода), 190 – Замощье (Литвиновка), 191 – Новоспасское (Дубровка).

Примечания. *В настоящее время населённый пункт не существует. **Территория совр. Брянской области.

Ершов И.Н.

Н.Н. Мурзакевич о Смоленске, смоленских древностях и своем отце

Аннотация. В статье рассматриваются малоизвестные страницы биографий известных смоленских историков и археологов, отца и сына Н.А. и Н.Н. Мурзакевичей. Прослежены истоки зарождения интереса младшего Мурзакевича, впоследствии крупного ученого Новороссийского края, к истории, нумизматике и археологии.

Ключевые слова: история Смоленска, Смоленская стена, древности города, Одесское общество истории и древностей, Н.А. Мурзакевич, Н.Н. Мурзакевич.

В интеллектуальной истории смоленской жизни была эпоха незаурядных, даже можно сказать — необыкновенных людей, горевших любовью к истории своего города и края и не жалевших для этого ни своих сил, ни средств. Одним из первых и заметных личностей этого безвозвратно ушедшего времени знатоки назовут, конечно же, Никифора Адриановича Мурзакевича (1769—1834 гг.), написавшего фактически первую «научную» историю города (книга вышла в 1804 г.¹). Это было время всеобщего национального подъема до и после завершения победоносной Отечественной войны против Наполеона, когда ведущий писатель и мыслитель империи задумал и начал творить *Историю государства Российского*.

И в том, и в другом случае это были выходцы из старинных служилых татарских родов — Мурзакевичи, как и Карамзины, по семейным преданиям числили себя потомками некоего татарского мурзы, в крещении — Василия, по прозвищу Мурзин. Н.А. Мурзакевич был человеком прямым и горячим (достаточно вспомнить описание его выразительных кратких диалогов с Наполеоном, сначала вошедшим в город в блистательных одеждах, а затем бегущим из спаленной Москвы пешком за своей каретой, на которой спереди и сзади были повязаны зачем-то «снопы ржаные»).

То ли эта южная кровь, то ли иное что, но младший сын Никифора Адриановича Николай (1806—1883 гг.), вернувшись из Москвы с университетской учебы, не остался в Смоленске, а решил уехать насовсем, начав совершенно новую жизнь. Сборы были быстрыми — Николай уехал в 1830 году в Одессу, воспользовавшись приглашением своего университетского товарища М.М. Кирьякова. Николай Никифорович всем сердцем прикипел к этому еще юному городу, будучи пленен южной природой и благожелательной атмосферой культурного и интеллектуального бытия («легкостью жизни», как он сам говорил) «вольной» Одессы.

Тот человек, товарищ Мурзакевича по университету (Кирьяков происходил из знатного рода первого градоначальника Одессы) и стал несколько лет спустя отцом-основателем Одесского общества истории и древностей (ООИДР). Общество было основано «дружеским кругом» единомышленников на собрании, состоявшемся 23 апреля (по старому стилю) 1839 года. Именно на том собрании Н.Н. Мурзакевич был избран «баллотированием» секретарем Общества, внесшего впоследствии неоценимый вклад в развитие исторического и археологического знания Юга России. Почетным президентом Общества стал знаменитый вельможа, граф М.С. Воронцов.

Некоторое время спустя при Обществе был открыт музей, заведовать которым было поручено также Н.Н. Мурзакевичу. Как указывает сам Н.Н. Мурзакевич, непосредственным поводом к основанию Общества стала именно его собственная энергичная деятельность в

¹ Мурзакевич Н.А. История губернского города Смоленска. Смоленск: При губернском Правлении, 1804. 67 с.

архивах по выявлению неизвестных до той поры документов, среди которых на его счету — Псковская судная грамота, корпус писем царевича Алексея к отцу и многое другое¹.

Отсюда можно заключить, что Николай Никифорович за несколько лет пребывания в Одессе уже до основания Общества смог войти в избранный круг интеллектуалов Новороссийской «столицы», мечтавших о развитии гуманитарного знания в этом динамично развивавшемся регионе империи; стараниями таких людей в Одессе был открыт и первый на Юге России Новороссийский университет в 1865 г.

Николай Никифорович занял поначалу пост учителя истории в Ришельевском лицее, а в 1838 году после защиты магистерской диссертации стал адъюнктом русской истории и статистики и через два года занял профессорскую кафедру. Н.Н. Мурзакевич достиг вершины ученой и чиновничьей карьеры, став уже в 1853 году директором Лицея. К концу службы он получил чин тайного советника, что для человека гуманитарной профессии было крайней редкостью (такой чин, например, имели столичные профессора В.О. Ключевский и С.М. Соловьев). Среди его знакомых и друзей — известнейшие деятели науки и культуры России, в том числе и граф А.С. Уваров, и большой знаток славяно-русских древностей киевский митрополит Евгений (Болховитинов).

Впоследствии, после выхода на пенсию, Николай Никифорович стал также и вице-президентом ООИДР с оставлением за ним должностей редактора «Записок ООИДР» и директора музея (т.е. фактически он стал руководителем Общества, так как почетный пост президента обычно полагался какому-то высокому влиятельному и родовитому человеку, как правило, генерал-губернатору).

За свою долгую и плодотворную жизнь в науке Н.Н. Мурзакевич сделал очень много полезного, в том числе и для молодой российской археологии, о чем свидетельствует тематика весьма длинного списка его научных трудов (более 130), которые публиковались в основном в «Записках» Общества². Он был избран членом нескольких российских и зарубежных научных обществ и Академий (итальянского, греческого, бельгийского, датского, сербского); он также был участником трех первых Всероссийских археологических съездов (в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве). Его научные интересы были весьма широки и разносторонни — от поиска в архивах неизвестных русских манускриптов до работ по эпиграфике, нумизматике и истории Юга России. Он был достаточно значимой фигурой и как организатор науки и научного процесса и музейного дела на Юге России.

Много значимых страниц истории, археологии, палеографии, нумизматики и эпиграфики Юга России связано с именем этого выдающегося ученого³. Среди своих несомненных заслуг исследователь полагал, что именно он впервые снял с царевича Алексея Петровича «всенародную официальную клевету „в лени, неспособности“ и т.д., опубликовав целый сборник писем царевича к своему отцу⁴.

¹ Мурзакевич Н.Н. Автобиография. СПб.: Типография В.С. Балашева. 233 с., с илл. (Оттиски из журнала «Русская старина»), 1887. Т. 53 (январь). 1889. С. 8–9.

² Его работы можно найти также и в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей Российских», в «Журнале Министерства народного Просвещения» и др. изданиях.

³ Известны и курьезные эпизоды из его жизни: например, эпизод, связанный с трактовкой его ученических гипотез современниками — бойкими журналистами и литераторами. Не его вина была в том, что, однажды задавшись публично в одной из своих работ вопросом: «А не здесь ли крестился князь Владимир?» (при обозрении одного из раскопанных храмов в Херсонесе), он лишь высказал предположение, которое впоследствии приобрело силу научной догмы в устах пропагандистов достижений науки. Только век спустя подобные догмы стараниями наших современников-специалистов начинают исправляться (Беляев С.А. Херсонес христианский // Очерки по истории христианского Херсонеса. Т. 1. Вып. 1. Херсонес Христианский. Отв. ред. Беляев С.А. СПб.: Алетейя, 2009. С 5–13).

⁴ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 31.

Деятельность Н.Н. Мурзакевича была достойно оценена еще при его жизни и властями, и обществом, а впоследствии его научная биография и труды стали предметом исследований ученых-историков Украины и России¹. Фактически это был первый профессиональный историк и археолог, уроженец города Смоленска, хотя и не поработавший в нем в качестве специалиста.

Но вернемся к смоленским эпизодам его биографии. Конечно, приходится весьма сожалеть, что такой энергичный исследователь и организатор науки покинул город своего детства, тем более, что как он сам в зрелых годах полагал: *«В Смоленске зародилась в нем, во время прогулок по городским стенам, страсть к истории и к древностям, перенесенная впоследствии в другую страну и сделавшаяся серьезною целью его жизни»*².

К сожалению, Николай Никифорович уделил смоленскому периоду своей жизни не слишком много места в обширной автобиографии. Однако эта фраза была сказана не вскользь и не случайно — он действительно, как вспоминали его современники, до религиозного исступления был готов стоять на страже интересов охраны археологических памятников повсюду, где бы он ни работал — будь то Крым, или Кавказ, или Северное Причерноморье, или Смоленск (в автобиографии он несколько раз поминает недобрым словом смоленских губернаторов Аша и Хмельницкого, которые приложили руку к полному разрушению некоторых участков крепостной стены и руин домонгольских церквей).

Тем не менее, несколько страниц его воспоминаний о смоленском детстве бесценны для нас.

Во-первых, они проливают свет на источники и силы, и средства, содействовавшие его отцу в создании его знаменитой «Истории губернского города Смоленска». Как оказалось, процесс создания «Истории...» не был таким простым и прямолинейным, как нам думалось. Несмотря на то, что Никифор Адрианович был чрезвычайно беден и обременен многочисленным семейством, у него вдруг оказались добрые и могущественные помощники и покровители — друзья и знакомые брата тогдашнего епископа Парфения (Сопковского). Епископ оставил после себя добрую память у всех смолян без исключения — и у бедного люда, и у городского дворянства. А знакомыми его брата были такие личности, как А.И. Тургенев, П.С. Кайсаров, И.А. Двигубский, Воинов [у Н.Н. Мурзакевича фамилии

Н.А. Мурзакевич

¹ Коциевский А.С. Из истории Одесского археологического музея: Н.Н. Мурзакевич (1806–1883) // Северное Причерноморье: Материалы по археологии. Институт археологии НАН Украины. Киев, 1984. С. 80–88. Непомнящий А.А. Крымоведение в научном наследии Н.Н. Мурзакевича: библиографический аспект // Культура народов Причерноморья. № 7. Симферополь: Изд-во Университета им. В.И. Вернадского, 1999. С. 82–87. Авсенева С.Н. Историко-археологическое изучение Крыма путешественниками первой половины XIX века (на примере Керчи) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3 (53). Часть 2. С. 17–20. Тамбов: Грамота, 2015. (электронный журнал — <http://www.gramota.net/editions/3.html>; дата обращения к ресурсу 30.12.2016).

² Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 3–4.

даны без инициалов — И.Е.]¹; некоторые из них окажутся впоследствии преподавателями юного Николая в Московском университете².

А.И. Тургенев — историк, друг В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, П.А. Вяземского и многих других известнейших людей пушкинской эпохи. Не менее известен был и сенатор Петр Сергеевич Кайсаров, переводчик и поэт (его брат Андрей — создатель трудов по славянскому языкознанию и мифологии). И.А. Двигубский — в последующем один из ведущих преподавателей естествознания в Московском университете, автор первого труда по флоре Подмоскovie и автор одного из первых русских учебников по физике.

А.И. Тургенев, как сообщает Николай Никифорович, узнав о скромном смоленском иподиаконе, немедленно попросил своего отца И.П. Тургенева прислать из Москвы в Смоленск около сотни(!) томов по отечественной истории, начиная с сочинений Татищева и Щербатова и заканчивая списками известных русских летописей. Это было сделано в кратчайшие сроки, и книги оказались в полном распоряжении Н.А. Мурзакевича. Благодаря такой щедрой помощи Никифор Адрианович и смог окончить свой основной труд уже в 1804 году, но при представлении рукописи встретил жесткое непонимание у нового смоленского владыки Димитрия (Устиновича).

Лишь обратившись к смоленскому генерал-губернатору С.С. Апраксину, Н.А. Мурзакевич встретил сочувствие и обрел финансовую поддержку для публикации своего труда. Тот же вельможа попросил приближенного к особе императора князя А.Н. Голицына показать свеженапечатанную книгу самому императору Александру I, в результате чего Н.А. Мурзакевичу были вручены в качестве подарка от императора 500 рублей серебром. Владыка Димитрий под давлением таких обстоятельств был вынужден смириться и даже ввел Н.А. Мурзакевича в священнический сан (уже после окончания войны).

Подъем благосостояния семейства позволил Мурзакевичам переехать из избушки-развалюхи на Резницкой улице в новый дом, стоявший за алтарем Одигитриевской церкви (на углу совр. улиц Докучаева и Ленина). Сам же Никифор Адрианович с еще большим рвением приступил к давно замышляемым трудам по истории иконы Одигитрии и переводу Нового Завета с Псалтирю с церковнославянского на современный русский язык. В архиве Синода эти рукописи, вероятно, сохранились, есть они и в хранилище Смоленского музея³. Возможно, что когда-то эти рукописи будут опубликованы с соответствующими комментариями.

Естественно, по меркам того времени огромная домашняя библиотека стала предметом пристального внимания юного семинариста Николая, перечитавшего многие десятки толстых томов за несколько лет. К тому же долгое время спустя канцлер граф Н.П. Румянцев, зная о бескорыстных трудах смоленского подвижника, продолжал снабжать его новыми изданиями по отечественной истории, в том числе сюда были доставлены и первые восемь томов Карамзина⁴. Л.В. Алексеев в свое время добавил к этой картине еще один весьма характерный и ценный штрих, свидетельствующий о широте интересов Н.А. Мурзакевича к древней истории своего города⁵. Как оказалось, наиболее вероятным автором первой в России провинциальной инструкции по собиранию древностей (1819 г.) был Никифор

¹ Скорее всего, это мог быть Александр Львович Воинов (1770—1831) — русский генерал, участник Наполеоновских войн.

² Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 48—49.

³ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 57—59; Бугаева О.П. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея // Труды Отдела древнерусской литературы. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 15. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 430.

⁴ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 34. Впоследствии эта семейная библиотека, разросшаяся до 1000 томов, была передана Николаем Никифоровичем городу для основания городской библиотеки (см.: Мурзакевич Н.Н. Там же. С. 94).

⁵ Алексеев Л.В. Кто был автором «Приглашения барона К.И. Аша» (1819)? (О первой периферийной инструкции собирания древностей) // СА. № 1. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 281—287.

Адрианович Мурзакевич, который задумал составить этот документ именно в результате общения с канцлером Н.И. Румянцевым. Лишь затем он через посредничество губернаторского правителя канцелярии А.А. Ивановского (незаурядного и даровитого человека, сотрудничавшего с журналами «Северная пчела» и «Библиотека для чтения») подал документ на подпись губернатору.

Увы! На этот пламенный призыв, как отметил с горечью Николай Никифорович, не было ни одного ответа с мест¹.

Все эти годы подраставший юноша читал книги из отцовской библиотеки. На этом фоне широкой и внимательной начитанности случайная, казалось бы, покупка им у какого-то соученика старинной монетки сыграла роль последнего рычага, запустившего цепную реакцию возрастания неподдельного интереса Николая к истории, местной старине и старинным вещам. Мальчик, а затем и юноша увлекся собиранием старинных монет, благо земля смоленская буквально была наспигована ими благодаря своей многовековой и яркой истории.

Среди прочих монет ему попала какая-то совсем нечитаемая монетка. После прочистки ее в укесе вдруг выяснилось, что это римская монета императора Антонина (138–161 г. н.э.). Какими неведомыми путями она попала на лесной север, остается загадкой, но тогдашнего юношу это еще не слишком волновало. Он жаловался только на то, что *настоящих древних монет* (вероятно, имелись в виду именно античные) в Смоленске крайне мало и найти чрезвычайно сложно². Не здесь ли кроется основная причина его отъезда на Юг России после окончания университета?

Юноша предпринял последнюю попытку найти в Смоленске что-либо ценное. Он предположил, что в какой-то из башен крепостной стены может быть замурован ценный архив древних манускриптов – ведь нашел же недавно старинные документы (походные бумаги Петра I) простой *«учитель смоленской гимназии А.П. Елоховский»!* С этой поры юноша вместе со своим однокашником Великановым облазили все участки стены, все башни в надежде найти потайной ход, ведущий к заветной сокровищнице. Мальчики часто посещали и домонгольские церкви Смоленска, ходили нередко на развалины Борисоглебского монастыря, сживая ночами на руинах храмов, еще возвышавшихся холмами над равниной днепровской поймы. Результатом этих прогулок стали стихотворение «Смядынь монастырь» Великанова и переложение на современный язык «Слова о полку Игореве» Мурзакевича. Эти «труды» были жестоко высмеяны их семинарским преподавателем риторики, а юноши, в свою очередь, стали не менее жестоко манкировать учебой.

В конце концов Николай решил уехать из Смоленска во что бы то ни стало – видимо, он понял, что местная низкокультурная и необразованная среда не даст ему жить так, как он мечтает. Он устремился в Москву, в университет. Для нравственного оправдания этому своему «позорному бегству» из провинциального Смоленска в столицу автор потратил несколько страниц своей Автобиографии – мол, Смоленск славен лишь своим прошлым, но никак не своим настоящим³. И это было, к сожалению, печальной правдой того времени. Тогда городом правил «шут-губернатор» Хмельницкий, разрушивший окончательно храмы Смядыни, развалины храмов в Садках и Чернушках, а горожанам оставалось гордиться лишь «набожностью и патриотизмом»⁴.

Одним из лучших преподавателей Московского университета, лекции которого юноша запомнил крепко, был профессор-юрист Н.Н. Сандунов: *«Сандунов умел заставить любить его предмет... Ему же я обязан тем, что научился верно и быстро разбирать древние акты и*

¹ Мурзакевич Н.Н. Никифор Адрианович Мурзакевич – историк города Смоленска. 1769–1834. СПб., 1877.

² Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 34.

³ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 40–45.

⁴ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 46, 94.

документы... исподволь познакомился с русской археологиею». Удалось послушать и лекции молодого М.Н. Погодина¹. Среди однокурсников юноши были будущие светила российской науки, искусства и литературы: Н.И. Пирогов, братья Пассеки, А.А. Краевский и др. Три года учебы пролетели незаметно, и уже в 1828 году Николай возвратился в Смоленск. Его приезд был омрачен известием о краже его домашней коллекции старинных монет и медалей какими-то рекрутами², что послужило, возможно, еще одним дополнительным толчком к отъезду из города, где его преследовали одни неприятности и неудачи.

То ли дело вне Смоленска — только он отправился летом 1829 года в Рязань учителем к какому-то помещицкому сыну, тут же и приятные события: он обозрел «следы Старой Рязани, обозначаемые курганчиками... на Трубеже... я купался, и на том же месте, по уходе моем, купавшиеся мальчики нашли 36 серебряных слитков, оказавшихся древними русскими рублями XIII века»³. Наконец, юноша получил университетский аттестат с напутствием: «sapiens ubique est patria!» и со спокойной душой навсегда покинул родину, направившись в Одессу. 3-го марта 1830 года сын и отец последний раз свиделись, чтобы расстаться навсегда.

Бескрайняя цветущая весенняя степь с живописными скифскими курганами на горизонте и с сидящими на их вершинах орлами приятно поразила Н.Н. Мурзакевича, не уставшего говорить впоследствии, что ни степь, ни море ему никогда не наскучат. И тот круг интеллектуалов, куда он сразу же окунулся по приезду в Одессу, так поразили его чувства и разум, что он много месяцев пребывал буквально в состоянии эйфории⁴.

Последний всплеск интереса Николая Никифоровича к родному городу был вызван печальным событием — смертью отца. Полгорода провожало Н.А. Мурзакевича в последний путь от родного дома на Окопное кладбище. А тогдашний архиерей владыка Тимофей, прежде бывший учителем Николая Никифоровича по греческой грамматике, попросил своего ученика сделать для него краткое описание смоленских древностей (церкви, стены и башни крепостной стены). Н.Н. Мурзакевич этой работой отдал свою последнюю дань родине. Статья появилась в одном из номеров Журнала министерства народного просвещения за 1835 год⁵.

Ivan N. Ershov

Nikolay N. Murzakevich's recollections about his father, the city and the antiquities of Smolensk

Abstract. The article deals with the unknown pages of biographies of the prominent historians and archaeologists of Smolensk, father and son N. A. and N. N. Murzakevichs. Later on Murzakevichs the Junior would be a leading scholar of the land of Novorossia. The origins of his interest in history, numismatics and archaeology are traced.

Keywords: history of Smolensk, archaeology of Smolensk, the Smolensk city wall, the Odessa Society for history and antiquities, N.A. Murzakevich, N. N. Murzakevich.

¹ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 49, 59.

² Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 57.

³ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 62. Очевидно, это древнерусские серебряные гривны. На мой вопрос об официальных сведениях про находку этого клада известный рязанский нумизмат А.А. Гомзин сообщил, что, возможно, текст Н.Н. Мурзакевича — на самом деле литературно обработанное сообщение о кладе 1828 года; я, скорее, склоняюсь к поддержке этой версии, нежели к версии о доголе неизвестном науке кладе. Ведь юноша Николай Мурзакевич явно был не чужд литературных штудий в духе романтизма. Благодарю А.А. Гомзина и И.Ю. Стрикалова за консультацию.

⁴ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 63–73.

⁵ Мурзакевич Н.Н., 1889. С. 94; также *Мурзакевич Н.Н.*, 1835. Достопамятности города Смоленска // ЖМНП. Часть восьмая. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук. С. 505–530.

Столярова Т.В.

«Это в высшей степени симпатичное и культурное дело». История Смоленского отделения Московского археологического института (1910–1917 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается организация и дореволюционная история Смоленского отделения Московского археологического института. Это учебное заведение готовило специалистов по археологии и архивному делу. За время его существования в нем получили профессиональную подготовку десятки студентов, среди которых несколько человек, оказавших большое влияние на организацию музейной, краеведческой и исследовательской работы на Смоленщине.

Ключевые слова: Смоленское отделение Московского археологического института, лекции, слушатели, археологическое отделение, археографическое отделение, музеи, раскопки, коллекции, «Русская старина», М.К. Тенишева, А.И. Успенский.

В начале XX века понимание археологии как отдельной, серьезной науки становится близкой современному. Представление о том, что извлечение из земли древностей — это что-то среднее между развлечением в стиле Индианы Джонс и модным коллекционированием красивых вещей, постепенно уходит в прошлое. Древности оказываются говорящими свидетельствами прошедших эпох. При дешифровке их языка исследователь-археолог сталкивался нередко с пробелами в собственном образовании.

Восполнить эти пробелы был призван Московский археологический институт, открытый в 1907 г. Сделано это было на частные средства. Как писал М.К. Соколовский, «Александр Иванович Успенский (директор МАИ — *прим. автора*), не имея ни гроша в кармане, сумел заставить замоскворецких аршинников повытаскивать засаленные тысячи из своих сапог бутылками, и в Москве расцвел великолепный Московский археологический институт»¹. С первых дней существования институт имел целью научную разработку археологии, археографии и русской истории с ее вспомогательными дисциплинами, а ровно и подготовку должностей в архивах, музеях и библиотеках»².

Во главе института стоял попечитель — великий князь Александр Михайлович. Директором Московского отделения стал Александр Иванович Успенский. Институт предусматривал систему членства в зависимости от того, сколько внимания мог уделить учебному заведению участник этой системы.

В почетные члены попадали те, кто оказал институту особые услуги, пожертвовав 5000 рублей единовременно или готовые платить по 500 рублей ежегодно. Для МАИ почетными членами стали царь Николай II с семьей, члены правящего дома (14 великих княгинь и князей), два митрополита (Петербургский и Ладужский Владимир и Московский и Коломенский Макарий) и семь министров.

Действительные члены — это профессора российских и иностранных академий и университетов, которые прославились своими трудами, а также собственные выпускники института, отличившиеся в учебе.

И, наконец, члены-сотрудники — это все выпускники института, окончившие полный курс, а также лица, не учившиеся, но имеющие познания в археологии или архивном деле и оказавшие услуги институту³.

Особенностью нового учебного заведения стала обширная сеть филиалов в провинциаль-

¹ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи. М.: ИА РАН, 2011. С. 102.

² Памятная книжка для слушателей Императорского Московского археологического института им. Императора Николая II. М., 1916. С. 3.

³ ГАСО. Ф. 113. Оп. 6. Д. 169. Л. 2, 3, 4.

ных городах Российской империи. В эту сеть попал и Смоленск. Надо сказать, что Смоленск начала XX века был не самым крупным научным и культурным центром тогдашней России. Он был небольшим губернским центром у западных границ империи. Так как же получилось, что Смоленск обзавелся таким специфическим учебным заведением?

Открытие Смоленского отделения

В «Памятке Смоленской», специально выпущенной в честь открытия института, читаем: «Возникшая в 1908 г. в гор. Смоленске при ближайшем участии покойного историографа Ив. Ив. Орловского Смоленская Ученая Архивная Комиссия с одной стороны сплотила лиц, интересующихся археологией и историей края, с другой — выяснила тот поистине непечотый угол археологического материала, которым загружен гор. Смоленск, да и вся его губерния. Однако, для работы над этим материалом у большинства не доставало знаний, пополнить каковые любезно взялись профессора тоже молодого, но быстро растущего учреждения — Московского Археологического Института с директором И.А. Успенским во главе»¹.

События развивались стремительно. Для начала решили провести мониторинг заинтересованности населения. Стоит ли начинать, если дело не выгорит? Условились на том, что лекции состоятся, если наберется не менее 40 энтузиастов². Оказалось, что желающих учиться уже больше 50 человек. Тогда для решения организационных вопросов было собрано экстренное заседание Ученой архивной комиссии совместно с директором Московского Института А.И. Успенским. После многочисленных приготовлений 16 сентября 1910 г. в газете «Смоленский Вестник» появилось объявление о начале чтения публичных лекций. Они состояли из двух семестров: с 1 октября по 1 декабря 1910 г. и с 15 января по 15 марта 1911 г.³

Открытие Смоленского отделения МАИ проходило в форме торжественного акта, и носило, без преувеличения, общегородской масштаб. 1 октября 1910 г. в большой зал Смоленского дворянского собрания пришли все, кто был хоть как-то заинтересован в этом деле. Губернский предводитель дворянства князь В.М. Урусов, правление Ученой архивной комиссии, московские профессора, местные чиновники, епископ Смоленский и Дорогобужский Феодосий, представители всех ведомств и, конечно же, многочисленные зеваки. После окончания торжественной части А.И. Успенский прочел первую вводную лекцию по всеобщей истории искусства. Энтузиазм, охвативший присутствующих, был такой, что почтенного Александра Ивановича, по сути, не слушали, и неоднократно заглушали такими знакомыми в нашей истории «восторженными аплодисментами»⁴.

Впоследствии, торжественный акт будут проводить в конце каждого учебного года. На нем институт будет подводить итоги своей учебной работы.

Первоначально отделение в Смоленске создавалось, что называется, на «ровном месте». У него не было ни своего помещения, ни библиотеки, ни каких-либо аудиторий. За дело обустройства и налаживания учебного процесса взялись несколько энергичных женщин, имевших волю и деньги. Это были известная смоленская меценатка княгиня М.К. Тенишева, ее подруга княгиня Е.К. Святополк-Четвертинская и вяземская помещица, краевед и археолог Е.Н. Клетнова.

Для начала Е.К. Святополк-Четвертинская предоставила второй этаж в принадлежавшем ей доме под аудитории, а княгиня Тенишева купила мебель. Представитель одного общественного учреждения предложил зал для актов и собраний. Банкирская контора

¹ Памятка Смоленская (под. Ред. Е.Н. Клетновой). Смоленск, 1911. С. 51.

² Смоленский Вестник. № 184 от 22.08.1910 г.

³ Смоленский Вестник. № 203 от 16.09.1910 г.

⁴ Памятка... 1911 г. С. 51—52.

пожертвовала 100 рублей в уплату обучения одного слушателя¹. Через год выяснилось, что институту в этом помещении тесно. Наплыв слушателей (студентов) был таким, что М.К. Тенишевой пришлось отдать распоряжение расширяться двумя пристройками в длину всего здания. В результате ремонта появились две большие аудитории на 80 и 50 человек, комната для профессоров, библиотека, канцелярия, чайная, раздевальня и проч. В здании было проведено электрическое освещение и работал водопровод (рис. 1).

Фотографии интерьеров института не сохранились, но дошла инвентарная опись имущества, проведенная Советской властью в 1919 г. Согласно ей, институт занимал довольно большое помещение, по которому сейчас можно совершить виртуальную экскурсию.

Сначала вы попадаете в переднюю, где стоит вешалка, небольшой шкаф и венский стул. Потом проходите по коридору, в котором тоже есть вешалки, крашеная доска для письма и рама для объявлений под стеклом. В комнате, где находится канцелярия, несколько столов со стульями и два ореховых книжных шкафа. На стенке тикают часы.

После канцелярии располагается «профессорская». Скорее всего, в ней жили приезжие преподаватели. Судя по количеству мебели, это была большая комната для отдыха и работы. Там стоит застеленная кровать, гардероб, простой стол с сукном. В углу — мраморный умывальный стол с прибором. По стенам расставлены два фигурных столика, бюро, трюмо и кушетка красного дерева с четырьмя подушками, несколько мягких кресел и простых стульев (под простыми стульями подразумевались венские стулья — *прим. автора*). Стены украшены картинами.

Лекции проходили в большой аудитории. Там есть скамьи для слушателей, кафедра, доски (настенная и напольная) и «волшебный фонарь». В малой аудитории тоже скамьи и настенная доска. Но вместо кафедры — стол, а по стенам — книжные полки. Литература стоит и в резном деревянном шкафу.

Для самостоятельной работы студентов была предусмотрена библиотечная комната, в которой располагаются столы, стулья, книжные шкафы и бюро.

Последней комнатой, которая описана в инвентаризации, был кабинет библиотекаря, обставленный с известной долей роскоши. Жилую зону составляют кровать с ночным столиком, буфетный шкафчик, два резных столика, три мягких кресла и несколько простых стульев. В углу стоит умывальник с прибором. Все это отгорожено ширмой от рабочей зоны. В ней же письменный стол с кожаным стулом, диван, этажерка и несколько стульев. У входа вешалка и зеркало в овальной раме. На стене две картины. Одна написана масляными красками, а другая — «шитая шерстями». Во всех помещениях есть электрические потолочные светильники и предусматривалось локальное освещение в виде настольных керосиновых ламп².

Институтское новоселье отмечали с размахом. Собрались слушатели и преподаватели института, отслужили молебен. Директор А.И. Успенский отправил телеграмму императору «с выражением верноподданнических чувств». Из Царского Села пришли ответные поздравления. После этого собравшиеся преподнесли княгине Тенишевой хлеб-соль и вручили два огромных вяземских пряника, украшенных цветами. Один с надписью «Нашим княгиням от профессоров института», другой — «С институтским новосельем от слушателей института»³.

Приобретение собственного помещения было большой удачей для института. Выступая на торжественном акте в 1912 г., Успенский говорил, что ни в каком другом городе институт не пользуется такой симпатией и участием со стороны общественности, и что даже в Москве институт не имеет своего собственного помещения⁴.

Параллельно с обустройством помещений для лекций институт начал формирование библиотеки. Их было две. Одна — «фундаментальная», в которую Московский институт

¹ Смоленский Вестник. № 120 за 4.06.1910 г.

² ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 18. Л. 110, 111.

³ Смоленский Вестник. № 224 за 11.11.1911 г.

⁴ Смоленский Вестник. № 197 за 1911 г.

пожертвовал по два экземпляра своих изданий, а вторая — для недостаточных слушателей¹. Об этой категории учащихся я расскажу в свое время.

Также институт получил в подарок «волшебный фонарь» (аппарат для проекции изображений — *прим. автора*) для демонстрации на лекциях диапозитивов.

1912-й год принес неожиданное изменение статуса института. В городе широко отмечали юбилей Отечественной войны 1812 г. В качестве почетного гостя в Смоленск прибыл император Николай II. В честь торжества было подано ходатайство, которое получило царский отклик. «Государь Император по всеподданнейшему докладу г. Министра Народного Просвещения в 18 день сего октября всемилостивейше соизволил на опубликование в собрании узаконений и распоряжений правительства указа о всемилостивейшем присвоении Московскому Археологическому Институту наименования „Императорского, имени императора Николая II“».²

Слушатели института. Кто они?

Итак, на первый 1910-1911-й учебный год записалось около 50 человек. Отделений в институте было два: археологическое и археографическое (архивное). Десять человек поступили на археографическое отделение, остальные — на археологическое. Это были так называемые постоянные слушатели, те, кто заплатил за учебу и регулярно посещал занятия. Посещение двух семестров стоило 80 рублей.

Лекции можно было послушать разово, просто купив билет. Разовое посещение стоило 3 рубля³.

Те, кто решил заниматься постоянно, должны были подать прошение (заявление о приеме), оплатить первый семестр или весь год, принести две фотокарточки и нотариальную копию аттестата о высшем образовании⁴. Дело в том, что институт делил студентов по образовательному цензу. В действительные слушатели принимали лиц обоего пола, которые уже окончили курс наук в высших учебных заведениях. Лица без высшего образования могли быть только вольнослушателями. Те, кто оплатил лекции, получали зачетную книжку и входной билет с фотокарточкой (рис. 2). Слушатели без билета не допускались к лекциям и, тем более, к экзаменам⁵. Занятия проходили по вечерам пять раз в неделю. По каждому отдельному предмету лекции читали по 4–5 вечеров подряд. Получалось, что на каждый предмет отводилось около 15–20 лекций.

Контингент слушателей был самым разнообразным. «Памятка Смоленская» добросовестно перечисляет: «... врачи, инженеры, священники, учителя городских училищ, чиновники, служащие в земских управах и разных конторах в городе, и обычные домовладельцы...»⁶. Косвенное подтверждение этому мы находим в списках студентов, которые обучались в институте во время Первой мировой войны.

Самый полный список — это учащиеся третьего курса (1915–1916-й учебный год). Всего обучались 55 человек, из которых девять выбыли в течении года. Пятеро выбывших ушли на фронт.

На археологическом отделении училось в два раза больше студентов, чем на архивном. Все исправно оплачивали учебу. Освобождены от взносов были только четыре человека. Один — по неизвестной причине, двое получали учительскую стипендию и один был ответственным за «волшебный фонарь». Среди студентов археологического отделения

¹ Памятка Смоленская... М., 1911 г. С. 55.

² ГАСО. Ф. 113. Оп. 6. Д. 169. Л. 8.

³ Смоленский Вестник. № 203 за 16.09.1910 г.

⁴ Памятная книжка... С. 20.

⁵ Памятная книжка... С. 21.

⁶ Памятка... С. 54.

числились священник, поручики и подпоручики (Софийского и Нарвских полков), учителя, фельдшер, землемеры, помощник бухгалтера государственного банка, чиновники (губернского присутствия, крестьянского банка, канцелярии губернатора), помощник начальника ж/д станции Смоленск, воспитанник Витебского учительского института и помощник классного наставника Смоленской мужской классической гимназии. Двое студентов-археологов заведывали библиотеками. Один – частной библиотекой-читальней в Смоленске (Абрашкевич В.К.), второй – народной библиотекой комитета попечительства о народной трезвости в Дорогобужском уезде (Волочков Н.П.)¹.

Среди археографов встретился выпускник Московского археологического института (головного отделения) и поручик Нарвского полка. Все остальные слушатели археографического отделения были чиновниками: городской секретарь, счетчик земской управы, секретари губернского по земским делам присутствия и Смоленской губернии присутствия².

Уже в 1910 г. при институте образовалось Общество вспомоществования недостаточным слушателям. Оно оплачивало для нуждающихся студентов посещение лекций и пользование книгами, а также приискивало для бедных слушателей уроки (аналог современному репетиторству). В исключительных случаях общество помогало деньгами. При оказании материальной помощи принималось во внимание не только степень нужды, но и успехи слушателя в прохождении занятий института.

Все, кто хотел стать членом Общества, делились на несколько категорий.

1. Почетные члены – те, кто оказал институту какие-то особые заслуги или совершил единовременный взнос в размере 300 рублей. Эта категория не платила обязательные ежегодные членские взносы.

2. Действительные члены общества – те, кто был в состоянии ежегодно платить по 5 рублей или единовременно отдать 50 рублей.

3. Соревновательные члены. Они платили менее 5 рублей в год, но могли оказывать обществу любые полезные услуги.

Членом такого общества мог стать любой желающий, кроме несовершеннолетних детей и младших военных чинов. Помимо членских взносов общество получало деньги от пожертвований, благотворительных акций и процентов от капитала, принадлежавшего обществу³.

Лекции. Как преподавали и кто преподавал?

Обучение в институте длилось три года. Два года были теоретическими, а третий – практическим: студент изучал предмет по выбору. Весь третий курс слушатель читал научную литературу и методы исследования по своей теме, работал самостоятельно. Время от времени он отчитывался о своих успехах докладом.

Учиться одновременно на археологии и архивном деле запрещалось⁴. Все лекции делились на общие для двух отделений и специальные. Как пример можно рассмотреть расписание первого курса. Сообща археологи и архивисты изучали:

- историю искусства (всеобщего, русского и византийского),
- юридические древности,
- русскую историю до XIX в.,
- историю русской литературы и русского языка,

¹ Жарова Т.Н., Иванов М.В., Степченков Л.Л. Созидатели культуры Смоленщины: библиотечные и музейные деятели, книгоиздатели и коллекционеры конца XVIII–начала XX вв.: биобиблиографический справочник. Смоленск: Свиток, 2012. С. 9. Жарова Т.Н. Указ. соч. С. 45.

² ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. Л. 7–20.

³ ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 149. Л. 1, 2.

⁴ Памятная книжка... С. 4.

- историческую географию, эпиграфику, греческую и латинскую палеографию, афинские древности,
- историю археологических открытий, чтение древних рукописей,
- египтологию, археологию и топографию Москвы,
- английский язык¹.

На специализации археологи слушали христианскую и первобытную археологию, нумизматику, музееведение и историю греческой архитектуры. А архивисты – архивоведение, библиотековедение, дипломатику и геральдику. Почти все лекции можно было купить в печатном виде. Также продавались учебные пособия по читаемым дисциплинам.

Если покупать все лекции и рекомендованные пособия для первого курса, то вы должны были потратить около 220 рублей. К этой сумме надо прибавить программы по всем курсам (по 10 копеек за штуку) и Памятную книжку (рис. 3), которую должен был иметь каждый студент (25 копеек). Даже при условии того, что цена на печатные лекции для слушателей института была снижена на 25 %², то все обучение на первом курсе выходило в сумму более 300 рублей (это с прибавлением 80 рублей за слушание лекций). Нужно учесть, что хранитель городского историко-археологического музея, к примеру, на тот момент получал 240 рублей в год.

Помимо лекций, некоторые преподаватели устраивали студентам практические занятия.

Лекции по дипломатике профессора Н.Н. Ардашева шли с обязательным посещением Смоленского губернского архива. Дела в нем сохранились с 1812 г. Возможно, Ардашев решил убить двух зайцев разом: разобрать усилиями студентов полузаброшенный архив и «выкопать» из него темы и материалы для диссертационных работ³.

Профессор геологии А.А. Чернов проводил регулярные занятия в форме геологических экскурсий.

Но самые обширные практические занятия, естественно, проходили на археологическом отделении. Слушатели принимали участие в раскопках Гнездовского могильника под Смоленском. Вместе с Е.Н. Клетновой они копали спущенное озеро Семлево в Вяземском уезде. По легенде, там был потоплен обоз Наполеона с награбленными в Москве сокровищами. Золота, по традиции, не нашли. Но обнаружилось несколько деревянных срубов (клетки?). Внутри были человеческие кости и немного бытовых вещей, связанных с обмундированием лошади и экипировкой всадника. В этот же сезон около д. Станище раскопали несколько курганов, называемых местными жителями «французскими». Вместо французских курганов содержали трупоположения с остатками славянских женских украшений.

Институт планировал раскопки не только на территории Смоленской губернии, но даже в Египте! В середине 1912 г. совет одобрил ученую экспедицию в Египет под руководством профессора философии Мюнхенского Университета, почетного члена института Ф.В. фон Биссенга. Деньги на это мероприятие (2–3 тыс. рублей), собралась дать княгиня Тенишева с условием, что найденная коллекция поступит в Смоленский музей. В эту экспедицию должен был поехать директор института И.А. Успенский и преподаватель по кафедре египтологии В.Ф. Баллод. К сожалению, поездка не состоялась⁴.

По всем прослушанным предметам, которые изучались в течение года, студенты сдавали экзамен. Если поставленная оценка не удовлетворяла студента, то он мог попробовать пересдать его два раза⁵. После окончания обучения во время торжественного акта студентам вручали диплом. Практические занятия третьего года обучения позволяли студенту написать и защитить диссертацию. Время написания диссертации строго не ограничивалось.

¹ Памятная книжка... С. 11–12.

² Памятная книжка... С. 16.

³ Смоленский Вестник. № 234 за 24.10.1910.

⁴ ГАСО. Ф. 113. Оп. 6. Д. 169. Л. 14.

⁵ Памятная книжка... С. 16.

После выпуска, по результатам обучения студенты делились на две категории. Были действительные члены института и члены-сотрудники.

Действительные члены — это те, кто был действительным слушателем института, успешно окончил курс и защитил диссертацию. Он получал звание «ученого археолога» или «ученого архивиста». Такого звания мог удостоиться и вольнослушатель, если он оканчивал с отличием и диссертацией (как А.Н. Лявданский, например). Членом-сотрудником становился тот действительный слушатель, кто не имел диссертации. Такие люди получали звание «окончившего курс института». Интересно, что в эту группу попадали и вольнослушатели с диссертацией, но без отличных оценок в дипломе¹.

В 1912 г. институт возбудил ходатайство о предоставлении выпускникам права преподавать в средних учебных заведениях историю искусства, литературы и русский язык². А в 1915 г. Московский археологический институт преобразовался в высшее учебное заведение с четырехлетним курсом обучения³.

Кем же были те, кто читал лекции в Смоленском отделении МАИ? Я посчитала нужным остановиться на личностях этих людей, потому что все они были выдающимися учеными в рамках своих дисциплин. В таблице будут приведены их достижения на момент 1910-х годов.

Дисциплина	Преподаватель
История русского искусства	Успенский Александр Иванович (1873–1938) — историк, искусствовед, доктор богословия. Профессор. Специалист по теме «История и теория искусств». Инициатор и бессменный директор МАИ.
Всеобщая история искусств	Романов Николай Ильич (1867–1948) — искусствовед, доктор наук, хранитель отделения изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея. Профессор. Специалист по теории и истории русского и зарубежного искусства.
История археологических открытий	Мальмберг Владимир Константинович (1860–1921) — историк древнегреческого искусства, археолог, директор музея изобразительных искусств им. Императора Александра III в Москве. Изучал скульптуру и вазовую живопись.
Эпиграфика	Новосадский Николай Иванович (1859–1941) — филолог, палеограф, эллинист. Профессор, академик. Изучал античную литературу, палеографию, греческую мифологию.
Этнография	Харузина Вера Николаевна (1866–1931) — первая женщина, ставшая профессором этнографии. И единственная женщина-преподаватель института. Изучала этнографию в Германии, Австрии и Франции. Написала один из первых учебников по этой дисциплине.
Греческая архитектура и античные декорации	Парланд Альфред Александрович (1842–1919) — архитектор. Профессор. Спроектировал церковь Воскресения Христова в Троице-Сергиевой пустыни, храм Спас-на-Крови в Санкт-Петербурге и Знаменскую церковь в Старом Петергофе.
Нумизматика	Трутовский Владимир Константинович (1862–1932) — нумизмат, историк, востоковед. Хранитель Оружейной палаты. Владел французским, немецким, арабским, персидским и турецким языками.

¹ Памятная книжка... С. 3.

² Смоленский Вестник. № 174 за 3.08.1912.

³ Смоленский Вестник. № 231 за 2.12.1915.

Дисциплина	Преподаватель
Христианская археология	Успенский Михаил Иванович (1866–1942) – историк, этнограф, коллекционер древних рукописей. Профессор. Известен своими работами по «Слову о Полку Игореве» и «Поучению» Владимира Мономаха.
История русской литературы	Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) – лингвист, палеограф, историк литературы. Академик. Изучал особенности древнерусских диалектов и открыл несколько датирующих признаков в палеографии.
Библиотековедение	Кузнецов Степан Кирович (1854–1913) – историк, археолог. Из крестьянской семьи. Один из основоположников русской исторической географии. Собиратель древностей Сибири. Библиофил. Его библиотека насчитывала более 30 тысяч томов.
Русский язык	Брандт Роман Федорович (1853–1920) – славист, педагог. Академик. Заслуженный профессор Московского университета.
Первобытная археология	Городцов Василий Алексеевич (1860–1945) – археолог. Отставной военный, сотрудник Исторического музея в Москве, сотрудник многочисленных научных обществ. Один из самых известных археологов своего времени.
Геология	Чернов Александр Александрович (1877–1963) – геолог, палеонтолог. Изучал геологию Среднего, Северного и Полярного Урала. Теоретически обосновал наличие Печорского угольного бассейна. Обосновал стратиграфию палеозоя западных склонов Северного Урала.
Геральдика	Арсеньев Юрий Васильевич (1857–1919) – историк. Профессор. Первый директор Оружейной палаты. Моряк, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Читал первый в России курс геральдики. Участник Особого совещания по выяснению вопроса о русском национальном цвете.

Не все преподаватели института были сугубо академическими людьми. Среди них попадались настоящие бунтари и активные участники политической жизни. Таким человеком был **Никандр Александрович Маркс (1861–1921)**, лектор по курсу «Чтение древних рукописей». Не одно десятилетие он посвятил военной карьере в России, дойдя по этой лестнице до генерал-лейтенанта и командующего войсками Одесского военного округа. Принадлежность к военной элите не помешала этому человеку участвовать в революции 1905 г. и заседать в Одесском совете рабочих депутатов. Он говорил речи на пристанях и площадях. Был членом революционного комитета. К слову сказать, в 1917 г. он перешел на сторону революции и попал под военно-полевой суд Деникина в качестве «красного». Много усилий для разрешения этой истории приложил Максимилиан Волошин, бывший другом специалиста по древним рукописям. В промежутках между политическими дрязгами Никандр Александрович стал профессором кафедры палеографии МАИ и занимался изучением азбуки конца XVII в.

Музейное дело

Для того, чтобы образование в институте не носило совсем уж теоретического характера, организаторы этого «в высшей степени симпатичного и культурного дела» заботились не только о практических занятиях, но и наглядных пособиях. А что может быть нагляднее для студента-историка, чем подлинный предмет? Руководствуясь этой логикой, институт смог добыть для себя музеи. На тот момент в Смоленске их было два.

Официальным городским музеем, как бы мы сказали сейчас, «государственным», был *городской Историко-археологический музей*.

Его основал в 1887 г. гласный городской думы С.П. Писарев при поддержке городского главы А.П. Энгельгардта. Под нажимом градоначальника Городская Дума выделила музею комнату в нижнем этаже собственного здания. Совместно с выпускником реального училища В.И. Грачевым Писарев начал обустройство новорожденного музея. Заботиться о «благополучии и расширении» подопечного должна была Городская Дума. А управлять им – Совет.

Целью своего существования музей ставил сбор древностей Смоленского края. Для того, чтобы привлечь к этой работе как можно больше энтузиастов, музей решил информировать население о своей деятельности и для этого разработал «Программу для собирания древностей в Смоленский историко-археологический музей», где определили круг интересующих его предметов. Жертвователям древностей полагалось составлять легенду о происхождении даров. Эта программа была разослана по всей Смоленской губернии¹.

Население отнеслось к мероприятию сочувственно, и в музее на 1911 г. было уже 5900 предметов. Фонд состоял из старинных книг, коллекций археологии, монет, бытовых вещей. Увеличение музея заставило Думу предоставить дополнительную комнату для размещения коллекций. Музей переехал на третий этаж в новое помещение, но вскоре и оно стало мало. Предметы хранились и экспонировались в шкафах, в большой тесноте. В многолюдные дни любопытствующие даже били стекла в витринах². Не по ожесточению, естественно, но по неуклюжести. Зимой из-за низкой температуры посетители не снимали шуб. Публика могла осмотреть экспозицию с 12 до 3 часов дня по средам и воскресеньям. Входная плата – 10 копеек, а для солдат, преподавателей и учащихся – бесплатно. В этой же комнате находился особый стол, где с предметами могли поработать исследователи.

Жилось музею несладко. Городская Дума обращала мало внимания на его нужды и беды. Только с 1907 г. она стала выделять по 200 рублей в год на его содержание³. До этого Дума отпускала средства только на зарплату хранителя (им был В.И. Грачев, который получал в 1907 г. 240 рублей в год). Основные доходы музея складывались из входной платы и устройства благотворительных вечеров.

К 1910 г. культурный импульс членов Городской Думы погас окончательно, и музей стал обузой. Вот тут очень кстати на образовательном горизонте Смоленска возник МАИ. Музей в качестве учебного пособия был немедленно предложен дирекции института. Институт согласился. Только на некоторых условиях. Да, городской историко-археологический музей поступит в заведывание МАИ, но останется принадлежностью города. Все вещи и коллекции остаются в фондах музея. Он должен быть по-прежнему открыт для публики. И самое главное, и самое неприятное – Городская Дума по-прежнему должна была обеспечивать нужды музея в помещении и деньгах⁴. У музея появился новый хранитель, вольнослушатель МАИ В.П. Лапчинский. Дума вынуждена была выделить музею две комнаты, в которые переехала экспозиция, и на содержание музея потратить 500 рублей⁵.

В августе 1915 г. в связи с приближением фронта к Смоленску фонды музея были упакованы и подготовлены к эвакуации в Нижний Новгород. Особо ценные предметы были переданы на хранение в музей княгини Тенишевой⁶. Такой эта ситуация оставалась до 1917 г.

Совсем отличным от городского музея был частный историко-этнографический музей княгини М.К. Тенишевой. Это был известный на всю Россию музей «Русская старина». Его

¹ Иванов М.В. Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX вв.). Смоленск: Смолгортипотография, 2005. С. 80.

² Иванов М.В. Ук. соч. С. 86.

³ Иванов М.В. Ук. соч. С. 89.

⁴ Смоленский Вестник. № 190 за 28.08.1911 г.

⁵ Иванов М.В. Указ. Соч. С. 92.

⁶ Иванов М.В. Указ. Соч. С. 93.

хозяйка – знаменитая меценатка и собиратель древностей Мария Клавдиевна Тенишева (рис. 4). Она владела имением Талашкино, ставшим наравне с подмосковным Абрамцевым крупным образовательным и культурным очагом тогдашней центральной России.

Княгиня была страстным коллекционером. Взяв в помощники знатока древностей и фотографа И.Ф. Баршевского, княгиня начала покупать вещи у антикваров и у частных коллекционеров. Баршевский ездил за вещами в этнографические командировки по разным регионам России. Княгиня финансировала обширные археологические раскопки и сама принимала в них участие. Так в ее музей попали коллекции из Гнездова, с озера Пирос Новгородской губернии и др. К 1908 г. музейный фонд «Русской старины» составлял 6940 отдельных предметов и групп¹. Денег Тенишева не жалела. Коллекция представляла собой прекрасное собрание: предметы археологии, декоративно-прикладного искусства, ткани, иконы, книги, оружие, монеты, музыкальные инструменты и живопись. Немало было и по-настоящему уникальных вещей – древнерусские иконы, Острожская Библия (1581 г.) и Евангелие (1588 г.), прижизненная деревянная конная статуя Петра I, редкий портрет его матери Н.К. Нарышкиной, колыбелька композитора М.И. Глинки и т.д. Порою траты княгини доходили до космических величин. Исследователь смоленской архитектуры И.М. Хозеров утверждает, что в 1907 г. Тенишева купила у неких Осовецких икону Богоматери, датированную XIII в. Заплатила 20 тысяч рублей. Причем, Осовецкие просили 25 тысяч, и первым претендентом выступил Исторический музей в Москве, но, увидев такую цену, отступился². Как тут не вспомнить про 200 рублей, которые перепадали в год на долю городского историко-археологического музея...

Для хранения и экспонирования своей коллекции Тенишева выстроила по проекту художника С.В. Малютина специальное здание (рис. 5). С 1909 г. новый музей был открыт для обозрения публики. За 15 копеек по воскресеньям и четвергам можно было увидеть его богатейшую экспозицию (рис. 6). В это же время для обеспечения безопасности музея Тенишева пыталась найти для него надежного государственного покровителя. Им мог стать Русский музей, но тот затеял бумажную волокиту. К тому же княгиня ставила непереносимое условие, что музей должен оставаться в Смоленске. Когда стало ясно, что с Русским музеем ничего не получится, то «Русскую старину» принял под свое крыло МАИ. В конце мая 1911 г. состоялась торжественная передача музея. В помещение дворянского депутатского собрания пришли попечитель института, бывший Министр народного просвещения В.Г. Глазов, директор, академики и профессора, местный предводитель дворянства князь В.М. Урусов и городской глава Б.П. Рачинский, духовенство и другие. Говорили торжественные речи, отслужили молебен, принимали приветствия от deputаций, зачитывали телеграммы. Поздравление институту прислал даже П.А. Столыпин. В честь М.К. Тенишевой решили выбить золотую памятную медаль, поместить ее портрет в отделениях института в Калуге и Смоленске. Княгиня Тенишева становилась пожизненным почетным членом института.

В свою очередь Городская Дума решила возбудить ходатайство о присвоении Тенишевой звания почетной гражданки города (что было удовлетворено), установить ее портрет в зале Думы и назвать в ее честь отрезок Рославльского шоссе, идущий вдоль музея прямо от Молоховских ворот³. Улица сохранила свое название до сего дня.

Управление музеем теперь осуществлялось советом, куда входили представители МАИ, княгиня Тенишева и представители городской власти. Расходы на содержание принимал на себя институт, который установил на эти нужды около 3000 рублей в год. В залах музея начали проводить занятия со слушателями института. Обычные посетители по-прежнему имели право посмотреть экспозицию. Так, 31 августа 1912 г. в него вошел с визитом царь Николай II. (в прекрасной книге М.В. Иванова царь проходит по разряду «иногородние посетители»).

¹ Иванов М.В. Указ. Соч. С. 106.

² Хозеров И.М. Памятник раннего итальянского Возрождения XIII века из собрания Смоленского историко-этнографического музея // Труды смоленских музеев. Вып. I. Смоленск, 1924. С. 91.

³ Смоленский Вестник. № 118 за 1.06.1911.

Постепенно музей стал учебным и исследовательским центром института. Его коллекции описывали преподаватели МАИ. А.И. Успенский исследовал коллекцию икон, В.И. Троицкий — коллекцию серебра¹. Там работали над диссертациями соискатели на звание ученого археолога. Сама Мария Клавдиевна защитила работу по теме «Эмаль и инкрустация» на примере вещей из собственного музея.

В 1915 г. с приближением фронта музей был закрыт, но эвакуация в Москву так и не состоялась. Музей в ящиках встретил февраль 1917 г.

Последняя глава

Дальнейшая судьба Смоленского отделения Московского археологического института во многом повторила судьбу многих учебных заведений, попавших под образовательные реформы Советской власти. Он был закрыт. Правда, не сразу. В 1922 г. За время его недолгой работы с 1917 по 1922 гг. его успели закончить люди, которые очень много сделали для научного краеведения в Смоленской области. Вот самые известные из них:

— А.Н. Лявданский. Первый профессиональный археолог Смоленщины в современном понимании этого слова. Первый, кто провел систематическое, сплошное обследование памятников целых районов области и составил довольно обширную археологическую карту. Описания многих исчезнувших памятников мы знаем только по информации Лявданского².

— А.Ф. Палашенков. Закончил последовательно и археологическое, и архивное отделение МАИ. Археолог, этнограф. Записал более 11 тысяч единиц устного народного творчества. Стоял у истоков налаживания музейной деятельности на Смоленщине в первые годы Советской власти. Будучи инспектором по охране памятников старины Западной Области, спас от переплавки три очень ценных в художественном плане памятника Смоленска: памятник М.И. Глинке, памятник Отечественной войне 1812 г. и памятник М.И. Кутузову³.

— Н.И. Савин. Этнограф, археолог, музейный деятель. Принимал активное участие в организации музея в г. Дорогобуж, проводил раскопки в Дорогобужском и Ельнинском уездах⁴.

— И.М. Хозеров. Художник, археолог, исследователь памятников древнерусского зодчества Смоленщины и Беларуси. Первый серьезный исследователь древней архитектуры Смоленска. Историко-архитектурные исследования сочетал с археологическими изысканиями утраченных частей древних зданий⁵.

Tatyana V. Stolyarova

«This is extremely cute and a cultural thing». The history of the Smolensk branch of Moscow archaeological Institute (1910–1917 years).

Abstract: The article deals with the organization and pre-revolutionary history of the Smolensk branch of Moscow archaeological Institute. This school trains specialists on the archaeology and archival studies. During its existence it received training dozens of students, among them a few people, had a great influence on the organization of the Museum, local history and research work in the Smolensk region.

Key words: Smolensk branch of Moscow archaeological Institute, lecture, listeners, archaeology Department, archaeography Department, museums, excavations, collections, Russkaya Starina, M. K. Tenisheva, A.I. Uspensky.

¹ Иванов М.В. Указ. Соч. С. 117.

² Иванов М.В. 2011. Коллекционеры и музейные деятели Смоленского края (XIX—первая треть XX вв.) Библиографический словарь. Смоленск, 2011. С. 47.

³ Иванов М.В. Указ. Соч. С. 62.

⁴ Иванов М.В. Указ. Соч. С. 78.

⁵ Иванов М.В. Указ. Соч. С. 97.

Рис. 1. Здание археологического института в Смоленске

Рис. 2 Экзаменационный билет слушателя института

Рис. 3. Памятная книжка слушателя института

Рис. 4. М.К. Тенишева.
Портрет кисти
И.Е. Репина

Рис. 5. Музей
«Русская старина»

Рис. 6. Один
из экспозиционных залов
музея «Русская старина»

Курмановский В.С.

Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: предварительные результаты

Аннотация. Статья посвящена предварительным итогам работ сезона 2016 г. на поселении Глушица 1 в окрестностях Смоленска. Памятник представляет собой редкий пример малоизученных в данном регионе археологических объектов, период максимальной человеческой активности на котором относится к XIV–XV вв. Данные письменных источников позволяют надежно отождествить памятник с господарским двором (великокняжеской усадьбой) Глушица литовского времени XV–начала XVI вв. В ходе работ 2016 г. были получены редко встречаемые при археологических раскопках в России нумизматические находки – литовские монеты XV в., комплексы керамики данного периода, сопровождаемые находками монет и радиоуглеродными датами.

Ключевые слова: Смоленская земля, Великое княжество Литовское, Глушица, XIV–XV вв., археология, письменные источники, керамика, нумизматические находки.

В 2016 г. после восьмилетнего перерыва были продолжены раскопочные исследования Глушицкого археологического комплекса, а именно его центрального объекта – поселения Глушица 1¹. Поселение Глушица 1 расположено в 2 км к западу от д. Боровая Смоленского района Смоленской обл., в 700 м к северу от бывшей д. Глушица, примерно в 6 км к западу от Смоленска, на левом берегу Днепра (рис. 1). Памятник расположен на возвышенности в пойме. Площадка памятника с севера ограничена современным руслом Днепра, а с юга его старицей озером Глушица. Памятник активнейшим образом разрушается осыпью обрыва берега Днепра в результате весенних паводков. На данный момент обрывом уничтожено не менее половины предполагаемой изначальной площади. Катастрофические для памятника последствия имел разлив Днепра в 2014 г., в результате которого обрывом была уничтожена полоса шириной не менее 5 м.

На памятнике обнаружены культурные остатки различных периодов; наиболее широко представлены материалы XV (возможно, также XIV) в. Окончательно жизнь на памятнике, по данным письменных источников, прекращается в середине XVII в., что в целом подтверждается археологическим материалом.

Есть основания считать, что памятник может быть достаточно надежно определен по данным письменных источников, а именно актов Литовской Метрики, как остатки «господарского двора» Глушица, упоминающегося в ряде документов конца XV–начала XVI вв. «Господарские дворы» или «дворцы» – усадьбы, принадлежавшие великому князю, составляли важный элемент государственной структуры Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ)². Аналоги им в домонгольской и Московской Руси по данным письменных источников выявить не удалось – здесь, как правило, упоминаются дворы конкретных представителей княжеской династии. В Смоленском повете ВКЛ по данным актов Литовской Метрики XV–начала XVI вв. удается проследить в общей сложности 9 «господарских дворов», из которых 8 поддаются локализации на карте. Не локализуется в точности «Вопецкий двор», располагавшийся, очевидно, на одном из правых притоков Днепра – Большом или Малом Вопце, вероятно, близ их впадения в Днепр. Все остальные 8 дворов располагались в центральной части днепровского Левобережья, включая бассейн верхнего Сожа, охватывая этот район довольно плотной сетью (рис. 2).

Глушица, похоже, имела среди господарских дворов Смоленского повета особый статус – здесь периодически жили смоленские наместники, в частности, Миколай Радивилович (наместник в 1481–1486 гг.)³. В привилее короля и великого князя Александра г. Смоленску

¹ Подробнее о Глушицком археологическом комплексе см: Курмановский В.С. Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): проблемы хронологии и классификации // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 405–418.

² Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1893. С. 301.

³ Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. IV. Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie. XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2003. S. 389.

1505 г. среди введенных наместником «новин», запрещаемых привилеем, упомянута следующая практика: «а коли на Глушицы пан Миколай мешкивал, ино слуги много у них с места члонков с людьми бирали под его речи, которые коли до него к Глушицы проваживали»¹. Отметим, что слово «члонков» (очевидно, от польского «członek» — член, часть) в публикации в 1 томе АЗР (в отличие от других, как более ранних, так и последующих)² прочитано как «чолнков», что кажется более подходящим по смыслу, учитывая нахождение Глушицы на берегу Днепра³. В привилее городу Смоленску короля и великого князя Сигизмунда 1513 г. запрещается «глушичщина», под которой, возможно, понималось то же явление⁴.

Сохранился инвентарь смоленских господарских дворов, датированный временем ок. 19 марта 1499 г., включающий в себя описание двора Глушицы. В этом документе описаны имевшиеся в каждом из дворов запасы зерна (которые везде отсутствовали), посевы сельскохозяйственных культур, количество скота, количество различных категорий людей («челяди», «людей тяглых»). Население Глушицы, согласно документу, составляло «челяди невольное, мужиков и жонок, тридцатеро без двух»⁵. В судебном деле 1508 г. в качестве свидетеля упомянуто должностное лицо — «тивун глушыцкий»⁶. Двор Глушица был связан с административно-территориальным образованием «Дубровенский путь», охватывавшим территории по левому берегу Днепра ниже Смоленска, по дороге из Смоленска в г. Дубровно в пределах современных Смоленского и Краснинского районов Смоленской области и частично Дубровенского района Витебской области Белоруссии. К двору Глушице поступали повинности с военно-служилого населения Дубровенского пути. В частности, о повинностях по отношению к Глушице есть упоминания для селений «Давыдкова Сквородина и братаничов его»⁷, локализуемых на левом берегу р. Уфиньи (левого притока Днепра) и Бабиничи (в бассейне р. Спадская)⁸. «Служба» «людей» Митрохановых «с Кобылей»⁹, свидетелем о принадлежности которой выступает «тивун глушыцкий», предположительно мо-

¹ 1505.01.03. Привилей владыке, бояром и всем мешаном смоленским на права и волности их. // Литовская метрика (1427–1506). Книга записей 5. Lietuvos metrika (1427–1506). Knyga Nr. 5. Vilnius, 1993. № 157. С. 273.

² 1505.1.03. Привилей владыке, бояром и всем мешаном смоленским на права и волности их, дан кор. польским и вел. кн. литовским Александром. // Сборник Муханова. М., 1836. С. 135.

³ 1505. 01.03. Жалованная подтвердительная грамота смоленскому владыке Иосифу, панам, боярам и всем жителям о неприкосновенности православной веры, прав и волностей, дарованных им Витовтом, Сигизмундом и Казимиром. // АЗР. Т. 1. Спб., 1846. № 213. С. 361. В публикации приводится примечание: «В подл. и копии (члонков), по ошибке».

⁴ 1513.16.04. Привилей Сигизмунда I, короля польского и великого князя литовского, Смоленску о запрете держания в городе корчем, отмене незаконных воеводских поборов и установлении судебных пошлин в соответствии с грамотами короля Александра // Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV–первой четверти XVI в. М., 2010. Приложение I. С. 262.

⁵ Ок. 1499 г. 19.03. Смоленск. Списание речей, в Смоленску позосталых по пану Юр(и)ю Глебовичу // АЗР. Т. 1(6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506. М.—Спб., 2012. № 597. С. 399.

⁶ 1508.09.02. Декрет меж людьми путными Смоленско(о) повету Дубровенского пути а меж Михаилом Данилевичом, который их был за тяглых людей упросиль. // Литовская метрика (1499–1514). Книга записей 8. Lietuvos metrika (1499–1514). Knyga Nr. 8. Vilnius, 1995. № 412. С. 310.

⁷ 1499.7.06. Лист господарскому маршалку, наместнику Смоленскому, пану Миколаю Ивановичу Ильичу. Пожалование Смоленскою околичию, наместнику Лучина Городка, князю Олехну Васильевичу Глазыне села Давыдкова Сквородина и его братаничей и других селец в Катанской волости Смоленского повета (все эти сельца составляют одну панцырную службу); со всем принадлежащим, с прекращением пошлин на господаря; с церковной Михайловской земли, входящей в состав пожалованного, — по прежнему давать дань на церковь. // Литовская метрика. Книга пятая записей. № 220. // РИБ. Т. XXVII. Спб., 1910. С. 776.

⁸ 1498.05.12. Лист наместнику Смоленскому пану Юрию Глебовичу. Пожалование господарским дворянам, князьям Ивану и Тимофею Филипповичу Крошинским, села Бабиничи в Дубровенском пути Смоленского повета и людей (двух с дяльковичами, одного с братиею), в вознаграждение за их отчину, захваченную москвичами; до господарских воли и лучшего осмотра, со всем, как жалуемое держалось на господаря (вплоть до возвращения их отчины. // Литовская метрика. Книга пятая записей. № 184 // РИБ. Т. XXVII. Спб., 1910. С. 713.

⁹ См. примечание 9.

жет быть локализована в районе д. Кобыляки, показанной на плане Генерального межевания Краснинского уезда Смоленского уезда на р. Еленке (левый приток р. Лупа, правого притока р. Мереи, левого притока Днепра) в западной части уезда¹, либо в окрестностях д. Кобылья, существовавшей в XIX в. на территории современного Дубровенского района Белоруссии².

Для периода после присоединения Смоленска к Московскому государству в 1514 г. данных о Глушице фактически нет. Не вполне ясна и владельческая принадлежность данной территории. Фактически несомненна ее принадлежность к дворцовым или монастырским землям. К западу от Глушицы, вдоль Днепра, у впадения р. Бехли и р. Уфиньи располагалась вотчина Борисоглебского монастыря, среди селений которого в инвентаре 1619 г. назван пустой «починок Глушнево (Hłuszniowo)», в котором «перед тем» проживало 3 человека³. К югу, в бассейне р. Лубни и, очевидно, Ясенной, лежала дворцовая Ясенская волость⁴, к северу, на правом берегу Днепра — дворцовые Корохоткинская и Катинская волости. Таким образом, наиболее вероятно принадлежность Глушицы какому-то из этих владений.

Из межевого описания 1625 г. следует, что Глушица накануне завоевания Смоленска войсками Речи Посполитой являлась пустошью, принадлежность которой опять же неясна. К этому времени ставший владельцем Глушицы Войцех Джевецкий (Дровецкий), служивший в смоленской казацкой хоругви, начал строительство фольварка «на Днепре при озерах» (в этом описании узнается поселение Глушица 1), а затем продал имение референдарю и писарю ВКЛ Александру Корвин-Госевскому⁵. Согласно межевому описанию, земли фольварка Глушицы охватывали территорию вдоль берега Днепра от р. Ясенной до р. Уфиньи⁶. В 1633 г. Глушица становится местом временной стоянки польско-литовских войск, двигавшихся на помощь осажденному Смоленску⁷. Земляные укрепления, изображенные на «Плане осады и обороны Смоленска» В. Гондиуса, были зафиксированы в 300 м к югу от поселения Глушица 1⁸.

В Переписной книге пятеругобого подымного сбора 1650 г. фигурирует местечко Глушица, являвшееся центром Глушицкой волости, принадлежавшей сыну Александра Винцентию Корвин-Госевскому⁹.

После присоединения Смоленска к России территория бывшей «Глушицкой маентности» отходит к восстановленному Авраамиевскому монастырю¹⁰. С этого периода история

¹ Атласы Смоленской губернии, содержащие в себе уездные карты (5 верст в дюйме). Ч. 2. РГАДА. Ф. 1356. Е.х. 5459. Л. 104об.

² Исторический атлас Смоленской губернии. Репринтное издание военно-топографической карты 1863 г. СПб., 2011. С. 116.

³ 1619 г. Ревизия Молоховского и Дубровенского станов Смоленского уезда. РГАДА. Ф. 1603. Оп. 8. Е.х. 19. Л. 27 об.

⁴ Там же. Л. 24 об.

⁵ Intromissia wielmożnemu wojewodzie Smolenskiemu przez dworzan królewskich na dobra w Smolenszczyźnie folwark Głuszycy u derewni Apelmanowskich z gruntami ich włości Michałowskiej, nalas Baranowski, y pustki za zamkiem Białej, na Biberowo y jego przynależności służąca przyznana. РГАДА. Ф. 389. // Литовская метрика. Кн. 103. Л. 169–175 об.

⁶ «Księga wymiaru y ograniczenia za przywilejami I.K.M. Zygmunta III danin ich mści panów żołnierców, obywatelów y na wszitko duchowieństwo smoleńskie y inne ordynacie zamku smoleńskiego...» z lat 1621–1634. Biblioteka Jagellońska. Rpis. 906. F. 23–24.

⁷ Dyaryusz wojny moskiewskiej 1633 roku. Biblioteka ordynacyi Krasieńskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. T. XIII. Warszawa, 1895. S. 27–30, 44.

⁸ Курмановский В.С., 2012. Оборонительные сооружения армии короля Владислава IV на Глушице // Вопросы истории фортификации. № 3. 2012. М. С. 66–71.

⁹ 1650.5.03. Записная книга пятеругобого подымного сбора Смоленского воеводства. РГАДА. Ф. 145. Приказ княжества Смоленского. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

¹⁰ Список с жалованных и 3 указных грамот монастыря Авраамия Смоленского. РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии. Ед. хр. № 10892. Л. 33.

заселения территории более полно обеспечена письменными источниками¹, которые, в совокупности с планами Генерального межевания², позволяют говорить о том, что на территории памятника Глушица 1 каких-либо поселений не существовало.

В ходе работ 2016 г. на поселении Глушица 1 была осуществлена зачистка обнажения культурного слоя в обрыве берега Днепра на протяжении примерно 100 м, заложен раскоп площадью порядка 20 кв. м, представлявший собой прирезку к раскопу 2004–2007 гг., и шурф площадью 4 кв. м у подножия западного склона площадки поселения.

Зачистка обнажения культурного слоя позволила дать разрез примерно половины поперечника памятника. Зачистка обнажения культурного слоя на длину около 60 м была сделана при первоначальном обследовании памятника в 2004 г. Тогда зачистка в большей степени охватила западную периферию памятника. Зачистка 2016 г. позволила получить представление о культурном слое в центральной части площадки, где ранее обнажение культурного слоя не фиксировалось. Кроме того, в связи с новыми обрушениями культурного слоя трасса разреза по обнажению существенно сместилась.

Зачистка обнажения позволила еще раз проследить некоторые особенности культурного слоя памятника, зафиксированные при более ранних исследованиях. Культурный слой имеет различную мощность и очень слабо стратифицирован. Между культурным слоем и слоистым материковым песком на большинстве участков профиля прослеживается своеобразный «переходный» горизонт, представляющий собой песок с многочисленными затеками культурного слоя без выраженной горизонтальной слоистости, также содержащий артефакты. В нижней части западного склона площадки материковый песок уходит вниз, и в основании культурного слоя лежит перекрывающий последний бурый суглинок, вероятно аллювиального происхождения. Здесь же культурный слой (возможно, сменяющийся почвенными отложениями) оказывается перекрыт аллювием.

У западного края площадки поселения зафиксирована небольшая (поперечником 60 см, глубиной 40 см) яма (Яма 4). Аналогичная яма была обнаружена в 2004 г. Вероятно, это разрез канавы, в которую была вкопана проходившая по краю площадки ограда. В основании склона фиксируется ложбина характерных очертаний. Не исключено, что здесь склон мог быть искусственно подрезан. У западного края площадки культурный слой фактически сходит на нет, и непосредственно под дерном лежит материковый песок. В разрезе 2004 г. мощность слоя также уменьшалась к краю площадки, однако он не исчезал полностью. Возможно, отсутствие слоя объясняется проходившей здесь трассой дороги.

В зачистке обнажения были зафиксированы три крупных ямы, две из которых располагались по соседству друг с другом в центрально-западной части разреза, примыкая к площади, раскопанной в 2004–2007 гг., и одна — существенно восточнее, в центральной части площадки поселения. Поскольку зачистка изначально шла от пойманной границы раскопа 2007 г. в восточном направлении, а затем в западном, одна из ям западно-цент-

¹ Смоленский уезд. Переписная книга дворцовым волостям и архиерейским и монастырским вотчинам переписи Данила Чернцова 176 (1667/1668) г. РГАДА, Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ед. хр. 15154. Лл. 853–854. 1710 г. Переписная книга Смоленского уезда монастырских крестьян и священно- и церковнослужителей; РГАДА, Ф. 237. Монастырский приказ. Оп. 1. Ч.1. Ед. хр. 89. 1722–1727 гг.; Книга переписная помещичьих, дворцовых, монастырских крестьян, отставных солдат, драгун, отставных офицеров, служилых шляхтичей Дубровинского, Молоховского, Максимовского станов Смоленского уезда. РГАДА. Ф. 350; Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Ед. хр. 3240. Л. 6.1748 г.; Книга переписная разночинцев, дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян Дубровинского стана Смоленского уезда. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 3255. Лл. 227–228. 1764 г.; Сказки монастырских крестьян Дорогобужского и Смоленского уездов. РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 4. Ед. хр. 2629.

² Смоленская губерния. Смоленский уезд. Генеральный уездный план 1780 г. 500 саж. в 1 дюйме (сведен из планов дач 100 саж. в 1 дюйме). РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5399; Атлас Смоленского уезда 2 версты в дюйме 1781 г. Ч. 3. Там же. Ед. хр. 5404; 1781 г. Атласы Смоленской губернии, содержащие в себе уездные карты (5 верст в дюйме). Ч. 1. Там же. Ед. хр. 5458. Л. 170б.

ральной части получила № 1, яма в восточной части профиля № 2 и вторая яма в западно-центральной части – № 3.

В археологическом материале, собранном при зачистке обнажения, так же, как и на памятнике в целом, преобладала керамика из ожелезненной глины с примесью песка, в целом датируемая в пределах второй половины XIII–начала XVII вв. (ранее была выделена автором этих строк в группу 2)¹. Для подобной керамики характерны преимущественно отогнутая внутрь шейка и завернутый наружу венчик, направленный горизонтально (вписывается в рамки типа 4 по типологии Т.В. Сергиной² или же типа 5³ (9)⁴ по типологии Е.В. Каменецкой), или же отогнут вниз (тип 5 по типологии Т.В. Сергиной)⁵. У обоих форм венчиков может встречаться заворот черного края внутрь. Тип 4, по данным Т.В. Сергиной, достигает максимума распространения в XIV в. и встречается до 70–80-х гг. XV в. Тип 5 впервые появляется в середине XIII в. и становится преобладающим в XV в.⁶ Из зачистки обнажения 2016 г. (помимо Ямы 3) происходят четыре венчика позднесредневековой красноглиняной керамики. Два из них (один происходит из Ямы 2) принадлежат к морфологически «ранним» формам типа 5 (26 по типологии автора) и наиболее вероятно могут быть датированы XV в. (рис. 3, 1, 2). Еще один венчик (рис. 3, 5) принадлежит к малочисленным на памятнике «поздним» формам данного типа, наиболее характерным для XVI в. Последние отличаются небольшими размерами завернутого наружу края венчика, преимущественно округлых или крючковидных очертаний, без граней, ложбинок и следов черного края, резко выпуклым туловом, часто с ребром на плечике – и сильно вогнутым, «заваленным» внутрь контуром шейки⁷. Подобная керамика широко представлена в «позднем» материале Ольшанского городища. Четвертый венчик отогнут наружу и вверх, имеет завернутый внутрь черновой край и ложбинку по верхнему краю. В материале, опубликованном Т.В. Сергиной, подобные венчики не встречены позднее середины XIV в.⁸ (Рис. 3, 3).

Кроме того, в материалах зачистки имеется венчик «классического» домонгольского горшка XII–первой половины XIII вв. (рис. 3, 6). Такая керамика в целом на памятнике также представлена достаточно широко, уступая только керамике XIV–XV вв.

Наиболее обильный керамический материал при зачистке обнажения был получен из Ямы 3 (рис. 4). В основном это хорошо узнаваемая керамика типа 5 (26), находящая близкие аналоги в слоях XV в. раскопа на улице Соболева, опубликованных Т.В. Сергиной (рис. 4, 1–7, 9, 10, 14–16). Кроме того имеются венчики типа 2а (4), более архаичного облика, возможно, датируемые XIV в. (рис. 4, 8, 11, 12).

Помимо материалов эпохи развитого и позднего средневековья, при зачистке обнажения найден ряд более древних артефактов. Два из них – фрагменты стенок сравнительно тонкостенных лепных сосудов с выраженным ребром на плечике могут быть отнесены к культуре смоленско-полоцких длинных курганов VIII–X вв., отдельные фрагменты керамики которой были обнаружены на памятнике в 2004 г. (рис. 3, 7–8). К керамике данной культуры, вероятно, принадлежит также лепное донце, обнаруженное в заполнении Ямы 3 (рис. 3, 10). Четвертый фрагмент лепной керамики имеет более толстые стенки,

¹ Курмановский В.С., 2014. Ук. соч. С. 411–412.

² Сергина Т.В. Керамика Смоленска середины XIII–XVII вв. // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск, 2004. С. 22–23.

³ Каменецкая Е.В. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. 5. М.: Наука, 1976. С. 43–44. Рис. 2.

⁴ Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дисс. к.и.н. М.: МГУ, 1977. С. 63, 65. Табл. 26.

⁵ Сергина Т.В. Ук. соч. С. 23–24.

⁶ Там же. С. 23–25.

⁷ Там же. Илл. 62, 1, 3; 63, 1; 66, 2; 68, 1; 70, 1–3.

⁸ Там же. Илл. 5, 7; 16, 6; 19, 3; 28, 1.

более крупные примеси и несколько иную фактуру. Предположительно, он может быть датирован второй–третьей четвертью I тыс. н.э. (рис. 3, 9).

Интересным результатом зачистки обнажения оказалось обнаружение материалов, очевидно, принадлежащих к эпохе бронзы. До настоящего момента на памятнике неоднократно находились кремневые артефакты, датируемые эпохой неолита-бронзы (определение Е.В. Леоновой, ИА РАН). В то же время керамики данного периода до настоящего момента выявлено не было. В 2016 г. в западной части обнажения были обнаружены фрагмент шлифованного сверленного сланцевого топора (в слое песка с включениями серой супеси), а также фрагмент лепной керамики с примесью крупной дресвы и текстильным орнаментом (рис. 5).

Разведочный шурф 2016 г. площадью 4 кв. м был заложен на западной периферии памятника у подножия склона ниже конца зачистки обнажения, на западном краю проходящей у подножия склона ложбины. Целью закладки шурфа была попытка выявления на памятнике стратифицированного культурного слоя, а также исследование выявленного в зачистке 2004 г. к западу от всхолмления слоя серого гумусированного суглинка на предмет содержания культурных остатков. Под дерном в шурфе прослеживался слой позднейшего аллювия мощностью до 50 см. По данным аналогичных исследований в Гнездове, а также шурфовки укреплений лагеря армии Владислава IV, начало высоких разливов Днепра с отложениями аллювия в этом районе может быть датировано XVII в.¹ Под аллювием лежал слой легкого светло-серого оглеенного суглинка с ожелезненными конкрециями мощностью до 30 см, в котором была обнаружена красноглиняная ручка кувшина. Вероятно, данный слой может быть датирован XVII в. Ниже лежал более плотный серо-сизый оглеенный суглинок, также с ожелезненными конкрециями, мощностью около 40 см. Он содержал довольно значительное количество угольков и сравнительно многочисленные культурные остатки, представленные печинами, костями животных, фрагментами плинфы и керамики XIV–XVI вв. В меньшем количестве была встречена керамика древнерусского облика. В нижней части этого слоя были обнаружены три сошедшихся между собой фрагмента стенки лепного сосуда. Однако еще ниже в слое вновь были встречены фрагменты средневековой круговой посуды. Ниже, на глубине ок. 115 см от дневной поверхности, лежал светлый голубовато-серый тяжелый суглинок с многочисленными железистыми включениями, не содержащий каких-либо культурных остатков. В нем были, однако, обнаружены единичные угольки. На глубине ок. 160–170 см от дневной поверхности работы в шурфе были приостановлены (рис. 6). Таким образом, попытка выявить на памятнике стратифицированный культурный слой не увенчалась успехом. В то же время шурф показал довольно значительную археологическую насыщенность слоя непосредственно к западу от всхолмления, однако генезис попадания культурных остатков в грунт в этом месте, являются ли они результатом хозяйственной деятельности за пределами всхолмления или же эффектом смыва с площадки поселения, осталось неясным.

Раскоп в центральной части памятника площадью ок. 20 кв. м, представлял собой прорезку в южном направлении к раскопу 2004–2007 гг. Площадь памятника, раскопанная в 2004–2007 гг., была фактически полностью уничтожена обрывом, удалось проследить лишь небольшой участок вдоль южной границы раскопа 2007 г. В раскопе 2016 г. были практически полностью разобраны выявленные в зачистке обнажения Ям 1 и 3, как выяснилось, лишь незначительно затронутые осыпью обрыва.

Обе ямы имели подквадратную форму, размеры примерно 3×3 м и глубину ок. 1 м, на дне каждой из них прослеживалась система канавок и столбовых ям (рис. 9–10). Ямы были заполнены весьма насыщенным культурным слоем (в особенности Яма 1), содержали в

¹ Курмановский В.С., Нефёдов В.С., Бронникова М.А. Геоархеологические исследования на поселении Глушица 1 в Смоленском Поднепровье (предварительные результаты) // Геоморфологические проблемы и их прикладные аспекты. VI Шукинские чтения. М., 2010. С. 502–506.

себе явные остатки обвалившихся отопительных устройств, включая большое количество камней. Ближайшим аналогом ям 2016 г. по размеру, конструкции и характеру заполнения оказывается яма, разобранный на памятнике в шурфе 2004 г. Очевидно, ямы представляли собой погребя или подполья жилых построек.

В ямах раскопа 2016 г. удалось проследить определенную стратиграфию. В Яме 1 верхнюю (основную) часть заполнения составляла засыпка культурным слоем. Ниже, с уровня ок. 110 см от использованного при работах репера прослеживался более темно окрашенный слой, содержащий большое количество угля, камней и глиняных элементов печной конструкции, вероятно, представлявший собой слой обрушения. Под ним, на дне ямы фиксировался тонкий (около 10 см) слой светло-серой супеси, вероятно, связанный с функционированием погребя (рис. 7).

Заполнение верхней части Ямы 3 также составлял слой засыпки. При этом, в отличие от Ямы 1, производилась засыпка ямы не только культурным слоем, но и материковым песком, составлявшим нижний горизонт слоя засыпки. Вероятно, этот песок был вынут при рытье Ямы 1¹. В нижней части ямы фиксировалась серия чередующихся прослоек серой супеси с угольками и материкового песка. Слой обрушения здесь не выделялся так однозначно, как в Яме 1. Вероятно, им может считаться верхний, наиболее темно окрашенный слой, подстилавший песчаную засыпку (рис. 8).

Среди особенностей ям 2016 г. следует отметить значительное разнообразие встреченного в их заполнении строительного материала, очевидно, связанного с отопительными сооружениями. Помимо печин, камней и находящейся во вторичном употреблении плинфы (фрагменты плинфы довольно широко представлены в культурном слое памятника), в заполнении Ямы 1 обнаружены объекты из необожженной глины скругленных очертаний, которые могут быть интерпретированы как сырцовые кирпичи. Кроме того, встречены фрагменты обожженного кирпича аналогичной формы, а также фрагменты брускового кирпича (не плинфы), известного в Великом княжестве Литовском с XIII в.

Ямы были весьма насыщены вещевым и керамическим материалом. Впервые на памятнике были обнаружены довольно многочисленные развалы сосудов (в основном, из заполнения Ямы 1, наиболее насыщенной керамикой), был получен ряд полных профилей (рис. 17), в перспективе возможна сборка ряда полных форм. В заполнении Ямы 1 находился развал крупного тарного сосуда (корчаги). Развалы сосудов преимущественно происходят из нижних частей заполнения обеих ям, из слоев, связанных с обрушением либо функционированием сооружений.

Археологический материал раскопа 2016 г., полученный как из Ям 1 и 3, так и из культурного слоя над ними и за их пределами, достаточно многочислен и разнообразен. Среди индивидуальных находок, безусловно, преобладает стабильный набор категорий железных изделий (ножи и их фрагменты, скобы, пробои, кольца, шилья, иглы, мелкие (обувные?) гвозди, рыболовные крючки, пряжки), однако присутствуют и более характерные и яркие предметы. Из железных изделий следует отметить предмет, предположительно, интерпретируемый как фрагмент шпоры с дисковидным колесиком и длинным держателем (рис. 12). По определению О.В. Двуреченского, распространение подобных шпор датируется сравнительно кратким периодом с последней четверти XIV по первую четверть XV вв. Для более четкой атрибуции необходима реставрация предмета. Кроме того, в Яме 1 обнаружен предмет, предположительно интерпретируемый как бритва (определение Н.А. Кренке).

Среди других заслуживающих внимания железных предметов следует отметить крупную сегментовидную подпружную пряжку, фрагмент лезвия топора, фрагмент серпа (?), фигурную накладку с заклепками. Характерную категорию железных изделий составили также детали цилиндрических замков, представленные в заполнении Ям 1 и 3 (4 экз.).

¹ Выражаю благодарность коллегам Д.Ю. Бадееву и В.Ю. Ковалю за помощь в анализе стратиграфии ям.

Среди такой массовой категории железных изделий, как ножи, следует отметить обилие образцов европейского происхождения с пластинчатой конструкцией рукояти, в том числе с медными заклепками (стержневидными и трубчатыми). При реставрации на этих ножах возможно выявление клейм. На некоторых из этих ножей, несмотря на сухой характер слоя, сохранились остатки деревянных рукоятей, а в одном случае — остатки, предположительно, кожаных ножен.

Среди предметов из цветного металла следует отметить бронзовый гладкий щитковосрединный перстень, происходящий из Ямы 1. Очень близкий перстень был обнаружен на памятнике в раскопе 2007 г. Из характерных вещей позднего периода жизни на памятнике имеется крючок — застежка из медного сплава, обнаруженный в верхней части Ямы 3. Несколько аналогичных крючков и петель к ним было обнаружено на памятнике в 2007 г. Подобные крючки, изготовленные из железа, были обнаружены на селище Глушица 2 (связываемом с местечком второй четверти XVII в.), а также в раскопе ЦС—IX в Гнездове. Судя по археологическому и историческому контексту, подобные крючки и петли следует датировать XVII в.

Имеется также индивидуальная находка, выходящая за пределы основной даты памятника. Это монета 2 копейки 1812 г., обнаруженная в культурном слое над ямой 1. Вместе с ней в слое были обнаружены в большом количестве осколки штофа, возможно, отложившиеся при посещении памятника в начале XIX в. вместе с монетой.

Одними из важнейших для сезона 2016 г. оказались нумизматические находки XV в. (См. Приложение 2). Это четыре монеты, найденные в заполнении ям (три — в верхней части Ямы 3, одна — в нижней части Ямы 1). Все они изготовлены из серебра с большей или меньшей примесью меди (рис. 18). Это не первые находки монет данного периода на памятнике. В 2007 г. в культурном слое памятника рядом с Ямой 2 2006—2007 гг. была обнаружена монета из серебра с большой примесью меди с изображением копья и креста на одной стороне и «колюмн» на другой, определенная П.Г. Гайдуковым как литовский грош начала XV в.

Предметы из стекла представлены фрагментами стеклянной посуды и стеклянных браслетов (рис. 13). Фрагменты сосудов представлены 2 экз. Первый из них представляет собой фрагмент круглого слабовыпуклого изделия из чистого бесцветного прозрачного стекла с утолщенным краем с проходящим по нему матовым ободком, и, вероятно, является поддоном кубка. Фрагмент обнаружен в культурном слое между ямами 1 и 3 (рис. 13, 11). Второе изделие (№ 59) изготовлено из темно-зеленого сильно корродированного стекла, представляет собой придонную часть небольшой граненой емкости, по краю донца украшено рельефным пояском из округлых шишечек, окаймленных двойным рельефным ободком, рельефный ободок проходит также по ребру тулова. Происходит из средней части заполнения Ямы 1. Находки стеклянной посуды, в частности, фрагмента кубка, могут быть связаны с присутствием лиц высокого социального статуса.

Фрагменты стеклянных браслетов в коллекции 2016 г. представлены 2 экз. (рис. 13, 10, 57). Всего на памятнике вместе с находками 2016 г. их обнаружено 4 экз. Один из них найден в заполнении Ямы 3, другой происходит из культурного слоя вне ям. Один из браслетов — гладкий темно-зеленый («бутылочного стекла») с желтой нитью, другой — витой бирюзовый. Из найденных ранее браслетов один ложновитой (?) бутылочного стекла с желтой нитью, другой — витой, сильно обожжен, цвет не прослеживается. По данным Н.И. Асташовой, зеленые стеклянные браслеты представляют собой одну из наиболее широко распространенных в Смоленске их разновидностей, распространенную с 20—30-х гг. XII в. до 80-х гг. XIV в., достигая пика распространения в первой трети XIII в. Бирюзовые браслеты в культурном слое Смоленска менее распространены и встречаются с начала XII в. по середину XIII в., их максимальное отложение в культурном слое приходится на 90-е гг. XII в.¹

¹ Асташова Н.И. Древний Смоленск до начала XV в. (по археологическим данным). Дисс. к.и.н. М.: МГУ, 1986. С. 112—115.

Индивидуальные находки из камня и керамики представлены двумя керамическими грузилами (вообще занятие рыболовством достаточно наглядно представлено в материалах коллекции 2016 г.; обнаружено 4 рыболовных крючка, 2 бронзовых и 2 железных, в слое фиксируется большое количество рыбьей чешуи и костей, рыболовные крючки имеются и среди находок других сезонов), несколькими сланцевыми оселками и 3 пряслицами (двумя шиферными и одним керамическим, изготовленным из стенки сосуда) (рис. 14). Одно из шиферных пряслиц происходит из культурного слоя, другое из заполнения Ямы 1. На одном из них имеется нацарапанное изображение креста. Общее количество пряслиц из розового шифера, найденных на памятнике — 4 экз.

Среди индивидуальных форм керамических изделий следует упомянуть, в первую очередь, почти целиком сохранившуюся поливную флягу, происходящую из нижней части заполнения Ямы 1 (рис. 15). Аналогии ей на данный момент найти не удалось. Среди других необычных форм керамики можно отметить упомянутую выше керамическую корчагу, фрагменты чернолощенной керамики с рельефным сетчатым орнаментом. Аналогичные фрагменты находились на памятнике и ранее. По данным Т.В. Сергиной, чернолощенная посуда со штампованным сетчатым орнаментом встречена в Смоленске в слоях 8 (начало 90-х гг. XIV—первое десятилетие XV вв.) и 5 ярусов (последнее десятилетие XV—первое десятилетие XVI в.) раскопа УС—XI¹.

Говоря о наиболее массовых керамических формах — горшках, следует отметить, что материалы Ям 1 и 3 2016 г. дали весьма представительную коллекцию керамики, сопровождающуюся нумизматическим материалом и, на наш взгляд, имеющую возможность быть рассмотренной как условно закрытые комплексы (хотя некоторая доля хронологически инородного материала в них безусловно присутствует). Керамика из раскопок 2016 г., особенно из Ямы 1, более насыщенной керамическим материалом, представлена преимущественно крупными фрагментами сосудов, восстанавливается ряд полных профилей.

Большая часть керамики типологически достаточно однородна. Это красноглиняные сосуды с наклоненной внутрь шейкой и завернутым наружу и вниз краем венчика, образующим на внешней стороне венчика валик (рис. 16, 1—19). Последний часто имеет сложную конфигурацию, различные грани, валики, в ряде случаев прослеживается заворот черного края внутрь. На поверхности некоторых сосудов читается белый ангоб. Подобные сосуды по типологии Т.В. Сергиной относятся к типу 5. Имеются также сосуды с краем венчика, ориентированным горизонтально, или же с небольшим наклоном вверх или вниз, вписывающиеся в рамки типа 4 по типологии Т.В. Сергиной, но их число заметно меньше (рис. 16, 20—23). Сочетание горшков 4 и 5 типов при преобладании типа 5, а также непосредственные формы сосудов определенно указывают на XV в.²

В заполнении ям присутствует в небольшом количестве также керамика, относящаяся к другим хронологическим периодам. Это, в частности, белоглиняная керамика с венчиком-валиком на прямой или отогнутой внутрь шейке, в общих чертах сходная с московской белоглиняной грубой XVI в. В Смоленске ее распространение, судя по всему, связывается с периодом пребывания в составе Московского государства XVI—начала XVII вв.³ В частности, подобная керамика достаточно широко представлена в позднесредневековом материале Ольшанского городища. Следует, однако, отметить отсутствие подобной керамики в слое обрушения и функционирования конструкции в Яме 1.

Состав керамики ям 2016 г. в целом аналогичен составу керамики других ям, выявленных на памятнике, который также указывает на XV в. В то же время керамика из культурного слоя раскопа (в первую очередь, по материалам наиболее крупного раскопа 2006 г., но аналогичная тенденция, похоже, читается и для сезона 2016 г.) дает несколько иную

¹ Сергина Т.В. Ук. соч. С. 45—46.

² Там же. С. 25. Табл. 7.

³ Т.В. Сергина отмечает увеличение количества белоглиняной керамики в Смоленске в слоях XVI в. (Сергина Т.В. Ук. соч. С. 8).

картину: здесь количество сосудов 5 типа примерно равно или даже несколько уступает количеству сосудов типа 4, что, по данным раскопа УС–XI, может говорить о второй половине XIV–начале XV вв.¹

В ходе работ 2016 г. была отобрана серия образцов древесного угля для радиоуглеродного анализа. В настоящий момент выполнены анализы по 4 образцам, происходящим из углистого слоя в нижней части Ямы 1 (слой обрушения конструкции). Результаты показаны в таблице (Приложение 1). В двух случаях интервал калиброванного возраста в целом совпал с археологической датировкой и данными письменных источников о времени существования двора Глушица, а также с датой обнаруженной в этом же слое монеты (вторая половина XV в.) (Приложение 2). Третья дата может говорить о том, что постройка с ямой продолжала функционировать в «московский» период XVI в. Наиболее сложно объяснить первую дату, соответствующую XVII в. (образец происходит из слоя функционирования сооружения в самой нижней части ямы). Безусловно, на памятнике присутствует условный «горизонт» первой половины XVII в., однако возможность попадания образцов дерева данного периода в заполнение придонной части Ямы 1 выглядит весьма маловероятным.

Радиоуглеродные анализы были сделаны также по образцам из Ям 1–2004 и 1–2006. Из Ямы 1–2004 происходят 3 образца, давшие соответственно калиброванный возраст 1429–1485 (образец из средней части ямы); 1219–1268 и 1208–1267 (образцы со дна ямы). Из Ямы 1–2006 были получены интервалы калиброванного возраста 1448–1520; 1443–1521; 1492–1602. Таким образом, большинство интервалов калиброванного возраста из трех ям укладываются в период второй половины–конца XV в., что совпадает с датами упоминания двора Глушица в письменных источниках. В то же время обращают на себя внимание результаты датирования двух образцов из нижней части Ямы 1–2004, указывающие на XIII в.

В общей сложности, на данный момент на раскопанной площади в западно-центральной части поселения выявлено 7 крупных подпольных ям (рис. 11). Большинство из них, судя по керамическому материалу и доступным данным радиоуглеродного анализа (имеются для 3 ям), функционировали в XV в. Единственное возможное исключение составляет Яма 3 2006–2007 гг., занимающая крайнее восточное положение, в заполнении которой были обнаружены 3 монеты первой трети XVII в., а также ряд крупных фрагментов поливной керамики этого периода. В заполнении ямы также довольно многочисленна керамика XIV–XVI вв., но следует отметить, что для памятника она является, можно сказать, «фоновым» материалом. Синхронность существования конкретных ям в рамках данного периода в точности на данный момент не может быть прослежена, однако наблюдения за стратиграфией ям 2016 г. позволяют говорить о том, что функционирование сооружения с ямой 3 предшествовало открытию Ямы 1.

Рассмотренный материал в совокупности с радиоуглеродными датами ставит вопросы общей хронологии заселения памятника в средневековый период. Несомненно наличие поселения на памятнике в домонгольский период второй половины XII–первой половины XIII вв. Об этом свидетельствуют довольно многочисленные вещевые находки данного периода, а также наличие «классической» домонгольской керамики в культурном слое. В раскопе 2006 г. домонгольская керамика составляла 13,6 % всей керамики. Наибольшая ее концентрация отмечалась на соседних участках раскопов 2005 и 2006 гг. В раскопе 2016 г. (как в культурном слое, так и в ямах) при наличии ряда достаточно ярких вещевых находок домонгольского периода керамика этого времени была представлена фактически единичными фрагментами. О существовании поселения в XIII в., помимо радиоуглеродных дат из Ямы 1–2004, свидетельствуют находки керамики данного периода, отличной от «классической» домонгольской и выявленное в слое раскопа 2006 г. небольшое скопление углей и печин с такой керамикой. Период максимальной человеческой активности на памятнике

¹ Сергина Т.В. Ук. соч. Илл. 36–52.

относится в целом к XV в. и может быть довольно надежно связан с функционированием господарского двора Глушица, с которым связано основное отложение культурного слоя в выявленных ямах. Двор Глушица с совокупностью построек и ям продолжает существовать в XVI в., в том числе какое-то время после присоединения Смоленска к Русскому государству в 1514 г. Об этом, в частности, свидетельствует наличие на памятнике белоглиняной керамики XVI в. Однако малочисленность материала данного периода может свидетельствовать о непродолжительности и слабой интенсивности человеческой деятельности. Возможно, поселение могло прекратить свое существование после событий Стародубской войны 1534–1537 гг. Именно к этому периоду относится более активное формирование в Смоленской земле структур Московского государства, в частности, начало складывания здесь системы поместного землевладения¹ и, очевидно, оформления структуры уезда, что могло привести, в том числе к упадку административных центров литовского времени.

Естественным образом встает вопрос о наличии либо отсутствии преемственности и, соответственно, хронологического разрыва между господарским двором литовского времени и поселением, возможно, также феодальным или административным центром XII–XIII вв. На узколокальном уровне этот вопрос затрагивает более широкую проблему наличия или отсутствия преемственности между административно-территориальными структурами Смоленской земли домонгольского и литовского времени.

Важнейшим направлением решения этого вопроса является выявление наличия либо отсутствия на памятнике материала XIV в. Казалось бы, в пользу положительного решения вопроса говорит отмеченный выше более архаичный характер керамического материала в культурном слое в сравнении с керамическим материалом из ям, близкий к датированным комплексам второй половины XIV в. С другой стороны, вряд ли удастся выделить формы керамики и вещевой материал, не допускающие возможности датировки его XIII либо XV вв. Однозначно датирующие находки XIV в. на памятнике на данный момент выявлены не были. Кроме того, на памятнике почти не читаются остатки сооружений «долитовского» периода. Две радиоуглеродные даты из нижней части Ямы 1–2004, казалось бы, говорят в пользу преемственности между XIII и XV вв., однако керамический материал данного периода в заполнении ямы весьма немногочислен и не образует какого-либо стратиграфического или планиграфического единства. Равным образом, на данный момент не удается проследить каких-либо «ранних» горизонтов в заполнении других подпольных ям поселения.

Таким образом, на данном этапе вопрос о наличии либо отсутствии преемственности не может быть решен ни положительно, ни отрицательно. Одним из итогов изучения поселения Глушица 1 на данном этапе видится также актуализация развития такого направления исторической археологии, как археология Великого княжества Литовского в России. Данное направление естественным образом получило развитие в Белоруссии и Литве, в то время, как в нашей стране, довольно значительные территории которой входили в состав данного государственного образования, такое направление (в отличие, скажем, от археологии Речи Посполитой XVII в., получившей уже определенное развитие в изучении древностей Смоленска)² на данный момент, пожалуй, еще не оформилось.

Следует также подчеркнуть необходимость дальнейшего раскопчного изучения поселения Глушица 1 как в силу решения научных задач, так и в свете того, что памятнику угрожает реальная опасность в результате его активного разрушения обрывами берега Днепра.

¹ Бенцианов М.М. К вопросу о формировании смоленской служилой корпорации // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексеева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 436.

² См., напр.: Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Оборонительные укрепления Смоленска к. XVI–XVII вв. у Молоховских ворот. Смоленск: Свиток, 2012; То же. Смоленские изразцы XVI–XIX вв. ИА РАН. Смоленский гос. музей-заповедник. Смоленск: Свиток, 2013.

Приложение 1

Поселение Глушица 1. Раскопки 2016 г. Результаты радиоуглеродного датирования образцов древесного угля из нижней части заполнения Ямы 1 (Лаборатория ГИН).

Индекс и номер	Археологический контекст	14С дата	Калиброванный возраст, 1σ
ГИН-15425	кв. 8. Я. 1. Гл. ок. -130	240±40	1635–1677 AD
ГИН-15426	кв. 8. Я. 1 -140/-150	360±30	1466–1522 AD
ГИН-15427	кв. 14 Я. 1. Гл. -130/-140	410±30	1441–1486 AD
ГИН-15428	кв. 8 Я. 1. Дно. св. серая супесь	270±60	1513–1600 AD

Приложение 2

Зайцев В.В. (ГИМ)**Определение нумизматических находок Смоленская область, Глушица 1, 2016 г.**

Глушица 1. Раскоп 1. Кв. 11. Гл. – 52 см. Верх Ямы 3.

№ 18. Две монеты, скрепленные окислами (колюмны / наконечник копья и крест). Великое княжество Литовское. Витовт (1392–1430). Денарии, 1411–1430 гг. (*Grimalauskait D., Remecas E. Pinigai Lietuvoje*. 2016. P. 135).

Глушица 1. Раскоп 1. Кв. 11. Серая супесь. Верх Ямы 3. Гл. – 53 см.

№ 24. Монета (колюмны / наконечник копья и крест). Великое княжество Литовское. Витовт (1392–1430). Денарий, 1411–1430 гг. (*Grimalauskait D., Remecas E.*, 2016. P. 135).

Глушица 1. Раскоп 1. Кв. 8. Яма 1. Гл. -110 / -120 см.

№ 95. Монета (колюмны / всадник с мечом, вправо). Великое княжество Литовское. Казимир (1440–1492). Денарий, около 1440–1475 гг. (*Grimalauskait D., Remecas E.*, 2016. P. 147).

Ссылки даны на издание:

Grimalauskait D., Remecas E., 2016. *Pinigai Lietuvoje*. Vilnius.

Vladimir S. Kurmanovskiy

Excavations at the settlement Glushitsa 1 in 2016: preliminary information

Abstract. The settlement Glushitsa 1 in the vicinity of Smolensk is a rare example of an archaeological sites in the region. The period of maximum human activity on it belongs to the 14th – 15th centuries. It is possible to identify reliably the monument with the courtyard (Grand manor) Glushitsa of the Lithuanian time (the 15th– early 16th c.), well known due to the records. In the course of the works in 2016 numismatic finds, rarely encountered in archaeological excavations in Russia were found: the coins of the 15th century Lithuania, the ceramic complexes of the same period, accompanied by finds of the coins and radiocarbon dates.

Keywords: Smolensk in the Grand Duchy of Lithuania, Glushitsa, 14th-15th c., archaeology, written sources, ceramics, numismatic finds.

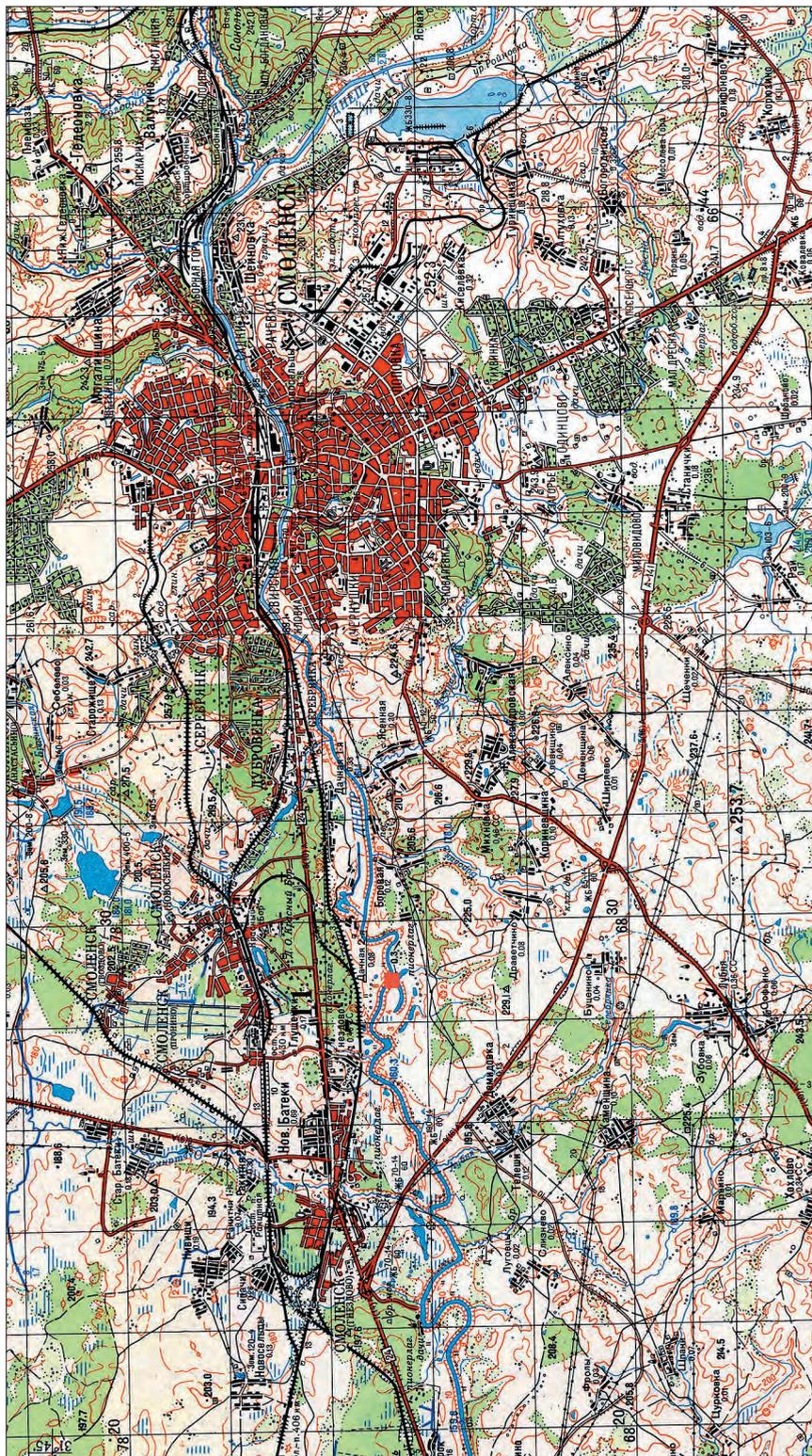

Рис. 1. Местоположение поселения Глушица 1 (выделено красным квадратом)

Рис. 2. Центральная часть Смоленского повета ВКЛ в XV–начале XVI вв. на подоснове карты Смоленского уезда второй половины XVII в. Темно-зелеными квадратами обозначены «господарские дворы», упоминаемые в актах Литовской Метрики

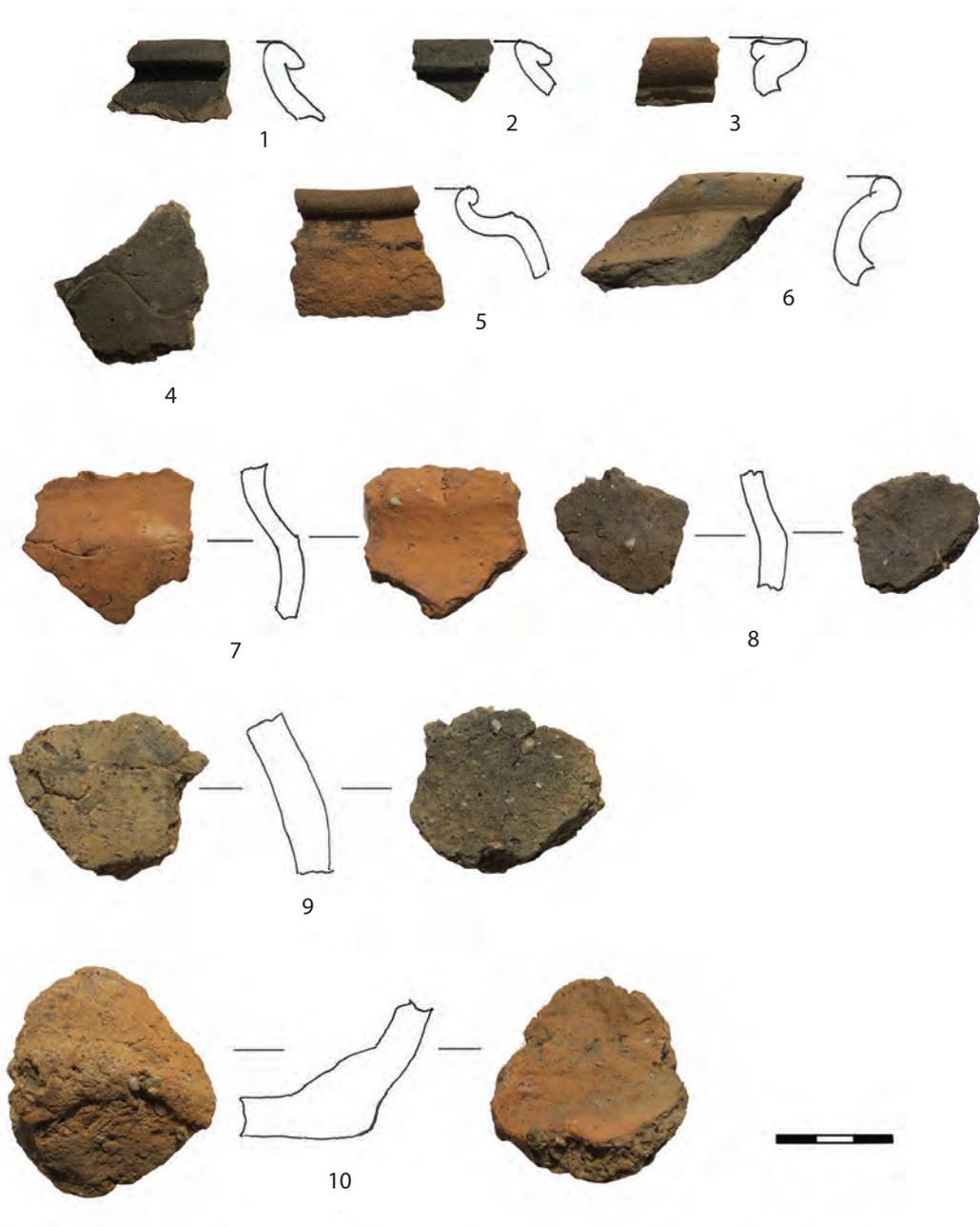

Рис. 3. Керамика из зачистки обнажения:

1–2, 4 – XV в.; 3 – XIV (?) в.; 5 – XVI в.; 6 – XII–XIII вв.; 7–8, 10 – лепная VIII–X вв.; 9 – лепная второй–третьей четверти I тыс. н.э. (1 – из Ямы 2; 8, 10 – из Ямы 3).

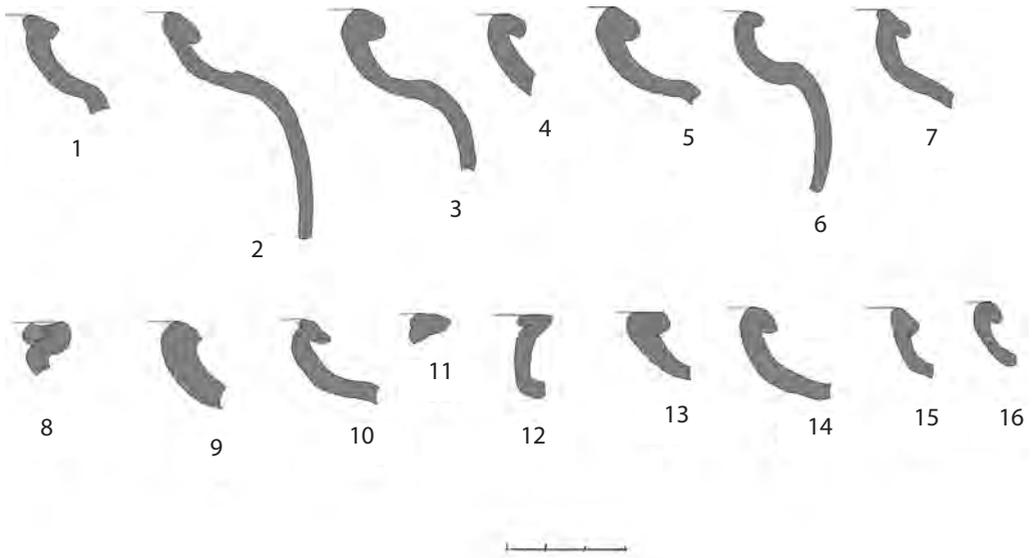

Рис. 4. Зачистка обнажения.
Керамика из Ямы 3

Рис. 5. Артефакты эпохи
бронзы из западной части
зачистки обнажения:
фрагмент сверленного
шлифованного сланцевого
топора (4); фрагмент
текстильной керамики (5)

Рис. 6. Шурф у западного склона памятника. Юго-восточный профиль

Рис. 7. Разрез Ямы 1. Видны разрезы сырцовых кирпичей и поливная фляга

Рис. 8. Разрез Ямы 3

Рис. 9. Выбранная Яма 1

Рис. 10. Выбранная Яма 3

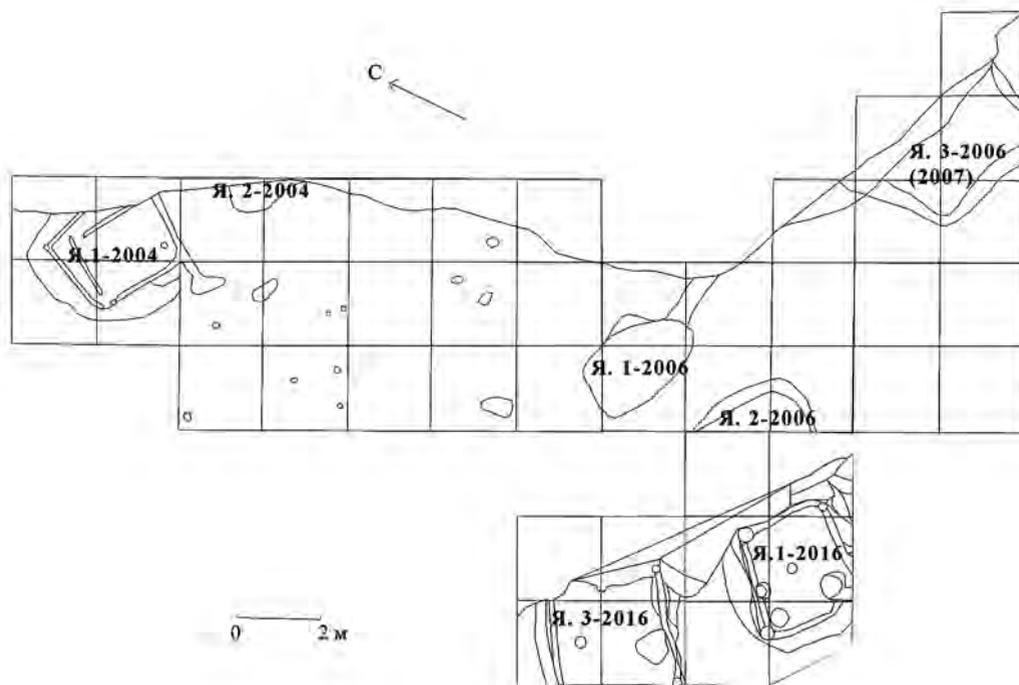

Рис. 11. Сводный план материковых ям в раскопах 2004–2007 и 2016 гг.

Рис. 12. Фрагмент шпоры (?) из заполнения Ямы 1

Рис. 13. Изделия из стекла: фрагменты сосудов (11, 59); фрагменты браслетов (10, 57)

Рис. 14. Предметы из камня и керамики: керамические грузила (21, 42); шиферные пряслица (15, 110, 15 – с нацарапанным изображением креста); фрагмент пряслица из стенки керамического сосуда (78)

Рис. 15. Поливная фляга из заполнения Ямы 1

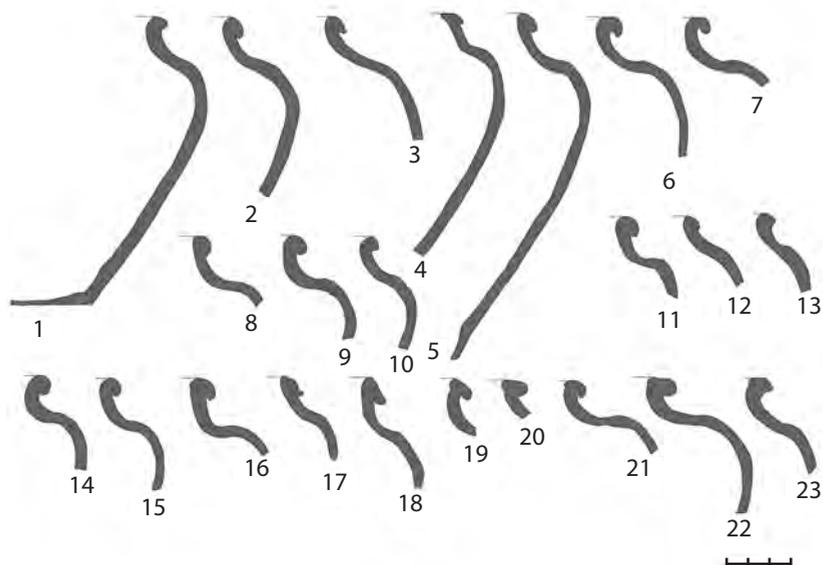

Рис. 16. Яма 1. Керамика из темного слоя (слой обрушения конструкции)

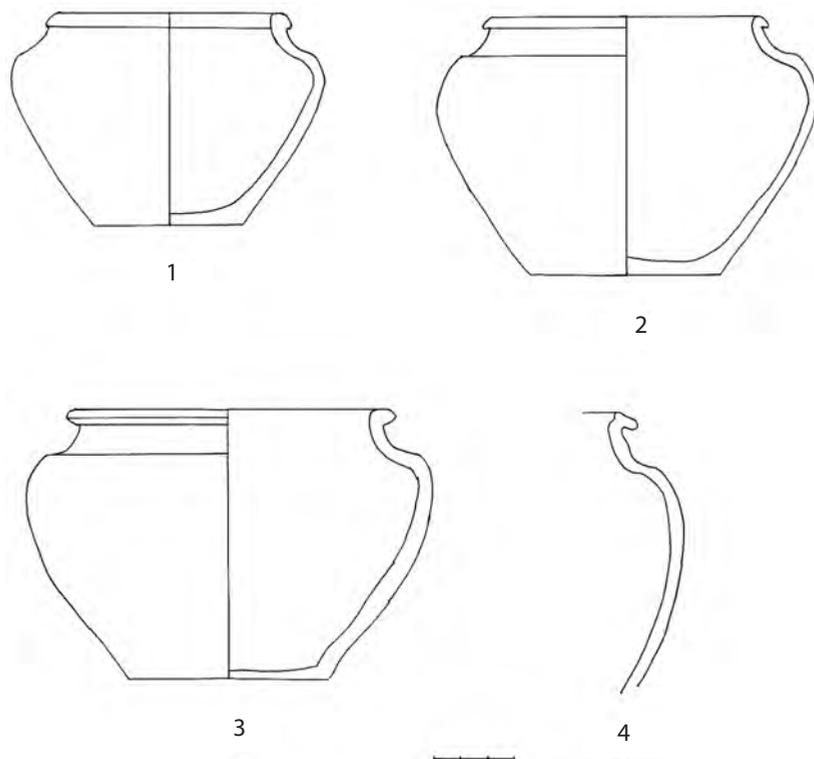

Рис. 17. Керамические сосуды:

1–2 – из Ямы 3 (2 – из слоя функционирования сооружения); 3 – из Ямы 1 (слой обрушения); 4 – из культурного слоя

Рис. 18. Нумизматические находки из Ям 1 и 3

Чернецов А.В.

К изучению древнерусских амулетов

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые малоизвестные страницы взаимоотношений народной культуры средневековья Византии и Древней Руси, нашедшие отражение в широком и длительном бытовании на территории Руси разнообразных амулетов.

Ключевые слова: древнерусские амулеты, духовная культура средневековья, магия и суеверия, перстни-печатки, гностические геммы, «таблички проклятий», змеевки, «Соломонова печать».

Во многих работах Н.А. Кренке подчеркивается необходимость более активного обращения археологов к использованию методов естественных наук. Подобная позиция не вызывает возражений — очевидно, новые достижения в области археологии возможны, в первую очередь, на этом направлении. Можно только заметить, что желательнее поддерживать и развивать также и традиционные археологические методики — разработки в области типологии и взаимовстречаемости артефактов, стратиграфии и планиграфии изучаемых объектов. Археология не должна разрывать свои традиционные связи с другими гуманитарными науками, в частности, с наиболее сложной проблематикой этих наук.

Собственно говоря, сам Николай Александрович в ряде своих работ вносит весьма весомый вклад в изучение подобных вопросов. Можно отметить его публикации, посвященные богатейшим материалам из могильников обских угров¹, его интересную статью, посвященную археологическому изучению святилища современных неоязычников².

Эта статья посвящена изучению некоторых амулетов, бытовавших на Руси, в первую очередь, тех, которые отражают сложное переплетение разновременных и разнокультурных традиций. Амулеты, о которых пойдет речь, уже рассматривались в более ранних работах автора. Однако по ходу дальнейшей работы по данной проблематике удалось найти неучтенные ранее аналогии и параллели, проливающие новый свет на происхождение и назначение рассматриваемых объектов.

Русские амулеты эпохи Средневековья и Нового времени рассматривались в ряде специальных публикаций³. Вместе с тем, изученность этого материала видится недостаточной. Восточнославянские амулеты широко представлены в археологическом материале⁴;

¹ Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ. М.: Наука, 2001.

² Кренке Н.А. Капище общины «Коляда Вятичей» // Царицыно. Археология и современность / Государственный историко-археологический, художественный и ландшафтный музей «Царицыно». ИА РАН. М., 2008. С. 152–165; 198–203. Рис. 29–34.

³ См. обзорные работы, включающие обширную библиографию: Толстой Н.И. Амулет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. I. М., 1995. С. 105, 106; Райан В.Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / Серия *Historia Rossica*. Отв. ред. тома А.В. Чернецов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 309–382 (гл. «Талисманы и амулеты»); С. 383–417 (гл. «Materia magica»); С. 418–438 (гл. «Тексты как амулеты»).

⁴ Гольмстен В.В. Лунницы Российского исторического музея // Отчет Исторического музея за 1913 г. М., 1913; Седова М.В. Амулет из древнего Новгорода // Советская археология. № 4. ИА АН СССР. М., 1957. С. 166–167; Журжалина Н.П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // Советская археология. № 2. ИА АН СССР. М., 1961. С. 122–140; Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. № 4. ИА АН СССР. М., 1961. С. 94–102; Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни в X–XIII вв. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 43. М., 1967. С. 88–132; Седов В.В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 151–157; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–60. Л.: Наука, 1981; Он же. Языческие привески-амулеты древней Руси // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1989; Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // Российская археология. № 2. ИА РАН. М., 1992. С. 41–56.

они могут фигурировать в средневековых и позднесредневековых рукописных источниках (прежде всего, в составе лечебников и травников); наконец, этнографических наблюдений и коллекциях. При этом материалы, попадающие в сферу интересов исследователей, представляющих разные специальности, как правило, не сопоставляются друг с другом и изучаются изолированно.

Ситуация осложняется тем, что в сфере народных суеверий особенно распространены инокультурные влияния и заимствования (нередко феномены экзотического происхождения считались более авторитетными, чем традиционные доморощенные). На территории средневековой Руси фиксируется множество амулетов финно-угорского происхождения¹, причем их много в зоне, где, безусловно, преобладало славянское население. Достаточно широко представлены в Восточной Европе и амулеты скандинавского происхождения². В общем потоке византийского культурного влияния, которое оказало сильнейшее воздействие на древнерусское общество, к восточным славянам приходили и некоторые характерные средневековые суеверия и связанные с ними амулеты.

Часть позднеантичных и средневековых амулетов представляет собой печати, печатки, перстни-печати. Иногда название «печати» присваивается специфическим магическим рисункам, включающим колдовские знаки, надписи и, как правило, вписанным в круг³. Подобные магические печати западного образца можно видеть, например, в рукописи второй половины XVII в., содержащей подборку колдовских заговоров и статей о чудесных свойствах драгоценных камней⁴. В рукописи «Псковского Кроника» 1689 г. знаком, используемым при математическом гадании, связанном с астрологией (геомантии), приписывается роль знаков собственности и печатей древнейших русских князей⁵, причем отмечается их использование при заключении договоров и при установлении даннических отношений.

На рубеже Новой эры получает чрезвычайное распространение такая разновидность амулетов, как так называемые «гностические геммы» — резные камни, как правило, вставки перстней-печатей, отражающие синкретические греко-восточные культы эпохи поздней античности⁶. На них преобладают греко-египетские мотивы, но присутствуют и греко-сиро-месопотамские, греко-малоазийские и иные мотивы, в частности, греко-иудейские и греко-раннехристианские. Отметим значительное распространение подобных амулетов в Северном Причерноморье⁷. Дальнейшее изложение наглядно покажет исключительно важную роль наследия позднеантичной и ранневизантийской глиптики подобного рода для средневековой Руси.

Еще одна характерная разновидность позднеантичных магических амулетов, распро-

¹ Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ Е1–59. М.: Наука, 1979; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения...; Алешковский П.М. Языческий амулет-привеска из Новгорода // Советская археология. № 4. ИА АН СССР. М., 1980. С. 284–286.

² Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.: МГУ, 1991. С. 175–199; Мельникова Е.А., Носов Е.Н. Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования за 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 210–222.

³ Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheym De occulta philosophia libri tres. Parisiis, 1567 (ed. pr. 1531), p. 391–393; Winkler H.A. Siegel und Charaktere in der Muchammedanischen Zauberei. Berlin–Leipzig, 1930.

⁴ Русские заговоры из рукописных источников XVII–первой половины XIX в. / Сост. А.Л. Топорков. М., 2010. С. 348. Рис. 3.

⁵ Турилов А.А., Чернецов А.В. Деяния княгини Ольги в «Псковском Кронике» 1689 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (65). М., 2016. С. 62. Рис. 6; Chernetsov A.V., Turilov A.A. An Occult Version of the Early Medieval History of Russia and Description of Arctic Navigation Routes in the Pskov Chronicle of 1689 // The Journal of the Hakluyt Society, January 2017 (http://www.hakluyt.com/journal_index.htm). P. 4. Fig. 2, 3; P. 6.

⁶ Bonner C. Studies in magical amulets, chiefly graeco-egyptian / University of Michigan studies, Humanistic series. London, 1950. Vol. XLIX; Delatte A., Derchain Ph. Les intailles magiques greco-egyptiennes. Paris, 1964.

⁷ Неверов О.Я. Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР // Вестник древней истории. № 1. М., 1974.

страненных по всему Средиземноморью — так называемые «таблички проклятия»¹. Это таблички с надписями, чаще всего свинцовые, обычно свернутые в рулон, использовавшиеся для вредоносной магии. Такие таблички подбрасывали в могилы или в святилища хтонических божеств с целью накликать смерть на проклинаемого. Известны таблички, призванные нанести вред соперникам, участникам гладиаторских игр, наездникам и даже лошадям, которым предстояло выступать на конских ристаниях. Подобные таблички нередко несут следы намеренных повреждений, прокальвания (встречаются образцы с забитыми в них гвоздями или стержнями). Амулеты, представляющие собой металлические пластинки, на которые были нанесены надписи магического содержания, имели в древности и средневековье широкое распространение. Нередко они представляли собой подвески. Подобные амулеты известны, в частности, в ранневизантийской² и скандинавской³ (рис. 1) традициях.

В последнее время интенсивно изучаются специфические болгарские амулеты, часть которых датируется X в., причем в имеющихся на них надписях встречаются глаголические буквы (рис. 2). Эти амулеты представляют собой свернутые в рулон металлические (как правило, свинцовые) пластинки с магическими текстами⁴. Подобные находки (их насчитывается несколько десятков) позволяют напрямую связывать археологические материалы с рукописными текстами. Связь южнославянских амулетов с более ранней средиземноморской традицией, конкретно с табличками проклятия, очевидна, поскольку на многих болгарских табличках присутствуют проклятия в адрес демонического существа («нежита»). Сразу отметим, что сохранившиеся в рукописях и на амулетах апокрифические молитвы от «нежита», лихорадок (трясавиц), *uŕeg'ы* — дьны (демона, представленного на византийских и древнерусских амулетах-змеевиках) представляют собой близкородственную группу текстов. Упомянутые вредоносные болезнетворные демоны связаны с женским началом, в византийской традиции нередко персонифицировавшемся в образе Гилло⁵.

Находки амулетов, подобных болгарским, на Руси в настоящее время неизвестны; тексты, близкие заклинаниям на болгарских табличках, встречаются в древнерусских рукописях и берестяных грамотах.

Все же имеются летописные тексты, позволяющие полагать, что традиция изготовления металлических (в данном случае — золотых) табличек проклятия была известна и у восточных славян периода становления древнерусской государственности.

Речь идет о договоре Святослава с греками 971 г. Согласно объяснению И.И. Срезневского, темное место в его тексте «будем колоти (чтение древнейшего списка; в других рукописях — «золоти») яко золото»⁶ представляет собой скандинавский мифологический мотив — воспоминание о Гульвейг (первая часть имени означает «золото»), зачинщице

¹ Кагаров Е.Г. Греческие таблички с проклятиями (*defixionum tabellae*). Харьков, 1918; Михайлова Т.А., Чехонадская Н.Ю. Галльская «табличка из Ларзака». Прагматика и жанр // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 73–92; Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории // Вестник древней истории. М., 2007. № 4. С. 50–61; Михайленко А.В. Таблички проклятий как источник для изучения социальной жизни в древней Греции // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 2, история, вып. 2. С. 60–68.

² Spier J. Medieval Byzantine amulets and their tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1993. V. 56. pl. 6, c, d, f.

³ Мельникова Е.А., Носов Е.Н. Ук. соч.

⁴ См. напр.: Попконстантинов К. Два средневековни амулета от X в. против тресавицы // Сб. в чест на проф. д-р Ангел Давидов. Велико Търново, 2004.

⁵ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. С. 16, 17.

⁶ ПСРЛ. М. Т. I. 1962. Стб. 73; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. 1958. Стб. 995, 996; Роменский А.А. «колоти яко золото»; к интерпретации формулы клятвы руссов в договоре с Византией 971 г. // История ромеев во времени и пространстве; центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. Белгород, 20–25 апреля 2016 г. С. 170–172.

первой войны между ванами и асами, заколотой копьями и постоянно воскресающей вновь, чтобы сеять раздор и войну (Старшая Эдда):

Помнит войну она
первую в мире:
Гульвейг погибла,
пронзенная копьями,
жгло ее пламя
в чертоге Одина,
трижды сожгли ее,
трижды рожденную,
и все же она
доселе живет¹.

В пользу малопонятного чтения «золоти» в тексте договора 971 г. свидетельствует то, что именно это чтение встречается в большинстве списков, тогда как «колоти» — только в одном (но наиболее раннем). С другой стороны, чтение «колоти яко золото и своим оружием да исечени будем» содержит параллелизм «колоти-исечени», который при чтении «золоти» пропадает.

Позднейшие списки Начальной летописи при описании заключения договора 971 г. иногда содержат неясное дополнение: «и сотворихом о том пинехрису» («пинехрису»)². Слово «пинехруса» имеет прозрачную греческую этимологию (πίναξ — доска и χρυσός — золото). Очевидно, речь идет о том, что при заключении договора использовалась металлическая (золотая) «табличка проклятия», которую могли протыкать с тем, чтобы нарушителей клятвы постигло наказание. Вероятность использования таблички проклятия при заключении договора 971 г. представляется вполне реальной, тем более что проклятье, «клятва» упомянута в его тексте: «да имем клятву от Бога в его же веруем в Перуна и в Волоса скотья Бога»³. Если подобное (наиболее обоснованное) понимание слова «пинехруса» правильно, то кажущееся проблематичным чтение «колоти» приобретает дополнительное обоснование.

Напомню, что такой тонкий знаток древнерусской культуры, как А.С. Орлов, принимая истолкование, предложенное И.И. Срезневским, очевидно, считал подобный синкретизм языческой культуры вполне естественным и писал, что киевский князь «варяг Святослав... дорожил родной мифологией, которая нам известна по святославу договору с греками (971 г.), а, может быть, и по таким произведениям, как „Эдда“ или „Нибелунги“»⁴.

В 1998 г. в Киеве в траншее, заложенной параллельно западному фасаду собора Михайловского Златоверхого монастыря, основанного в 1108 г. великим князем Святополком Изяславичем в честь своего небесного патрона, археологи зафиксировали несколько древнерусских построек. В постройке № 3, которая датируется концом XII в. — первой половиной XIII в., был найден фрагмент каменного топора эпохи энеолита (приблизительно IV тыс. до н.э.), на котором позднее, по-видимому, в XII в., были выгравированы христианские изображения (рис. 3; 4, I). находка неоднократно публиковалась⁵.

На одной стороне орудия процарапана фигура Богоматери Знамение в рост (высота —

¹ Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 28.

² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. С. 62; Сергеев Ф.П. Из истории слов «написание», «харатия», «пинехроса» (по материалам договоров русских с греками) // Известия Волгоградского гос. университета. Вып. 4 (68). 2012. С. 112–115.

³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 73.

⁴ Орлов А.С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л.: АН СССР, 1937. С. 58.

⁵ См.: Ивакин Г.Ю., Чернецов А.В. Уникальный амулет из раскопок в Киеве // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 521–532.

37 мм). Руки подняты вверх ладонями на уровне плеч. Хорошо прочерчены складки мафория. На груди находится медальон с погрудным схематическим изображением младенца Христа. Богоматерь стоит на прямоугольном плато. Слева от головы — монограмма МР под титлом. На другой стороне изображен архидиакон св. Стефан в длинном стихаре (30 мм). В правой слегка согнутой руке он держит кадило на трех цепочках. В левой — предмет, обычно присутствующий на изображениях этого святого, который одни исследователи считают мученическим венцом, другие — моделью храма, третьи — артофорием-пиксидой для освященного хлеба, сионом или ковчегцем для фимиама. По обе стороны фигуры святого идет колончатая надпись «СТЕ» и «ΦΑΝΟΣ».

То, что в эпохи раннего железного века и Средневековья каменные орудия считались чудесными объектами и могли использоваться в качестве амулетов, общеизвестно. В церковных поучениях они фигурируют как «стрелки и топоры громнии, нечестивая и богомерзкая вещь»¹. Тем не менее, они могли не только бытовать на Руси, но и украшаться изображениями из фонда церковной иконографии.

Ряд полированных каменных топоров с нанесенными на них позднейшими изображениями и надписями приведены в более ранних публикациях (примеры были заимствованы в основном из старой работы Г. Обермайера). Один из топоров несет на себе греческую магическую надпись, позволяющую отнести его к числу гностических амулетов². Набор аналогий может быть дополнен полированным орудием, с изображением и надписью гностического характера, опубликованным в известной работе К. Боннера (рис. 4, 2)³.

Некоторые другие представления, связанные с камнями (или иными объектами, рассматривавшимися как камни) разбираются в моих публикациях, посвященных уникальному чародейскому рецепту из рукописи первой половины XVI в., обнаруженному и впервые опубликованному А.А. Туриловым⁴.

На гностических геммах могли быть представлены изображения греческих и восточных божеств, сохранявшие традиционную иконографию. При этом на подобных геммах встречаются изображения, не находящие себе аналогий в другом материале. Среди них крайне специфическое изображение змееногого существа с петушиной головой, в панцире, со щитом и плетью в руках (рис. 4, 3, 4)⁵. Иногда вместо петушиной подобное существо имеет иную зооморфную голову. Довольно часто это изображение сопровождается надписью «Αβρασαξ» (сумма цифрового значения букв надписи соответствует числу дней в году). В некоторых случаях это изображение сопровождается надписью «ΙΑΩ» (ср. «Иегова»). Подобная надпись имеется, в частности, на щите персонажа на резном камне, представленном на рис. 4, 4. Такие геммы продолжали использоваться в эпоху Средневековья. В русском материале их оттиски встречаются на воско-мастичных печатях. Такое изображение имеется, например, на печати, приложенной к завещанию князя Ивана Юрьевича Патрикеева, составленному в 1498 г.⁶ Печать принадлежала супруге князя Овдотье. Голова персонажа имеет неясный зооморфный облик. Еще одна подобная печать была прило-

¹ Толстой Н.И. Грозовая стрела // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Изд-во Международные отношения, 1995. С. 561–563. См. также: Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908. С. 22.

² Ивакин Г.Ю., Чернецов А.В. Ук. соч. С. 525. Рис. 23, 5.

³ Bonner C. Op. cit.

⁴ Турилов А.А. Камень для вызывания дождя и ветра // Живая старина. № 3. М., 2000. С. 16–18; Чернецов А.В. Волшебный камень // Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij / Bertolissi S., Salvatore R. eds. Napoli, M. D'Auria Editore. 2010. P. 125–131; Chernetsov A.V. The Sorcerer's Stone: Magic of Water and Blood // Russian History. 2013. 40 (Witchcraft Casebook: Magic in Russia, Ukraine, Poland, and the Grand Duchy of Lithuania, 15th–21st Centuries / Guest Editor: V.A. Kivelson). P. 519–531.

⁵ Delatte A., Derchain Ph. Op. cit. P. 25–39, № 1–33; Mode H. Stwory mityczne i demony. Warszawa, 1977. S. 222.

⁶ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 338

жена князем П.И. Шуйским к грамоте 1542 г.¹ Голова персонажа орнитоморфная с подчеркнутым петушиным гребнем. Изображение окружено русской надписью (очевидно, надпись находилась на металлической оправе, в которую был вставлен древний резной камень). Известно, что целая коллекция подобных резных камней имела у Екатерины II². В первой половине XIX в. скептически настроенные ученые не верили в древность этих гемм («нельзя не согласиться, что археологи придавали этим камням излишнюю цену») и приписывали их средневековым мастерам³. Трудно сказать, как воспринимали на Руси изображенный на них персонаж. Учитывая его крайне специфический и откровенно фантастический облик, он, скорее всего, мог правильно интерпретироваться как магический.

Крупнейшую и весьма важную в контексте связывавшихся с ней религиозных и суеверных представлений серию русских амулетов представляют собой змеевики⁴. Работая над книгой о них (напомню, что передо мной стояла задача подготовить для публикации неоконченную рукопись покойной Т.В. Николаевой), я не располагал достаточной подборкой византийских материалов, стоявших у истоков русской серии. Такая подборка была опубликована вскоре после выхода из печати упомянутой выше книги английским исследователем Дж. Спиром⁵. Материалы, опубликованные в его объемной статье, существенно дополняют сведения, попавшие в нашу книгу, и частично подтверждают некоторые высказывавшиеся мной предположения.

Безусловно, находит свое подтверждение предположение о связи змеевиков с наследием гностической традиции. Об этом свидетельствует существование гностических гемм, украшенных изображением головы Горгоны Медузы⁶ (нет необходимости доказывать связь иконографии змеевидной композиции с этим образом классической мифологии). Первоначальная связь амулетов-змеевиков со специфическими женскими заболеваниями очевидна в свете неоднократно встречающегося на змеевиках названия демона «устера», т.е. «женская матка» (в славянских текстах и на части русских змеевиков этому соответствует слово «дна», имеющее то же значение). Соответственно, среди гностических гемм имеется довольно значительная группа амулетов, предохраняющих от тех же болезней. При этом матка называется другим греческим словом «μητρα». На подобных амулетах имеются схематические изображения этого органа (рис. 5, 1)⁷. Это изображение трудно назвать анатомически точным, оно, скорее, идеографическое или пиктографическое, тогда как змеевидную композицию можно было бы назвать аллегорическим изображением того же органа.

Первоначальное специальное назначение амулетов-змеевиков становится яснее после знакомства с опубликованным Дж. Спиром византийским бронзовым амулетом, на одной стороне которого представлена сцена исцеления Христом кровоточивой жены⁸ (рис. 5, 2 – Мф. 9, 20–22; Марк, 5, 25–34, ἡ ἁιμορροῖσα, haemorrhoidissa).

Еще одна нить, которая сближает амулеты-змеевики с гностической глиптикой, – византийские амулеты, на которых изображена сцена поражения демона, имеющего женское обличье, царем Соломоном (или иным персонажем), изображенным в виде всадника

¹ Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1858. Табл. V, 72; Николаева Т.В., Чернецов А.В. Ук. соч. С. 114. Табл. XXI, 4.

² Райан В.Ф. Ук. соч. С. 316.

³ Абракас // Энциклопедический лексикон. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1835. Т. I. С. 41.

⁴ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Ук. соч.

⁵ Spier J. Op. cit. V. 56. P. 25–62

⁶ Delatte A., Derchain Ph. Op. cit. P. 224–227, № 306–312.

⁷ Ibid. P. 245–258, № 336–363. Об амулетах с надписями, в которых упоминается μητρα см.: Соколов М.И. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности. Труды Славянской комиссии МАО. Т. I. М., 1895. С. 177–178.

⁸ Spier J. Op. cit. Pl. 3, d, № 38.

(рис. 4, 5; 5, 3)¹. Женский персонаж в данном случае принадлежит к тому же демоническому ряду, что и изображавшаяся на змеевиках *ustega-dьna*, трясавицы, нежит. На Руси подобные изображения неизвестны, в Византии они бытуют как самостоятельно, так и образуя пару со змеевидной композицией².

Как это ни парадоксально, наличие змеевидной композиции не является обязательной принадлежностью амулетов типа змеевиков, на которых сочетаются христианские и нехристианские (или апокрифические) мотивы. Собственно, об этом писал еще М.Н. Сперанский, сопоставлявший с русскими змеевиками византийский амулет, опубликованный Ш. Дюканжем (рис. 5, 4)³. На этом амулете змеевидная композиция отсутствует; вместо нее, наряду с изображением Богородицы и семи св. отроков эфесских, имеется сцена, по-видимому, представляющая св. Сисиния и ангела Сихаила, побивающего обнаженных трясавиц (демонов лихорадки). Соответственно, известный складень мастера Лукиана 1412 г. с изображением Сисиния и Сихаила, очевидно, также должен быть отнесен к числу амулетов того же типа⁴. В научной терминологии порой бытуют названия, давно потерявшие связь со своим исходным значением. Достаточно вспомнить про оленые камни, на которых изображения оленей отсутствуют.

Дальнейшее изложение посвящено серебряному перстню-печатке, находящемуся в частных руках⁵. Его владелец, которому перстень достался по наследству, обращался к специалистам за консультацией относительно датировки перстня и истолкования имеющейся на нем надписи. Сотрудница Государственного Эрмитажа Л.А. Завадская датировала перстень XVI–XVII вв. и предположила, что это изделие западноевропейских мастеров, а славянская кириллическая надпись вырезана на щитке позднее. С этим определением следует в основном согласиться; и для перстня, и для имеющейся на нем надписи наиболее вероятной представляется середина–вторая половина XVII в.

На щитке перстня в восьмиугольной рамке помещена в зеркальном изображении шестистрочная надпись (рис. 6):

**ТРЕМІ
ЗЫБЛЕТ
СЯ И ТРЯСЕ
ТСЯ А ЧЕТВ
ЕРЬТАГО НЕ
МОЖЕ**

(«Тремi зыблется и трясется, а четвертаго не може»; в последней строчке после конечного «е» надстрочная точка, возможно, заменяющая окончание — «ть»).

Эта надпись может с полным основанием быть определена как загадочная. Взятая сама по себе она непонятна; подлежащее в изречении отсутствует, значение, которое связывалось с числительными «три» и «четвертое» остается нераскрытым.

Очевидно, перед нами довольно распространенная в книжности и фольклоре игра символикой чисел. В традициях многих народов можно найти огромное количество всевозможных пар, троиц, четвериц, седмериц и т.д. Можно вспомнить такие русские пословицы, как «Три раза прости, в четвертый прохворости» или «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

¹ Банк А.В. Гемма с изображением Соломона // Византийский временник. № 8. М.: Наука, 1956. С. 331–337; Spier J. Op. cit. Pl. 6, e.

² Spier J. Op. cit. Pl. 2, b, № 21; Pl. 3, a, № 33.

³ Сперанский М.Н. О змеевике с семью отроками // Археологические известия и заметки. № 2. М., 1893. С. 59.

⁴ Николаева Т.В. Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана // Советская археология. № 1. ИА АН СССР. М.: Наука, 1968. С. 89–102; Ср.: Турилов А.А. К вопросу датировки и происхождения складня мастера Лукиана // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. Памятники исторической мысли. М., 2005. С. 151–160.

⁵ См.: Чернецов А.В. Еще одна Соломонова печать // Живая Старина, 2004. № 3. М., 2004. С. 28–30.

В традиционной русской книжности числовая символика иногда приобретает исключительно вычурный характер. В конце своего завещания, составленного в 1407 г., митрополит всея Руси Киприан «написа философски»: «Како разставися сугубое (двойное), како утаися вскоре тричастное, погибе четвертое же, растле пятое без дыхания и мертво?... Увы, сугубая десятирица погибе, и по седмей и осмая же будущего воображает растворение...»¹. Общий смысл этой ламентации на тему «все прах и тлен» ясен, однако конкретная расшифровка всех этих «троиц» и «десятериц» требует углубленного знания книжности эпохи.

Возвращаясь к надписи на перстне, которая смоделирована по типу «3 – то-то и то-то, а 4-е невозможно» или «3 – то-то и то-то, а 4-е – тем более», отметим, что она сходна с известной формулой апологетов русского самодержавия: «два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти». Это соблазнительное сопоставление приходило в голову и владельцу печати, однако в данном случае речь идет об общем сходстве, а не о точной, несомненной аналогии.

Целая вереница «четвериц» (а также «троиц») может быть обнаружена в раннехристианском памятнике, датированном IV в. – «Словах преподобного аввы Исаяи к своим ученикам» («Слово седьмое. О добродетелях»)².

В древнерусской книжности конца XVII в. есть сочинение, специально посвященное «четверицам». Это «Четвертак», перевод стихотворения польского поэта Яна Жабчица «Czwartak». В нем можно найти, например, такие сентенции: «Четыре вещи никогда у всякого насыщены: ухо, язык, рука, к тому же и сердце»³. Однако и эти «четверицы», характерные порождения западной риторики и схоластики, не дают достаточно близких аналогий надписи на перстне.

Рассмотрение всех подобных мотивов средневековой книжности закономерно приводит к мысли обратиться к их первоисточнику – 30-й главе Притчей Соломоновых, где также широко представлена числовая символика. Здесь мы находим и ближайшую аналогию надписи на перстне. Отметим, что в древнееврейской (масоретской) и протестантской версии Библии эта глава принадлежит не Соломону, а Агуру, сыну Иакееву, и адресована Ифиилу, Ифиилу и Укалу (Притчи, 30, 1). В Септуагинте и старославянском переводе Библии эти сведения отсутствуют. Очевидно, что на Руси этот текст воспринимался как принадлежащий самому Соломону.

В библейском тексте имеется расшифровка, что в данном случае подразумевается под цифрами 3 и 4.

Привожу соответствующий библейский текст (слева русская версия, справа – церковнославянская, по Библии 1581 г., изданной на Украине, в Остроге первопечатником Иваном Федоровым).

21. От трех трясется земля, четырех она не может носить;	21. Трехи трясется земля, четвертаго же не может понести;
22. Раба, когда он делается царем; глупого, когда он досыта ест хлеб;	22. Аще раб въцарится, и безумный исполнится пищею;
23. Позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей.	23. И раба, аще ижденет свою госпожду, и мръзка жена аще ключится добру мужу.

¹ ПСРЛ. Т. XI. 1965. С. 197.

² Добротолюбие. В русском переводе святителя Феофана, затворника Вышенского. Дополненное издание. Т. I. М.: Сибирская благовонница, 2010. С. 278–280.

³ Николаев С.И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1981. С. 163–192.

Надпись на перстне фактически тождественна старославянскому тексту Библии, но все же имеет существенные отличия, которые должны быть объяснены. Первая особенность — отсутствие подлежащего «земля». Его можно объяснить стремлением придать «философской» надписи как можно более загадочный характер. Вторая, менее существенная особенность, — появление рядом со сказуемым «трясется» его синонима «зыблется». Последнее слово можно рассматривать не только как синоним слова «трясется», добавленный с целью придать тексту более экспрессивный характер, но и как зашифрованный намек на пропущенное слово «земля», поскольку именно так называется первая церковнославянская буква в слове «зыблется». Эти отступления от библейского текста, однако, не настолько существенны, чтобы поставить под сомнение происхождение текста на перстне.

Возможное истолкование смысла надписи — прославление добродетели (по принципу «от противного»). Выбор надписи мог определяться какими-то обстоятельствами личной жизни владельца (стих 23). Возможная политическая аллюзия — осуждение самозванцев эпохи Смутного времени (стих 22).

Цитата из книги, приписываемой царю Соломону, на перстне, очевидно, была призвана уподобить этот перстень легендарному перстню-печати Соломона, с помощью которого он повелевал духами. На Руси подобные легенды имели значительное распространение, известны печати, связанные с именами царей Давида¹ и Соломона (с изображением известного суда Соломона — 3-я кн. Царств, гл. 3, 16–28)², а также магический квадрат с надписью-палиндромом носивший название «Соломоновой печати»³:

САТОР
АРЕПО
ТЕНЕТ
ОПЕРА
РОТАС

О вставках византийских перстней-печатей с изображением царя Соломона уже говорилось выше.

По преданию, Соломон (Сулейман мусульманских легенд) с помощью своего перстня повелевал демонами. Изображения демонов, служащих царю Соломону, известны и в западноевропейской⁴, и в восточной традиции (изображение на резной вставке для перстня-печати)⁵. Образ Соломона, повелевающего дьяволами, ярко отразился в русском заговоре первой половины XVII в. «Царь Соломон владел сороке сотонами, а у тех сороке сотонах во устах огонь горит: так бы горело сердце сего раба Божия...»⁶.

Магический квадрат с надписью «САТОР» по объяснению русского колдуна конца XIX в. из Курской губ. несет на себе заклинание на никому не понятном «египетском» языке⁷. Между тем «прозрачные» слова «tenet», «opera», «sator» ясно указывают на латинское происхождение талисмана.

Любопытно бытование древнерусских «печатей Соломона» с ошибочной надписью

¹ Янин В.Л. Редчайший памятник московской сфрагистики XIV в. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 53. М.: АН СССР, 1954. С. 148–150; Турилов А.А. «Все ся минеть». Отголоски легенды о царе Давиде в русской сфрагистике и книжности // Славяне и их соседи. Вып. 5. М.: Наука, 1994. С. 107–113; Лаврентьев А.В. Печать великого князя Дмитрия Ивановича Донского и русские фобии XIV в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1 (19). СПбГУ. СПб., 2016. С. 110–130.

² Иванов П. Ук. соч. 1858. Табл. 19, 315; Снимки древних русских печатей. М., 1882. Табл. 114.

³ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 226; Ryan W.F. Solomon, SATOR, acrostics and Leo the Wise in Russia // Oxford Slavonic Papers, n.s. XIX. 1986. P. 46–61; Райан В.Ф. Ук. соч. С. 431–433.

⁴ Grillot de Givry. Le musee des sorciers, les mages et les alchemists. Paris. 1927. P. 90. Fig. 70. P. 93. Fig. 71, 72.

⁵ Babelon E. La gravure en pierres fines camees et intailles. Paris, 1894. P. 204. Fig. 154.

⁶ Русские заговоры, 2010. С. 106.

⁷ Сперанский. Ук. соч. С. 51, сноска 3.

«ТЕРЕТ» вместо «ТЕНЕТ» («tenet» — лат. «держит»)¹. Переход «Н» в «Р» наиболее правдоподобно объясняется происхождением данной дефектной версии «печати» из глаголического источника (глаголическое «Н» по начертанию близко кириллическому «Р»). Поскольку переписка глаголических книг кириллической азбукой осуществлялась не позднее XI в., эта ошибка указывает на то, что «Соломонова печать» пришла на Русь фактически одновременно с принятием христианства и распространением славянской письменности. Рассматриваемая магическая надпись бытовала в Средние века в продолжение многих столетий и воспроизводилась буквами различных алфавитов². Известна, в частности, такая руническая надпись на серебряном сосуде XI в., найденном на о. Готланд³.

Предлагаемая ранняя датировка появления на Руси магического квадрата «САТОР» вносит определенные уточнения в сложившиеся на сегодняшний день представления о славянской письменности древнейшей поры. Последняя действительно состояла по преимуществу из *minimum minimumum*, имевшегося в византийской традиции, — христианских текстов богослужебного назначения, ориентированных, в первую очередь, на монастырский обиход. Очень любопытно, что в эту квази-клерикальную традицию с самого начала вплетаются элементы оккультного характера. На это указывает не только «Соломонова печать». С XI в. на Руси распространяются византийские по происхождению амулеты-змеевики, несущие греческую магическую надпись (заговор от недугов). Известна и славянская версия этого заклинания, датируемая XI в., — опять-таки в глаголической рукописи⁴.

О том, какая магическая сила приписывалась на Руси печати Соломона, свидетельствует текст из лечебника XVII в. (ГПБ. Ф. 310, собр. В.М. Ундольского, № 696) «Аще кто кровью нетопыревою напишет у себя на руке слова красные печати Соломоновы, и положит та рука на сонного человека... и будет тот человек приятен к тому, как хочет»⁵.

Едва ли не ключевой памятник русского позднесредневекового оккультизма («Егда Соломон прият царство...») уделяет большое внимание перстню-печати царя⁶. Этот темный текст, изобилующий зашифрованными аббревиатурами и каббалистическими числами, свидетельствует о том, какое значение приписывалось на Руси Соломоновой печати и одновременно указывает на трудности, которые стоят перед исследователями, обращающимися к подобным текстам и объектам. Характерно, что речь идет о перстне, украшенном камнем (названном «анфракс», т.е. уголь) с вырезанной на нем надписью.

Alexey V. Chernetzov

A Contribution to Study of Medieval Russian Amulets

Abstract. The article is devoted to popular Medieval Russian superstitions. Some rare types of amulets are discussed, in particular those associated with post-Classical and Byzantine traditions. Special attention is paid to their iconography and function.

Keywords: Medieval Russian amulets, popular beliefs, Gnostic magical amulets, curse tablets (*defixionum tabellae*), signet-rings, *zmeeviki*-amulets, "Seal of Solomon".

¹ Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 64.

² Райан В.Ф. Ук. соч. С. 431.

³ Andersson A. *Medieval Drinking Bowls of Silver Found in Sweden*. Stockholm, 1983. P. 56, 85. Pl. 15F.

⁴ Николаева, Чернецов. Ук. соч. С. 17, 49, 50.

⁵ Топорков А.Л. Суеверия в лечебниках XVII–XVIII вв. // *Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков*. М.: Индрик, 2002. С. 381.

⁶ Соболевский. Ук. соч. С. 428.

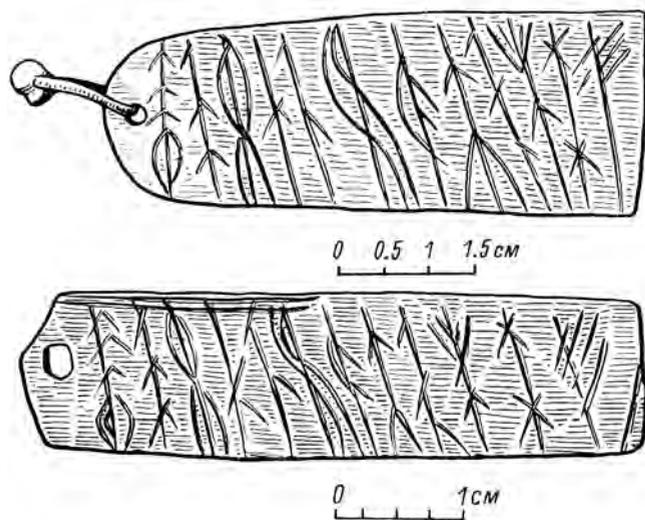

Рис. 1. Скандинавские подвески второй половины X в. с Рюрикова городища с руническими надписями магического содержания (по Е.Н. Носову)

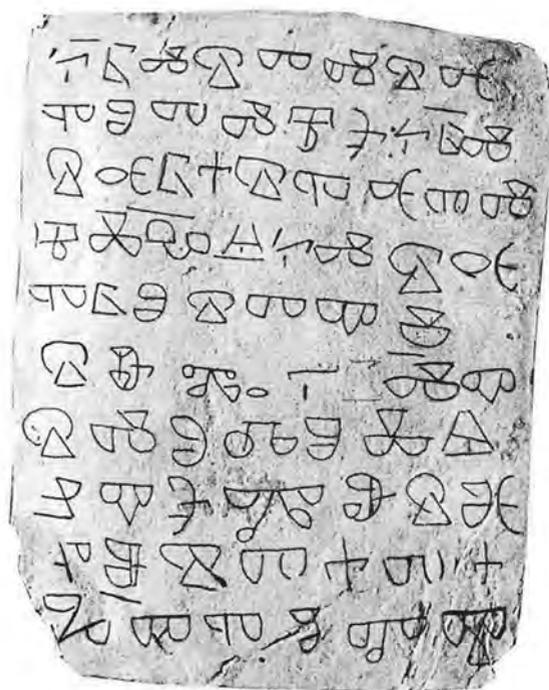

Рис. 2. Болгарский оловянный амулет X в. с глаголической надписью (Варна, по К. Попконстантиноу)

Рис. 3. Христианский амулет, изготовленный из энеолитического полированного топора. Киев, XII в. (по Г.Ю. Ивакину)

Рис. 4. Позднеантичные и средневековые амулеты

1 – Киев, 2 – из собрания резных камней Британского музея (по К. Боннеру),
 3, 4 – образ змееного существа с петушиной головой (3 – по Х. Моде, 4 – по К. Боннеру);
 5 – византийская гемма с изображением всадника, поражающего демона женского пола
 (по Дж. Спиру)

Рис. 5. Средневековые византийские змеевики и иные амулеты от женских заболеваний
 1 – гностические геммы с схематическим изображением женской матки (по К. Боннеру);
 2 – бронзовый византийский амулет с изображением исцеления кровоточивой жены (по Дж. Спиру);
 3 – свинцовый амулет, приобретенный в Стамбуле (по Г. Шлюмберге);
 4 – резной каменный амулет с изображением ангела Сихаила, побивающего демонов, вызывающих болезни (Ш. Дюканжу)

Рис. 6. Библийская цитата на щитке серебряного перстня-печати XVII в. Для удобства прочтения надписи и палеографических наблюдений воспроизводится в зеркальном изображении

Беляев Л.А.

К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья

Аннотация: Статья носит характер введения в методику исследования устойчивого элемента погребального обряда – оставления в могиле сосудов для питья. Примером служат сосуды в погребениях Средневековья, известные как в западном, так и в восточном христианстве. Приводится краткий обзор раннемосковской погребальной посуды XIV–XVI вв. и многочисленных наследующих ей форм. Подтверждается тесная связь ранних форм обряда с эпохой становления культуры великого княжества Московского. Ставится вопрос о нижней хронологической границе раннемосковских керамических «кубков» для елея. Сравниваются аналогичные виды инвентаря в других традициях, в Средиземноморье и в Западной Европе. Формулируется проблема соотнесения обряда с дохристианской и раннехристианской традицией поминальных трапез и возлияний, освящения реликвий путем помазания и зависимость его от других обрядов (воскурения благовоний, ритуального освещения); затрагиваются вопросы терминологии. Формулируются конкретные наблюдения и поправки к распространенным в литературе взглядам на обряд и его носители, а также задачи более глубокого и комплексного исследования обряда при опоре на историко-литургический, археолого-вещеведческий и другие формы анализа.

Ключевые слова: Археология Московской Руси, церковная археология, обряд погребения, елеосвящение, соборование, керамика поливная, стекло, фарфор.

Три таблицы. С Николаем Александровичем Кренке мы познакомились в конце 1970-х годов в Коломенском, где находки в бесчисленных урочищах положили начало многим будущим работам. Из этих заготовок вышли потом книги и статьи, но не из всех. В числе неопубликованного – три сравнительные таблицы с прорисовками погребальных сосудов, составленные в 1980-х годах для анализа погребального инвентаря раннемосковских кладбищ, особенно кладбища в селе Коломенском¹. В последующие десятилетия материал собирался, но сюжет оказался обширным и сложным, так что окончание исследования далеко. Сами таблицы могут представить известный интерес и как сводка почти всех известных в 1980-х годах, и как пример принятого тогда метода изучения вещей, а комментариев к ним обозначит направления, по которым следует продолжать работу. Пользуясь случаем представить эти наброски и наблюдения на современном этапе (рис. 1–3).

Состояние археологических источников. В статье не ставится задачей собрать полный свод находок – их количество постоянно возрастает, а задать хронологические и территориальные рамки сложно. Но без краткого обзора не обойтись. Мы будем заниматься

¹ Сосуды оттуда см.: Беляев Л.А. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1991. С. 47–57; Баталов А.Л., Беляев Л.А. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. М.: МГОМЗ, 2013. С. 57.

предметами, которые в современной литературе все чаще носят названия елейниц (ранее известны также как «слезницы», «лампадки» и «сосуды для елея последнего помазания» и даже «чашечки для миро»).

В три таблицы 1980-х годов было собрано 48 сосудов, в большинстве своем из погребений в Кремле (16) и на кладбище у церкви Жен Мироносиц в Зарядье (16), а также из Коломенского (3) и трех древнейших монастырей: Данилова (7), Богоявленского (4) и Высоко-Петровского (1). Вне Москвы такие сосуды были тогда практически неизвестны и датировались суммарно XIV–первой половиной XVI вв.

Сбором материала и культурно-исторической интерпретацией занимались археолог Кремля Т.Д. Панова¹, позже сотрудники Тверского музея В.В. Романов и Е.А. Романова², в настоящее время над темой работает К.И. Панченко.

За полвека после раскопок в Коломенском число находок выросло, но опубликована лишь часть, причем с обычными (фактически клишированными) комментариями. Сосуды по-прежнему поступают из Москвы, ее монастырей: Зачатьевского/Алексеевского на Остоженке³, Новоспасского⁴, Андроникова (несанкционированные работы общины 2000-х гг.), слободы Новодевичьего монастыря (раскопки С.Г. Шуляева) и других (рис. 4–6).

На городских кладбищах наиболее интересная серия получена у «Троицы в Полях» (работы А.Г. Векслера и В.Ю. Коваля при участии автора, материал не опубликован). В Московской области они встречены в Троице-Сергиевой Лавре и церквях вне ее стен (в специальной публикации отмечено более 40 сосудов⁵, но в целом их гораздо больше, и, кроме керамических, известны стеклянные)⁶. Более поздние сосуды есть и на кладбищах хорошо изученного Звенигорода с округой⁷, а также в других входивших в московскую культурную область местах: в Вышгороде на Яхроме (Троице-Сергиевский музей-заповедник, см.: http://www.old.museum-sp.ru/coll_arh4.html), в Александровой слободе (выставлен в музее слободы, зарисовка автора, см. рис. 7) и в Кириллово-Белозерском монастыре (личное сообщение И.В. Папина). Наконец, серия таких сосудов (около 20) отмечена в Твери, но их связь с погребальным обрядом доказана не для всех экземпляров⁸.

Если говорить о количестве сосудов из погребений раннемосковского времени (до середины XVI в.), то оно возросло не более, чем вдвое (без полных публикаций это сложно оценить). Но общность активно умножается за счет включения в нее более поздних сосудов, которые в 1970–1980-х годах не изучали – период XVII–XIX вв. почти не привлекал внимания археологов. Кое-что уже введено в оборот, например, большая группа погребальных

¹ Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2. М.: Наука, 1984. С. 201–211; Панова Т.Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА. № 1. М.: Наука, 1989. С. 219–234; Панова Т.Д. Городской погребальный обряд средневековой Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Панова Т.Д. Царство смерти: погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. С. 155–157.

² Романов В.В., Романова Е.А. Литургические поливные сосуды из раскопок Твери // Тверской археологический сборник. Том II. Вып. 6. Тверь, 2007. С. 261–269.

³ Беляев Л.А. Зачатия праведной Анной пресвятой Богородицы женский монастырь: археология // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 715–728; Беляев Л.А. Из глубины веков // Наука в России. М., 2010. № 6. С. 58–67.

⁴ Беляев Л.А., Елкина И.И. «Усыпальница Романовых» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря: работы 2014 г. // КСИА. Вып. 245, часть II. М.: ИА РАН, 2016. С. 131–150.

⁵ Панченко К.И. Керамические сосуды XV–XVI вв. из погребений Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 547–554.

⁶ Столярова Е.К., Энгватова А.В. Стеклянные слезницы из некрополя церкви Святого Духа Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 410–422.

⁷ Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. Москва–Звенигород, 2008; Алексеев А.В. Археология Городка // Наше Наследие. № 107. 2013. Электронный ресурс: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/2013-107.php>.

⁸ Романов В.В., Романова Е.А. Ук. соч. С. 261–269.

сосудов Нового времени из Данилова монастыря¹. Полного обзора до сих пор нет, хотя кладбища второй половины XVII—XIX вв. изучены, например, в монастырях Моисеевском на Тверской улице² и Георгиевском на Дмитровке (раскопки А.Г. Векслера, материал не опубликован), а также в Ново-Иерусалимском монастыре (работы автора 2009–2015 гг.). Вполне последовательную линию, позволяющую очертить общие границы явления от древности до Новейшей эпохи, дал Зачатьевский/Алексеевский монастырь на Остоженке (см. выше).

Проблема нижней даты. Существенным вопросом по-прежнему остается хронология и поиск точно датированных предметов раннемосковского периода. Мы располагаем сериями сосудов, которые дают только *terminus ante quem*. Так, предполагается, что погребальные сосуды Коломенского относятся ко времени до постройки церкви Вознесения (начало 1530-х годов). Судя по материалам погребений Вознесенского монастыря в Кремле, сосуды в саркофагах (керамических среди них 10) появляются там впервые в 1450-х годах (погребение Софьи Витовтовны, 1453 г.; Марии Борисовны, 1467 г. и трех безымянных XV века). Образуется «излишек» из пяти керамических сосудов, которые, так или иначе, не могут датироваться ранее основания монастыря (1407 г.). Остальные сосуды этой выборки начинаются с раннегрозненской эпохи (начиная с Елены Глинской, 1538 г.), причем их материал — металл или стекло, но не керамика. Ситуация с сосудами из Вознесенского монастыря останется, видимо, смутной до издания полного текста дневника их вскрытия в 1929 году и свода хранящихся в ГММК сосудов (до сих пор они публиковались лишь частично).

С Кремлем связан и еще целый ряд находок, которые тоже вряд ли уходят ниже XV в.: два из них связаны с кладбищем церкви Воздвижения, то есть не ранее середины XV в.; один взят из фундаментного перекопа строительства Успенского собора конца 1470-х годов и еще один относится к тому же кладбищу, но стратиграфически не определен; наконец, известный «сосуд с кентавром» Т.Д. Панова справедливо датировала не ранее 2-й половины XV в., хотя, возможно, погребение совершено на более раннем кладбище церкви Иоанна Лествичника. В настоящее время экспедицией под руководством академика Н.А. Макарова, А.В. Энговатовой и В.Ю. Коваля получена новая группа елейниц с кладбища Вознесенского монастыря XV—XVI вв., но, сколько нам известно, они не меняют общей хронологии предмета.

Сравнительно компактное кладбище в Зарядье существовало между серединой XV и серединой XVI вв. (более поздние керамические сосуды там не представлены). Верхняя дата ранних сосудов в Даниловом монастыре (кладбище севернее церкви Семи Вселенских Соборов) — до постройки каменного храма 1560-х годов. Еще в двух монастырях, которые традиционно относят к XIV веку, есть сосуды, полностью аналогичные найденным в Кремле, но точных дат они не имеют: погребение с сосудом у собора Высоко-Петровского монастыря совершено до его постройки (1510-е годы), а сосуды из Зачатьевского/Алексеевского монастыря на Остоженке стратиграфических дат не имеют.

Сколько можно судить, погребальных сосудов раньше 2-й половины XV в. нет ни в Троице-Сергиевой лавре, ни в Кирилло-Белозерском монастыре. А в Новодевичьем и Новоспасском сосудов ранее конца XV и первой трети XVI вв. и быть не должно.

Ясно, что распространение раннемосковских погребальных сосудов связано с серединой XV—серединой XVI вв. Укажем и аргумент от отсутствия: бесспорно, ранние могилы

¹ Беляев, 2010. Ук. соч. С. 150–162, в т.ч. музейная опись и атрибуция предметов из фарфора и фаянса, выполненная С.И. Барановой и О.Ж. Таценко.

² Беркович В.А., Векслер А.Г. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Архитектурная археология Москвы XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.: Наука, 1999. С. 207–212, илл. 20–23.

конца XIII–XIV вв. в Богоявленском монастыре сосудов не содержат, в отличие от саркофагов некрополя второй половины XV–XVI вв. там же.

На чем же держится ранняя хронология московских погребальных сосудов? Существуют ли образцы с доказанными датами, уводящими в начало XV–XIV вв.? По крайней мере, один: это сосуд из погребения, совершенного на месте собора Андроникова монастыря; он должен датироваться до его постройки, то есть не позднее 1420–1425 гг.¹ (сам сосуд хранится в приходе собора и фиксации недоступен, автор имел возможность его осмотреть, но не обмерить или сфотографировать).

Древнейшими точно датированными находками считают также три сосуда из Кремля. Предполагается, что у одной дата твердая – 1389 год. Речь идет о погребении Дмитрия Донского. Сосуд хранится в ГИМе, куда он попал в августе 1922 года из Оружейной палаты. О его передаче есть серия записей в дневнике А.В. Орешникова: 5 августа он «среди предметов Оружейной палаты нашел замечательную вещь: глиняную маленькую чашечку на поддоне, покрытую зеленой глазурью; к чашечке приклеена бумажка с надписью, что этот сосуд был при соборовании великого князя Дмитрия Ивановича Донского, вынут из его гроба». 6 августа записал: «Оружейная палата передает Историческому музею чашку, найденную мною в Оружейной палате, из нее соборовали Дмитрия Ивановича Донского». И наконец, 12 августа: «В 11 1/2 ч. я отправился в Исторический музей, откуда с 2 служителями В.А. Леусиным и М.И. Бабаевым пошел в Оружейную палату, где мне для музея передали глиняную с зеленой поливой чашечку, из которой соборовали великого князя Дмитрия Донского, взяту из его гроба...»².

В Оружейной палате «чашечка Донского» оказалась, видимо, после вскрытия погребения князя при благоустройстве Архангельского собора в 1864 году. Принимать на веру идентификацию погребения, которое выносилось из храма вместе с многими другими в начале XVI века, учитывая постоянную путаницу погребений при идентификации древнейших захоронений – не обязательно, но и отказывать этой дате в достоверности до проверки не следует.

Не особенно надежны и увязки дат известных по летописи погребений (1364, 1393, 1396 и 1399 гг.) Спасо-Преображенского собора Кремля с двумя открытыми здесь в XIX в. саркофагами, в которых имелись сосуды. Работает логика подобия: древнейший монастырь (с 1330-х гг.) с одним из самых старых каменных храмов Кремля получает и древнейшие погребения. Пишут даже, что с появлением других монастырей в нем должны были прекратить хоронить. Это вряд ли: до вывода монастыря в конце XV в. на Крутицы погребения братии и принявших постриг перед смертью мирян (пусть и не великокняжеского рода, но достаточно знатных), несомненно, совершали. Остатки монастыря не сохранились и почти не изучались, соединять же несколько письменных известий со случайно обнаруженными погребениями – путь традиционный, но методически ошибочный.

Итак, археология Москвы допускает появление первых погребальных сосудов в XIV в., но помещает основную массу находок во вторую половину XV столетия. Два из кремлевских сосудов и один из Андроникова монастыря, в таком случае, могут иметь даты ниже предполагаемого порога 1390-х годов, поскольку древнейшие кладбища Спасского монастыря принадлежат второй трети–третьей четверти XIV вв. Для уточнения вопроса о древнейших сосудах этого типа необходимо дождаться исследований в Архангельском соборе и на других древнейших кладбищах Кремля или при неизвестных пока посадских церквях.

Типо-технологические характеристики. Дают ли какие-то основания для уточнения датировки типо-технологические признаки? Важная особенность раннемосковских погре-

¹ Об этом кладбище: Беляев Л.А. Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 51–66.

² Орешников А.В. Дневник. Кн. 1. М.: Наука, 2010. С. 343–344.

бальных сосудов — их типологическое и, отчасти, технологическое единство. Это всегда кубки или мисообразные сосуды, покрытые глазурью. Исключений мало: в Коломенском в могилу поставили нижнюю половину кувшинообразной кружки красного обжига с вертикальным лощением полосами; один из кубков с кладбища в Зарядье выполнен в технике черного морения и сплошь залощен; в Данилово встречен закрытый сосуд типа кубышки без горлышка, красного обжига с белым ангобом пятнами и близкий по форме чернолощенный. Аналогичный последнему найден в Богоявленском монастыре в белокаменном саркофаге (он имеет выпуклый крест на днище снаружи); там же, в двух других саркофагах, обнаружены сходные, но более четко отформованные на конус сосуды с зеленоватой глазурью. Трудно быть уверенным в дате этих последних изделий, возможно, они относятся к позднему XVI или раннему XVII вв.

Таким образом, с последней трети XV в. «моду» на поливные кубки нарушают небольшие сосуды, похожие на чернильницы-непроливайки, к тому же выполняемые как в технике глазури, так и в других распространяющихся декоративных техниках, черном лощении и росписи ангобом по красному фону. Судя по имеющейся выборке, исключения не достигают 10 %, а в более ранний период пока вообще не отмечены (рис. 8).

В то же время есть обширная общность погребальных сосудов, которые типологически резко отличаются от московских. Так, сосуды из Троице-Сергиевой лавры и ее слободы, где формы устойчиво близки к плоским или миниатюрным слабо профилированным горшочкам¹, не декорированы и выполнены так доморощено, что их обычно описывают как лепные. Это заставляет думать, что использование того или иного типа елейниц зависело, прежде всего, от местной традиции, причем могли брать как самодельные (то есть специально приготовленные сосуды, тем самым ритуально чистые), так и обычную питьевую посуду, чистоту которой обеспечивали устойчивостью материала к коррозии (поливная посуда, стекло, фарфор, возможно, благородные металлы) или разовый характер (дерево).

Действительно, елейницы в форме кубков и, позже, бокалов существовали и в дереве, что предполагалось по сходству форм с деревянными новгородскими кубками XIV–XV вв. Это справедливо счел основанием для датировки керамических елейниц Р.Л. Розенфельдт², чью правоту подтвердили встреченные в Моисеевском монастыре деревянные чаши и рюмки³. Рабинович специально вопрос не изучал, но отметил такие сосуды в могилах, перекрытых уровнем 1682 года, на устье Яузы⁴.

Известна совсем уж самодельная чашечка, слепленная из воска (Кириллов-Белозерский монастырь).

Попытавшись в 1980-х гг. разделить все формы по типологической преемственности, я убедился, что в группе кубков более мелкие типологические различия не работают. Стенки бывают гладкие или рифленые, поддона может не быть, так же, как придонных или верхних валиков; корреляции между признаками нет, так же, как ее нет между размером сосуда и типом глины — беложгущаяся, красножгущаяся, розоватая — соотносимы с сосудами всех вариантов формы. Глазури всех оттенков (желтые, зеленые, коричневые и даже красноватые) относятся, как известно, к одной простейшей рецептуре, и дела также не проясняют. Вероятно, эти признаки сосуществуют, но следовало бы вернуться к технологическому анализу еще раз.

Трудно уточнить дату и по размеру сосуда: изначально полагали, отталкиваясь от «сосуда Дмитрия Донского», что самые маленькие кубки — ранние. Но сейчас картина сменилась: в раннюю группу вошла огромная конусовидная «ваза» из Андроникова монастыря,

¹ Панченко, 2016. Ук. соч. С. 547–554.

² Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. САИ. Вып. Е1–39. М., 1968. С. 49–50.

³ Беркович, Векслер, 1999. Ук. соч. Илл. 23.

⁴ Рабинович М.Г. Московская керамика // МИА. № 12. М., Наука, 1949. С. 66.

а среди сравнительно поздних находок обнаружались мелкие. Вероятно, эти крохотные «наперстки» стали делать намеренно для незначительного количества вещества, в быту такого размера сосуды не встречаются (рис. 9).

Техника глазури один из наиболее явных общих признаков, как уже сказано, могла диктоваться требованием обрядовой чистоты. Отчасти это могло касаться и формы кубка, поскольку это сосуд для питья, что исключительно ярко подчеркнули находки в погребениях Ивана Грозного и его сыновей в приделе Иоанна Предтечи Архангельского собора, где два из трех сосудов — роскошные кубки европейских мастеров второй половины XVI в. (высшая знать страны в качестве погребальной посуды явно предпочитала стекло — и далеко не обязательно церковного назначения).

Следует привлечь и материал Нового времени, где в могилах встречаются почти исключительно небольшие емкости, типологически предназначенные для жидкостей, — других почти не бывает. Главные формы в XVII—XX вв. — стаканчики и бутылочки (особенно аптечное стекло и, реже, евлогии, сосуды для святой воды и масла), фарфоровые (фаянсовые) чашки, реже — восточные («турецкие») чашечки-пиалы для кофе (иногда почти такого же размера, как ранние «наперстки»).

Подчеркну, что силикатная посуда для елеса (керамика-стекло-фарфор) образует непрерывную линию от XIV/XV до XX вв., что иногда отрицают, ориентируясь на распределение сосудов в погребениях Воскресенского собора. Стекланные сосуды, действительно, входят в число погребальных с середины XVI в., но как исключение, касающееся только кремлевских некрополей высшей знати, Архангельского и Воскресенского. В XVII в. их все больше, но встречаются и керамические поливные чаши, и даже рюмочки. Известны переходные типы: стаканчики сходных форм XVII в. есть и в стекле, и в керамике; поливные «кубки» (*mutatis mutandis*) продолжают встречаться в XVIII—XIX вв., где представлены пиалами с мраморировкой и кофейницами.

Археологическая литература упоминает для второй половины XVI—XVII вв. сосуды из металла, но ими нужно заняться отдельно, так как они только названы в работах Т.Д. Пановой, но не описаны.

Двигаясь от описания предметов к их положению в погребениях, отметим, что они могут стоять как в ногах (между ступнями и у голени) покойного, так и у головы или плеча, причем чаще справа, внутри деревянного или каменного гроба; и лишь иногда — на его крышке (видимо, это устойчивый обычай в определенных местах). Попытки трактовать это как гендерный признак (в женских погребениях сосуд чаще оказывался у головы) не кажутся продуктивными, но устойчивая установка сосуда в ногах, конечно, должна свидетельствовать о знакомстве с церковно-учительными текстами (см. ниже). Обычно сосуд в могиле один, но в Зарядье известен случай, когда в погребении их оказалось два.

Таким образом, перед археологией стоит обычная задача уточнения времени появления и распространения раннемосковских кубков. Можно попытаться изучить соотношение типов сосудов, их социальную характеристику, со статусом их «хозяев», хотя пока картина во многом выглядит церковно-эгалитарной.

Ареал встречаемости расширился, но, по сути, не изменился: перед нами еще одно специфически московское явление. Его генезис необходимо выявить.

Историко-археологическая перспектива. Изучать явление московской культуры как герметической традиции невозможно. Она рождена историческим процессом на пороге Нового времени и при относительной закрытости питалась от множества корней. Эти корни уходили как в восточнохристианскую традицию Византии, так и на Запад, и на исламский Восток. Исследования последних десятилетий показывают, что сравнительный материал для Московии жизненно необходим, и, главное, он возможен и плодотворен. Заимствования форм и технологий, с последующим отбором и переработкой обычны в московской модели культурного развития.

Отметим, что сосуды помещали в погребения во всех христианских странах, не только на Руси. Однако церковный обряд там не предполагал заупокойных даров, не признавал необходимости «снаряжения» для загробного странствия, и вообще никакого сопровождающего инвентаря. Во времени эта традиция размывалась (особенно за счет обычая хоронить не в саване, а в одежде — свадебной, парадно-повседневной, официально-служебной и т.д.), но в принципе оставалась нерушимой.

Однако сосуд для питья оставался во все времена странным и устойчивым исключением из этого правила. Сосуды в христианских погребениях — вещь гораздо более распространенная, чем полагают; можно сказать, вещь заурядная. Давно следовало бы составить общую картину их распространения в мире, но само обилие и очевидность обряда делает подобную задачу очень трудоемкой, не мудрено, что полная сводка сосудов в погребениях средневековой эпохи пока не составлена.

Ясно, что чаши и миски достаточно обычны в погребениях Восточного Средиземноморья средневизантийского периода, например, на церковных кладбищах Крыма или в Фессалониках, которые посещали русские паломники и купцы. В могилах второй половины XIV—начала XVI вв. монастыря Влатадон, внутри собора и на прилегающем участке, при раскопках 1981—1984 гг. обнаружены стеклянные сосуды (флаконы с длинным горлом) и поливные чаши-миски, иногда по 2—3 в могиле (иногда одна перевернута и накрывает другую). Интересно, что в тех же погребениях отмечен хорошо известный на Руси обычай помещать под голову покойного кирпич — вероятно, признак захоронения монаха (наблюдения в музее «Белая башня»).

Погребальные сосуды известны на славянских Балканах, в Боснии, Герцеговине, в меньшей степени в Сербии. Исследователи считают этот обряд не столько общим византийским, сколько именно славянским. Так, Коджич и Венцель полагали, что собранные ими в погребениях XIV—XVI вв. (в том числе в каменных саркофагах) и просто в слоях кладбищ и церквей стеклянные сосуды попали туда в силу прочно державшегося славянского обычая оставлять с мертвыми посуду для пищи и вина¹. Обычно это сосуды для жидкостей, в основном, столовые, причем со временем во все большем количестве стеклянные и подчас довольно дорогие — резной венецианский кубок из Равна Трешня середины-второй половины XV в.² В Сербии картина та же, но сосуды в основном керамические, стеклянные гораздо реже.

Прекрасно известны сосуды и в погребениях на Западе — с той оговоркой, что речь идет, прежде всего, о священстве, особенно о епископах. В западной традиции погребение с чашей-потиром символизирует право давать и принимать причастие под двумя видами³. Встречаются и промежуточные формы, и случаи фантастических ошибок в датировке (такие, как датировка стеклянного «кубка» XVII—XVIII вв. из священнического погребения в соборе в Берчето, Парма, отнесенного к раннесредневековому периоду⁴).

Если мы спустимся в римские катакомбы, то и там увидим сосуды (в основном, стеклянные, для питья, открытых форм), размещенные в передних стенках локул или оставленные внутри них. Их много, и они служат разным целям — поминовения, обеспечения

¹ перечисление примеров: Kojić L., Wenzel M. Medieval Glass found in Yugoslavia // *Journal of Glass Studies*. Vol. IX (1967). Corning—NY, 1967. P. 76, 85—86; позже дополнено: Wenzel M., Kojuh J. Осврт на три иностране књиге о стећцима // *Старинар*. Нов. Сер. Кн. XXXI (1980). Beograd, 1981. С. 207—208.

² Luschan F. von, Über altbosnische Gräber // *Mitteilungen der antropologischen Gesellschaft in Wien*. X, Vienna, 1881. S. 112—113; др. работы.

³ см. классические труды Виктора Элберна: Elbern V.H. *Der eucharistische Kelch im frühen Mittelalter*. Berlin: Deutscher Verein für Kunstwiss, 1964; Elbern V.H. *Der Eucharistische Kelch im frühen Mittelalters*. Neue Funde und Forschungen // *Arte medievale*. IX, n. 1. 1995. S. 1—34.

⁴ Schumann R. The Glass-Chalice of Berceto and the Holy East in the Mentality of the Lombards and Frankish Clergy and Nobility in the Eighth, Ninth, and Early Tenth Centuries // *Acts: 18th International Congress of Byzantine Studies*. Sheperdstown WN, 1996. Vol. II. P. 46—61. Fig. 3.

света и символического умащения, то есть помазания (дискуссия о них была длительной и очень горячей еще в XIX в., здесь ее излагать не место)¹. Эта форма языческого погребального обряда не только ужилась с христианством — этим соединением она обеспечила себе будущее, в котором нашлось и место для раннемосковских сосудов.

Связь с представлениями о соучастии рода в общем пире и в совместном жертвоприношении с усопшим, о посмертной трапезе мертвеца, трансформированной в новой религии в идею трапезы любви, *agape* и причастия, вкушения Святых Даров, здесь очевидна. Она уходит корнями в незапамятные времена, но мы ограничимся напоминанием о традиции классического мира, тризне по душам умерших на девятый день траура, с возлиянием над их могилами, какую Эней творит по Анхизу (Вергилий, Энеида. V, 98) или в шутовском варианте римская матрона по любимому рабу (Петроний, Сатирик. 65: «пришлось половину вина вылить на его останки»).

Возвращаясь к постановке задачи, отмечу необходимость, возможно, более широкого и подробного просмотра литературы с целью составления адекватного представления о распространенности сосудов в христианских погребениях Восточного (Византийского) Средиземноморья и Европы.

Интерпретация обряда. Археологу трудно ориентироваться в деталях христианского обряда, тем паче — в сакраментологии. К тому же мы наблюдаем не само чинопоследование в его чистом, каноническом виде, а варианты ритуалов, бытующих в тех или иных социальных традициях, принадлежащих области народной религии (*die Volksreligion*). Тем паче нам важно осознать, какое разнообразие значений и смыслов может скрываться за археологическими деталями обряда.

Мы видим, что сосуд в христианском погребении — предмет обычный и даже отчасти ожидаемый. Но трактовка разнородна до противоположного и часто вызывает вопросы. Причем ими задаются и при анализе западного обряда (казалось бы, более определённого) и восточного. Например, находки аптечного стекла XVIII в., закрытого пробками (погребениях из церкви в Спиталфилдс)², не вызвали бы особого интереса у российского археолога, но английские исследователи не находят им объяснения.

Другой пример — керамический сосуд, покрытый коричневой глазурью, обнаруженный (раскопки 1982 г.) в погребении, возможно, священника, в приорате Мач Уэнлок в Шропшире (существовал до 1540 г.). Сосуд был в руках и формой напоминает потир, но края устроены таким образом, что причащать общину очень затруднительно (археологи проверили это экспериментально); кроме того, сосуд явно рассчитан под крышку, а она отсутствовала. Исследователи³ предположили, что это не потир, а церковный сосуд иного, не столь привычного назначения: литургическая солонка для обряда растворения соли в Святой Воде перед окроплением паствы (церемония ушла из обихода Католической Церкви после Второго Ватиканского собора) (рис. 10).

Таким образом, в случаях, когда западный исследователь сталкивается в погребении не с церковным сосудом, он не находит ему ясного объяснения.

Объясняя функцию сосуда в погребениях ранней Москвы, исследователи с самого начала говорили только об обряде соборования, или елеосвящения. Причина довольно проста: обычай соборовать больных и умирающих был распространен в России XIX века, и других толкований не требовалось.

¹ Schumann R. The Glass-Chalice of Berceto and the Holy East in the Mentality of the Lombards and Frankish Clergy and Nobility in the Eighth, Ninth, and Early Tenth Centuries // Acts: 18th International Congress of Byzantine Studies. Sheperdstown WN, 1996. Vol. II. P. 46–61. Fig. 3.

² Reeve J., Adams M., eds. The Spitalfields Project. Vol. I: the archaeology. Across the Styx. London, 1993. (Counceil for British Archaeology Research Report 85). P.13, fig. 1.8, и др.

³ Woods H. Excavations at Wenlock Priory // Journal of the British Archaeological Association. Vol. 140. London, 1987. P. 66–70.

Было известно также, что чинопоследования складывались, заимствовались, видоизменялись в период южнославянского влияния конца XIV–XV вв. Поэтому археологи охотно цитируют один из ответов митрополита Киприана (1390–1405 гг.) звенигородскому епископу Афанасию, на вопрос о том, как погребать попа, живущего в миру: «Мирянина попа погresti сице: измыв его и в срачицу и в стихарь и петрахиль и фелонь, и лице же и главу покрыв завесой, и тако пев над ним и в гроб положив, таже вина мало с маслом деревянным проливает священник крестообразно, от главы первое, таже у ногу, потом же от десна, тежу левую сторону; чашу же, в ней же масло с вином, повержет у ногу»¹. При погребении священника-чернеца следуют тому же обряду («якоже и прежде сказахом» — там же), но, как уже указано К.И. Панченко, в указаниях о погребении мирянина такой обычай не упомянут².

Следует подчеркнуть, однако, что речь у Киприана идет не о *соборовании*, то есть обряде, совершаемом при жизни. Речь о посмертном елеосвящении. Перед нами след иного обряда, в котором, как мы видим, используется и вино (о нем могут и не упоминать, также как о положении в гроб сосуда: «...поп же взем в сосуде масло, взлиет врху телесе творяи три кресты на лицы, на персех, и на колену, поя аллилуйя» (рукопись Троице-Сергиевой лавры конца XV в. о погребении чернецов, учтенная Т.Д. Пановой еще в ее кандидатской диссертации)³.

Соборование и помазание елеем — одно из таинств Церкви, и в таком качестве оно хорошо известно массе источников. Известно и коренное отличие, существовавшее между Православной и Католической Церквями, в понимании этого таинства на протяжении нескольких столетий. Соборование в Православии совершается над здоровыми, больными и умирающими — все они получают через это таинство надежду не только на загробное спасение, но и на выздоровление — ведь соборование дает новые силы верующему для сопротивления тяжелой болезни. Таким образом, хотя соборование и входящее в него как основной ритуал помазание елеем, для очень многих становится последним — оно не рассматривается как *неизбежно* таковое и не имеет в названии этого слова (рис. 11).

В католической традиции, напротив, это таинство называлось «Последнее помазание» (англизированное латинское: *extreme unction*) вплоть до Второго Ватиканского собора. Оно оказывалось последним из семи основных таинств, и — по житейскому смыслу — последним в жизни человека⁴. Оно не было таким в понимании ранней Церкви, но с эпохи разделения, примерно с XII в., на Западе постепенно превратилось именно в таинство умирающих, *sacramentum eхеuntium*, в каком виде существовало в течение всего Позднего Средневековья.

На Западе сложился и визуальный ряд, включающий изображения этой сцены. К тому времени, когда широко распространились московские елейницы, принадлежит, например, рельеф последней четверти XV в. в церкви Всех Святых в Грейт Гленхам (Great Glenham) в Саффолке⁵, на котором хорошо виден «портативный» набор священных сосудов (совершенно необходимый потому, что умирающие, как правило, принимали последнее помазание вне церковных стен — в домашней обстановке, в больнице, на поле боя) (рис. 12).

Ни в католический обряд последнего помазания, ни в православный обряд соборования какие-то особые формы обращения с посудой для елея не входят (использование «несесе-

¹ Киприан, митрополит, Ответ ко Афанасию вопросившему о неких потребных вещах // Русская историческая библиотека. СПб., Т. 6, 1880. Стлб. 245–246; по списку XVI в.

² Там же. Стлб. 51.

³ См. также: Древнерусские иноческие уставы. М.: Северный паломник, 2001.

⁴ см. подробно: Kern J. De Sacramento Extremae Unctionis Tractatus Dogmaticus. Ratisbon, 1907 или Toner P.J. Extreme Unction // Catholic Encyclopedia. N.Y.: Robert Appleton Co., 1909. Электронный ресурс (2008): <http://www.newadvent.org/cathen/05716a.htm>.

⁵ Nichols A.E. Seable Signs. The Iconography of the Seven Sacraments. 1350–1544. Woodbridge, 1994. Pl. 86.

ров» для Даров делает особую одноразовую посуду излишней). Но в изображениях поздних версий православного соборования мы, напротив, видим обычные церковные сосуды и отдельно емкость для елея, которой служит бытовая чашка, стакан, бутылочка, помещаемая затем в могилу. Она может и должна, согласно требникам, пониматься как лампада.

В требниках специально оговаривается, что при елеосвящении над больным, по уставу Великой Церкви, в лампаду вливается вино, а при отпевании умершего на его останки просыпается (крестообразно) земля, выливается елей из лампы (или иного сосуда в ее форме) и (или) высыпается пепел из кадила. Оставлять «лампаду» в могиле большинство требников не предписывают – но это правило в России обычно соблюдали как древний народный обычай.

Здесь мы видим совмещение в русской традиции по крайней мере двух обрядов, включающих использование бытовой посуды и оставление ее затем в могиле. Один из них – соборование, наиболее привычный и характерный для православного в XVIII–XIX вв., который включил (вероятно, не сразу, а со временем) правило оставлять в могиле посуду с остатками елея (именно это позволило Орешникову без всяких сомнений писать о чашечке от соборования).

Второй обряд фиксируют монастырские уставы и учительная литература XIV–XVI вв. Он не совсем таков, его не совсем правильно называть соборованием, как обычно делается. Также следует выправить термины применительно к елейницам – их не следует именовать сосудами для соборования или для елея последнего помазания, лучше сохранять традиционное, церковно-этнографическое «лампадка» (хорошо знавший этнографию М.Г. Рабинович не даром употребил его по отношению к елейницам) и даже народно-религиозное «слезница».

Следует расширить и базу источников, на которые мы опираемся, изучая московские елейницы. Вопрос о развитии литургической традиции на Руси, в том числе традиции, связанной с погребением, является предметом особой дисциплины, исторической литургики, весьма развитой в русской историографии второй половины XIX–XX вв. Примеры того, как это обращение способно изменить картину наших представлений о русских церковных обрядах XIV–XVI вв. (и более ранних) в их соотношении с византийской (особенно южнославянской) практикой, дали статьи А.Е. Мусина конца 1990–начала 2000-х годов с их обширной литературой и привлеченными источниками¹, в которых ясно показано, что «вопрос об истории и содержании погребального обряда на Руси» должен быть «заново рассмотрен»².

При изучении ранних московских елейниц речь может идти о елеосвящении (помазании) мощей (в общем смысле слова, то есть телесных останков) – обряде, генетически связанном с традиционным почитанием священных останков, с традицией омования при вторичном погребении и обрядом елеосвящения над умершими³.

В связи с этим следует вспомнить о случаях помещения в могилы сравнительно крупных сосудов, явно рассчитанных на большой объем жидкости, которые вряд ли могли заполняться целиком елеем, как, например, колоколовидный сосуд из Андроникова монастыря, очень близкий по форме «кубкам», но огромной (несомненно, более литра) вме-

¹ Мусин А.Е. Погребальный обряд древней Руси как археологическая и литургическая проблема // «Сих же память пребывает во веки». Мемориальный аспект в культуре русского православия. Материалы научной конференции 29–30 ноября 1997 г. СПб., 1997. С. 11–38; Мусин А.Е. «Приручение смерти» в Древней Руси (Культурная и святоотеческая антропология в изучении русской культуры) // Канун. Антропология религиозности. Альманах. Под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 1998. С. 16–70; Мусин А.Е. Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты почитания // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 363–386.

² Мусин, 2004. Ук. соч. С. 380–381 и прим. 59–61.

³ Ссылки на источники см.: Мусин, 2004. Ук. соч.

стимости. Возможно, что выбор того или иного размера кубка как-то связан с тем, какой обряд в данном случае совершался. Взятые вместе, представление о конфессионально и хронологически близких обрядах позволяет рассматривать сосуды в отечественной погребальной традиции в более глубокой и сложной перспективе. Попытка использовать известные церковно-учительные источники для сужения хронологии московских елейниц¹ представляется не особенно обоснованной (по меньшей мере, преждевременной). Их появление не представляется неожиданным ни в отношении истории керамического производства, ни в отношении традиции оставления посуды в погребении, все же, видимо, известного и в Древней Руси.

Безусловно, стоит рассмотреть обряды елеосвящения, учитывая теснейшую формальную связь елейниц с питьем (водой, вином) и маслом (отсюда же идея света) в широких рамках этнографии и народной религии – простор здесь огромный, от лампы с водой для омовения души до представлений о питье на кладбище и поминках, то есть о соучастии покойного в загробном пиршестве. Их варианты необозримы, но стоит вспомнить хотя бы «глоток холодными губами» у Константина Симонова и «бутылку горькую» на сером гробовом камне у Алексея Суркова.

Leonid A. Belyaev

Studying the Funerary Vessels of the Late Medieval Period Russia: history and methods

Abstract: This article serves as an introduction to the research methodology of the sustainable element of the funeral rite – the deposition of vessels into the grave. Medieval vessels in burials are known in both Western and Eastern Christian tradition. A brief overview of the early Moscow funerary vessels of the 14th–16th centuries are included as well as the numerous inherited forms of them. The close relationship of the early forms of the funerary rites with the period of the establishment of the Grand Principedom of Moscow is confirmed. The issue of the earliest chronological border of the Early Moscow ceramic «cups» for anointing oil is raised. The similar types of vessels in both the Mediterranean and the Western European traditions are compared. We raise the issue of correlation of the ritual with the pre-Christian and early Christian traditions for funerary meals and offerings, the consecration of the relics by the anointing oil and its dependence on other rituals (burning incense, a ritual of lighting, etc.). Questions of terminology are touched upon. Specific observations and amendments to popular views on the rite and its bearers, as well as the tasks of a deeper and more comprehensive study of the rite, based on historical-liturgical, archaeological-materialistic and other forms of analysis, are formulated.

Keywords: Archeology of Moscow Rus, church archeology, burial ceremony, deification, anointing, ceramics, irrigated ceramics, glass, porcelain.

¹ Романов, Романова, 2007. Ук. соч. С. 261–269.

Рис. 1. Таблица с прорисовками сосудов из погребений и слоев кладбищ Москвы, XIV–XVI вв. Маркировка:

Дм – Данилов монастырь; Бм – Богоявленский монастырь; ВПм – Высоко-Петровский монастырь; Км – село Коломенское; б/г – белая глина; сосуды из каменных саркофагов отмечены антропоморфным изображением.

Цветом обозначены особенности обработки поверхности: красное лощение – полосами, сплошное – черное лощение, пятна белого ангоба на сосудах красного обжига. Оригинальная таблица сделана в натуральную величину. Указан *terminus ante quem*, но даты погребений могут быть гораздо древнее.

Рис. 2. Таблица с прорисовками сосудов из погребений у церкви Жен Мироносиц (Зарядье) и Кремля (XV–XVI вв.)

Маркировка: красные точки дополнительно выделяют сосуды из глины красного обжига; сосуд в нижнем правом углу найден в Кремле, в районе кладбища церкви Иоанна Лествичника (с штампованным изображением китовраса на дне).

Рис. 4. Сосуды-елейницы XIV(?)–XVIII вв. Зачатьевский/Алексеевский монастырь, работы 2003–2004 гг.:

1 – лепная красноглиняная, покрытая ангобом (№ 239); 2 – красноглиняная с желтой поливой по ангобу (№ 257); 3 – красноглиняная с поливой по ангобу (№ 266); 4 – красноглиняная с желтой поливой по ангобу (№ 240); 5 – фарфор, роспись кобальтом (№ 223); 6 – красноглиняная с желто-зеленой поливой по ангобу (№ 242); 7 – белоглиняная с мраморовидной поливой (№ 242); 8 – красноглиняная с желто-зеленой поливой по ангобу (№ 243); 9 – светлолощенная с узорами штампом (№ 244).

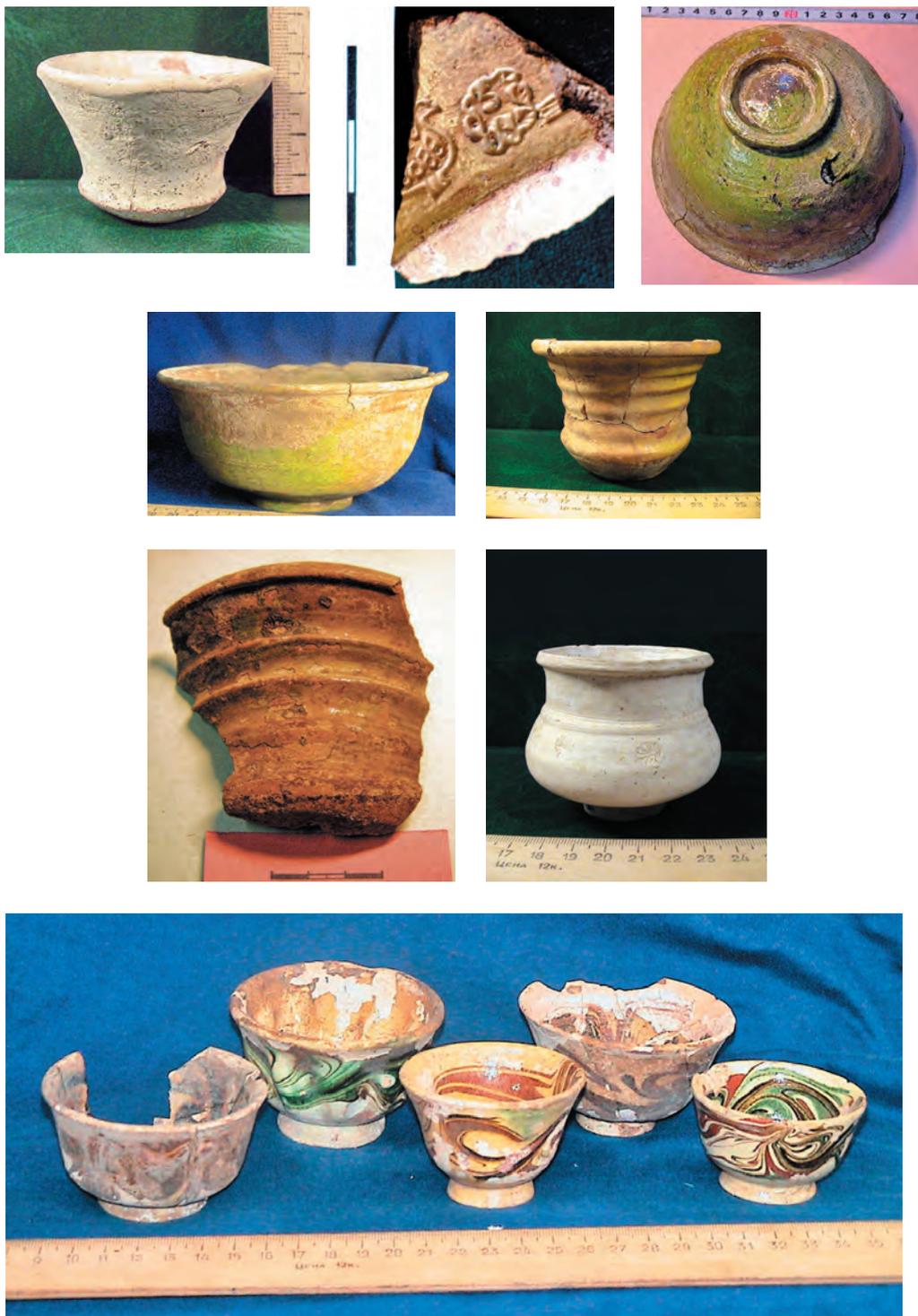

Рис. 5.

Рис. 6.

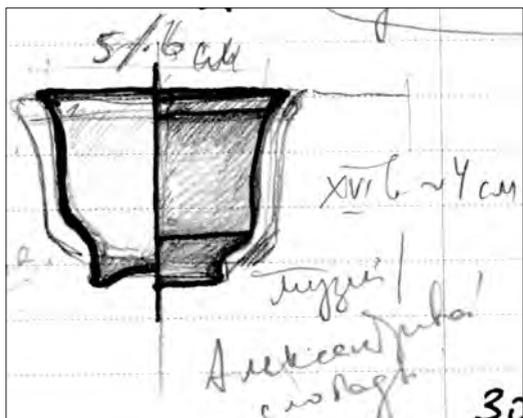

Рис. 7. Поливной погребальный (?) кубок из музея в Александровой слободе, XVI в. (рисунок из дневника автора, 1996 г.)

Рис. 8. Сосуды из погребений в форме чернильниц или солонок, XV–XVI вв.:
a, b – Данилов монастырь; *c, d* – Богоявленский монастырь (*a* – ангоб пятнами, красный обжиг; *b, c* – лошение, черное морение; *d* – белая глина с зеленой поливой)

Рис. 9. Большой и маленький сосуды из погребений в Даниловом монастыре. XV–XVI вв.

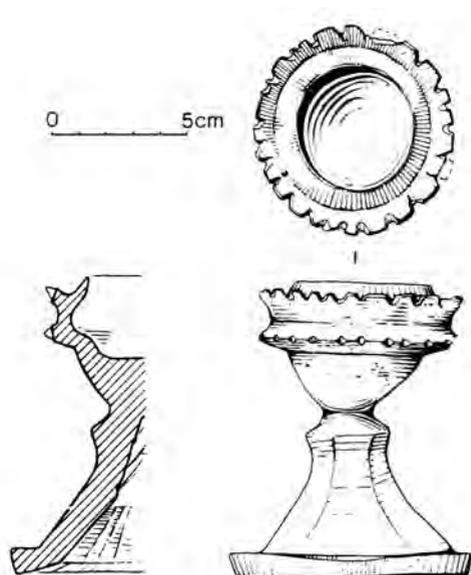

Рис. 10. «Погребальная солонка» из приората Уэнлок (Шропшир), до 1540 года. По: Woods, 1987

Рис. 11. Корнеев Е.М. Миропомазание. Литография, 1812 г. На столе много сосудов, один из которых будет оставлен в могиле. Миропомазание и елееосвящение – два разных таинства, но французский перевод подписи дан как «L'Extrême-Onction»

Рис. 12. Рельеф со сценой последнего помазания из серии «Таинства». Церковь Всех Святых в Грейт Гленхам (Great Glenham) в Саффолке, последняя четверть XV в. По: Nichols, 1994. Pl. 86. В руках у священнослужителя – набор для священных сосудов и жидкостей

Олейников О.М., Гайдуков П.Г.

Краткие итоги исследований в Смоленске в 2004 г. (Раскоп на улице Ленина, 15)

Аннотация. В статье приводятся новые данные по исторической топографии Смоленска и краткий обзор сфрагистического материала, полученного в результате работ на раскопе по ул. Ленина, 15 в 2004 г.

Ключевые слова. Смоленск, вал, историческая топография, свинцовые товарные пломбы, печать Давида Святославича.

Смоленск всегда занимал особое место среди других древнерусских городов. Он возник в последней четверти I тыс. н.э. на пересечении основных сухопутных дорог в Верхнем Поднепровье¹. Первое упоминание о Смоленске как городе племени кривичей содержится в древнейшей, недатированной части ПВЛ: «Кривичи же сядят на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленск»². Устюжская (Архангелогородская) летопись под 862–863 гг., рассказывая о походе Аскольда и Дира, сообщает о Смоленске, что «град велик и мног людьми». В 882 г. Олег захватил Смоленск и даже посадил там «муж свои»³. Для истории происхождения Смоленска наиболее важным остается открытие поселений времени первого упоминания города в летописи, то есть второй половины IX в.

В X в. Смоленск наряду с Киевом упоминается в источниках как один из крупнейших городов Руси, через который проходил путь из «варяг в греки». В X–XI вв. Смоленская земля являлась составной частью Древнерусского государства: киевские князья пользуются правом сбора полюдья среди кривичей⁴. В XII–XIII вв. в Смоленске было возведено более 40 каменных церквей и гражданских построек, велась интенсивная торговля с сопредельными и иными территориями.

Археологическое изучение города началось в 1901 г. и с перерывами продолжается до сегодняшнего дня. Во второй половине XX в. раскопки в Смоленске имели, главным образом, историко-архитектурную направленность и были сосредоточены преимущественно в верхних частях береговых мысов. Опираясь на летописное известие о постройке Владимиром Мономахом церкви Успения Богородицы и зная о ее расположении на Соборной горе, археологи много сил отдали изучению этого места, полагая, что Смоленск вырос из первоначального славянского городища.

Охранные раскопки последних лет в Смоленске позволили установить, что средневековые слои на высокой надпойменной террасе Днепра и на вершинах смоленских гор перекрыты метровым слоем строительного и бытового мусора второй половины XIX–XX вв. В заполнении оврагов этот слой может достигать 3 м, он связан большей частью с послевоенной планировкой территории города. Ниже залегают хорошо стратифицированные слои, насыщенные большим количеством различных находок. Стратиграфия культурного слоя значительно нарушена благодаря домостроительству и хозяйственной деятельности, но вещи в нем во многих случаях остались примерно на первоначальном месте. По изучению их концентрации можно судить о типе и характере уничтоженных построек на изучаемой

¹ Олейников О.М. Историко-географические предпосылки возникновения Смоленска и Гнездова // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Отв. ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО, 2016 / С. 134–142. Он же. К проблеме возникновения Смоленска – главного города кривичей (историко-географические предпосылки возникновения Смоленска и Гнездова) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ООО «ИПК Парето-Принт», 2017. С. 39–45.

² ПСРЛ. 1962. Т. 2. С. 8.

³ Повесть временных лет. М.–Л.: АН СССР, 1950. Т. 1. С. 20.

⁴ Багрянородный К. Об управлении государством // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982. С. 273.

территории, о хозяйстве и быте проживавших здесь горожан. На смоленских горах средневековые слои во многих местах перекрыты материковой глиной мощностью до 1 м (выбросы из расположенных рядом более поздних углубленных подпольев или хозяйственных ям). Здесь исследователи получают возможность изучения сооружений и находок из непосредственных древнейших слоев на большой площади.

Благодаря внедрению в практику полевых археологических работ в последние два десятилетия металлодетекторов, одной из самых массовых металлических находок оказались древнерусские свинцовые пломбы, остающиеся до настоящего времени недостаточно изученными. Высказывалось несколько версий их назначения: религиозные талисманы¹; товарные византийские пломбы, скрепляющие грузы²; товарные пломбы русских князей³; пломбы, привешиваемые к меховым деньгам⁴; малые вислые печати посадников для скрепления судебных или иных документов⁵ и др.

Неоднозначность интерпретации обусловлена тем, что до сих пор не обнаружено ни одной вещи или документа с прикрепленной к ним пломбой.

Датировали пломбы широко (в целом домонгольским временем), поскольку большинство их происходит с берегов рек и из переотложенных слоев различных средневековых поселений. Лишь в последние годы благодаря обнаружению значительного количества пломб в датированных слоях некоторых древнерусских городов появилась возможность для их более точной датировки.

В Смоленске на раскопе по ул. Ленина, д. 15 в 2004 г. (рис. 1) исследовано заполнение верховья Резницкого (Смолигова) оврага, возле которого проходила т.н. «Большая дорога». Исследуемое место располагалось в центре крепости Федора Коня, в южной части «Старого города», к северу от Духовских ворот — главных южных ворот города (рис. 2). Разрядные книги 1475—1598 гг. под 1580 годом упоминают в Смоленске «Большой старый деревянный город»⁶. Основываясь на очертании земляного вала «Большого старого деревянного города» на изображениях начала XVII в. (медали, отчеканенной в память взятия Смоленска польскими войсками в 1611 г. (рис. 3, 1) и на анонимном виде города 1627 г. (рис. 3, 2), С.П. Писарев предложил, применительно к современной ему топографии города, трассу прохождения вала. «Начинаясь на востоке у верховьев Зеленого ручья, где ограда Авраамиевского монастыря, вал шел к западу, приблизительно, по теперешней улице Козловская гора (восточная часть современной улицы Ленина. — *О.О., П.Г.*); в Козловском овраге он пропадал, а на другой стороне оврага снова появлялся. Далее, пересекая улицу, он имел перерывы для проезда. Дойдя до Почтовой площади (современная площадь Ленина. — *О.О., П.Г.*) он круто повернул сначала к северу, а потом к северу-за-

¹ Тышкевич К.П., 1865. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина. // Древности. Тр. Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 2. М.: Типогр. Грачева и К°, 1865. С. 155—122.

² Леопардов Н.А., 1890. По поводу дрогичинских находок // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. 1. Киев, 1890. С. 90. Он же. О сходстве изображений на некоторых херсонесских монетах с изображениями на дрогичинских свинцовых знаках // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. II. Киев, 1891. С. 8—11.

³ Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. Т. VI. М., 1940. С. 244—245. Он же. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. Т. 1. М.—Л.: АН СССР, 1948. С. 344.

⁴ Монгайт А.Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. // История СССР. М.: Госполитиздат, 1959. С. 169—179.

⁵ Ершевский Б.Д. Древнейшие печати новгородских посадников (1096—1117 гг.) // СА. № 2. М.: Наука, 1978. С. 240—248. Он же. Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII—начала XIII вв. с изображением княжеских знаков // ВИД. Вып. X. Л. С. 38—55. Он же. Об одной группе новгородских свинцовых пломб XII—первой трети XIII вв. // Вестник МГУ. № 4. Сер. 8. История. М., 1979. С. 50—60; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1. С. 11, 150—153.

⁶ Разрядная книга 1475—1598 гг. (ред. Буганов В.И.). М.: Наука, 1966. С. 312.

паду ... и направлялся по окраине оврага за теперешнюю Воскресенской церковью...»¹. К этому мнению присоединились и другие исследователи Смоленска². Исключение составил только И.Д. Белогорцев, который полагал, что вал с небольшим отклонением к северо-западу шел по современной ул. Пржевальского до пересечения с валом на современной ул. Бакунина в районе Королевского бастиона³.

Вышеприведенная трассировка вала была откорректирована Н.В. Сапожниковым: «Беря начало у оконечности западного отрога Георгиевского оврага, вал шел примерно вдоль современной ул. Ленина, немного отступая от нее к северу. Западным своим окончанием он упирался в восточный склон бывшего Козловского оврага. Продолжаясь на противоположной его стороне, вал примыкал к западному отрогу оврага, по которому в древности протекал Смолигов ручей. На противоположной стороне он, постепенно отклоняясь к северо-западу, шел до того места, где сейчас расположен городской Драматический театр, а оттуда круто поворачивал к северу и упирался в восточный отрог Пятницкого оврага (где сейчас проходит улица Ногина), оставляя его за пределами укрепленной территории»⁴.

Вопрос о трассировке южного вала Старого города можно пересмотреть. Предложенное предыдущими исследователями Смоленска расположение южного вала по улице Ленина никак не согласуется с правилами сооружения оборонительной линии с напольной стороны⁵. Эта улица проходит по северному склону холма и расположена ниже его вершины на 4 м. Получается, что обороняющиеся находятся в невыгодной ситуации, а дождевые и талые воды размывли бы созданный вал. Возможно, вал, показанный на планах города 1611 и 1627 гг., должен был проходить по вершине пологого холма с расположенными там верховыми болотами (на территории Блонья), которые являлись естественными препятствиями (рис. 1, и).

Крепость дополнительно была усилена башнями. Впервые проездные ворота упоминаются в «Хронике литовской и жмойтской» под 1401 г.⁶ Иоасафовская летопись знает Крылошевскую стрельницу, упоминаемую в связи со вторым походом Василия III на Смоленск в 1513 г. (Иоасафовская летопись, с. 194). В Разрядных книгах под 1561–1562 гг. есть сведения о Пятницких, Крылошевских, Духовских, Непровских (Днепровских) и Костеревских воротах⁷. Они существовали еще в начале XVII в. рядом с воротами и башнями новой каменной крепости и дали им свои названия⁸.

¹ Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске: Историко-археологические исследования в связи с историей Смоленска. Смоленск: Типо-лит. Ф.В. Зельдович, 1894. С. 201. Он же. Памятная книга г. Смоленска: историко-современный очерк, указатель и путеводитель. Смоленск: Кн. магазин С.А. Клестова, 1898. С. 5.

² Орловский И.И. Смоленская стена 1602–1902 гг.: Исторический очерк Смоленской крепости в связи с историей Смоленска. Смоленск: Смоленский губ. стат. ком., 1902. С. 5; Грачев В.И. Осада Смоленска Сигизмундом III (1609, 1610, 1611 гг.). Издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск: тип. П.А. Силина, 1909. С. 8; Хозеров И.М. Город Смоленск в начале XVII в. // Смоленская оборона 1609–1611 гг. Смоленск, 1939. С. 256; Алексеев Л.В. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. № 1. М.: Наука, 1977. С. 94; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Древний Смоленск // СА. № 1. М.: Наука, 1979. С. 80.

³ Белогорцев И.Д. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. Материалы к археологической карте (схеме) // МИСО. Вып. 5. Смоленск, 1963. С. 145.

⁴ Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездо (к истории древнерусского города). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 53.

⁵ Писарев С.П. Ук. соч. 1894. С. 201. Он же. Памятная книга г. Смоленска: историко-современный очерк, указатель и путеводитель. Смоленск: Кн. магазин С.А. Клестова, 1898. С. 5; Орловский И.И., 1902. Ук. соч. С. 5; Грачев В.И., 1909. Ук. соч. С. 8; Хозеров И.М., 1939. Ук. соч. С. 256; Алексеев Л.В., 1977. Ук. соч. С. 94; Воронин, Раппопорт, 1979. Ук. соч. С. 80; Белогорцев, 1963. Ук. соч. С. 145; Сапожников, 1991. Ук. соч. С. 53.

⁶ ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 75.

⁷ Разрядная книга..., 1966. С. 101.

⁸ АИ. Т. 2. С. 416, № 349; Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. Издание ИОИДР при Московском Университете. М.: Синодальная типография, 1912. С. 77, № 132; С. 109, № 183; С. 167, № 237.

«Старый город» просуществовал до начала XVII в., когда, потеряв свое прежнее значение, он уже в польское время был уничтожен. Валы в южной части продолжали существовать еще некоторое время и были срыты между 1627 и 1636 гг., так как на виде Смоленска 1627 г. они еще присутствуют, а на плане В. Гондиуса 1636 г. их уже нет (рис. 4).

Относительно датировки вала высказывалось несколько точек зрения. И.И. Орловский предполагал, что вал был насыпан в XII в., когда князь Ростислав Мстиславич «устрои град великий Смоленск»¹. К этому мнению присоединяется и Л.В. Алексеев². Высказывалось предположение о насыпке вала во времена княжения в городе Владимира Мономаха³. Д.А. Авдусиным было высказано предположение, что еще до княжения Ростислава, который «только достроил уже имевшиеся укрепления»,⁴ оборонительные сооружения Смоленска охватывали всю городскую территорию целиком и во время похода Аскольда и Дира по своим размерам превосходили киевские⁵. Следует отметить, что Д.А. Авдусин, говоря об оборонительных сооружениях Смоленска IX в., не отождествляет их с валами, изображенными на видах города 1611 и 1627 гг.

Ближайшие участки к раскопу на ул. Ленина, 15, на которых производились археологические исследования, расположены в 180 м к юго-западу (ул. Ленина, 8а⁶) и в 300 м к югу от изучаемого места (на пересечении ул. Ленина и Коммунистической⁷). Здесь обнаружены остатки хозяйственных и жилых построек XI–XVIII вв., а также многочисленный вещевой материал.

В результате проведенных в 2004 г. исследований можно заключить, что рядом с этой территорией располагался какой-то княжеский административный центр, связанный с торговлей. Именно здесь впервые обнаружено место производства заготовок свинцовых пломб конца XI–XII вв. и большое количество самих пломб с изображением различных святых, крестов, княжеских знаков⁸. Можно думать, что здесь находилась резиденция смоленских князей – от Вячеслава Ярославича (1054–1057 гг.) до Ростислава Мстиславича (1125–1167 гг.).

Географическое расположение этого места очень выгодное. Площадка с востока, севера и запада защищена отрогами Резницкого (Смолигова) оврага⁹. Сама площадка доминирует над всем Смоленском. С юга к ней подходила улица от Духовских ворот, прослеженная в 2006 г. на раскопе Ленина, 8а¹⁰.

Культурный слой в этом месте достигал 10 м (рис. 5). Начиная с XI в., овраг постепенно

¹ Орловский И.И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 1. Смоленск, 1909. С. 209.

² Алексеев Л.В., 1977. Ук. соч. С. 93.

³ Исторический очерк Смоленска. СПб.: Военная типография, 1894. С. 12; Воронин, Раппопорт, 1979. Ук. соч. С. 79.

⁴ Авдусин Д.А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск (материалы юбилейной научной конференции). Смоленск, 1967. С. 83.

⁵ Авдусин Д.А. Возникновение Смоленска. Смоленск: Кн. изд-во, 1957. С. 38.

⁶ Олейников О.М. Раскоп на улице Ленина, 8-а в Смоленске (Результаты охранных археологических исследований 2005–2006 гг.) // Материалы охранных археологических исследований: города, поселения, могильники. Т. 17 / Отв. ред. З.Х.–М. Албегова (Царикаева), А.В. Энгватова. Чебоксары: Перфектум, 2015. С. 147–207.

⁷ Зубарев Н.В., 2001. Отчет о проведении археологических исследований на месте строительства административно-делового центра компании «Мобильные телесистемы» по адресу: г. Смоленск, перекресток ул. Б. Советская и ул. Коммунистическая в 2001 г // Архив ИА РАН, р-1 № 23111.

⁸ Олейников О.М. Двор первых смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на улице Ленина, 15 в Смоленске в 2004 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь, 2014. С. 6–17.

⁹ К сожалению, данное место было полностью уничтожено при строительстве административного здания в конце XX в.

¹⁰ Олейников О.М., 2015. Ук. соч.

заполнялся. Дно его перекрыто слоем навоза со щепой мощностью до 50 см, который датируется второй половиной XI—началом XII вв. Выше залегал слой мощностью до 30 см с улем и отходами производства свинцовых заготовок пломб. Он датируется первой половиной XII в. (рис. 6).

Сфрагистическая коллекция, собранная в верховьях Резницкого оврага, уникальна. Здесь собрано 312 пломб, 422 заготовки для пломб различного качества, а также отрубленные от заготовок литники, литейный брак и свинцовый лом¹.

Здесь же обнаружена византийская печать конца XI—XII вв. с погрудным изображением Богоматери и пятистрочной надписью (рис. 7, I) и печать с погрудным изображением св. Давида в царской короне с мученическим крестом у груди и многострочной греческой благожелательной надписью (рис. 7, I)².

Две подобные печати небольшого размера впервые рассмотрел Н.П. Лихачев (по неточному рисунку печати из Рязанской обл. и фотографии печати из Смоленска), который склонен был видеть в изображении святого царя Константина³. В.Л. Янину к моменту составления свода древнерусских печатей были известны три рассматриваемые буллы (к названным выше добавилась печать из Киева), изображение и надпись на которых оттиснулись лишь частично. Исследователь согласился с атрибуцией святого как св. Константина и отнес эти печати к князю Игорю Ярославичу, бывшему сначала волынским (1054—1057 гг.), а позже смоленским князем (1057—1060 гг.)⁴.

Позже публикация новых находок подобных булл продолжалась. В третьем томе серии «Актовые печати Древней Руси» с такой же атрибуцией была опубликована четвертая печать, обнаруженная в 1995 г. при раскопах в Чернигове, а также разысканная булла из Рязанской области⁵. В 2003 г. опубликована пятая печать, найденная в Смоленском р-не Смоленской обл.⁶

Новую атрибуцию и номер по Своду (№ 38е) рассматриваемая печать получила в 2007 г., при публикации еще трех новых экземпляров: из поселения Усть-Шексна (г. Рыбинск, Ярославская обл.), поселения у с. Малая Топаль Клиновского р-на Брянской обл. и из раскопа по ул. Ленина, 15 в Смоленске. Анализ двух последних находок позволил установить, что по сторонам изображения святого имеется надпись под прямыми титлами: ДВ—Д (Давид). Это же имя удалось прочитать на другой стороне печати в последней строке легенды. Точное определение святого позволило всю группу печатей отнести к князю Давиду Святославичу, княжившему в Смоленске (до 1094 г., 1096—1097 гг.), Новгороде (1094—1096 гг.) и Чернигове (1097—1123 гг.)⁷.

В последующие годы на территории России и Украины были зарегистрированы еще 12 печатей, оттиснутые этой же парой матриц (№ 38е-9—38е-20)⁸. Таким образом, к июню 2017 г. насчитывалось уже 20 таких печатей. Географическое распределение находок: Ярославская обл. (1 экз.), Рязанская обл. (1 экз.), Смоленск (2 экз.) и Смоленская

¹ Олейников О.М., 2014. Ук. соч.

² Олейников О.М., 2014. Ук. соч. С. 10, 13. Рис. 8.

³ Лихачев Н.П. Материалы по истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930. С. 276—277.

⁴ Янин В.Л., 1970. Ук. соч. С. 32—33, 172. № 33.

⁵ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. М.: Интрада, 1998. С. 116, 222. № 33—4, 33—3.

⁶ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 17 / Отв. ред. акад. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2003. С. 352. № 33—5.

⁷ Гайдуков П.Г., Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 21 / Отв. ред. акад. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2007. С. 145. № 38е-6, 7, 8.

⁸ Эти печати пока не опубликованы. Сведения из архива одного из авторов.

обл. (2 экз.), Брянская обл. (1 экз.), Курская обл. (1 экз.), Сумская обл. (1 экз.), Чернигов (1 экз.) и Черниговская обл. (7 экз.), Киев (2 экз.) и Киевская обл. (1 экз.). Большинство печатей происходит из мест, связанных с длительным княжением Давида Святославича (Смоленская и Черниговская земли), что лишний раз подтверждает правильность новой атрибуции рассматриваемых булл.

Приложение

В.Н. Чахидзе

**Византийская печать из раскопок в Смоленске на улице Ленина, 15
(предварительное определение)**

Размер заготовки больше матриц печати.

Д. 12–13 мм. (рис. 7, 1).

Аверс. В ободке погрудное изображение Богородицы Эпискеписис («Знамение»). Перед грудью (?) – бюст младенца Христа в медальоне. По сторонам от Богородицы титла: [MP]|| ΘΥ = [M (ήτη)ρ] Θ(εο)ῦ.

Реверс. В точечном ободке пяти(шести?)-строчная надпись. Буквы различной величины, между строк расстояние различное (малоопытный резчик?):

ΘΚΡ.

С.С...

ΔС.....

.....

.....Ρ

Достаточно ясно читается лишь первая строка: Θ(εοτό)κε β[ο](ήθει)... = Богородица, помоги...

Буквы в остальных строках прочитаны условно.

Условная дата моливдовула – конец XI–XII вв. – основана на иконографии. Следует отметить, что этим же временем датируются византийские печати, ранее обнаруженные в Смоленске¹.

Oleg M. Oleinikov, Petr G. Gaidukov

Excavations in Smolensk (Lenin street, 15) in 2004: preliminary information

Abstrac. The article presents new data on the historical topography of Smolensk. The overview of the seals, obtained by the excavations on Lenin Street, 15 (2004) is also given.

Keywords. Smolensk, shaft, historical topography, lead commercial seals, the seal of David Svyatoslavich.

¹ Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands / Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. Bd. 6. Wiesbaden, 2004. S. 95–96, 127–130, 142–143, 145–146. №№ 1.4.2, 1.5.12a, 1.6.8, 1.6.10.

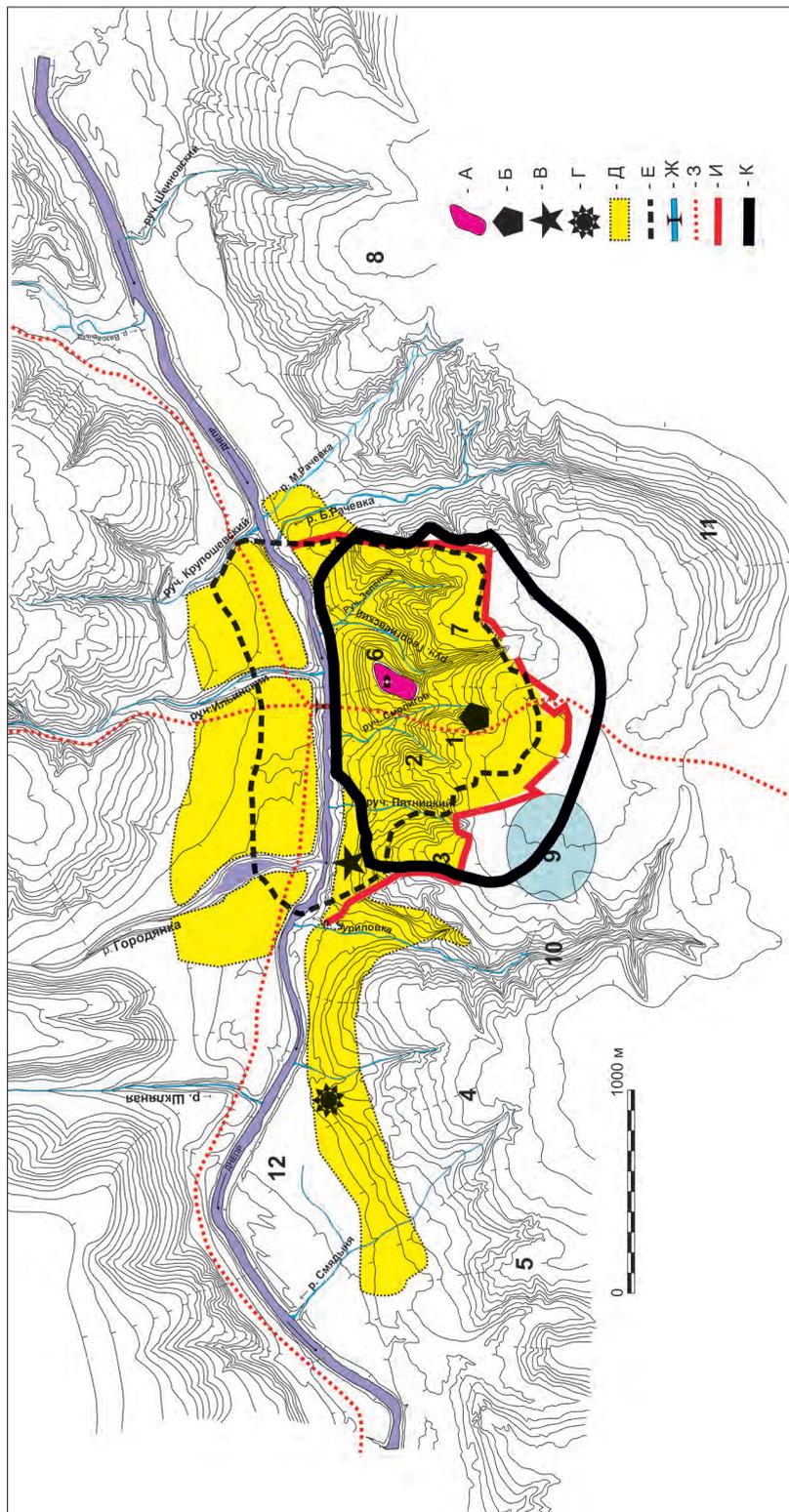

Рис. 1. Смоленск в XI–XII вв.

А – княжеский двор конца XI в.; В – княжеский двор второй половины XII в. (Роман Ростиславич); А – «Соборная гора»; Б – княжеский двор конца XII в. (Давид Ростиславич); Д – культурный слой с находками XII в. (по наблюдениям одного из авторов); Е – граница культурного слоя с находками XI в.; Ж – переправа (мост); З – сухопутные дороги; И – юго-западная граница «Старого города» (по исследованиям одного из авторов); К – граница Смоленской крепости.
 1 – Вознесенская гора; 2 – Воскресенская гора; 3 – Отцовская гора; 4 – Сви́рская гора; 5 – Кловская гора; 6 – Соборная гора; 7 – Спасская (Козловская) гора; 8 – Бабья гора; 9 – Блонь; 10 – Большой Чуриловский овраг; 11 – Чёртов овраг; 12 – речной порт (Смядынь).

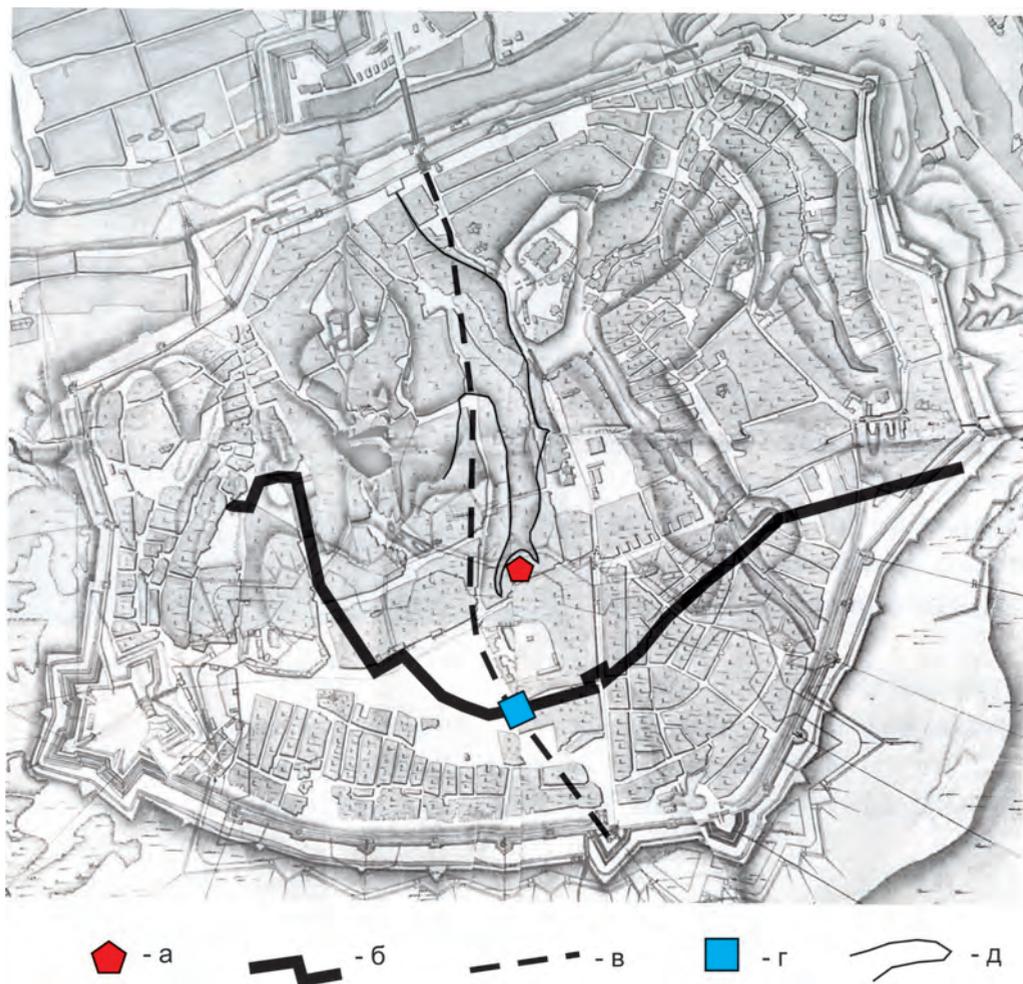
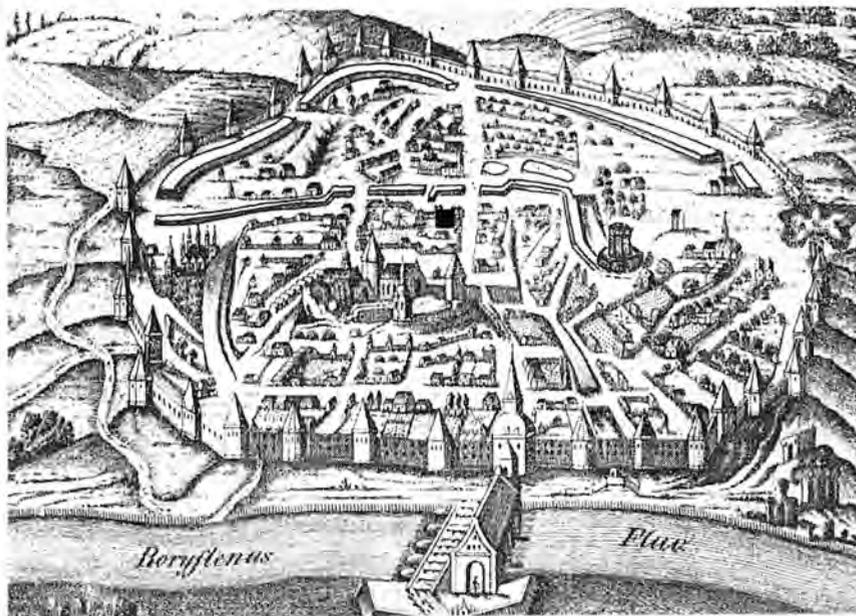

Рис. 2. План г. Смоленска 1755 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 38. Д. 1145)

a – место расположения княжеского двора; *б* – южная граница «Старого города» (по исследованиям одного из авторов); *в* – «Большая дорога» Смоленска; *г* – главные южные ворота Смоленска (Духовские); *д* – граница южных отрогов Резницкого (Смолигова) оврага.

1

2

■ - а

Рис. 3. Планы Смоленска

1 – Памятная медаль польского короля Сигизмунда III на взятие г. Смоленска в 1611 г.;

2 – Анонимный план г. Смоленска 1627 г.

а – местоположение раскопа «Ленина, 15».

Рис. 4. План г. Смоленска В. Гондиуса (1632–1634 г.)

a – местоположение раскопа «Ленина, 15».

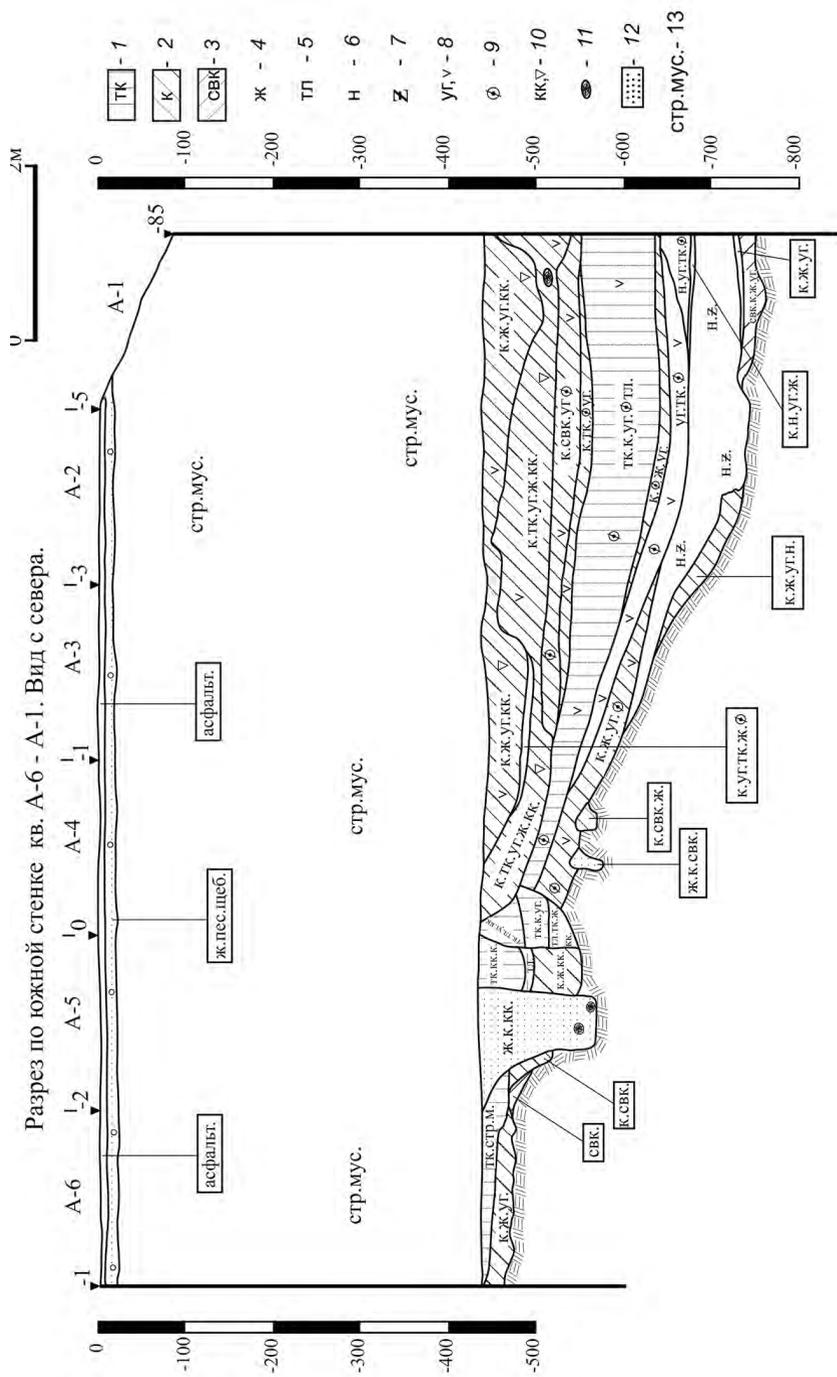

Рис. 5. Разрез заполнения восточного отрога Резницкого оврага по южной стенке раскола Ленина, 15
 1 – темно-коричневая супесь; 2 – коричневая супесь; 3 – светло-коричневая супесь; 4 – желтый суглинок; 5 – навоз;
 7 – щепа; 8 – уголь; 9 – печь; 10 – кирпичная крошка; 11 – брёвна; 12 – песок; 13 – строительный мусор XX в.

Рис. 6. Отходы производства заготовок свинцовых пломб:

1–9 – свинцовый лом; 10–17 – литейный брак и обрубленные «литники» от заготовок пломб; 18 – заготовки пломб.

Рис. 7. Печати из раскопа Ленина, 15

1 – печать смоленского князя Давида Святославича (до 1094–1123);
2 – византийская печать конца XI–XII вв.

Лопатин Н.В.

Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля

Аннотация. В статье аргументируется ранняя датировка верхнего слоя городища Тушемля серединой I тыс. н.э. Указаны аналогии отдельным экземплярам керамики в материалах мощинской, позднедьяковской, киевской культур. Отрицается возможность использования в качестве хронологических индикаторов более позднего времени находок серпа и жернова. Проводится сравнение с синхронными городищами – Демидовка и Городок на Маяте.

Ключевые слова: лепная керамика, радиоуглеродное датирование, миграция, смешение традиций.

Соотношение древностей Смоленщины третьей четверти I тыс. н.э. — и между собой, и с синхронными соседними культурами — изобилует дискуссионными проблемами. В ряду этих проблем — относительная и абсолютная хронология эталонных памятников. В 50–60-е годы XX века были раскопаны широкими площадями городища, содержавшие большое количество остатков сгоревших деревянных конструкций — Тушемля, Демидовка, Колочин и др. К сожалению, в то время еще не были разработаны принципы использования метода радиоуглеродного датирования памятников археологии, поэтому почти весь этот богатейший обугленный материал пропал для науки.

Лишь несколькими десятилетиями позднее метод был в полной мере отработан и применен для создания подробных шкал хронологии и периодизации ряда памятников — городищ железного века и эпохи переселения в лесной зоне Восточной Европы. Среди таких вдохновляющих примеров — исследования городищ Дьяково¹ и Городок на Маяте². Важнейший методический принцип использования радиоуглерода в данной области — серийное датирование, в ряде случаев образцы извлекаются из разных годичных колец одного и того же фрагмента древесины.

В свете понимания утраченных возможностей датирования указанных важнейших памятников следует обратить внимание на их участки, оставшиеся нераскопанными. На городище Тушемля — это значительная часть главного напольного вала, на городище Колочин — сектор площадки, специально оставленный Э.А. Сымоновичем «на будущее»³.

В 1986 г. автор осмотрел городище Тушемля во время археологической разведки по р. Сож, организованной Смоленским музеем-заповедником (под рук. Ф.Э. Модестова). На месте разреза вала, сделанного П.Н. Третьяковым в 1957 г., наблюдалась седловина шириной по верху около 10 м с незадернованными краями. В осыпи одного из краев, в районе гребня вала, на глубине около 0,5 м были обнаружены угли, по-видимому, соответствовавшие горизонту сгоревших оборонительных сооружений верхнего слоя (рис. 1). Угли были взяты, и в Радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН по этому образцу получена дата: 1580±70 BP (ГИН-5116).

Эта дата по целому ряду оснований (см. ниже) значительно лучше соответствует предполагаемому возрасту верхнего слоя городища Тушемля, чем старая дата, опубликованная П.Н. Третьяковым⁴ — 960±150BP⁵ (900...1240 cal AD). С самого начала она не полностью

¹ Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. Вып. 194. М.: Наука, 1988; Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Хронология городища по археологическим и радиоуглеродным данным // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. С. 143–147.

² Еремеев И.И. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 61–107.

³ Сымонович Э.А. Городище Колочин I на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси (МИА. № 108). М.: Изд-во АН СССР, 1963.

⁴ Третьяков П.Н. Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 17.

⁵ РУЛ-344 (прежний индекс Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН). Благодарю за информацию С.Г. Попова.

удовлетворяла автора раскопок, который колебался в хронологическом определении этого комплекса в рамках от VI–VII вв. до последних столетий I тыс. н.э. и всё же склонялся к верхнему варианту, соответствующему началу интервала радиоуглеродной даты¹. Доверия этой дате добавили, несомненно, две даты близких значений по городищам Вошкино и Слобода Глушица², где находок не было, но остатки укреплений походили на Тушемлю. Позднее П.Н. Третьяков сообщал, что им получены сведения об ошибочности этих радиоуглеродных дат, и вернулся к более устраивавшей его археологической датировке пожаров на городищах Посожья — конец VIII в. или конец третьей четверти I тыс.³

Е.А. Шмидт вслед за П.Н. Третьяковым относит немногочисленные находки из верхнего слоя Тушемли — серп, жернов, а также и керамический комплекс — к позднему периоду культуры: конец VII или рубеж VII и VIII вв.⁴ Мнение о поздней дате верхнего слоя Тушемли поддержано и другими известными исследователями⁵.

К настоящему времени первые радиоуглеродные даты посожских городищ признаны ранним неудачным опытом⁶. О некондиционности этих дат свидетельствуют, в частности, длинные интервалы статистических ошибок (± 150 , ± 120). Но насколько справедливы традиционные вышеуказанные археологические даты пожаров этих памятников? Рассмотрим основные находки, которым в литературе отводится роль датирующих.

«Вне пределов постройки на северном крае городища были найдены... железный серп и верхний камень⁷ небольшого, круглого, плоского жернова, пострадавший от огня⁸. Интересно, что в полевом дневнике П.Н. Третьяков излагал другую точку зрения на эту находку: «по своему внешнему виду напоминает жернов, но жерновом не является, т.к. плоская поверхность не обточена и т.к. материал представляет собой, по-видимому, полуфабрикат болотной руды с охристыми (?) включениями, которые оставляют на руке краску»⁹. Еще один жернов был найден на городище Городок: «два обломка круглого жернова, такого же, какой был найден на Тушемле... Один из них находился в земле, заполнявшей самую большую столбовую яму в северо-восточной части раскопа, другой среди камней от разрушенного очага в юго-восточной части раскопа. Очевидно, жернов был разбит еще до сооружения постройки. По размерам он был несколько меньше тушемлинского — его диаметр составлял 30–35 см»¹⁰. Из двух экземпляров по крайней мере тушемлинский сохранился во фрагментах в коллекции Смоленского музея, и его изучение могло бы прояснить спорную атрибуцию этого предмета. Однако имеющихся данных недостаточно для того, чтобы уверенно отождествить эти находки с жерновами I группы по Р.С. Минасяну и считать это аргументом поздней даты верхнего слоя Тушемли, тем более что сама эта позд-

¹ Третьяков П.Н. Древние городища... С. 17, 33, 59, 70.

² Там же. С. 107, 112.

³ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л.: Наука, 1966. С. 275. Он же. У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970. С. 63.

⁴ Шмидт Е.А. О тушемлинской культуре IV–VII веков в верхнем Поднепровье и Подвинье // *Iš baltų kultūros istorijos*. Vilnius, 2000. С. 113–121. Он же. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003. С. 141.

⁵ Русанова И.П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. М., 1968. С. 145; Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. С. 45.

⁶ Напр.: Еремеев И.И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 548.

⁷ В другом случае он назван нижним камнем (Третьяков П.Н. Древние городища... С. 16).

⁸ Третьяков П.Н. Древние городища... С. 67, 68: фото жернова в обломках.

⁹ Третьяков П.Н. Дневник раскопок городища Тушемля 1956 г. // *РО НА ИИМК РАН*. Ф. 35. Оп. 1. Е.х. 91/1956. С. 12.

¹⁰ Третьяков П.Н. Древние городища... С. 101.

няя дата по Третьякову и послужила Р.С. Минасяну одним из оснований его хронологии распространения жерновых поставов¹.

Форма серпа, вопреки П.Н. Третьякову и Е.А. Шмидту², если и может считаться «развитой», то хронологическим основанием поздней даты не является. Аналогичный серп был найден, например, в верхнем слое (не позже III в. н.э.) городища днепро-двинской культуры Новые Батеки³. Судя по перечню памятников, где найдены такие серпы (вариант Д группы I по Минасяну), основным периодом их бытования следует признать 2-ю и 3-ю четверти I тыс. н.э., а не все I тыс., как указано в публикации⁴. Вероятно, основанием поздней даты здесь также послужила датировка верхнего слоя Тушемли по Третьякову. Таким образом, ссылки Е.А. Шмидта на разработки Р.С. Минасяна при хронологическом определении верхнего слоя Тушемли некорректны, поскольку сами эти разработки опирались на датировку (по сути дела интуитивную) этого же комплекса П.Н. Третьяковым.

В составе керамического комплекса некоторые основания для датировки дают только отдельные экземпляры. Лошенная миска (рис. 3, 1)⁵ имеет аналогии, хотя и не буквальные, в мощинской и позднедьяковской культурах⁶, причем в материалах последней эту группу керамики Н.А. Кренке характеризует как «керамический стиль мощинского круга» и датирует IV–V вв. н.э.⁷ Характерно, что в поздних мощинских материалах 3-й четверти I тыс. этот тип мисок (тип IV по Воронцову) не отмечен⁸. Крупный толстостенный сосуд-зерновик с ребром (рис. 3, 3) и прямыми стенками находит аналогии в киевской культуре⁹, хотя столь стройные пропорции данного типа для последней не характерны.

Основываясь на аналогиях керамики, следует предполагать более раннюю дату комплекса верхнего слоя Тушемли, чем это делается традиционно, а именно (учитывая некоторые изменения форм по сравнению с прототипами) приблизительно V в. н.э.

Таким образом, радиоуглеродная дата ГИН-5116, возможно, находит соответствие в археологической датировке комплекса, и это позволяет обратиться к сопоставлению комплекса Тушемли с материалами некоторых синхронных памятников. Весьма близкие радиоуглеродные даты получены, в частности, для двух известных городищ — Демидовка (верхний слой) в Смоленском Поднепровье и Городок на Маяте (нижний горизонт укреплений) в Приильменье (табл. 1). Если для Демидовки это также одиночная дата¹⁰, то для Городка было проведено серийное и весьма результативное датирование всех основных горизонтов, показавшее хорошее совпадение дат в пределах целого ряда горизонтов и ком-

¹ Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) // СА. М.: Наука, 1978. № 3. С. 110.

² Третьяков П.Н. Древние городища... С. 70; Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье... С. 141.

³ Шмидт Е.А. Городище у д. Новые Батеки // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 167, 168, 175.

⁴ Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 19. Л.: Аврора, 1978. С. 77, 79, 83.

⁵ Третьяков П.Н. Древние городища... Рис. 29: 11 (фото).

⁶ Кренке Н.А., Лопатин Н.В. Петрографическое изучение керамики городищ Дьяково и Тушемля // РА. № 1. М.: ИА РАН, 1997. С. 63. Рис. 2; Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2013. С. 98. Рис. 18: 1, 2.

⁷ Кренке Н.А. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17). М.: ИА РАН, 2016. С. 282.

⁸ Воронцов А.М. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17). М.: ИА РАН, 2016. С. 226.

⁹ Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Lublin, 2004. Рис. 35: 7; 54: 14, 21; 55: 14.

¹⁰ Семенцов А.А., Долуханов П.М., Романова Е.Н. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968–1969 гг.) // СА. М.: Наука, 1972. № 3. С. 214.

Таблица 1

Памятник	Лаб. № образца	Возраст 14С, ВС	Калиброванная дата, AD, 1σ (%)	Калиброванная дата, AD, 2σ (%)
Тушемля	ГИН-5116	1580 ± 70	410–570 (68,2)	260–280 (1,0) 330–640 (94,4)
Демидовка	ЛЕ-727	1570 ± 60	420–560 (68,2)	380–640 (95,4)
Городок на Маяте	ЛЕ-7590, 91, 93, 94, 8228, 29 (Combine)	1550 ± 12	430–520 (56,4) 530–550 (11,8)	430–560 (95,4)

плексов (см. выше). Для обоих памятников выявлено также совпадение радиоуглеродных и археологических датировок для периода V–первой половины VI в.¹

Перечисленные городища, предположительно синхронные для середины I тыс. н.э. – Тушемля, Демидовка и Городок на Маяте, – имеют как общие, так и особенные черты. Анализ оборонительных сооружений показал, что на всех трех памятниках они однотипны – наборные стены столбовой конструкции в сочетании с эскарпами². Керамические комплексы содержат как груболепную (рис. 2; 3, 3), так и лощеную (или выглаженную) посуду, причём к лощенной относятся не только миски (рис. 3, 1, 5, 6), но и крупные горшки (рис. 3, 2, 4, 7)³. Данное сходство керамических наборов следует считать функциональным, то есть отражающим характер использования типов посуды в быту, что является дополнительным аргументом в пользу сближения и синхронизации этих памятников.

В то же время заметно различаются конкретные формы. Хорошие параллели имеют только некоторые типы грубой кухонной керамики (рис. 2, 1–4, 6, 8, 10, 11). Лощенные сосуды на каждом памятнике демонстрируют собственную стилистику: на Тушемле – это керамика с уступом, на Демидовке – с валикообразным ребром, на Городке – с заостренным ребром и вогнутым профилем верхней части сосуда.

По-видимому, разнообразные варианты оформления керамики в рамках функционально сходных наборов посуды являются признаком данной «турбулентной эпохи», когда в миграционное движение были вовлечены и перемешивались коллективы с разными культурными традициями, развивавшимися на фоне общего хозяйственно-бытового уклада. И.И. Еремеев намечает траекторию движения населения в Приильмень в середине I тыс. н.э. из белорусско-псковского Подвинья, опираясь, в частности, на наше с А.Г. Фурасьевым обобщение древностей круга Заозерье-Узмень⁴. На этом фоне материалы городищ Тушемля и Демидовка выглядят как две особые ветви большого дерева культурных традиций, локализованные несколько в стороне от «культурного коридора», исследованного И.И. Еремеевым.

Высказанные здесь предположения о культурно-хронологической атрибуции верхнего слоя Тушемли, включая и одиночную радиоуглеродную дату, и анализ находок, пока не обладают достаточной доказательностью. К загадкам этого комплекса мне довелось обратиться более 30 лет назад⁵. За прошедшие годы для ряда типов керамики из его состава

¹ Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье... С. 138–141; Фурасьев А.Г. О времени и обстоятельствах гибели городища Демидовка в верховьях Днепра // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской: Материалы. СПб.: Староладожский музей-заповедник, 1996. С. 4–6; Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 8). М.: ИА РАН, 2007. С. 63; Еремеев И.И. Очерки... С. 77.

² Еремеев И.И. Очерки... С. 136–138, 153.

³ Благодарю Е.А. Шмидта за разрешение работать с материалами городища Демидовка.

⁴ Еремеев И.И. Очерки... С. 402; Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи....

⁵ Лопатин Н.В. Керамика культуры типа Тушемли-Банцеровщины // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов... Псков, 1985. Он же. Спорные вопросы интерпретации городища Тушемля // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов... Боровск, 1988.

так и не удалось найти хорошие аналогии (особенно это касается лощеных горшков). Возможно, эти формы керамики являются местной новацией на основе смешения и переработки разнородных гончарных традиций.

Nikolay V. Lopatin

Some notes on the upper layer of hillfort Tushemlya

Abstract. The article substantiates an early dating of the upper layer of the hillfort Tushemlya – the middle of the 1st Millennium AD. The similarities of pottery in materials of Moschino, Late Diakovo and Kiev archaeological cultures are indicated. The possibility of use of sickle and millstone found in the upper layer as chronological indicators of later times is rejected. The complex is compared with simultaneous hillforts – Demidovka and Gorodok on Mayata.

Keywords: Tushemlya, hand-made pottery, radiocarbon dates, migration, mixing of traditions.

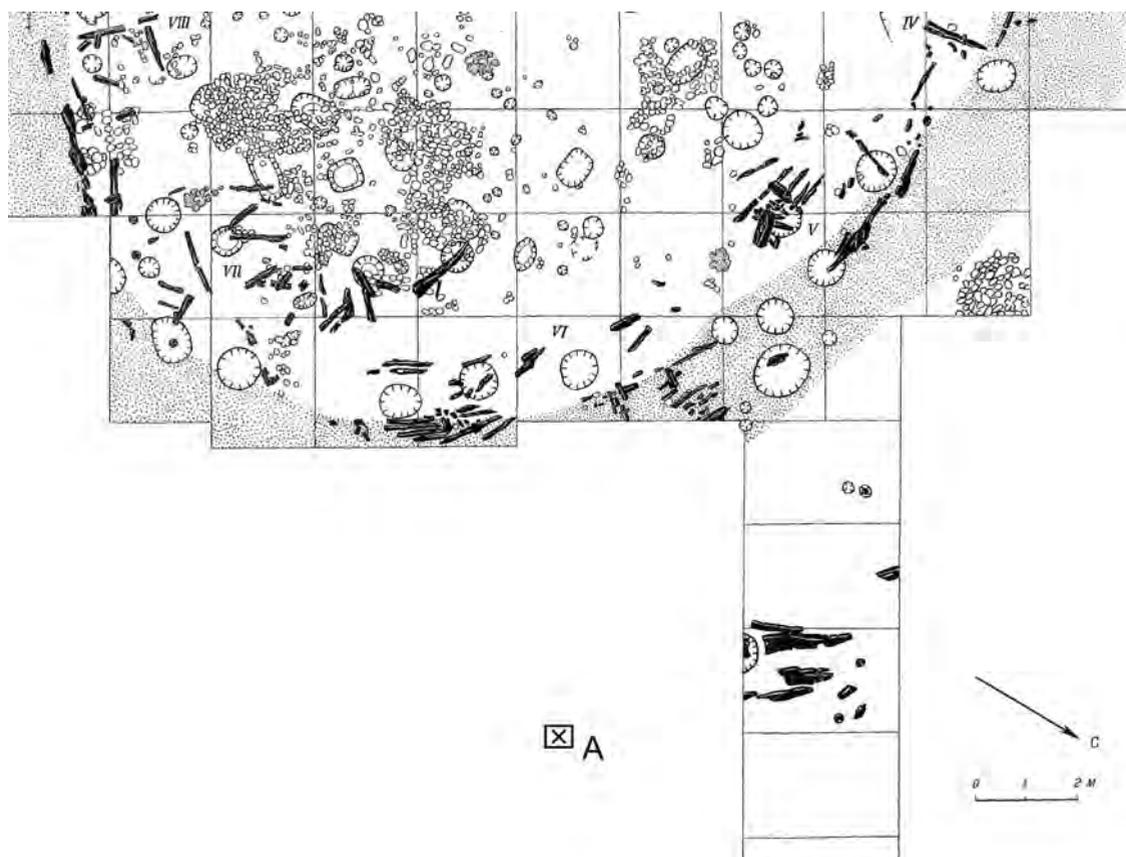

Рис. 1. Городище Тушемля. Фрагмент плана сооружений верхнего слоя (по П.Н. Третьякову) с указанием приблизительного места находки образца угля в 1986 г. (А)

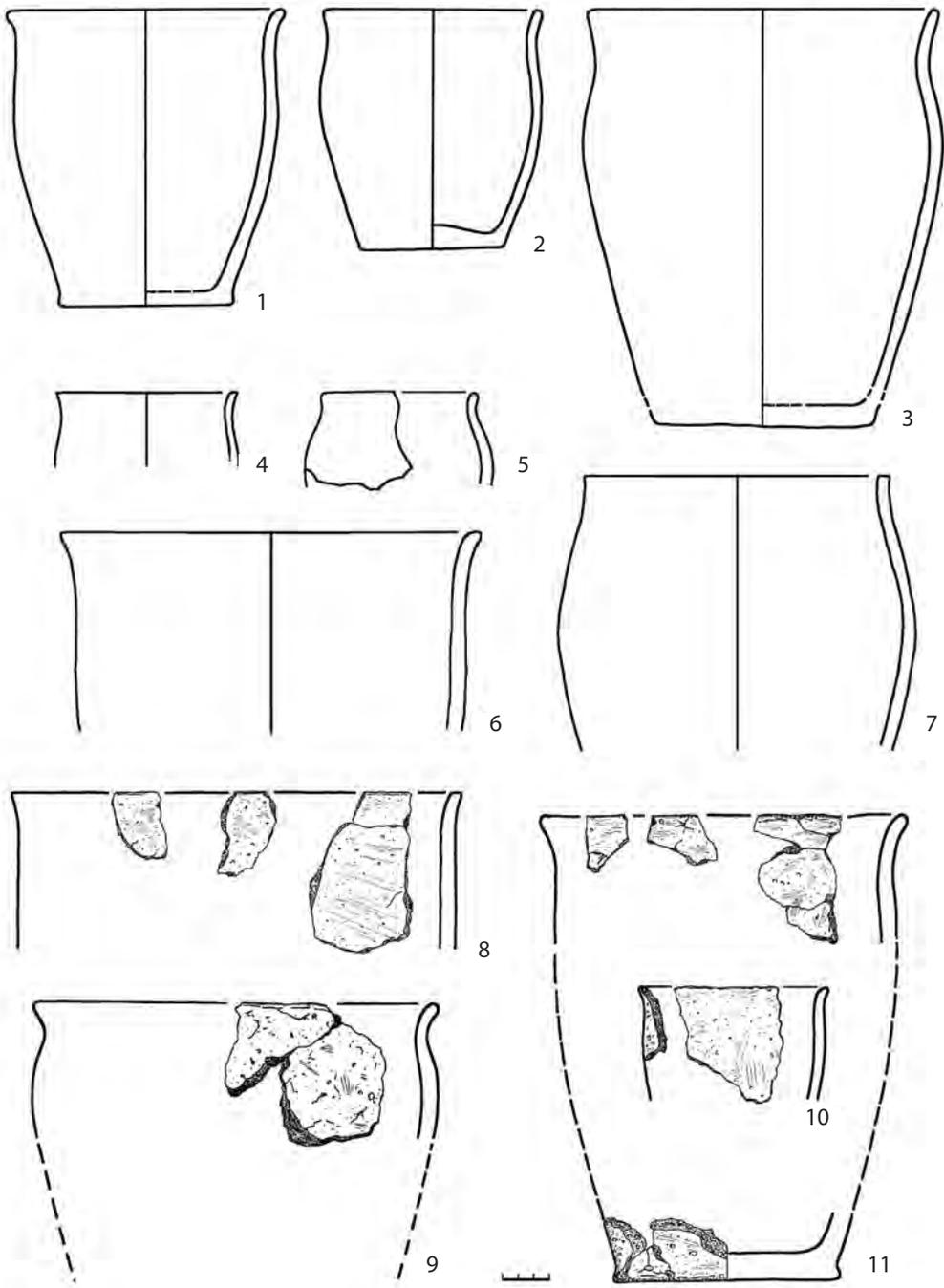

Рис. 2. Груболопная керамика

1–3 – Тушемля, верхний слой; 4–7 – Демидовка, верхний слой (все – рис. автора);
8–11 – Городок на Маяте, нижний горизонт укреплений (по И.И. Еремееву)

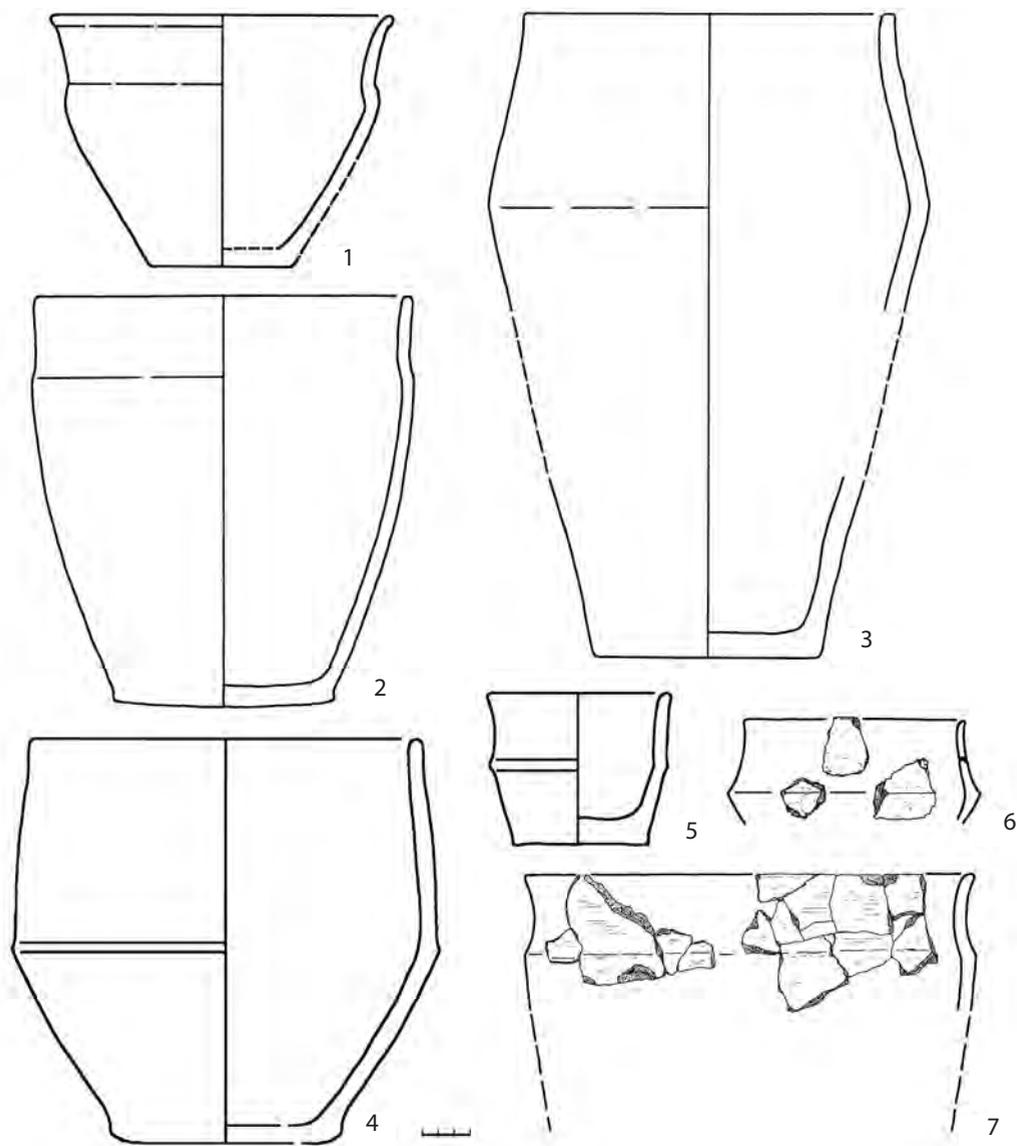

Рис. 3. Лепная керамика: лощеная и выглаженная (1, 2, 4–7), грубая (3)

1–3 – Тушемля; 4, 5 – Демидовка (все – рис. автора); 6, 7 – Городок на Маяте (по И.И. Еремееву)

Столярова Е.К., Миненко В.В.

Стекланные изделия из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска

Аннотация. Статья посвящена предметам из стекла, найденным в 2005 г. в ходе спасательных археологических раскопок экспедиции ИА РАН под руководством В.В. Миненко в правобережной части Смоленска, в западной части т.н. Заднепровского посада. Основную часть коллекции (95,5 %) составляют предметы XII–XIII вв. (браслеты, бусины, перстни, сосуды), остальные (бусины, сосуды, оконные стекла) относятся к Новому времени. Изучение изделий домонгольского времени, две трети которых происходят из засыпки подклета несохранившейся наземной постройки (яма 5), позволяет рассматривать их как единую партию товара, привезенную в Смоленск из одного центра, возможно, из Киева в последней четверти XII–первой четверти XIII вв. по Днепровскому торговому пути. Основная их часть, главным образом, браслеты, была предназначена для дальнейшей транспортировки в другие города Древней Руси, в том числе и в западные земли.

Ключевые слова. Смоленск, Заднепровский посад, правобережная часть Смоленска, стеклянные браслеты, стеклянные бусины, перстни и сосуды, оконные стекла, домонгольский период, древнерусское стеклоделие, киевская школа стеклоделия, свинцово-кремнеземное стекло, византийские браслеты, Днепровский торговый путь, стеклянные изделия Нового времени.

В 2005 г. сотрудниками отдела охранных раскопок ИА РАН (с 2016 г. отдел сохранения археологического наследия) под руководством В.В. Миненко проводились спасательные археологические раскопки на участке исторического культурного слоя правобережной части Смоленска, расположенном между ул. Желябова и ул. Кашена, на общей площади 820 кв. м. (рис. 1).

Исследования проводились в западной части т.н. Заднепровского посада Смоленска, в 385 м к юго-востоку от церкви Петра и Павла (1146 г.), к югу от древней Петропавловской улицы (рис. 2). В ходе исследований были выявлены и изучены участки культурного слоя, начало отложения которого относится к XII в. Всего в результате проведенных работ было обнаружено и исследовано 274 археологических объекта – ям и сооружений различной формы, глубины и назначения, относящихся к XII–XIII вв. и XVI–XVII вв. В ходе работ собрана представительная коллекция археологического материала, включающая около 20000 фрагментов круговой керамики и 1800 индивидуальных находок – изделий из черного и цветного металлов, стекла, камня, глины и кости, представляющих собой предметы быта и повседневного труда, ремесленный инвентарь, украшения, нумизматический и сфрагистический материал, оружие, снаряжение всадника и верхового коня и другое.

Значительный процент находок коллекции принадлежит изделиям из стекла. Всего в ходе работ был найден 201 стеклянный предмет, среди которых основную массу, как это обычно бывает при раскопках древнерусских городов, составляют браслеты (88 %; 177 фрагментов). Кроме того, обнаружено 15 бусин, фрагменты двух перстней и четырех сосудов, две оконницы и предмет неизвестного назначения.

Среди стеклянных *браслетов* (177 экз.) присутствуют украшения нескольких форм (табл. 1). Преобладающими являются браслеты с розеткой в сечении, подвергнутые кручению (так называемые крученые) (69,5 %; 123 экз.) (рис. 3: 1–5, 7, 8, 11, 13, 15–17, 19–22; рис. 4: 24, 26–32, 34, 36, 38, 39, 42, 44; рис. 5: 46–51, 54–56, 58, 60–64). Среди них больше всего с числом ребер от 5 до 9 – среднекрученых (57,7 %; 71 экз.), почти в два раза меньше мелкокрученых с числом ребер от 10 до 21 (33,3 %; 41 экз.). Браслетов крупного кручения с числом ребер от 2 до 4 всего 3 экз. (2,4 %). На втором месте – браслеты круглые в сечении, изготовленные вытягиванием (так называемые гладкие) (26,6 %; 47 экз.) (рис. 3: 6, 9, 12, 14, 23; рис. 4: 25, 35, 37, 40, 41, 43; рис. 5: 52, 59, 65–67). Браслеты остальных форм единичны. Среди них три браслета полуовального сечения, выполненные навивкой (рис. 3: 10; рис. 4: 33; рис. 5: 57). Также сделан один браслет треугольного сечения (рис. 4: 45).

Таблица 1. Формы и цвета стеклянных браслетов из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска (%).

Браслеты (177 экз.)		
Форма	«Крученые»	69,5
	среднекрученые	57,7
	мелкокрученые	33,3
	крупнокрученые	2,4
	«Гладкие»	26,6
	Полуовальные навитые	1,6
	Граненые навитые	0,6
	Рифленые	1,1
	«Витые»	0,6
Цвет	Оливковый	31,1
	Синий	20,3
	Бежевый	14,1
	Фиолетовый	10,7
	Желто-зеленый	6,8
	Бирюзовый	5,6
	Сине-зеленый	4
	Сине-фиолетовый	2,8
	Коричневый	0,6
Желтый	0,6	

Два браслета с розеткой в сечении, выполненные вытягиванием (так называемый рифленные) (рис. 5: 53), и еще один также с розеткой в сечении, полученный перекручиванием 4-х сваренных пучком дров (так называемый витой) (рис. 3: 18). Таким образом, наиболее многочисленны, как это обычно бывает в древнерусских городах, браслеты двух групп: «крученые» и «гладкие». При этом, как правило, эти группы количественно близки друг другу. В нашем же случае «крученые» браслеты составляют чуть больше двух третей, а «гладкие» — немногим более четверти. Такое же соотношение характеризует браслеты Друцка и Волковыска (рис. 6)¹.

Браслеты изготовлены из стекла девяти цветов (табл. 1). Среди них наиболее многочисленными являются оливковые (31,1 %; 55 экз.) и синие браслеты (20,3 %; 36 экз.). Много бежевых (14,1 %; 25 экз.) и фиолетовых (10,7 %; 19 экз.), меньше желто-зеленых (6,8 %; 12 экз.), бирюзовых (5,6 %; 10 экз.) и сине-зеленых (4 %; 7 экз.). Единичны браслеты сине-фиолетового (2,8 %; 5 экз.), коричневого (0,6 %; 1 экз.) и желтого (0,6 %; 1 экз.) цветов. Цветовая гамма смоленских браслетов довольно своеобразна: в ней практически отсутствуют браслеты из коричневого стекла, которые в большинстве древнерусских городов составляют значимую часть.

Однако вместо них из группы коричневых присутствуют оливковые и бежевые браслеты. Рассматривая соотношение цветов браслетов, можно отметить еще одну особенность — большое количество синих браслетов, что в других городах Древней Руси встречается крайне редко. В целом, данное соотношение цветов исследованных браслетов совершенно не похоже на опубликованные ранее смоленские материалы, происходящие из левобережной части города, но находит параллели среди браслетов Минска, Новогрудка и Волковыска (рис. 7)².

Размеры браслетов стандартны: почти половина украшений имеет внутренний диаметр обруча 6 см (46,9 %; 83 экз.), значительно меньше — 5 см (15,8 %; 28 экз.), браслетов с диаметром 4 и 7 см совсем немного (5,7 %; 10 экз. и 2,8 %; 5 экз.), почти у трети браслетов этот параметр не определен (28,8 %; 51 экз.). Такое распределение браслетов по внутреннему диаметру обруча в целом совпадает с таковым из других древнерусских памятников, где также, как и в нашем случае чаще всего встречаются браслеты с диаметром 5–6 см³. Но

¹ Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ, 1972. С. 105. Табл. 10; Зверуго Я.Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Мн.: Наука и техника, 1975. С. 76, 77. Табл. 4, 5.

² Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 136. Табл. 22. С. 166. Табл. 30; Зверуго, 1975. Ук. соч. С. 76.

³ Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 161; Столярова Е.К. Предварительные итоги изучения стеклянных предметов из раскопок в Дмитровском кремле // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 1. М.: ИА РАН, 2002. С. 173; Столярова Е.К. Стеклянные украшения средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция: сб. статей / Ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник; Музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2006. С. 310.

среди смоленских браслетов отсутствуют украшения с диаметром 3 см и несколько превышено количество браслетов диаметром 4 см, которых обычно не бывает более 3–4 %¹.

Декорировано 23 браслета (13 %). Чаще всего обручи браслетов перевивает одна (12 экз.) или две (9 экз.) наложенные вгорячую нити, причем для двукратного перевитья может быть использовано стекло одного (3 экз.) или разных цветов (2 экз.). Для однотонного декора чаще использовали желтое стекло (8 экз.) (рис. 4: 43; рис. 5: 59), реже – красно-коричневое (1 экз.) и белое (1 экз.), для двуцветного – сочетания желтого и красно-коричневого (2 экз.) (рис. 4: 37, 40). Перевитьем декорированы, главным образом, оливковые браслеты (9 экз.), также есть бежевые (2 экз.), желто-зеленые и сине-зеленые (по одному экз.). Заметим, что на некоторых браслетах оливкового (4 экз.), синего (3 экз.) и желто-зеленого (2 экз.) цветов нить перевитья не сохранилась (9 экз.), от нее остался только след в виде вогнутой спирали, поэтому определить цвет декора невозможно. Интересно, что все синие декорированные браслеты утратили перевитье. Чаще декорированы «гладкие» браслеты (15 экз.), на них наложена как одна нить (6 экз.), так и две (9 экз.). «Крученые» (6 экз.) же украшает только одна нить перевитья.

Небольшую группу образуют два «гладких» браслета с декорированным «замком» – местом крепления концов браслета (рис. 3: 9; рис. 4: 25). Декор выполнен вгорячую с помощью инструмента, вероятно, пинцета, которым по бокам «замка» сделаны вдавления, в результате которых на поверхности остались два узких вогнутых овала. Один такой браслет сине-фиолетовый, другой – бежевый. Подобные же украшения найдены в Тмутаракани в слоях XIII в.² и в Московском Кремле³, еще одна находка, к сожалению, беспаспортная, хранится в фондах Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль»⁴. В первом случае браслет коричневый, московский и ростовский – сине-фиолетовые.

Изучен химический состав 49 браслетов⁵. Оказалось, что большая их часть (41 экз.) изготовлена из стекла класса $K_2O-PbO-SiO_2$, который относят к древнерусскому, возможно, киевскому производству (табл. 2, ан. 875–14, 15, 17, 19, 20, 22–35, 37, 38, 40–47, 51, 52; 878–21–31)⁶. Остальные браслеты (8 экз.) сделаны из стекол классов $Na_2O-CaO-SiO_2$ (табл. 2, ан. 875–16, 18, 21, 48) и Na_2O-SiO_2 (табл. 2, ан. 875–36, 39, 49, 50). Предположительно, браслеты таких составов изготавливались в Византии. Интересно, что среди них не только браслеты сине-фиолетового цвета, окрашенные окисью кобальта (табл. 2, ан. 875–18, 39, 48, 49, 50), но и бежевые, красителем для которых служила, возможно, окись железа (табл. 2, ан. 875–16, 21, 36). Исследование химического состава стеклянных находок показало полное отсутствие браслетов состава $PbO-SiO_2$, изготовление которого для получения глазурей и браслетов предполагают в Смоленске⁷.

Бусин найдено 15 экз. (рис. 8). Десять округлых шаровидных или яйцевидных усеченных дважды (т.н. зонные), из них одна сдвоенная (рис. 8: 1, 2, 5–10, 12, 14). Пять бусин этой формы сделано навивкой из черного непрозрачного на вид стекла (рис. 8: 1, 5, 6, 8, 10). Две

¹ Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 161; Столярова Е.К. Предварительные итоги... С. 173; Столярова Е.К. Стекланные украшения... С. 310; Столярова Е.К. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV веков. М.: РГГУ, 2016. С. 21–22. Рис. 5.

² Шапова Ю.Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: АН СССР, 1963. С. 106–107. Рис. 2, 8.

³ Столярова Е.К. Стекло средневековой Москвы. Цв. вкл. Рис. 2, 1.

⁴ КП – 16469/111, инв. № А-165/111.

⁵ Химический состав стекол исследован с помощью оптико-эмиссионного спектрального анализа в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) аналитиком А.Н. Егорьковым.

⁶ Безбородов М.А. Стеклоделие в Древней Руси. Мн.: АН БССР, 1956. С. 189, 264; Безбородов М.А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Мн.: Наука и техника, 1969. С. 161; Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 185.

⁷ Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 136–142.

из них относятся к группе малых (диаметр тулова не больше 0,8 см) (рис. 8: 6, 10), три — к группе средних (от 0,9 до 1,7 см) (рис. 8: 1, 5, 8). Одна из средних бусин украшена беспорядочно расположенными накладными пятнами желтого цвета (рис. 8: 8).

Черные «зонные» бусы без декора были довольно распространены на территории Древней Руси в домонгольское время. Например, такая бусина была обнаружена при раскопках в Московском Кремле около здания Оружейной палаты¹.

Черная бусина с пятнистым декором — также часто встречающаяся находка. Подобные типы бус обнаруживаются на древнерусских памятниках, например, во Владимире, в комплексе второй половины XII—первой половины XIII в.², в Переславле-Залесском³, в погребениях подмосковных курганных могильников Мякинино (вторая половина XII в.)⁴ и Дарьино⁵. Есть такие же находки и на болгарских селищах (VI Рождественском селище, Мурзихинском, Лаишевском)⁶. Изучен состав некоторых из этих бус: они изготовлены из стекла класса PbO—SiO₂ с присутствием небольшого количества окиси калия, что, по нашему мнению, является признаком древнерусского изготовления⁷.

Еще три т.н. зонные бусины (одна шаровидная усеченная дважды (рис. 8: 2), две — яйцевидные усеченные дважды (рис. 8: 7, 9)) сделаны индивидуальной навивкой из бледно-желтого прозрачного (рис. 8: 9) и фиолетового прозрачного стекла (рис. 8: 2, 7). Такие стекла по состоянию сохранности (наличию кракелюра) могут быть отнесены к калиево-свинцово-кремнеземному классу, производившемуся в Киеве в домонгольское время. По размеру относятся к группе малых.

Оставшиеся две т.н. зонные бусины (одна шаровидная усеченная дважды двоякая (рис. 8: 14), другая — яйцевидная усеченная дважды (рис. 8: 12)), по-видимому, должны быть датированы Новым временем, поскольку изготовлены из оранжево-желтого и красно-коричневого прозрачного стекла. Бусы из оранжево-желтого стекла производились, начиная с XVII в., на стекольных фабриках Амстердама. Ван дер Слин, описывая бусы голландского производства, называет цвет такого стекла янтарным⁸. Прозрачное красно-коричневое стекло, из которого сделана вторая бусина, является «медным рубином», которое в эпоху Средневековья практически не встречается. Обе бусины выполнены навивкой и относятся к группе средних.

Одна бусина имеет округлую биконическую усеченную дважды форму со сглаженным ребром (рис. 8: 3). Она изготовлена из синего прозрачного стекла при помощи индивидуальной навивки и обкатки. Бусы подобной формы со сглаженным ребром, но из бледно-желтого стекла, известны из погребения второй половины XII—начала XIII вв. из

¹ Столярова Е.К. Стекло средневековой Москвы. С. 227. Цв. вкл. рис. 14, 4.

² Зеленцова О.В., Кузина И.Н. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 году // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 133, 135.

³ Благодарим автора раскопок В.А. Зейфера за предоставленный для изучения неопубликованный материал.

⁴ Столярова Е.К. Стекланные бусы Мякининской курганной группы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 4. С. 54. Рис. 5: 2; Захарова Е.П. Мякининские курганы: планиграфия и хронология // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 4. С. 45.

⁵ Благодарим автора раскопок А.М. Фатькова за предоставленный для изучения неопубликованный материал.

⁶ Столярова Е.К. Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань, 2005. С. 43–66.

⁷ Столярова Е.К., Журухина Е.Ю. Находка стеклнного слитка из Киева // КСИА. Вып. 232. 2014. С. 199.

⁸ Sleen W.G.N. van der. A Handbook on Beads. Liege: Librairie Halbart, 1973. P. 108–110.

Мякининского курганного могильника¹. Бусина кольцевидной формы из сине-зеленого прозрачного стекла выполнена индивидуальной навивкой (рис. 8: 13). Обе бусины относятся к группе малых. Такие стекла по состоянию сохранности (наличию кракелюра) могут быть отнесены к калиево-свинцово-кремнеземному классу, производившемуся в Киеве в домонгольское время.

Две бусины правильной округлой шаровидной формы с диаметром тулова 0,8 см из белого полупрозрачного стекла сделаны литьем в многочастную форму. Последняя бусина — округлая цилиндрическая с диаметром тулова 0,5 см сделана из литой сине-фиолетовой трубочки, разрезанной на части и подвергнутой огневой полировке. Эти бусины, по-видимому, относятся к XVIII—XIX вв.

Перстни представлены двумя фрагментами обручей, имеющих в поперечном сечении круг с небольшим усечением (рис. 5: 68, 69). Обручи выполнены, предположительно, вытягиванием из стекла желто-зеленого цвета. Изучение химического состава стекла одного из них показало, что оно относится к классу $PbO-SiO_2$ с примесью окиси калия (2,2 %) (табл. 2, ан. 875—13). Стекло такого состава можно уверенно относить к древнерусскому стекловарению. Обнаруженный перстень, вероятно, изготовлен в Киеве или в другом центре, одновременно производившем и бесщелочное свинцовое, и калиево-свинцовое стекло.

Из четырех найденных фрагментов *сосудов* один является частью округлого конического поддона диаметром 4 см и высотой 0,9 см, принадлежащего кубку или бокалу из желтоватого прозрачного стекла (рис. 9: 2). Это одна из самых распространенных форм древнерусской посуды, особенно в южнорусских городах. Например, в Вышгороде такие кубки составляют две трети всех находок стеклянных сосудов. Исключением являются новгородские находки, среди которых изделия этой группы составляют менее 10 %².

Такие сосуды появляются с 30-х годов XII в. Кубки на поддоне есть в Киеве, но, к сожалению, не имеют точной даты. Аналогичные находки с городища Слободка происходят из слоев XII в. Таким же временем датируются сосуды этой формы из Болгара. Аналогичный поддон происходит из Владимира, где он обнаружен в комплексе второй половины XII—первой половины XIII вв. Подобная посуда из Турова есть в слоях первой половины XIII в. Такой же кубок на поддоне найден в Тмутаракани в слое XIII в.³ Проведенный анализ химического состава стекла сосуда показал, что оно относится к классу $K_2O-PbO-SiO_2$ (табл. 2, ан. 875—47) древнерусского, возможно, киевского производства⁴.

От другого сосуда сохранился фрагмент его верхней части с наклонным наружу венчиком и выпуклым, асимметричным снаружи краем (рис. 9: 1). Диаметр края сосуда — 8,5 см, толщина — 0,1 см. Желтоватый цвет стекла и характерный кракелюр говорят о его принадлежности древнерусскому (киевскому) производству. Судя по диаметру края и углу наклона венчика этот фрагмент мог принадлежать широко открытому сосуду — лампе — сосуду конической формы на ножке без подножки. Такие сосуды есть во многих древнерусских городах, однако нигде они не являются преобладающими за исключением изделий из Новгорода: здесь эта форма составляет треть от всех находок сосудов. Лампы

¹ Столярова Е.К. Стекланные бусы... С. 58. Рис. 11, 2; Захарова Е.П. Мякининские курганы... С. 46.

² Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 36, 58.

³ Полубояринова М.Д. Стекланная посуда древнего Турова // СА. № 4. М.: Наука, 1963б. С. 234. Рис. 1, 2; Полубояринова М.Д. Изделия из стекла городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка. М.: Наука, 1987. С. 162—168; Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 204, 211; Шапова Ю.Л. Стекланные изделия... С. 123; Шапова Ю.Л. Стекланные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117. Новые методы в археологии. Труды новгородской археологической экспедиции. Т. III. М.: АН СССР, 1963. С. 122; Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 32; Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Некоторые итоги... С. 133—135.

⁴ Безбородов М.А. Стеклоделие в Древней Руси. С. 189, 264; Химия и технология... С. 161; Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 185.

Таблица 2. Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стеклянных изделий из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска

Шифр лаборат.	875-13	875-14	875-15	875-16	875-17	875-18	875-19	875-20	875-21	875-22	875-23	875-24	875-25	875-26	875-27	875-28
Предмет	пер-стень	браслет														
Цвет	жел-зел	синий	бежев	бежев	бежев	сине-ф	оливк	бежев	бежев	оливк	оливк	бежев	оливк	бежев	бежев	бежев
SiO ₂		осн.		осн.												
Na ₂ O	0,06	0,2	0,1	17	0,07	0,06	16	0,2	0,09	0,2	0,08	0,1	0,1	0,1	0,1	0,3
K ₂ O	2,2	7,9	9,6	3,2	8,5	9,2	5,1	13	10	14	11	13	13	13	9,0	8,0
CaO	0,6	1,0	1,6	3,8	0,8	1,1	14	0,7	0,8	1,1	0,7	0,8	0,8	0,8	0,3	0,5
MgO	0,1	0,2	0,4	3,1	0,1	0,2	4,2	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1
Al ₂ O ₃	0,2	0,6	1,4	3,8	0,3	0,7	4,5	0,4	0,4	0,7	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3
Fe ₂ O ₃	0,09	0,1	3,2	0,2	0,6	2,5	0,4	1,0	1,0	0,8	2,0	2,4	2,4	2,4	1,0	0,8
MnO	–	0,6	0,03	–	0,07	–	0,1	0,3	0,02	0,03	0,02	0,03	0,02	0,03	0,04	0,04
TiO ₂	0,01	0,1	0,2	0,2	0,1	0,2	0,4	0,05	0,04	0,1	0,05	0,09	0,05	0,09	0,05	0,1
PbO	69	19	20	–	17	17	–	17	18	28	22	25	25	25	40	32
SnO ₂	0,03	0,01	0,03	–	0,03	0,01	–	0,01	0,01	0,01	–	0,01	–	0,01	–	–
CuO	1,0	0,3	–	–	0,05	–	–	0,1	0,03	–	–	–	–	–	0,05	0,02
CoO	–	–	–	–	0,02	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Sb ₂ O ₅	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ag ₂ O	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
NiO	–	–	0,02	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Продолжение табл. 2.

Шифр лаборат.	875-29	875-30	875-31	875-32	875-33	875-34	875-35	875-36	875-37	875-38	875-39	875-40	875-41	875-42	875-43	875-44
Предмет	браслет															
Цвет	бежев	бежев	бежев	синий	бежев	синий	жел-зел	бежев	оливк	бежев	син-ф	бирюз	бежев	фиолет	бежев	оливк
SiO ₂	осн.			осн.	осн.											
Na ₂ O	0,1	0,1	0,07	0,1	0,1	0,2	0,1	16	0,05	0,08	18	0,2	0,4	0,4	0,2	0,09
K ₂ O	11	7,0	10	11	12	10	7,0	3,0	4,3	7,8	2,8	8,8	12	7,6	11	8,1
CaO	1,1	0,5	1,0	1,6	0,7	1,0	0,9	2,4	0,8	0,9	2,5	0,9	1,4	0,8	0,8	0,8
MgO	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	1,3	0,1	0,2	2,2	0,1	0,7	0,3	0,2	0,2
Al ₂ O ₃	0,7	0,3	0,6	0,3	0,5	0,7	0,5	1,3	0,3	0,5	2,0	0,3	0,8	0,6	0,5	0,5
Fe ₂ O ₃	1,7	0,7	1,9	1,2	3,0	0,7	1,4	0,6	0,3	2,0	0,6	0,3	1,6	1,1	2,7	1,8
MnO	0,02	0,04	0,1	0,6	0,06	1,2	0,04	0,06	—	0,02	0,01	0,06	0,8	2,5	0,08	0,03
TiO ₂	0,1	0,1	0,3	0,1	0,2	0,1	0,5	0,2	0,09	0,1	0,3	0,2	0,2	0,04	0,2	0,06
PbO	25	31	19	26	16	36	20	—	20	24	—	38	42	41	33	38
SnO ₂	0,01	—	0,02	0,04	0,01	0,03	0,06	—	—	0,01	—	—	0,09	—	0,02	0,03
CuO	0,03	0,01	—	0,4	—	0,3	0,6	—	—	0,02	—	0,7	0,02	—	0,05	0,05
CoO	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,01	—	—	—	—	—
Sb ₂ O ₅	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ag ₂ O	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
NiO	—	—	—	—	—	—	0,01	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Продолжение табл. 2.

Шифр лаборат.	875-45	875-46	875-47	875-48	875-49	875-50	875-51	875-52	878-21	878-22	878-23	878-24	878-25	878-26	878-27	878-28
Предмет	браслет	браслет	сосуд	браслет												
Цвет	оливк	бежев	б/ц	сине-ф	сине-ф	сине-ф	сине-ф	оливк	оливк	оливк	жел-зел	синий	синий	бежев	оливк	оливк
SiO ₂	осн.	осн.		осн.												
Na ₂ O	0,1	0,09	0,1	19	18	17	0,05	0,07	0,2	0,3	0,1	0,1	0,5	0,4	0,2	0,09
K ₂ O	10	6,8	5,5	2,6	2,5	2,6	5,3	6,0	12	17	16	11	9,6	9,0	18	13
CaO	1,2	0,7	0,9	5,2	2,4	2,5	0,8	0,7	0,7	2,5	2,0	1,1	1,4	0,6	0,7	1,1
MgO	0,3	0,3	0,2	1,9	1,6	1,3	0,4	0,2	0,3	0,5	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3
Al ₂ O ₃	1,4	1,0	0,7	1,2	1,5	1,6	0,4	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,5	0,2	0,3	0,3
Fe ₂ O ₃	2,6	1,8	0,2	0,6	0,5	0,3	1,0	1,8	1,2	1,5	0,9	0,9	0,8	1,4	2,2	1,4
MnO	0,05	0,03	0,02	0,1	0,05	0,02	0,06	0,01	0,06	0,03	0,06	0,8	0,03	0,03	0,1	0,04
TiO ₂	0,2	0,08	0,01	0,1	0,2	0,1	0,05	0,01	0,4	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,5	0,2
PbO	20	24	50	—	0,2	—	28	26	28	44	20	18	37	26	26	17
SnO ₂	0,02	0,02	—	—	—	—	0,01	—	0,1	0,08	0,04	0,03	0,2	0,04	0,06	0,05
CuO	—	—	—	—	—	—	0,01	0,02	—	—	0,3	0,9	1,4	—	0,3	—
CoO	—	—	—	0,01	0,02	0,01	—	—	—	—	—	—	0,08	—	—	—
Sb ₂ O ₅	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ag ₂ O	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
NiO	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,02	—	—	—	—	0,04	—

появляются раньше других форм сосудов. Они найдены в Новгороде в слоях первой четверти XI в., известны они там и в первой четверти XIII в. Находки из Новогрудка имеют более узкую дату – вторая половина XII в. В Турове и Слободке эти сосуды происходят из слоев первой половины XIII в.¹ Фрагмент верхней части такого сосуда найден в Московском Кремле при строительстве Кремлевского Дворца съездов².

Еще один фрагмент представляет собой часть наклонного внутрь и отогнутого венчика, который принадлежал граненой бутылке (штофу) (рис. 9: 3). Венчик изготовлен выдуванием из почти бесцветного со слабым серо-голубым оттенком стекла и декорирован в технике венецианской филигрании – в виде чередующихся белых и красно-коричневых полос. Полосы представляют собой палочки из двуслойного стекла – непрозрачное стекло белого и красно-коричневого цвета покрывает основы из бесцветного прозрачного стекла. Палочки были наложены на заготовку сосуда, обкатаны до полного вдавливания в стенки заготовки и закручены по спирали. Сверху палочки закрыты тонким покровным слоем бесцветного прозрачного стекла, в результате чего декор оказался внутри стекло-массы. Изделия в подобной технике, главным образом сосуды, изготавливались в Венеции в период с XVI по XVIII вв.³ Кроме того, ее использовали итальянские мастера, работающие в Европе в венецианском стиле – стиле *façon de Venise*⁴.

Последний фрагмент является бутылочным клеймом (рис. 9: 4). Как свидетельствуют многочисленные аналогии, подобные клейма на бутылках чаще всего располагались в месте перехода тулова в горло⁵. Толщина стенки сосуда под клеймом – 0,2–0,3 см. Клеймо имеет плоскую овальную форму, ширину 2 см, длину 2,45 см, толщину 0,3–0,5 см. Бутылка, как и клеймо, выполнена из прозрачного серо-голубого стекла выдуванием, а клеймо сделано прессованием наложенной на бутылку по спирали порции стекла специальным штампом с надписью. Надпись расположена в две строки, читается плохо. В верхней строке видна прописная буква «Ф», обозначающая фабрику⁶, в нижней – строчная буква «м». Стекло покрыто радужной побежалостью (иризацией). Аналогии датируют эту находку I-й пол. XIX в.

Среди найденных *оконниц* одна имела плоскость геометрической, по-видимому, треугольной формы толщиной 0,25 см (рис. 10: 2), другая – фигурной (точнее не определяется) толщиной 0,2 см (рис. 10: 1). Края у обеих – острые граненые. Изготовлены оконницы из

Продолжение табл. 2.

Шифр лаборат.	878-29	878-30	878-31
Предмет	браслет	браслет	браслет
Цвет	синий	оливк	бежев
SiO ₂	осн.	осн.	осн.
Na ₂ O	0,2	0,1	0,1
K ₂ O	13	11	11
CaO	1,1	1,4	1,4
MgO	0,3	0,4	0,2
Al ₂ O ₃	0,1	0,2	0,3
Fe ₂ O ₃	0,6	1,2	1,2
MnO	2,0	0,02	0,03
TiO ₂	0,3	0,2	0,3
PbO	19	24	20
SnO ₂	0,04	0,03	0,03
CuO	1,0	–	–
CoO	–	–	–
Sb ₂ O ₅	–	–	–
Ag ₂ O	–	–	–
NiO	–	–	–

¹ Полубояринова М.Д. Стекланная посуда древнего Турова. С. 234; Изделия из стекла городища Слободка. С. 62–168; Шапова Ю.Л. Стекланнные изделия древнего Новгорода. С. 122; Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. С. 46, 55.

² Столярова Е.К. Стекло средневековой Москвы. С. 53.

³ Polak A. Glass. Its tradition and its makers. N.Y., 1975. P. 58.

⁴ Ibid. P. 70–79.

⁵ Кайсин А.О. Стекланнные сосуды Нового времени из раскопок в Казанском кремле (некоторые итоги изучения) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 301; Лихтер Ю.А. Стекланнные сосуды из раскопок 2015 года в Черниговском переулке (Москва) Археология Подмоскoвья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 13. С. 287.

⁶ Кайсин А.О. Стекланнные сосуды Нового времени... С. 302.

серо-голубого стекла при помощи выдувания. По-видимому, был использован т.н. халявный способ или цилиндр-процесс, который заключается в выдувании цилиндра, удалении у него дна и развертки его в лист, в результате чего получались прямоугольные стекла. Из них вхолдную, о чем говорят сколы на краях плоскостей, вырезались стекла фигурной или геометрической форм. Подобные оконные стекла изображены на картинах голландских художников XVII в. Например, на картине Яна Вермеера в оконную раму жилого дома вставлены стекла геометрических форм: прямоугольной, ромбической, трапециевидной. А на картине Адриана ван Остаде изображена оконная рама с геометрическими и фигурными стеклами¹. Датировать оконницы можно не ранее XVI–XVII вв.

Предмет неизвестного назначения представляет собой прямой ровный стержень с круглым поперечным сечением диаметром 1,1 см и двумя продольными отверстиями разной формы (рис. 11). Одно отверстие цилиндрическое диаметром 0,1 см, другое – щелевидное шириной 0,15 см и толщиной 0,08 см. По сути, предмет является трубочкой. Изготовлен из синего прозрачного стекла, вероятно, с помощью вытягивания. Цвет стекла и состояние сохранности (наличие кракелюра) позволяют отнести его к калиево-свинцово-кремнеземному классу, производившемуся в Киеве в домонгольское время.

Небольшая часть рассмотренных находок (43 экз.; 21,4 %) – среди них, главным образом, браслеты (34 экз.), три бусины домонгольского периода (рис. 8: 1, 2, 13), а также все пять бусин Нового времени (рис. 8: 4, 11, 12, 14) и фрагмент штофа с венецианской филигранью (рис. 9: 3) – происходит из культурного слоя. Большая же часть (158 экз.; 78,6 %) обнаружена в 10 комплексах (ямах), из которых самой представительной по количеству находок из стекла является яма 5 – в ней обнаружено чуть более двух третей всех изделий (136 экз.; 67,7 %).

Яма 5 являлась подпольем (подклетом) несохранившейся наземной постройки. Конструкция подклета представляла собой деревянный сруб 2,30×3,90 м, поставленный в котлован размером 3,60×5,40 м, имеющий почти прямоугольные очертания в плане. Глубина от уровня верхнего края – 2–2,10 м. Заполнение состояло из суглинка с включениями фрагментов круговой керамики, древесного тлена, угольков и пачины. Засыпка между деревянным срубом и стенками котлована представлена археологически стерильным грунтом.

Время существования постройки относится к XII–первой трети XIII вв. После разрушения ее наземной части подклет в течение непродолжительного времени был засыпан, на что указывают практически вертикальные стенки сруба, сохранившиеся в виде тлена. В результате в его заполнение попали находки XI–XIII вв. Среди них фрагменты круговой керамики (в т.ч. и поливной), керамические светильники киевского типа, фрагменты амфорной тарной посуды, свинцовые товарные пломбы дрогичинского типа, детали церковных осветительных приборов – хоросов, мраморный нательный крест-корсунчик, глиняное поливное яйцо-писанка (игрушка-погремушка), шиферные пряслица, предметы быта (кресала, дверные замки), спиралеконечная фибула, фрагмент височного трехбусинного кольца и другие украшения и детали костюма из цветного металла (перстни, браслеты, пуговицы, подвеска-цепедержатель) (рис. 12–14).

Среди стекланных находок из ямы 5 (все они древнерусского времени) почти три четверти всех найденных браслетов (128 экз.; 72,3 %), большая часть бус (6 из 10) (рис. 8: 5–10), фрагмент поддона сосуда (рис. 9: 2) и фрагмент перстня, состав которого известен (рис. 5: 68). Таким образом, выборка стекланных предметов из этого комплекса не только многочисленна, но и разнообразна по представленным в ней категориям стекланных находок.

Сравнение морфо-технологических признаков браслетов из ямы 5 (128 экз.) и со всей исследованной площади (177 экз.) показывает их практическую идентичность (табл. 3).

¹ Dresdener Gemäldegalerie. Alte und Neue Meister. Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1980. Abb. 83, 97.

Таблица 3. Сравнительная характеристика стеклянных браслетов со всей исследованной площади и из ямы 5 (%)

		Браслеты со всей исследованной площади (177 экз.)	Браслеты из ямы 5 (128 экз.)
Форма	«Крученые», из них	69,5	68
	среднекрученые	57,7	60,9
	мелкокрученые	33,3	33,3
	крупнокрученые	2,4	1,2
	«Гладкие»	26,6	28
	Полувальные навитые	1,6	1,6
	Граненые навитые	0,6	0,8
	Рифленые	1,1	0,8
	Витые	0,6	0,8
Цвет	Оливковый	31,1	32,8
	Синий	20,3	22
	Бежевый	14,1	14,8
	Фиолетовый	10,7	10,9
	Желто-зеленый	6,8	7,8
	Бирюзовый	5,6	2,3
	Сине-зеленый	4	4
	Сине-фиолетовый	2,8	2,3
	Коричневый	0,6	—
Желтый	0,6	0,8	

Можно отметить только отсутствие коричневых браслетов, находки которых на всей исследованной площади единичны, и уменьшение бирюзовых браслетов в яме 5.

Сравнение химического состава предметов из всей коллекции и из ямы 5 также показывает их близкое соотношение (табл. 4).

В целом, набор изделий из ямы 5 практически полностью соответствует данным, полученным для всей коллекции.

Сравнение браслетов из ямы 5 (128 экз.) с браслетами, найденными на остальной территории (49 экз.) (табл. 5), также показывает схожие морфо-технологические характе-

Таблица 4. Сравнительная характеристика химического состава стеклянных изделий со всей исследованной площади и из ямы 5 (%)

		Изделия со всей исследованной площади (51 экз.)	Изделия из ямы 5 (41 экз.)
Химический состав	$K_2O-PbO-SiO_2$	82,4	83
	$Na_2O-CaO-SiO_2$	7,8	7,3
	Na_2O-SiO_2	7,8	7,3
	$PbO-SiO_2$	2	2,4

Таблица 5. Сравнительная характеристика стеклянных браслетов из ямы 5 и с остальной территории (%)

		Браслеты из ямы 5 (128 экз.)	Браслеты с остальной территории (49 экз.)
Форма	«Крученые», из них	68	73,5
	среднекрученые	60,9	50
	мелкокрученые	33,3	33,3
	крупнокрученые	1,2	5,6
	«Гладкие»	28	22,5
	Полувальные навитые	1,6	2
	Граненые навитые	0,8	-
	Рифленные	0,8	2
	Витые	0,8	-
Цвет	Оливковый	32,8	26,5
	Синий	22	16,3
	Бежевый	14,8	12,3
	Фиолетовый	10,9	10,2
	Желто-зеленый	7,8	4,1
	Сине-зеленый	4	4,1
	Бирюзовый	2,3	14,3
	Сине-фиолетовый	2,3	4,1
	Желтый	0,8	-
	Коричневый	-	2

ристики. Мы видим почти одинаковое соотношение «крученых» и «гладких» браслетов, а также схожее распределение цветов, за исключением бирюзовых браслетов. Отличия также касаются оливковых, синих и желто-зеленых браслетов, которых в яме 5 больше, чем на остальной территории, и сине-фиолетовых, которых больше вне ямы 5. Разница в количественных показателях объясняется по большей части разными размерами выборки. Количество же браслетов остальных цветов (бежевых, фиолетовых и сине-зеленых) в яме 5 и на остальной территории почти равное. Кроме того, за пределами ямы совершенного отсутствуют желтые браслеты, а в яме 5 – коричневые.

Был исследован состав десяти браслетов, найденных за пределами ямы 5 (табл. 2, ан. 875–48, 50–52; 878–25, 27–31). Они изготовлены из стекол тех же составов, что и браслеты из ямы 5 ($K_2O-PbO-SiO_2$, $Na_2O-CaO-SiO_2$, Na_2O-SiO_2). Сравнение количествен-

Таблица 6. Сравнительная характеристика химического состава стеклянных браслетов из ямы 5 и с остальной территории (%)

		Браслеты из ямы 5 (39 экз.)	Браслеты с остальной территории (10 экз.)
Химический Состав	$K_2O-PbO-SiO_2$	84,6	80
	$Na_2O-CaO-SiO_2$	7,7	10
	Na_2O-SiO_2	7,7	10

ных показателей химического состава браслетов из ямы 5 и с остальной территории показывает их близкое соотношение (табл. 6).

Таким образом, можно говорить о том, что набор браслетов из ямы 5 и найденных на остальной территории имеют сходные характеристики.

В целом выборка стеклянных предметов из ямы 5 разнообразна по представленным в ней категориям стеклянных находок, цветам стеклянных браслетов и более разнообразна по их форме.

Для установления хронологии браслетов, происходящих из комплексов, важны данные, полученные М.Д. Полубояриновой по результатам распределения браслетов по ярусам новгородской стратиграфии¹. Было установлено, что браслеты различных форм преобладают в разное время. Заметим, что здесь следует говорить не только о разных формах браслетов, но и о разных способах их получения. Таким образом, морфологические и технологические признаки браслетов можно использовать для датирования. Обратимся к представленным М.Д. Полубояриновой процентным данным о распределении браслетов по ярусам. Подсчитав соотношение основных двух видов браслетов – округлых, полученных вытягиванием (т.н. гладких), и ребристых, изготовленных кручением (т.н. крученых), установим, что, начиная с 19 яруса (1134 г.) – времени появления браслетов в Новгороде – и вплоть до 15 яруса (1224 г.), значительно преобладают браслеты ребристые с розеткой в сечении, подвергнутые кручению. Причем, в ярусах 19 (1134 г.) и 18 (1161 г.) отмечается преобладание мелкокрученых браслетов, тогда как в ярусах 17 (1177 г.), 16 (1197 г.) и 15 (1224 г.) их число уступает украшениям с крупным и средним кручением. В слоях, датированных мостовыми 1238 (14 ярус) и 1268 (13 ярус) годов, отмечено практически равное соотношение браслетов этих двух видов. Начиная с 12 (1281 г.) и вплоть до 9 (1340 г.) яруса значительно преобладают браслеты, полученные вытягиванием круглого дрота.

Среди браслетов из ямы 5 большая часть – браслеты «крученые», среди которых украшения с крупным и средним кручением (1 и 53 экз.) преобладают над мелкокрученными браслетами (29 экз.), что позволяет датировать этот комплекс браслетов 70-ми годами XII–20-ми годами XIII вв.

Столь большое количество предметов из стекла, главным образом, стеклянных браслетов, одновременно попавших в заполнение одного сооружения, является неординарным явлением. Они вряд ли могут быть связаны с периодом существования постройки, так как основная масса находок (95,6 %) происходит из слоя засыпки, а к периоду существования постройки можно отнести только 6 фрагментов браслетов (4,4 %).

Основная масса стеклянных находок, обнаруженных в яме 5, по своей морфологии, составу стекла и сохранности наиболее близка к киевской школе стеклоделия, изготавливавшей стекло класса $K_2O-PbO-SiO_2$. К другой древнерусской традиции, которая использовала бесщелочное свинцовое стекло, относится перстень. Однако входящая в состав его стекла небольшая примесь K_2O дает нам возможность предполагать его изготовление в Киеве. Небольшую часть находок составляют браслеты византийской школы.

Особенности набора стеклянных находок из ямы 5, в том числе цветовой гаммы (большое количество синих и фиолетовых браслетов, небольшое – желто-зеленых, полное отсутствие коричневых и почти полное отсутствие желтых), размерных характеристик (отсутствие браслетов с диаметром 3 см и превышенное количество браслетов с диаметром 4 см), декора (утрата перевития обоими синими браслетами), химического состава стекла (отсутствие браслетов из бесщелочного свинцового стекла) позволяют оценивать эту выборку как единую партию товара, поступившую из одного торгового центра. Этому выводу не противоречит присутствие в ней изделий разных школ (древнерусской киевской,

¹ Полубояринова М.Д. Стекланные браслеты древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М.: АН СССР, 1963. С. 164–199. Табл. 2. МИА № 117.

византийской и др.), тем более что цвета византийских браслетов – сине-фиолетовый и бежевый – были подобраны в соответствии с преобладающими цветами всей партии.

О высокой роли торговли в хозяйственной деятельности владельца усадьбы, находящейся на исследованной территории, свидетельствуют находки товарных свинцовых пломб дрогичинского типа (всего обнаружено 42 экз., из них в яме 5 – 8 пломб, на прилегающих к ней участках – 19 экз., что в совокупности составляет почти две трети всех находок). Время бытования этих предметов приходится на середину XI–XIII вв., когда происходит «расцвет внутренней и международной торговли по пути»¹. Эти изделия имели полифункциональный характер. Часть находок привешивалась к товарам и служила для пломбирования перевозимых купеческих грузов. Наиболее качественные экземпляры пломб, вероятно, служили актовыми печатями, скреплявшими документы второстепенного значения, например, проезжие грамоты для купцов. Значительная же часть находок использовалась для опломбирования связок меховых и кожаных денег, хождение которых наряду с металлическими монетами засвидетельствовано источниками X–XVI вв.² По наблюдениям М. Пиотровского и М. Волошина, на территориях западнорусских городов (Дрогичин, Чермно) основная часть печатей и пломб дрогичинского типа была найдена в одинаковых топографических условиях – не на самих городищах, а в районах речной поймы, где, например, в Чермно располагался посад. Это позволило авторам предположить, что на территориях с находками пломб мог находиться речной порт и торговая площадь, где осуществлялись коммерческие контакты³. Подобная ситуация прослеживается и на территории Северной Руси (Белоозеро)⁴. Исследуемый участок древнего Смоленска также расположен в посадской, Заднепровской части, напротив его городской, укрепленной территории, на расстоянии 300 м к северу от берега Днепра и в 500 м к северо-западу от Нижне-Никольской церкви, где располагался древний Заднепровский Торг⁵.

На торговый характер исследованной территории указывают и другие находки, часть из которых свидетельствует о торговых связях с южными регионами Руси и Причерноморьем – это фрагменты амфорной посуды, поступавшей в города Древней Руси из различных южных центров (Крым, Византия, Балканы) в качестве тары для перевозки жидких и сыпучих продуктов⁶; мраморный нательный крест (так называемый корсунчик, поскольку основным центром производства и поставок этих изделий на Русь была Корсунь)⁷; пряслица из овручского шифера; обломки керамических светильников и амфорки киевского типа, основная масса которых происходит из южных районов Руси, а их связь с традицией, идущей из городов Северного Причерноморья, несомненна⁸. И хотя, по мнению Р.Л. Розенфельда, в XII–XIII вв. в Смоленске эти изделия были уже местного производства⁹, в качестве «образцов для подражания» могли быть использованы изделия киевских мастеров, попавших в Смоленск по Днепровскому речному пути.

¹ Перхавко В.Б. Торговый мир средневековой Руси / Культурно-просветительский фонд «Воспитание истории». М.: Academia, 2006. С. 249.

² Там же. С. 251.

³ Пиотровский М., Волошин М. Червенские грады: история изучения и новые исследования // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.–Вологда: Древности Севера, 2014. С. 170–171.

⁴ Захаров С.Д. Свинцовые пломбы Белоозера // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2005. С. 20–60.

⁵ Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска / Отв. ред. Н.А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2016. 77–78.

⁶ Розенфельд Р.Л. Привозная керамика. Амфоры и красноглиняные кувшины // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 33.

⁷ Николаева Т.В., Недошивина Н.Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 166.

⁸ Розенфельд Р.Л. Осветительные приборы // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 11.

⁹ Там же.

Таким образом, найденные в правобережной (Заднепровской) части Смоленска стеклянные изделия древнерусского времени, в основном браслеты, вероятно, были привезены в Смоленск из одного центра, возможно, из Киева в последней четверти XII—первой четверти XIII вв. по Днепровскому торговому пути. Часть находок осела на территории города и использовалась местным населением. Другая, по-видимому, большая была предназначена для дальнейшей транспортировки в другие города Древней Руси, в том числе и в западные земли.

Ekaterina K. Stolyarova, Vladimir W. Minenko

Glassware from excavations in “Zadneprovsky Posad” in Smolensk

Abstract. The article is devoted to items of glass, found in 2005, during the rescue archaeological excavations carried out by the expedition IA RAS under the guidance of Vladimir Minenko in the right-Bank side of Smolensk, in the Western part of the so-called Zadneprovsky Posad. The bulk of the collection (95, 5 %) of the items of the XII–XIII centuries (bracelets, beads, rings, and vessels), the other (beads, vessels, window glass) belong to the New time. The study of products of pre-Mongol period, two thirds of which come from the backfill of the basement unpreserved superstructure (pit 5), allows to consider them as a single consignment, which was brought to Smolensk from one centre may, from Kiev in the last quarter of the XII – first quarter of the XIII centuries on the Dnieper trade route. Most of them mainly bracelets have been intended for further transportation to other cities of Ancient Russia, including in western lands.

Keywords: Smolensk, Zadneprovski Posad, the right-Bank part of Smolensk, glass bangles, glass beads, glass rings, glass vessels, window glass, pre-Mongol period, ancient glassmaking, Kyiv school of glass, lead-silica glass, Byzantine bracelets, the Dnieper trade route, New time glassware.

Рис. 1. Место проведения археологических исследований в г. Смоленске между улицами Желябова и Кашена на космическом снимке местности, 2005 г.

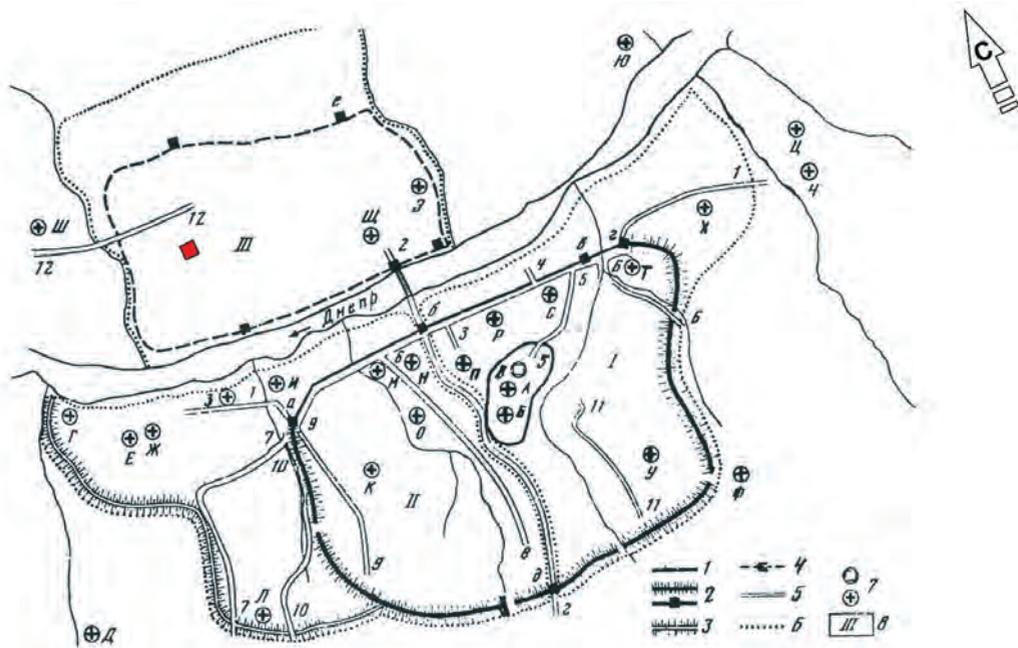

Рис. 2. Карта древнего Смоленска (по: Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска. С. 160. Рис. 36). Красным квадратом обозначен участок работ 2005 г.

Концы древнего Смоленска: I – Крылошевский; II – Пятницкий; III – Городенский.

Каменные здания XII – XIII вв.: А – Успенский собор, 1101 г.; Б – бесстолпный храм, середина XII в.; В – терем, середина XII в.; Г – церковь в устье р. Чуриловка, конец XII – первая половина XIII вв.; Д – руины церкви на бывшей улице Богословская Козинка (совр. Пушкина); Е – ротонда, вторая половина XII в.; Ж – церковь Иоанна Богослова, между 1160 и 1180 гг.; З – руины церкви (Иоанна Полутелого); И – «Пятницкая» церковь, конец XII в.; К – церковь на Воскресенской горе, конец XII – начало XIII вв.; Л – руины церкви Пятницкого монастыря; М – церковь Малая Пятницкая; Н – церковь Бориса и Глеба; О – руины неизвестной церкви; П – руины церкви (Михаила Архангела); Р – церковь Симеона, конец XII в.; С – церковь Лазаревская; Т – церковь на углу улиц Покровской (совр. Тимирязева) и Зеленый ручей; У – Спасская церковь, XII в.; Ф – Авраамьев монастырь, начало XIII в.; Х – руины неизвестной церкви, первая половина XII в.; Ц – церковь на р. Малой Рачевке, конец XII – первая половина XIII вв.; Ч – церковь в Перекопном переулке, середина XII в.; Ш – церковь Петра и Павла, середина XII в.; Щ – руины неизвестной церкви; Э – Ильинская церковь; Ю – церковь Екатерины.

Ворота «Старого города»: а – Пятницкие; б – Фроловские (Днепровские); в – Крылошевская башня; г – Крылошевские; д – Духовские; е – Заднепровские.

Улицы древнего Смоленска: 1–1 – Большая проезжая; 2–2 – Большая дорога; 3 – часть неизвестной улицы к востоку от современной улицы Соборная гора; 4 – часть неизвестной улицы в районе бывших Лазаревских ворот крепости Ф. Коня; 5–5 – неизвестная улица на Соборной горе; 6–6 – Шель; 7–7 – Отцовская гора; 8–8 – Резницкая; 9–9 – Воскресенская; 10–10 – Пятницкая (Рясна); 11–11 – Спасская; 12–12 – Петропавловская.

1 – Владычный двор на Соборной горе, с 1136 г.; 2 – «Старый город», не позднее начала XII в.; 3 – Пятницкий острог, вторая половина XII в. (до 1197 г.); 4 – Заднепровский острог, к началу XV в.; 5 – улицы; 6 – границы городских концов; 7 – каменные здания XII–XIII вв.; 8 – концы средневекового Смоленска

Рис. 3. Браслеты стекланные

1 – раскоп-I, № 90*; 2 – раскоп-I, № 139; 3 – раскоп-I, № 143; 4 – раскоп-I, № 598; 5 – раскоп-II, № 4; 6 – раскоп-II, № 5; 7 – раскоп-II, № 8; 8 – раскоп-II, № 107; 9 – раскоп-II, № 108; 10 – раскоп-II, № 127; 11 – раскоп-II, № 132; 12 – раскоп-II, № 148; 13 – раскоп-II, № 153; 14 – раскоп-II, № 163; 15 – раскоп-II, № 170; 16 – раскоп-II, № 171; 17 – раскоп-II, № 173; 18 – раскоп-II, № 176; 19 – раскоп-II, № 178; 20 – раскоп-II, № 186; 21 – раскоп-II, № 189; 22 – раскоп-II, № 190; 23 – раскоп-II, № 197

* Указан полевой номер находки (здесь и далее).

Рис. 4. Браслеты стеклянные

24 – раскоп-II, № 200*; 25 – раскоп-II, № 201; 26 – раскоп-II, № 212; 27 – раскоп-II, № 223; 28 – раскоп-II, № 225; 29 – раскоп-II, № 235; 30 – раскоп-II, № 242; 31 – раскоп-II, № 261; 32 – раскоп-II, № 263; 33 – раскоп-II, № 268; 34 – раскоп-II, № 270; 35 – раскоп-II, № 281; 36 – раскоп-II, № 285; 37 – раскоп-II, № 293; 38 – раскоп-II, № 294; 39 – раскоп-II, № 300; 40 – раскоп-II, № 302; 41 – раскоп-II, № 308; 42 – раскоп-II, № 312; 43 – раскоп-II, № 313; 44 – раскоп-II, № 324; 45 – раскоп-II, № 329

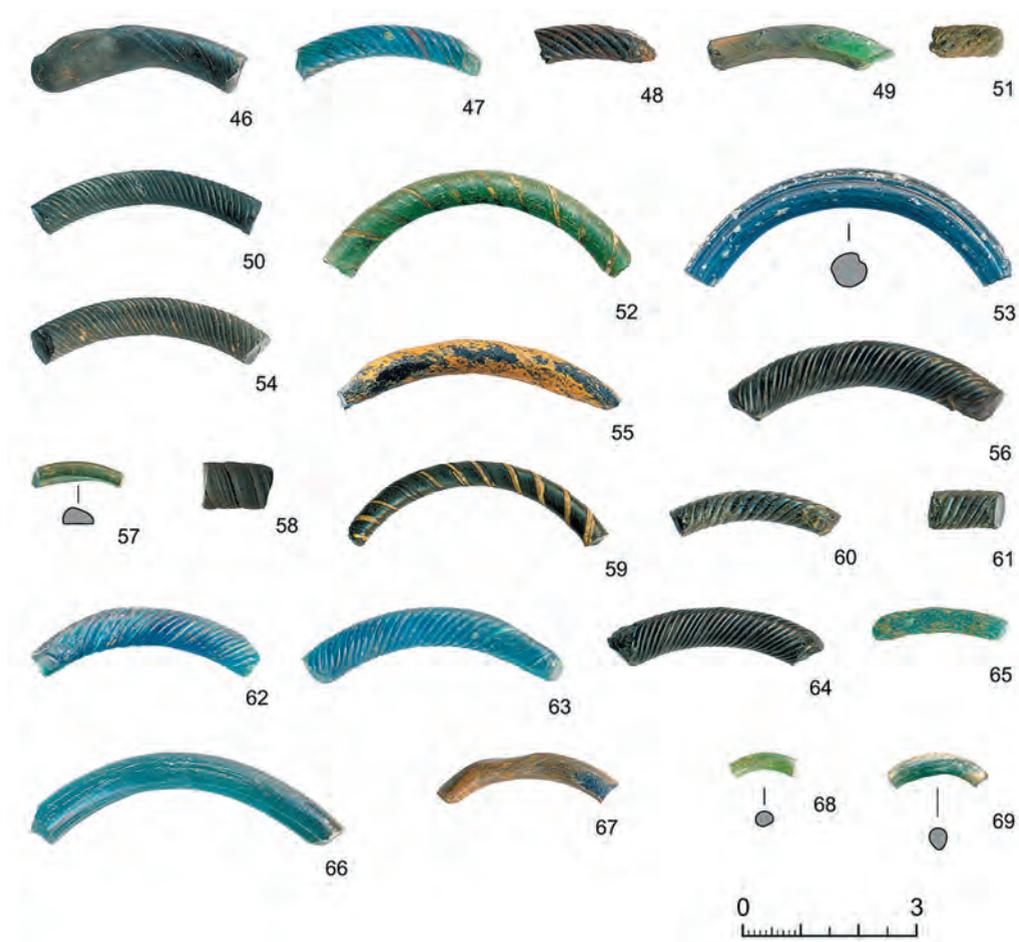

Рис. 5. Браслеты и перстни стекланные

46 – раскоп-II, № 335*; 47 – раскоп-II, № 336; 48 – раскоп-II, № 338; 49 – раскоп-II, № 341; 50 – раскоп-II, № 347; 51 – раскоп-II, № 349; 52 – раскоп-II, № 350; 53 – раскоп-II, № 354; 54 – раскоп-II, № 359; 55 – раскоп-II, № 362; 56 – раскоп-II, № 372; 57 – раскоп-II, № 376; 58 – раскоп-II, № 388; 59 – раскоп-II, № 395; 60 – раскоп-II, № 585; 61 – раскоп-II, № 586; 62 – раскоп-II, № 587; 63 – раскоп-II, № 613; 64 – раскоп-II, № 633; 65 – раскоп-II, № 634; 66 – раскоп-II, № 658; 67 – раскоп-II, № 660; 68 – раскоп-II, № 348; 69 – раскоп-II, № 661; 46–67 – фрагменты стекланных браслетов; 68–69 – фрагменты стекланных перстней

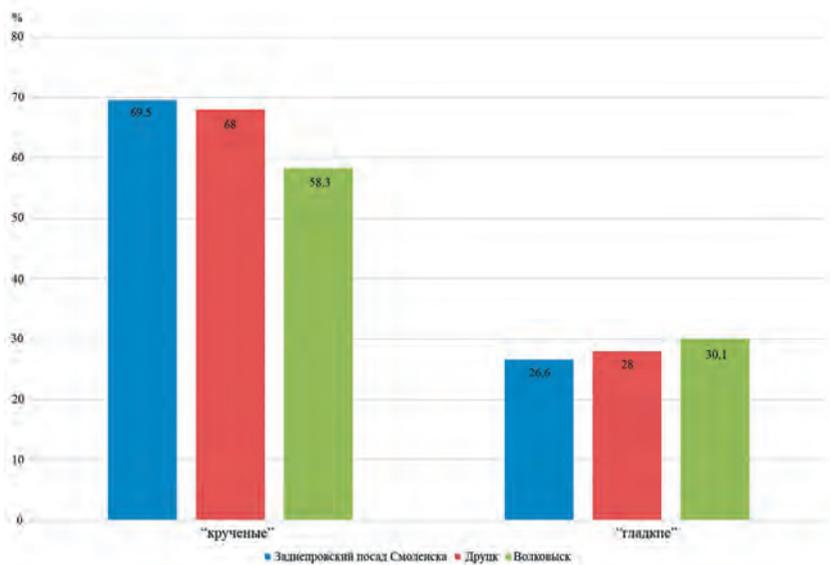

Рис. 6. Соотношение «крученых» и «гладких» браслетов из Заднепровского посада Смоленска, Друцка и Волковыска

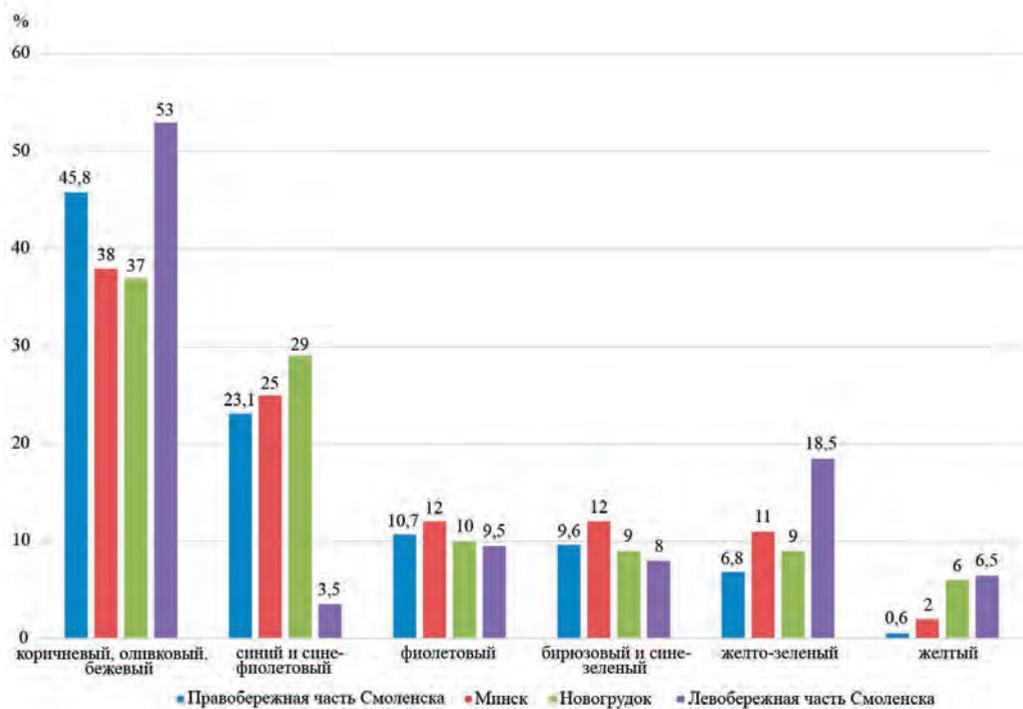

Рис. 7. Цветовая гамма браслетов из правобережной (Заднепровского посада) и левобережной частей Смоленска, Минска и Новогрудка

Рис. 8. Бусы стеклянные

1 – раскоп-I, № 254*; 2 – раскоп-I, № 438; 3 – раскоп-I, № 622; 4 – раскоп-II, № 16; 5 – раскоп-II, № 228; 6 – раскоп-II, № 231; 7 – раскоп-II, № 243; 8 – раскоп-II, № 266; 9 – раскоп-II, № 273; 10 – раскоп-II, № 275; 11 а-б – раскоп-II, № 421; 12 – раскоп-II, № 433; 13 – раскоп-II, № 560; 14 – раскоп-II, № 578

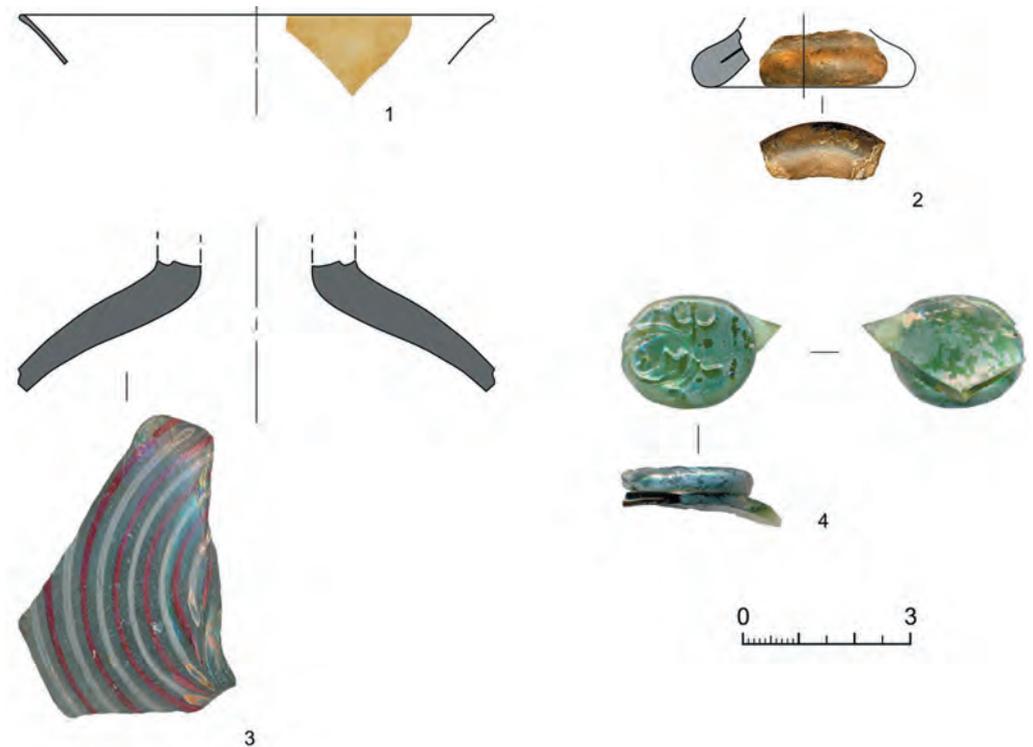

Рис. 9. Сосуды стеклянные

1 – венчик стеклянного сосуда (лампы) (раскоп II); 2 – поддон сосуда (бокала) (раскоп-II, № 373*); 3 – сосуд стеклянный (штоф) с венецианской филигранью (раскоп-I, № 291); 4 – фрагмент бутылки с клеймом (раскоп-II)

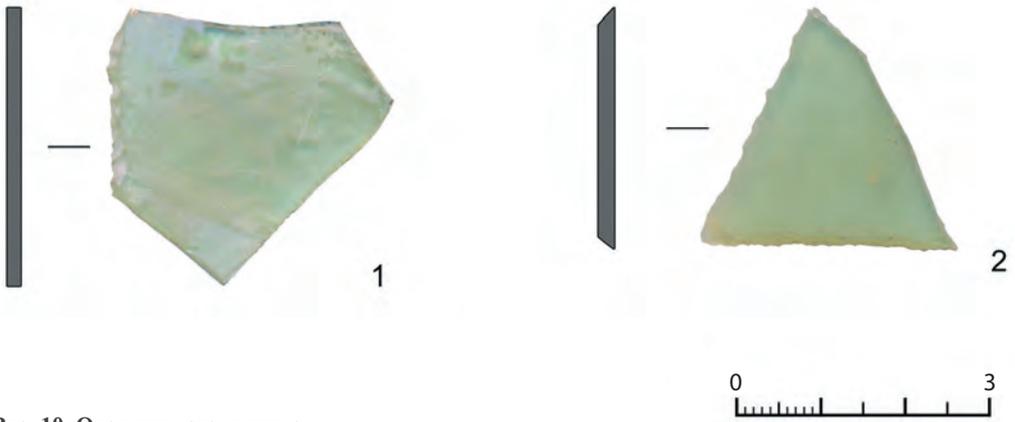

Рис. 10. Оконницы стеклянные
1 – раскоп-I, № 366*; 2 – раскоп-I, № 1161

Рис. 11. Изделие из стекла (раскоп-I, № 783*)

Рис. 12. Находки XI–XIII вв. из заполнения ямы 5. Стратиграфическое положение находок – верхний горизонт (-300/-350) – XIII в.

1 – цепочка (деталь одежды или украшение парадного костюма; № 134*); 2 – деталь церковной утвари (№ 160); 3 – крест нательный («корсунчик») гладкий с простым средокрестием и прямыми концами цилиндрического сечения (№ 191); 4 – кресало овальное заостренное (№ 128); 5 – перстень узкопластинчатый с разомкнутыми концами и орнаментом в виде плетеной косички (№ 156); 6 – бубенчик шаровидный линейнопрорезной с тройным рельефным пояском (№ 149); 7 – бубенчик шаровидный линейнопрорезной гладкий (№ 342); 8–9 – пуговицы сфероконические цельнолитые гладкие с округло-петлевидным ушком (№ 123, 369); 10 – пломба товарная дрогичинского типа (№ 311); 11 – игрушка-погремушка (яйцо; № 239); 12–13 – пряслица (№ 155, 339); 14 – пружинный механизм цилиндрического замка (тип неопределим; № 150); 15 – наконечник стрелы (болт арбалетный черешковый; тип 17 по А.Ф. Медведеву – пирамидальный квадратного сечения с округлой шейкой; № 137); 16 – личина нутряного замка с Г-образной прорезью (№ 136); 1–2, 5–9 – цветной металл; 3 – камень (мрамор); 4, 14–16 – железо; 10 – свинец; 11 – глина, полива желто-коричневая; 12–13 – камень (шифер)

Рис. 13. Находки XI–XIII вв. из заполнения ямы 5. Стратиграфическое положение находок – средний горизонт (-350/-420) – первая половина XIII в.

1 – кресало овальное заостренное (№ 203*); 2 – наконечник стрелы (тип 60, вариант 3 по А.Ф. Медведеву – срезень двурогий; № 208); 3 – грузик от ткацкого станка конусовидный с выпуклыми полушариями (№ 184); 4–9 – пломбы товарные дрогичинского типа (№ 172, 384, 195, 180, 355, 325); 10 – фибула подковообразная спиралеконечная круглого сечения (№ 162); 11 – бусинное височное кольцо (№ 298); 12 – пуговица грибовидная цельнолитая гладкая с петлевидным ушком (№ 301); 13 – перстень круглодротовый с разомкнутыми заходящими концами (№ 199); 14 – браслет витой четверной (2×2; № 183); 15 – браслет пластинчатый с геометрическим орнаментом (№ 187); 16 – арочная подвеска-цепедержатель для амулетов (№ 137); 17–21 – пряслица (№№ 250, 251, 288, 327, 367); 1–2 – железо; 3–9 – свинец; 10–16 – цветной металл; 17–21 – камень (шифер)

Рис. 14. Находки XI–XIII вв. из заполнения ямы 5. Стратиграфическое положение находок – нижний горизонт (-420/-500) – XII–начало XIII вв.

1 – пломба товарная дрогичинского типа (№ 310*); 2 – замок навесной кубический (тип А; № 356); 3 – кресало овальное заостренное (№ 381); 1 – свинец; 2–3 – железо.

Глазунова О.Н.

Посуда с царского стола

Аннотация. В статье описан комплекс статусной столовой посуды, собранной при раскопках путевого царского дворца в Ново-Иерусалимском монастыре. Сделана попытка выяснить происхождение привозных западноевропейских экземпляров. Показана посуда московского производства и производства гончарных мастерских Ново-Иерусалимского монастыря.

Ключевые слова: поливная керамика, статусная керамика, посуда Западной Европы, Новый Иерусалим, фляжка, роспись по ангобу, подглазурная роспись.

Говорят, что нет ничего прочнее битой посуды. Керамика, наверное, — самый массовый материал, получаемый при археологических работах на большинстве памятников. Однако это утверждение верно не всегда. Мы почти совсем ничего не знаем о керамике, которая могла стоять в России на царском столе и на столах придворных. Практически не встречается она ни в графических источниках, ни в музейных коллекциях. Там можно найти металлическую или стеклянную, но не глиняную посуду.

В конце XVIII в. металл сменяется фарфором, а у людей рангом ниже — подделками под него. «Как в сие время, так уже за несколько десятков лет, однако не более как лет за 25 (с 1774 года), вошло и было у нас в употребление, вместо прежней оловянной посуды, на столах, в дворянских домах, употреблять глиняную, деланную у нас на Акжельских заводах по форме и под видом фаянсовой», — пишет А. Болотов¹. Интересно, что справедливо это не только для России. Так, во Франции глиняная посуда появилась на столах аристократов только в начале XVIII в. после указа Людовика XIV об изъятии золотых и серебряных изделий из домашнего обихода и передаче их на монетный двор для переплавки в монету. Именно тогда для сервировки стола короля и аристократов стали использовать майолику Руана, причем резко возросло качество изделий в связи с высокими требованиями нового заказчика².

Тем не менее керамика все-таки присутствовала на царском столе и в России. Хотелось бы представить керамический комплекс, собранный на развалинах путевого царского дворца XVIII в., стоявшего в южной части территории Ново-Иерусалимского монастыря (рис.1). Работы производились в 2016 году Ново-Иерусалимской экспедицией ИА РАН под руководство члена-корреспондента РАН Л.А. Беляева³. Вся представленная в статье керамика обнаружена на небольшой территории, зажатой между двумя южными крыльцами дворцового комплекса. Культурный слой датируется 2-й половиной XVII—началом XVIII в. В нем встречаются исключительно монеты ручной чеканки: серебряные и медные копейки правления Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Бытовые вещи также относятся к этому времени. Перекрыт слой пожарной прослойкой 1727 г. Здесь собрано значительное количество обломков столовой посуды, в основном поливной, но также и лощеной, и расписной по ангобу⁴.

В первую очередь, в комплексе выделяются 2 высоких кувшина вытянутых пропорций с изящной подглазурной росписью (рис.2). Кувшины изготовлены из красножгущейся

¹ Болотов А.Т. Памятник претекших времен, или краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. М.: Типография В. Исленьева, 1875. С. 60.

² Филиппов С.В.. Архитектурная майолика. М.: Государственное издательство литературы по строительным материалам, 1956. С. 27.

³ Беляев Л.А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. № 1. М.: ИА РАН, 2013. С. 30–41.

⁴ Вся представленная в статье керамика собрана и склеена сотрудниками Ново-Иерусалимской экспедиции: Е.А. Шатыркиной, К.И. Кретиным и А.Н. Ратушиной. Рисунки выполнены С.В. Борзовой.

хорошо отмученной глины. Тесто отличается высоким качеством и не содержит видимых примесей. Черепок тонкий — 0,4 см, на изломе темно-красного цвета. По основанию горлышка проходит тонкий валик. Роспись выполнена цветными глазурями по белому ангобу и покрыта прозрачной поливой. Изнутри также нанесен слой прозрачной поливы, который без ангобной подгрунтовки приобретает красный цвет черепка. Особенностью росписи является тонкий темный контур рисунка. Интересен способ прикрепа ручки, где нижняя часть имеет слегка отогнутый короткий кончик. Так обычно формуются ручки стеклянных сосудов.

Первый кувшин высотой 32,3 см с диаметром горлышка 9,4 см и диаметром донца 12,0 см. Тулово в форме вытянутого овала, с поддоном, горлышко конусообразно расширяется. Рисунок сочетает растительные узоры и геометрический орнамент. Фронтальную часть кувшина занимает сложная геометрическая фигура, состоящая из двух вписанных друг в друга под углом 45 градусов восьмиугольников и украшенная стилизованными пальмовыми ветками. От верхней части фигуры в обе стороны наклонены два тюльпанообразных цветка. На боках кувшина расположено по одинаковому букету, состоящему из 3-х тюльпанообразных цветков, пальмовых ветвей и широкого сложно-вырезанного центрального листа. По два цветка наклонены в сторону центральной фигуры и по одному — в сторону ручки, основание которой, в свою очередь, оформлено двумя пальмовыми ветвями и таким же широким сложно-вырезанным листом. По основанию горлышка проходит стилизованный растительный орнамент. Верх горлышка заполнен косыми линиями.

Второй кувшин несколько меньшего размера и, соответственно, чуть измененных пропорций. Высота его составляет 29 см диаметр горлышка — 8 см, диаметр донца — 12 см. У данного кувшина сохранилась ручка с сечением в форме фасолины, с резким прогибом внутренней части. Ручка орнаментирована косыми линиями. Вокруг основания ручки композиция из 3-х стилизованных ягод с листьями. Фронтальная часть кувшина практически не сохранилось. Если на ней и была нарисована геометрическая фигура, она была значительно меньшего размера, нежели на первом кувшине. Боковые части оформлены близкими по композиции букетами. Однако в данном случае это уже явно не цветы, а ягоды или же стилизованные виноградные грозди. Не исключено, впрочем, что и на первом кувшине изображены стилизованные гроздья винограда. Верх горлышка оформлен стилизованным растительным узором.

Более всего вышеописанные кувшины напоминают византийскую посуду. Аналогии имеются в керамике Южной Франции и Португалии, однако корни ее тоже византийские¹. Откуда были привезены эти кувшины в Новый Иерусалим, сказать трудно. Можно лишь с достаточной долей уверенности утверждать, что данные изделия являются предметом импорта. Российские кувшины имеют иные пропорции. Вышеописанные же кувшины отличаются от изделий российского производства также состав теста, тонкость черепка, очень высокое качество обжига, специфический рисунок с очень тонким четким контуром, цвета и качество поливы.

В то же время в комплексе посуды есть и керамика попроще. Таков, например, кувшин, изготовленный из местного сорта красножгущейся глины со значительной примесью песка в тесте. Толщина черепка — 0,7 см. Горлышко не сохранилось, так что высоту кувшина можно восстановить только предположительно, в районе 24–25 см, то есть пропорции у него несколько более приземистые, нежели у первых двух кувшинов. Снаружи изделие покрыто белым ангобом, по которому темным ангобом выполнен контурный рисунок. Контурная линия толстая. Рисунок довольно простой, упрощенный, если сравнивать его с первыми двумя кувшинами. Центр цветка (или грозди) исполнен в виде сетки. Глазури не

¹ См. например: С. Dell'Aquila. Ceramiche dal Castello aragonese di Taranto // Dal Kastron bizantino al Castello aragonese. Scorpione Editrice, 2004. P. 105–117.

использованы – ни цветные, ни прозрачная покровная. Однако ясно, что в данном случае мы имеем дело с репликой одного из двух вышеописанных сосудов. Повторена, насколько возможно, и форма сосуда и композиция (рис. 3).

Обломков подобной посуды собрано значительное количество. Помимо изделий только с росписью по ангобу, встречаются предметы, выполненные уже с использованием цветных глазурей. По всей видимости, восстановить полностью все секреты производства не удалось. В частности, не получилось достичь ни тонкости линий контура, ни тонкости и прочности стенок сосуда, ни богатой палитры красок. Но то, что в гончарных мастерских Нового Иерусалима изготавливались упрощенные копии предметов импорта и эти предметы использовались в сервировке стола наряду с более изящными привозными сосудами, можно считать установленным фактом. Есть косвенное подтверждение этому в письменных источниках. Архимандрит Леонид (Кавелин) приводит из «памяти» подьячему Алексею Бронскому, от 20 декабря 1709 года, что «велено им (Шведам) на образец глиняной посуды сделать у гончаров подмонастырного села Вознесенского Романа Андреева с товарищи тот чась»¹.

В коллекции кувшинов царского дворца стоит отметить еще два предмета. Во-первых, это белоглиняный кувшин с желтой полупрозрачной поливой немецкого производства, типичный для земель Среднего Рейна². Во-вторых, красноглиняный кувшин с синей подглазурной сюжетной росписью по белому ангобу. В росписи использованы мифологические мотивы. Подобные кувшины изготавливались в Португалии³.

А вот поливная фляжка (рис. 4), скорее всего, московского производства⁴. Это круглая плоская фляжка без ножек и ручек диаметром 12 см и толщиной 6 см. На боковой части 4 углубленных желобка для прочного крепления оплетки. На круглых плоских фронтальных частях рельефное изображение двуглавого орла с опущенными крыльями и головами, клювы раскрыты. Между головами расположена корона небольшого размера. По краю обрамление из 2-х перевитых жгутов. Изображение весьма похоже на изображения двуглавых орлов на московских широкорамочных изразцах. Горлышко смещено от центра к внутренней части фляжки. Ни цвет поливы, ни цвет глины определить не представляется возможным, так как фляжка сильно обгорела в пожаре. Подобные плоские круглые поливные фляжки с рельефным рисунком встречаются в Москве. Традиционно считается, что они были частью снаряжения стрелецкого войска. И даже в коллекции керамики Нового Иерусалима есть похожая белоглиняная фляжка с зеленой поливой. Однако у всех известных экземпляров имеются ручки и ножки. Подобного варианта, сделанного под оплетку или футляр, до сих пор найдено не было.

Удивительно видеть глиняную копию металлического ковшика-чарки, повторяющего металлический аналог вплоть до формы и размеров ручки в виде небольшого круглого выступа с вытянутым заостренным кончиком, отходящего напрямую от ободка ковшика (рис. 5). В металлическом изделии такая ручка вполне функциональна. Глиняный же аналог значительно тяжелее. К тому же добавляется риск облома ручки у сужающегося основания. Возможно, керамический ковшик имел две ручки, противоположные друг другу.

¹ Архимандрит Леонид (Кавелин). Ценинное дело в Воскресенском Новьий Иерусалим именуемом монастыре с 1656–1759 годы // Вестник общества древне-русского искусства при Московском публичном музее. Вып. 11–12. М., 1876. С. 85.

² См, например: Archäologische Berichte 5 Reihe herausgegeben von der Deutschen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte e.V. (DGUF) Deutsche Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte e.V. (DGUF) und Autoren, 2011. P. 23. Abb. 10.

³ Portugese pracht uit de Westfriesse Gouden Eeuw // Archeologie in West-Friesland 12 Gemeente Hoorn. P. 2, 7; Michiel H. Bartels. A cerâmica portuguesa nos Países Baixos (1525–1650): uma análise sócio-económica baseada nos achados arqueológicos // MEMÓRIA. P. 77.

⁴ Розенфельдт П.Л.. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–39. М.: Наука, 1968. С. 50. С. 113, Табл. 18. № № 3–9.

По крайней мере, у подобных изделий западноевропейского производства ручек обычно две. Что касается ново-иерусалимского ковшика, точно сказать, так ли это, мы не можем. Противоположная часть изделия не сохранилась. Изготовлен ковшик из белой, сильно запесоченной глины. Покрыт и снаружи, и изнутри полупрозрачной зеленой (муравленой) поливой. Ободок украшен простыми десятилепестковыми розетками, выполненными штампом. Ручку украшает стилизованный растительный элемент, внутренняя часть которого заполнена характерными элементами-«ежиками», применяемыми в изразцовом производстве начала XVII в. По краю ручки кайма из треугольников. Свободное пространство заполнено четырьмя «звездочками» — также элементом, характерным для изразцов этого времени. На внешней поверхности ковшика полоса из 5-ти углубленных линий. Диаметр изделия — 18 см. Высота предположительно реконструируется как 6 см. Такие ковшики довольно часто встречаются в Москве, особенно в монастырских комплексах (например, в Зачатьевском монастыре их найдено больше десятка). Есть как поливные (в том числе и с разноцветными глазурями), так и без поливы; как красноглиняные, так и изготовленные из светлогжущейся глины. Происхождение их не вполне ясно. Однако нет сомнения, что мы видим перед собой повтор металлических изделий в глине. Можно предположить, что это связано с частым использованием ковшиков-чарок в церковном обиходе. Необходимость иметь большое количество подобных изделий дала импульс к изготовлению их из более дешевого материала, из глины. А для того, чтобы подчеркнуть их статусность, применялась полива.

Помимо ковшика, комплекс содержит еще несколько тонкостенных муравленых изделий из белой глины: небольшой горшочек изящных пропорций с округлым туловом и прямой высокой шейкой и миску, по форме аналогичную ковшику.

Особый интерес представляет целый набор столовой посуды с мраморовидной росписью (рис. 6). Мраморовидная керамика была хорошо известна и распространена в России I-й половины XVIII в. Техника исполнения такого рисунка появилась в Италии, затем получила широкую популярность в Европе и Турции. И уже значительно позже, в начале XVIII в., попала в Россию. Однако подавляющее большинство сохранившихся предметов изготовлено из белой глины, рисунок выполнен цветными глазурями и покрыт сверху прозрачной поливой¹. Ново-Иерусалимская посуда изготовлена из красножущейся глины, покрыта белым ангобом. Мраморовидный же рисунок исполнен темным ангобом. Поливой такие изделия не покрывались. По-видимому, они пришлись по вкусу заказчику. По крайней мере, в такой технике изготавливались и кувшины, и тарелки, и блюда, и кружки, и стаканы, и горшки, и рукомой, и миски, и небольшие столовые сосуды различного назначения, и подсвечники, и даже изразцы.

К изделиям французского производства (район Эльзаса и Лотарингии) можно отнести небольшой открытый тонкостенный сосудик-мисочку из красножущейся сильно запесоченной глины (рис. 7). Причем крупные песчинки хорошо видны и на поверхности сосуда. Изделие покрыто полупрозрачной поливой желто-коричневого цвета и украшено наклепными 8-ми лепестковыми розетками. Такая форма украшения сосуда характерна для стеклянной посуды. В данном случае, как мы видим, технология производства была применена для иного материала.

Целую группу составляют небольшие тонкостенные столовые сосудики из белой глины, покрытые полупрозрачной поливой желто-коричневого оттенка. Украшены они полосами линейного орнамента, косым штампом «гребенкой» и узкими валиками с поперечными насечками — по горлышку и по венчику сосуда. Иногда пространство между валиками заполнено полосой поливы другого цвета. Формы сосудов довольно разнообразны (рис. 8).

¹ Коваль В.Ю. Позднесредневековая глазурованная керамика с мраморовидной росписью // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999. С. 222–229.

Такая керамика получила распространение во 2-й половине XVII в. во всей Северной Европе. Чаще всего встречается на литовской территории. Центр производства не выявлен.

В комплексе довольно много обломков глубоких поливных красноглиняных тарелок диаметром от 27 до 31 см. Встречаются как одноцветные, так и покрытые поливами разных цветов; как с подглазурной росписью, так и без нее. Вариантов значительное количество, в том числе и повторяющих рисунок каймы на расписных изразцах. Судя по качеству теста и цветам поливы, все или практически все тарелки изготовлены в мастерских Нового Иерусалима, что подтверждается многочисленными находками заготовок таких тарелок и бракованных изделий возле изразцового горна XVII в. Аналоги встречаются по всей Европе, в первую очередь, на территории Литвы и Северной Германии. Значительная часть изделий покрыта синим рисунком по белому ангобу, что, по всей видимости, можно объяснить стремлением подражать голландскому дельфтскому фаянсу (который, в свою очередь, родился благодаря попыткам воспроизвести китайский фарфор)¹.

Помимо тарелок, использовались и некрупные широкие красноглиняные муравленые миски, также местного производства. По форме они представляют собой как бы нижнюю часть горшка, венчик смотрит внутрь. Высота их колеблется от 5,0 до 10,0 см. Диаметр венчика – 16–20 см, диаметр донца – 12–14 см. Большое количество таких мисок было найдено на складе готовых керамических изделий в предыдущие годы работ. Есть несколько поливных красноглиняных разложистых мисочек (или чашек?) с узким донцем, широким венчиком и небольшой ручкой.

Имеется некоторое количество поливных прямостенных кружек производства ново-иерусалимских мастерских. Они лишь отчасти напоминают германские изделия и, как минимум, в два раза ниже последних. Те, что повыше, по-видимому, действительно копировали немецкие аналоги, так как декорированы похожим образом – полосами линейного орнамента. Однако большая часть выполнена в иной методике, когда участки, покрытые поливами разного цвета, разделяются углубленным контуром.

Есть и поливные столовые горшки с ручками местного производства. Горшки изготовлены из красножгущейся глины с мелким песком в тесте, тулово округлое, горлышко широкое, невысокое, конусообразно расширяющееся. Ручка отходит непосредственно от венчика. Изнутри покрыты полупрозрачной зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. На внешней поверхности характерный набор рисунков: волна по центру горлышка, пять-шесть полос линейного орнамента в основании горлышка, ниже еще одна волна и в нижней трети сосуда две–три полосы линейного орнамента. Высота – 10–12 см. Диаметр венчика – 12–14 см, диаметр донца – 8–10 см².

Из посуды российского, но, скорее всего, не местного производства, можно отметить незначительный набор чернолощенной керамики: фляжку небольшого диаметра, пару кувшинов, пару-тройку кубышек; светлолощенные мисочки небольшого размера, орнаментированные рядами мелких рельефных треугольников.

Среди столовой керамики встречено несколько предметов кухонной утвари, в частности, несколько белоглиняных горшков коломенского типа.

И, хотя это не вполне соответствует заявленной теме статьи, все-таки стоит отметить большое количество обломков рукомоев с зооморфными носиками. Они встречаются и

¹ Глазунова О.Н. Особенности керамического производства Ново-Иерусалимского монастыря XVII–XVIII вв. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 396–406; Glazunova O.N. Lithuania's roots in pottery of western Moscow suburbs of 17th and 18th century. // *Arheologia Baltica*. Vol.16. Klaipeda, 2012. Pp.127–140.

² Бадеев Д.Ю., Русаков П.Е., Майорова Е.В. Старый деревянный дворец и каменные палаты Ново-Иерусалимского монастыря: археологические исследования 2009–2011 гг.// РА. № 1. М.: ИА РАН, 2013. С. 63, рис. 4–3.

муравленные, и поливные, и чернолощенные, и расписные. При этом не встречено ни одного кумгана: по-видимому, к этому времени они уже вышли из обихода.

Заключая краткий обзор данного керамического комплекса, можно сказать, что на царский стол попадали поливные и ангобированные керамические изделия высокого качества. Здесь присутствует значительное количество предметов импорта. Однако не меньшее место занимает и посуда местного, ново-иерусалимского производства, в большинстве случаев мастерски копирующая зарубежные аналоги. В то же время нельзя не отметить многочисленные авторские решения и тенденцию производства изделий собственного дизайна.

Olga N. Glazunova

Table-ware “from the Tsar’s table”

Abstract. The article describes a complex of the status table-ware, collected during the excavations (2009-2016) of the Tsar’s Palace in the New Jerusalem monastery. An attempt is made to find out the origin of the specimens, imported from Western European. Also, the examples of the tableware of the workshops of Moscow and of the New Jerusalem monastery is shown.

Key words: glazed ceramics, status ceramics, tableware of Western Europe, the New Jerusalem, flask, painting in engobe, underglaze painting.

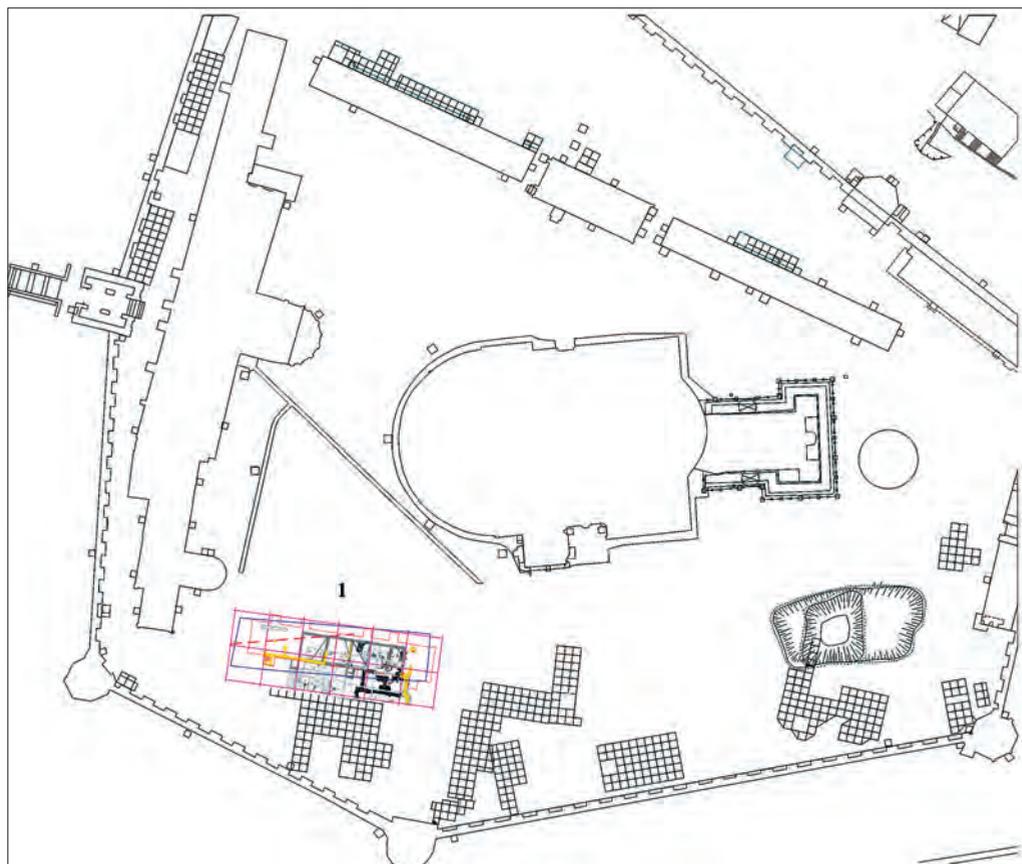

Рис. 1. Фундаменты путевого царского дворца (1) на территории Ново-Иерусалимского монастыря

Рис. 2. Кувшины с подглазурной росписью (1, 2)

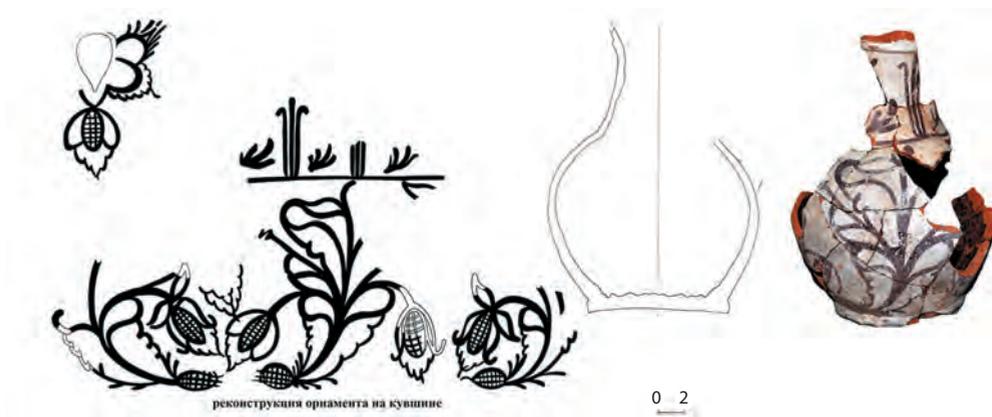

Рис. 3. Кувшин с росписью по ангобу

Рис. 4. Поливная фляжка

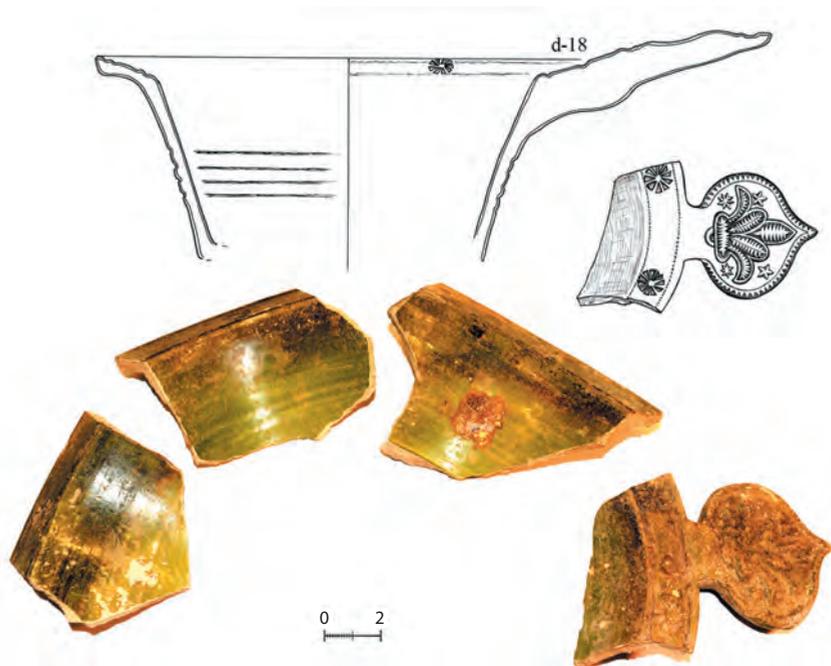

Рис. 5. Муравлений ковшик-чарка

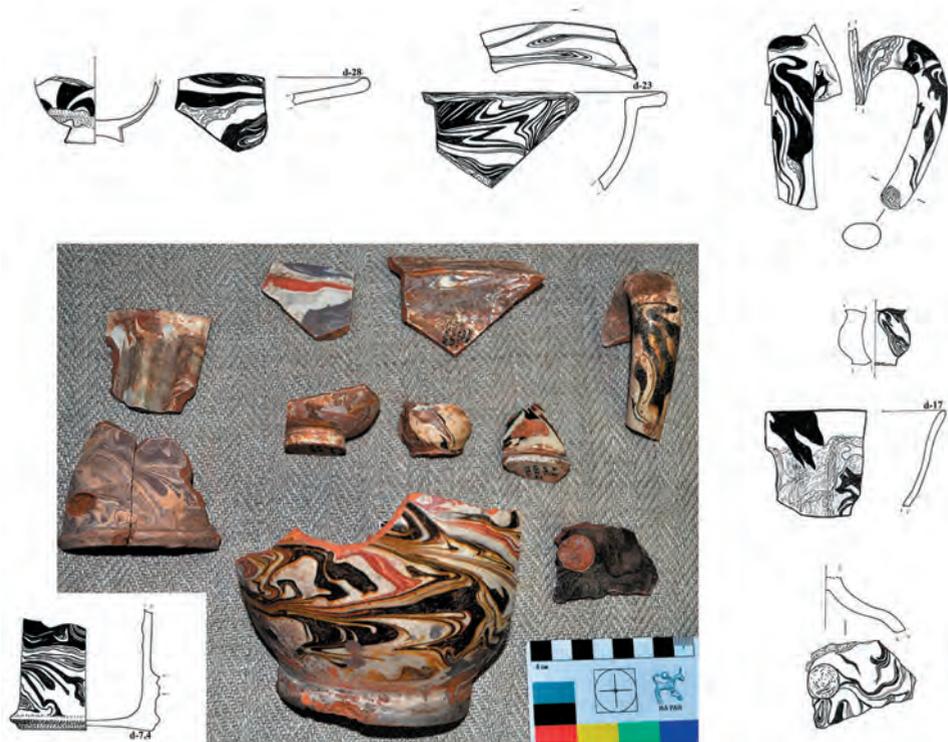

Рис. 6. Посуда с мраморовидной поливой

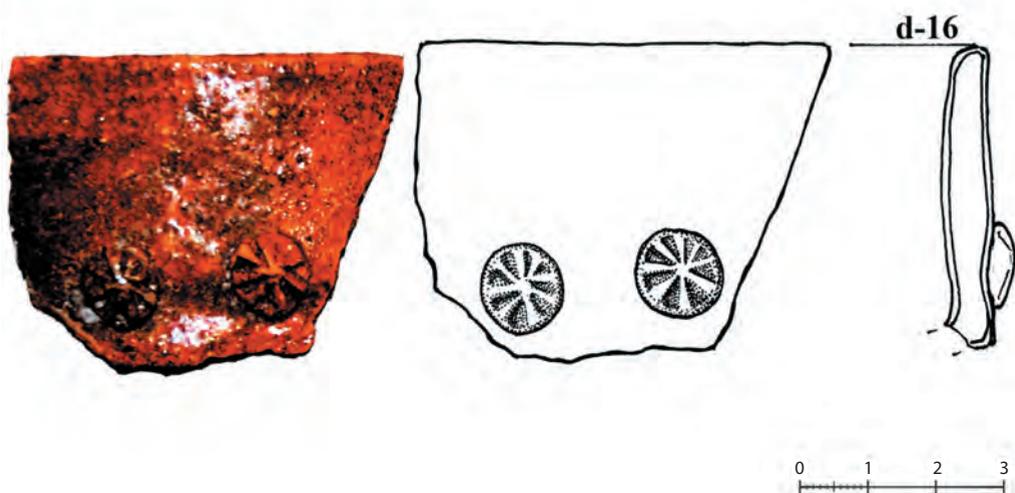

Рис. 7. Мисочка с наlepным орнаментом

Рис. 8. Поливные столовые сосуды

М.И. Гоняный, Д.В. Аносов

Новые материалы об археологических памятниках в с. Беседы под Москвой

Аннотация. В статье освещены результаты новейших археологических исследований, проведенных в районе с. Беседы, в ходе которых были обследованы пять разновременных памятников. На селище Беседы 1 встречены фрагменты лепного сосуда III–II тыс. до н.э., относящегося к фатьяновской культуре. Подробно освещен керамический комплекс конца XI–начала третьей четверти XII вв., собранный на территории селища Беседы 3. Особое внимание уделено комплексу находок конца XI–начала XII вв., обнаруженных на окраине распаханного курганного могильника Беседы 2; комплекс включает в себя детали наборного пояса и затыльник рукояти плети с коленчатым выступом – предметы, не характерные для вятических курганов древностей.

Ключевые слова: древнерусское селище, курганный могильник, древнерусская керамика, ременной набор, затыльник плети с клювовидным выступом, перстни, пластинчатые браслеты, грушевидные крестопрорезные бубенчики, ременные накладки, раннекруговая керамика.

Село Беседы и его округа привлекали внимание археологов еще в XIX в. В списке курганов, находящихся в Московской губернии, подготовленном М.А. Саблиным, у села Беседы значатся 44 кургана. Активное изучение курганных могильников в Беседах в 1930–1940-е годы проводили А.В. Збруева, О.Н. Бадер, А.В. Арциховский, Д.А. Авдусин, Г.А. Авдусина, местные жители, краеведы. Истории изучения курганов у с. Беседы в своей статье кратко касается В.В. Енуков¹. Н.А. Кренке подробно проанализировал историю археологических исследований в районе с. Беседы, а также провел опрос населения с целью сбора сведений и представлений о курганах, сохранившихся в местных преданиях и легендах (Н.А. Кренке. См. статью в настоящем сборнике).

Разведочные археологические работы, проведенные в 2015 и 2016 гг. в районе с. Беседы, были вызваны необходимостью корректировки границ охранной зоны церкви Рождества Христова, расположенной в исторической части села. Ставилась задача уточнения современного состояния ранее выявленных объектов археологического наследия, а также поиск и изучение новых, подготовка первичной учетной документации, необходимой для принятия решения об их включении в список выявленных объектов культурного наследия Московской области.

Остановимся подробнее на рассмотрении результатов разведочных исследований, проведенных в 2015–2016 гг. в районе с. Беседы.

Поисковые работы включали натурное обследование территории площадью 76 га методом сплошной разведки, зондирование поверхностного почвенного горизонта с использованием ручного мотобура Stihl VT121, шурфовку, визуальный планшетный сбор подъемного керамического материала, планшетный сбор металлических находок с использованием детекторов металла.

Поисковые исследования были осуществлены на ранее известных селищах Беседы 1, 2 (рис. 1; 2; 5), на обнаруженном в 2016 г. селище Беседы 3 (рис. 1; 7), на территории ранее раскопанного, а в 1960-е годы распаханного курганного могильника Беседы 2 (рис. 1; 21). Удалось обнаружить и инструментально зафиксировать сохранившиеся насыпи курганов 1 и 5 курганного могильника Беседы 1, расположенного в западной части села (рис. 1; 28).

Помимо этого, с целью поиска памятников археологии была заложена серия разведочных шурфов и буровых скважин на земельных участках площадью 2 и 3 га, расположенных к северу и востоку от церкви Рождества Христова, где планируется строительство торго-

¹ Енуков В.В. Курганы в селе Беседы // СА. № 3. М.: Наука, 1987. С.190–201.

вого и иных сооружений хозяйственного назначения. Никаких следов наличия объектов культурного наследия на исследованных участках не обнаружено.

Селище Беседы 1 было открыто археологом В.Ю. Дукельским в 1985 г. В следующем году дополнительно обследовано А.К. Станюковичем, в 1990 г. — Н.А. Кренке.

В 2016 г. археологической экспедицией ООО «ЦАИ „Куликово поле“ при работах на памятнике были инструментально уточнены и нанесены на топографический план границы селища. С целью поиска и изучения культурных напластований на селище и в непосредственной от него близости заложено три шурфа общей площадью 8 кв. м. (рис. 1; 2). Иных видов разведочных работ провести не удалось, т.к. археологический объект расположен в охранной зоне газораспределительной станции.

Селище Беседы 1 находится в 0,45 км к западу от русла р. Москвы, в 0,38 км к северу от церкви Рождества Христова в с. Беседы, в 0,4 км к западу от съезда с МКАД в с. Беседы (рис. 1; 2). Селище расположено в приустьевой части проточной балки Конюшенной, на мысу, образованном левым бортом балки, разрезающим склон первой надпойменной террасы правого берега р. Москвы. Высота над урезом воды в старичном водоеме — 3–8 м. Перепад современной задернованной дневной поверхности составляет 5 м. Визуальный осмотр и результаты шурфовки показали, что современная поверхность сильно изменена в результате нивелировки территории при строительстве газовой станции.

На юго-восточной окраине памятника, на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Москвы был заложен шурф 1 площадью 4 кв. м. (рис. 2; 3). Под балластом антропогенного происхождения мощностью 1,07–1,4 м залегал погребенный культурный слой мощностью 0,33–0,42 м, сложенный темно-серым суглинком с включением кусочков прокаленной глины, угольков, 13 фрагментов лепной и круговой керамики (рис. 3).

В южном углу в профиле юго-западной стенки сохранился погребенный дерн, что свидетельствует о том, что балласт был завезен на территорию селища относительно недавно. В северо-западном углу в профиле фиксировалась линза бирюзового ожелезненного суглинка с обильным включением аммонитов — раковин древних моллюсков. Ниже залегал слой бурого ожелезненного суглинка толщиной 0,31–0,46 м с включением аммонитов. Его подстилал приболоченный темно-серый суглинок, прокопанный на глубину до 0,18–0,28 м. В восточной части шурфа на глубине 215 см от условного нуля фиксировался речной желтый песок. В западной части шурфа 1 на глубине 240 см от нуля было принято решение завершить раскопки шурфа, т.к. слои, залегающие ниже культурного слоя, имели характер пойменных отложений.

В заполнении культурного слоя в западном углу шурфа 1 встречено 7 фрагментов лепной сероглиняной керамики, изготовленной из хорошо отмученного теста без видимых примесей, украшенной гребенчатым штампом и нарезным орнаментом (рис. 3; 4). Все семь фрагментов относятся к одному сосуду, который, судя по аналогиям, может датироваться рубежом III–II тыс. до н.э. и соотноситься с поздним этапом фатьяновской культуры¹.

Также в шурфе встречено два фрагмента лепной керамики с примесью дресвы и с сетчатыми отпечатками на поверхности и два фрагмента лепной гладкостенной керамики с примесью дресвы. Эти фрагменты относятся к дьяковской культуре.

Помимо лепной, в заполнении темно-серого суглинка встречено два фрагмента белоглиняной керамики с примесью песка крупной фракции, относящиеся к древнерусскому времени.

Заметим, что лепная дьяковская керамика, круговая древнерусская, а также лепная роменско-боршевского облика встречались при сборах подъемного материала предыдущими исследователями (статья Н.А. Кренке в настоящем сборнике).

В юго-западной оконечности селища Беседы 1, в прибровочной части левого борта

¹ Кренке Н.А. Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА № 4. М., 2014. С. 14, 15.

балки Конюшенной был заложен шурф 2 площадью 2 кв. м. (рис. 2). Под слоем балласта толщиной до 0,53 м залегал темно-серый суглинок — погребенный культурный слой мощностью 0,36–0,49 м, с включением угольков, кусочков прокаленной глины, керамики. В предматериковой части шурфа залегал темно-серый гумусированный суглинок толщиной до 0,15 м с обильным включением угольков, прокаленной глины и керамики. Скорее всего, в результате склоновых процессов этот слой оказался перекрытым менее гумусированным, возможно, ранее распаиваемым культурным слоем.

В заполнении шурфа встречено 8 фрагментов керамики. Из них 3 — белоглиняной с примесью песка мелкой фракции, по одному чернолощеной и сероглиняной с примесью крупного песка. Также найдены три фрагмента гладкостенной лепной керамики с примесью дресвы, относящиеся к дьяковской культуре.

В 10 м к северо-востоку от северо-восточной границы селища, в основании первой надпойменной террасы был заложен шурф 3 площадью 2 кв. м. (рис. 2). Его заполнение носило слоистый характер, иллюстрирующий склоновые процессы, связанные со смывом почвенного горизонта и его аккумуляцией в тыловой части поймы. Культурные напластования отсутствовали.

В восточной стенке шурфа 3, на глубине 0,12 м от современной поверхности удалось обнаружить фрагмент кругового сероглиняного сосуда с примесью крупного песка в формовочной массе. Подобная керамика характерна для памятников домонгольского времени.

В результате проведения разведочных работ на селище Беседы 1 были установлены его границы и площадь. С юго-запада на северо-восток оно протянулось на 73 м, ширина достигает 41 м, а площадь — 2685 кв.м.

Судя по находкам из шурфов и подъемному материалу, собранному исследователями в 1980-е годы, на многослойном поселении Беседы 1 присутствуют материалы III тыс. до н.э., дьяковского времени и XI–XII вв.

Селище Беседы 2 было открыто А.К. Станюковичем в 1986 г. и атрибутировано как средневековое.

Оно расположено на правом борту балки Конюшенная, в 0,45 км к западу от русла р. Москвы, в 0,3 км к северу от церкви Рождества Христова в с. Беседы, в 0,465 км к северо-западу от съезда с кольцевой автодороги в с. Беседы (рис. 1; 5), в 0,07 км к югу от селища Беседы 1.

Селище приурочено к мысовой части первой надпойменной террасы правого берега р. Москвы, ограниченной с северо-запада правым бортом указанной балки, на высоте 3–8 м над поймой. Площадка имеет пологий уклон в северо-восточном направлении с перепадом высот до 5 м и используется как кладбище.

С целью определения границ и датировки селища нами была сделана попытка собрать подъемный материал. При визуальном осмотре на селище было найдено 4 фрагмента керамики. Из них два фрагмента сероглиняной с примесью песка средней фракции, два других представлены сероглиняной посудой с примесью песка крупной фракции. Культурный слой, сложенный темно-серым суглинком, визуально читался в осыпях холмиков могил, на дорожках между оградами. Определить его мощность и насыщенность при помощи закладки шурфов было сложно.

Поэтому было решено закладывать буровые зондажи диаметром 10 см при помощи ручного мотобура. Было пробурено 25 скважин глубиной 1 м. Скважины закладывались в наиболее удобных местах, на тропинках, по бортам балки и надпойменной террасы. Заполнение скважин 1–9, 13–25, расположенных на территории селища, однородно — темно-серый суглинок с включением угольков, прокаленной глины мощностью 0,5–0,6 м. Ниже залегал материк — ярко-бурый суглинок. Заполнение скважин 10–12, расположенных вне границ археологического объекта, сложено темно-бурым суглинком толщиной 0,25–0,3 м, не содержащим антропогенных включений.

В северо-восточной части селища, на краю первой надпойменной террасы, была проведена зачистка обнажения почвенного горизонта, которая позволила зафиксировать культурный слой, сложенный темно-серым суглинком мощностью до 0,65 м, с включением угольков, кусочков прокаленной глины, 14 фрагментов круговой керамики. Из них сероглиняной керамики с примесью крупного песка и дресвы обнаружено 10 фрагментов. Два фрагмента посуды представлены сероглиняной с примесью мелкого песка в формовочной массе, два являются обломками красноглиняной гладкой посуды. Судя по находкам, селище Беседы 2 ориентировочно можно датировать XIII–XV вв.

В результате проведенных исследований установлена его граница. С севера на юг оно протянулось на 104 м, с запада на восток – на 57 м, площадь составляет 4962 кв.м.

В 0,18 км к западу от рассмотренного памятника, на пологом склоне левого борта балки Конюшенная, в 2016 г. обнаружено **селище Беседы 3**. Оно расположено в 0,4 км к северо-западу от церкви Рождества Христова в с. Беседы, в 0,18 км к юго-востоку от автодороги, ведущей от МКАД в с. Беседы, в 0,65 км к западу от русла Москвы-реки, на высоте 5–7 м над дном балки (рис. 1; 6; 7).

Площадка селища имеет небольшой уклон в сторону русла Москвы-реки и балки, к которой оно приурочено. Его юго-восточная, приборочная часть задернована, по ней проходит заброшенная асфальтированная дорога. Остальная часть селища распаивается. На участке, где расположено селище, почвенный горизонт сложен темно-серым суглинком, который отчетливо читается в виде темного пятна, тогда как окружающая территория отличается по цветности почвы, представленной более светлым серо-бурым суглинком.

Важно заметить, что в 0,3 км к юго-западу от селища располагался полностью изученный раскопками курганный могильник Беседы 2, распаханный в 1960-е годы (рис. 1; 6).

Визуальный осмотр распаханной части селища позволил локализовать отдельные участки, на которых наблюдались скопления подъемного керамического материала и повышенная гумусированность культурного слоя, сложенного, судя по результатам шурфовки, темно-серым суглинком мощностью 0,2–0,45 м.

С целью локализации зоны жилой и хозяйственной застройки был заложен поисковый планшет площадью 5428 кв.м. Он имел подпрямоугольную форму, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад, длиной 104 м и шириной до 60 м. Планшет разбивался на квадраты 4×4 м. Нумерация квадратов имела буквенно-цифровое обозначение (рис. 7).

На его площади в процессе сбора подъемного материала с использованием детекторов металла обнаружено 17 металлических находок. К концу XI–началу третьей четверти XII вв. можно отнести 10 предметов (рис. 8, 1–7). Кратко рассмотрим эту небольшую коллекцию. Результаты детального изучения типологических и морфологических особенностей находок из цветного металла, происходящих из сборов на селище Беседы 3 и курганном могильнике Беседы 2, технологии изготовления различных категорий ювелирных изделий, с учетом данных рентгенофлуоресцентного анализа химического состава металла, из которого они изготовлены, будут опубликованы в отдельной статье.

Находки, собранные на селище Беседы 3, представлены четырьмя грушевидными крестопрорезными бубенчиками и их фрагментами (рис. 7, 1, 5–7; 8, 2, 3). Эта категория находок, как правило, характерна для памятников XI в., но иногда они продолжают бытовать и в первой половине XII в.¹

На селище обнаружен один фрагмент литого шаровидного линейнопрорезного бубенчика (рис. 7, 2). В хорошо датируемых погребальных комплексах подобные появляются в конце XI–начале XII вв.

¹ Мальм В.А., Фехнер М.В. Привески – бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 136, 137; Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С.156; Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода X–XIV вв. // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990. С. 60.

Среди подъемного материала выделяются два перстня. Один из них — пластинчатый, разомкнутый, уплощенно-выпуклый, неорнаментированный (рис. 7, 8; 8, 1). Другой — узкопластинчатый, прямой с заходящими разомкнутыми концами (рис. 7, 4; 8, 4). Ширина обруча — 6 мм, толщина — 1 мм, диаметр — 16 мм. Лицевая сторона перстня украшена по всей длине чеканным декором при помощи кольцевого пуансона. По типологии, предложенной Т.Г. Сарачевой, он относится к классу I, типу 1¹. По ее мнению, прямые пластинчатые перстни были широко распространены на территории Древней Руси в XI—первой половине XII вв., хотя отдельные экземпляры встречаются в более позднее время. Известны они и в погребальных памятниках «земли вятичей»².

Рассматривая новгородские узкопластинчатые перстни XI в., М.В. Седова отмечает наличие двух неорнаментированных, одного покрытого глазковым пуансоном и трех — орнаментированных в виде плетеной косички³. Н.Г. Недошивина считает, что основная масса пластинчатых прямых закраинных перстней бытует в XI в. Они зафиксированы на большой территории Древней Руси, но чаще встречаются в курганах Владимирской и Смоленской областей. Они не найдены в более поздних курганах Московской и Костромской областей, что соответствует ранней дате узкопластинчатых перстней, «и вместе с тем является косвенным доказательством более поздней даты московских и костромских курганов»⁴. Заметим, что при раскопках курганных могильников у с. Беседы ни в одном из погребений не было встречено узкопластинчатых прямых перстней. Скорее всего, изделие можно датировать концом XI—началом XII вв.

Ещё один перстень, близкий по времени вышеописанным украшениям, найден в центральной части селища Беседы 3 (рис. 7, 3). Он относится к пластинчатым широкосрединным разомкнутым (рис. 8, 7). Его лицевая сторона покрыта лужением и геометрическим орнаментом, нанесенным зубчатым штампом колесиком.

Находки из железа представлены фрагментами двух черешковых ножей (рис. 7, 9, 10; 8, 5, 6). У одного из них ярко выраженное клиновидное сечение лезвия.

На предварительном уровне рассмотренная коллекция металлических находок может датировать селище Беседы 3 концом XI—началом третьей четверти XII вв.

Помимо находок древнерусского времени, на селище Беседы 3 встречены артефакты XVII—XIX вв. Это язычок от пряжки и пуговка-гирька, изготовленные из медного сплава, дверной пробой и фрагменты черешковых ножей.

Находки из цветного и черного металлов древнерусского времени, собранные с использованием детекторов металла, концентрируются в центральной части селища (рис. 7). Они тяготеют к пятнам темного гумусированного слоя и к участкам концентрации подъемного керамического материала (рис. 11; 15; 18).

Планшетный сбор керамического материала позволил получить представительную коллекцию круговой керамики, насчитывающую 688 фрагментов, характеризующую древнерусский этап существования поселения (см. керамическую Таблицу 1).

В процессе сбора подъемного материала на площади поискового планшета было обнаружено 5 фрагментов гладкостенной лепной неорнаментированной керамики с примесью крупной дресвы в формовочной массе и 3 фрагмента лепной посуды с сетчатыми отпечатками, характерной для поселений дяковской культуры Москворецкого региона.

В керамической коллекции присутствуют 82 фрагмента круговой керамики, типичной

¹ Сарачева Т.Г. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX—первая половина XII вв.) // История и эволюция древних вещей. Сб. статей МГУ. 1994. С. 87.

² Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI—XIII в. М.: Индрик, 2011. С. 214.

³ Седова М.В. Ювелирные изделия... С. 131.

⁴ Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 259.

для памятников XVII–XIX вв. (см. керамическую Таблицу 2). Она встречается равномерно на всей площади поискового планшета. Скорее всего, эти находки маркируют зону хозяйственного освоения, расположенную к западу от с. Беседы, на левом борту Конюшенной балки.

Наиболее ранней для рассматриваемого памятника является керамика, изготовленная из *красножгущихся глин с примесью толченого шамота и дресвы* в формовочной массе. Подобная посуда по сути – лепная, но подправленная на гончарном круге. Об этом свидетельствуют стенки сосудов, украшенные линейным (14 фрагментов) и волнистым (2 фрагмента) орнаментами (рис. 10, 1, 2). Толщина стенок довольно значительная – 6–10 мм, у донца до 12 мм, поверхность заглажена. В изломе черепок трехслойный, внутри светло-серый, темно-серый, редко черный (рис. 10, 8). Внешняя поверхность серо-бурого и бурого цветов (рис. 10, 1–7, 9, 13).

Венчики сосудов слабопрофилированные, отогнутые наружу, черновой край имеет округлое завершение без утолщений. Лишь в одном случае край венчика оттянут вверх и горизонтально срезан. С внутренней стороны прослеживается уступ – канавка для крышки (рис. 10, 4).

Донца сосудов представлены мелкими фрагментами, и об их форме судить трудно. Закраина отсутствует (рис. 10, 10–12). Судя по отпечаткам на донцах, сосуды формовались на песчаной подсыпке. Подобной керамики собрано 109 фрагментов, что составляет 15,8 % от числа древнерусской. На площади планшета она встречается равномерно, не создавая скоплений (рис. 9).

Скорее всего, рассмотренная керамика приходит на смену лепной посуде, в составе теста которой наблюдаются крупные включения шамота. В нашей посуде мелкотолченый шамот присутствует в небольшом количестве. По-видимому, её можно датировать последней четвертью XI–началом XII вв.

При анализе керамических комплексов древнерусских селищ Сосновка IV и Городна II, расположенных на Средней Оке, В.Ю. Ковалем было отмечено постепенное изменение состава формовочных масс, заключающееся в вытеснении добавок шамота и его замене дресвой. Исследователь отмечает, что к середине XII в. в Волго-Окском междуречье формовочные массы с шамотом полностью выходят из применения¹.

В собранной коллекции выделяются 203 фрагмента круговой керамики, изготовленной из *красножгущихся глин с примесью песка средней и крупной фракций, а также толченой дресвы* в формовочной массе (рис. 11–14). Керамика тонкостенная, 6–7 мм, встречается реже, чем толстостенная, достигающая 8–10 мм. В придонной части толщина черепка 11–12 мм. Преобладают фрагменты, имеющие в изломе однородную темно-серую окраску (рис. 12, 1, 2, 4, 5, 8; 13, 2, 3, 5; 14, 2, 4, 6, 8). Реже встречаются черепки однородного серого цвета с красным оттенком (рис. 12, 3, 7; 13, 1, 4; 14, 1, 5).

Единичные фрагменты имеют серо-красный цвет снаружи и темно-серый в изломе (рис. 12, 6). Иногда попадаются трехслойные, имеющие внешние поверхности серые с красным оттенком с темно-серой прослойкой внутри (рис. 13, 7, 8; 14, 3, 7, 9). В большинстве это неорнаментированные стенки (см. керамическую Таблицу 1). На 41 фрагменте зафиксирован линейный орнамент (рис. 14, 5–9), на 15 фрагментах – волнистый (рис. 12, 8; 14, 1–4). Ширина борозд линейного орнамента – 1–6 мм. Декор покрывает плечико сосуда (рис. 14, 6), спускается на тулово (рис. 14, 5, 7, 8) и иногда достигает придонной части (рис. 14, 9). Волнистый орнамент украшает, как правило, плечико сосуда (рис. 14, 1, 3, 4), изредка спускается на тулово (рис. 14, 2). Чаще встречается однорядная невысокая волна,

¹ Коваль В.Ю. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. № 1. М.: Наука, 2004. С. 159, 160.

нанесенная заостренной палочкой (рис. 14, 2, 3). Реже – волна высокая или пологая многорядная, прочерченная штампом в виде многозубой вилки (рис. 14, 1, 2).

Рассматриваемая красножгущаяся керамика с примесью толченой дресвы и песка средней и крупной фракций в формовочной массе в 57 случаях орнаментирована, что составляет 28 % от всей керамической коллекции. Волнистым узором украшено 26 % фрагментов, что нехарактерно для развитой (курганной) круговой древнерусской керамики, распространенной в XII в. на территории Северо-Восточной Руси, хотя в нашей выборке линейный орнамент составляет 72 % от числа декорированной. Лишь 1 фрагмент украшен гребенчатым штампом.

Верхние части сосудов представлены 27 фрагментами (рис. 12, 1–8; 13, 1–6). В подавляющем большинстве венчики отогнуты наружу, их черновой край округлый без утолщений (рис. 12, 1, 4, 7, 8; 13, 2), в ряде случаев горизонтально или косо срезан (рис. 12, 2, 3, 5). Подобное оформление чернового края характерно для раннекруговой посуды, бытующей в XI в.¹ Венчики без утолщений с округлым и кососрезанным черновым краем появляются в период бытования лепной керамики. На селище Беседы 3, где лепная керамика пока не встречена, посуда с подобной профилировкой могла бытовать в конце XI–начале XII вв.

Иногда в процессе формовки черновой край не срезали, а уплотняли, в результате чего возникали небольшие наплывы с внешней и внутренней сторон, а на торце небольшая канавка (рис. 12, 6; 13, 1). В трех случаях черновой край загибался вовнутрь и образовывал утолщения овальной и овально-уплощенной формы (рис. 13, 3, 4, 6). Один венчик имеет манжетовидное завершение. Внешний обрез чернового края оттянут наружу в виде заостренного утолщения, а внутренний выгнут вверх и имеет овальное завершение (рис. 13, 5). Сосуды с округлой и высокой раструбообразной шейкой и завернутым внутрь черновым краем появляются в начале XII в. и существуют до середины–начала третьей четверти XII в. Горшки с подобной морфологией венчиков приходят на смену раннекруговой посуде. На селище Беседы 3 она бытует в первой половине XII в.

Фрагментов донцев сосудов три. Они сформованы на подсыпке крупного песка и толченой дресвы, иногда имеют еле заметную закраину (рис. 13, 8).

Рассмотренная керамика чаще встречается в центральной и восточной частях поискового планшета (рис. 11).

Видимо, концом XI–первой половиной XII вв. можно датировать фрагменты посуды, изготовленной из *красножгущейся глины с примесью крупного песка* в формовочной массе. Подобной обнаружено 208 обломков, что составляет 30,2 % от собранной на площади поискового планшета древнерусской керамики.

В коллекции преобладают фрагменты толщиной 6–7 мм, реже встречаются толстостенные, 8–9 мм. Поверхность посуды слабо заглажена. Часть фрагментов имеет в изломе однородный темно-серый цвет (рис. 16, 1, 6; 17, 1, 5), серый цвет (рис. 16, 3, 8; 17, 2), светло-серый с красным оттенком (рис. 16, 7; 17, 4, 9). Значительная серия имеет темно-серый излом и серую с красным оттенком поверхность (рис. 16, 4, 9; 17, 3, 7). Встречаются серые в изломе фрагменты с темно-сери-красноватой поверхностью (рис. 17, 8), светло-серые в изломе с красной поверхностью (рис. 16, 2, 5; 17, 6).

¹ Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Труды ГИМ. 1999. Вып. 111 / С. 144. Рис. 5, 1, 4, 8, 9; Шполянский С.В. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Труды ГИМ. 1999. Вып. 103. Рис. 2, 3–8; Тавлинцева Е.Ю. Результаты раскопок селища Заозерье-2 в 1993–1995 гг. // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. М., 1996. С. 51. Рис. 3, 1, 2, 4; Кренке Н.А. Селище Дьяково – пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1992. С. 12. Рис. 7, 4–9; Коваль В.Ю. Сосновское селище... С. 162–165; Чернов С.З., Волков И.В. Болшево 3 – древнерусское поселение XI в. на Верхней Клязьме // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009. С. 123, 124.

Более половины (69 %) керамической коллекции без орнамента. 54 фрагмента – 83 % от всей орнаментированной – украшено линейным узором (рис. 17, 6–9), 9 – волнистым (14 % от числа декорированной) (рис. 17, 1, 2, 4, 5). Техника и стилистика нанесения линейно-волнистого орнамента тождественна с вышеописанной группой красножгущейся посуды. Судя по найденным фрагментам, орнаментация наносилась на плечики и тулово горшков. Единичные фрагменты украшены комбинированным линейно-волнистым и гребенчатым орнаментом (рис. 17, 3).

Почти целый сосуд, украшенный аналогичной композицией, нанесенной гребенчатым штампом, обнаружен на селище Жданово 1, в постройке с лепной керамикой, датирующейся второй половиной XI в.¹

Верхних частей сосудов в рассматриваемой группе керамики найдено 14. Восемь из них имеют слабо отогнутый наружу без утолщений венчик. Это фрагменты типичных раннекруговых сосудов. Их черновой край округлый, горизонтально или косо срезан (рис. 16, 1). В одном случае по кососрезанному краю проходит неглубокая канавка (рис. 16, 2). Черновой край другого венчика имеет Т-образную форму (рис. 16, 3). У одного венчика черновой край округлый, завернут внутрь, образуя канавку (рис. 16, 4). Небольшую канавку изнутри образуют венчики, черновой край которых оттянут вверх и имеет завершение округлой формы (рис. 16, 5, 8), отогнут наружу в виде утолщения прямоугольной формы (рис. 16, 6), оттянут наружу в виде слабо отогнутого козырька, образуя изнутри канавку для крышки (рис. 16, 7).

Планиграфически рассматриваемая группа керамики тяготеет к центральной и восточной частям селища (рис. 15) и в значительной степени совпадает с зоной красножгущейся керамики, в формовочной массе которой присутствует песок и дресва (рис. 11). Много общего у этой керамики в орнаментации и морфологии верхних частей сосудов. Небольшие серии венчиков не позволяют пока разработать их типологию и хронологию. Однако уже сейчас можно отметить, что на изучаемом селище, датируемом последней четвертью XI – началом третьей четверти XII вв., преобладает (до 75 %) посуда, изготовленная из красножгущейся глины (см. керамическую Таблицу 1).

Белоглиняной керамики с примесью песка средней и крупной фракций и редкой дресвы найдено 168 фрагментов, что составляет 24,42 % от всей обнаруженной на селище древнерусской керамики (рис. 19; 20).

По функциональному назначению обнаруженные фрагменты принадлежат горшкам. Их стенки довольно толстые – 6–8 мм, поверхность заглажена. Посуда недостаточно обожжена, поэтому её внешняя и внутренняя поверхности имеют белый (рис. 20, 1, 8), серо-белый (рис. 19, 1; 20, 3, 9, 12, 13), бело-розовый (рис. 20, 4, 5), серо-розовый (рис. 19, 7), темно-светло-серые оттенки (рис. 19, 4), а в изломе серо-голубой цвет.

Около половины белоглиняной керамики имеют однородный серо-белый цвет, как на поверхности, так и на изломе (рис. 19, 3, 8, 9, 10; 20, 2, 6, 7, 10, 11). Иногда черепок серо-розовый (рис. 19, 2, 6) или бело-розовый (рис. 19, 5), что можно связать со степенью обжига. Если предпринять повторный обжиг недообожженных черепков при температуре 900° и выше, то все они приобретут белый цвет. Подобный опыт повторного обжига круговой посуды, сформованной из беложгущихся глин, был проведен в 1992 г. научным сотрудником отдела археологии ГИМ И.В. Климковой с керамической серией, происходящей из раскопок древнерусского селища Монастырщина 5, расположенном на Куликовом поле².

Более половины белоглиняной керамики (64,3 %) – без орнамента, в подавляющем большинстве это стенки горшков (см. керамическую Таблицу 1). На 47 (78 % от всей ор-

¹ Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа... С. 137. Рис. 5, 11.

² Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. М., 1993. С. 150.

наментированной) зафиксирован линейный орнамент (рис. 20, 1–13), на 13 фрагментах (22 %) – волнистый. Ширина борозд линейного орнамента – 1,5–3,5 мм. Высокий процент (35,7 %) орнаментированных фрагментов свидетельствуют о том, что значительная часть тулова горшков была покрыта декором. Фрагменты сосудов, украшенные волнистым узором, мелкие и невыразительные.

Верхних частей сосудов 13 (рис. 19, 1–10). Большинство из них (9 экз.) представлены сильнопрофилированными венчиками, черновой край которых отогнут наружу, а затем завернут внутрь, образуя валикообразные утолщения, а с внутренней стороны канавку для крышки (рис. 19, 1–8). Венчики таких типов являются общерусскими для домонгольского времени, они встречаются в Москве, Подмосковье, соседних областях.

В рассматриваемой коллекции присутствуют четыре венчика, черновой край которых не имеет утолщений, прямо или косо срезан (рис. 19, 9, 10). Их толщина – 7–8 мм. Морфологически и, скорее всего, хронологически они имеют много общего с раннекруговой красножгущейся посудой, в формовочной массе которой присутствует дресва, песок средней и крупной фракций (рис. 12). Красноглиняные горшки с подобной профилировкой бытуют и постепенно приходят на смену лепной керамике во второй половине–конце XI в. С большой долей осторожности можно предположить, что на селище Беседы 3 белоглиняные горшки с подобной профилировкой верхней части начинают бытовать в конце XI–начале XII вв. Их могли изготавливать те же гончары, которые выпускали красножгущуюся раннекруговую посуду. Анализируя результаты раскопок и разведочных исследований на сопредельных территориях, в долине среднего и нижнего течения Пахры, заметим, что на селище середины–второй половины XI в. Жданово 1 керамика, изготовленная из беложгущихся глин, отсутствует¹. Не встречено белоглиняной посуды при раскопках на селище Новое Сьяново 2².

Рассматривая керамические комплексы XI в., собранные при раскопках на селище Большое Саврасово 2, расположенном на пологом склоне левого берега р. Пахры в Ленинском районе Московской области, авторы работ отмечают, что помимо лепных и раннекруговых сосудов, изготовленных из красножгущихся глин, на памятнике встречаются горшки, сформованные из беложгущихся глин. Их поверхность – серо-белая, венчики отогнуты наружу, черновой край оформлен без утолщений и обработан путем обтачивания³.

В последние годы в долине среднего течения р. Пахры продолжены разведочные работы на селищах XI–середины XII в., расположенных у дд. Заболотье и Макарово в Подольском и Домодедовском районах Московской области. В результате планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла, визуального сбора керамического материала и шурфовки получены представительные коллекции находок из цветного и черного металлов, лепной и раннекруговой керамики, изготовленной из красножгущихся глин, а также небольшие серии белоглиняной керамики с примесью песка средней и крупной фракций в формовочной массе.

На селище Макарово 1, датирующемся серединой XI–началом XII в., в керамической коллекции преобладает лепная красноглиняная керамика с примесью дресвы и шамота – 161 фрагмент, и раннекруговая с примесью песка средней и крупной фракций – 59 фрагментов, что составляет 89,8 % всей керамической коллекции. Белоглиняной керамики с примесью песка средней и крупной фракций найдено всего 25 фрагментов – 10,2 % от всей керамической серии. В подавляющем большинстве она украшена линейным орнаментом,

¹ Гоняный М.И. Археологические памятники начала этапа... С.141.

² Шполянский С.В. Новые данные по хронологии...

³ Богомолов В.В., Володин Е.О., Зайдов О.Н., Цыбин М.В., Шибанин Г.А., Шеков А.В. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. II. М., 2015. С. 340.

немногочисленные венчики имеют валикообразное завершение чернового края, характерное для керамики XII в.¹

На селище Заболотье 2, существовавшем одновременно с вышеописанным селищем, керамики из красножгущихся глин найдено 218 фрагментов (86,5 %), а фрагментов посуды, изготовленной из беложгущейся глины, — 34, что составляет 13,5 % от всей керамической коллекции. В орнаментации белоглиняной керамики доминирует линейная. В двух случаях венчики белоглиняных сосудов имеют горизонтально срезанный черновой край без утолщений, морфологически сходный с раннекруговой красножгущейся посудой. У остальных черновой край завернут внутрь, образуя округлые утолщения и желобок под крышку².

На расположенном поблизости селище Заболотье 1, которое, по-видимому, возникает в конце XI в. и функционирует в XII в. при планшетном сборе подъемного материала с металлоискателями не удалось обнаружить находок из цветного и черного металлов, характерных для середины—второй половины XI в. Лепной керамики встречено всего 5 фрагментов, не более двух десятков раннекруговой и 113 фрагментов красножгущейся круговой керамики, сильно профилированные венчики которой имеют различное по конфигурации валикообразное завершение. Рассмотренная посуда составляет 51 % от всей керамической коллекции, собранной на памятнике и, за исключением лепной и раннекруговой, может датироваться первой—третьей четвертью XII в.³

Вторая половина керамической коллекции (127 фрагментов — 49 %) представлена посудой из беложгущихся глин с примесью песка средней и крупной фракций в формовочной массе. Внешняя поверхность сосудов имеет серо-белый и почти белый цвет, толщина стенок — 5–8 мм.

Часть фрагментов в изломе имеет однородный белый, но иногда и серо-голубой оттенок, что свидетельствует о неполном окислительном обжиге. Все определимые фрагменты принадлежат горшкам, в подавляющем большинстве орнаментированным линейным узором (46 фрагментов — 96 %) от числа декорированной⁴. Волнистый орнамент зафиксирован лишь на двух фрагментах.

Профилировка верхних частей сосудов сходна с красножгущейся, рассмотренной выше. Три сосуда имеют воронкообразные венчики с горизонтально и косо срезанным черновым краем⁵. По своей морфологии подобные белоглиняные венчики имеют полное сходство с красножгущейся раннекруговой керамикой.

Завершая рассмотрение керамических материалов, происходящих из селищ, расположенных в долине р. Пахры, заметим, что на четырех из них встречена грубая по фактуре круговая белоглиняная керамика, по своим морфологическим признакам схожая с раннекруговой красножгущейся посудой второй половины XI—начала XII вв. Скорее всего, она изготовлена местными гончарами и не является импортом. Ей на смену приходит развитая круговая посуда, у которой стенки становятся тоньше, обожжена она более качественно, доминирует линейная орнаментация, черновой край венчика приобретает форму валика различных конфигураций.

Типологически близкая белоглиняная посуда, украшенная преимущественно линей-

¹ Гоняный М.И. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Раменском, Ленинском, Подольском районах Московской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т. 2 М., 2013. Л. 56, 57.

² Гоняный М.И. Отчет о разведочных археологических исследованиях, проведенных Верхне-Донской экспедицией ГИМ в Домодедовском, Ленинском, Истринском, Подольском районах Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т-1. М., 2009. Л. 12–14; 229, рис. 38, 12–19; 240, рис. 51, 12–18.

³ Там же. Л. 10; 210, рис. 18, 1–16; 211, рис. 19, 1–17.

⁴ Гоняный М.И. Отчет о разведочных археологических исследованиях, проведенных Верхне-Донской экспедицией ГИМ в Домодедовском, Ленинском, Истринском, Подольском районах Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т-1. М., 2009. Л. 10; 212, рис. 20, 12–20.

⁵ Там же. Л. 212, рис. 20, 2–3.

ным орнаментом, найдена на селище Заозерье 2¹, на селище Хотяжи 2 (Никифоровское) в долине р. Москвы. А.В. Алексеев отмечает, что посуда из беложгущихся глин с примесью крупного песка и органики имеет отогнутые наружу сложнопрофилированные венчики, черновой валикообразный край которых завернут внутрь. Собранную на селище круговую керамику датирует XI—первой половиной XII вв.²

Значительное количество беложгущейся раннекруговой керамики встречено на селище Болшево 3 на верхней Клязьме. Встречена она в постройке и культурных напластованиях XI в. Керамика толстостенная, 6–10 мм, шероховатая, т.к. в качестве отощителя добавлялся среднезернистый песок, обжиг неполный, в изломе черепок темно-серый, а внешняя поверхность белая—светло-серая. Преобладают верхние части сосудов воронкообразной формы со срезанными венчиками. Значительная часть керамики декорирована. Около 70 % раннекруговой беложгущейся керамики украшено волнистым однорядным и многорядным орнаментом³.

Рассмотренная керамическая коллекция беложгущейся круговой керамики XI в., собранная на селище Болшево 3, расположенном на северо-востоке Московецкого края, по своей численности и доминированию волнистой орнаментации отличается от керамических серий, собранных на памятниках Пахринско-Московецкого и Среднеокского бассейнов.

Присутствие на селище Сосновка IV небольшого количества белоглиняной керамики с «манжетовидными» венчиками, характерной для памятников середины XI—начала XII вв. Днепроовского Левобережья, можно связывать с её привозом мигрантами или как товар для продажи⁴.

Учитывая региональные различия, важно отметить, что раннекруговая белоглиняная посуда появляется на древнерусских поселениях во второй половине—конце XI в. в одно время с красножгущейся раннекруговой керамикой и является продукцией местных гончаров.

Планшетный сбор подъемного керамического материала и индивидуальных находок позволил на распаханной части селища Беседы 3 локализовать зону жилой и хозяйственной застройки, выделить наиболее перспективные участки для будущих исследований. На основании собранных материалов селище Беседы 3 можно датировать концом XI—началом третьей четверти XII вв.

В 0,3 км к юго-западу от селища Беседы 3 находится территория, где располагаются сохранившиеся элементы **курганного могильника Беседы 2**. Впервые сведения о 44 курганах в Беседах были опубликованы в 1879 г. в списке, подготовленном М.А. Саблиным⁵. Курганный могильник обследовался в 1937 г. А.В. Збруевой. На составленном ею глазомерном плане было отмечено 18 курганов. В результате раскопок, предпринятых в 1945–1949 гг. сотрудниками кафедры археологии МГУ, были изучены все пригодные для раскопок насыпи могильника (более подробную информацию об истории изучения рассматриваемого могильника см. в статье Н.А. Кренке в данном сборнике). Анализ находок, обнаруженных при раскопках курганных могильников Беседы 1,2, осуществлен и опубликован В.В. Енуковым⁶.

Курганный могильник Беседы 2 расположен в 0,6 км к западу от церкви Рождества

¹ Тавлинцева Е.Ю. Результаты раскопок селища Заозерье 2... С. 48.

² Алексеев А.В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004. С. 188.

³ Чернов С.З., Волков И.В. Болшево 3 — древнерусское поселение XI века... С. 123, 124.

⁴ Коваль В.Ю. Сосновское селище... С. 158, 165.

⁵ Саблин М.А. Список курганов Московской губернии // ИОЛЕАиЭ. Т. XXXV. Ч. 1. Вып. 2. М., 1879. С. 188.

⁶ Енуков В.В. Курганы в селе Беседы... С. 190–201.

Христова в с. Беседы, в 0,15 км к юго-востоку от МКАД, на правом берегу Москвы-реки, в 0,9 км от её русла, в 30–39 м над урезом воды, на пологом левом склоне балки Коноушенной, в 0,06 км от русла временного водотока на её дне. Площадка могильника имеет уклон в северо-западном направлении с перепадом высот до 9 м. На момент обследования, проведенного в 2016 г., поверхность могильника была распахана (рис. 1; 6; 21).

Перед началом поисковых работ нами ставилась задача определить, какое количество артефактов могло сохраниться в пахотном горизонте на том месте, где до 1949 г. сохранялся курганный могильник. Путем инструментальной фиксации каждой находки и костей человека, собранных в процессе сбора подъемного материала, попытаться наметить границы полностью раскопанного и сnivelированного в 1960-е годы механизированным способом курганного кладбища.

Мы были убеждены, что при раскопках курганных насыпей могли быть пропущены отдельные предметы, не изучались раскопками межкурганные пространства, ровики, опоясывающие насыпи. Определение границ некрополя, сохранности и локализации на местности ровиков, а, возможно, и нахождение погребений, не имеющих курганных насыпей, является главной задачей исследователей. Уточненная информация о современном состоянии могильника необходима для постановки памятника на государственный учет и включения в охранную зону церкви Рождества Христова.

Разведочные работы было решено проводить в два этапа. На первом было предпринято визуальное обследование распаханного поверхностного горизонта почвы с целью поиска различных по хронологии артефактов, керамического материала, костных останков погребений. По результатам этих работ при помощи мерных веревок был размечен поисковый планшет площадью 18400 кв.м, который был обследован с использованием детекторов металла. Все обнаруженные находки были инструментально нанесены на план поискового планшета и привязаны к топографическому плану памятника.

На втором этапе планируется провести поиск запаханных ровиков и возможных погребений в межкурганных пространствах. С этой целью на площади поискового планшета, вдоль веревочных магистралей с шагом 2 м, при помощи стального шупа толщиной 6 мм и длиной 1,3 м необходимо провести зондирование перепаханного поверхностного почвенного горизонта до материка. На участках, где при проведении проколов грунта шупом будут зафиксированы аномалии, сложенные турбирванными почвенными отложениями, а материк будет располагаться глубже фонового, необходимо заложить буровые зондажи диаметром 6–10 см, а в ряде случаев – рекогносцировочные шурфы. Комплекс подобных мероприятий позволит локализовать сохранившиеся ниже пахотного слоя элементы погребальных, а, возможно, и культовых сооружений на площади курганного могильника Беседы 2.

В результате визуального сбора подъемного материала металлических индивидуальных находок не было обнаружено. Однако в кв. В/12 найдена округлая шаровидная зонная бусина сине-фиолетового цвета (рис. 22, 6), в кв. В/6 – шаровидная бусина из горного хрусталя (рис. 26, 15) и фрагмент стеклянной бусины бирюзового цвета (рис. 26, 16). В северо-западной части поискового планшета, заложенного на территории курганного могильника Беседы 2, на площади 1762 кв.м. удалось обнаружить 11 костей человека (рис. 22; 26). Внешний вид костей свидетельствовал о том, что они недавно подняты плугом. Их нельзя было связывать с костными останками погребений, изученных при раскопках в конце 1940-х годов. Рядом с останками распаханных погребений при помощи детекторов металла удалось локализовать 37 находок из цветного металла и железа, 3 из стекла и горного хрусталя, которые можно связывать с изучаемым курганным могильником и, возможно, грунтовым могильником, который примыкал к курганному с северо-западной стороны.

Наиболее ранние находки, датируемые концом XI–первой четвертью XII вв., тяготеют

к скоплению костных останков. В этой зоне зафиксировано 19 предметов (рис. 22). Они включают четыре пятиугольные орнаментированные наременные накладки со штифтами для крепления (рис. 22, 8, 9, 16, 19; 23, 1–4; 24, 1–3). Скорее всего, они происходят от одного наборного пояса. Аналогичная накладка размером 20×17 мм, без следов лужения на лицевой поверхности, украшенная двумя асимметрично расположенными S-видными фигурами, встречена при сборе подъемного материала на селище конца XI–середины XII вв. Калединовка 1, расположенном в Заокском районе Тульской области¹. Подобное украшение наборного пояса размером 19×17 мм найдено на городище Осовец на Клязьме в Собинском районе Владимирской области. находка обнаружена при проведении поверхностных сборов на памятнике и датируется руководителем работ X–XI вв.²

Возможно, к этому набору может относиться прямоугольная орнаментированная накладка с петлей-рамкой в основании (рис. 22, 13; 23, 5; 24, 4).

Типологически близкая накладка была обнаружена в курганном могильнике Ступенки II, в кургане 23, датирующемся первой половиной XII в.³ На поселении у с. Исканское Тарусского района Калужской области обнаружено ремненное украшение, сходное с нашей накладкой⁴. Его размеры, форма внешнего контура, углубленный растительный орнамент совпадают с нашей находкой. На Исканском поселении собрано значительное количество находок второй половины XI–первой половины XII вв. Видимо, в это время и могла находиться в употреблении рассмотренная накладка. Фрагмент аналогичного украшения с петлей-рамкой с нижней стороны, с округло-сужающимися боковыми стенками обнаружен в 1999 г. Звенигородской археологической экспедицией в процессе сбора подъемного материала на селище Хотяжи⁵.

В состав наборного пояса могла входить фигурная пятиугольная накладка сердцевидной формы с двумя округлыми боковыми выступами (рис. 22, 5; 23, 6). По типологии, предложенной В.В. Мурашевой, ее можно отнести к классу XIV, Вид А⁶.

Аналогичные накладки встречены в Смоленской области при раскопках на курганном могильнике Ступенки II (раскопки Н.И. Булычева). Накладки датируются первой половиной XII в.

К статусным находкам, не характерным для вятичских курганных древностей, относится затыльник плети с клювовидным выступом (рис. 22, 2; 24, 6; 25, 7). Он обнаружен в центральной части распаханного скопления костей человека на курганном могильнике Беседы 2, в кв. Е/5 (рис. 22, 2). Высота затыльника – 31 мм, максимальная ширина тулова – 21 мм, с учетом выступа – 38 мм. Тулово имеет бочонковидную форму, его поверхность украшена шестью рядами шариков ложной зерни.

По классификации А.Н. Кирпичникова подобные затыльники отнесены к типу III⁷. Как отмечает исследователь, декорирование шариками, напоминающими зернь, характерно для XII–XIII вв.⁸

Отверстие в верхней его части имело диаметр 8 мм, в нижней – 11,5 мм. Литые валики

¹ Аносов Д.В. Отчет о результатах археологических разведочных работ в бассейне р. Нериска на территории Заокского района Тульской области в 2016 г. // Архив ИА РАН. Р-1. М., 2017. Л. 16, 66.

² Шполянский С.В. Древнерусский Осовец на Клязьме: археологический комментарий к истории крепости // Археология Подмосковья. Вып. 11. М., 2015. С. 171. Рис. 7, 24; 172.

³ Булычев Н.И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913. С. 56. Табл. IV, 6, 13; IX, 2, 10.

⁴ Прошкин О.Л., Фролов А.С. Поселение у с. Исканское (к вопросу о локализации древнерусской Исконы.) // Археология Подмосковья. Вып. 11. М., 2015. С. 200, 202. Рис. 4, 2.

⁵ Выражаем благодарность сотрудникам Звенигородской археологической экспедиции за возможность ознакомиться с находкой.

⁶ Мурашева В.В. Древнерусские ремненные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 38, 39.

⁷ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е 1–36. М.: Наука, 1973. С. 74; табл. XXIV.

⁸ Там же. С. 74.

вокруг канала шириной 1,5 и 3 мм увеличивали прочность его внешнего края и подчеркивали художественную завершенность изделия.

Благодаря окислам, консервирующим органические материалы, внутри втулки сохранился фрагмент округлой в сечении деревянной рукояти, расщепленной вдоль еще в древности. Длина фрагмента — 36 мм, ширина зауженного округлого окончания — 7 мм, противоположного конца — 10,5 мм (рис. 24, 6; 25, 8). Обнаруженное деревянное окончание рукояти имело слегка клиновидную форму, а его внешний диаметр был на 1 мм меньше внутреннего диаметра продольного отверстия в бочонковидной части затыльника. В момент сборки плети расщепленное окончание деревянной рукояти со вставленным в ее внутренний канал ремешком плотно зажималось внутри затыльника.

Типологически близких затыльников плетей, отлитых из медного сплава, удалось найти немного. Это находки XII–XIII вв. из Шатунов, Киевщины?, Цимлянского городища (Саркела — Белой Вежи) из слоя начала XII в.¹, из Билярского городища².

Самые ранние затыльники плетей найдены в хазарском слое Саркела. Это наталкивает на мысль о появлении на Руси плетей с навершием из степи, с юга. Плетей применялись при верховой езде без шпор «по-восточному», когда управление конем осуществлялось при помощи плети³. При раскопках чаще встречаются затыльники плетей, изготовленные из кости, однако известны изделия, отлитые из цветного металла⁴.

Достаточно полная география распространения костяных и металлических наконечников плетей представлена в работе В.Н. Чхаидзе⁵. По его мнению, плеть — это элемент экипировки всадника. Парадная плеть — знак воинского достоинства. У тюркских народов плеть служила средством управления лошастью, оружием, оберегом, атрибутом культовой практики и погребально-поминального обряда⁶.

Заканчивая рассмотрение предметов ременной гарнитуры и орнаментированного затыльника плети из цветного металла, обнаруженных на северо-западной окраине территории, где располагался курганный могильник Беседы 2, отметим, что все перечисленные находки совпадают с зоной распространения выпавших костей человека. В шурфе 1 площадью 5 кв. м. (рис. 22) на контакте пашни и материка удалось зафиксировать частично нарушенное распашкой погребение подростка. Ориентировка костяка — западная. В 0,4 м к западу от стопы правой ноги на материке было обнаружено перстнеобразное проволочное височное кольцо. Можно предполагать, что в этой части могильника могли сохраниться не раскопанные в 1940-е годы погребения наиболее ранней части некрополя. Они могли остаться незамеченными, если древнейшая часть могильника не имела насыпей или же курганы были невысокими и в процессе многолетней распашки были сnivelированы. Скорее всего, рассмотренные нами находки бытовали немного раньше, чем погребальные комплексы, полученные при раскопках курганных могильников Беседы 1, 2 и проанализированные В.В. Енуковым. Исследователь установил, что погребения содержали типично вятический набор украшений, а могильник начал функционировать после 10-х годов XII в. Заметим, что изученные нами находки нехарактерны для традиционных вятических курганных древностей. Подобные не встречены ни в одном из погребений, раскопанных Бесединских курганов.

¹ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е 1–36. М.: Наука, 1973. С. 110. Табл. XXIV, 1, 2, 4.

² Халиков А.Х. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985. С. 207. Табл. LXIX, 4.

³ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника... С. 71.

⁴ Пользуемся случаем выразить свою благодарность С.Ю. Каинову (ГИМ) за помощь в подборе аналогий затыльнику плети, обнаруженному на площади курганного могильника Беседы 2.

⁵ Чхаидзе В.Н. Костяные навершия плетей с отростком в погребениях кочевников Восточноевропейских степей // Степи Восточной Европы в средние века. М., 2016. С. 354–359.

⁶ Там же. С. 360.

С начальным этапом существования рассматриваемого могильника можно связать фрагмент привески-ложечки, обнаруженной на южной окраине некрополя (рис. 22, 7; 25, 4). Подобные амулеты часто входили в состав оберегов как символ благосостояния и довольства. По форме они делятся на круглые и продолговатые. Круглые распространяются чаще на территории Древней Руси в X—начале XII вв. В Новгороде они встречаются в слоях X—середины XII вв.¹

В западной части могильника встречен грушевидный крестопорезной бубенчик XI—начала XII вв. (рис. 22, 4; 25, 5).

В этот же период бытуют звездообразные фибулы, относящиеся к типу кольцевидных фигурных. Они представляют собой восьми- или десятиконечную звезду с круглым отверстием посередине и небольшой иглой. Изготавливали их путем литья из медных сплавов. Наша находка имеет восемь лучей, каждый из которых состоит из трех шариков ложной зерни, плотно прижатых друг к другу (рис. 22, 1; 25, 6). Ее диаметр — 25 мм.

В небольшом количестве подобные фибулы обнаружены в курганах Московской и Брянской областей, в Харлаповском могильнике Смоленской области. Этот тип застежек подробно анализирует В.А. Мальм и связывает их с женскими погребениями второй половины XI—XII вв. Аналогичная фибула происходит из культурного слоя поселения у с. Горбово в Подесенье, гибель которого приходится на первую половину XI в.²

В юго-западной части территории курганного могильника Беседы 2, в кв. В/11 (рис. 22, 6) найдена округлая шаровидная, усеченная дважды зонная бусина, изготовленная из прозрачного стекла сине-фиолетового цвета. Ее диаметр — 9 мм, высота — 8,5 мм. Цвет, технология изготовления (навивка) серийная, отшибание и хорошая сохранность стекла дают возможность предполагать ее византийское происхождение. Подобные бусы известны в Новгороде, главным образом, в ярусах, датируемых X—XI вв., из слоев XII в. происходит только 2 экз. По данным Ю.Л. Шаповой, такие же бусы происходят из памятников этого же времени — из курганов Смоленской и Тверской губерний, Гнездова, Приладожья, погребений под Десятиной церковью в Киеве, из Старой Ладogi³.

В Старой Ладoge такие бусы преобладают в слоях ЕЗ-Д (VIII—X вв.). По сведениям З.А. Львовой, они встречены и во Владимирских курганах, а также в Восточной Латвии в X—XI вв.⁴ В Ростове бусы такого цвета преобладают среди зонных и являются среди них самыми ранними. Они бытуют на протяжении X—XI вв., а также в начале XII в.⁵ В могильниках севера Руси Владышнево II и Минино II подобные бусы есть в погребениях второй половины X—начала XI вв., второй четверти XI в., конца XI—рубежа XI—XII вв. Синие зонные бусы входят в третью хронологическую группу, верхняя граница которой не выходит за рамки XI в.⁶ Таким образом, судя по аналогиям, основной период бытования таких бус — XI в.⁷

¹ Седова М.В. Ювелирные изделия... С.26.

² Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 169. Рис. 25, 10; 171, 172, 190; Григорьев А.В. Северская земля в VIII—начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 39. Рис.13, 8; 41.

³ Шапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. МИА № 55. Т. 1. М., 1956. С. 166—167.

⁴ Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып.10. Л., 1968. Часть 1. С.78—79.

⁵ Самойлович Н.Г. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006. С. 372. Табл. 1

⁶ Захаров С.Д., Кузина И.Н. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X—XIII вв., средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Материальная культура и хронология. Т. 2. М., 2008. С. 186. Табл. 86.

⁷ Выражаем сердечную благодарность Е.К.Столяровой (ИА РАН) за определение, подбор аналогий и описание стеклнной бусины.

В зоне концентрации костей человека найдены три перстня (рис. 22, 3, 17, 18) и пять оплавленных медных предметов (рис. 22, 10–12, 14, 15), возможно, связанных с трупосожжениями, которые можно ожидать в этой части могильника. Три перстня, которые будут рассмотрены ниже, могли бытовать как в конце XI в., так и доживать до третьей четверти XII в.

Один из них с утолщением передней части обруча с уплощенной внутренней поверхностью (рис. 22, 6; 25, 1). В Новгороде подобные встречаются в слоях начала XI в. и доживают до 70-х годов XII в.¹ В вятических погребениях они известны с конца XI в.²

В квадрате Е/7 встречен разомкнутый пластинчатый перстень (рис. 22, 18; 25, 2). Диаметр обруча – 22 мм, ширина передней части – 8 мм, краев – 4–5 мм. Он украшен декором в виде косички, характерным для финских племен Поволжья и Прикамья. Разомкнутый пластинчатый перстень принадлежит к переходному типу от прямых с узким обручем к широкосрединным. Узкопластинчатые перстни с аналогичным декором были широко распространены в XI–начале XII вв. на территории Древней Руси, но отсутствуют в курганных древностях вятичей.

В западной части могильника, в кв. Г/8 (рис. 22, 17), найден ложноплетеный перстень с утолщенной средней частью (рис. 25, 3). У вятичей подобные встречаются редко и датируются XII в.³

Остальные 20 находок, обнаруженные на территории курганного могильника Беседы 2, представлены типично вятическими украшениями, характерными для первой–начала третьей четверти XII в. (рис. 26; 27).

В первую очередь, это семь бубенчиков шаровидной формы с щелевидной прорезью. В ряде случаев их тулово орнаментировано пояском, состоящим из трех концентрических линий (рис. 26, 2, 6, 10, 11, 17, 19, 20; 27, 1, 2, 3, 4), высота достигает 20–21 мм. Временем наибольшего распространения этого типа бубенчиков является XII в., что подтверждается многочисленными находками из вятических курганов⁴.

Найдено два фрагмента семилопастных височных колец со вторым орнаментом на щитке⁵ и две скругленные плоские лопасти с округлым завершением (рис. 26, 1, 3, 7, 8; 27, 5–7), а также фрагмент цепи или держателя амулетов (рис. 26, 9).

Единственная в коллекции находка из драгоценного металла – половина ажурной бусины (рис. 26, 14; 27, 10). Судя по размерам сохранившегося фрагмента (15×20 мм), бусина входила в состав ожерелья. Филигранные украшения являются характерным элементом драгоценных древнерусских уборов, известным по кладам и городским слоям; в курганных древностях они отсутствуют.

В западной части могильника, в кв. Г/8 (рис. 26, 5; 27, 9), найден ложновитой сомкнутый перстень, так называемый рубчатый. Подобные широко распространены у всех славянских племен в X–XIII вв.⁶ В вятических погребениях они встречаются в комплексах второй половины XI–XII вв.⁷

Среди других находок укажем поясное кольцо (рис. 26, 12), лезвийную часть железного черешкового ножа (рис. 26, 18), фрагмент стеклянной бусины бирюзового цвета (рис. 26, 16), шаровидную бусину из горного хрусталя (рис. 26, 15; 27, 8).

В северо-восточной части территории, занятой курганным могильником Беседы 2, об-

¹ Седова М.В. Там же. С. 122, 123.

² Равдина Т.В. Хронология... Табл. 8.

³ Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело... С. 31, 213–214.

⁴ Мальм В.А., Фехнер М.В. Привески – бубенчики... С. 137; Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело... С. 31, 204–206.

⁵ Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С. 140.

⁶ Недошивина Н.Г. Перстни... С. 264.

⁷ Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело... С. 31.

наружен фрагмент круглой ажурной крестолунничновключенной привески (рис. 26, 21; 27, 11). Ее высота — 34 мм, толщина — 1,5 мм. Аналогичные встречаются на памятниках XII—XIII вв. на территории Московской и в восточных районах Смоленской областей. А.В. Успенская пришла к выводу, что они были характерны для женского убора земли вятичей¹.

В юго-восточной части поискового планшета встретился фрагмент узкоконечного или загнутоконечного пластинчатого браслета (рис. 26, 13; 27, 13). На лицевой поверхности сохранился геометрический декор в виде зигзагообразной композиции.

Среди находок из подъемного материала можно отметить пластинчатый конец витой гривны из простого или сложного жгута (рис. 26, 4; 27, 12). Длина пластины — 98 мм, максимальная ширина — 9 мм. Время появления витых гривен с припаянными плоскими наконечниками М.В. Фехнер относит к XII в.²

При раскопках могильника в с. Беседы в кургане 29, датируемом серединой—началом второй половины XII в., была обнаружена витая двойная гривна с припаянными пластинчатыми концами³. Видимо, этим же временем следует датировать и нашу находку.

Детальное обследование западной окраины с. Беседы, приуроченной к правому борту балки Конюшенная (рис. 1; 28), позволило уточнить современное состояние **курганного могильника Беседы 1**, ранее насчитывающего 26 насыпей. В ходе обследования были осмотрены насыпи курганов 1 и 5, снят инструментальный план кургана 1 (рис. 29).

Курган 1 расположен в 0,4 км к юго-западу от церкви с. Беседы, в 0,54 км к югу от съезда с автодороги МКАД в с. Беседы, на улице Ленинской, вблизи д. 4. При устройстве бензохранилища в послевоенное время насыпь кургана была частично нарушена. Основное погребение, скорее всего, не разрушено. На его вершине стоит памятник воинам-освободителям. Высота насыпи — 2,5 м, диаметр — 15 м. К основанию кургана с северо-западной и юго-западной сторон примыкали ровики. В настоящее время на их месте проложены пешеходные дорожки. С запада по склону насыпи и вершине проходит бетонная лестница. С восточной стороны кургана проходит забор частных владений. Площадь границы кургана 1 составляет 528 кв.м.

В 0,16 км к северу от кургана 1, в 0,37 км к западу от церкви с. Беседы, на границе частных владений домов 9 и 9а по улице Ленинской удалось зафиксировать курган 5 (рис. 28). Насыпь частично разрушена с юго-западной и с северо-восточной сторон. Ее диаметр составляет 10 м, высота — 1,6 м. Основное погребение не разрушено. Остальные насыпи могильника Беседы 1 выявить не удалось, т.к. они разрушены.

Заключение

Подводя итоги разведочных археологических работ в районе с. Беседы Ленинского района Московской области, отметим, что удалось исследовать пять различных по хронологии и сохранности объектов археологического наследия. В результате чего подготовлена учетная документация, позволившая поставить на государственную охрану селища Беседы 1–3 и курганный могильник Беседы 1.

Детальные разведочные археологические исследования, проведенные на курганном могильнике Беседы 2, позволившие обнаружить и инструментально зафиксировать 40 находок конца XI—начала третьей четверти XII вв., скопление костей человека, указывающих на наличие нераскопанных захоронений, зафиксированное в шурфе 1 погребение

¹ Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 100. Рис. 16, 11; 106; 108.

² Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 73.

³ Енуков В.В. Курганы в селе Беседы... С. 194. Рис. 2, 3; 200.

подростка, сохранившиеся ниже пахотного горизонта прикурганые ровики, свидетельствуют о том, что рассматриваемый некрополь исследован в 1940-е годы не полностью. В связи с чем необходима его постанковка на государственную охрану.

На территории могильника Беседы 2 перспективно продолжение поисковых работ, нацеленных на локализацию прикурганых ровиков и сохранившихся погребений, не имеющих в настоящее время насыпей.

Помимо этого, на правом берегу балки Конюшенная целесообразно искать древнерусское селище, жители которого оставили курганный могильник Беседы 1. Селище Беседы 3 невелико по площади, и вряд ли его жители за половину столетия могли оставить два значительных по количеству курганов некрополя.

Пока археологически неизученной остается центральная, ныне плотно застроенная часть с. Беседы. На этой территории, неподалеку от церкви Рождества Христова, можно надеяться обнаружить культурные напластования XIV–XIX вв., которые позволят локализовать историческое ядро древнего села.

Mikhail I. Gonjany, Dmitry V. Anosov

New materials on archaeological monuments in village Besedy near Moscow

Summary. The article considers the latest results of archaeological research near village Besedy, which dealt with five asynchronous monuments. Fragments of a handcrafted III-II c. BC vessel of Fatyanovo culture were found. Late 11th–early 12th c. AD pottery complex collected from territory of settlement Besedy 3 is described in detail. Particular attention is paid to a complex of late 11th–early 12th c. finds, discovered on the periphery of ploughed mound burial Besedy 2; the complex includes elements of composite belt and butt plate of whip with cranked ledge – items untypical for mound antiquities of Vyatichi tribe.

Key words: Old Russian settlement, mound burial, Old Russian pottery, belt set, butt plate of whip with cranked ledge, rings, plate bracelets, pear-shaped cross-cut bells, belt onlays, early wheel pottery.

Таблица 1. Московская область, Ленинский район. Селище Беседы 3 (конец XI—начало третьей четверти XII вв.). Поисковый планшет 1

	Керамика из красножгущихся глин с примесью толченого шамота и дресвы	Керамика из красножгущихся глин с примесью песка средней и крупной фракции, толченой дресвы	Керамика из красножгущихся глин с примесью крупного песка	Белоглиняная керамика с примесью песка средней и крупной фракции редкой дресвы	Итого
Стенки без орнамента	84	116	128	92	420
С линейным орнаментом	14	41	54	47	156
С волнистым орнаментом	2	15	9	13	39
Гребенчатый орнамент	0	1	1	0	2
Линейно-волнистый орнамент	0	0	1	0	1
Верхние части сосудов	7	27	14	13	61
Донца	2	3	1	3	9
Итого	109	203	208	168	688
Процентное соотношение	15,84 %	29,51 %	30,23 %	24,42 %	100,00 %

Таблица 2. Московская область, Ленинский район. Селище Беседы 3 (XVII—XIX вв.). Поисковый планшет 1

	Белоглиняная керамика без видимых примесей	Чернолощенная, моренная керамика	Красноглиняная керамика с примесью мелкого песка	Ангобированная керамика	Сероглиняная керамика с примесью мелкого песка	Итого
Стенки без орнамента	70	6	3	1	1	81
Верхние части сосудов	1					1
Итого	71	6	3	1	1	82

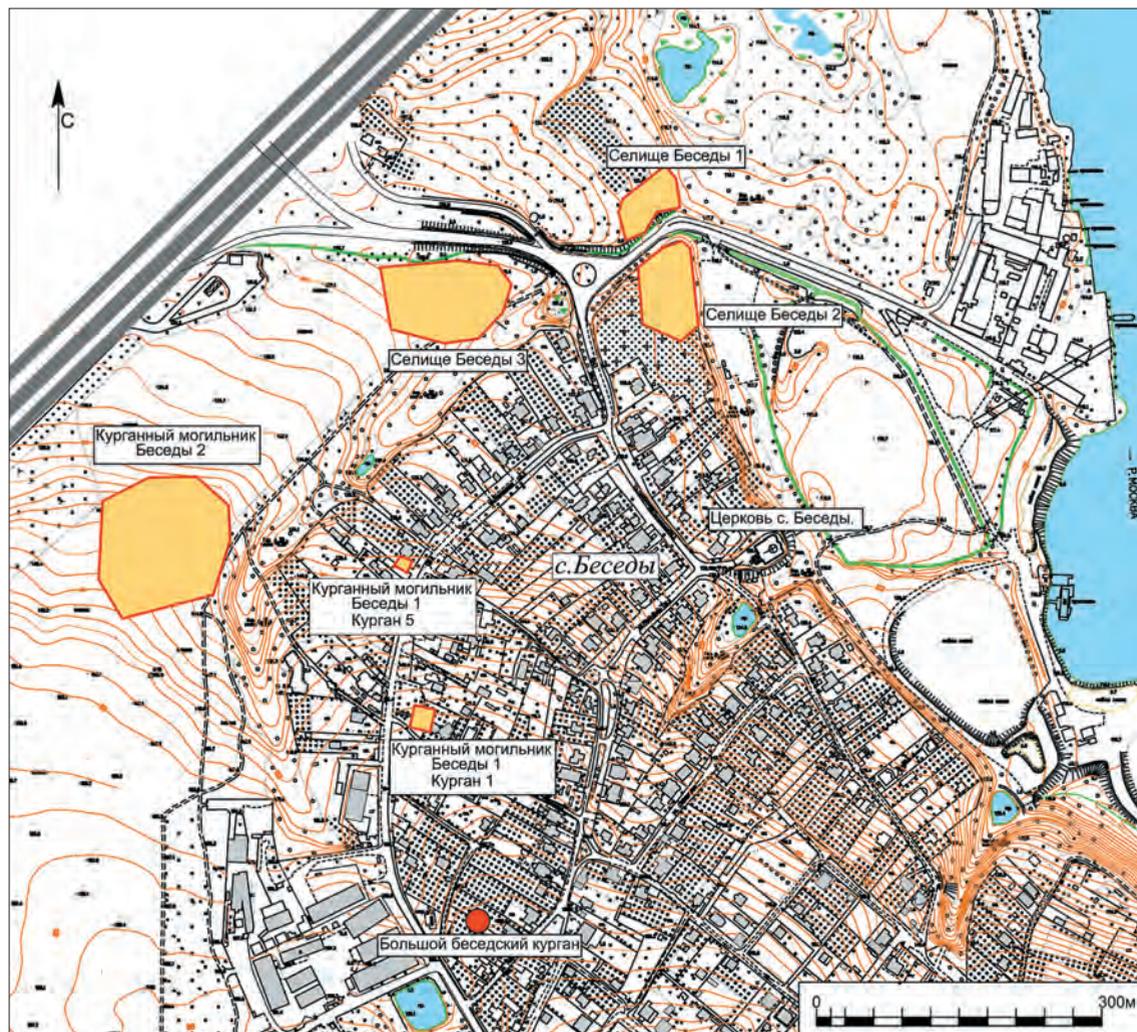

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников в с. Беседы Ленинского района Московской области, обследованных в 2016 г.

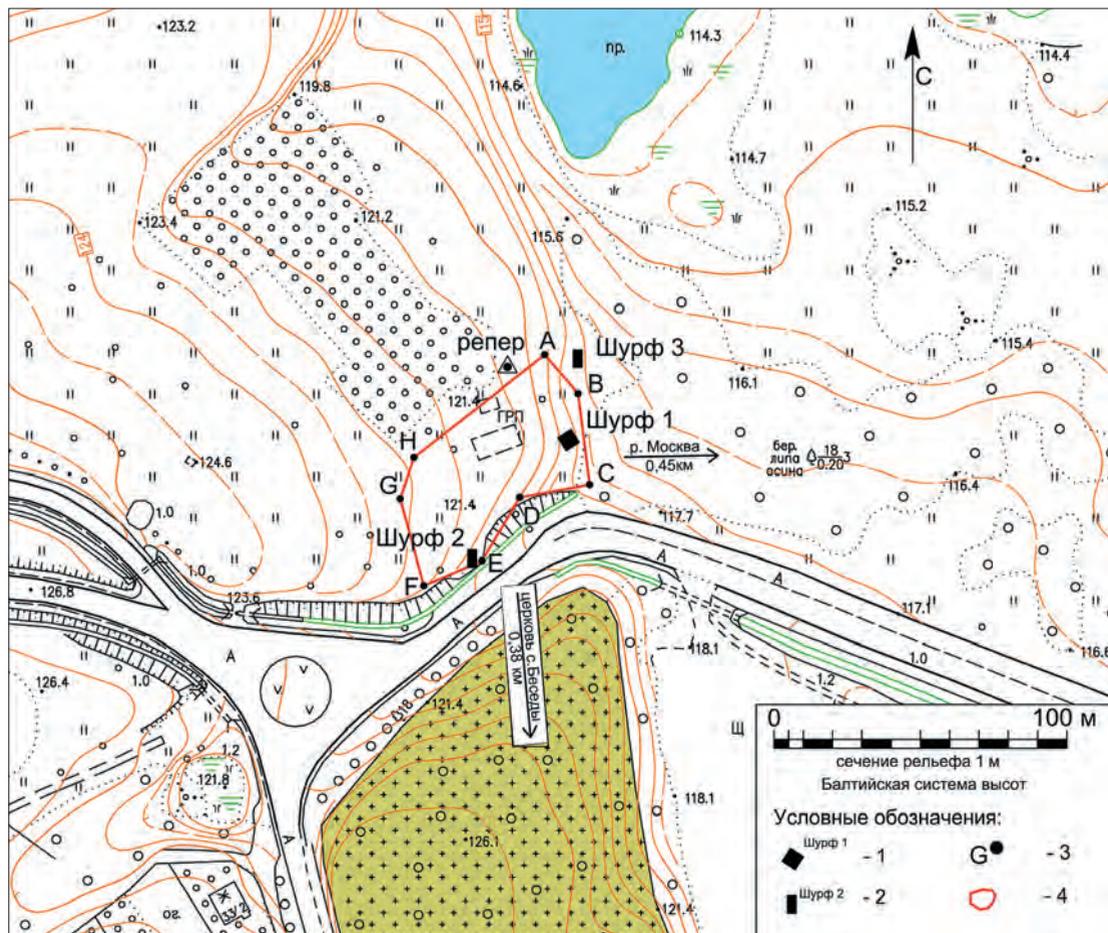

Рис. 2. Селище Беседы 1. Топографический план

1 – стратиграфический шурф 2×2м; 2 – стратиграфический шурф 1×2м; 3 – поворотная точка на границе селища; 4 – граница селища.

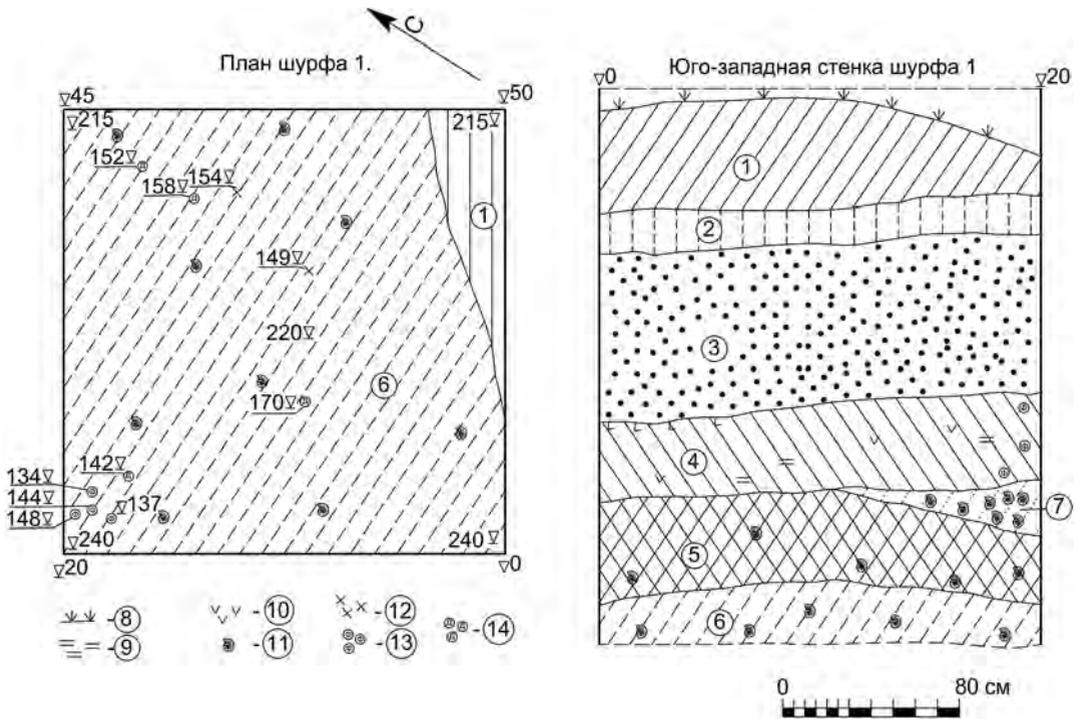

Рис. 3. Селище Беседы 1. План и профиль шурфа 1

1 – перемешанный темно-серый и темно-бурый суглинок; 2 – темно-бурый суглинок; 3 – перемешанный песок; 4 – темно-серый суглинок (погребенный культурный слой); 5 – бурый ожелезненный суглинок; 6 – болотный темно-серый суглинок; 7 – бирюзовый ожелезненный суглинок; 8 – трава; 9 – прокаленная глина; 10 – угольки; 11 – аммониты; 12 – фрагменты круговой керамики; 13 – фрагменты лепной керамики фатьяновской культуры; 14 – фрагменты лепной керамики дяковской культуры.

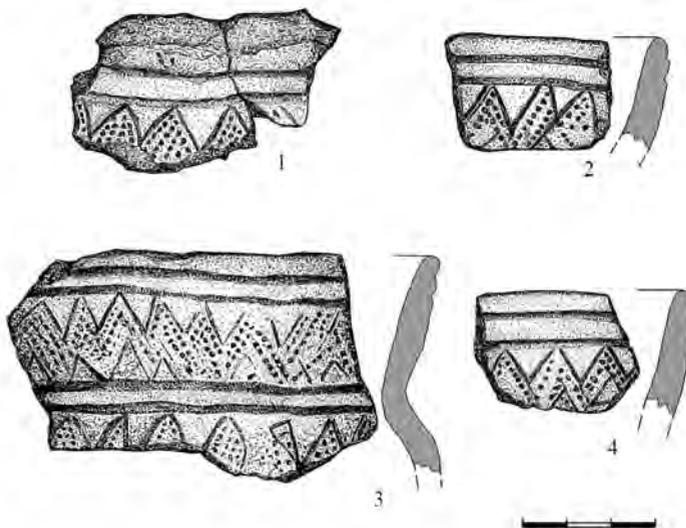

Рис. 4. Селище Беседы 1. Шурф 1. Фрагменты лепного сосуда фатьяновской культуры из заполнения 7–8 пластов

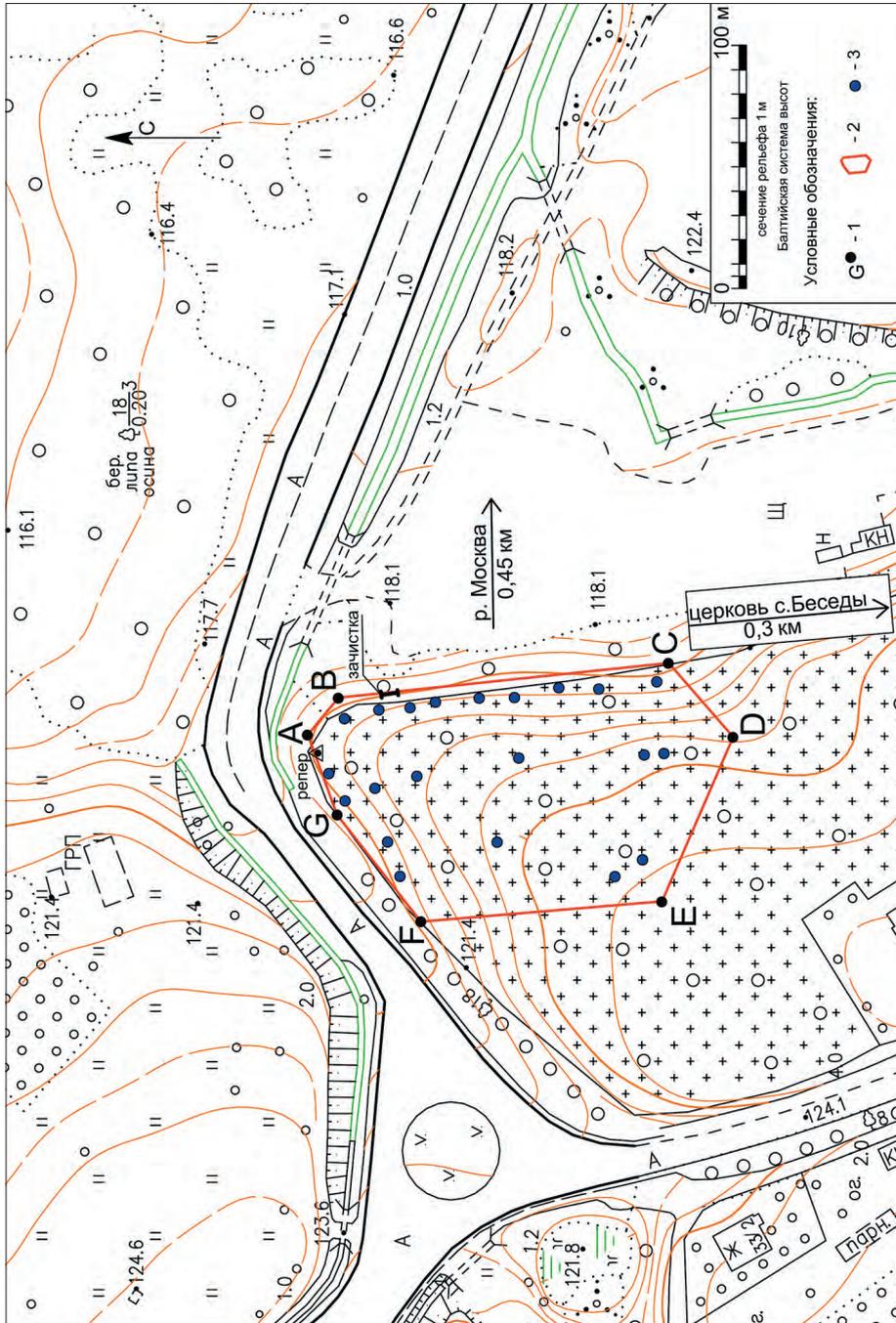

Рис. 5. Селище Беседы 2. Топографический план

1 — поворотная точка на границе селища; 2 — граница селища; 3 — буровая скважина диаметром 10 см, сложенная темно-серым суглинком. 4 — буровая скважина диаметром 10 см, сложенная светло-бурым суглинком.

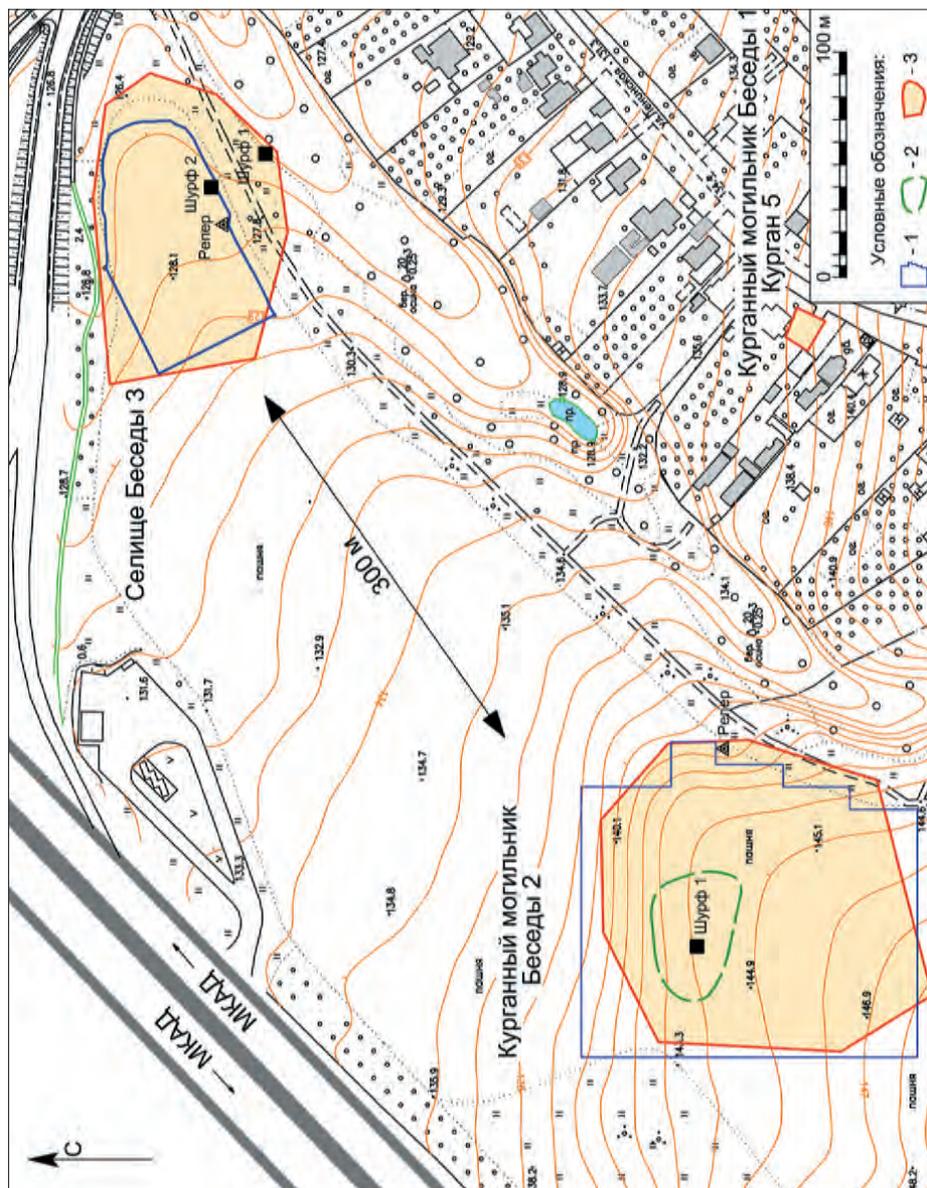

Рис. 6. Карта-схема расположения селища Беседы 3 и курганного могильника Беседы 2
 1 — поисковые планшеты; 2 — скопление костей на месте курганного могильника; 3 — границы археологических объектов.

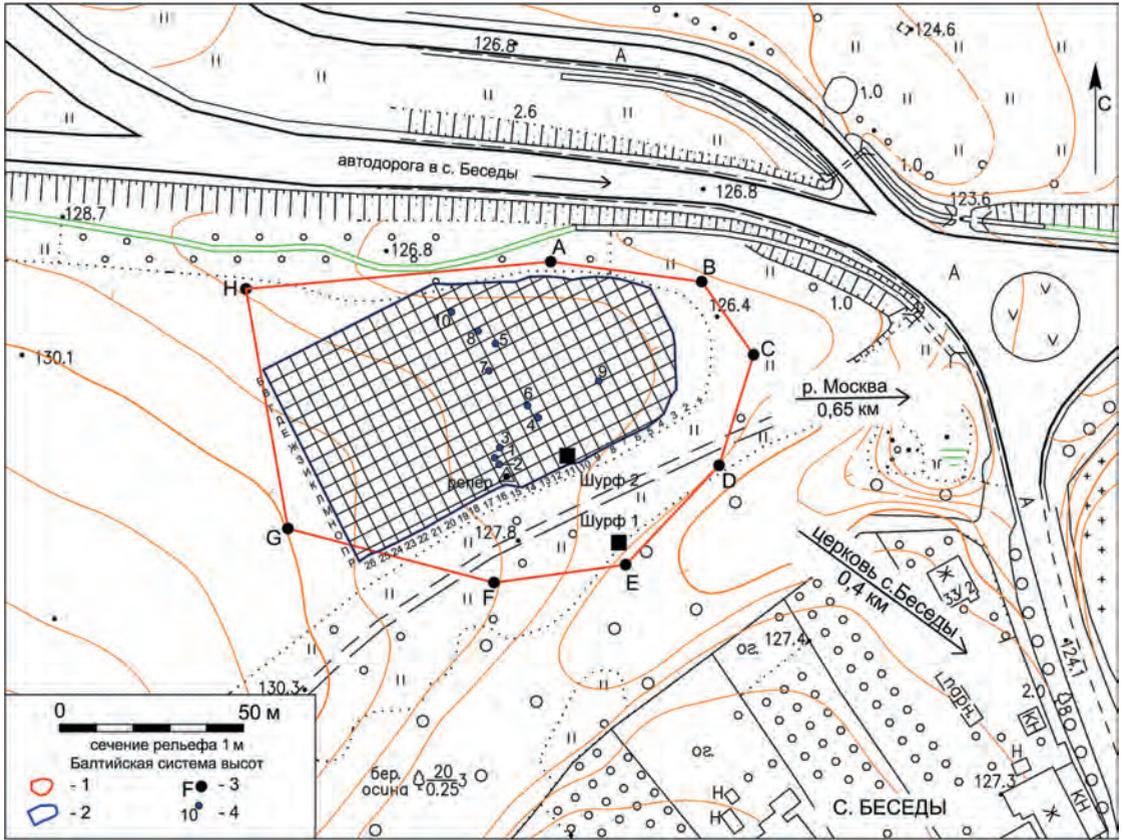

Рис. 7. Селище Беседы 3. Топографический план с нанесением поискового планшета, стратиграфических шурфов, находок, собранных с использованием детекторов металла
 1 – граница селища; 2 – граница поискового планшета; 3 – поворотная точка на границе селища; 4 – находки, собранные в процессе планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла:
 1 – бубенчик крестопорезной (кв. О/15); 2 – фрагмент щелепорезного бубенчика(кв. О/15); 3 – перстень широкосрединный, украшенный штамповым орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком (кв. Н/15); 4 – узкопластинчатый перстень, украшенный глазковым пуноном(кв. Н/11); 5–7 – фрагменты крестопорезных бубенчиков(кв. Ж/12, М/12 3/13); 8 – фрагмент уплощенно-выпуклого дровяного перстня (кв. Е/12); 9, 10 – ножи черешковые (кв. Н/6, Г/13).
 Цифры в скобках соответствуют номерам находок на поисковом планшете.

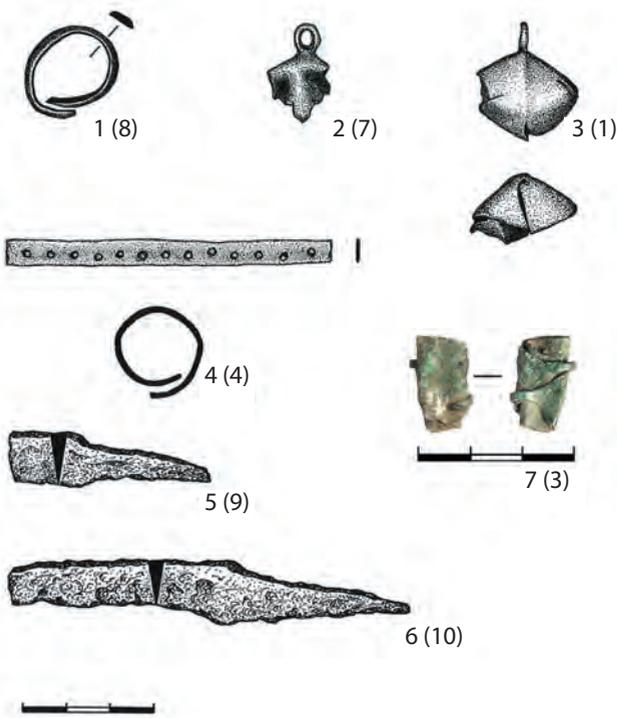

Рис. 8. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1

1 – фрагмент уплощенно-выпуклого пластинчатого перстня;
 2–3 – бубенчики крестопорезные;
 4 – узкопластинчатый перстень, украшенный глазковым пунсоном;
 5–6 – ножи черешковые;
 7 – перстень широкосрединный, украшенный штамповым орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком

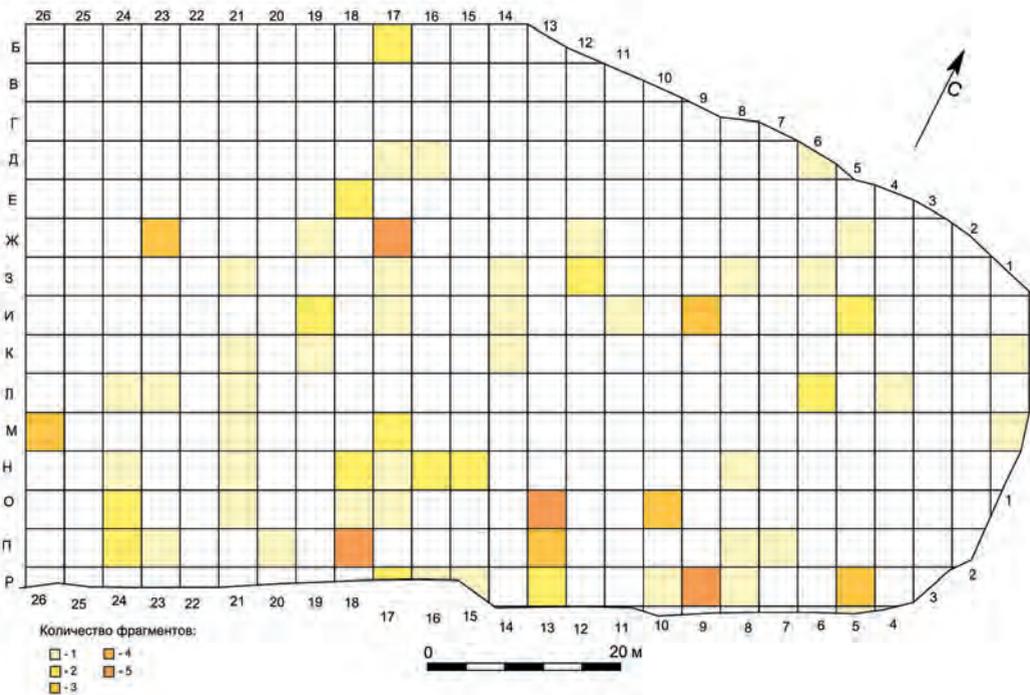

Рис. 9. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1. Схема распространения керамики из красножгущихся глин с примесью толченого шамота и дресвы в формовочной массе

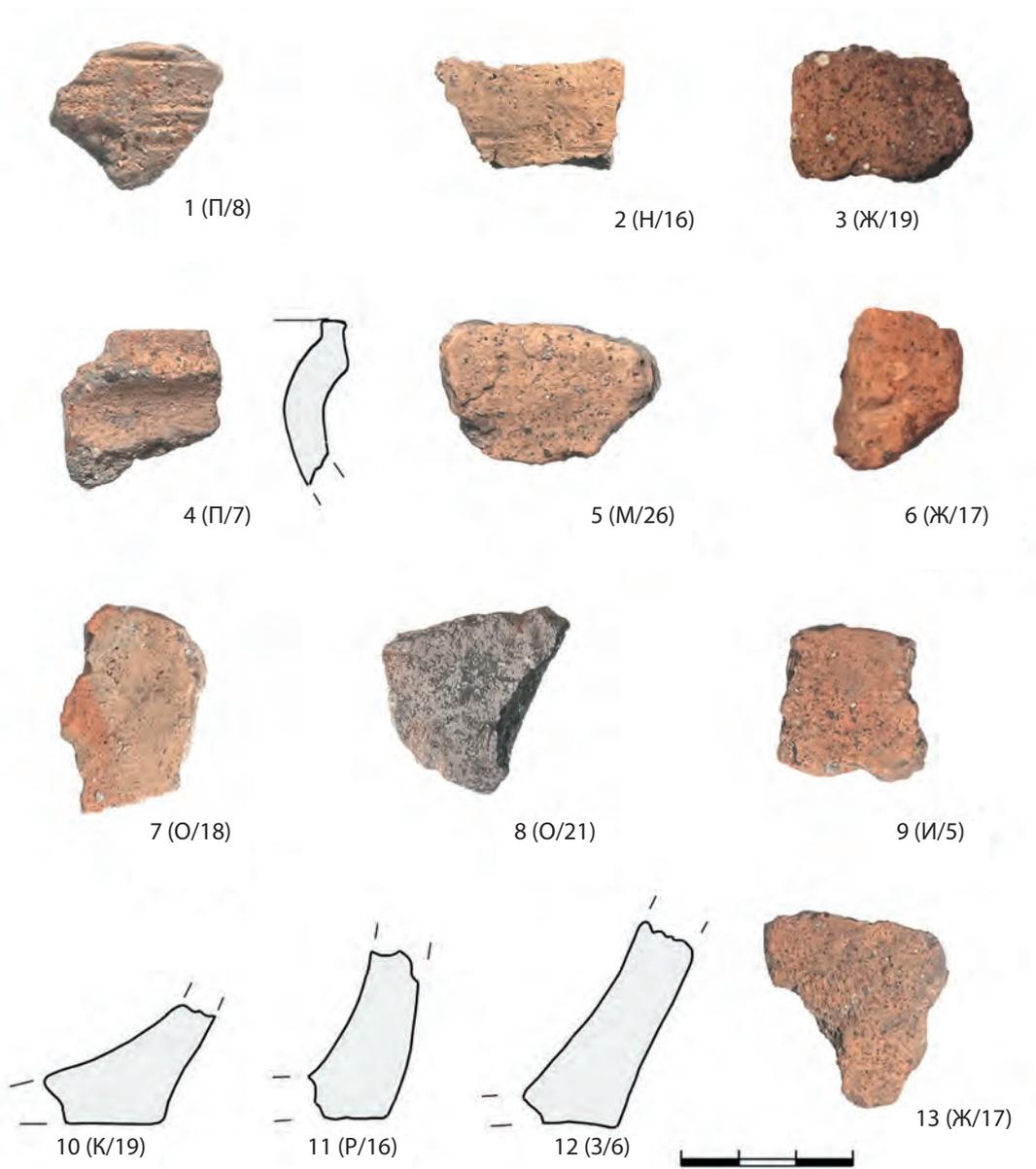

Рис. 10. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1

1–13 – фрагменты раннекруговой керамики с примесью толченого шамота и дресвы.

1–2 – стенки с линейным орнаментом; 4 – венчик; 10–12 – донца;

3, 5–9, 13 – стенки без орнамента.

Шифр в скобках соответствует квадратам на поисковом планшете 1.

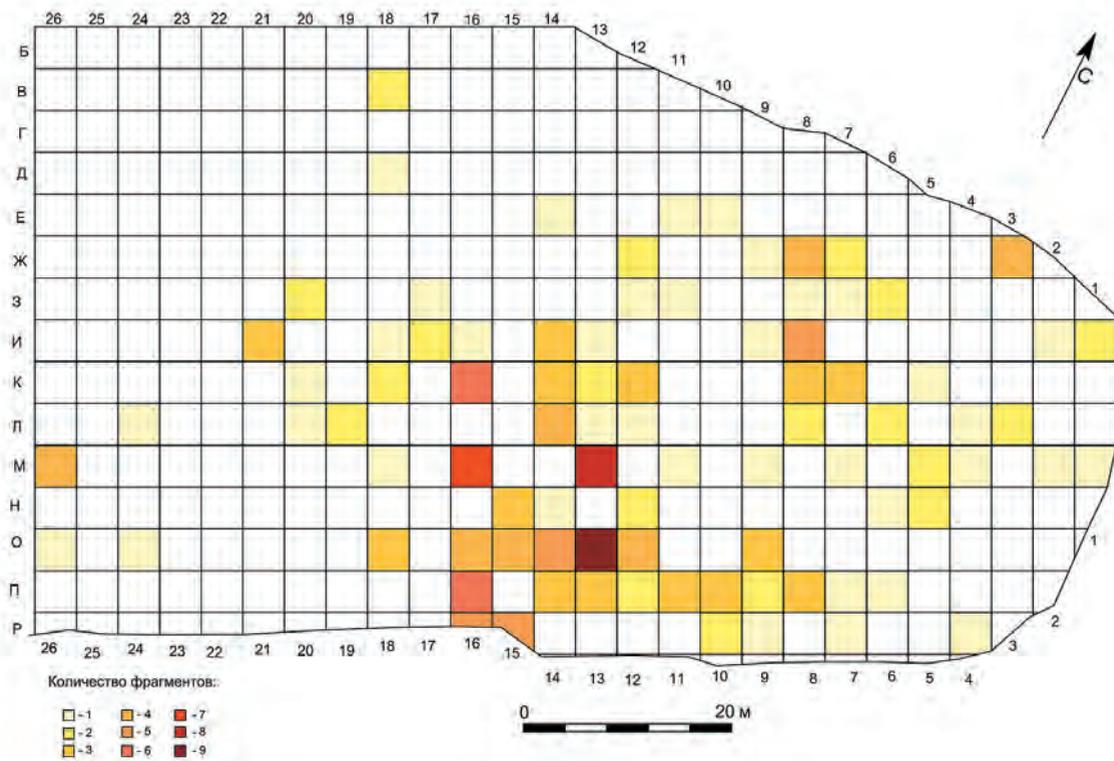

Рис. 11. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1. Схема распространения керамики из красножгущихся глин с примесью дровсы, песка средней и крупной фракции в формовочной массе

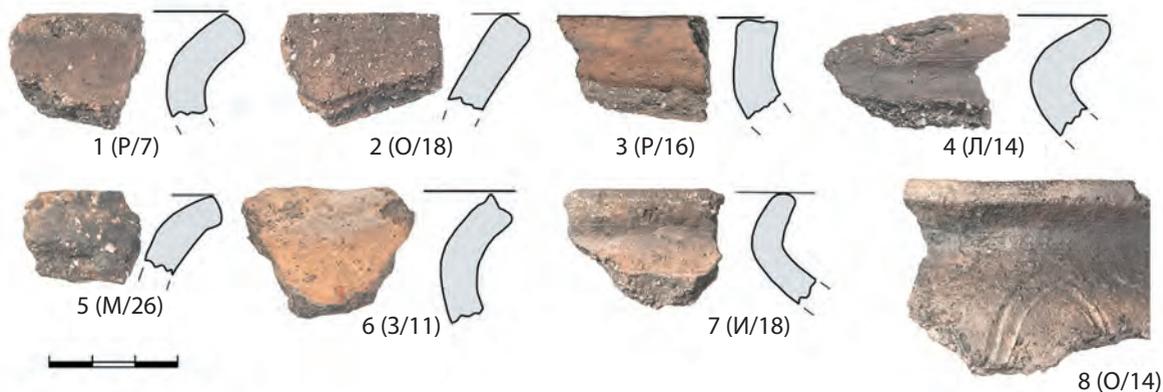

Рис. 12. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1
1–8 – венчики красноглиняных сосудов с примесью дровсы, среднего и крупного песка в керамическом тесте.
Шифр в скобках соответствует квадратам на поисковом планшете 1.

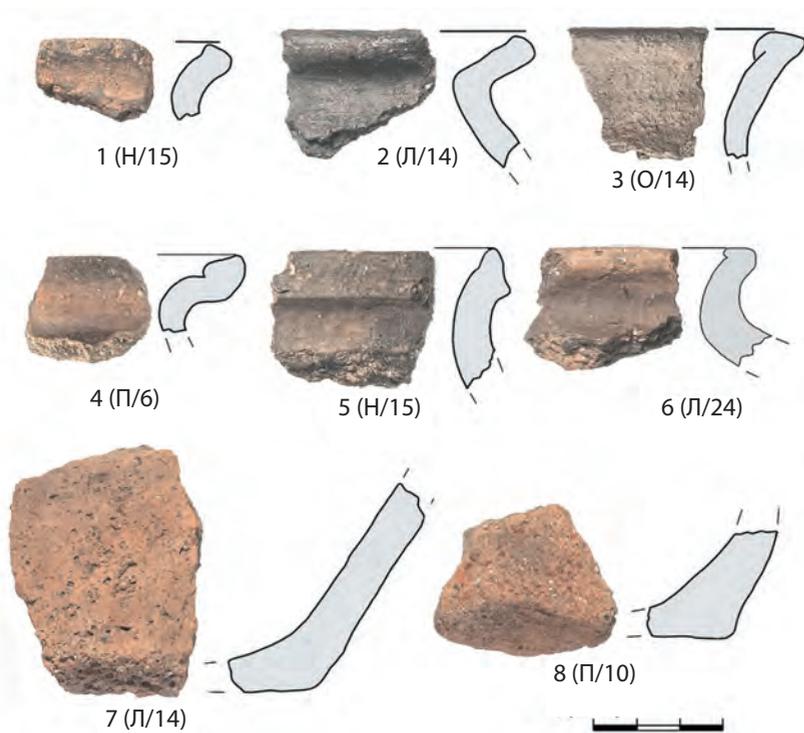

Рис. 13. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1
 1–8 – фрагменты красноглиняных сосудов с примесью дресвы, среднего и крупного песка в керамическом тесте.
 1–6 – венчики; 7, 8 – донца.
 Шифр в скобках соответствует квадратам на поисковом планшете 1.

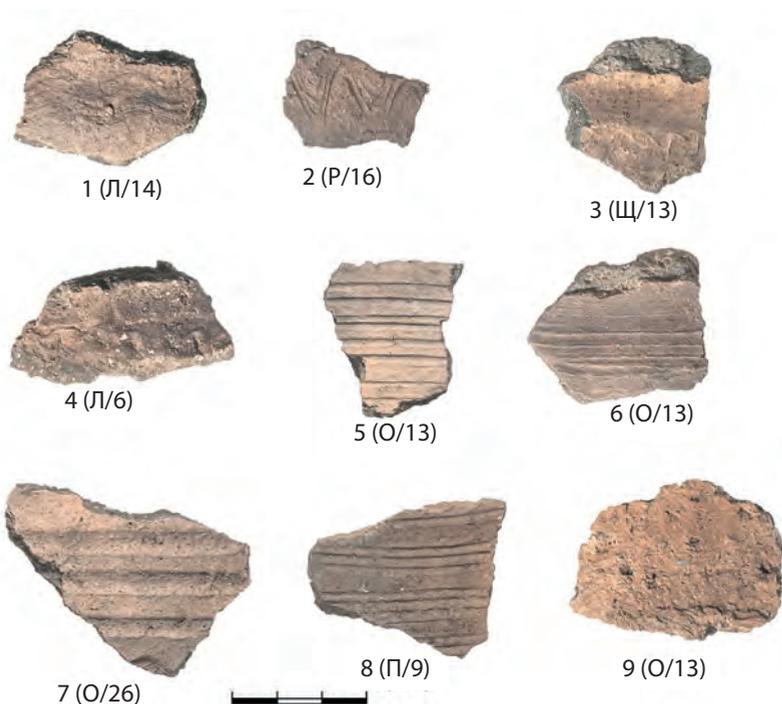

Рис. 14. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1
 1–9 – фрагменты красноглиняных сосудов с примесью дресвы, среднего и крупного песка в керамическом тесте.
 1–4 – стенки с волнистым орнаментом; 5–8 – стенки с линейным орнаментом; 9 – стенка без орнамента.
 Шифр в скобках соответствует квадратам на поисковом планшете 1.

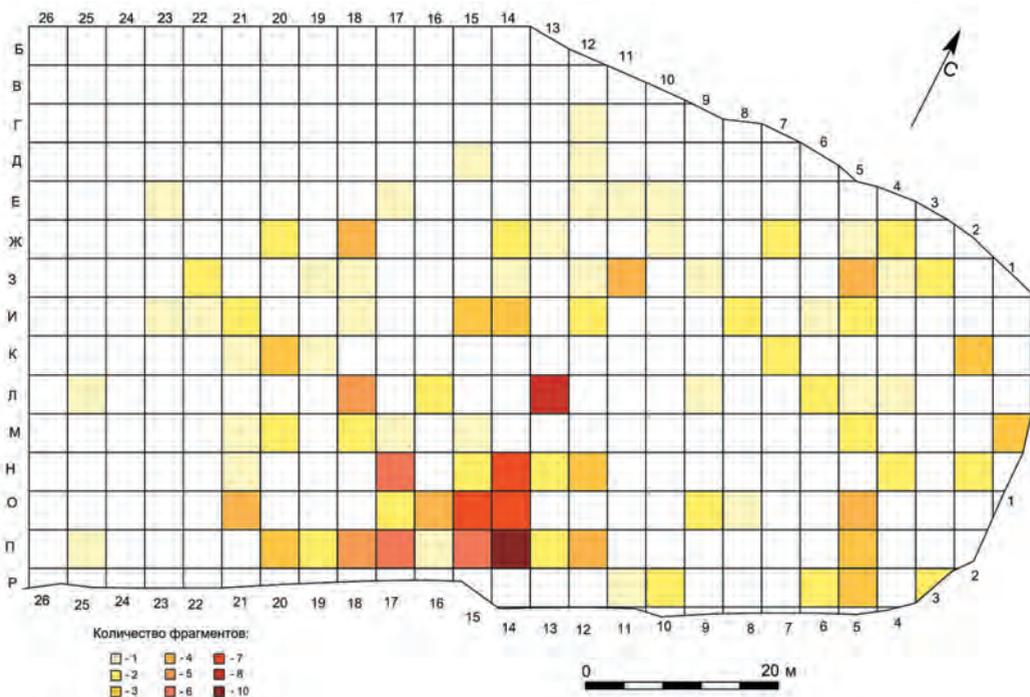

Рис. 15. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1. Схема распространения керамики из красножгущихся глин с примесью крупного песка в формовочной массе

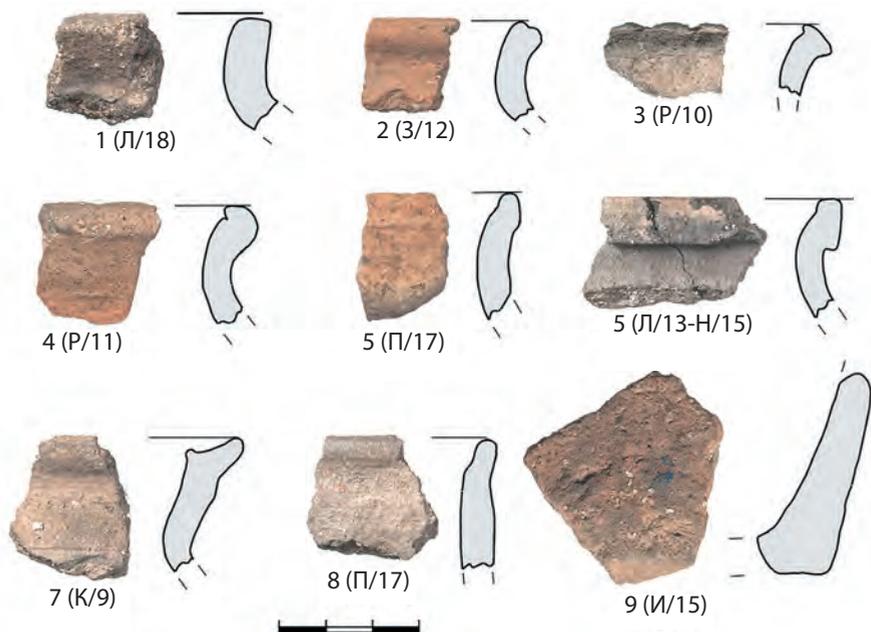

Рис. 16. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1

1–9 – фрагменты красноглиняных сосудов с примесью крупного песка в формовочной массе. 1–8 – венчики; 9 – дно.

Шифр в скобках соответствует квадратам на поисковом планшете 1.

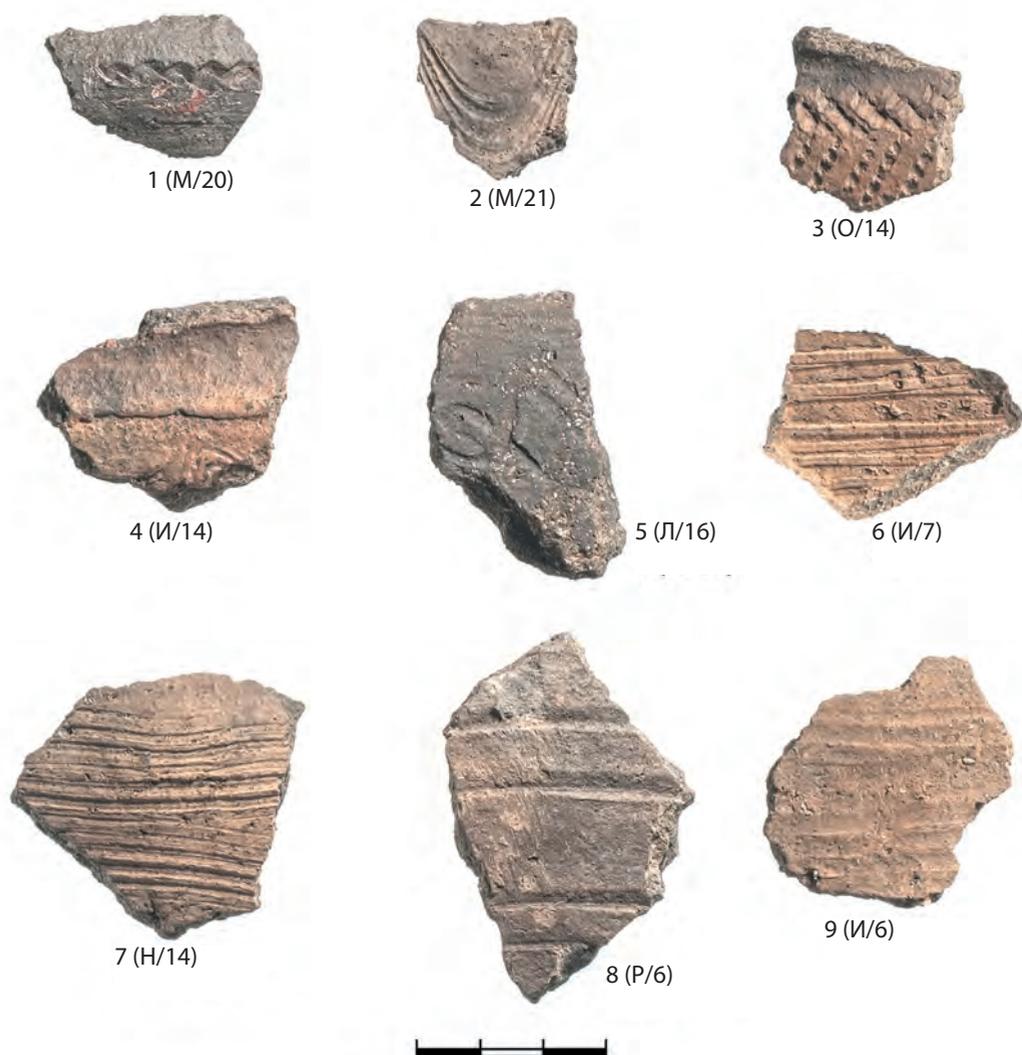

Рис. 17. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1

1–9 – стенки красноглиняных сосудов с примесью крупного песка в формовочной массе: 1, 2, 4, 5 – стенки с волнистым орнаментом; 3 – стенка, украшенная гребенчатым штампом; 7–9 – стенки с линейным орнаментом.

Шифр в скобках соответствует квадратам на поисковом планшете 1.

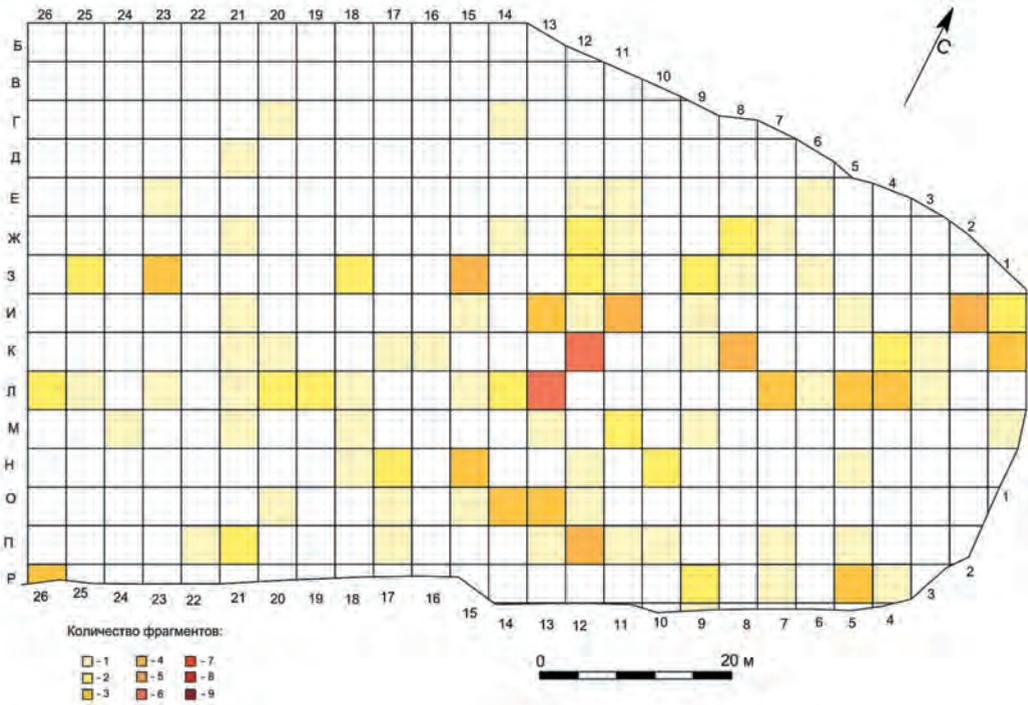

Рис. 18. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1. Схема распространения керамики из белоглинящих глин с примесью крупного песка и редкой дровы в формовочной массе

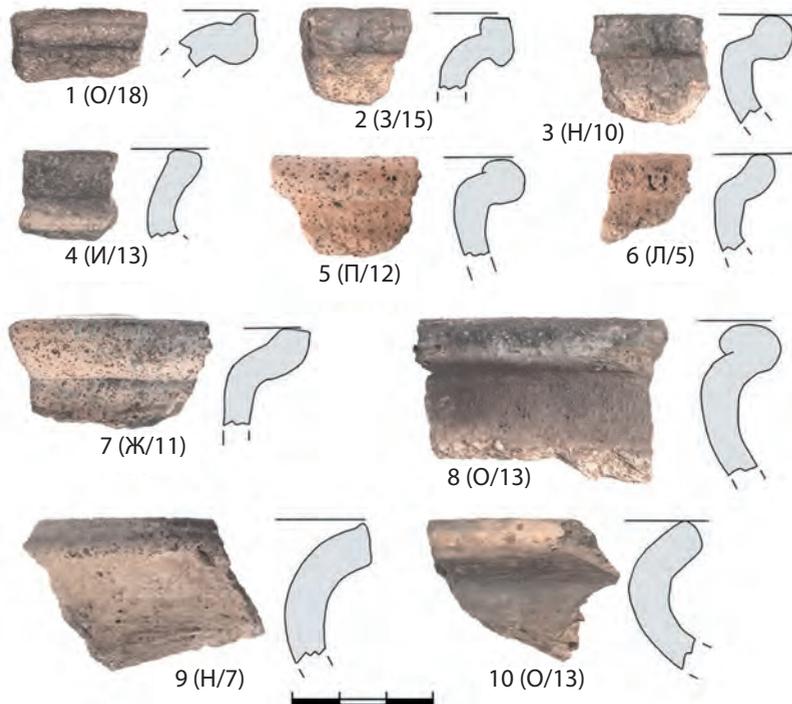

Рис. 19. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1
 1–10 – венчики белоглиняных сосудов с примесью крупного песка и редкой дровы в керамическом тесте. Шифр в скобках соответствует квадратам на поисковом планшете 1.

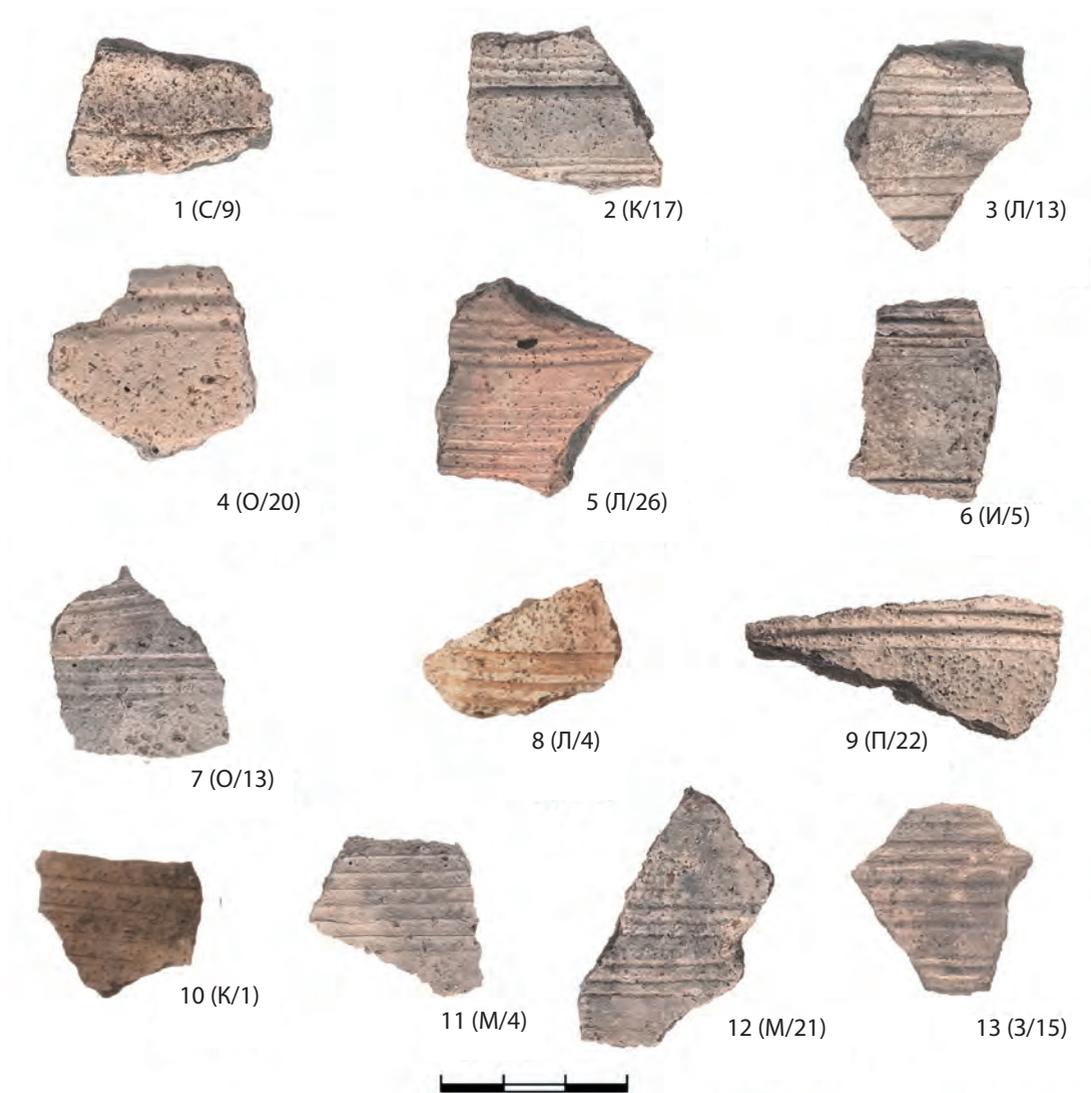

Рис. 20. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1

1–13 – стенки белоглиняных сосудов с линейным орнаментом с примесью крупного песка и редкой дресвы в керамическом тесте.

Шифр в скобках соответствует квадратам на поисковом планшете 1.

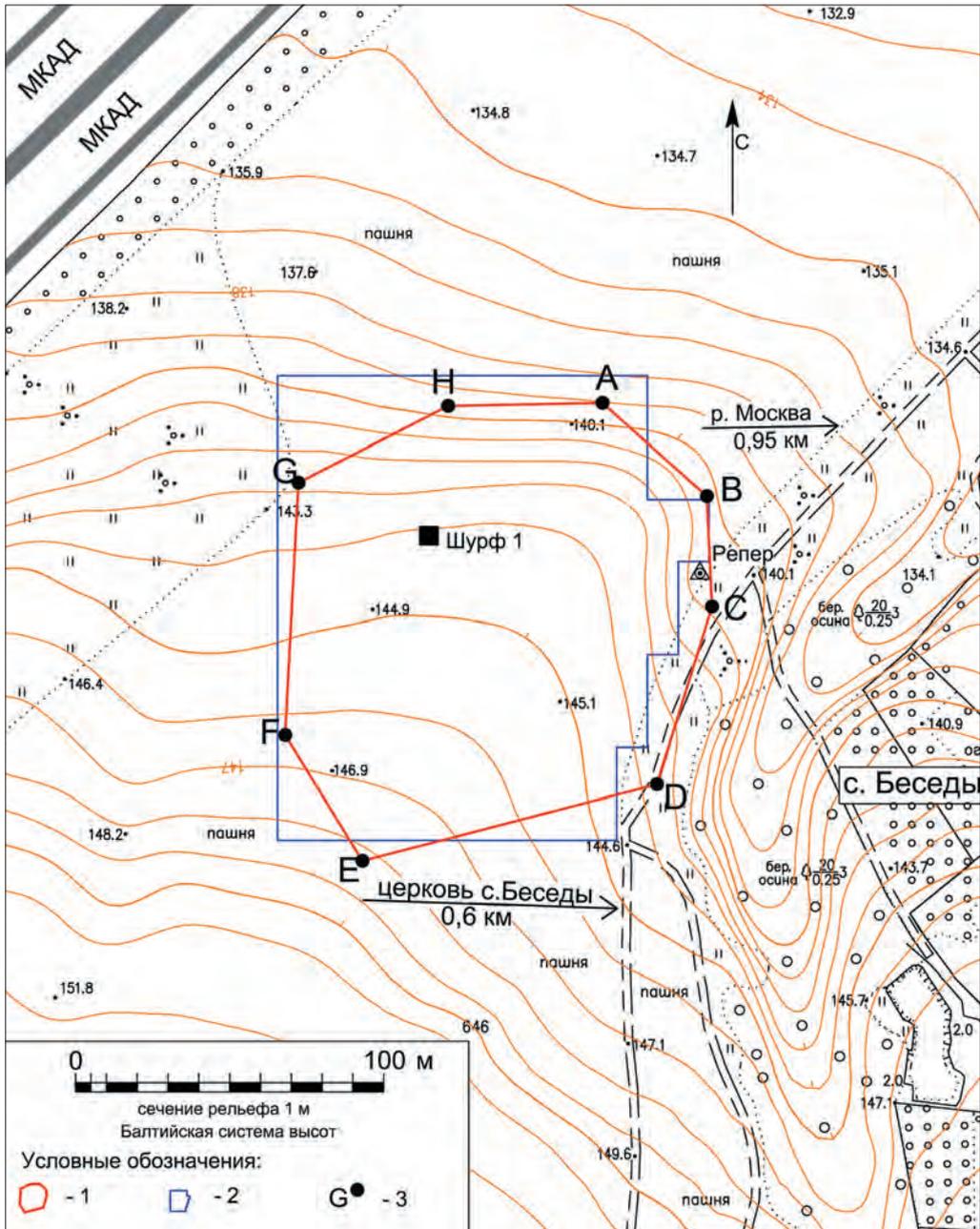

Рис. 21. Курганный могильник Беседы 2. Топографический план

1 — границы курганного могильника; 2 — поисковый планшет 1, обследованный с использованием детекторов металла; 3 — поворотная точка на границе курганного могильника.

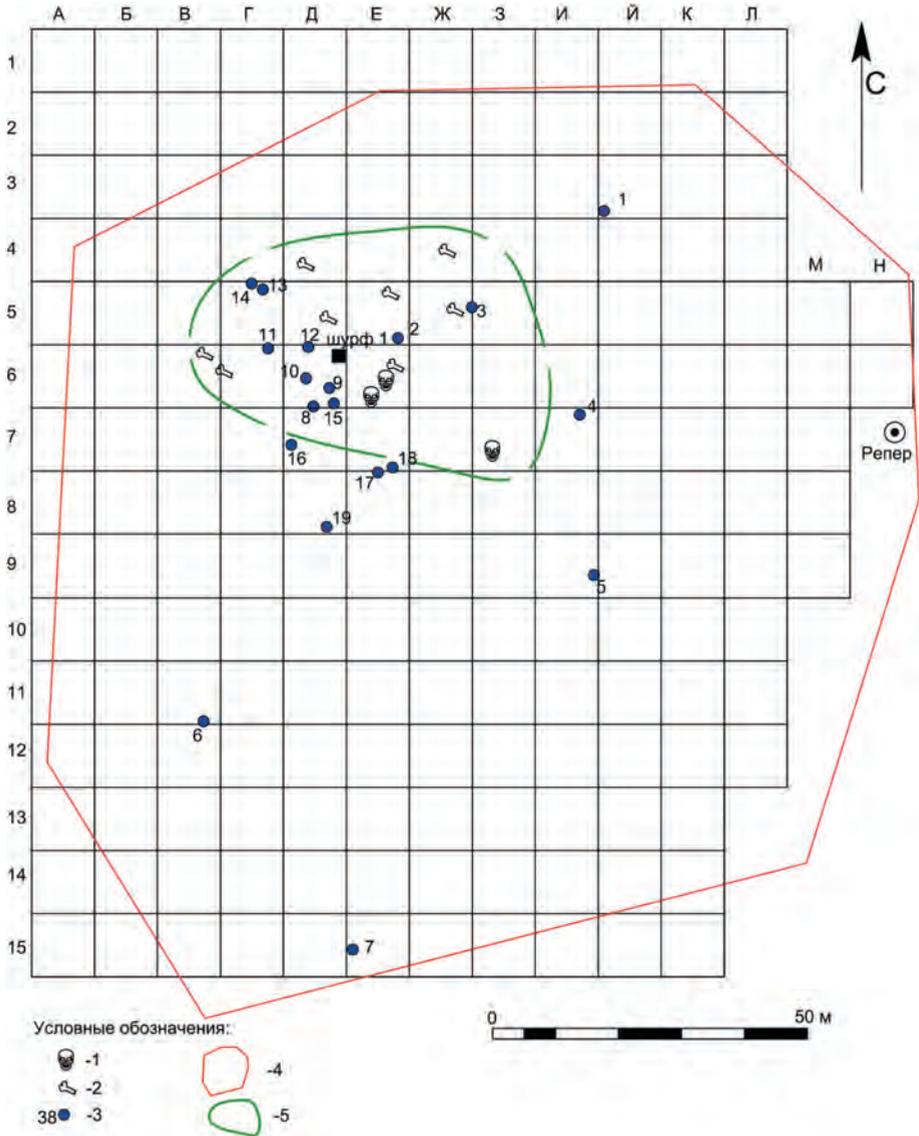

Рис. 22. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. План распространения фрагментов костей человека и находок конца XI–первой четверти XII вв.

Условные обозначения: 1 – фрагменты черепа человека; 2 – фрагменты костей человека; 3 – находка; 4 – граница курганного могильника; 5 – граница скопления костей человека. 1–5, 7–19 – находки из медного сплава, 6 – стекло.

Находки:

1 – звездообразная восьмиконечная фибула (Й/3); 2 – затыльник плети с клювовидным выступом (Е/5); 3 – круглодротовый перстень (Ж/5); 4 – бубенчик крестопрорезной (И/7); 5 – пятиугольная накладка сердцевидной формы (И/9); 6 – бусина шаровидная, зонная (В/11); 7 – фрагмент привески-ложечки (Е/15); 8, 9, 16, 19 – пятиугольные наременные орнаментированные накладки (Е/6; Д/6; Д/7; Д/8); 10–12, 14, 15 – оплавленные предметы (Д/6; Г/6; Д/6; Г/5; Д/6); 13 – прямоугольная накладка с сужающимися заостренными боковыми сторонами с петлей-рамкой в основании (Г/5); 17 – перстень ложноплетеный (Е/7); 18 – перстень широкосердинный (Е/7).

Цифры в скобках соответствуют номерам находок на поисковом планшете.

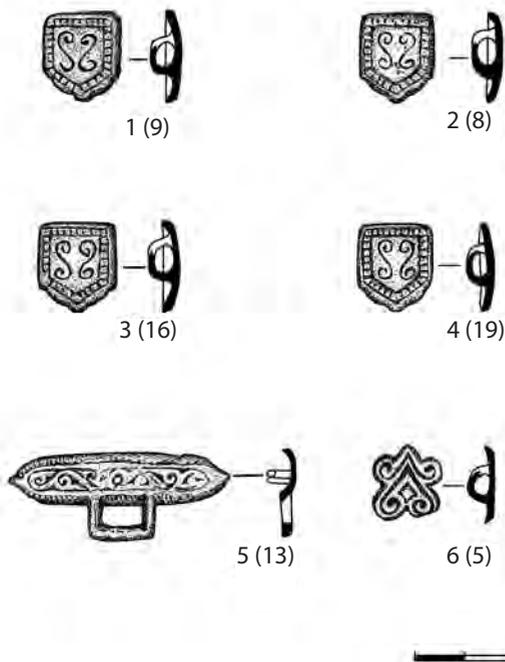

Рис. 23. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. Находки конца XI—первой четверти XII вв.

1–4 – пятиугольные наременные орнаментированные накладки со штифтами для крепления; 5 – прямоугольная с сужающимися заостренными окончаниями с петлей-рамкой в основании, орнаментированная накладка со штифтами; 6 – пятиугольная орнаментированная накладка сердцевидной формы

Рис. 24. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. Находки конца XI—первой четверти XII вв.

1–3 – пятиугольные наременные орнаментированные накладки со штифтами для крепления; 4 – прямоугольная с сужающимися заостренными окончаниями с петлей-рамкой, орнаментированная накладка со штифтами; 5 – затыльник плети с фрагментом деревянной рукояти

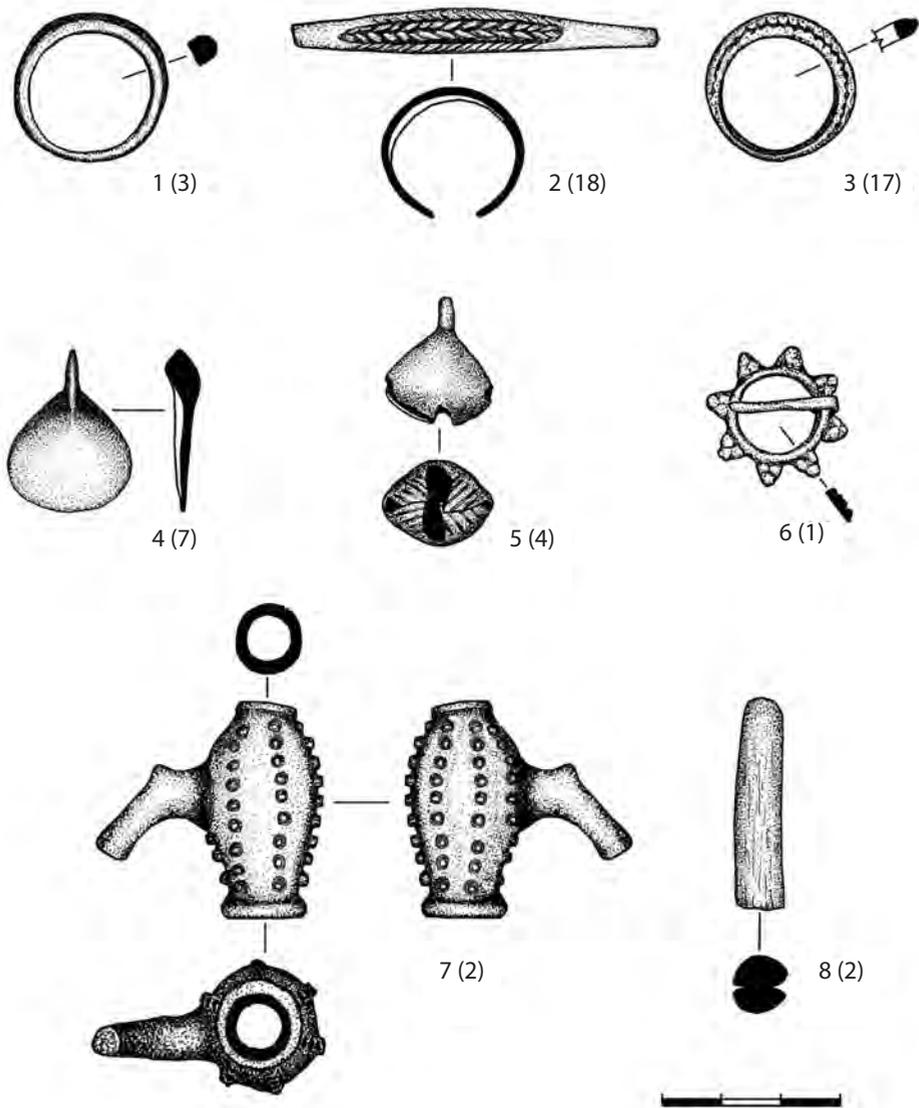

Рис 25. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1.

Находки конца XI—первой четверти-середины XII вв.

1 — перстень литой дротовый с утолщенной щитковой частью; 2 — перстень широкосрединный; 3 — перстень ложноплетеный; 4 — фрагмент привески ложечки; 5 — бубенчик крестопрорезной; 6 — звездообразная восьмиконечная фибула; 7 — затыльник плети; 8 — фрагменты деревянной рукояти;

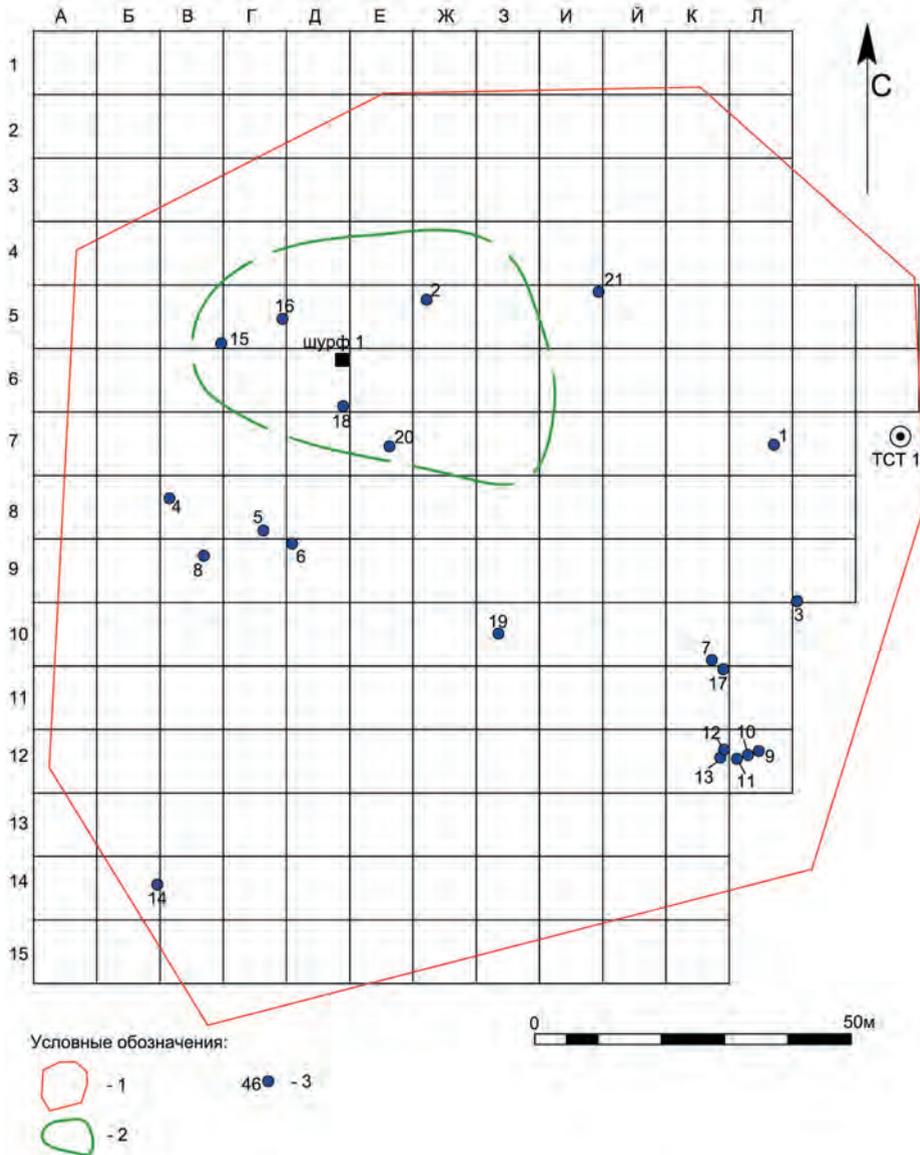

Рис 26. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. План распространения находок первой–третьей четверти XII в.

1 – граница курганного могильника; 2 – граница скопления костей человека; 3 – находка; 1–13, 19–21 – находки из медного сплава; 14 – серебро; 15 – горный хрусталь; 16 – стекло; 18 – железо.

Находки:

1, 7 – лопасти семилопастных височных колец (Л/7; К/10); 2, 6, 10, 11, 17, 19, 20 – бубенчики шелепрорезные (Ж/5; Д/9; Л/12; Л/12; К/11; З/10; Е/7); 3 – фрагмент семилопастного височного кольца (М/9); 4 – плоский наконечник витой шейной гривны (В/8); 5 – рубчатый перстень (Г/8); 8 – фрагмент щитка семилопастного височного кольца со вторым орнаментом (В/9); 9 – фрагмент держателя или звена от цепи амулета (Л/12); 12 – кольцо поясное (К/12); 13 – фрагмент пластинчатого браслета, украшенного глазковым пунсоном (К/12); 14 – фрагмент сканной бусины (Б/14); 15 – бусина шаровидной формы (В/5); 16 – фрагмент бусины (Г/5); 18 – фрагмент ножа черешкового (Д/6); 21 – фрагмент крестолунничковключенной привески (И/5).

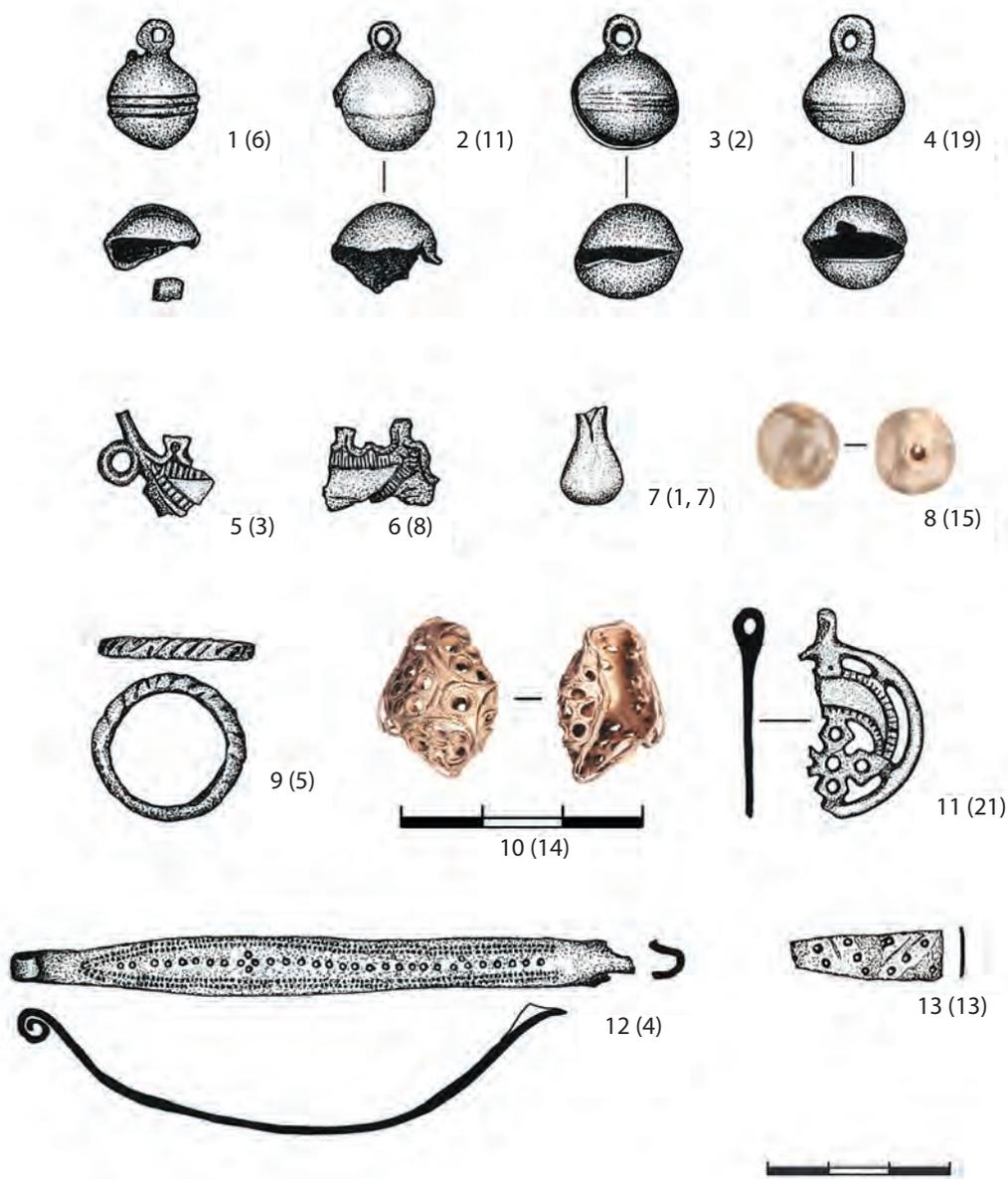

Рис 27. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1.

Находки первой—третьей четверти XII в.

1—4 — бубенчики щелепрорезные; 5 — фрагмент семилопастного височного кольца с колечком у основания дужки; 6 — фрагмент щитка семилопастного височного кольца со вторым орнаментом; 7 — лопасть семилопастного височного кольца со скругленным завершением; 8 — бусина хрустальная шаровидной формы; 9 — рубчатый перстень; 10 — бусина от височного кольца, выполненная в технике спиральной навивки филигранной нити вокруг стержня основы; 11 — фрагмент привески с вписанной лунницей и крестом (крестовключенная лунница); 12 — плоский наконечник витой шейной гривны, украшенный глазковым и штамповым орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком; 13 — фрагмент пластинчатого браслета, украшенного глазковым пунсоном. Цифры в скобках соответствуют номерам находок на поисковом планшете.

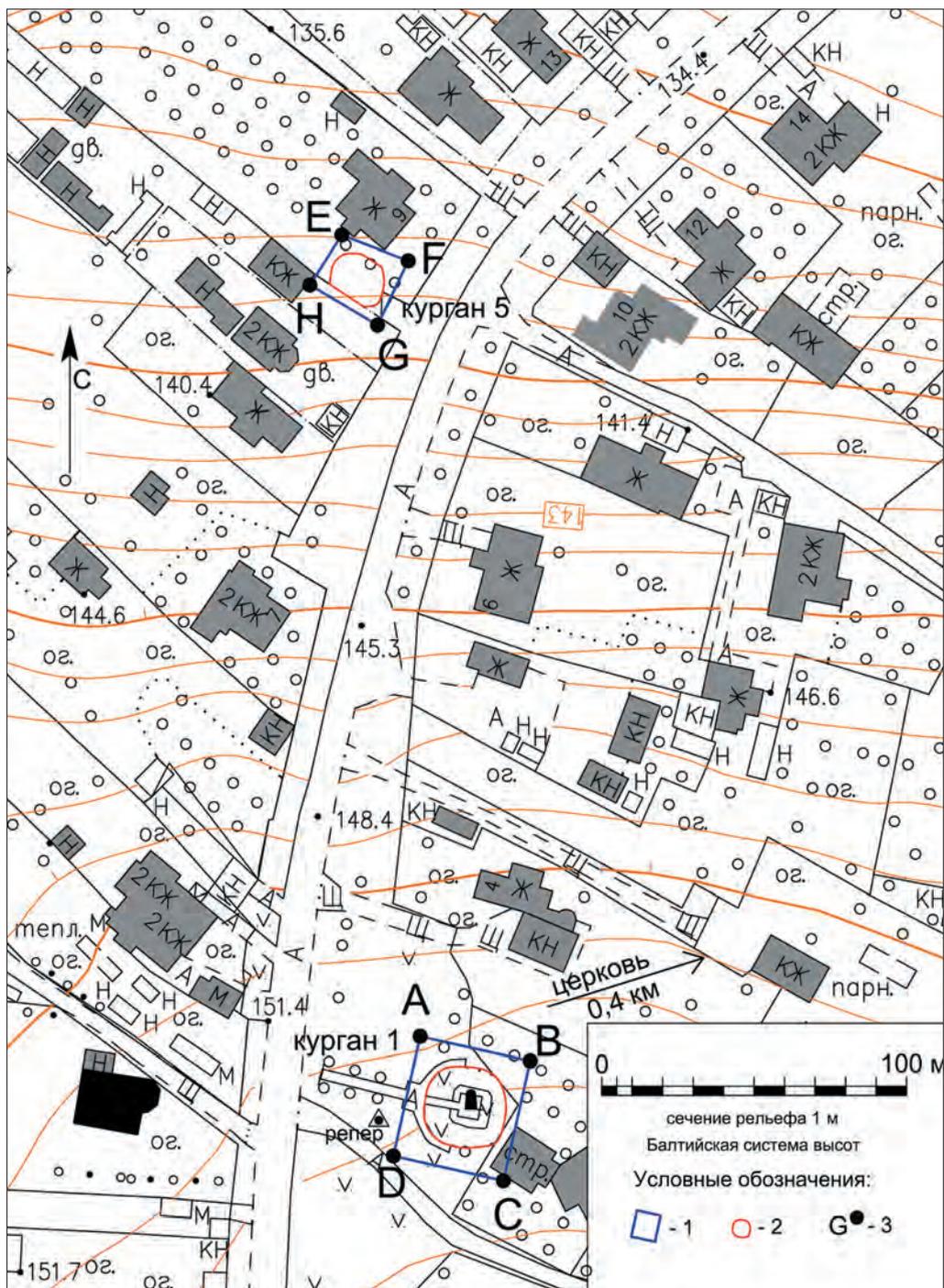

Рис. 28. Курганный могильник Беседы 1. Топографический план
1 – граница курганного могильника; 2 – граница насыпи курганов; 3 – поворотная точка на границе курганного могильника.

Кренке Н.А.

Археологические исследования в округе села Беседы Московской области

Возле села Беседы на высоком берегу реки Москвы находились очень заметные древнерусские курганы (не менее трех групп), в том числе знаменитый Большой беседский курган, один из наиболее высоких в Московской области. Его высота, по измерениям А.В. Арциховского, достигала 4-х метров (Арциховский, 1970. С. 102). «Конкурировать» с ним может лишь курган «Великая могила», расположенный возле д. Митино на Пятницком шоссе.

Беседские курганы издавна привлекали внимание местного населения. О них ходили разнообразные легенды. По обыкновению, местные жители связывали курганы с относительно недавними историческими событиями, оставившими след в народной памяти. В 1990 г. Н.А. Кренке провел частичный опрос местного населения. На вопрос о том, что известно про курганы, были получены следующие ответы.

Сергей Николаевич Прошин, 1914 г. р. (дом № 4): «За оврагом, где сейчас поле, был колхозный сад. Место, где курган, называлось Глинище — неудобная земля. За МКАДом — Попов лесок и далее — Дмитриев мосточек, овраг к Зябликову — Сорский (Соровский). От кладбища к МКАД идет Поповка — владения попов. Курганы — от французской войны. Беседы — была беседка, где совещалось начальство. Раскопки были после войны, ничего такого не нашли. Большой курган, на котором в 1988 г. поставили памятник, ранее служил бензохранилищем, потом оно рухнуло».

У более молодого поколения представление о курганах ещё более фантастичное. Так, Нина Александровна Заботкина, 1931 г. р., рассказывала: «На месте курганов теперь огороды. В курганах находили конские хвосты, черепки, бронзы. Здесь была битва с французами. Когда было 5 лет, ходили смотреть на раскопки. Мама, 1903 г. р., рассказывала, что название Беседы потому, что был Колчак. Здесь колчаки проходили, беседовали. Мужчина (?) утверждал, что беседовал Дмитрий Донской».

Курганы возле села Беседы попали в поле зрения военных топографов еще в 1830-е гг. Нужно отметить, что руководитель военно-топографической съемки Московской губернии, генерал-лейтенант Ф.Ф. Шуберт был профессионалом-нумизматом и интересовался историей. Курганы на топографическую карту наносились не случайно. Часто рядом со значком кургана имелась надпись «курганы». Съемка производилась в 1838–1839 гг., а гравирована и напечатана карта в 1852 г. Курганы возле села Беседы на карте Шуберта показаны двумя группами. Одна группа находится на левом (западном) берегу оврага «Казенный» к западу от села. В ней указано 7 курганов. Нужно отметить, что число курганов на карте Шуберта — это условность. Значками отображались лишь самые крупные из насыпей. Реальное число курганов было больше. Вторая группа курганов вытянулась вдоль правого берега оврага «Казенный» и располагалась к юго-западу от церкви села. В ней указано 11 курганов.

Впервые в научной литературе Беседские курганы были упомянуты в 1879 г. в издании Антропологической выставки, проходившей в Москве. Сведения о курганах Московской губернии собирались методом анкетирования. Анкеты рассылались на места Губернским статистическим комитетом, а составлены были в ОЛЕАЭ (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии). Затем данные анализировались специалистами. В опубликованном списке, подготовленном М.А. Саблиным, указано: «Островская волость, 44 кургана при селе Беседах» (Антропологическая выставка, 1879). Текст, напечатанный в «Антропологической выставке» дословно воспроизводит рукопись, хранящуюся в Центральном государственном историческом архиве Москвы, озаглавленную: «Сведения

о курганах, находящихся в пределах Московской губернии. 1878 г.» (ЦГИАМ. Фонд 199, опись 2, дело 94).

Научное обследование Беседских курганов впервые было проведено в 1937 г. археологом А.В. Збруевой со студентами Высших музейных курсов. Результаты этого обследования изложены в статье О.Н. Бадера (Бадер, 1947, С. 153–154) и отражены на двух глазомерных планах 1-й и 2-й беседских курганных групп, которые хранились в отделе археологии Музея истории Москвы (с них были сняты копии). Приводим полностью описание из статьи О.Н. Бадера: «1-й Беседский курганный могильник. На правом берегу Москвы-реки, в западной части села Беседы, в фруктовых садах, у колхозного конного двора и кузницы находится курганный могильник, состоящий из 26 насыпей [нужно отметить несоответствие этого описания и плана, на котором есть курган под номером 29. Возможно, это ошибка переборки чертежа, так как номера 23, 27 и 28 на плане отсутствуют. Важно подчеркнуть, что на плане также отсутствует курган № 16, один из самых больших в группе. Вероятно, он не попал на план, так как стоял особняком – НК]. Пределом распространения курганов на запад является овраг, протянувшийся за селом в меридиональном направлении. Курганы расположены несколькими отдельными небольшими группами, и многие из них поросли фруктовыми деревьями.

Таблица размеров курганов 1-й беседской курганной группы

№	Высота (м)	Диаметр (м)	№	Высота (м)	Диаметр (м)
1	4,75	14*	14	2	8,5
2	?	8	15	1	7,5
3	2	6,5	16	4	15,0**
4	3,25	14	17	1,5	7
5	3,5	14	18	1	7
6	раскопан		19	0,5	8
7	1,5	8	20	2,5	9
8	1,5	5	21	2	9
9	1,5	8,5	22	1,5	7
10	1	7	23	2,2	6
11	1	8,5	24	2,5	9
12	2,6	9	25	раскопан	
13	1,8	8	26	Совершенно раскопан	

Примечания: * Большой Беседский курган, по А.В. Арциховскому; ** Видимо, это Большой беседский курган, по Н.А. Кренке

Кроме того, к западу от кургана № 6 ещё заметны остатки распаханного кургана.

Многие курганы испорчены. Так, пять курганов имеют следы небольших старых кладоискательских ям, три–четыре сильно испорчены кладоискателями или любителями, один курган в момент исследования был раскопан и подготовлен для устройства в нем погребца.

По словам старика Федора Лучинкина, усадьба которого в свое время была на месте колхозного конного двора, он раскопал на своей усадьбе в 1925 г. курган и нашел в нем два скелета, лежавших в сильно истлевшем «деревянном гробу»(?). Оба были ориентированы головою на запад. У одного из них на руке был бронзовый браслет «змейкой», а с головы спускались длинные подвески с маленькими бронзовыми бубенчиками и колокольчиками. В ногах лежал глиняный горшок.

2-й Беседский курганный могильник. Находится к западу от с. Беседы, в нескольких сотнях метров от него, за оврагом. Расположен на территории сельских садов; на некоторых курганах растут фруктовые деревья. В могильнике 18 курганов. Курганы хорошей сохранности».

Таблица размеров курганов 2-го беседского курганного могильника

№	Высота	Диаметр (м)	№	Высота (м)	Диаметр (м)
1	1,5	5	10	1	6
2	2,1	10	11	1,2	4
3	2,5	8,3	12	1,5	8,7
4	1,5	7,2	13	1,8	8
5	1	6,3	14	2	7,5
6	1,5	7,5	15	1,5	6,7
7	2	8	16	2,5	9,5
8	1,5	5	17	3	9,5
9	2,5	8	18	1,2	8,7

В 1945–1949 гг. на беседских курганах были проведены раскопки экспедицией кафедры археологии МГУ. В 1945–1946 гг. раскопками руководил А.В. Арциховский, в 1947, 1949 гг. – Д.А. Авдусин, в 1948 г. – Г.А. Авдусина. В 1945 г. было раскопано 11 курганов в 1-м беседском курганном могильнике; в 1946 г. был раскопан Большой беседский курган и 17 курганов во 2-м беседском могильнике, в 1947–1949 гг. раскапывалось по одной насыпи ежегодно во втором беседском могильнике.

Полная публикация результатов раскопок отсутствует. Имеются лишь тезисы на одну страничку (Арциховский, 1947), статья А.В. Арциховского, посвященная Большому беседскому кургану (Арциховский, 1970) и статья В.В. Енукова, посвященная вещевым комплексам из беседских курагнов и их хронологии (Енуков, 1987).

Анализ топографии курганов и поиск селищ, связанных с могильником, в ходе исследований 1940-х гг. не проводились. Главный вопрос – какой курган был раскопан А.В. Арциховским и назван «Большим»? Арциховский писал, что раскопанный им курган соответствует номеру 1 на карте О.Н. Бадера. Но этот курган частично сохранился. В этом кургане было устроено бензохранилище, а затем на нем поставлен памятник погибшим в Отечественной войне 1941–1945 гг. Если всё же А.В. Арциховский прав, то это означает, что Большой курган был раскопан не полностью. Другой вариант: что Большой беседский курган – это номер 16 по О.Н. Бадеру. В 1951 г. была издана карта масштаба 1:10000, включавшая и участок села Беседы. При составлении этой карты использовались более ранние съемки. На данной карте показан большой курган среди поля в 150 м от колхозного конного двора.

В сентябре 1950 г. в ходе инвентаризации (паспортизации) памятников археологии, проводившейся Министерством культуры РСФСР, были составлены паспорта на беседские курганы. Составителем паспортов был школьник Борис Макаренко и студент-краевед В.И. Попадейкин. Они пользовались глазомерными планами, опубликованными в статье О.Н. Бадера, и на их основе составили свои, также глазомерные планы. Паспорта 1950 г. хранились в архиве Министерства культуры РФ, но теперь, видимо, утрачены. Копии с них были сняты Н.А. Кренке в 1988 г. и хранятся в личном архиве. Б. Макаренко и В.И. Попадейкин в 1950 г. в 1-м Беседском курганном могильнике обнаружили пять сохранившихся курганов. Кроме того, на их плане отмечены ещё три частично сохранив-

шихся насыпи и одна насыпь, в которой был устроен склад рядом с правлением колхоза. Во 2-м Беседском могильнике Б. Макаренков и В.И. Попадейкин зафиксировали одну сохранившуюся насыпь. 2-й беседский могильник может быть точно локализован на местности благодаря тому, что на плане О.Н. Бадера указана полевая дорога, отраженная также на карте 1950 г.

В 1971 г. район с. Беседы был осмотрен сотрудником Московской экспедиции ИА РАН Х.И. Крис.

В 1985 г. район села Беседы был обследован археологом В.Ю. Дукельским, а в следующем году — А.К. Станюковичем. В ходе этого обследования были выявлены два селища. Одно с материалами раннего железного века и средневековыми, другое — лишь со средневековыми. В 1990 г. обследование было повторено Н.А. Кренке. Сведения, собранные В.Ю. Дукельским и А.К. Станюковичем, при этом подтвердились. По результатам этого обследования были составлены описания пяти памятников археологии в районе с. Беседы, которые приводятся ниже.

Беседы, курганный могильник 1 (1-й Беседский). Датировка — XII в. Современные ориентиры: Московская область, 500 м к ЮВ от Московской кольцевой автодороги, на территории села Беседы в его западной части (ул. Ленинская), на одном из курганов (большом Беседском, № 1 по О.Н. Бадеру) сооружен памятник погибшим в войне 1941—1945 гг. (возле дома № 4 и бывшего правления колхоза), в 400 м к З и ЮЗ от ц. Рождества Христова в с. Беседы, на правом берегу Москвы-реки в 650—680 м от её русла, на правом берегу впадающего в неё оврага, в 140 м от его днища. Старые ориентиры: в западной части села, у колхозного конного двора и кузницы во фруктовых садах. Ранее (1830-е гг.) — на поле в 170—200 м к ЮЗ от села. Курганы показаны на карте 1852 г. Сохранилось 5 насыпей из 26, существовавших в 1937 г. Высота — 0,5—4 м, диаметр — 5—15 м, располагались на высоте 140—155 м (Балтийская система высот), в 28—43 м над уровнем Москвы-реки. Исследовались неоднократно: 1) до 1879 г.; 2) Ф. Лучинкин, 1925 г. (раскопан один курган); 3) А.В. Збруева, 1937 г.; 4) А.В. Арциховский, 1945 г. (раскопано 11 курганов); 5) Б.Е. Макаренков, 1950 г.; 6) сотрудники Московской экспедиции ИА РАН, 1971 г., 7) Н.А. Кренке, 1990 г. Коллекция хранится на кафедре археологии МГУ.

Беседы, курганный могильник 2 (2-й Беседский). Датировка — XII в. Современные ориентиры: Московская область, 170 м к ЮВ от МКАД, 700 м к З от ц. Рождества в с. Беседы, в 250 м к З от с. Беседы, на трассе ЛЭП, на поле, на правом берегу Москвы-реки в 900 м от её русла, на левом берегу оврага, в 120 м от его днища. Курганы изображены на картах 1852 и 1951 гг. 22 насыпи (по данным Б.Е. Макаренкова) высотой от 1 до 2,4 м, диаметром 7—13 м располагались на высоте 142—145 м (Балтийская система высот), в 30—33 м над уровнем Москвы-реки. Исследовались неоднократно: 1) до 1879 г.; 2) А.В. Збруева, 1937 г.; 3) А.В. Арциховский, 1945 г. (раскопано 17 курганов); 4) Д.А. Авдусин, 1947, 1948 гг. (раскопано 2 кургана); 5) Г.А. Авдусина, 1948 г. (раскопан 1 курган); 6) Б.Е. Макаренков, 1950 г.; 7) Н.А. Кренке, 1990 г. (осмотрено место могильника). Коллекция хранится на кафедре археологии МГУ. Не сохранился.

Беседы. Курганный могильник 3 (1-й Беседский, Большой Беседский курган). IX—X вв. Современные ориентиры: Московская область, юго-западная часть села, 500 м к ЮЮЗ от ц. Рождества Христова в с. Беседы, 720 м к ЮВ от МКАД на правом берегу Москвы-реки в 670 м от её русла. Старые ориентиры: на поле (затем в садах) в 130 м к ЮЗ от южного конца села, в верховьях оврага, огибающего село с запада, приблизительно в 200 м к Ю от 1-го Беседского могильника. Курганы изображены на картах 1852 и 1951 гг. Одна насыпь высотой 4,2 м, диаметром 15,5 м располагалась на высоте 158 м (Балтийская система высот), в 46 м над уровнем Москвы-реки. Исследовалась дважды: 1) А.В. Збруева, 1937 г.; 2) А.В. Арциховский, 1946 г. (курган раскопан на снос). Не сохранился. Коллекция хра-

нится на кафедре археологии МГУ. В составе коллекции имеется фрагмент керамики железного века с «текстильным» отпечатком на поверхности.

Беседы. Селище 1. Датировка V–III вв. до н.э., X–XIII вв. Современные ориентиры: Московская обл. 350 м к ЮЗ от МКАД, 370 м к ССЗ от ц. Рождества Христова в с. Беседы, в 70 м к С от кладбища, на левой стороне дороги, ведущей в пойму, на мысу коренного правого берега Москвы-реки в 450 м от её русла. Размеры около 20×60 м, толщина культурного слоя не определена. Располагается на высоте 120–124 м (Балтийская система высот), в 8–12 м над руслом Москвы-реки. Керамика с текстильными отпечатками железного века, лепная гладкостенная керамика с отпечатками «палочки, обмотанной веревочкой» по венчику типа роменско-боршевской, курганного типа, серая. Исследовалось трижды: 1) В.Ю. Дукельский, 1985 г.; 2) А.К. Станюкович, 1986 г.; 3) Н.А. Кренке, 1990 г. Коллекция хранится в Музее Москвы. НВФ № 14678, № № 100–115.

Беседы. Селище 2. Средневековье. Современные ориентиры: Московская обл. 350 м к ЮВ от МКАД, в 250 м к ССЗ от ц. Рождества Христова в с. Беседы, на территории кладбища, на правом берегу Москвы-реки, в 450 м от её русла. Размеры и мощность культурного слоя не определены, располагается на высоте 122–127 м (Балтийская система высот), в 10–15 м над уровнем Москвы-реки. Исследовалось один раз – А.К.Станюкович, 1986 г.

Список литературы

Антропологическая выставка 1879 г. Том 3, часть 1. Изв. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Том 35. М., 1879.

Арицховский А.В. Беседские курганы // КСИИМК. Вып. 21. М.–Л., 1947. С. 101.

Арицховский А.В. Большой беседский курган // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970. С. 102–105.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и её окрестностей // МИА № 7. М.–Л., 1947. С. 88–167.

Енуков В.В. Беседские курганы // СА № 3. 1987. С. 190–201.

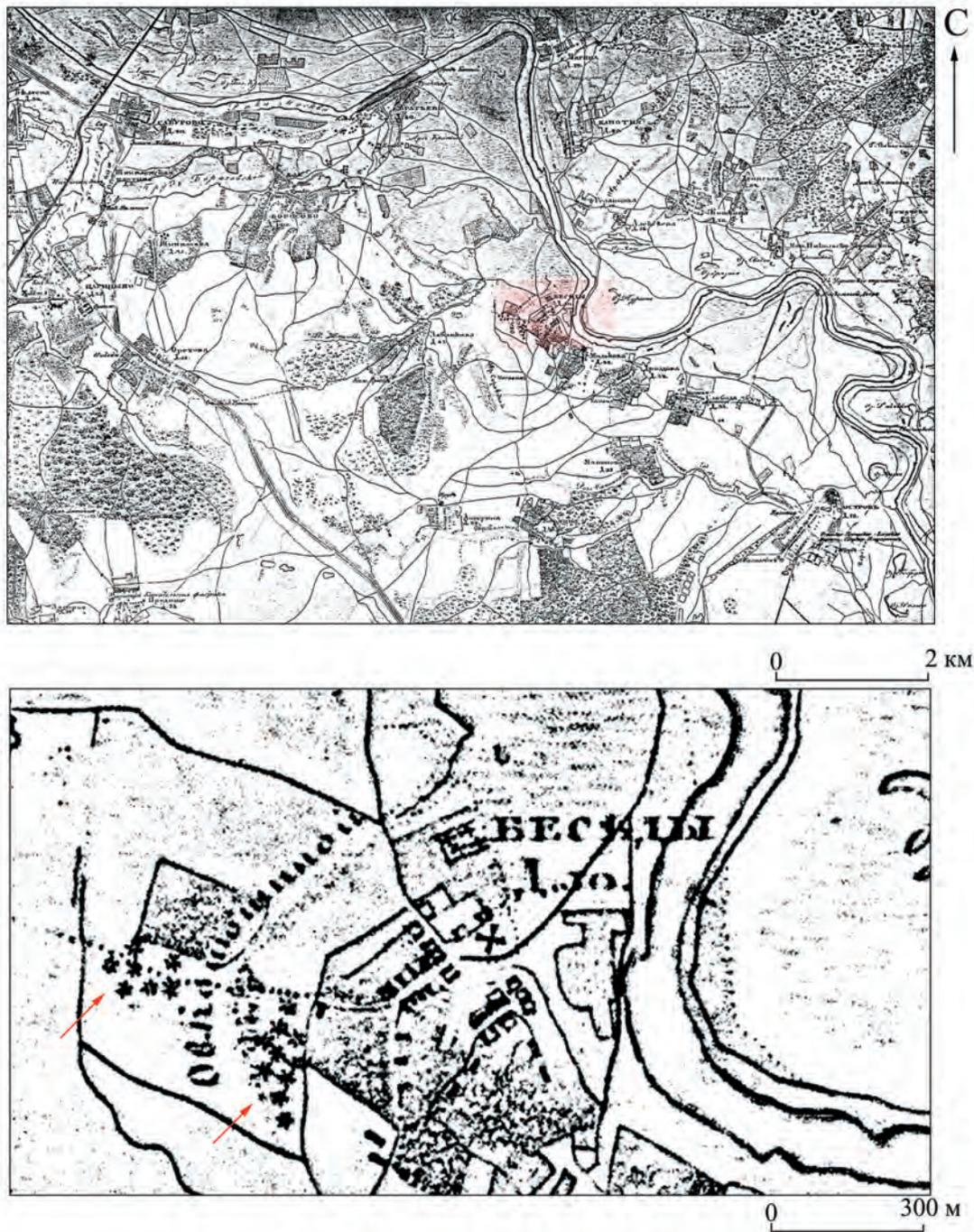

Рис. 1. Карта 1852 г. (карта Шуберта) участка села Беседы, на которой изображены две курганные группы (отмечены стрелкой)

С
↑

0 1 км

Рис. 2. Карта археологических памятников, составленная в 1937 г. О.Н. Бадером. Район с. Беседы отмечен красным прямоугольником

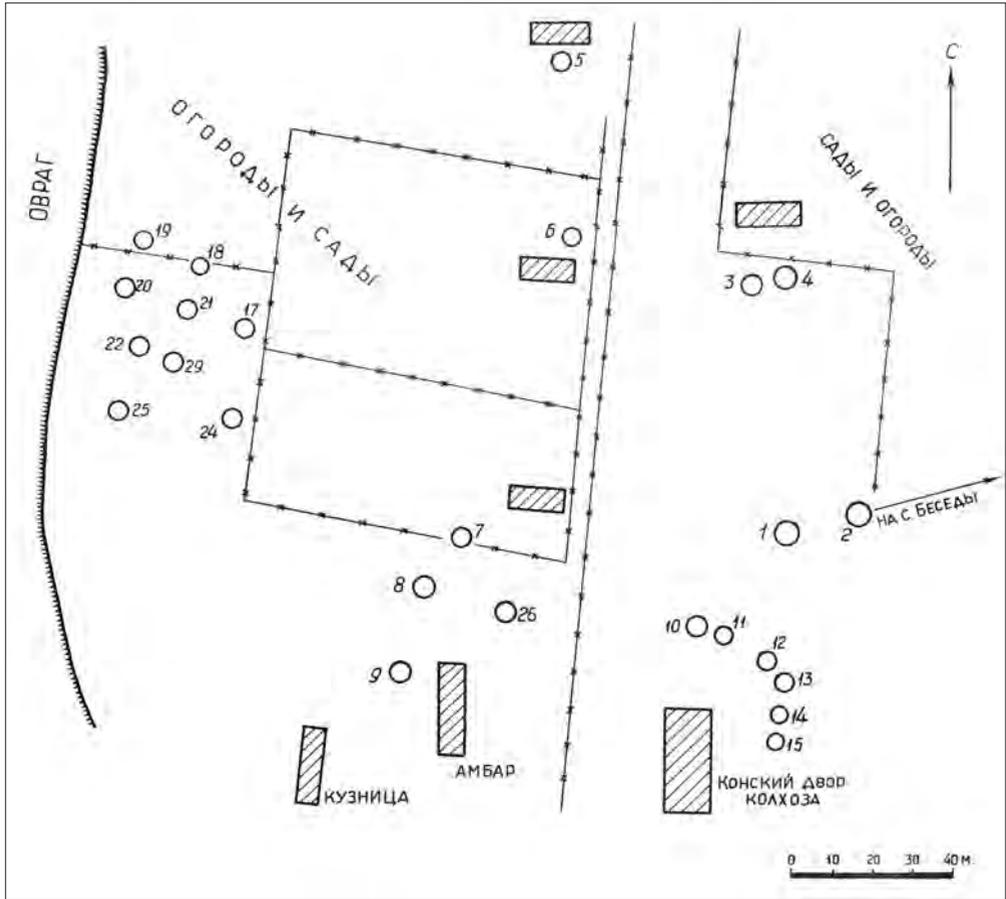

Рис. 3. План 1-й Беседской курганной группы, снятый в 1937 г. А.В. Збруевой

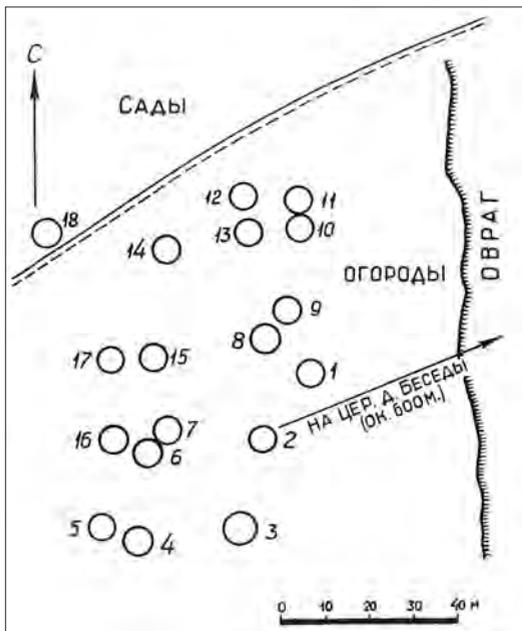

Рис. 4. План 2-й Беседской курганной группы, снятый в 1937 г. А.В. Збруевой

Рис. 5. Карта 1951 г., на которой условным знаком показан Большой Беседский курган (отмечен стрелкой)

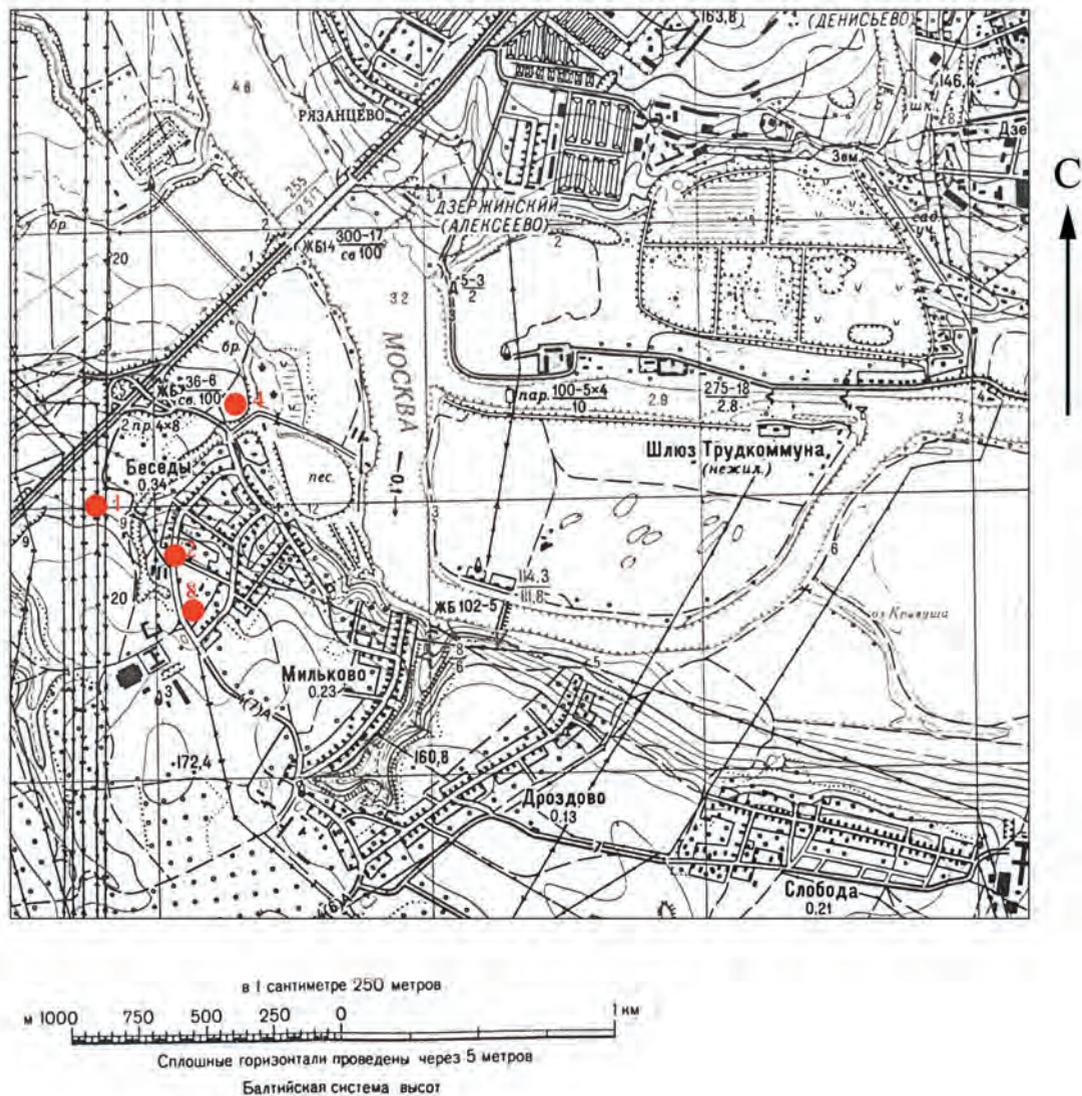

Рис. 6. Рабочая карта Н.А. Кренке с нанесенными археологическими памятниками, 1990 г.
 1 – Беседы, курганы, срыты (1960-е); 2 – Беседы, памятник погибшим; 4 – Беседы, селище;
 8 – Большой Беседовский курган.

Рис. 7. Курган № 1 первой Беседской курганный группы (по плану 1937 г.) в селе Беседы. Вид с ЮЗ

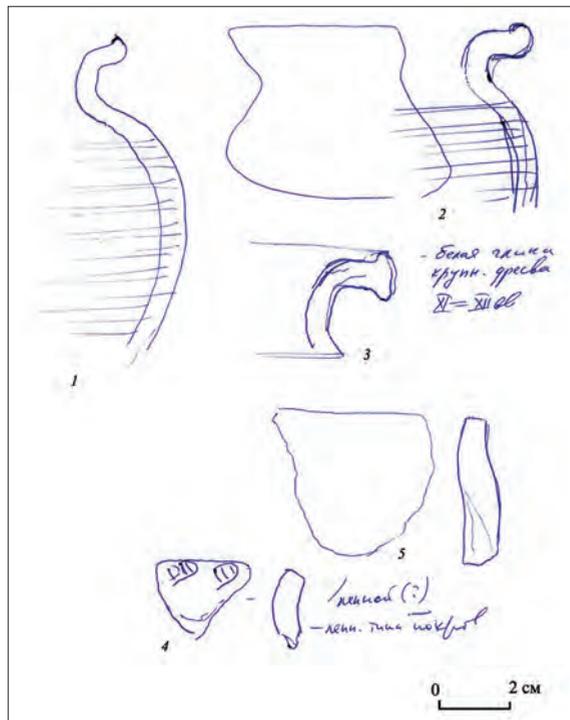

Рис. 8. Круговая керамика XII в. (1–3) и лепная керамика X–XI вв. (4–5), собранная на селище Беседы 1 В.Ю. Дукельским в 1986 г. (Колл. НВФ 14678, № 100–115 в Музее Москвы); рисунки Н.А. Кренке, 1990 г.

Куза клони найденные предметы

Киево промита море и предосторожно разрушена (патинка)

Киево опубликована (или) работи и патинка (или) не опубликована, то где хранится документ)

Форма № 3

КОМИТЕТ
ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-Просветительных Учреждений
при Совете Министров РСФСР

Утверждено охраня исторических и археологических памятников

ПАСПОРТ
памятника археологии

по списку, утвержденному Советом Министров СССР, Советом Министров РСФСР

1. Наименование области, края, АССР: Московская обл. Ленинский район, Беседский с/к

2. Местонахождение памятника с уточненной топографией (на берегу реки, озера и т. д.): к западу от части села Беседы, к северу от колодезной ямы и колодезной ямы, на правом берегу реки Мисуринка, колодезников Калозин или Мисуринка.

3. Номер листа топографической карты и координаты: Лист М. Масловский д. 1 и 2, и 3 (1:50 000) : координаты 5-9

4. Наименование памятника (курган, городище и пр.) и состояние: 1 км Беседский курганный могильник.

5. Размер установленной охранной зоны: 1 метр от раскопанных курганов.

6. Когда и кем открыт памятник: до 1900 г.г.

7. Краткое описание памятника и состояние его (форма, размеры, число курганов в групповой памятнике, к какому времени относится и пр.): В местонахождении раскопаны курганы, до 1945 г.г. А. В. Арцишевский раскопал 12 курганов. До настоящего времени сохранилось 5 курганов: № 1 - между зданиями колхозной и фабрики; кладовая с остатками вещей, исторических, историко-культурных; № 2 - вблизи от здания колхозной фабрики; № 3, 4 - в северной стороне от колодезной ямы; № 5 - на другой стороне улицы, рядом с колодезной ямой. В курганах найдены различные предметы, раскопанные курганы принадлежат к различным временам.

8. На кого возложена охрана и надзор за состоянием памятника: Беседский сельский совет.

9. Когда и кем произведена раскопки, раскопки или исследования памятника: в 1945 и 1946 г.г. 12 курганов раскопано А. В. Арцишевским.

10. Важнейшие материалы, найденные при раскопках и раскопках (отделка от керамики): В 1925 г. лейтенант Ф. Арцишевский раскопал 12 курганов в колодезной яме. 2-я группа - французские бронзовые и обломки.
12 раскопаны 1945-46 г.г. - с. В. Арцишевским.

11. Библиография памятника (указать основные научные работы, в которых описан или упомянут памятник. Если имеются неопубликованные работы, то указать место их хранения): Материалы и исследования по археологии СССР. № 7. - О. М. Бадер. Материалы к археологическому району Москвы и ее окрестностям. Стр. 153.

12. Кто составил паспорт (фамилия, инициалы, должность, местожительство): Борис Макаревич - учащийся с.ш. в с. д. адрес: Москва - 5; Бульварный переулок, в. 26, в. 33. Подписан: В. М. Сидоров, Кривошеина, Динамовская ул. 34, в. 11.

13. Дата составления паспорта: 3 сентября 1950 года.

14. Место и должность инспектора по охране памятников или заведующего отделом культурно-просветительной работы: Кукушкин

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ЗАПИСИ

Когда и кем произведены новые раскопки или исследования:

Имя открытого кургана и дата его извлечения:

Чем оборудован при раскопках:

Рис. 9. Паспорт на 1-ю Беседскую курганную группу, 1950 г.

Елкина И.И.

Текстиль из погребений собора Покрова на Рву (Москва)

Резюме. В статье рассматриваются уникальные текстильные находки, полученные в ходе археологических работ возле храма Покрова на Рву в Москве. Это два женских головных убора-волосника и остатки верхней мужской одежды – кафтана. Дана характеристика технологии изготовления и способы орнаментации.

Ключевые слова: археологический текстиль, некрополь, храм Покрова на Рву, волосник, кафтан, золотное шитье.

В 2005 г. археологической экспедицией ИА РАН под руководством Л.А. Беляева исследовался участок Красной площади, прилегающий к храму Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву (собор Василия Блаженного). Значительную часть исследованной территории занимал некрополь XVII в. При вскрытии захоронений в трех грунтовых могилах были зафиксированы остатки одежд погребенных. Выявленный текстиль находился в разной степени сохранности.

В двух женских захоронениях на черепах погребенных находились почти целые головные уборы – волосники.

Волосник – обязательный элемент костюма замужней женщины. Это шапочка, состоящая из очелья и ажурного кружевного или сетчатого верха. Волосник надевался непосредственно на прическу, полностью закрывая волосы и плотно облекая голову. Затяжка по размеру головы регулировалась сзади при помощи шнурков или лент, пришитых к торцам очелья. Бытование этого головного убора известно по этнографическим данным вплоть до начала XX в.¹ В позднем средневековье волосник входил в многоэлементный комплекс головного убора замужней женщины, в составе которого были также убрус, кика (или кокошник), поднизь, позатылень и др.²

Волосник № 1 (рис. 1)

Очелье длиной 380 мм и шириной 35 мм шито из полосы красной шелковой ткани. Для шитья использована ткань полотняного переплетения. Ее плотность по основе составляет 65–70 н/см, по утку – 55–60 н/см. Нити некрученые.

На очелье в технике золотной вышивки в прикреп изображена сцена «Олени у Древа». Всего изображено семь древ и восемь оленей. Олени изображены зеркально в профиль, повернутыми в сторону древа. Одно древо и два оленя образуют отдельную композиционную группу. Олень изображен в движении, нога оленя приподнята. По нижнему краю очелья проходит вышитый декоративный элемент «волна» («веревочка») (рис. 2).

Для вышивки использованы пряженные золотные нити на шелковой основе. Настил золотных пряженных нитей вертикальный. В качестве прикрепа использованы тонкие красные шелковые нити. Прикрепы выполнены через каждые 2 мм и создают диагональные полосы, имитирующие ткачество.

С оборотной стороны к очелью была подшита подкладка из ткани, аналогичной основной ткани очелья. Подкладочная ткань пришита к очелью красной шелковой нитью. Подобной нитью очелье соединено с ажурным верхом.

Ажурный верх волосника выполнен в технике плетения *sprang* на деревянной рамке. Это один из древнейших видов рукоделия. Техника плетения на раме была довольно популярна

¹ Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. СПб.: Искусство, 2001. С. 48.

² Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М.: Наука, 1986. С. 80–82.

в России во времена позднего средневековья (XVI–XVII вв.) и часто применялась для изготовления волосников. Для плетения ажурного верха данного волосника использованы довольно тонкие пряденые золотные нити на шелковой основе. Основу орнамента составляют крупные геометризованные S-образные фигуры. Плетение выполнялось от краев к середине (рис. 3).

Волосник № 2 (рис. 4)

Очелье волосника выполнено из тканой золото-серебряной ленты шириной 47 мм. Для ткачества использованы шелковые нити основы и металлические нити утка двух видов – волооченые золотные и волооченые серебряные нити. Серебро сильно окислилось и имеет характерный сиреневый оттенок. Нити основы некрученые шелковые, толщиной 0,7 мм. Плотность нитей основы составляет 5 н/см. Для утка использованы нити двух видов – волооченые золотные и волооченые серебряные. Каждая нить утка представляет собой пучок из шести волооченых металлических нитей. Толщина каждой волооченной нити равна 0,008–0,01 мм.

На ленте выткан геометризованный орнамент. В основе композиции орнамента использована волнистая декорированная широкая полоса, по которой в прямом и перевернутом изображении чередуются декоративные элементы – стилизованные «Древа». Аналогии такой ленты на сегодняшний день автору пока неизвестны. Лента с одной стороны имеет золотой фон и серебряное изображение, с другой – серебряный фон и золотое изображение (рис. 5).

Ажурная верхняя часть волосника плетена в технике *sprang*. Плетение выполнено из довольно толстых сдвоенных пряденых золотных нитей на шелковой основе. Орнамент плетения крупный геометрический.

Все известные средневековые волосники в разное время были найдены при археологических работах. На сегодняшний день их насчитывается более 35. Все эти головные уборы известны по материалам раскопок московских некрополей, некрополей Суздаля, Троице-Сергиевой лавры, Переславля Залесского, Нижнего Новгорода¹. Среди них есть целые и во фрагментах. Находки возле храма Покрова на Рву дополнили коллекцию волосников и дали новые сведения по орнаментации и используемым материалам.

Каждый элемент одежды средневекового русского традиционного костюма, помимо защиты от жары и холода, социальной принадлежности, эстетики, нес еще и защитно-охранительную функцию. Волосник также не исключение. Подавляющее большинство очелей известных волосников выполнялось из полосы шелковой ткани красного цвета и украшалось вышивкой золотными нитями, иногда с использованием цветных. Композиция

¹ Спирина Л.М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1980. Л.: Наука, 1981. С. 461; Панова Т.Д., Синицына Н.П. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1987. С. 338–341; Ефимова Л.В., Алешина Т.С., Самохин С.Ю. Костюм в России XV–XX начало вв. из собрания Государственного исторического музея. М.: Артродник, 2000. С. 21, 228; Орфинская О.В., Голиков В.П., Елкина И.И. Женский головной убор – волосник из Нижнего Новгорода // Нижегородская старина. Вып. 33, 34. 2012. С. 79–85; Шокарев С.Ю. Фрагмент надгробия и волосник из погребения Марии Мутьянской (1603 г.) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 10. Ч. 3. М., 2000. С. 203; Елкина, И.И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в московском Новоспасском монастыре. Глава III. // Усыпальница дома Романовых в московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 85–114; Елкина И.И. Волосники XVI–XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве // Российская археология. № 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 142–149; Елкина И.И. Зейфер В.А. Волосник из Переславля-Залесского // Археология Подмосковья. Вып. 11. Материалы научного семинара. ИА РАН, 2015. С. 474–481.

вышивки довольно устойчива, и каждый элемент орнамента в ней несет свою определенную смысловую нагрузку. Главным композиционным элементом вышивки очелей является «Древо Жизни» («Мировое древо»). Это древнейший символ, и в народном сознании он трактуется как прославление жизненной силы природы и плодородия¹, а также символ семьи и продолжения рода. Традиционный орнамент на очелях представляет собой композицию «Древа», состоящую из 5–7 горизонтально расположенных стилизованных элементов деревьев. Часто «Древа» на очелях чередуются с определенными «символами-помощниками». Среди них олени, агнцы, птицы, фантастические единороги.

На очелье волосника № 1 Древа чередуются с оленями. Олень символизирует душу, обновляемую добрыми делами, а также является символом чистой любви². Изображение чередующихся Древ и оленей имеется также на очелье волосника Анны Романовны Юрьевой (Сицкой) (†1561 г.) из усыпальницы бояр Романовых в Новоспасском монастыре³. Стилистически изображения композиционных элементов схожи. Однако на волоснике № 1 олени изображены зеркально, попарно фланкирующими Древа, а на волоснике А.Р. Юрьевой (Сицкой) движение оленей направлено к центру композиции, к главному центральному Древу.

В редких случаях в качестве очелья использовалась широкая орнаментированная тканая золотная лента. Среди всех известных волосников использование золотной ленты для очелья встречено всего в трех случаях, включая волосник № 2. Для очелья волосника № 2 подобрана лента, композиционным элементом орнамента которой также является стилизованное Древо.

Верхняя мужская одежда (рис. 6)

При вскрытии мужского захоронения в области грудной клетки, тазовых и бедренных костей были обнаружены длинные и узкие остатки одежды с частым рядом шарообразных металлических пуговиц. На исследование поступили следующие образцы:

Образец № 1. Фрагмент одежды с 6 пуговицами.

Образец № 2. Фрагмент одежды с 11 пуговицами.

Образец № 3. Фрагмент одежды с тремя пуговицами (одна из них не прорезная).

Образец № 4. Фрагмент одежды с тремя пуговицами.

Кроме того, переданы еще разрозненные мелкие текстильные фрагменты, а также 3 аналогичные шарообразные пуговицы отдельно от текстиля,

Все образцы были расправлены, разобраны по текстильным типам и изучены. Они определились как фрагменты края полочки верхней распашной одежды. Одежда была изготовлена из довольно плотной узорной ткани. К краю полочки с изнаночной стороны был нашит шнур, выполненный из той же ткани. На шнур нанизаны позолоченные пуговицы. Пуговицы шаровидные, округлые, полые диаметром 1,2 см, пришиты к полочке на расстоянии 1,5 см друг от друга.

При тщательном осмотре предметов на трех пуговицах образца № 2 зафиксированы небольшие фрагменты тонкой шелковой ткани. Также обнаружена петля и отдельные разрозненные фрагменты узорной ткани, подогнутой на ширину кромки. Среди фрагментов узорной ткани на лицевой стороне выявлены отдельно лежащие элементы декора из темных толстых шелковых нитей, уложенных согласно орнаменту. Когда-то они находились на ткани, которая со временем истлела. В расправленном виде оказалось, что орнамент представляет собой ветку с листьями. Всего обнаружено четыре таких элемента. Среди

¹ Манушина Т.Н. Шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М.: Советская Россия, 1983. С. 36.

² Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. С. 106.

³ Елкина, 2005. Ук. соч. С. 103.

текстильных остатков выделен также очень небольшой фрагмент, выполненный в технике полутканья.

В ходе исследований образцов были определены следующие текстильные типы:

Камчатная шелковая ткань (рис. 7, а)

Величина максимального фрагмента — 5,5×5,2 см. Имеются фрагменты с кромкой. Камчатная ткань — плотная шелковая узорная ткань с растительным орнаментом, предположительно окрашенная в красный цвет. Из этой ткани выполнена лицевая сторона одежды и изготовлен шнур, на который нанизаны шарообразные пуговицы.

Переплетение атласное. Узор фактурный и образован сменой переплетений. На лицевой стороне ткань имеет блестящий узор, образованный атласным переплетением (1:5), и матовый фон. На изнаночной стороне — матовый узор и блестящий фон. Величина максимального фрагмента — 5,5×5,2 см.

Нити основы — слабокрученые в S-направлении, толщиной 0,15–0,2 мм. Плотность основы составляет 60 н/см. Нити утка — некрученые нити толщиной 0,3–0,35 мм. Плотность утка составляет 35 н/см.

Кромка ткани шириной 8 мм. Для кромки использованы нити основы толщиной 0,3 мм.

Ввиду малой величины фрагментов реконструировать орнамент не представляется возможным.

Тонкая шелковая ткань (рис. 7, б)

Величина максимального фрагмента — 1,8×1,3 мм. Ткань полотняного переплетения выполнена из светлых некрученых нитей шелка. По всей вероятности, ткань является подкладкой верхней одежды.

Нити неравномерны по толщине. Их толщина колеблется от 0,08 до 0,25 мм. Плотность по основе — 90–100 н/см, по утку — 60 н/см. Нити основы плотно прилегают друг к другу, нити утка слабой набивки. Основа и уток приняты условно.

Элемент отделки? (рис. 7, в)

Небольшой фрагмент величиной 10×11 мм от изделия, выполненного в технике полутканья. К сожалению, фрагмент очень небольшой, чтобы определить его назначение. Предположительно, это фрагмент тесьмы, использованный в качестве декоративной отделки или окантовки верхней одежды. Но возможны и другие варианты. Например, фрагмент пояса.

Для изготовления использованы толстые сканые нити. Каждая нить кручена в S-направлении из четырех нитей, которые в свою очередь кручены в Z-направлении из двух шелковых нитей.

Петля (рис. 7, г)

Единственная сохранившаяся петля застежки выполнена из четырехгранного плетеного шнура толщиной 3 мм. Длина шнура — 33 мм. Шнур плетен из восьми некрученых нитей шелка толщиной 0,4 мм.

Элемент декора (вышивка?) (рис. 8)

Четыре разрозненных элемента отделки в виде ветви с листьями, исполненных в редкой технике вышивки. Длина максимального фрагмента — 4,5 см. Они были сильно деформированы и находились на лицевой стороне камчатной ткани.

Для вышивки использована окрашенная в темно-коричневый (или черный) цвет сканая шелковая нить толщиной 1 мм. Нить состоит из двух слабо крученых нитей, которые, в свою очередь, кручены вместе в Z-направлении. На ткань, согласно рисунку, накладывались две слабо скрученные между собой нити. Затем они обвивались двумя другими шелковыми нитями того же цвета, одновременно фиксируя вышивку на ткани. В данном случае ткань (скорее всего это была неокрашенная ткань, т.к. неокрашенный текстиль в грунте практически не сохраняется), истлела, а элементы вышивки сохранились. Принимая во внимание, что остатки вышивки обнаружены на лицевой стороне камчатной ткани, не под ней, предполагаю, что истлевшая ткань с выполненной на ней вышивкой была нашита на верхнюю одежду в качестве декоративного элемента (вошва?). Вышивка, выполненная в той же технике, встретилась при исследовании декоративных элементов рубахи мальчика 3–5 лет из некрополя Московского Новоспасского монастыря¹.

Реконструкция верхней мужской одежды

Проведенное исследование текстильных фрагментов из мужского захоронения позволяет частично реконструировать одежду погребенного. Это двухслойная распашная длиннополая мужская одежда, вероятно — кафтан. Кафтан шит из довольно плотной камчатной шелковой ткани с растительным орнаментом, предположительно окрашенной в красный цвет. Подкладкой кафтана служила тонкая неокрашенная шелковая ткань. Кафтан застегивался на частый ряд шаровидных позолоченных пуговиц диаметром 1,2 см. Пуговицы располагались по краю правой полы на расстоянии 1,5 см друг от друга. Всего 26 пуговиц. Таким образом, длина застежки реконструируется — она не менее 37,5 см. Пуговицы нанизаны на круглый шнур толщиной 4 мм, шитый из той же ткани, что и основная ткань одежды. Шнур с нанизанными пуговицами был проложен внутри полочки, между лицевой камчатной тканью и подкладкой. По краю левой полы были нашиты петли-застежки, выполненные из плетеного в восемь концов четырехгранного шнура толщиной 3 мм. Полы одежды были украшены вошвами — декоративными элементами-нашивками из светлой ткани с вышитым на них темными нитями орнаментом. В основе орнамента — ветвь с листьями. Форма нашивок (вошв), а также их расположение на одежде не реконструируются.

Обычно мужчин Московской Руси хоронили в рубахах, о чем свидетельствуют письменные источники, этнографические данные² и фрагменты рубах XVI–XVII вв., которые сохранились и обнаружены в некоторых светских мужских средневековых захоронениях³. Захоронение мужчины XVII в., облаченного в верхнюю одежду, встречено впервые. Является ли это исключением из правила, пока неясно, т.к. мы пока не имеем подобных средневековых находок в захоронениях. Археологически вне захоронений, из находок верхней мужской одежды автору известны лишь шелковый охабень XVII в., найденный в

¹ Елкина, 2005. Ук. соч. С. 92.

² Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX—начала XX в. М.: Наука, 1984. С. 85–87.

³ Елкина И.И. Текстиль в Московском государстве XVI–XVII вв. по археологическим данным // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Вологда: Древности Севера, 2016. С. 68–70.

1935 г. в тайнике каменной кладки стены Китай-Города¹, и декоративная отделка верхней мужской одежды в виде плетеных петлиц, обнаруженная в городских слоях XVI–XVII вв. при археологических исследованиях Романова двора в 1997 г. под. рук. Н.А. Кренке².

Irina I. Yelkina

Textiles from the graveyard of the Intercession “at the Moat” Cathedral (Moscow)

Abstract. The excavations (2001, 2005) at the Red Square, around the Cathedral of the Intercession on the Moat (Basil the Blessed) in Moscow revealed a part of its graveyard of the 16th and 17th centuries. In two of the graves the textiles were discovered, namely the women’s headpieces (volosnik) and fragments of men’s clothing – “kaftan”. The characteristic of the manufacture techniques and methods of ornamentation are given in the article.

Keywords: archaeological textiles, graveyard, Cathedral of the Intercession of the Most Holy Theotokos on the Moat, “volosnik”, “kaftan”, goldwork embroidery.

¹ Киселев С.В. Старинные одежды, найденные на метро / По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича // ИГАИМК. М., 1936. С. 158–159.

² Елкина И.И. Текстильные находки и плетеные изделия // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. (Материалы охранных археологических исследований). Т. 12. М.: ИА РАН, 2009. С. 161.

Рис. 1. Волосник № 1. Общий вид

Рис. 2. Графическая реконструкция очелья волосника № 1

Рис. 3. Ажурный верх волосника № 1.
Плетение на раме (sprang)

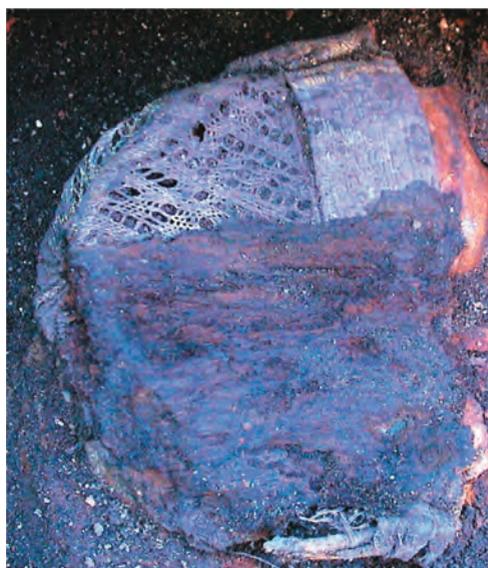

Рис. 4. Волосник № 2. Общий вид
в захоронении in situ

Рис. 5. Очелье волосника № 1.
Фрагмент. Золототканая лента

Рис. 6. Фрагменты полочки верхней одежды с частым рядом пуговиц

Рис. 7.
а — камчатная шелковая ткань с растительным орнаментом;
б — шелковая ткань полотняного переплетения;
в — фрагмент тесьмы (?);
г — петля.

Рис. 8. Фрагменты вышивки

Грибов Н.Н.

Нижегородская керамика в свете московских аналогий (к вопросу об атрибуции нижегородских комплексов XV в.)

Аннотация. В статье выясняется возможность использования разработок по хронологии керамики московского производства для датирования керамических комплексов Нижнего Новгорода. В центре рассмотрения – временной промежуток, приуроченный к XV веку. Использование датирующих возможностей статистики для определяющих этот промежуток типов московской керамики при хронологической атрибуции единовременных нижегородских керамических наборов признано несостоятельным. При датировке нижегородских комплексов предложено опираться на хронологические рамки бытования отдельных образцов московских «серийных» изделий, определяемых по характерному сочетанию технологических и морфологических признаков. Результат исследования – выявление лакуны в хронологической последовательности нижегородских керамических наборов, соответствующей большей части XV в.

Ключевые слова: русская гончарная керамика, г. Нижний Новгород, керамика московского производства, керамика XV в., лакуна в хронологической цепочке керамических комплексов.

За десятилетия раскопок г. Нижнего Новгорода сложилось устойчивое представление о сильном влиянии на местное гончарство традиций московских мастеров «кружального дела». Активным сторонником и проводником этой идеи в своё время был «патриарх» нижегородской археологии В.Ф. Черников, с именем которого связаны первые масштабные раскопки в Нижегородском кремле. Обращение к опыту московских коллег при систематизации и датировке массового керамического материала давно стало обыденной практикой в работе нижегородских археологов (см., например: Архив ИА РАН. Р-1. № 12941. Л. 3, прим. 1; № 22419. Л. 414, 419). В целом, исторические и географические предпосылки для установления параллелей между гончарными изделиями Москвы и Нижнего Новгорода кажутся вполне очевидными и не требующими сколько-нибудь развёрнутого обоснования для знакомых с перипетиями нижегородской истории.

Занимаясь проблемой археологически «неуловимого» нижегородского XV в.¹, пытаюсь распознать среди сотен изученных за десятилетия раскопок комплексов керамические наборы этого времени, автор настоящей статьи поставил для себя вопрос о необходимости отчётливого различения двух феноменов: а) воздействия московских традиций на нижегородский гончарный промысел и б) того влияния, которое оказали труды по московской керамике на представления археологов, изучающих средневековый Нижний Новгород. Другими словами, возникла необходимость в специальном историографическом и источниковедческом исследовании, нацеленном на выяснение применимости московских аналогий для хронологической атрибуции нижегородской керамики. Изучив ряд керамических комплексов из пригородного памятника «Городок», надёжно датированных по монетным находкам серединой–второй половиной XV в.², и не обнаружив аналогов им в материалах самого Нижнего Новгорода, автору захотелось разобраться – почему в научных отчётах XV столетие довольно часто «мелькает» среди датировок различных объектов, исследованных как в черте нижегородского детинца, так и в пределах городского посада. Актуальность задачи возросла после обобщения Т.Д. Николаенко сведений об этих объектах, следствием чего стали определённые выводы по истории городской застройки этого времени³.

¹ Грибов Н.Н., Лапшин В.А., Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. № 15. СПб.: Наука, 2008. С. 148, 149.

² Грибов Н.Н. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2005. С. 69–82.

³ Николаенко Т.Д., Основные этапы развития Нижнего Новгорода в XIII–XVII веках // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006. С. 331.

Круг публикаций, используемых при поисках аналогов, судя по ссылкам в «нижегородских» научных отчётах, ограничен наиболее известными обзорами по керамике московского производства. Это получившие широкую известность работы М.Г. Рабиновича, Р.Л. Розенфельдта и авторского коллектива, выпустившего в 1991 г. сборник «Московская керамика: новые данные по хронологии (под редакцией С.З. Чернова и М.Д. Полубояриновой)¹. Прежде чем перейти к рассмотрению нижегородских материалов, необходимо хотя бы вкратце проследить по этим публикациям развитие подходов к систематизации и хронологии керамики г. Москвы.

Их перечень начинается с трудов первого руководителя Московской археологической экспедиции М.Г. Рабиновича. Среди проанализированных им материалов особое место занимала коллекция из раскопок Гончарной слободы на устье р. Яузы. При выделении типов исследователь предложил опираться на четыре главных признака – на состав теста, ассортимент форм, качество обжига, орнаментацию или какой-либо иной способ обработки внешней поверхности². Значения признаков определялись субъективно по таким косвенным характеристикам, как степень шероховатости поверхности черепка, его звонкость, цвет. Формы венчиков к рассмотрению не привлекались, так как, по мнению автора, их следует учитывать только при разработке более детализированной хронологии «...путём изучения развития форм внутри каждого типа»³. Предложенные М.Г. Рабиновичем типовые признаки можно было установить даже для небольших образцов в виде морфологически маловыразительных фрагментов стенок. Особое значение исследователь придавал такой изменчивой даже в масштабах одного средневекового сосуда и неоднозначной в контексте технологии характеристике⁴, как цвет поверхности черепка. Повышенное авторское внимание к цвету прочно закрепилось в бытующей до настоящего времени терминологии московской керамики.

Количество выделенных типов первоначально ограничивалось шестью⁵, затем было увеличено до одиннадцати⁶, а потом, охватив импортные изделия, возросло до шестнадцати⁷. Некоторые из типов, опираясь на авторские описания, весьма сложно дифференцировать из-за неоднозначности определяющих их характеристик. Так, исследователи, хорошо знающие московский материал, отмечают, что серая керамика «...по большей части признаков... идентична курганной...», а её отличие заключается в том, что «...при изготовлении серой реже применялась дресва и лучше заглаживалась поверхность сосуда»⁸. Фрагменты стенок красноглиняных грубых горшков, выделенных М.Г. Рабиновичем по сочетанию красного или буровато-красного цвета и примеси песка, в свою очередь, сложно отличить от обломков «серых» или «курганных» изделий, ведь при определении последних в каче-

¹ Рабинович М.Г. Гончарная слобода в Москве // МИА. № 7. М.–Л.: Наука, 1947. С. 55–76; Рабинович М.Г., Московская керамика // МИА. № 12. М.: Наука, 1949. С. 37–105; Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы / Древности Московского кремля // МИА. Вып. 167. М.: Наука, 1971. С. 9–116; Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е 1–39. М.: Наука, 1968; Московская керамика: новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991.

² Рабинович М.Г., 1971. Указ. Соч. С. 14.

³ Рабинович М.Г., 1971. Указ. Соч. С. 101.

⁴ Цвет керамики определяется как обжигом, так и особенностями глинистого сырья. Поэтому, эта характеристика, связанная сразу с двумя выделенными признаками, однозначно не определяет значения ни одного из них.

⁵ Рабинович М.Г., 1947. Указ. Соч.

⁶ Рабинович М.Г., 1949. Указ. Соч.

⁷ Рабинович М.Г., 1971. Указ. Соч. Выделена и описана поливная, ангобированная, чёрная лощёная, морёная, белая, красная (тождественная красной грубой статьи 1949 г.), красная лощёная, серая, среднеазиатская (на кашинной основе), курганного типа, городищенская, серая толстостенная, красная ранняя, поливная ранняя, раннекруговая керамика и отдельно – амфоры.

⁸ Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII–середины XV вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991а. С. 20.

стве отошителя, помимо дресвы, было оговорено и вероятное использование песочной добавки, а цвет черепков, как известно, «...крайне относительный критерий, зависящий от многих обстоятельств»¹.

Складывается впечатление, что курганная, серая и красноглиняная грубая керамика маркируют последовательные стадии исторического развития одной и той же гончарной традиции, наиболее ранней для московского производства круговой посуды. Свойственные ей постепенность перехода к мелкозернистым примесям, преемственность в смене форм, несовершенство технологии обжига заставляют крайне скептически относиться к возможности разделения изделий по разным эволюционным стадиям без учёта особенностей профилировки и орнаментации, опираясь исключительно на технологические признаки, определяемые даже по небольшим фрагментам стенок. Вероятно, желая более отчётливо обозначить критерии выделения типов, автор наметил особенности морфологии этих трёх важнейших разновидностей столичной посуды. Однако этот подход получил заметное развитие только в работах его последователей.

В качестве основного критерия хронологического разделения керамических комплексов М.Г. Рабинович предложил использовать количественное соотношение представленных в них типов. Этот принцип в настоящее время является методической основой хронологии московских керамических наборов. Выделенные исследователем комплексы XV в. не отличались устойчивым составом. Основная тенденция в их развитии, по М.Г. Рабиновичу, состояла в непрерывном изменении соотношений следующих типов: росте количества красной керамики при уменьшении серой — в первой половине столетия, и незначительном уменьшении красной при увеличении доли морёной — во второй его половине². Существенные различия, позволяющие сколько-нибудь надёжно разграничить хронологически разные комплексы, были выделены автором только для XIV и XVI вв. Тем не менее, опираясь на абсолютную датировку сопутствующих строительных материалов (кирпичей), он датировал ряд сооружений рамками XV столетия. Все они стратиграфически связаны со вторым культурным слоем г. Москвы второй половины XIV—первой половины XVII вв.³ Для каждого из них характерно высокое содержание красной керамики, составляющей около половины всего количества находок.

В 1968 г. вышла в свет монография Р.Л. Розенфельдта, представляющая собой ещё один обзор керамики столичного производства⁴. Его источниковая база включала в себя коллекции, собранные московской экспедицией в 1953—1964 гг. Предложенная автором классификация опиралась на различия в технике изготовления гончарных изделий, на более ясные и более однозначные в определении технологические характеристики. Особое значение среди них имели: вид глинистого сырья, способ обжига, особенности обработки внешней поверхности.

Всё многообразие столичной гончарной посуды было охвачено семью группами: керамикой домонгольского времени (курганного типа), красноглиняной (включающей в себя краснолощённую как разновидность), ангобированной, чернолощённой и морёной, белоглиняной, поливной, привозной.

Хронологические рамки бытования большинства из групп оказались достаточно широкими. Некоторые из них были образованы путём объединения отдельных типов, выделенных М.Г. Рабиновичем. Проследивая исторические изменения в профилировке красноглиняных сосудов, Р.Л. Розенфельдт обратил внимание на стандартизацию форм отдельных разновидностей, бытовавших в течение ограниченных промежутков времени.

¹ Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV—начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М., 1991. С. 34.

² Рабинович М.Г., 1971. Указ. Соч. С. 107, рис. 24.

³ Рабинович М.Г., 1971. Указ. Соч. С. 48—68, 74.

⁴ Розенфельдт Р.Л., 1968. Указ. Соч.

Особое значение для получения «керамических маркеров» XV в. имело выделение серийных красноглиняных горшков с вертикально поставленным венчиком, «слегка утопленным внутрь сосуда», впоследствии получивших наименование «красноглиняных гладких»¹.

Современные представления нижегородских археологов о систематике и хронологии гончарной посуды г. Москвы во многом сложились по материалам сборника статей, посвящённых систематизации коллекций исследований 80-х гг. прошлого века². Его отличают направленность на описание эталонных, датированных по стратиграфическим привязкам и письменным источникам комплексов, выяснение исторической динамики состава керамических наборов, построение серий сравнительно узко датированных форм в рамках ранее выделенных керамических типов и групп. При систематизации особое значение имело разделение материала по сочетанию вида используемого глинистого сырья и степени зернистости отощителя.

Исследователи предприняли попытку преодолеть путём выявления характерной профилировки изделий неоднозначность в определении предложенных М.Г. Рабиновичем типов. Так, в качестве главного отличия красноглиняной (красной) посуды от предшествующей ей серой И.А. Бойцов предложил рассматривать различия в формах венчиков, а не характер отощителя и обжига. По его мнению, главным признаком красноглиняной керамики является треугольный профиль краевого окончания венчика, а серой — закраина в виде «округлой припухлости на внутренней стороне»³. По сочетанию рецептуры теста, качества обжига, деталей профилировки и особенностей нанесения орнамента красная керамика была разделена на две основные группы — красноглиняную грубую и красноглиняную гладкую. К содержанию этих понятий у авторов сборника проявились различные подходы.

И.А. Бойцов акцентировал внимание на морфологии. Придавая первостепенное значение деталям профилировки, он предложил соотнести признаки этих типов со «стандартами» московских горшков двух массовых серий. По его мнению, для красноглиняных грубых сосудов характерны плавно переходящий в плечики немного отогнутый наружу венчик с треугольным профилем краевого окончания, разреженная линейная орнаментация на верхней половине тулова, добавка в виде крупнозернистого песка, «...самый разнообразный...» обжиг⁴. «Классические» красноглиняные гладкие горшки отличаются от них вертикальной постановкой венчика, соединённого с туловом участком с резким перегибом профиля; зонным орнаментом из 2–4 линий, нанесённых на верхнюю поверхность плечиков; примесью мелкозернистого песка, красным однородным цветом черепков⁵. Горшки первой «стандартной» серии по включающим их комплексам датируются серединой XIV–серединой XV вв., горшки второй серии — второй половиной XV–началом XVI вв.⁶

Другой подход продемонстрирован в статьях С.З. Чернова⁷. Отдавая должное значению морфологических признаков, при различении красноглиняных грубых и гладких сосудов автор предпочитает полагаться на их технологические особенности. К красноглиняной гладкой посуде исследователь причислил изделия различной профилировки и даже раз-

¹ Розенфельдт Р.Л., 1968. Указ. Соч. С. 14, 15.

² Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

³ Бойцов И.А., 1991. Указ. Соч. С. 35.

⁴ Бойцов И.А., 1991. Указ. Соч. С. 35.

⁵ Бойцов И.А., 1991. Указ. Соч. С. 38.

⁶ Отнесение И.А. Бойцовым «классических» красноглиняных гладких горшков с вертикальными венчиками и зонным орнаментом исключительно к первой половине XVI в. (Бойцов, 1991. Указ. Соч. С. 39; рис. 1Д) противоречит массовое присутствие осколков этих сосудов в комплексах, сложившихся до московского пожара 1493 г. (см.: Московская керамика..., 1991. Табл. 85, 86, 93–98).

⁷ Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII–середины XV вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991а. С. 20–32; Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991б. С. 50–55.

личных форм (как горшки, так и миски), а её хронологические рамки расширил до XVI–XVII вв., что явно выходит за пределы бытования «классических» красноглиняных гладких горшков И.А. Бойцова.

Нельзя не отметить, что различия в определяющих признаках двух важнейших разновидностей московской керамики XV в. предполагают и разные подходы к отбору систематизируемого материала. В одном случае для выяснения типических особенностей необходимо обращение если не к целым формам, то, как минимум, к крупным фрагментам верхних частей сосудов; во втором – вполне достаточны даже неорнаментированные и морфологически не выраженные обломки стенок. Очевидно, однако, что венчики, отражающие детали профилировки, как правило, позволяют наметить заведомо более узкий хронологический интервал, чем стенки, отнесённые к этим же типам сосудов только по характеру теста и качеству обжига.

Помимо переходных вариантов, имеющих ограниченное распространение, в сборнике 1991 г. подробно описано девять основных типов московской керамики, имеющих первостепенное хронологическое значение. Это курганная, серая, красноглиняная грубая, красноглиняная гладкая, краснолощёная, ангобированная, белоглиняная грубая, белоглиняная гладкая, чернолощёная и морёная посуда. По градации количественных соотношений между этими типами в эталонных комплексах авторы разработали хронологию керамических наборов Москвы в пределах полувекowych промежутков.

Для первой половины XV в. в качестве эталонных керамических наборов предложено рассматривать находки из постройки 2 селища Михайловское-2¹ и сруба № 7, изученного в Историческом проезде². Поселение на месте селища Михайловское-2, по сведениям из актового материала, перестаёт существовать в середине XV в. (к 1455 г.). Его керамический комплекс состоит из сочетания преобладающей красноглиняной керамики и краснолощёной (до 5 %). Первая представлена сосудами, весьма далёкими по орнаментике и профилировке от красноглиняных грубых горшков, описанных И.А. Бойцовым³. Малочисленные находки из заполнения сруба № 7 датированы по стратиграфии: связанную с ним постройку перекрывает сооружение с берестяной грамотой второй половины XV в.

Для оценки ситуации во второй половине XV в. привлечены материалы трёх построек, погибших в пожаре 1493 г. (или несколько ранее)⁴, сооружения, перекрытого слоем строительства Китайгородской стены (1535–38 гг.), и ямы у Вознесенской церкви в Коломенском, заполненной ещё до строительства церковного здания в 1531–33 гг.⁵ Все эти комплексы, за исключением последнего, имеют значительную примесь находок из более ранних разрушенных напластований, что затрудняет оценку присутствия в них образцов, характерных для последующего периода. С учётом не содержащего ранней керамики «чистого» комплекса из Коломенского, основной массив бытовой московской посуды во второй половине XV в. состоял из стандартизированных «классических» красноглиняных гладких горшков, массово представленных в наиболее обширных для этого периода комплексах ямы 1 Монетного двора и ямы 2 Исторического проезда⁶.

В целом для первой половины XV столетия характерно доминирование красноглиняной грубой керамики при незначительном содержании краснолощёной (порядка 5 %) и отсутствии серой. При этом как в оформлении венчиков, так и в орнаментике отсутствует единообразие. Гончарные наборы второй половины XV в. отличает доминирование

¹ Чернов, 1991а. Указ. Соч. С. 30.

² Бойцов, 1991. Указ. Соч. С. 36; табл. 79.

³ Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. Табл. 70, 71.

⁴ Ямы 1 и 4, изученные при раскопках на Монетном дворе в 1987–88 гг., яма 2 раскопа в Историческом проезде.

⁵ Чернов, 1991б. Указ. Соч. С. 50.

⁶ Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. Табл. 85, 86, 93–98.

красноглиняной гладкой (до 75–81 %), отсутствие красноглиняной грубой и появление редких образцов «карбонизированной» (морёной и чернолощёной), ангобированной и белоглиняной грубой посуды¹. Последний тип определяется по беложгущему тесту с примесью песка или кварцитов, что проявляется в шероховатой поверхности изделий. Формы представлены кувшинами и горшками с «подшарообразным» туловом и венчиками с наружным краевым утолщением округлого или овального сечения. В период наибольшего распространения этих сосудов (в первой половине XVI в.) доля красноглиняной гладкой посуды уменьшается до 3–11 %².

Завершив краткий экскурс в историю изучения московской керамики, познакомившись с основными её разновидностями, бытовавшими в XV в., обратимся к керамике нижегородской. Её первая систематизация была предложена Н.Н. Ворониным при описании материалов раскопок 1960 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 2154). Опираясь на опыт работы в других русских городах, исследователь выделил лепную, «домонгольскую», красную среднюю, подлощённую красную, чёрную лощёную, белую тонкостенную и ещё три группы привозной посуды (амфорную тару, красную «болгарскую» и поливную). Основную массу средневековой гончарной керамики он разделил на «домонгольскую» и красную среднюю. Если первую он выделил по характерной профилировке края горловины, то при атрибуции второй опирался на сочетание таких характеристик, как тонкое тесто, гладкая поверхность, присутствие «менее моделированных» венчиков (Архив ИА РАН. Р-1. № 2154. Л. 7). Причисляя красную среднюю, наряду с чёрной лощёной и белой тонкостенной, к «поздней» керамике, автор зафиксировал её появление «...в достаточно развитом виде по находкам из слоя под полом собора XIV в. ...уже в первой четверти XIII в.». Заметим, что в статье, вышедшей задолго до раскопок в соборе Михаила Архангела, М.Г. Рабинович отождествил «красную среднюю» керамику Н.Н. Воронина с «красной грубой» московской³.

При описании массового материала из раскопок на территории Нижегородского кремля В.Ф. Черников использовал терминологию М.Г. Рабиновича и Н.Н. Воронина. Гончарную посуду, бытовавшую после рубежа XIV–XV вв., он не разделял по сколько-нибудь дробным хронологическим группам, полагая, что «...керамика XV, XVI и XVII вв. представлена сосудами из красной глины («средними красными»), серолощёной, чернолощёной и сосудами из белой глины» (Архив ИА РАН. Р-1. № 2936. Л. 23). Это обстоятельство, очевидно, стало причиной упоминания XV в. в общей датировке культурного слоя, отложившегося до строительства храма Михаила Архангела 1631 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 2936. Л. 7).

Классификация нижегородской керамики, предложенная Т.В. Гусевой при обработке результатов раскопок 1988–89 гг., в своих основных чертах повторяла систематизацию Р.Л. Розенфельда (Архив ИА РАН. Р-1. № 12941. Л. 3, прим. 1). Единственная местная группа так называемой «кухонной» керамики была выделена исследовательницей не столько по сочетанию особенностей технологии или профилировки, сколько по специфическим следам использования — «закопчённости» внешней поверхности (Архив ИА РАН. Р-1. № 12941. Л. 5). Ещё одним нововведением стала группа «сероглиняной с грубыми примесями», в названии которой просматривается параллель с «серой» московской керамикой. При обработке коллекции 1989 г. это название было заменено на «сероглиняную грубую керамику», определённую по сочетанию плохого обжига, наличию грубых примесей и формам венчиков, «типичным для XII–XIII вв.» (Архив ИА РАН. Р-1. № 14060. Л. 3, 4). При этом её соотношение с московской курганной, красноглиняной грубой (или красной) и серой исследовательница не уточнила.

В дальнейшем это обозначение получило широкое распространение при описании ни-

¹ Московская керамика: новые данные... С. 58. Рис. 2.

² Чернов, 1991б. Указ. Соч. С. 51.

³ Рабинович М.Г., 1949. Указ. Соч. С. 61.

жегородской гончарной посуды. С начала 90-х гг. оно встречается в отчётах И.С. Аникина, Д.А. Антонова, И.В. Ануфриевой, Н.Н. Грибова, А.Н. Кикеева, В.А. Лапшина, И.А. Очеретина, Е.В. Четвертакова, Л.Д. Шакуловой и некоторых других исследователей (см.: Архив ИА РАН. Р-1. № № 18417, 22025, 24350, 24352, 24357, 26421, 26426, 29023, 31361, 31949). К сероглиняной грубой керамике они причисляют весь массив средневековой русской посуды, выделенной по сочетанию красножгущегося сырья, посредственного обжига¹, по примеси дресвы, крупно- или среднезернистого песка. Её датировка по сопутствующему инвентарю традиционно определяется в рамках промежутка XIII—начала XV вв. По рисункам венчиков из отчётных материалов и обзору коллекций легко заметить, что к данной группе отнесены сосуды сразу трёх, отчётливо не различимых по технологическим признакам, московских типов — курганные, серые и красноглиняные грубые.

В отчётах нижегородских исследователей, составленных после выхода в свет сборника 1991 г., появляется упоминание «красноглиняной гладкой» посуды. Неоднозначность в трактовке главных отличительных признаков соответствующих изделий, очевидно, отразилась в разнообразии представлений об их датировке, сложившихся у исследователей Нижнего Новгорода. Одни авторы, ориентируясь на хронологическую таблицу комплексов, доведённую до рубежа XVI—XVII вв.², формально датировали образцы этой группы второй половиной XV—XVI вв. (Архив ИА РАН. Р-1. № 22025. Л. 19); другие, опираясь на технологические характеристики и, очевидно, мнение С.З. Чернова, — второй половиной XV—XVII вв. (см., например: Архив ИА РАН. Р-1. № 37091. Л. 56). Некоторые исследователи, обнаружив фрагменты хорошо и равномерно обожженных сосудов с незаметными на глаз примесями в составе керамики из позднейших сооружений, отодвинули верхнюю границу бытования «красноглиняной гладкой керамики» до XVIII—XIX вв. (Архив ИА РАН. Р-1. № 22420. Л. 417).

Наиболее последовательно классификация и терминология московской гончарной посуды, отражённые в сборнике 1991 г., были «перенесены» на нижегородский материал И.О. Ерёмным при обработке находок из раскопок на Театральной площади 1997 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 22420. Л. 413—419). Весь массив собранных керамических фрагментов, вне зависимости от их морфологической выразительности, он разделил на 14 групп, выделив курганную, серую, красноглиняную грубую, красноглиняную гладкую, краснолощённую, белоглиняную грубую, белоглиняную гладкую, чернолощённую, морёную, ангобированную, «зеленополивную», «краснокоричневую» поливную, мордовскую лепную и серую с ангобом керамику (Архив ИА РАН. Р-1. № 22420. Л. 413—419). Не акцентируя внимания на деталях профилировки, автор явное предпочтение отдавал технологическим признакам, систематизируя даже небольшие маловыразительные фрагменты. Почти полное отсутствие среди иллюстраций отчёта образцов «классических» форм курганной, красноглиняной гладкой и белоглиняной грубой московской посуды указывает на искусственность соотнесения, по крайней мере, этих трёх выделенных им групп с известными типами московской керамики. Вместе с тем, при датировке комплексов И.О. Ерёмин, используя опыт своих московских коллег, опирался на состав керамических находок и на количественное соотношение представленных в них групп. Детально не оговаривая признаки керамических наборов XV в., он причислил к этому столетию целый ряд комплексов (Архив ИА РАН. Р-1. № 22419. Л. 100—114; № 22420. Л. 430—434). Решающим обстоятельством для их датировки послужило присутствие «красноглиняной грубой» или «красноглиняной гладкой» посуды среди преобладающих образцов более ранней серой керамики при отсутствии фрагментов морёных, чернолощённых и белоглиняных гладких сосудов.

¹ Определяемому по тёмно-серому, бурому, светло-коричневому или неоднородному цвету поверхности черепка и серому или «трёхслойному» цвету его излома.

² Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С. 58. Рис. 2.

Установив терминологические соответствия, обратимся к поиску возможных параллелей между нижегородскими и московскими керамическими комплексами XV в.

Основными разновидностями посуды в столичных керамических наборах XV в. являются красноглиняная грубая, красноглиняная гладкая и, в меньшей степени, белоглиняная грубая керамика. С каждой из этих групп можно связать характерные особенности профилировки и орнаментики, системно сочетаемые в большинстве образцов изделий из эталонных комплексов. Только по морфологическим признакам можно установить аналогии московской красноглиняной грубой керамики среди местной сероглиняной грубой посуды, «классической» красноглиняной гладкой среди нижегородских хорошо обожжённых изделий из тонкого красножгущегося теста, белоглиняным грубым московским горшкам — в массиве белоглиняных сосудов с грубыми примесями.

Образцы, близкие по профилировке и орнаменту к московской красноглиняной грубой посуде, известны на памятниках Нижегородского Поволжья¹. Здесь их распространение очерчивается промежутком середины XIV—начала XV вв. В наиболее ранних, датированных монетами Василия Тёмного чеканки 1446–1462 гг., комплексах пригородного поселения Городок они отсутствуют. Фрагменты сосудов, подобных московским «классическим» красноглиняным гладким горшкам, в Нижнем Новгороде и на памятниках его округи встречаются исключительно редко. За десятилетия исследований не встречено ни одного комплекса, который по насыщенности фрагментами таких изделий можно было бы поставить в один ряд с ямой 1 Монетного двора или ямой 2 Исторического проезда². Среди керамики из красножгущейся глины они не доминируют ни в одном известном нижегородском комплексе. Что касается белоглиняной грубой посуды, с уверенностью к ней можно отнести лишь единичные образцы, происходящие из нескольких нижегородских раскопов. Мнение И.О. Ерёмкина о появлении её в Нижнем Новгороде ещё в XIII—XIV вв., вероятно, порождено непреднамеренной подменой понятий. Полагаясь при атрибуции исключительно на технологические характеристики, исследователь причислил к ней фрагменты изделий из района Верхней Волги и Валдая (см. например: Архив ИА РАН. № 22422. Илл. 54, 1). Эти изделия легко выделяются среди нижегородской керамики не только по цвету, но и по оформлению краевых окончаний (в виде «шпоры»), сочетанию линейного и ногтевого орнамента³. Отдельные образцы таких сосудов из беложгущегося теста с примесью дресвы (среди которых известно несколько полных профилей) происходят из сооружений второй половины XIII—XIV вв., изученных как в Нижнем Новгороде, так и на селищах его округи⁴.

Таким образом, использование датирующих возможностей статистики этих определяющих состав керамических наборов XV в. трёх типов московской керамики для хронологической атрибуции единовременных нижегородских керамических наборов нельзя признать состоятельным. Это, конечно, не означает полного отказа от использования московских аналогий. При атрибуции нижегородских комплексов, очевидно, можно и нужно опираться на отдельные образцы московских серийных изделий, распространение которых, судя по составам московских эталонных комплексов, имело достаточно узкие временные рамки. Так, фрагменты «классических» красноглиняных гладких и белоглиняных грубых горшков, красноглиняных ангобированных расписанных охрой и черноло-

¹ См., например: Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2006. С. 66, 90, рис. 8 (группа 13).

² Московская керамика: новые данные... Табл. 85, 86, 93–98.

³ Буров В.А. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. СПб.: Наука, 2003. С. 47–60.

⁴ Грибов Н.Н. Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 328.

щёных кумганов могут служить опорными маркерами при выяснении датировки местных керамических наборов.

При использовании этих опорных маркеров и сопутствующих вещевых находок как датирующий материал для атрибуции большого массива нижегородских керамических комплексов¹ в их последовательной хронологической цепочке обнаруживается лакуна, соответствующая большей части XV столетия. Временные рамки лакуны определяют две группы керамических наборов, различных как по технологическому уровню, так и по степени стандартизации представленной в них гончарной продукции.

Комплексы, определяющие нижнюю хронологическую границу, представлены технологически наиболее архаичными изделиями.

Это посредственно обожжённые, как правило, приземистые горшки с неоднородным цветом внешней поверхности, изготовленные на лёгком ручном круге² из красножгущейся глины с грубыми примесями в виде дресвы, крупно- или среднезернистого песка. Краевые окончания горловин оформлены весьма разнообразно.

Фиксирующие разрыв традиций керамические наборы, очерчивающие верхний предел отмеченной лакуны, состоят из доминирующих серийных изделий, имеющих однородный высокотемпературный горновый обжиг и тесто с примесью мелкозернистого песка или без визуально фиксируемых добавок. По формам венчиков их легко разделить на небольшое количество типов. Симметричность профилировки, отчётливые протяжённые ротационные линии на внешней поверхности сосудов позволяют предполагать использование утяжелённого («быстрого») ручного круга.

Представленная в этих комплексах гончарная продукция имеет более широкий ассортимент: помимо горшков значительно чаще, чем прежде, встречаются кувшины и миски, появляются новые, ранее неизвестные в русском гончарстве формы — кубышки, кумганы. Эти новшества характерны, главным образом, для керамики трёх технологико-стилистических групп — белоглиняной, краснолощёной и чернолощёной. Формы «нестандартных» очертаний малочисленны. Как правило, они изготовлены из красножгущегося сырья, однако, в отличие от преобладающих изделий более ранних комплексов, у многих из них фиксируется лучший обжиг, а в тесте преобладают мелкозернистые минеральные добавки, либо отсутствует отошитель. Профилировка венчиков по-прежнему разнообразна, но в целом отлична от той, которая была присуща местной керамике раньше: стали редкостью экземпляры со сколь-нибудь выраженными краевыми утолщениями, «округлой припухлостью на внутренней стороне», характерной для московской серой керамики. При первичной систематизации массового материала фрагменты такой посуды объединяются нижегородскими исследователями, как правило, в отдельную группу, имеющую разные обозначения у разных авторов³.

Очень показательны в плане демонстрации нарушения местной гончарной традиции сравнение керамических комплексов из сооружений двух наиболее ранних строительных

¹ Среди нижегородских материалов для непосредственного исследования автору были доступны коллекции керамики, собранные при раскопках под руководством В.А. Лапшина в Кремле 2001–2002 гг. (около 49 000 фрагментов из 119 ям); Т.В. Гусевой и Н.Н. Грибова на Ильинской горе во дворах Крутого переулка в 1991 и 1999 гг. (около 30000 фрагментов из 50 ям); И.В. Ануфриевой на участке Верхнего посада (на пл. Минина у кафе «Олень») в 2005 г., в пер. Университетском в 1999–98 гг.; Л.Д. Шакуловой на ул. Ульянова в 2003 г.; И.С. Аникина в разных местах Верхнего посада в 2003, 2005 гг. Состав керамических комплексов на остальных раскопанных площадках (с 1960 по 2010 гг.) изучался по отчётным материалам из Архива Института археологии РАН.

² Судя по характерной лёгкой ассиметрии профилировки.

³ Это группы «красноглиняной гладкой» — в отчётах И.С. Аникина, И.В. Ануфриевой, Н.Н. Грибова, И.О. Ерёмкина, А.Н. Кикеева, В.А. Лапшина, Е.В. Четвертакова, Л.Д. Шакуловой; «красноглиняной с тонкими примесями», «красноглиняной без лошения» или «керамики с тонкими примесями» — в отчётах Т.В. Гусевой и Е.Э. Лебедевой.

периодов городской застройки, вскрытой на нижегородском посаде во дворах Крутого переулка в 1999 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 22025).

Первый (ранний) комплекс происходит из заполнения ямы 19 раскопа 1 – квадратного в плане котлована с вертикальными стенками, размером 3,8×3,9 м и глубиной 1,8 м. Борты сооружения некогда были укреплены деревянным каркасом из угловых столбов и горизонтальной пристенной обшивки, дно прорезано многочисленными приямками. В заполнении выделено три основных горизонта. Наибольший интерес представляет керамика из нижнего придонного горизонта, кровля которого отчётливо обозначена прослойкой углей и линзой развала глинобитной печи: с ним связаны находки двух серебряных монет. Одна монета – неизвестная по публикациям полуденга весом 0,38 г со стилизованным изображением птицы или зверя на одной стороне и подражанием арабской надписи – на другой (рис. 1, 2). Вторая нумизматическая находка – тяжеловесная денга удельной чеканки, весом 0,760 г (рис. 1, 1). На её лицевой стороне в линейном картуше помещена поясная фигура обращённого вправо человека с секирой и мечом в руках, окружённая нечитаемой круговой легендой. На обороте отчётливо проступает подражание арабской надписи (без следов картуша). По деталям оформления текста-«подражания», находка близка к типу¹, относимому нумизматами к монетам одного из суздальско-нижегородских князей – Даниила Борисовича или Даниила Васильевича (сына Василия Дмитриевича (Кирдяпы))², или же к анонимному выпуску, который Г.А. Фёдоров-Давыдов связывал с чеканом Нижнего Новгорода после выхода его под власть московского князя в 1392 г.³ По встречаемости вкладах наиболее вероятное время хождения таким образом оформленных монет (но с именем Даниила) – первое десятилетие XV в.⁴ Тяжеловесные денги, чеканенные по весовой норме 0,7–0,8 г, выходят из обращения вскоре после реформы, различно датированной разными авторами, но в пределах 1410–1413 гг.⁵ Таким образом, наиболее вероятный временной промежуток, в течение которого монеты вместе с другими находками, попали в котлован постройки, можно очертить, приблизительно, двумя десятилетиями на рубеже XIV–XV вв. (1392–1413 гг.). Этому не противоречат другие датирующие находки из нижнего горизонта (рис. 1, 3–7): два железных ключа типов В и В2, железный черенковый нож с пластинчатой бронзовой муфтой, фрагмент бронзовой проволочной серьги в виде «знака вопроса» со стеклянной шарообразной бусиной на конце стержня, двухсторонняя каменная иконка с изображением деисусной композиции на одной стороне и святого Николы Чудотворца – на другой.

Керамический комплекс нижнего горизонта заполнения ямы 19 состоит из 1419 фрагментов. Среди них преобладают обломки сосудов посредственного обжига, изготовленных на ручном гончарном круге из красножгущейся глины с примесью преимущественно дресвы или среднезернистого песка (91 %). Другие технологические группы представлены фрагментами краснолощённой посуды – по особенностям технологии изготовления и морфологии близкой к продукции городских мастерских Золотой Орды (9 %), а также единичными осколками лепных мордовских и гончарных белоглиняных (с примесью дресвы) изделий. Выделенные по венчикам красноглиняные сосуды (84 экз.) по особенностям рецептуры теста делятся на три подгруппы: с добавкой дресвы (различной концентрации) – 49 %, с примесью среднезернистого песка (с размером зерна до 1,5–2 мм) – 39 %, с мелкозернистым отощителем (песок с зерном до 0,5–1 мм) или без визуально фиксируемых

¹ См.: Орешников А.В. Русские монеты до 1547 года / Императорский Российский исторический музей. Описание памятников. Вып. 1. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонова, 1896. С. 192. №№ 885–887.

² Тростьянский О.В. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. Чебоксары, 2009. С. 13–14.

³ Орешников А.В., 1896. Указ. Соч. С. 197. № 901; Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 122–123.

⁴ Тростьянский О.В., 2009. Указ. Соч. С. 13–14.

⁵ Фёдоров-Давыдов Г.А., 1989. Указ. Соч. С. 137; Тростьянский О.В., 2009. Указ. Соч. С. 48–49.

примесей — 12 %. Формы венчиков разнообразны. Среди них количественно выделяются (около 18 %) варианты с массивным продолговатым краевым утолщением, образованным отгибом и последующим наложением края черновой ленты на внутреннюю поверхность (рис. 2, 1–19). Почти все они изготовлены из теста с добавкой дресвы. Заметно присутствие венчиков с «подтреугольным краем» типа 23/3 по В.Ю. Ковалю, появление которых фиксируется во второй половине XIV в. (рис. 2, 20–29)¹.

Последующий по времени керамический комплекс происходит из заполнения ямы 20, зафиксированной с уровня верхней поверхности самого нижнего горизонта городского культурного слоя, с которым связана яма 19. Её квадратный котлован имел размеры 3,7×3,8 м и глубину 1,6 м. Заполнение состояло из трёх горизонтов. Керамические сборы из верхнего и нижнего горизонтов² как по составу, так и по соотношениям технолого-стилистических групп близки друг другу. В каждом из этих отложений обнаружены фрагменты от одних и тех же сосудов. Всё это позволяет считать, что заполнение ямы происходило в течение сравнительно непродолжительного времени и, следовательно, всю совокупность обнаруженной в ней керамики можно рассматривать в качестве единого комплекса. Находки, помогающие наметить его датировку, немногочисленны. Из верхнего горизонта, помимо одного пластинчатого и двух черенковых железных ножей, происходит керамическая фигурка в виде медведя, выполненная в реалистичной манере³, свойственной для подобных московских игрушек XV–первой половины XVII вв. (рис. 3, 7)⁴. В среднем слое обнаружены три красноглиняные свистульки, покрытые белым ангобом⁵. Одна из них — «уточка» — передаёт фигуру водоплавающей птицы с удлинённой шеей и сужающимся к хвосту туловищем (рис. 3, 8). Другая выполнена в виде баранчика с небольшой приостренной головой и закрученными, частично утраченными рогами (рис. 3, 6). Фигурка небрежно ангобирована⁶. У основания шеи со стороны спины сохранилась слабо различимая чёрная полоска от почти полностью утраченной росписи. Третья фигурка представлена лишь своей задней половинкой со свистком (рис. 3, 10). Скорее всего, она изображала лошадку. На её спине сохранилась роспись полосками красной охры, расходящимися «ёлочкой» по бокам от линии хребта. По материалам Москвы красноглиняные ангобированные игрушки наиболее характерны для горизонтов XV–XVI вв., хотя отдельные находки встречаются в слоях XIV и XVII вв.⁷ При зачистке материкового дна ямы найдены же-

¹ Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии / Археологические памятники Москвы и Подмосковья // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. М., 1996. С. 84.

² В среднем горизонте находки малочисленны.

³ На спине животного отчётливо передан «горб», на морде имеется сквозное отверстие, обозначающее возможность крепления кольца повода.

⁴ Розенфельдт, 1968. Указ. Соч. С. 17.

⁵ Подробное описание керамических игрушек из ямы 20 содержится в специальной статье (см.: Иванова Н.В. Нижегородская глиняная игрушка (по материалам археологических раскопок 1999 г. в Крутом переулке) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2000. С. 87–93). В процессе подготовки настоящего исследования при работе с музейной коллекцией и с материалами научного отчёта 1999 г. выявлены неточности, допущенные в этой публикации. Так, в указанной статье неправильно обозначено местонахождение одной находки (в перекопе XIX в. вместо слоя 2 заполнения ямы 20), ошибочно отмечены следы росписи охрой на фигурках «уточек».

⁶ В области рогов, ног и живота белоглиняное покрытие не наносилось.

⁷ Розенфельдт, 1968. Указ. Соч. С. 24–27; Колызин А.М. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // РА. № 2. М.: ИА РАН, 1998. С. 116; Кренке Н.А. Комплексы XIV–первой половины XVI века: характеристика объектов, вещевых находок и керамики / Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках // Материалы охранных археологических исследований. Т. 12. М.: ИА РАН, 2009. С. 392, рис. 146, 2, 6, 13. В Коломне они известны по комплексам XV–первой половины XVII вв. (Черкасов В.В. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2004. С. 310), в Суздале — XV–XVIII вв. (Мухина Т.Ф. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. в суздальских археологических коллекциях // Городецкие чтения (материалы научной конференции). Городец, 1992. С. 67).

лезный ключ (типа В или Г), свинцовый грузик в виде тонкого кружка с вертикальной втулкой, красноглиняная ангобированная свистулька — «уточка», аналогичная по размерам и форме описанной находке из среднего горизонта (рис. 3, 1, 5, 9). Среди осколков посуды, обнаруженных в придонном горизонте, следует особо отметить декорированную сквозными отверстиями пластину от чернолощёного кумгана (соединяющую носик с горловиной) (рис. 4, 5) и фрагмент стенки белоглиняного кувшина с примесью крупнозернистого песка в тесте в месте прикрепления рукоятки (рис. 4, 17).

Верхняя хронологическая граница данного комплекса определяется красноглиняной ангобированной свистулькой в виде барашка: по наблюдениям Р.Л. Розенфельдта, подобные игрушки с росписью чёрной краской были распространены в г. Москве несколько раньше расписанных охрой — преимущественно, в XIV–XV вв.¹ Нижняя граница датировки очерчивается присутствием осколков двух редких для Нижнего Новгорода, очевидно, привозных, керамических сосудов — чернолощёного кумгана и белоглиняного кувшина. Последний по частой примеси крупнозернистого песка можно отнести к группе белоглиняной грубой московской керамики, максимум распространения которой приходится на первую половину XVI в. В Москве оба этих вида посуды появляются не ранее конца XV в.² Таким образом, наиболее вероятный период сложения керамического набора из заполнения ямы 20 можно определить концом XV–первой половиной XVI вв.

Керамический комплекс ямы 20 состоит из 1620 осколков. В нём преобладают образцы гончарных изделий хорошего горнового обжига ограниченного набора «стандартных» профилировок, хорошо известных на обширных землях Московской Руси далеко за пределами Нижегородского Поволжья: суммарная доля белоглиняной гладкой, краснолощёной и чернолощёной керамики составляет 68 %.

Среди этих относительно высокотехнологичных групп преобладают изделия из беложгущейся глины — горшки коломенского типа без визуально фиксируемых примесей (их доля — 40 %). Три реконструированных сосуда отличаются средними пропорциями (Н/Д = 0,72–0,76), типичными для XVI в. (рис. 4, 6–8)³. У 40 % из 34 выделенных по венчикам изделий линейный орнамент заходит на верхнюю часть плечика. На донцах с внешней стороны, как правило, можно различить отпечатки рук гончаров.

Одна из характерных особенностей рассматриваемого комплекса — высокое содержание краснолощёной посуды (23,1 %), занимающей второе место (34,1 %) среди высокотехнологичных изделий. Эта группа представлена в основном фрагментами кувшинов с шаровидным туловом и сравнительно короткой отчётливо выделенной горловиной с моделированным сливом⁴. Краевое окончание венчиков напоминает либо широкую наружную манжету,⁵ зачастую с вогнутой в виде жёлоба поверхностью, либо треугольный в сечении, приостренный кверху, наружный валик, расположенный всегда с небольшим отступом от верхней кромки (рис. 4, 2–4)⁶. Лощение неширокими вертикальными полосками, иногда переходящее почти в сплошное, наносилось, как правило, на тулово ниже основания горловины, отмеченное узкой зоной линейного орнамента. Горловины отдельных экземпляров сплошь покрыты рифлением или украшены частыми полосками линейного орнамента. На внешней поверхности днищ, как правило, заметны микронеровности

¹ Розенфельдт, 1968. Указ. Соч. С. 25.

² Розенфельдт, 1968. Указ. Соч. С. 33; Чернов, 1991б. Указ. Соч. С. 52; Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. М.: ИА РАН., 2001. С. 99–101.

³ Коваль, 2001. Указ. Соч. С. 105.

⁴ Один такой кувшин реконструирован по обломкам, собранным в заполнении канавки 2, относящейся по стратиграфическому положению и планиграфии вместе с ямой 20 к одному строительному периоду (рис. 4, 1).

⁵ Её ширина — не менее двух толщин стенки сосуда.

⁶ На расстояние, соответствующее двум–трём значениям толщины черепка.

и остатки золистой подсыпки. Фрагменты подобных краснолощённых кувшинов с краевым окончанием венчика в виде наружного валика или «широкой манжеты» найдены у церкви Вознесения в подмосковном с. Коломенском, в яме 1, перекрытой горизонтом строительства церковного здания 1531–33 гг.¹ В Нижнем Новгороде их присутствие зафиксировано как на территории Кремля (Архив ИА РАН. № 26429. Табл. 2, 14; 14, 19; 32; 35, 1), так и в разных местах Верхнего посада (Архив ИА РАН. № 24358. Илл. 41, 1; № 2198. Илл. 81, 3).

Фрагменты чернолощённой посуды в комплексе ямы 20 малочисленны (5 %). Для чернолощённых сосудов характерно частое полосчатое лошение, в том числе переходящее в сплошное, чёрный цвет внешней поверхности и серый излома черепка. Единственная форма, которую, как отмечалось, удалось определить по весьма характерной детали, — это кумган.

Остальная гончарная керамика (32 %) представлена фрагментами изделий из красножгущейся глины, преимущественно посредственного обжига. Для неё характерно широкое разнообразие профилировок верхних частей сосудов (рис. 3, 11–24). Около 70 % осколков имеет хотя бы редкую примесь крупнозернистой дресвы. Часть из них, очевидно, попала в заполнение ямы из более ранних разрушенных напластований. У 30 % фрагментов тесто без заметных добавок или с примесью мелкозернистого песка (с размером зерна до 1 мм). Венчики, типичные для изделий более раннего периода², единичны. Большинство из них сформованы без образования сколько-нибудь заметных краевых утолщений. Единственный полностью реконструированный сосуд имеет незначительную примесь дресвы (рис. 3, 26). Это призмистый широкогорлый горшок с коротким дугообразно наружу отогнутым венчиком с простой скрулённой формой завершения. Основание горловины оформлено в виде широкого горизонтального участка («карниза»), через ребро переходящего в покатые плечики. Горшки такой профилировки широко представлены в комплексах XV–XVI вв.: они известны по раскопкам подмосковного селища второй половины XV–XVI вв. Захарово-1³, осадных городков на территории Коми края: Вотчинского, Ужгинского⁴, Хлыновского городищ⁵, одного из районов г. Москвы, заселённого переселенцами из Великого Новгорода⁶, позднезолотоордынских построек г. Болгара⁷. Редкие технологические группы представлены осколками гончарных красноглиняных ангобированных (0,4 %) (рис. 3, 25) и лепных (0,1 %) сосудов.

Описанные комплексы, фиксирующие лакуну в хронологической последовательности керамических наборов Нижнего Новгорода, нельзя считать исключительными или уникальными для данного памятника. Они известны как по другим изученным участкам средневекового города, так и по памятникам его сельской округи⁸.

¹ Московская керамика: новые данные... Табл. 111, 246, 260, 262, 261.

² С краевым утолщением, образованным отгибом и наложением черного края на внутреннюю поверхность стенки сосуда.

³ Буланкин С.Н., Гонячный М.И., Ковалевский В.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Средневековое селище Захарово-1 на реке Беляна // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 251, рис. 10, 4.

⁴ Игушев А.Р., Клёнов М.В., Савельева Э.А. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар, 2000. С. 16, рис. 7, 24, 18, рис. 8, 1.

⁵ Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. С. 80, рис. 36, 2.

⁶ Бойцов И.А. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнездиновского переулка (Москва) // РА. № 1. М.: ИА РАН, 1999. С. 160, рис. 5, 186.

⁷ Полубояринова М.Д. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. С. 141, рис. 6, тип XIII.

⁸ Комплексы аналогичные керамике из ямы 19 раскопа 1 в Крутом переулке происходят из ям 37, 76, 87, 110 раскопа, заложенного под пристрой к зданию Казначейства в Нижегородском кремле (Лапшин, А-2001), из углублённых сооружений, исследованных на подгородных селищах Ближнее Константиново-1 и Бешенцево-3 (Грибов, 2006). К сооружениям с керамикой близкой по составу к керамическому набору ямы 20 можно отнести ямы 25, 33, 94 раскопа 2001–2002 гг. в нижегородском кремле (см.: Лапшин, А-2001); ямы 16, 55 раскопа 1 1997 г. на Театральной площади (см.: Ерёмин, А-1997).

Попытки «заполнить» выявленную лауну, приурочить к ней какие-либо комплексы, занимающие промежуточное положение между двумя описанными, не удаются. Учитывая значительность общей площади раскопов в Нижнем Новгороде¹, широкий охват ими большей части средневекового города, следует признать, что выявленная лауна в хронологической цепочке керамических наборов указывает на запустение городской территории в течение большей части XV столетия и, следовательно, на отсутствие пока каких-либо археологических источников, позволяющих судить о городской застройке в это время.

Архивные источники

Архив ИА РАН. Р-1. № 2154. Воронин Н.Н. Отчёт о раскопках в Горьком в 1960 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 2936. Черников В.Ф. Отчёт об археологическом обследовании в г. Горьком (1964 г.)

Архив ИА РАН. Р-1. № 12941. Гусева Т.В. Отчёт об археологических работах в исторической части г. Нижнего Новгорода в 1988 г.

Архив ИА РАН. Р-1. №№ 14060, 14061, 14062. Гусева Т.В. Отчёт об археологических работах в исторической части г. Горького в 1989 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 18417. Очеретин И.А. Отчёт о проведённых археологических раскопках на территории Нижегородского Кремля в 1994 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 21987. Гусева Т.В. Отчёт об археологических исследованиях в Нижнем Новгороде в 1998 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 22025. Грибов Н.Н. Отчёт об охранных раскопках в г. Нижнем Новгороде в пер. Крутом в 1999 г.

Архив ИА РАН. Р-1. №№ 22419–22424. Ерёмин И.О. Отчёт об археологических раскопках на площади Театральной в г. Нижнем Новгороде в 1997 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 24350. Аникин И.С. Отчёт об археологическом обследовании строительного участка в г. Н.Новгороде по адресу: ул. Пискунова, 22 в 2003 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 24352. Антонов Д.А. Отчёт об археологическом обследовании зоны строительства во дворе дома № 6 по ул. Малая Покровская в г. Н. Новгороде в 2003 г.

Архив ИА РАН. Р-1. №№ 24357, 24358, 24359. Шакулова Л.Д. Отчёт о проведении археологических работ в зоне строительства дома по ул. Ульянова в г. Н. Новгороде в 2003 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 26421. Кикеев А.Н. Отчет об охранных археологических работах на участках застройки в г. Нижнем Новгороде по адресу: ул. Минина, 10 в 2003–2004 гг.

Архив ИА РАН. Р-1. №№ 26426, 26427, 26428, 26429. Лапшин В.А. Отчёт об археологических исследованиях в Нижегородском кремле на участке строительства пристроя к зданию Управления Федерального Казначейства в 2001/2002 гг.

Архив ИА РАН. Р-1. № 29023. Аникин И.С. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Нижнем Новгороде по адресу ул. Октябрьская, 26 в 2005 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 31361. Четвертаков Е.В. Отчёт об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на ул. Грузинской у д. № 30 в 2008 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 31949. Ануфриева И.В. Отчет об охранных археологических работах в г. Нижнем Новгороде на площади Минина в 2005 г.

Архив ИА РАН. Р-1. № 37091. Данилов П.С. Охранные научно-исследовательские археологические работы (раскопки) на участке строительства жилого дома со встроенными помещениями общественного назначения, подземной автостоянкой во дворе домов № 4, 6 по ул. Варварской и т.п. в Нижегородском р-не г. Нижний Новгород в 2008 г.

¹ По данным научных отчётов из архива Института археологии РАН, общая площадь заложенных шурфов и раскопов по состоянию на конец 2013 г. составляет около 9260 кв.м.

Nikolay N. Gribov

The pottery of Nizhny Novgorod in the context of the Moscow analogues. To the chronological attribution of the Nizhny Novgorod ceramic complexes of the 15th century

Abstract. The author established the possibility of using the chronology of ceramics of Moscow for the dating of ceramic complexes of Nizhny Novgorod. The focus is on the period of the 15th century. The use of statistics dating capabilities that define this period of the Moscow ceramics types for the chronological attribution of one-time Nizhny Novgorod ceramic sets was recognized as insolvent. When dating Nizhny Novgorod complexes, it was proposed to rely on the chronological framework of the existence of the individual samples of Moscow «mass produced» pottery, defined by a characteristic combination of technological and morphological features. The result of this research was the identification of the lacuna in the chronological sequence of the Nizhny Novgorod ceramic sets corresponding to the greater part of 15th century.

Keywords: Russian pottery ceramics, Nizhny Novgorod, Moscow ceramic production, ceramics of the 15th century, a lacuna in the chronological sequence of ceramic complexes.

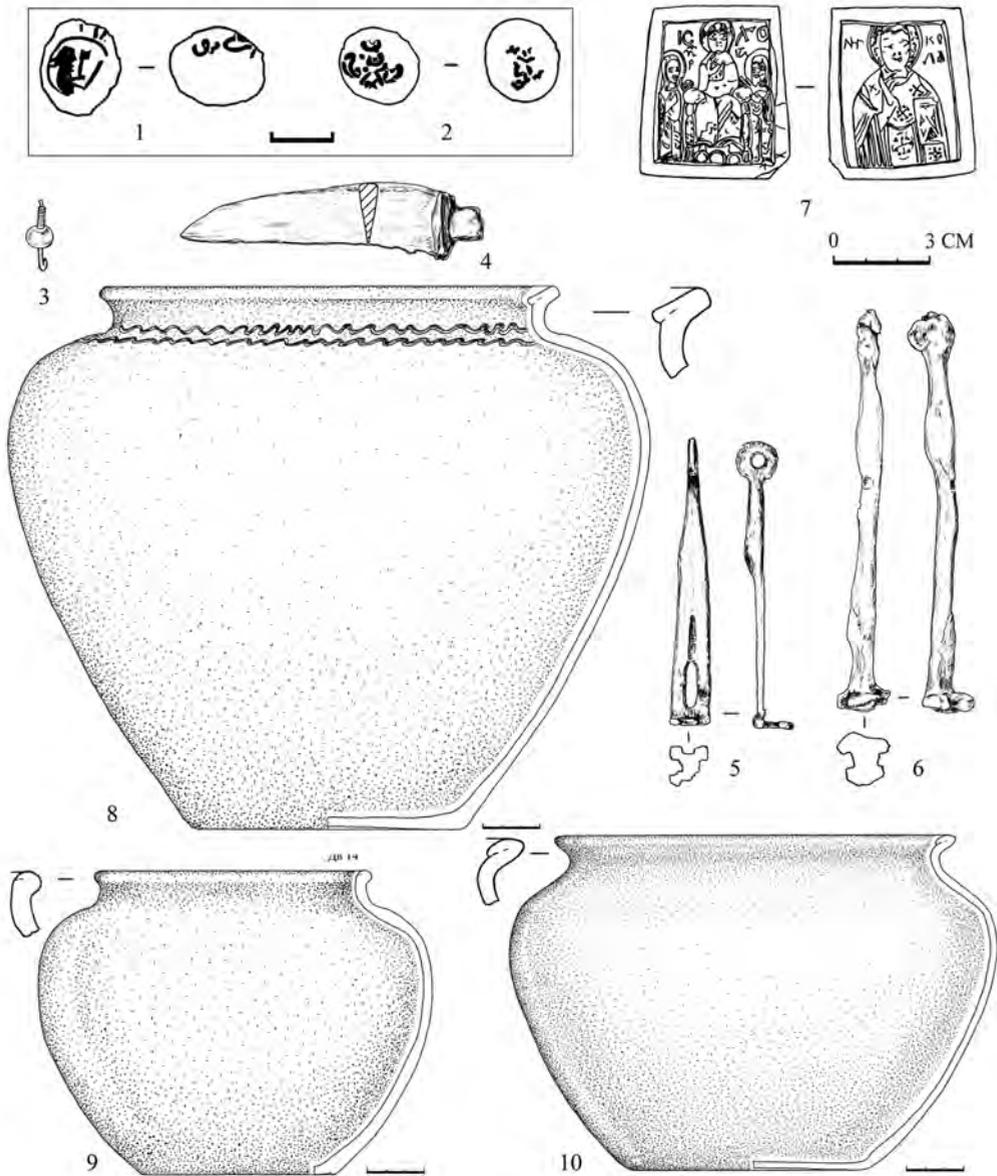

Рис. 1. Нижний Новгород. Яма 19 раскопа 1 в Крутом переулке. Находки из нижнего горизонта заполнения:

1, 2 – монеты; 3 – фрагмент подвески; 4 – нож; 5, 6 – ключи; 7 – иконка; 8–10 – реконструированные сосуды.
 Серебро: 1, 2. Бронза+стекло: 3. Железо: 4–6. Камень: 7. Керамика: 8–10.

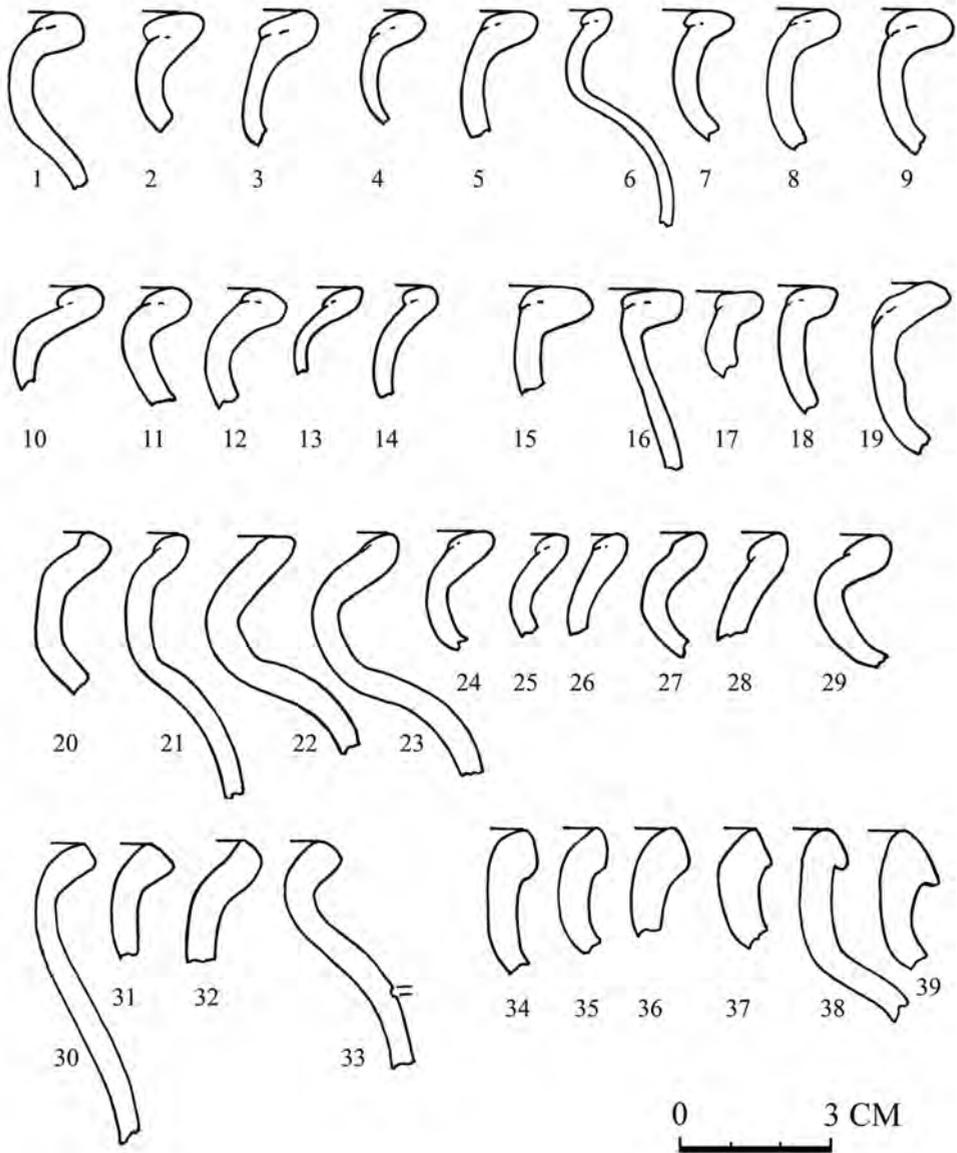

Рис. 2. Нижний Новгород. Яма 19 раскопа 1 в Крутом переулке. Массовые варианты венчиков керамических сосудов из нижнего горизонта заполнения:

1–9 – вариант 1; 10–14 – вариант 2; 15–19 – вариант 3; 20–29 – вариант 4; 30–33 – вариант 5; 34–39 – вариант 6. Тесто с примесью дровы: 1–7, 10, 11, 13, 15–18, 29, 31, 35, 36, 38; средне- и крупнозернистого песка: 8, 9, 19–28, 30, 32, 34, 37; мелкозернистого песка: 12, 14, 33.

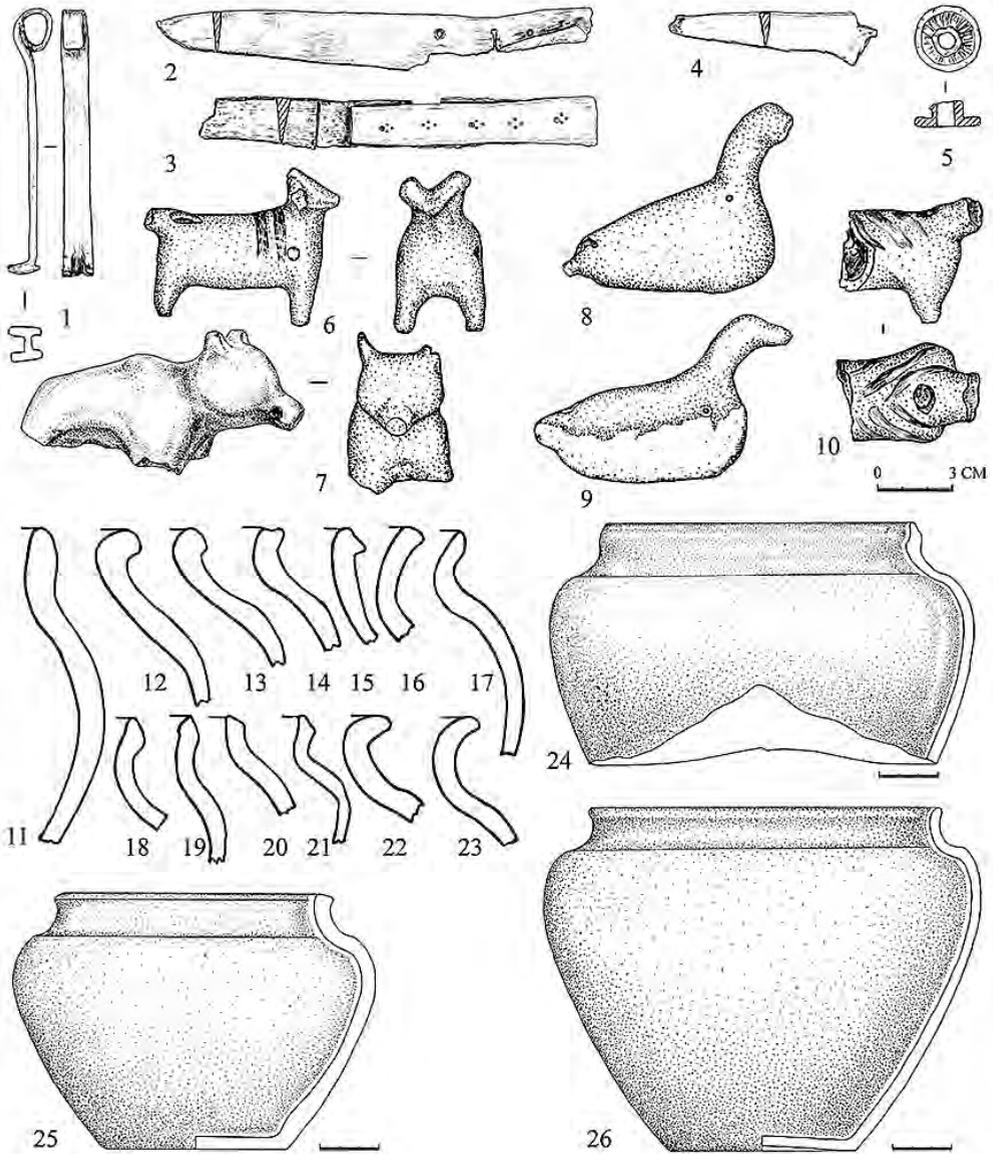

Рис. 3. Нижний Новгород. Яма 20 раскопа 1 в Крутом переулке

Находки: 1 – ключ; 2–4 – ножи; 5 – грузик; 6–10 – игрушки; 11–24 – венчики сосудов; 25–26 – реконструированные сосуды. Железо: 1, 2, 4. Железо+рог: 3. Свинец: 5.

Керамика: 6–26. Сосуды из красножгущейся глины с примесью редкой дровы: 12, 13, 26; среднезернистого песка: 16; мелкозернистого песка: 11, 15, 17–25. Ангобированный сосуд: 25.

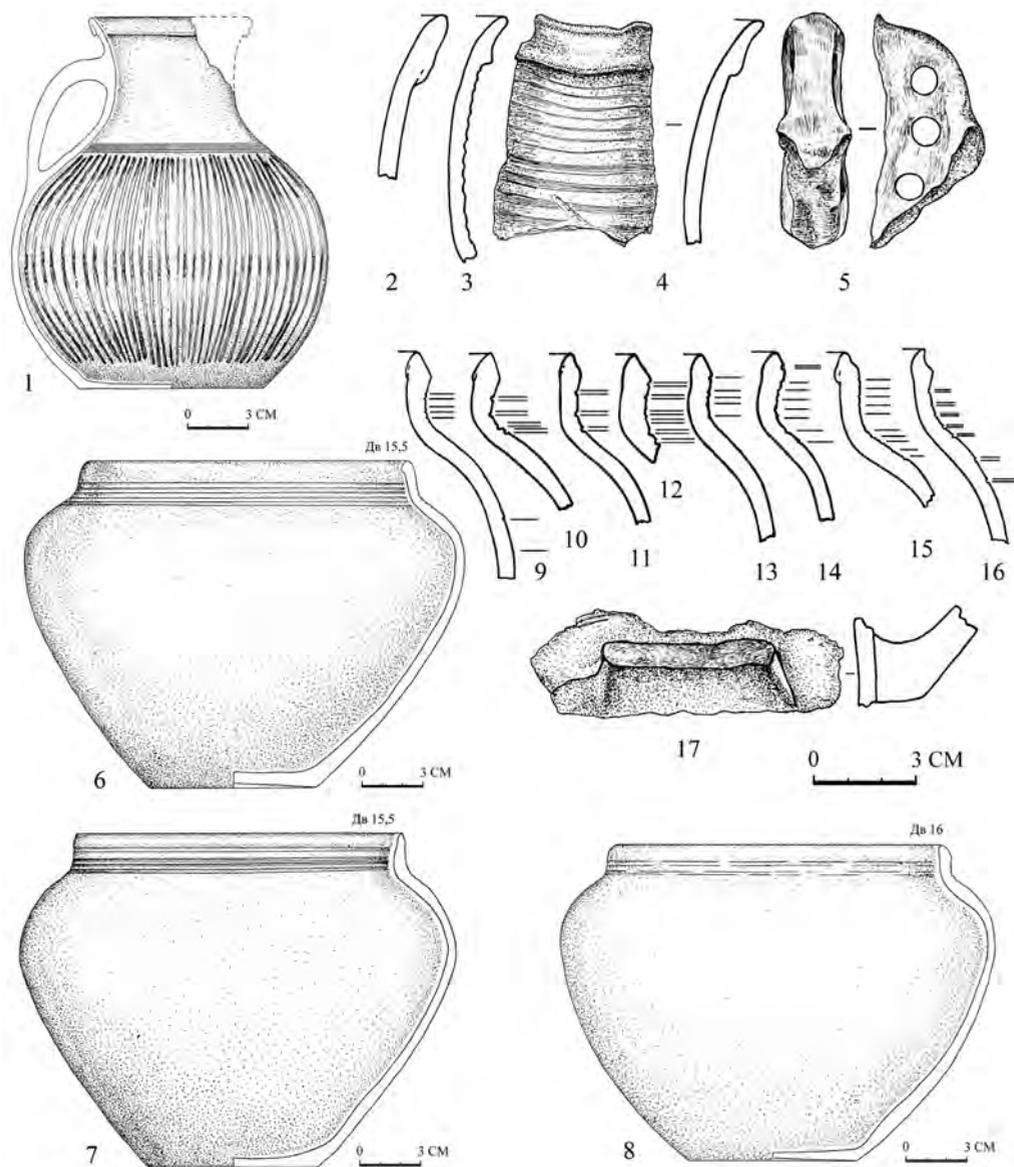

Рис. 4. Нижний Новгород. Раскоп 1 в Крутом переулке. Краснолощёная (1–4), чёрнолощёная (5) и белоглиняная (6–17) керамика из сооружений второго строительного горизонта:
 1 – канавка 2; 2–17 – яма 20. Реконструированные сосуды: 1, 6–8. Образцы венчиков: 2–4, 9–16. Фрагмент ручки: 17. Соединительная пластина от кумгана: 5. Тесто тонкое: 1–16; с примесью крупнозернистого песка: 17.

Исланова И.В.

Археологический комплекс Казикино на р. Мсте

Аннотация. Комплекс памятников, включающих городище и селище у д. Казикино на левом берегу Верхней Мсты, давно известен в археологической литературе. В конце XX и начале XXI вв. удалось уточнить хронологию и культурную принадлежность объектов. На основании обнаруженного вещевого и керамического материалов (наконечник костяной стрелы, фрагмент грузика дьякова типа, сетчатая и гладкостенная орнаментированная по краю венчика керамика) можно полагать, что на городище Казикино имеются как раннедьяковские, так и позднедьяковские напластования. Расположенное у подножия городища селище предварительно следует датировать 3-й четвертью I тыс. н.э. По найденным вещам и ландшафтной приуроченности поселение можно соотнести с раннесредневековыми предсочными древностями мстинской группы.

Ключевые слова: Раннедьяковские и позднедьяковские древности, раннесредневековое предсочное поселение, мстинская группа памятников.

На краю правого берега р. Мсты возвышается холм, называемый местными жителями «сопкой» (рис. 1, 2). Как «сопка» этот объект был помещен Н.Н. Чернягиным в свод раннесредневековых памятников: «сопка больших размеров, бока осыпаются»¹. В 1901 г., проводя разведку по Верхней Мсте, И.А. Тихомиров высказал сомнение в принадлежности сопки «весьма значительных размеров» (рис. 3) к могильной насыпи, так как рядом находится селение Городище². Во время разведочных работ в верховьях Мсты в 1927 г. Н.В. Сибилев осматривал «высокий громадный холм... он напоминает высокую соломенную крышу сарая, но бока его крутые..., видимо, выправленные человеком»³.

В своде древностей Тверской губернии 1903 г. приведены сообщения о Казикинском городище, присланные Казикинским волостным правлением, священником А. Любским, благочинным Георгиевским и становым приставом Гриневым⁴. «К северу от деревни сохранилась древняя земляная насыпь, окоп или батарея; местность у этой насыпи и поныне называется *городком*... Въезд на эту насыпь... представляет дугообразную ровную полосу, оба конца которой оканчиваются внизу отлогими въездами, а середина достигает двух третей высоты насыпи».

В 1981 г. мною и сотрудником Калининского (ныне — Тверского) государственного университета Е.В. Бодуновым обследованы у д. Казикино городище и примыкающий к нему участок поля, где были выявлены неолитическая стоянка и селище⁵. Тогда же был снят глазомерный план комплекса (рис. 4). На основании этих работ в 1985 г. В.М. Воробьевым были составлены паспорта на объекты, где городище было продатировано серединой I тыс. н.э., а селище — концом I тыс. до н.э.—серединой I тыс. н.э.

В 1998 г. для выяснения стратиграфии и хронологии памятников на городище и селище

¹ Чернягин Н.Н. Длинные курганы и сопки (Археологическая карта) // МИА № 6. М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 93—149.

² Тихомиров И.А. 1901. Дневник раскопок, произведенных г. Тихомировым. Дело ИАК о раскопках ИРАО в Тверской и Псковской губ. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Д. 86. Л. 8, 8об.; Тихомиров И.А. Поездка на р. Мсту // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903. С. 13.

³ Сибилев Н.В. Работы на Валдайской возвышенности 1927 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. № 202. Л. 19.

⁴ Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903. С. 329—331.

⁵ Исланова И.В. Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции на северо-западе Тверской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8152; Исланова И.В., Бодунов Е.В. Памятники раннего железа и средневековья верховьев Мсты // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции) / отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН, 1989. С. 190—191, 195.

были заложены шурфы¹. В 2012 г. эти объекты Удомельского района Тверской области были включены в Археологическую карту России (АКР), где был опубликован план из паспорта².

Река Мста, относящаяся к Балтийскому бассейну, в верховьях имеет меридиональное течение, пересекая участок Вышневолоцкой низины с юга на север. Вдоль реки тянется цепь камов — крупных холмов, сложенных из моренных отложений. Шесть камов лежат по левому берегу р. Мсты, а один, самый северный, — на правом. На нем и находится городище Казикино. Оно расположено в 0,38 км к северо-западу от д. Казикино и в 0,25 км к юго-востоку от пос. Мста. Высота холма над водой 23 м. Верхняя площадка имеет трапециевидную форму; ее протяженность — 70 м, ширина в южной части — 40 м. Склоны холма, видимо, были эскарпированы. На восточном склоне фиксируется дугообразный выступ, по которому, видимо, осуществлялся подъем на городище. Во время Великой Отечественной войны на вершине холма стояла зенитная установка. Сейчас здесь находятся задернованные крупные ямы и траншея.

В 1981 г. при зачистке одной из ям на краю площадки был зафиксирован культурный слой (черная супесь) толщиной 0,22 м (включая дерн). В слое был найден мелкий фрагмент лепного гладкостенного сосуда, в глиняном тесте которого находилась дресва. В 1998 г. у края восточной части площадки был заложен шурф размерами 4 кв. м. Общая мощность культурных напластований — 2,2 м.

Стратиграфия:

1) 0,06–0,09 м — дерн;

2) 0,1–0,2 м — серо-коричневый суглинок со скоплением в юго-западной части шурфа обожженных камней, с находками лепной гладкостенной керамики, одного сетчатого фрагмента и одного кругового белоглиняного, фрагмента железного ножа с прямой спинкой (рис. 5, 2);

3) 0,2–0,3 м — бурый суглинок с включениями углей, скоплением камней, которое продолжало фиксироваться в юго-западном углу; в этом слое найдено пять фрагментов неолитической керамики валдайской культуры, кости крупного рогатого скота, свиньи, бобра³;

4) 0,3–0,95 м (толщина слоя резко увеличивалась у восточной стенки шурфа) — черный суглинок, насыщенный углями, с находками лепной гладкостенной и сетчатой керамики, фрагмента грузика дякова типа, костей крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, бобра и лося;

5) 0,15 м (здесь и далее — в восточной части шурфа) — темно-серый суглинок с включениями оранжевого суглинка;

6) 0,25 м — черный суглинок, насыщенный углями;

7) 0,2 м — желтый песок с включениями серого суглинка (предматерик);

8) ниже — желтый песок (материк).

Основную площадь шурфа, за исключением его восточной части, на глубине 0,8 м от дневной поверхности под слоем 3 занимал массив оранжевого плотного суглинка с включениями темно-серого суглинка. Чтобы не уничтожить выявленную в шурфе неясную конструкцию, были вскрыты только верхние 0,1 м, где найдены по одному фрагменту стенок от неолитического и сетчатого сосудов и 7 фрагментов лепной гладкостенной керамики, кости крупного и мелкого рогатого скота. В северной части шурфа в слое оранжевого суглинка был обнаружен костяной наконечник стрелы (рис. 5, 4). Это наконечник с подтреугольным пером без шипов и плавным переходом к черешку. Схожие изделия, типа 5 группы 1 встречены

¹ Исланова И.В. Рекогносцировочные раскопки в Мстинско-Моложском междуречье // АО за 1998 год. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 109–110.

² Археологическая карта России. Тверская область. Часть 4: Бологовский, Осташковский, Пеновский, Удомельский, Фировский районы. М.: ИА РАН, 2012. С. 295–296.

³ Здесь и далее — остеологические определения сделаны М.Е. Ланцевой.

«по всей толще нижнего слоя» Дьякова городища, т.е. бытовали от VIII до II вв. до н.э.¹ Как уже было сказано выше, над слоем оранжевого суглинка встречен обломок грузика дьякова типа (рис. 5, 3), возможно, типа 1 по К.А. Смирнову, датируемого II–V вв. н.э.²

Сложно судить о форме сосудов по обнаруженным фрагментам сетчатой керамики (рис. 6, 3, 4). Фрагменты гладкостенной посуды происходят из тех же слоев 3 и 4. В слое 4 найдены обломки верхних частей сосудов с длинной отогнутой шейкой, в том числе и с орнаментированным краем венчика, нарезками или отпечатками заостренной палочки, веревочки, намотанной на палочку (рис. 6, 1, 2, 5).

Выяснен многослойный характер поселения, существовавшего на вершине холма: эпоха неолита, раннедьяковское (костяной наконечник стрелы и сетчатая керамика) и позднедьяковское время (фрагмент грузика дьякова типа и гладкостенная, в том числе орнаментированная керамика). Однако сведений о датировке и принадлежности конкретных напластований из одного шурфа пока недостаточно.

У подножия холма на высокой пойме правого берега р. Мсты расположено неукрепленное поселение (рис. 1 и 4). Высота площадки над водой — 4–9 м. Естественными рубежами с юго-востока и востока является пойма ручья, справа впадающего в реку, а с северо-запада и севера — заболоченные старичные озера. Поверхность задернована, но ранее распахивалась, что позволило в 1981 г. определить границы распространения культурного слоя селища. Протяженность селища, полукольцом охватывающего холм, — 360 м при ширине 30–60 м.

На пахоте в 1981 г. был зафиксирован культурный слой (темно-серая супесь) толщиной 0,3 м. По всей видимости, шурфом 1998 г. (площадь 1 кв.м) была частично вскрыта материковая яма. Здесь выявлен культурный слой мощностью 0,7–0,8 м. Верхние 0,4 м — слой коричневой супеси, сильно поврежденный при пахоте; нижние 0,4 м — нераспаханный культурный слой из черной супеси с углями и обожженными камнями. Над материком из бурой супеси фиксировалась прослойка подзола толщиной 0,2 м. Из нижнего и верхнего слоев происходят находки лепной гладкостенной керамики (рис. 6, 6–8), а также по одному фрагменту сетчатой и неолитической посуды. Из черной супеси происходят находки толстостенного фрагмента лепного сосуда, орнаментированного по плечу слабыми пальцевыми вдавлениями (рис. 6, 9) и обломка железной дужки (ведра?) (рис. 5, 1). Схожая орнаментация лепной керамики известна на поселениях конца I тыс. н.э.³

Следует отдельно остановиться на материале, поднятом в 1981 г. из слоя селища. Помимо керамики, были найдены проволочное височное кольцо из цветного металла, обломок железной В-образной пряжки и железный наконечник стрелы (рис. 7, 1–3). Височное кольцо не имеет узкой даты. Фрагмент железной пряжки с простой гладкой В-образной рамкой относится к схожим изделиям, найденным на памятниках колочинской культуры, в тушемлинских древностях и в восточнолитовских курганах⁴ и может суммарно датироваться

¹ Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. С. 47; 143, рис. 84, 1262

² Смирнов К.А. К вопросу о систематизации «грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // МИА № 184. Древнее поселение в Подмоскowie / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1971. С. 81–82; Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Ока и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 64–65.

³ Исланова И.В. Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и смежных территорий / Отв. ред. В.В. Седов. Тверь: Тверь ГУ, 1991. С. 50. Рис. 3, 1–4; Плохов А.В. Лепная керамика Рюрика городища // Носов Е.Н., Горюнова М.В., Плохов А.В. Городище по Новгородом и поселения северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин (Труды ИИМК РАН. Т. XVIII), 2005. С. 75, 79, табл. 56, 6, 16.

⁴ Михайлова Е.Р. Вешевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. С. 36; Обломский А.М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 45, 61; рис. 36, 1, 2, 5.

V–VII вв. н.э. В культуре псковских длинных курганов, по Е.Р. Михайловой, встречены V-образные пряжки с иной – дрововой – рамкой (из «железного прутка»). Верхняя дата таких предметов – до VII в.

Железный наконечник стрелы с селища Казикино был впервые опубликован в 2006 г.¹, однако после реставрационных работ была выявлена существенная деталь, позволяющая повторно рассмотреть этот предмет. Форма наконечника ромбическая, раскованный черенок развернут перпендикулярно перу. Перо имеет линзовидное сечение, ребро жесткости не выражено. На одном нижнем крае наконечника после реставрации проявились две зазубрины (рис. 7, 1). Наконечникам стрел с зазубринами на краях («плечиках»), уделили особое внимание И.И. Еремеев и Е.Р. Михайлова². Этот редкий тип оружия найден как на памятниках культуры псковских длинных курганов (КПДК), так и на поселениях, относимых мною к предсопочной ильменской группе (рис. 7, 4–5): на Городке на р. Маяте, где слой вала с этой находкой датирован V–VI вв. н.э., и на городище Сельцо³. На городище Березняки (рис. 7, 6) находка наконечника, видимо, происходила из позднедьяковского слоя⁴. Схожие наконечники стрел, но без зазубрин (они имеют широкую дату – I тыс. н.э. (рис. 7, 7) были найдены и на других позднедьяковских памятниках, и в могильниках КПДК, и на поселении Сельцо.

Анализируя находки с зазубринами, Е.Р. Михайлова осторожно предполагает, что такие предметы вооружения характерны, в основном, для культуры псковских длинных курганов, так как они происходят из погребений, т.е. из закрытых комплексов⁵. Одна из возможных причин появления анализируемых наконечников стрел в слое вала Городка на Маяте, по гипотезе И.И. Еремеева, – это результат «нападения людей из области КПДК», после чего произошло разрушение этого поселения⁶. Оба исследователя упоминают и о находке из селища Казикино, считая этот памятник принадлежащим КПДК. Однако в публикации и селище, и находки из него мною были отнесены к «иным древностям третьей четверти I тыс. н.э.» («неясной культурной принадлежности») ⁷.

Следует также упомянуть о поступивших в Тверской музей в конце 1975 г. двух железных, видимо, серпах (рис. 5, 5), найденных «на землях деревни Казикина». Серпы имели пятку, конец которой загнут перпендикулярно плоскости клинка. Конкретное место находок неизвестно, поэтому нельзя говорить о несомненной связи этих изделий с селищем Казикино. Форма серпов схожа с предметами, бытовавшими в лесной зоне Восточной Европы в третьей четверти I тыс. н.э. (группа II подгруппа I, по Р.С. Минасяну⁸). Однако размеры (около 30 см) находок около д. Казикино значительно больше серпов (около 20 см) происходящих с раннесредневековых селищ⁹.

Неукрепленное поселение Казикино было многослойным. Помимо неолитической стоянки (керамика валдайской культуры), здесь найдены материалы селищ третьей четверти

¹ Исланова И.В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 2006. Рис. 115, 2.

² Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / Ред. И.И. Еремеев. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 147–149. Рис. 38, 2, 5; Михайлова Е.Р., 2014. Ук. соч. С. 147–149.

³ Исланова И.В., 2016. Ук. соч. С. 152–154.

⁴ Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья // МИА № 5. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Рис. 33.

⁵ Михайлова Е.Р., 2014. Ук. соч. С. 149.

⁶ Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., 2010. Ук. соч. С. 77.

⁷ Исланова И.В., 2016. Ук. соч. С. 99, 162. Рис. 3; 115, 2.

⁸ Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19. СПб., 1978. С. 79.

⁹ Исланова И.В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) / Раннеславянский мир. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2012. Рис. 29, 3; Рис. 124, 14.

I тыс. н.э. и, возможно, конца I тыс. н.э. Судя по найденным артефактам, ландшафтной приуроченности (обширная пойма р. Мсты с аллювиальными почвами, благоприятными для занятия земледелием), наличием в этом же микрорегионе памятников культуры сопок (в с. Млёво и у д. Манихино)¹, раннесредневековое селище Казикино V–VII вв. можно отнести не к памятникам культуры псковских длинных курганов, а к предсопочным памятникам выделенной мною мстинской группы².

Inna V. Islanova

The archaeological complex of Casikino on the Msta river

Abstract. The complex of sites, including the hillfort and the settlement near the village of Casikino on the left bank of the Upper Msta, has long been known in archaeological literature. At the end of 19th and beginning of 21st century it became possible to clarify the chronology and cultural affiliation of the objects. On the basis of the discovered material and ceramic objects (a bone arrowhead, a fragment of a Dyakovo type sinker, reticulated and smooth ceramics, ornamented on the edge of the rim) it could be assumed that in Casikino hillfort has the Early Dyakovo and Late Dyakovo strata. Settlement, located at the foot of the hillfort, is to be dated to the 3rd quarter of the I Millennium AD. By the found things and landscape preferences the settlement can be correlated with the Early Medieval ("pre-knoll") sites of the Msta group.

Keywords: early and late Dyakovo antiquity, the early medieval settlement, "pre-knoll" Msta group of monuments.

¹ АКР Тверская область. Часть 4. 2012. С. 313–314; 319–320.

² Исланова, 2016. Ук. соч. С. 155–157.

Рис. 1. Городище и селище Казикино. Вид с противоположного левого берега р. Мсты.
Фото 1981 г. И.В. Ислановой

Рис. 2. Городище Казикино. Вид с востока. Фото 1981 г. И.В. Ислановой

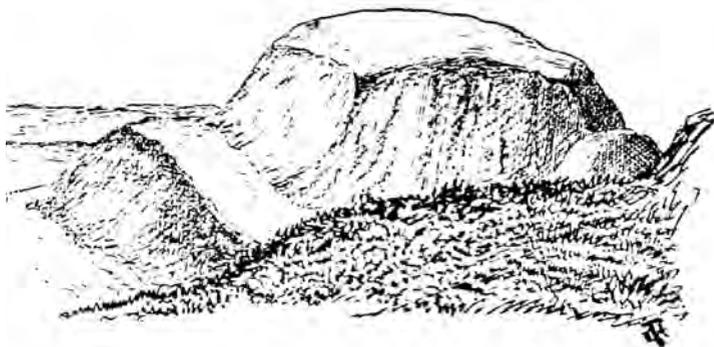
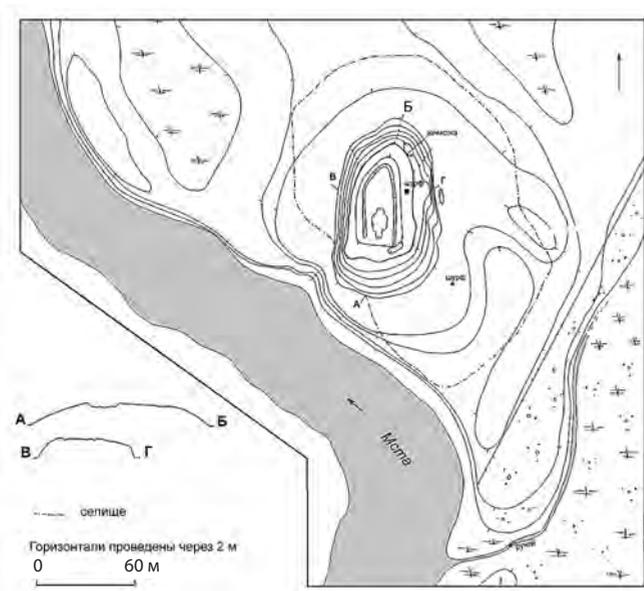
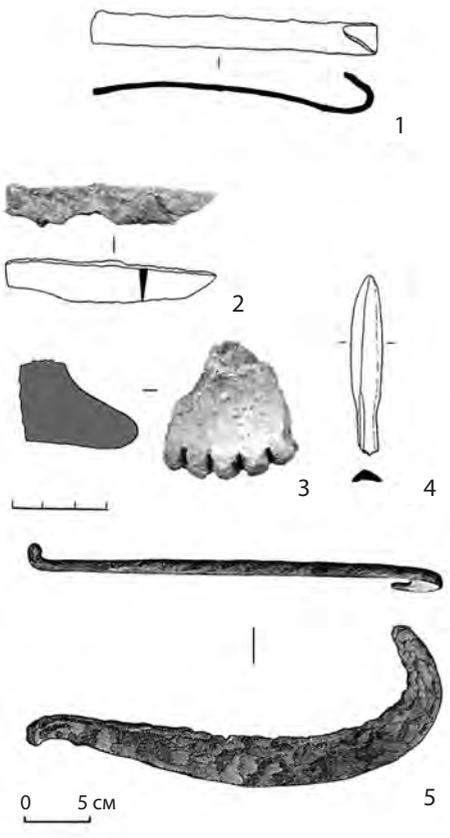

Рис. 3. Городище Казикино. Рисунок 1901 г.
И.А. Тихомирова

**Рис. 4. Городище и селище
Казикино. Глазомерный план
И.В. Ислановой и Е.В. Бодунова**

**Рис. 5. Находки с городища
и селища Казикино
и ближайших окрестностей**
1 – фрагмент дужки (ведра?);
2 – фрагмент ножа;
3 – фрагмент грузика дьякова
типа; 4 – наконечник стрелы;
5 – серп (1 – из шурфа на
селище, 2–4 – из шурфа
на городище, 5 – около д.
Казикино; 1, 2, 5 – железо;
3 – глина; 4 – кость).

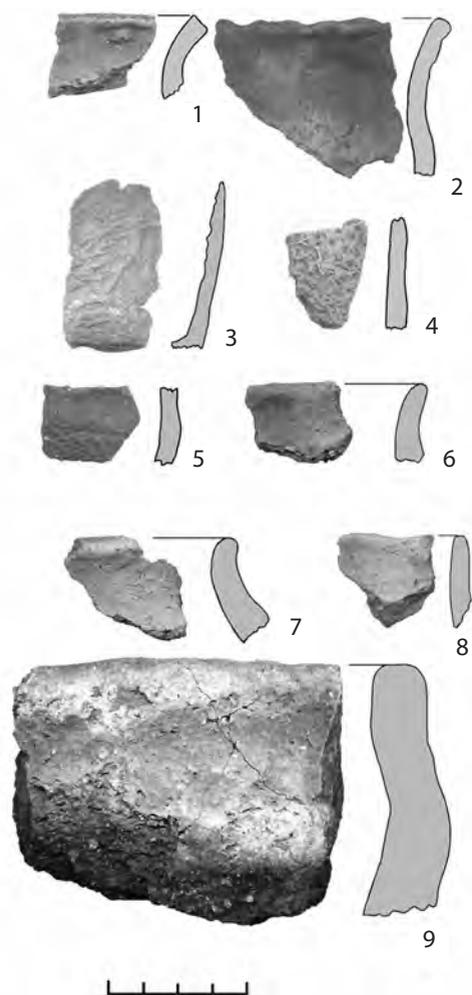

Рис. 6. Керамика с городища и селища Казикино
 1–5 – из шурфа на городище;
 6–9 – из шурфа на селище.

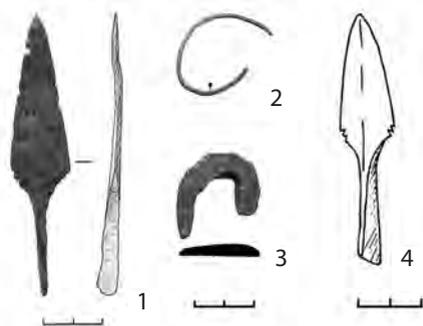
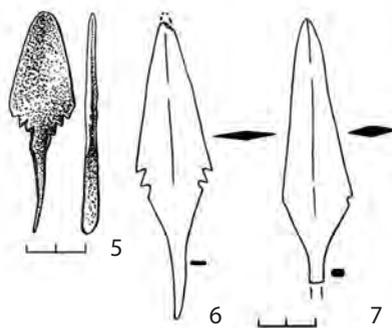

Рис. 7. Подъемный материал с селища Казикино
 и находки наконечников стрел с других памятников
 1, 4–7 – наконечники стрел; 2 – височное кольцо;
 3 – фрагмент пряжки (1, 3–7 – железо; 2 – цветной
 металл; 1–3 – селище Казикино; 4 – могильник
 Рышево, курган 3 (по Е.Р. Михайловой, 2014);
 5 – Городок на Маяте (по И.И. Еремееву, 2010);
 6, 7 – городище Березняки (по П.Н. Третьякову,
 1941).

Кудрявцев А.А.

Зооморфные замки из раскопок в Новгороде

Аннотация. В статье представлена сводка находок навесных зооморфных замков в Новгороде, насчитывающая девять экземпляров. С учетом того, что в Новгороде и на остальной территории Древней Руси господствовала традиция изготовления запирающих устройств с традиционной цилиндрической формой корпуса, указанные изделия отнесены к категории импорта. Они происходят из Ирана, Византии, Золотой Орды, и большая их часть отнесена к болгарскому кругу древностей. Все подобные замки относятся к ларцам, сундукам или шкатулкам, вместе с которыми они и попадали в Новгород.

Ключевые слова: Новгород, зооморфные замки, торговые связи, Византия, Волжская Болгария, Золотая Орда.

Навесные замки в виде различных животных наряду с замками классической формы корпуса появились в римское время. В дальнейшем их использование в повседневной жизни отмечено на ряде памятников византийской эпохи, хотя они не преобладали¹. В этот период такие изделия были известны и в Средней Азии.

Особо ярко традиция их использования проявилась в Иране, где наиболее ранние находки подобных замков относятся к VIII в., а уже в XI–XIII вв. их производство достигло весьма высокого уровня, выраженного в многообразии их форм (корпусы в виде львов, рыб, козлов) и типов².

Ранее отмечалась близость зооморфных замков Волжской Болгарии с аналогичными изделиями из Херсонеса³, хотя некоторые экземпляры оттуда датируются золотоордынским временем⁴. При этом их находки в Северном Причерноморье довольно редки⁵. Представляется, что основную роль в их появлении на территории Среднего Поволжья сыграли связи с Ираном. Во всяком случае, на формирование ряда отраслей бронзолитейного ремесла волжских болгар наибольшее влияние оказали именно иранские импорты⁶. Распространение подобных замков вполне соотносится со значением зооморфных мотивов в болгарском искусстве, проявившихся также в оформлении зеркал, деталей поясного набора, других бытовых изделий⁷.

С крушением Волжской Болгарии в 1236 г. в результате татаро-монгольского нашествия традиция изготовления замков в виде различных животных не прервалась, а продолжила свое развитие уже в золотоордынское время; фактически их производство стало носить серийный характер. После завершения переходного периода происходит резкий взлет материальной культуры в городах бывшего Болгарского государства⁸, поэтому поступательное развитие этой категории вещей представляется вполне закономерным.

¹ Davidson G. Corinth. Vol. XII. Princeton-New Jersey.: The American school of classical studies at Athens. 1952. Pl. 72. 1005.

² Tanavoli P., Wertime J. Locks from Iran. Pre-Islamic to Twentieth century. The Smithsonian Institution, 1976. P. 53.

³ Смирнов А.П. Волжские болгары. М.: ГИМ. 1951. С. 118.

⁴ Пятыхшева Н.В. Раскопки государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии ученого совета ГИМ. М., 1969. С. 157. Рис. 7.

⁵ Третеский Н.И. О древних херсонесских замках и ключах // ИАК. Вып. 42. СПб., 1911. С. 127–133; Чаидзе В.Н. Средневековые замки и ключи Таманского полуострова // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 2016. С. 256.

⁶ Кузьминых С.В., Семькин Ю.А. Цветная металлообработка // История татар. Т. 2. Волжская Болгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 271.

⁷ Валеева-Сулейманова Г.Ф. Булгарское искусство // История татар. Т. 2. Волжская Болгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 600.

⁸ Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // Татарская археология. №№ 1–2 (16–17). Казань, 2006. С. 109.

В связи с этим при анализе зооморфных замков довольно сложно отделить болгарские изделия от золотоордынских ввиду высокой степени стандартизации ряда их типов. В этом случае узко датированные находки этих изделий из Новгорода дают более полное представление о развитии этой категории вещей.

Стоит отметить, что и местное производство навесных замков с традиционным цилиндрическим корпусом в Болгарском улусе Золотой Орды также получило свое должное продолжение¹. Использование зооморфных замков в этом регионе частично продолжалось и в Новое время, что также коррелирует с данными из Ирана, где фиксируется их использование и в XVII–XVIII вв. (рис. 1)².

В Западной Европе и на территории Древней Руси такие своеобразные запирающие устройства практически не использовались. В древнерусских городах зооморфные замки представлены единичными экземплярами, являющимися, как правило, болгарскими или золотоордынскими импортами, датируются они XI–XIII вв. В их число входят Старая Рязань, Пронск, Москва, Белоозеро, Серенск³. Для территории Северо-Западной Руси их находки, в целом, не характерны.

Тем не менее, в Новгороде собрана наиболее значительная коллекция подобных изделий, насчитывающая девять экземпляров (рис. 2)⁴. Несмотря на столь малую выборку, она в полной мере отражает разнообразие этих изделий, происходящих из самых разных производственных центров (табл. 1).

По устройству своего замочного механизма, также основанного на принципе расхождения пружин, они фактически не отличаются от навесных замков с традиционной формой корпуса, что не позволяет разработать их типологию. Классифицировать их можно только по изображению и происхождению.

Первая сводка находок новгородских зооморфных замков, насчитывающая пять предметов, принадлежит А.В. Козловой, полагавшей, что эти изделия представлены только болгарскими и золотоордынскими типами⁵.

Представляется, что в настоящее время необходимо уточнить эти данные и проанализировать новый материал. За исключением одного экземпляра, все новгородские зооморфные замки являются бронзовыми. Отверстие для ключа располагалось в груди животного, механизм помещался между двух литых половинок, соединенных друг с другом посредством штифтов. Подобные изделия характеризуются небольшим размером, использовались они в качестве запоров сундуков, шкатулок или ларцов.

1. Замок в виде кошачьего хищника (барса) с повернутой головой назад (рис. 2, 1). Дужка отсутствует, но очевидно, что она имитировала хвост животного, т.е. барс «кусал» сам себя. Пасть его открыта, обозначены глаз и мышцы.

Датируется изделие последней четвертью XI в. Найден на усадьбе Неревского раскопа, расположенного на территории Неревского конца средневекового Новгорода (ярус 22; пласт 27; кв. 793). М.В. Седова предполагала его болгарское происхождение⁶, но на территории Волжской Болгарии подобных изделий не выявлено. М.Д. Полубояринова относит его к вещам иранского происхождения⁷. О торговых и культурных связях жителей ряда

¹ Руденко К.А. Болгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. №№ 3–4 (18–19). Казань, 2006. С. 58.

² Tanavoli P., Wertime J., 1976. Op. cit. P. 79–80.

³ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. С. 99–101. Рис. 39–40.

⁴ Выражаю благодарность за предоставленную возможность публиковать материалы из раскопок Нутного IV, Рогатицкого II, раскопа на ул. Воздвиженской-2014, траншеи на Козьмодемьянской улице М.И. Петрову (НГОМЗ), П.Г. Гайдукову, О.М. Олейникову, М.А. Степанову (ИА РАН).

⁵ Козлова А.В. Восточные предметы быта, ремесла и торговли из раскопок в Великом Новгороде // ННЗИА. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 178–180. Рис. 3.

⁶ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. С. 172.

⁷ Полубояринова М.Д., Ук. соч. С. 107.

Таблица. 1. Зооморфные замки из раскопок в Новгороде

№	Изображение	Размер	Раскоп	Дата	Происхождение
1	барс	4,2×4,6 см	Неревский-Х	последняя четверть XI в.	Иран
2	конь	6,5×5 см	Кремль. Раскоп у Лихудова корпуса	конец X—первая половина XI вв.	Византия
3	лев (рогатый барс)	7×4,8 см	Нутный-IV	50–70-е гг. XII вв.	Волжская Болгария
4	лев (рогатый барс)	5,6×4,1 см	Рогатицкий-II	вторая половина XII в.	Волжская Болгария
5	баран	5,3×4,2 см	раскоп на ул. Воздвиженской-2014	вторая половина XIII в.	Волжская Болгария
6	конь	5,6×4,1 см	траншея на ул. Козьмодемьянской	XVII–XVIII вв.	—
7	собака	4,1×3,3 см	—	—	Золотая Орда
8	лев	3,5×2 см	—	—	Волжская Болгария
9	конь	6,3×5,8 см	Новгородское (Рюриково) городище	—	Волжская Болгария-Золотая Орда

усадеб Неревского конца с ближневосточным регионом в этот период свидетельствуют находки фрагментов люстровой керамики, сделанной в Сирии и Египте и датирующейся 2-й половиной—началом XII в.¹

2. Замок в виде коня (рис. 2, 2). Найден на территории Новгородского Кремля в раскопе у Лихудова корпуса в заполнении городской стены, которое датируется временем не позднее 1044 г. Представлен в виде половинки корпуса. Украшен геометрическим и циркульным орнаментом. Уши выполнены в виде птиц. Относится к византийскому кругу древностей. На территории Древней Руси единственный аналогичный замок выявлен на Центральном городище Гнездова, он датируется серединой—2-й половиной X в.²

Подобные изделия не представлены на болгарских поселениях, но они известны в материалах археологических исследований Херсонеса³.

3. Замок в виде льва или рогатого барса (изображение животного также интерпретируют как фантастическое существо)⁴. Выявлен на Нутном IV раскопе (пласт 42; кв. 1), расположенном на территории Славенского конца средневекового Новгорода. Морда зверя округлая, выполнена весьма схематично, сохранилась часть дужки, на шее присутствует роговидный выступ (рис. 2, 3). Датируется изделие 50–70-ми гг. XII в.⁵

¹ Коваль В.Ю. Ближневосточная поливная керамика из раскопок в Новгороде // ННЗИА. Вып. 11. Великий Новгород, 1997. С. 138–139.

² Кудрявцев А.А. Замки и ключи византийского происхождения на территории Древней Руси // ННЗИА. Материалы XXIX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника. Вып. 29. Великий Новгород, 2015. С. 226–227. Рис. 1. I.

³ Латышева Г.П. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. // Древности Московского Кремля. МИА № 167. М.: Наука, 1971. Рис. 2. б.

⁴ Руденко К.А. Идол из села Змеево: датировка, интерпретация и аналогии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная: сб. науч. трудов к 50-летию юбилею Н.Б. Крыласовой. Пермь, 2017. С. 165. Рис. 6.

⁵ Кудрявцев А.А., Петров М.И. Зооморфный замок из раскопа Нутный IV в Новгороде // ННЗИА. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода. Вып. 31. Великий Новгород, 2017. Рис. 1. (в печати).

Данный замок принадлежит к болгарским древностям, но стоит отметить, что изделия этого типа были не столь широко распространены в Волжской Болгарии. В Болгаре их выявлено всего 3 экземпляра¹, в Биляре — 15 замков. Датируются они XII—XIII вв.² На территории Древней Руси единственный аналогичный замок происходит из раскопок в Московском Кремле. Он датируется 2-й половиной XII в.³ Представляется, что это наиболее ранняя форма болгарских зооморфных замков, аналогичные изделия были выявлены в Иране, где они датируются XI—XIII вв.⁴

4. Половинка замка в виде льва или рогатого барса. Происходит из исследований на Рогатицком-II раскопе (кв. А-3; гл. — 516), расположенном на территории южной части Плотницкого конца средневекового Новгорода⁵. Голова животного выполнена вполне реалистично, четко выражен роговидный выступ. Корпус характеризуется наличием петли для дужки и растительным орнаментом, нехарактерным для замков Волжской Болгарии (рис. 2, 4).

Изделие наиболее близко к предыдущему замку из Нутного IV раскопа и является точной аналогией уже указанному запирающему устройству из Московского Кремля. Датируется он также 2-й половиной XII в.

Похожий замок найден в районе Пендинского оазиса, недалеко от Мерва (Хорасан)⁶, что подтверждает изначальное иранское происхождение подобных изделий. Представляется, что в Волжской Болгарии запирающие устройства в виде льва (барса) изготавливали по таким образцам.

5. Половинка замка в виде барана (рис. 2, 5). Найдена на раскопе на ул. Воздвиженской-2014 (кв. Е-1; гл. — 230), расположенном в южной части Людина конца средневекового Новгорода. Выявлена в напластованиях, датирующихся 2-й половиной XIII в.⁷ Орнамент отсутствует, очень реалистично передан образ животного, четко выражены характерные бараньи рога. Точных аналогий данному замку выявить не удалось. Вероятно, вещь была изготовлена на заказ, представляется, что она относится к болгарскому кругу древностей. Замки в форме баранов выявлены в Болгаре⁸, V Старо-Куйбышевском селище⁹.

6. Замок в виде коня (рис. 2, 6). Выявлен в процессе археологических наблюдений в ходе прокладки коммуникаций. Происходит из траншеи на Козьмодемьянской улице, расположенной на территории Неревского конца средневекового Новгорода.

Выделяется точностью своего исполнения, четко прорисовано седло и сбруя, художественно показана морда животного. От дужки сохранился лишь фрагмент. Этот замок уже не соотносится с традиционными болгарскими или золотоордынскими вещами этой категории. Он явно не серийного производства, сделан, скорее, на заказ. Происходит из верхних перемешанных напластований, предположительно датируется XVII—XVIII вв.

¹ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 248. Рис. 76. 15—16.

² Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI—XIV вв. Казань, 2001. С. 42.

³ Латышева Г.П. Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. // Древности Московского Кремля. МИА № 167. М.: Наука, 1971. С. 220. Рис. 2.14.

⁴ Tanavoli P., Wertime J., Op. cit. P. 64.

⁵ Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А., Олейников О.М., Степанов М.А., Язиков С.В. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (раскоп Рогатицкий-2) // ННЗИА. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника. Вып. 29. Великий Новгород, 2015. С. 66.

⁶ Полякова Г.Ф. Ук. соч. С. 250. Рис. 76. 17.

⁷ Гайдуков П.Г. Отчет о проведении археологических исследований на месте строительства жилого дома по адресу: г. Великий Новгород, ул. Воздвиженская, 3 в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 49411. С. 22.

⁸ Полякова Г.Ф. Ук. соч. С. 250. Рис. 78. 5.

⁹ Казаков Е.П. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 48. Рис. 8. 7.

Похожий замок в виде коня выявлен при археологических исследованиях Довмонтова города в Пскове, он также характеризуется высокой степенью художественного исполнения, при этом на его дужку еще надета бронзовая фигурка всадника. Датируется данный замок XVIII в.¹

Подобные изделия следует отнести к предметам быта восточной традиции, определить место их происхождения пока не представляется возможным.

Следующие три замка являются случайными находками, они происходят из подъемного материала и не имеют достоверной даты. Все три экземпляра присутствуют в сводке А.В. Козловой².

7. Железный замок в виде собаки. Выполнен весьма схематично, фигурка с очень коротким ногами и треугольными ушами. Аналогичные изделия известны в Биляре, один замок выявлен в подъемном материале Белоозера³, три недатированные экземпляры происходят из Болгара⁴. Представляется, что подобные изделия относятся к золотоордынскому кругу древностей.

8. Замок в виде льва. Найден на берегу Волхова. Дужка присутствует, имеет петлю для подвешивания. На корпусе расположены насечки, обозначающие фактуру мышц. Зона шеи украшена циркульными орнаментами. Замки в форме льва более распространены среди болгарских древностей.

9. Половинка корпуса замка в виде коня. Происходит из подъемного материала Новгородского (Рюрикова) городища. Дужка не сохранилась, обозначена грива животного. Аналогичный замок выявлен в Серенске в напластованиях, датирующихся XI–XII вв. Подобные замки на территории Поволжья происходят как из болгарских, так и золотоордынских слоев⁵.

Ключи к зооморфным замкам отливались из бронзы; как правило, они соответствуют по своему типу ключам к запирающим устройствам с цилиндрическим корпусом. Их находки также характерны для болгарских и золотоордынских поселений⁶. В Новгороде выявлен только один подобный бронзовый ключ на Троицком VII раскопе (пл. 8; кв. 545), датируется он 2-й половиной XII в.

Изображения кошачьих хищников (барсов, львов), коней и баранов вполне традиционны для различных аспектов ремесла как Волжской Болгарии, так и Золотой Орды. Их использование при оформлении корпусов навесных замков для сундуков и шкатулок, вероятно, связано с приданием им роли неких апотропеев.

Обзор находок зооморфных замков из раскопок в Новгороде в очередной раз показывает его как крупный центр пересечения торговых и культурных связей. Находки двух замков византийского и ближневосточного происхождения могут быть косвенными признаками свидетельств паломнической деятельности новгородцев.

Остальные замки в виде животных являются важным дополнением к номенклатуре находок болгарских и золотоордынских изделий в Новгороде, количество которых значительно меньше, чем в городах Северо-Восточной Руси.

С учетом того, что подобные изделия относятся только к сундукам и ларцам, то вместе с

¹ Козлова А.В. Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV веков из раскопок в Пскове // АИППЗ. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы LIII заседания, посвященного памяти профессора А.Р. Артемьева. Псков, 2007. С. 139. Рис. 6.

² Козлова А.В., 2005. Ук. соч. С. 180. Рис. 3, 3–5.

³ Полубояринова М.Д., 1993. Ук. соч. С. 106. Рис. 39, 3.

⁴ Савченкова Л.Л., 1996. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 44–45. Рис. 16, 6–8.

⁵ Полубояринова М.Д., 1993. Ук. соч. С. 100. Рис. 40, 3.

⁶ Руденко К.А., 2001. Ук. соч. С. 174. Рис. 15, 16; Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек. М., 2001. С. 93. Рис. 23, 4–5.

ними они и попадали в Новгород. Вероятно, это было связано с деятельностью участников военных походов, торговых и дипломатических миссий.

Единичный характер их находок не случаен. В Новгороде, как и на всей остальной территории Древней Руси, господствовала традиция изготовления стандартных цилиндрических навесных замков, близкая к европейским основам замочного ремесла. Параллельное использование как зооморфных замков, так и запирающих устройств с типичной формой корпуса в Восточной Европе характерно только для Волжской Болгарии, а в последующее время — для Болгарского улуса Золотой Орды.

Andrey A. Kudryavtsev

Zoomorphic padlocks from the excavations of Novgorod

Abstract. The present article shows a summary of zoomorphic padlocks found in Novgorod, 9 specimens total. Considering the tradition to produce locking mechanisms with traditional cylindrical body shape, which prevailed in Old Rus, the mentioned articles were indicated as imported ones. They came from Iran, Byzantine Empire, Golden Horde. Most of them were indicated as Bulgarian items. All the similar padlocks belong to caskets, chests or boxes with which they got into Novgorod.

Keywords: Novgorod, zoomorphic locks, trade relations, Byzantium, the Volga Bulgaria, the Golden Horde.

Рис. 1. Сундук с зооморфным замком.
Иран. XVIII–XIX вв.
(Tanavoli, Wertime,
1976. II. 3)

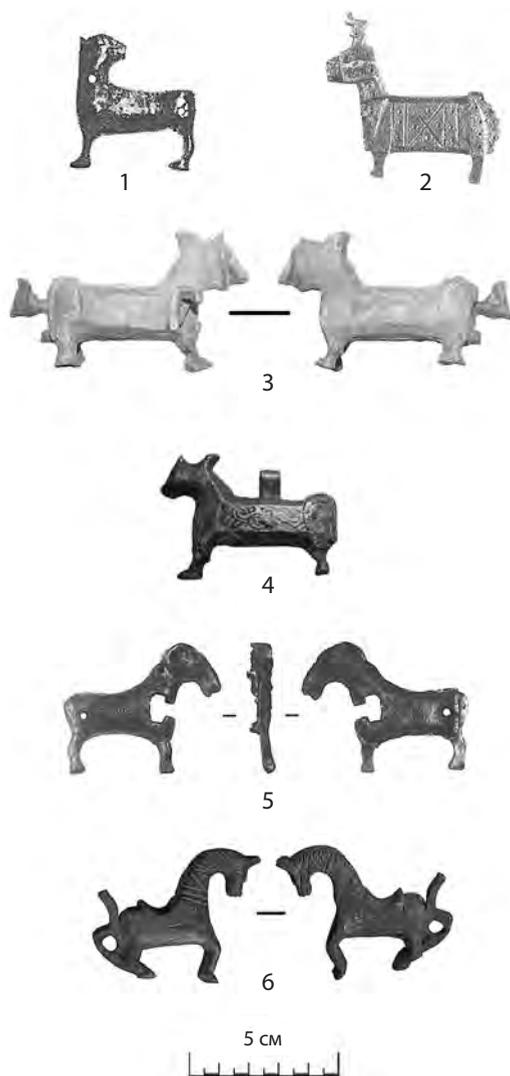

Рис. 2. Зооморфные замки
из раскопок в Новгороде

Лазукин А.В.

Археологический комплекс «Одинцовские курганы»

Аннотация. Археологический комплекс «Одинцовские курганы», расположенный в бассейне р. Самынки (правый приток р. Москвы) к северу от г. Одинцово, выделяется сохранностью исторического ландшафта, концентрацией входящих в его состав памятников XI–XVI вв., особенностью и спецификой погребальной традиции и сопровождающего инвентаря. В статье приведены сведения об истории изучения комплекса, об исследованных погребальных и поселенческих памятниках в период с 1958 по 2007 гг., аналитически рассматривается полученный материал.

Ключевые слова: Подмосковье, средневековье, древнерусское население, археологический комплекс, Одинцовские курганы, погребальные памятники, «семивершие» курганы.

Крупнейший археологический комплекс погребальных и поселенческих памятников XI–XIII вв. «Одинцовские курганы» расположен к северу от г. Одинцово в бассейне р. Саминка. Он является уникальным в Подмосковье по концентрации курганных групп, численности курганов в них и сохранности исторического ландшафта. К настоящему времени комплекс включает в себя 19 курганных групп и одиночных курганов общей численностью более 300 насыпей и шесть синхронных им поселений открытого типа. Также в его составе известно пять позднесредневековых селищ XIV–XVI вв. (рис. 1). Курганы XI–XIII вв. достаточно широко распространены в бассейне Москвы-реки, в т.ч. и в среднем её течении. Все они связываются с древнерусским населением края.

В IX–XI вв. формируется сеть торговых путей по р. Москве и транзитных маршрутов из бассейна средней Оки на Верхнюю Волгу, появляются первые очаги заселённости, связанные с ними¹. Исходной территорией исхода пришлого населения, предположительно, считается Верхняя Ока. Среди самых ранних памятников археологии рассматриваемого периода, известных в границах современного Одинцовского района², можно назвать поселения открытого типа (селища) Хотяжи-1, Саввинская слобода-2³, Поречье-2⁴ и Жуковское селище⁵. На их территории обнаружена лепная и ранняя круговая керамика специфического облика, различные предметы из металла, камня, стекла, глины и кости, а также характерные этнические украшения. Примечательно, что топографическое положение этих поселений приурочено к руслу реки Москвы – наиболее вероятному пути продвижения первых поселенцев. Их характерной особенностью считается большая площадь. «Центральное» положение среди них занимает Хотяжский археологический комплекс, раскинувшийся на обоих берегах реки в 23 км к западу от Звенигорода на площади около 6 га. В его состав входят левобережное селище Хотяжи-1, синхронное ему селище Хотяжи-2 на правом берегу, и уничтоженный к настоящему времени курганный некрополь

¹ Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Автореферат дисс. докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 2014. С. 30–31.

² Одинцовский район — административно-территориальная единица (район) и муниципальное образование (муниципальный район) на западе центральной части Московской области России. Площадь района составляет 1289 км². Численность населения к началу 2017 г. составляла 320 781 чел. Основной водной артерией является река Москва, которая течёт по территории района 90 км, пересекая его с запада на восток. Другими важными реками являются её притоки Сетунь и ещё одна Сетунь, Вязёмка, Сторожка, Нахабня, Островня, Чаченка, Жуковка, Дубешня, Медвенка, Холява и Молодильня. Также по территории района протекает река Нара, правда, лишь на небольшом участке в 20 км, 8 из которых составляют Нарские пруды, а также её приток Трасна. На территории района находится исток притока Десны Незнайки.

³ Археологическая карта России (АКР), Московская область. Часть 4. М.: ИА РАН, 1997. С. 248, № 2671.

⁴ Там же. С. 247. № 2669б.

⁵ АКР, Московская область. Часть 1. М.: ИА РАН, 1994. С. 144. № 337.

XI–XIII вв., а также известняковые каменоломни — место добычи белого камня, начиная с XIV в. Самые ранние находки на территории этого комплекса относятся к каменному и раннему железному веку, но расцвет его приходится на XI–XII вв., когда Хотяжи¹ стали крупным административным центром с развитой торговлей, различными ремёслами, чёрной и цветной металлургией.

Погребальных памятников, связанных с начальным этапом освоения славянами этой территории, известно ещё меньше. Это два кургана в окрестностях д. Горышкино Одинцовского района², где при раскопках были выявлены остатки трупосожжений (кремации) на стороне, помещенные в подкурганные сооружения в виде ящиков из плах без дна, с покрытием. При остатках сожжений найдены обломок лепного сосуда со следами воздействия огня и оплавленная стеклянная бусина. В одном из курганов исследовано также вводное детское труположение без сопровождающего погребального инвентаря³. В бассейне р. Слезни, правого притока Москвы-реки, исследован одиночный курган с остатками кремации в основании насыпи⁴. По сообщениям краеведов, в одном из курганов около села Аксиньино неподалеку от Звенигорода любителями археологии были обнаружены следы кострища с кальцинированными костями и оплавленными бронзовыми украшениями⁵.

Селища XII–XIII вв. по целому ряду показателей отличаются от поселений первого этапа славянской колонизации и отражают иную поселенческо-хозяйственную стратегию. Они тяготеют к малым рекам, отличаются небольшими размерами, с иной традицией керамического производства и особым набором ювелирных украшений, к примеру, с семилопастными височными кольцами. Прототипом этих украшений считаются семилучевые кольца радимичей, один вариант которых получил дальнейшее развитие и трансформацию в лопастные кольца. Так называемые «вятические» семилопастные височные кольца появились и широко бытовали у населения москворецкого бассейна, откуда они попадали и в другие регионы⁶. Кроме семилопастных колец, на этой территории зафиксированы находки в курганах браслетообразных височных колец кривичей и ромбошитковых колец словен новгородских⁷, что отражает сложную историко-этническую обстановку в регионе. По мнению известного исследователя подмосковных памятников Н.А. Кренке, в XII–XIII вв. на территории Москворечья формируется московский вариант древнерусской культуры и прослеживается процесс этнической консолидации местного населения⁸.

Картографирование курганных групп показало, что они так же, как и селища XII–XIII вв., тяготеют к малым рекам и являются кладбищами местного населения. Его погребальная обрядность реконструирована и изучена на примере многих сотен раско-

¹ Историческое название поселения не установлено, но предположительно сохранившееся до наших дней название является весьма архаичным, восходящим к древнерусским временам.

² АКР, Московская область. Часть 1. М.: ИА РАН, 1994. С. 256. № 64.

³ Краснов Ю.А. Курганы с трупосожжениями у дер. Горышкино // Советская археология. № 3. М.: Наука, 1962. С. 302–304.

⁴ Ширинский С.С., 1958. Отчёт о частичном археологическом обследовании по берегам реки Слезни. Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 1551. С. 3.

⁵ Лазукин А.В., 2004. Отчёт об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2003 году. С. 17. Архив ИА РАН. Р. 1, б/н.

⁶ В советской и российской археологии доминирует теория о принадлежности семилопастных височных колец вятичам, их этическом признаке. Её выдвинул крупнейший учёный А.А. Спицын, который картографировал находки этих украшений, совпадавшие с ареалом расселения вятичей по летописным источникам (см.: Спицын А.А. Расселение древнерусских племён по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. Часть 324. СПб., 1899).

⁷ Лазукин А.В. Курганный могильник у пос. Горки-Х // Звенигородский краевед. Культурное наследие Одинцовской земли. М., 2003. С. 26–28.

⁸ Кренке, 2014. Ук. соч. С. 32, 37.

панных курганов¹. В XI—XIII вв. на всей территории древнерусского государства происходила христианизация населения, далеко не всегда этот процесс протекал в мирном русле, скорее, наоборот². Наибольший консерватизм и приверженность к старой вере проявляло сельское население на периферии, в отдаленных и глухих уголках, где ещё очень долго сохранялись языческие обряды. Особенно это наглядно видно на примере погребальной традиции. Обряд кремации к концу XI в. уступил место ингумации (труположению), тело умершего стали помещать в гробы ящичного типа в подкурганых могильных ямах, сократилось количество погребального инвентаря, уменьшились размеры насыпей. Но захоронения в курганах продолжали совершать вплоть до кон. XIII—нач. XIV вв.³, площадку в основании насыпей предварительно «очищали» огнём, а среди вещей нередко находки различных амулетов и предметов с языческой символикой.

История изучения археологического комплекса

Впервые термин «Одинцовские курганы» вошёл в научный оборот московский археолог А.Г. Векслер, который в период с 1958 по 1971 гг. проводил раскопки курганов в Подушкинском лесопарке⁴ бассейна Самынки⁵.

В первый полевой сезон (июнь—октябрь 1958 г.) экспедицией Музея истории г. Москвы (МИГМ) было выявлено восемь курганных групп (234 кургана), и в пяти из них проведены раскопки отдельных насыпей (всего 12 курганов). Кроме этого, было найдено одно

¹ «Классическая» схема захоронения следующая: тело умершего человека (редко двух и более) укладывали на поверхность земли, предварительно обожженную огнём; по периметру круга, в центре которого находилось погребение, выкапывался ров шириной до 1,5 м; земля изо рва шла на устройство насыпи; после завершения земляных работ на кургане устраивалась поминальная тризна, следы которой фиксируются в ровиках (кострища, угли и зола, обломки керамической посуды, отдельные находки вещей). В курган могли производиться дополнительные захоронения одного или более человек. Этот обряд имел локальные варианты, варьировался в деталях, усложнялся и дополнялся в течение всего рассматриваемого периода. Данные раскопок последних лет позволяют видеть в устройстве кургана более сложное инженерное сооружение, предусматривающее вводное погребение без нарушения существующей насыпи.

² В своей «Истории» В.Н. Татищев ссылается на т.н. Иоакимовскую летопись, где приводятся уже хрестоматийные сведения о насильственном крещении Новгорода: «Путья крестил огнём, а Добрыня мечом». Вероятно, подобная «методика» приобщения к новой религии применялась и в отношении поселений более низкого статуса.

³ В Московской области известны захоронения в курганах, которые датируются XVII—XVIII вв. (см.: Зоц (Захарова) Е.П. Раскопки одиночного кургана Холмы // Археология Подмосковья. Выпуск 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 409), но они являются, скорее, редким исключением из правил.

⁴ Подушкинский лесопарк расположен севернее и северо-восточнее Одинцова между Подушкино, Лайковым, Сареево, Горками-2 и Усовом. Образован в 1935 г., 2926 га. Примерно по центру пересекается р. Самынкой, а на северо-западе — Медвенкой. Вблизи этих речек наиболее живописен, богат родниками, пересечён лощинами и балками. На северо-западе почти примыкает к р. Москве. Разбит просеками на 66 лесных кварталов площадью в среднем чуть менее 1 кв. км. Лесные насаждения представлены старовозрастными сосняками, ельниками и дубняками. Наиболее старые деревья (дубы более 1 м в диаметре ствола, сосны и ели диаметром стволов чуть менее 1 м) произрастают на склонах к Самынке и Медвенке. В подлеске преобладает лещина. В травяном покрове много зеленчука и кислицы (см.: Насимович Ю.А. Природные и культурные достопримечательности Одинцовского района. М., 2006).

⁵ Варианты чтения: *Самынка*, *Самына*, *Сомина*, *Каменка*. Правый приток р. Москвы. Дл. — 10 км. Пл. бас. — 35 кв. км. Берёт начало на западной окраине Одинцова. Впадает в 1 км к СВ от Жуковки. В среднем течении пересекает Подушкинский лесопарк. Название считается балтийским, так как в современном литовском языке имеется слово «sapaupе» — «моховое болото», «место, поросшее мхом». Тем не менее, больших болот, тем более моховых, вблизи речки нет (и не могло быть раньше, т.к. они тяготеют к водо-разделам). Старинный вариант «Каменка» более соответствует облику речки и, если он не является грубой ошибкой на карте 1763 г., то ставит под сомнение балтийскую гипотезу [Ю.Н.]. Деревня Самынка (нынешняя Барвиха) — это выселок села Луцкое, появившийся только в XIX в. В итоге, первичность гидронима «Самынка» нуждается в дополнительной проверке.

селище XVI–XVIII вв. (Подушкино-1). Тогда же были сняты топографические планы каждой группы и составлена схематическая карта памятников археологии г. Одинцово¹. А.Г. Векслер «объединил» все группы в один курганный могильник, ставший таким образом крупнейшим погребальным памятником XI–XIII вв. в Подмоскowie².

В процессе археологических раскопок курганов были получены интересные материалы и собрана коллекция предметов материальной культуры, сделаны предварительные выводы о погребальной обрядности и этническом составе населения региона. Захоронения под насыпями курганов на раннем этапе совершались прямо на поверхности древнего горизонта, позже – в могильных ямах различной глубины. Часто площадка, на которую укладывалось тело умершего человека, предварительно выжигалась огнём. Ориентировка захоронений западная, с сезонными отклонениями к северу или югу. Костяки находятся в вытянутом положении на спине, руки уложены вдоль тела или сложены на груди. Женские захоронения сопровождают ювелирные украшения головы, шеи и рук, в мужских встречены остатки ременной гарнитуры и иногда – орудия труда. Как мужские, так и женские захоронения сопровождают керамические сосуды для пищи, чаще всего это кухонные горшки с линейным или волнистым декором на внешней поверхности. Под одной насыпью могли находиться останки двух и более человек, но в большинстве случаев курганы содержат одиночные погребения.

Для Одинцовских курганов характерны такие детали погребальной обрядности, как наличие следов тризны в основаниях насыпей, большое количество разбитой керамической посуды, костей животных, различных бытовых предметов и необычные комбинации этнических украшений в захоронениях. Помимо типичных «вятических» комплексов, в захоронениях были зафиксированы височные украшения кривичей – выходцев из Смоленского Поднепровья и северо-западных земель.

В 1940-е годы граница между вятичами и кривичами в западном регионе Московской области проводилась специалистами по Москве-реке, несколько севернее её русла³. Не сильно изменились представления об этой границе и к началу 1980-х гг., что нашло отражение в фундаментальном издании «Археология СССР». По мнению автора соответствующего тома, В.В. Седова, всё правобережье р. Москвы принадлежало вятичам. Вятичи заходили и на левый берег этой реки (на 10–50 км севернее), но здесь вместе с вятическими курганами встречаются и кривичские⁴. По материалам из курганов Самынки отмечается обратная ситуация, когда «кривичи» проникают на правобережье Москвы-реки⁵. При этом, вероятно, следует видеть в них потомков первых поселенцев, сохранявших какое-то время свою традиционную культуру, в частности, характерные ювелирные украшения. В дальнейшем, вплоть до конца XIII в., на рассматриваемой территории происходило формирование консолидированного населения с типично «москворецким» набором погребального инвентаря.

Дальнейшие исследования Одинцовских курганов в 1959–1971 гг. позволили дополнить и уточнить ранее сделанные выводы, а также получить новые данные о погребальной обрядности. Например, в 1959 г. в группе «Одинцово-VII» были исследованы две насыпи

¹ Векслер А.Г. Отчёт об археологических работах в районе г. Одинцово Кунцевского р-на Московской обл. в 1958 г. М., 1959. Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 1730. На этой карте были указаны памятники археологии, расположенные к северу от Одинцово, в Подушкинском лесу.

² Постановлением Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327, Указом Президента России от 20.02.1995 г. № 176 памятнику присвоена федеральная категория охраны.

³ Авдусина Т.А. Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археологический сборник. М., 1940. С. 279.

⁴ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.: Наука, 1982. С. 143, 147–148.

⁵ На территории Одинцовского района известны курганные группы с браслетообразными височными кольцами в бассейне р. Вязёмки, это в 15 км к западу от Самынки.

усечённо-конической формы, что отличало их от остальных полусферических курганов¹. В 1960 и 1962 гг. раскапывались «семиверхие» курганы, состоящие из нескольких слитых вместе насыпей². Их необычная форма и устройство побудили автора раскопок взяться за перо и написать небольшую статью³. Эта статья стала единственной публикацией по итогам раскопок археологического комплекса «Одинцовские курганы»⁴.

Следующий этап археологических исследований Одинцовских курганов приходится на 1994–1996 гг., когда в бассейне Самынки работала экспедиция Института археологии РАН⁵. Научная задача заключалась в изучении древнерусской поселенческой структуры на микроуровне, выяснении принципов размещений поселений XII–XIII вв. и поиске ответов для уравнения, связывающего демографические и временные параметры (размеры поселения и численность курганов в соответствующей ему группе). Поскольку существующие планы и схемы комплекса не отвечали требованиям времени, проводилась локализация известных ранее курганных групп на топоосновах масштаба 1:25000 и 1:10000, проводились и дополнительные разведки с целью выявления неизвестных поселений (в первую очередь!) и курганных групп. Кроме этого, проводилось описание антропогенноизменённых почв, реконструкция на этой основе периодов и интенсивности сельскохозяйственного освоения территории.

Результаты этих работ оказались не менее интересными, чем в 1958–1971 гг. Так, например, почвоведческими исследованиями в районе курганной группы «Одинцово-VI» был выявлен древнейший пахотный горизонт, предшествующий возведению курганов, который оказался перекрыт ещё и культурным слоем поселения. Т.е. сначала эта территория была вовлечена в сельскохозяйственный оборот, потом возникло поселение, которое вскоре оказалось под угрозой «поглощения» со стороны расположенного рядом курганного кладбища. Вероятно, ландшафтные условия не позволяли расширять всю систему расселения до бесконечности, и наступил какой-то предел этому процессу. В позднем средневековье территория заброшенного поселения снова стала распахиваться, а в XVIII–XIX вв. заросла лесом.

Количество курганных групп в комплексе с учётом новых памятников возросло до 15, а общее количество насыпей составило 280 курганов⁶. Селищ XI–XIII вв. было открыто шесть (на двух из них встречен материал более позднего времени), селищ XIV–XVI вв. — два. Стали понятны особенности их ландшафтной приуроченности, когда поселения располагались на бровке берега или в незначительной удалённости от водотока. Поселения при курганных группах могли иметь сложную пространственную структуру — состоять из нескольких частей, разделённых «пустыми» промежутками. Размеры селищ, обнаруженных при наиболее крупных курганных группах, не отличаются от тех, которые расположены при небольших группах. Т.е. большие размеры курганных групп, вероятно, обусловлены большой длительностью существования поселений. Основной вывод обследований

¹ Векслер А.Г. Отчёт об археологических раскопках в районе г. Одинцово Кунцевского р-на Московской обл. в 1959 г. М., 1960. Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 1996. С. 4–9.

² Векслер А.Г. Отчёт об археологических раскопках курганов у г. Одинцово Московской области и Кунцевского городища в г. Москве в 1962 г. по открытому листу № 145. М., 1963. Архив ИА РАН, Р. 1. Д. 2503. С. 7–10.

³ Векслер А.Г. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970. С. 122–125.

⁴ Не считая обязательных ежегодных заметок по итогам полевого сезона, которые исследователи представляют в сборник «Археологические открытия».

⁵ Шполянский С.В. Отчёт о разведках в Одинцовском районе Московской области в 1994 г. М., 1995. Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 18759.

⁶ При статистике курганов учитывается их общее количество до начала раскопок. Поскольку исследованные насыпи копались «на снос», то реальное количество сохранившихся курганов будет меньше этих показателей.

1994–1996 гг., по мнению Н.А. Кренке, заключается в следующем: долина Самынки в XII–XIII вв. была освоена до пределов «экологической ёмкости». В более поздний период была освоена та же территория, но менее интенсивно. В XVII–XVIII вв. поселения и пашни сменил лес, что связано, вероятно, с разорением края в «Смутное время» и его последующем экономическим упадком¹.

В 2006 г. в окрестностях Одинцово проводила обследования экспедиция Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея (ЗИАиХМ). Небольшими по своему объёму работами были охвачены бассейн р. Самынки и верховья р. Чаченки (в границах нынешнего городского микрорайона «Кутузовский»). В результате удалось открыть ещё несколько новых памятников археологии, в т.ч. селище XV–XVII вв. «Одинцово-ХI», расположенное на правом берегу Самынки². В разведочном шурфе, заложенном в центральной части памятника, был выявлен культурный слой и круговая керамика из красно- и светложгущихся глин горнового обжига, часто украшенная линейным орнаментом. Поселение перестало функционировать, видимо, в к. XVI–нач. XVII вв. в эпоху «Смутного времени» и больше не возродилось.

Характеристика и краткое описание исследованных погребальных памятников в составе археологического комплекса «Одинцовские курганы».

Курганная группа «Одинцово-И». Согласно сведениям из Археологической карты России³, курганная группа «Одинцово-И»⁴ расположена в 2 км к СЗС [здесь и далее идут сокращения азимутов – северо-запад-север и т.д. – А.Л.] от северной окраины Одинцово, в 0,7 км к СЗ от д. Подушкино, на левом берегу р. Саминка, между Красногорским и Подушкинским шоссе, в лесу⁵, в 36 квартале Подушкинского лесничества. Занимает слабополгий склон водораздельной возвышенности. Курганная группа, состоящая из 22 насыпей⁶, вытянута по оси СЮ. Высота курганов – до 1,1–2,2 м, диаметр основания – от 7,2 м до 15,4 м. Вокруг отдельных насыпей видны кольцевые или полукольцевые ровики. Склоны и вершины многих курганов заросли деревьями и кустарником, 16 из них повреждены ямами.

В 1958 г. экспедицией Музея истории и реконструкции г. Москвы под руководством А.Г. Векслера исследован один курган (№ 6). Он находился в СЗ части группы. Форма насыпи – полусферическая, с его СВ стороны сохранился полукольцевой ровик глубиной до 0,3 м. Захоронение совершено на поверхности материка, ориентировка западная, с небольшим отклонением к северу. От скелета сохранился только фрагмент черепа и кости ног. Общая длина костяка – 1,8 м. Возле черепа найдена сердоликовая бипирамидальная 12-гранная бусина, а в области ног – обломки двух круговых горшков с линейным орнаментом XII–XIII вв.⁷ По мнению автора раскопок, захоронение мужское.

Курганная группа «Одинцово-ИИ». Группа расположена в 3 км к СЗС от северной окраины Одинцово, в 0,7 км к СЗ от д. Подушкино, левый берег р. Самынки, между Красногорским и Подушкинским шоссе, в 0,6 км к С от курганного могильника 1⁸, в лесу, на границе 26 и 31 кварталов Подушкинского лесничества. Состояла из девяти курганов; сохранилось во-

¹ Результаты этих работ были изложены в докладе А.Л. Александровского, Н.А. Кренке, Б.Е. Янишевского «Изучение комплекса древнерусских памятников и антропогенно измененных почв в долине р. Самынки в 1994 г.» на Семинаре по археологии Подмосковья 22.12.2004 г.

² Лазукин А.В. Отчёт об археологических работах на территории Одинцовского района Московской области в 2006 году. М., 2007. Архив ИА РАН. Р 1. Б/н.

³ Здесь и далее даётся топографическая привязка по Археологической карте России.

⁴ В АКР проходит под названием «Одинцово. Курганный могильник 1».

⁵ АКР. 1994. С. 131. № 291.

⁶ Количество курганов и их состояние указано до начала исследований.

⁷ Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 4.

⁸ АКР. 1994. С. 131–132. № 292.

семь насыпей высотой 0,8–2,2 м, диаметром основания 6–13 м, с кольцевыми ровиками. Курганы задернованы, поросли деревьями и кустарником, одна насыпь повреждена ямой.

В 1958 г. А.Г. Векслером исследован один курган (№ 3), расположенный в СЗ части группы. Он имел полуэллипсоидную форму, несколько расплывшуюся с СЗ на ЮВ, размеры 7×9 м при высоте 0,75–0,9 м, с СЗ стороны прослеживался неглубокий ровик. Погребение совершено на поверхности древнего горизонта, на небольшой подсыпке суглинком. Костяк не сохранился. На отметке -60 см от поверхности кургана обнаружены два семилопастных височных кольца без боковых колечек (тип III по классификации Равдиной Т.В.¹), рядом с ними находились две ажурные подвески с вписанным в центр прорезным крестом и однозигзаговый пластинчатый перстень. Внутри перстня сохранилась фаланга пальца – единственный уцелевший костный фрагмент. Вокруг этих находок зафиксированы обломки белоглиняной керамики XII в. с зубчатым декором, нанесённым при помощи штампа. Они принадлежали двум сосудам, которые были разбиты в момент совершения погребения². Анализ погребального инвентаря из погребения указывает на его датировку в пределах XII в.

Курганная группа «Одинцово III». Курганная группа «Одинцово-III» (Одинцово. Курганный могильник 3) расположена в 2,5 км к ССЗ от северной окраины г. Одинцово, в 0,6 км к З от д. Подушкино, на левом берегу р. Самынки, у лесной дороги из Подушкино в Лайково, в 0,4 км к ЮВ от курганного могильника 2,³ в лесу, в 32 квартале Подушкинского лесничества. Состоял из 14 насыпей; сохранилось 10 курганов высотой 1–2 м, диаметром 5–16 м, с кольцевыми ровиками. Форма курганов полусферическая или полуэллипсоидная, один курган (№ 11) в форме уплощённого сегмента сферы с четырьмя вершинами. Курганы задернованы, поросли деревьями и кустарником, часть из них повреждена ямами и норами животных. Исследованы (А.Г. Векслером) четыре насыпи.

Курган № 1 находился в южной части группы, у самой дороги из Подушкино в Лайково. До начала раскопок он имел форму сегмента сферы, диаметр – 6,4 м, высота – 1,1 м. Погребение совершено на поверхности горизонта, скелет не сохранился. По расположению находок удалось определить ориентировку захоронения – западная. Погребальный инвентарь представлен обломками трёх семилопастных височных колец простого типа и шаровидным бубенчиком со щелевидной прорезью, все датируются в пределах с кон. XI–нач. XIII вв. Рядом отмечены фрагменты разбитого сосуда с линейным орнаментом на внешней поверхности⁴. Автор раскопок интерпретировал это погребение как женское и связал его с вятическим населением.

Курган № 5 был расположен у южного края группы, он имел форму сегмента сферы, диаметр – 6,3 м, высота – 0,7 м. Погребение совершено на уровне горизонта. Костяк не сохранился, но по расположению вещей удалось определить его ориентировку головой на запад и рост в 160 см. На месте черепа найдены четыре браслетообразных височных кольца (по два на каждой стороне) из круглой проволоки с s-образным завитком на одном из концов; в области шеи находилось ожерелье из 11 металлических бусин полусферической формы, зонных и стеклянных бусин жёлтого цвета; в области правого запястья зафиксирован витой тройной браслет, а на левой руке – два перстня – пластинчатый решётчатый однозигзаговый и дрововый с заходящими концами. В 30 см от правого локтя найден шаровидный бубенчик со щелевидной прорезью. В ногах находилась металлическая оковка

¹ Т.В. Равдина предложила классификацию и хронологию семилопастных височных колец в 1975 г., работа не потеряла актуальности и сейчас (см.: Равдина Т.В. Хронология «вятических» древностей. Автореферат канд. дисс. М., 1975. Архив ИА РАН. Р 2. Д. 2154.

² Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 6–7.

³ АКР. 1994. С. 133. № 293.

⁴ Векслер А.Г. Отчёт об археологических раскопках в Одинцовском р-не Московской области в 1967 году по открытому листу № 58. М., 1968. Архив ИА РАН. Р 1. Д. 3552. С. 35–36.

лопаты (?) и обломки белоглиняного горшка с линейным орнаментом. Сосуд был разбит до насыпки кургана¹. По мнению автора раскопок, захоронение принадлежит женщине из племени кривичей и датируется XII в.

Курган № 7 находился в центре группы. Его форма полусферическая, диаметр в основании — 8,8 м, высота — около 1,9 м. Погребение совершено на уровне древнего горизонта, на поверхности погребённой почвы. Скелет хорошей сохранности, его длина — 180 см. Ориентировка костяка западная, он находился в вытянутом положении на спине, череп повернут глазами на север, руки сложены в области живота. Погребальный инвентарь отсутствовал².

Курган № 13 был расположен в северной части группы. Форма кургана полусферическая, диаметр — 8,4 м, высота — 1,3 м, с СЗ стороны прослежен неглубокий ровик. Погребение совершено на уровне горизонта. Вокруг скелета зафиксировано большое количество древесного тлена — остатков гроба длиной 2,0 м, шириной 0,9 м, сколоченного при помощи железных гвоздей квадратного сечения. Сохранность костяка хорошая, его длина — 160 см, ориентировка западная. Он находился в вытянутом положении на спине, глазами обращён к северу, левая рука вытянута прямо и несильно отведена от тела, правая — согнута в локте, кисть её приближена к плечу. В захоронении обнаружен богатый погребальный инвентарь: слева от черепа находилось перстнеобразное височное кольцо; в области шеи — витая полужуговая гривна с заходящими концами и ожерелье из хрустальных, сердоликовых и стеклянных бус различной формы; под нижней челюстью обнаружена бронзовая полусферическая пуговица с ушком; возле плеч находились шарообразные бубенчики со щелевидной прорезью (один возле левого плеча, два возле правого); на правом предплечье — витой тройной браслет с литыми накладками на концах, кисть украшали три бронзовых перстня; на левом запястье — бронзовый ложновитой (рубчатый) браслет с разомкнутыми концами, на пальцах три перстня. Датировка погребения XII—XIII вв.³ Особенностью этой группы автор раскопок считал её принадлежность к двум этническим группировкам славян — вятичам и кривичам.

Курганная группа «Одинцово-IV». Небольшая курганная группа из двух насыпей (Одинцово, курганный могильник 4) расположена в 2,7 км к С от северной окраины г. Одинцово, 0,5 км к ССЗ от д. Подушкино, на левом берегу р. Самынки, в 28 квартале Подушкинского лесничества, в урочище Тёплая Горка⁴. Оба кургана имеют полусферическую форму. Курган № 1 диаметром около 10 м, высота — 1,9 м, вокруг основания виден кольцевой ровик с перемычками на западной и восточной стороне. В северной части насыпи имеется глубокая траншея — результат грабительских раскопок. Курган № 2 диаметром 10,8 м, высотой 2,1 м, ровик не фиксируется. Вершина нарушена глубокой ямой, на северной стороне есть грабительская траншея. По сведениям местных жителей, курганы раскапывались школьниками из Подушкино⁵. Археологами группа не исследовалась.

Курганная группа «Одинцово-V». Группа «Одинцово. Курганный могильник 5» находится в 3 км к ЗСЗ от северной окраины г. Одинцово, 0,7 км к СЗ от д. Подушкино, левый берег р. Самынки, у просеки между кварталами 27 и 28 Подушкинского лесничества, 0,2 км к СЗ от курганного могильника 4⁶. Состоял из восьми курганов; сохранилось шесть насыпей высотой 1–2 м, диаметром 6,4–11,1 м. А.Г. Векслером исследованы две насыпи.

Курган № 6 находился в центральной части группы. Насыпь имела форму сегмента эллипсоида, размеры — 9,5×8,5 м, высота — 0,9 м, без ровиков. На поверхности горизонта

¹ Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 9–10.

² Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 10–11.

³ Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 11–12.

⁴ АКР. 1994. С. 133. № 294.

⁵ Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 13.

⁶ АКР. 1994. С. 133. № 295.

зафиксированы угольки и фрагменты керамики минимум от шести сосудов. Это обломки сосудов различной профилировки, с линейным декором, датировка их находится в пределах XII–XIII вв. Других находок нет.

Курган № 8 был расположен на северной окраине группы. Его форма – сегмент сферы, диаметр – 7,6 м, высота – 1,05 м, следы ровика на поверхности не фиксировались. В ходе раскопок с северной стороны кургана удалось выявить ровик шириной 1,1 м, глубиной 0,55 м. На уровне горизонта обнаружены немногочисленные обломки керамики из грубого теста, других находок нет. Автор раскопок интерпретировал насыпь как меморативный курган. В этой группе А.Г. Векслер отметил такую деталь погребального обряда, как разбрасывание обломков посуды на поверхности площадки до сооружения насыпи и следы обработки огнём места будущего захоронения.

Курганная группа «Одинцово-VI». Самая большая курганная группа «Одинцово-VI» (Одинцово. Курганный могильник 6) находится в 2,2 км к ССЗ от северной окраины г. Одинцово, 0,7 км к ЗЮЗ от д. Подушкино, правый берег р. Самынки, восточная часть квартала 37 Подушкинского лесничества, к Ю от глубокого оврага, в лесу¹. Она занимает мысовую часть берега реки, в устье оврага. До начала раскопок в составе группы насчитывался 101 курган. Часть из них имела форму сегмента или полусферы, часть – в виде правильного или усечённого конуса, некоторые – полуэллипсоидную форму. Также в составе группы фиксировались курганы более сложного устройства, слитные из нескольких насыпей. Диаметр курганов колебался в пределах от 3,4 м до 14,5 м, высота – 0,3–2,6 м. Некоторые насыпи имели повреждения. Первые раскопки курганов начались в 1958 г. экспедицией Музея истории и реконструкции г. Москвы под руководством А.Г. Векслера, которая на протяжении нескольких полевых сезонов исследовала 24 насыпи. Мужские и женские погребения совершены по обряду ингумации, на поверхности горизонта, с западной, северо-западной или северо-восточной ориентировкой, в сопровождении погребального инвентаря или без него, часты находки керамических сосудов или их обломков.

Наиболее интересные результаты дали раскопки следующих курганов.

Курган № 2. Находился на восточной окраине группы. Форма насыпи – сегмент сферы, размеры основания – 9,3×8,5 м, высота – до 1,55 м, ровики отсутствовали. Курган был насыпан бурым суглинком, на поверхности горизонта фиксировался слой светло-бурой супеси с угольками толщиной 10–30 см. На уровне древнего горизонта находились три одновременных погребения с западной ориентировкой. Погребение I – в центре кургана, женское, скелет плохой сохранности, его длина – 150 см. Находки: семилопастное височное кольцо (тип V), перстнеобразное височное колечко из проволоки круглого сечения, круговой горшок с линейным орнаментом (в ногах). Погребение II – в 90 см к Ю от первого погребения, детское, скелет плохой сохранности. Без вещей. Погребение III – в ЮЗ секторе, в 70 см к Ю от погребения II, мужское, плохой сохранности. Среди сопровождающих вещей была бронзовая поясная пряжка лировидной формы и две прорезные ажурные бляхи (возможно, ременные накладки). Кроме этого, в насыпи в разных секторах обнаружены два шаровидных бубенчика с щелевидной прорезью (глубина залегания – 110 см), шиферное розовое пряслице бипирамидальной формы диаметром 25 мм (отметка – 115 см), железный нож (глубина – 67 см), дужка семилопастного височного кольца (отметка – 68 см), две стеклянные бусины синего (отметка – 139 см) и зелёного (отметка – 112 см) цветов и большое количество керамики – лепной, раннекруговой и круговой развитой, всего 281 фрагмент не менее, чем от 28 сосудов². Все эти находки про-

¹ АКР, 1994. С. 133–134. № 296.

² Векслер А.Г. Отчёт об археологических раскопках в Одинцовском районе Московской области в 1966 г. по открытому листу № 118. М., 1967. Архив ИА РАН. Р 1. Д. 3277. С. 21–23.

исходят из культурного слоя селища Одинцово-6. Особенностью кургана № 2 является одновременное тройное захоронение под его насыпью, вероятно, членов одной семьи.

Курган № 10 был расположен на северной оконечности курганной группы. Форма насыпи — слегка вытянутый сегмент сферы, размер основания — 8,25×7,5 м, высота — 2,05 м. с северо-западной и западной стороны прослеживались ровики шириной 1,6–2,0 м и глубиной до 0,5 м. Южная пола кургана сливалась с соседней насыпью № 9. Погребение совершено на поверхности горизонта, ориентировка северо-западная. Скелет длиной 180 см находился в вытянутом положении на спине, правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте и уложена на живот. В области пояса, с правой стороны, найдено бронзовое ремненное кольцо с остатками кожаного ремешка, ещё одно аналогичное кольцо находилось в 30 см к ЮВ. В ногах погребения зафиксированы «погребальные дары», завернутые в бересту — железное поясное кольцо круглого сечения, бронзовый рубчатый перстень, прямоугольная ажурная пряжка и обломок небольшого ножа. В южной части насыпи, на глубине от 115 см до 138 см, зафиксированы находки керамики из красной глины, которую автор раскопок связал с ритуалом разбивания посуды¹.

Курган № 21 был расположен в северной части группы, у самого края оврага. Его форма — полусферическая, диаметр — 6,0 м, высота — 0,85 м, ровики не прослеживались. Захоронение зафиксировано на отметке 108 см, на поверхности древнего горизонта, рядом отмечены угольки. Угли фиксировались и в самой насыпи. Костяк длиной 190(!) см имел северо-западную ориентировку, находился в вытянутом положении на спине, кости рук не прослежены. Возле его левого бедра найден обломок железного ножа, а справа в ногах стоял полулепной горшок грубой формы высотой 10 см. Форма сосуда — баночная, венчик слегка отогнут наружу, шейка короткая, плечики слабо выражены. Глиняное тесто с большим количеством дресвы, обжиг печной. В восточной части насыпи обнаружены обломки ещё одного такого же горшка. По аналогии с керамикой Новгорода и Старой Ладogi, автор датировал погребение кон. XI в.² В составе группы «Одинцово-VI» и всего комплекса «Одинцовские курганы» это самое древнее захоронение в бассейне Самынки.

Курган № 48. Насыпь была расположена в центральной части группы. Она имела форму полусферы, диаметр основания составлял 11 м, высота — около 2-х м, без ровиков. Курган насыпан светлым суглинком с включениями угольков, с отметки 90 см пошла светло-серая супесь. Поверхность материка понижалась в северном направлении. Погребение на уровне горизонта, с северо-западной ориентировкой, в деревянной колоде³ прямоугольной формы. Её длина — 240 см, ширина — 120 см, ориентировка по оси СЗ—ЮВ. В колоде обнаружено женское захоронение в вытянутом положении на спине, череп глазницами повернут к правому плечу, руки вытянуты вдоль тела. В области черепа найдены пять семипалстных височных колец типа V, 16 хрустальных шарообразных бусин и 7 стеклянных рыбовидных бусин лилового цвета; на левой руке находились витой тройной браслет и два рубчатых перстня, а на фалангах правой руки — два бронзовых витых перстня. Кроме этого, в насыпи кургана зафиксированы находки железного ножа, деревянная(!) ложка грубой работы и деревянный пест⁴. Две последние находки представляют несомненный интерес по причине хорошей сохранности материала. Общая датировка погребения — 2-я пол. XII—1-я пол. XIII вв.

Курган № 91 находился в юго-восточной части курганной группы. Он имел форму сег-

¹ Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 20–22.

² Векслер А.Г. Отчёт об археологических раскопках на территории Большой Москвы и в Раменском районе Московской области по открытым листам № № 181 и 214. М., 1961. Архив ИА РАН. Р 1. Д. 2182. С. 1–3.

³ В отчёте называется гробовище, но на рисунке к отчёту зафиксированы очень толстые стенки «гробовища» в изголовье и ногах, что характерно для долблённых колод.

⁴ Векслер А.Г., 1967. Ук. соч. С. 24–25

мента сферы, размеры — 7,65×7,4 м, высота — до 1,4 м. Ровики отсутствовали. Насыпь сложена из бурого сулгинка, на поверхности древнего горизонта отмечен слой светлой супеси с древесными угольками. На горизонте зафиксированы два погребения: А — основное, в центральной части, мужское, с западной ориентировкой. Длина костяка — 185 см, в вытянутом положении на спине, руки уложены вдоль тела. Погребальный инвентарь отсутствовал. Б — вводное, в СВ части кургана, в 1,9 м к северу от захоронения А, женское, с западной ориентировкой (глубина — 100–120 см). Состояние костей плохое. Возле черепа найдены три семилопастных височных кольца (типы V–VI по Т.В. Равдиной), чуть ниже — полтораоборотная двускатно-пластинчатая шейная гривна с двумя массивными литыми бляхами на замках, а возле тазовых костей с левой стороны находился витой тройной браслет. Кроме этого, в насыпи найден фрагмент шиферного пряслица (отметка — 165 см), обломок точильного бруска (отметка — 87 см) и большое количество лепной и гончарной керамики самых разных типов не менее, чем от 52 сосудов¹. Последние категории находок, вероятно, не связаны с погребениями, они происходят из культурного слоя поселения Одинцово-6, на территорию которого «залез» курган. Автор раскопок датировал погребение 1-й пол. XIII в. Анализ вещей из кургана (без учёта находок, связанных с культурным слоем поселения) даёт несколько более раннюю дату — XII в.²

Курганная группа «Одинцово VII». Вторая по размерам курганная группа «Одинцово-VII» (Одинцово. Курганный могильник 7) расположена в 2-х км к ССВ от северной окраины г. Одинцово, 0,4 км к В от д. Подушкино, водораздельная возвышенность, квартал 39 Подушкинского лесничества, край лесного массива. Насчитывал 80 курганов; сохранилось 64 насыпи высотой 0,3–2,2 м, диаметром 4–15 м, с кольцевыми ровиками. По мнению А.Г. Векслера, некоторые крупные насыпи состоят из нескольких слившихся³. Исследовано 17 курганов. Значительная часть раскопанных насыпей содержала одиночные (реже двойные) погребения на уровне горизонта, с западной ориентировкой, в вытянутом положении на спине, руки вытянуты вдоль тела или сложены на груди. В женских захоронениях найдены ювелирные украшения, в мужских — элементы ременной гарнитуры, керамическая посуда сопровождала погребения тех и других. Наиболее интересные результаты и находки сделаны в следующих курганах:

Курган № 12⁴. Один из «семиверхих» курганов, раскопанных в бассейне Самынки. Был расположен у южного края группы. На поверхности уплощённой округлой в плане насыпи чётко выделялись семь вершин — сегментов сфер или эллипсоидов. Размеры насыпи: диаметр по оси СЮ — 14 м; по оси ЗВ — 13,9 м; высота на С — 1,1 м; на Ю — 1,47 м; на З — 1,75 м; на В — 1,43 м. С СВ и ЮЗ стороны прослеживались ровики шириной до 1,7 м и глубиной 0,5 м. Погребение совершено на уровне горизонта под центральной насыпью, перекрытого слоем светлого песка с включениями угольков и золы. Оно находилось в центре полукруга диаметром 4,5 м, периметр которого окружал ровик шириной 1,0–1,3 м и глубиной 0,3–0,4 м. С северной стороны ровика не было. От скелета сохранился только череп, ориентированный на запад, который, по мнению видного советского антрополога М.М. Герасимова, принадлежал мужчине в возрасте около 60 лет. Рядом с черепом найдена серебряная (!) полужгутовая петлистоконечная гривна⁵ и сердоликовая бипирамидальная бусина. Под остальными «вершинами» погребений не оказалось, хотя они по своей структуре были аналогичны центральной насыпи. Под одной из таких насыпей найден бронзовый пластинчатый браслет, брошенный в землю во время возведения кургана. Кроме

¹ Векслер А.Г., 1967. Ук. соч. С. 24–26.

² Равдина Т.В., 1975. Ук. соч. С. 6–7.

³ АКР. 1994. С. 134. № 297.

⁴ В последующих отчётах А.Г. Векслера и его публикации «Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой» этот курган проходит уже под № 35.

⁵ Шейные гривны в мужских захоронениях рассматриваемого периода практически неизвестны.

этого, под каждой из вершин, на поверхности песчаного слоя, зафиксированы находки коровьих костей (остатки тризны), а на уровне горизонта были разбросаны обломки большого горшка¹. По мнению автора исследований, этот курган представлял собой особую форму погребального сооружения, связанного с древними ритуалами и стремлением выделить лиц особого общественного положения².

Курган № 17. Насыпь находилась в западной части группы. Форма кургана — сегмент сферы, диаметр основания размером 9,3×8,4 м, высота — 1,22 м. Двойное захоронение на уровне горизонта. Погребение 1 — женское, в ЮЗ секторе насыпи, плохой сохранности (кости истлели полностью). Среди сопровождающих вещей отмечены два целых и фрагмент верхней дужки от семилопастного височного кольца, все без боковых колечек (тип IV); фрагмент медного шаровидного бубенчика с щелевидной прорезью; широкосрединный пластинчатый перстень; фрагмент бронзового ложновитого перстня. Погребение 2 — мужское, в центральной части насыпи, с северо-западной ориентировкой, в вытянутом положении на спине. Длина костяка — около 160 см. Погребальный инвентарь: одно железное и два медных поясных кольца в области левого бедра; железный нож между бедренными костями; в ногах найдены корродированная железная замочная личина и жуковина, рядом стоял круговой горшок. К СЗ и ЮВ от погребения обнаружены железные гвозди, вероятно, от гроба. Датировка погребений — XII в.³ В этом кургане, помимо традиционного погребального инвентаря, встречены вещи хозяйственного назначения — дверные детали.

Курган № 32. Находился в западной части курганной группы. Форма насыпи — полуэллипсоидная, размеры основания — 9×7 м, высота — от 0,4 до 1,1 м (курган имел уклон поверхности с В на З). Насыпь состояла из бурого суглинка с прослойками тёмной супеси. В западном секторе насыпи, на глубине 30 см, зафиксированы останки первого погребения. Кости почти полностью разложились, уцелела только часть свода черепа. Находки отсутствовали. Второе погребение находилось на тонкой зольно-угольной прослойке, в неглубокой (до 20 см) материковой яме («ложе»). Ориентировка скелета западная, он находился в вытянутом положении на спине. В области черепа найдены два семилопастных височных кольца (тип V по Т.В. Равдиной), на правой руке — ложновитой браслет и круглопроволочный перстень, на левой — решётчатый однозигаговый перстень. Возле шейных позвонков находилась шарообразная хрустальная бусина, ещё одна такая же оказалась у левой бедренной кости. Около правого бедра стоял круговой горшок из ожелезнённой глины, с линейным орнаментом на поверхности, а около правой голени находился развал красноглиняного горшка без декора. На его днище слабо фиксируется гончарное клеймо в виде большого круга⁴. В этом кургане наиболее чётко прослеживаются пережитки обряда кремации, когда площадка перед совершением погребения «очищалась» огнём.

Курган № 41. Второй «семиверхний» курган был расположен в центре группы, в 17 м к северу от «семиверхого» кургана № 12 (35). В плане он имел форму неправильного круга, длина основания по оси СЮ — 15,9 м, по оси ЗВ — 12,2 м, максимальная высота — 1,36 м. Над поверхностью возвышалось семь вершин полусферической и эллипсоидной формы. Ровики не прослеживались. Верхний слой насыпи представлял собой бурый суглинок, который перекрывал светлую супесь с включениями и прослойками золы и угля толщиной 20–35 см. Установлена последовательность сооружения кургана — сначала центральная насыпь, перекрывшая захоронения, затем насыпи по сторонам от неё. Погребения обнаружены только под центральной насыпью, остальные были пустыми и носили, видимо, символический характер. Погребение 1 — вводное, женское, в СВ секторе центральной насыпи. Его верхний уровень зафиксирован на отметке 72–78 см. Костяк очень плохо со-

¹ Векслер А.Г., 1961. Ук. соч. С. 8–11.

² Векслер А.Г., 1970. Ук. соч. С. 124.

³ Векслер А.Г., 1963. Ук. соч. С. 6–7.

⁴ Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 31–32.

хранился, уцелели только фрагменты черепа. Судя по его положению и размещению находок, захоронение было ориентировано на СЗ. Находки: два семилопастных височных кольца (тип V) — по одному с каждой стороны черепа; бронзовая с серебрением полужгутовая петлистоконечная шейная гривна; семь сердоликовых бипирамидальных 12-гранных бусин и шесть хрустальных шарообразных бусин (все в области груди и шеи). Погребение 2 — основное, мужское, в центральной части насыпи, на уровне горизонта (глубина — 110–124 см). Нарушено грабительской ямой¹. От скелета сохранились только кости ног. Судя по их расположению, погребение имело ориентировку на СЗ и было окопано ровиком шириной 50–60 см и глубиной 30–40 см. При раскопке кургана во всех насыпях на уровне поверхности слоя светлой супеси встречены коровьи кости, очевидно, остатки тризны, происходившей после первой стадии насыпки кургана. Также во всех насыпях на уровне горизонта зафиксированы обломки семи разбитых и разбросанных вперемежку гончарных горшков. Их количество соответствует количеству насыпей². Число семь, по мнению автора раскопок, имело для людей, насыпавших курганы, особое значение. Семь лопастей традиционны на височных кольцах вятичей. В погребениях чаще всего встречается по семь таких колец. Семь планет видели летописные славяне на небе («лик звёзд седмочислен» — Минеи, 1096 г.). Число «семь», как и «три», как и «девять», носило, видимо, сакральный характер — так представляется это в описанном обряде³.

Курган № 54. Курган был расположен на СВ окраине группы. Он имел форму сегмента сферы, диаметр — 7,5 м, высота — 0,86 м. Ровики не прослежены. Насыпь сложена в верхних горизонтах бурым суглинком, ниже находилась светлая супесь. Захоронения совершены на поверхности древнего горизонта. Погребение 1 — основное, женское, в центральной части насыпи, плохой сохранности. Уцелел только свод черепа. Судя по его положению и размещению находок, погребение имело западную ориентировку. Находки: четыре семилопастных височных кольца (типов IV–V); одно перстнеобразное височное колечко, в области головы; пять гладких монетовидных подвесок; одна крестовидная ажурная подвеска; бронзовое простое кольцо на правой стороне; керамический горшок в ногах. Погребение 2 — детское (?), в 40 см южнее от первого погребения и со смещением к востоку. От костяка уцелели только фрагменты черепа и бедренные кости. Ориентировка западная. Погребальный инвентарь не обнаружен. Погребение 3 — детское (?), в 50 см южнее погребения 2. Сохранился только фрагмент свода черепа. Без вещей⁴.

Курган № 58. Насыпь располагалась в восточной части курганной группы. Она имела форму сегмента полусферы, диаметр основания — 5,3 м, высота — 0,5 м. Погребение на уровне горизонта, в истлевшем гробу, от которого уцелели полоски древесного тлена и железные кованые гвозди по углам. Скелет практически не сохранился. Находки: два (?) семилопастных височных кольца, две сердоликовые бипирамидальные бусины, ложновитой и ложнозавязанный браслет, два перстня — рубчатый и круглопроволочный, железный нож, бронзовый шарообразный бубенчик с щелевидной прорезью и пряслице из розового шифера. Вокруг захоронения собраны обломки керамики, из них удалось склеить гончарный красноглиняный сосуд мискообразной формы с волнистым орнаментом⁵. Обряд разбивания керамической посуды в момент захоронения в этом случае зафиксирован достаточно точно.

Курган № 71 был расположен в восточной части группы и имел правильную усечённо-коническую форму с плоской, несколько смещённой к северу площадкой. Диаметр

¹ По мнению автора исследований, это следы старых раскопок «колодцем», поскольку яма была аккуратно засыпана и не осталось признаков нарушения насыпи.

² Векслер А.Г., 1963. Ук. соч. С. 7–10.

³ Векслер А.Г., 1970. Ук. соч. С. 124–125.

⁴ Векслер А.Г., 1963. Ук. соч. С. 11–12.

⁵ Векслер А.Г., 1959. Ук. соч. С. 33–34.

насыпи составлял 13,4 м, диаметр площадки — 7,6 м, максимальная высота — 2,7 м. С северной стороны находился ровик шириной 2 м и глубиной до 0,5 м. Верх насыпи составлял бурый суглинок, а с глубины 1 м шла светлая супесь. В кургане обнаружены два погребения: погребение 1 — вводное, мужское, с западной ориентировкой, верхний уровень его на отметке 95 см, в яме длиной около 2-х м со слабо наклонными стенками. Длина костяка — 170 см. Находки: слева у пояса — железное долото — цельнометаллическое, четырёхгранное, со скошенным лезвием, длиной 10,5 см, ширина лезвия — 2 см; на поясе два бронзовых ременных кольца с растительным орнаментом и зубчатым краем; справа у бедра ещё одно поясное кольцо, железное, круглого сечения; в ногах стоял круговой горшок высотой 9,5 см с линейным орнаментом на поверхности. Погребение 2 — основное, женское, на уровне 210 см. Кости очень плохой сохранности. Находки: два семилопастных височных кольца (тип V) и два семилопастных височных кольца (тип VII) «сростнозубцовых»; витой четвертной браслет на правой стороне; два пластинчатых широкосрединных перстня (один завязанный, с чеканным орнаментом) на правой стороне; витой перстень на левой стороне; семь шаровидных золочёных бубенчиков с щелевидной прорезью, по всей площадке; 40 сердоликовых бипирамидальных бусин 16-, 14- и 12-гранных, в области шеи и грудины; в ногах гончарный горшок высотой 13,2 см с линейным орнаментом. В восточном секторе насыпи, на поверхности горизонта, собраны обломки двух больших гончарных горшков, один из них из светложгущейся глины. Погребения датированы XII в.¹

Курган № 74 был расположен в восточной части группы, в шести метрах южнее кургана 71. Он так же имел правильную усечённо-коническую форму с плоской горизонтально выровненной вершиной. Диаметр кургана — 12 м, диаметр площадки — 4 м, максимальная высота — 2,6 м. С ЮВ стороны находился ровик шириной 2 м и глубиной 0,4 м. Верхний горизонт насыпи состоял из бурого суглинка, ниже отметки 100 см шла светлая супесь с углистой прослойкой. Поверхность древнего горизонта (погребённая почва) открылась на уровне 220 см. На этой отметке, в центральной части кургана, было расчищено мужское² погребение в деревянном гробовище. Среди древесного тлена найдены железные гвозди-костыли (по углам). Ориентировка костяка западная, череп повёрнут вправо, остальные кости сохранились плохо. Под черепом найдено бронзовое проволочное колечко с острыми концами — серьга (?). В ногах погребения, за пределами гробовища, находился круговой горшок высотой 13,5 см с линейным орнаментом. Ещё один горшок был найден южнее захоронения, под слоем дёрна насыпи. Он изготовлен из красножгущейся глины, с прямой шейкой и отогнутым наружу венчиком, высота — 12 см, диаметр верхней части — 12,5 см, донце — 7,5 см. На боковой поверхности волнистый орнамент. По новгородской классификации керамики это тип VI—Б (XI в.). В насыпи найдены также обломки ещё двух разбитых горшков архаического для подмосковных курганов облика³. По мнению автора раскопок, насыпи усечённо-конической формы восходят к более древним типам погребальных сооружений.

Курганная группа «Одинцово-VIII». Группа «Одинцово. Курганный могильник 8» расположена в 2 км к ССЗ от северной окраины г. Одинцово, 0,8 км к ЗЮЗ от д. Подушкино, правый берег р. Саминка, ЮЗ часть кв. 37 Подушкинского лесничества, у берега глубокого оврага⁴. Насчитывал 10 курганов; сохранилось шесть насыпей высотой 0,6–1,8 м, диаметром 5–12 м, со слабо выраженными ровиками. Четыре кургана повреждены ямами. В группе исследованы четыре насыпи:

Курган № 1 занимал крайнее западное положение в группе и имел полусферическую форму. Диаметр насыпи — 6 м, высота — 1,3 м, без ровиков. Его верхний слой представлял

¹ Векслер А.Г., 1960. Ук. соч. С. 4–7.

² Определение известного советского антрополога М.М. Герасимова.

³ Векслер А.Г., 1960. Ук. соч. С. 7–9.

⁴ АКР. 1994. С. 134. № 298.

собой бурый суглинок, ниже залегала светлая супесь. На уровне горизонта обнаружены три фрагмента гончарной керамики, следы погребения не зафиксированы¹.

Курган № 2 с востока примыкал к кургану 1 и имел полусферическую форму. Диаметр насыпи — 6 м, высота — 0,85 м. С ЮЗ стороны находился ровик шириной 1,5 м и глубиной до 40 см. Верхний слой насыпи представлен бурым суглинком, ниже залегала светлая супесь с включениями угольков. На поверхности горизонта (отметка — 100 см), в западном секторе насыпи, расчищены фрагменты черепа, другие кости не сохранились. Ориентировка погребения западная. На этом уровне найдены обломки кругового горшка XII—XIII вв.²

Курган № 3 находился в трёх метрах восточнее кургана № 2 и имел форму сегмента сферы. Его диаметр — 4,6 м, высота — 0,6 м. Насыпан из бурого суглинка со светлой супесью, в которой отмечены угольки. На уровне горизонта обнаружены три фрагмента гончарной керамики. Погребение не зафиксировано³.

Курган № 4 был расположен в четырёх метрах южнее кургана № 2. Форма насыпи — полусферическая, диаметр — 8 м, высота — 1,5 м. С восточной стороны находился ровик шириной 1,3 м, глубиной 0,6 м. Курган насыпан из бурого суглинка в верхнем горизонте и светлой супеси в нижнем, на уровне горизонта отмечены угольки. Погребение в центре кургана на древнем горизонте, ориентировка западная, костяк в вытянутом положении на спине. Череп повёрнут вправо, левая рука вытянута вдоль туловища, правая уложена на живот. Длина скелета — 180 см. Погребальный инвентарь не обнаружен⁴.

Курганная группа «Одинцово-IX». Курганная группа «Одинцово. Курганный могильник 9» находится в 2,3 км к ССЗ от северной окраины г. Одинцово, 1,5 км к ЮЗ от д. Подушкино, левый берег р. Самынка, кв. 37 Подушкинского лесничества. Насчитывал 15 курганов; сохранилось 10 насыпей высотой 0,6–1,9 м, диаметром 6,6–13,0 м, со слабо выраженными ровиками. Часть курганов повреждена ямами. Исследованы (А.Г. Векслером) пять курганов с мужскими и женскими труположениями на горизонте, с западной (с отклонениями) ориентировкой. Среди находок — семилопастные височные кольца, стеклянные шарообразные и сердоликовые бипирамидальные бусы, браслеты и перстни разных типов, поясные кольца и пряжки, гончарные горшки. Интересен широкосеродинный пластинчатый перстень со сложным орнаментом типа книжного. Исследованные курганы датируются XII—нач. XIII вв. Коллекция хранится в Музее истории и реконструкции Москвы⁵.

Курганная группа «Одинцово-X». В «Археологической карте России» эта группа упоминается под названием «Одинцово. Курганный могильник 10». Расположена в 1,9 км к СЗ от северной окраины г. Одинцово, 2 км к ЮЗ от д. Подушкино, квартал 36 Подушкинского лесничества. Три насыпи высотой 0,5–0,6 м, диаметром 5,8–6,4 м.⁶ Археологами курганы не исследовались.

Курганная группа «Одинцово-XI». Группа «Одинцово. Курганный могильник 11» находится в 2 км к ССЗ от развилки Красногорского и Подушкинского шоссе в г. Одинцово, правый берег р. Саминка, 1 км к СВ от моста на Красногорском шоссе, квартал 48 Подушкинского лесничества. Шесть насыпей высотой 0,7–1,7 м, диаметром 9–15 м. Часть насыпей повреждена ямами⁷. Археологами курганы не исследовались.

Одиночный курган «Одинцово-XII». В Археологической карте России он называется «Барвиха. Курган». Расположен близ пос. Барвиха, 1,5 км к ЮЮЗ от платформы Барвиха,

¹ Векслер А.Г., 1961. Ук. соч. С. 14

² Векслер А.Г., 1961. Ук. соч. С. 14–15.

³ Векслер А.Г., 1961. Ук. соч. С. 15.

⁴ Векслер А.Г., 1961. Ук. соч. С. 15–16.

⁵ АКР. 1994. С. 135. № 299.

⁶ АКР. 1994. С. 135. № 300.

⁷ АКР. 1994. С. 135. № 301.

водораздельная возвышенность, квартал 15 Подушкинского лесничества. Курган высотой 1,2 м, диаметр основания — 9,9×10,7 м. По мнению А.Г. Векслера, состоит не менее чем из шести слившихся насыпей¹. Возможно, это ещё один «семиверхий» курган.

Курганная группа «Одинцово-ХІІІ». Группа «Лайково. Курганный могильник 1 (Одинцово 13)» расположена в 0,4 км к СЗ от д. Лайково, 0,7 км к ЮВ от д. М. Сареево, водораздельная возвышенность, квартал 20 Подушкинского лесничества. Пять насыпей высотой 1,4–1,7 м, диаметром 9,4–15,7 м. Один из курганов, по мнению А.Г. Векслера, является слившимся из не менее чем четырёх насыпей². Археологами курганы не исследовались.

Курганная группа «Одинцово-ХІV». Курганная группа «Одинцово-ХІV» (Лайково. Курганный могильник 3 (Одинцово-14)) находится в 1,3 км к СВ от д. Лайково, 100 м к СВ от дорожного знака «7 км» на Красногорском шоссе, водораздельная возвышенность, квартал 24 Подушкинского лесничества. Семь курганов высотой 0,8–1,6 м, диаметром 6–17 м, со следами ровиков. По мнению А.Г. Векслера, один из курганов является слившимся из не менее чем четырёх насыпей³. Археологами курганы не исследовались.

Курганная группа «Одинцово-ХV». Группа курганов «Одинцово-ХV» (Лайково. Курганный могильник 2 (Одинцово 15)) расположена в 1,2 км к СВ от д. Лайково, 0,2 км к З от дорожного знака «7 км» на Красногорском шоссе, водораздельная возвышенность, кв. 24 Подушкинского лесничества. 12 насыпей высотой 0,8–1,7 м, диаметром 7–11 м, со слабо прослеживающимися ровиками⁴. Археологами курганы не исследовались.

Курганная группа «Одинцово-ХVІ». Курганная группа «Одинцово-ХVІ» впервые была открыта Н.А. Кренке в 1994 г., но в общий перечень зарегистрированных памятников не вошла. Повторно открыта А.В. Лазукиным и А.В. Кузнецовым (Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей) в 2006 г., тогда же получила второе название «Одинцово-ХХ». Вновь выявленный памятник расположен в 0,4 км к ЗЗС от северной окраины г. Одинцово, 0,3 км к С от трассы Красногорского шоссе, на правом берегу р. Саминка, в лесу, квартал 40 Подушкинского лесничества. Площадка, на которой расположены курганы, имеет небольшой наклон в Ю направлении, в сторону безымянного ручья. Она задернована и заросла лесом. В 50 м к СВ находится селище Одинцово-11. Группа состоит из трёх сильно оплывших насыпей, высотой от 0,4 до 1,0 м, диаметром до 9 м. На вершине кургана № 1 растут два невысоких дуба. Ровики около насыпей не прослежены. Состояние памятника удовлетворительное, свежих нарушений нет⁵.

Курганная группа «Одинцово-ХVІІ». Курганная группа «Одинцово-ХVІІ» расположена в 3 км к СЗС от северной окраины Одинцово, в 0,7 км к СЗ от д. Подушкино, левый берег р. Саминка, на склоне водораздельной возвышенности, в 60 м к ЮЗ от курганного могильника 2, на границе 22 и 26 кв. Подушкинского лесничества. Насчитывает четыре насыпи полусферической формы, высотой 0,6–1,3 м, диаметром 6–12 м. Группа открыта С.В. Шполянским в 1994 г.⁶

Курганная группа «Одинцово-ХVІІІ». Информацию о курганной группе с таким номером найти не удалось, возможно, памятник ошибочно не попал в перечень или номер оказался пропущен. Сведений о нём в публикациях не выявлено.

Одиночный курган «Одинцово-ХІХ». Расположен в 1,5 км к С от ССВ окраины г. Одинцово, в 1,6 км к В от пос. Рождествено, в верховьях оврага, выходящего к р. Самынке, на правом его берегу, в лесу. Находится на склоне мысовой части берега, образованной двумя

¹ АКР. 1994. С. 137. № 307.

² АКР. 1994. С. 158. № 372.

³ АКР. 1994. С. 158–159. № 374.

⁴ АКР. 1994. С. 158. № 373.

⁵ Лазукин А.В., 2007. Ук. соч. С. 18–19.

⁶ Шполянский С.В. Отчёт о разведках в Одинцовском районе Московской области в 1994 г. Архив ИА РАН. М., 1995. Р. 1. Д. 18759.

отрогами оврага. Вся территория сильно заросла деревьями, поверхность задернована. Высота кургана — 1,5 м, диаметр основания насыпи — 8 м. На его вершине имеется старая грабительская яма глубиной 0,5 м. Свежих нарушений на памятнике не зафиксировано. Памятник выявлен А.В. Лазукиным и А.В. Кузнецовым в 2006 г.¹

Реконструкция погребального обряда по результатам исследований «Одинцовских курганов»

Подавляющее большинство раскопанных курганов содержали одиночные погребения на уровне древнего горизонта или на небольшой песчаной подсыпке. В редких случаях тело помещали в неглубокую ямку-ложе овальной формы, выкопанную в дёрне. Труположения на материке хронологически непосредственно следуют за трупосожжениями, и уже позднее на смену им приходит размещение костяка в могильной яме под курганом, вырытой в материке. Весьма убедительно это положение доказано в работах Т.Н. Никольской, занимавшейся изучением курганов Верхней Волги. Она полагает, что курганы с труположениями на материке относятся к XI—середине XII вв., а насыпи с погребениями в ямах связываются ею со второй половиной XII—XIII вв.² Часто площадка, на которую укладывалось тело, предварительно выжигалась огнём или по её поверхности разбрасывали головешки и угли погребального костра³. В курганах зафиксированы следы проведения тризны, в частности, разбивание глиняной посуды и разбрасывание черепков по всей погребальной площадке. В некоторых курганах встречены отдельные вещи в насыпях, возможно, брошенные туда в момент сооружения кургана, и отдельные угольки. Следы костра и керамика встречены и в курганных ровиках. Два кургана в группе «Одинцово-VII» усечённо-конической формы отличались иной последовательностью сооружения. Сначала погребение, уложенное на поверхность горизонта, засыпалось песком из ровиков, после чего поверхность подсыпки выравнивалась. На этой площадке, возможно, устраивалась тризна с использованием открытого огня (следы на поверхности в виде угольной прослойки), после чего происходила досыпка насыпи до обычных размеров. На вершине устраивалась плоская площадка, где, вероятно, также проводились какие-то ритуальные действия. Более сложное устройство имели «семиверхие» курганы, основу которых составляла «центральная» насыпь, перекрывавшая основное погребение на горизонте, и ещё шесть насыпей несколько меньшего размера, которые были «приложены» к основной с различных сторон. Погребение в центральной части окапывалось неглубоким ровиком с перемычками, который впоследствии засыпался. Датируются такие «сложные» курганы XII в. — временем, когда процессы христианизации охватили всю территорию Руси. Однако во второй половине XII в., как отмечено академиком Б.А. Рыбаковым, в связи с окончательным превращением церкви в феодальную организацию, поддерживающую местных князей, на Руси усиливается оппозиция христианству, растёт недовольство духовенством и монашеством. Естественно допустить, что в деревне протест выражался в усложнении древних языческих культов⁴.

Ориентировка большинства погребений западная, отклонения к северу или югу связаны с сезонным положением солнца. Костяки находятся в вытянутом положении на спине, череп лежит прямо или повёрнут глазами в сторону (возможно, посмертное смещение), руки вытянуты вдоль тела или скрещены на груди. Обряд скрещивания рук сформиро-

¹ Лазукин А.В., 2007. Ук. соч. С. 19–20.

² Никольская Т.Н. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК. Вып. 30. М.: Наука, 1949. С. 32–39.

³ Часть исследователей связывает разведение костров с целью прогревания замёрзшего грунта в холодное время года.

⁴ Векслер А.Г., 1970. Ук. соч. С. 125.

вался под влиянием христианской традиции, как и помещение тела в деревянный гроб или колоду. В Одинцовских курганах зафиксированы долбленые колоды с толстыми стенками, а также гробовища; последние, в условиях плохой сохранности древесины, определяются по наличию железных гвоздей.

В составе погребального инвентаря, помимо традиционного набора вещей, присутствуют довольно необычные категории находок. Например, в кургане № 17 группы «Одинцово-VII» найдены железная замочная личина (накладка) и кованая жуковина — детали двери, а из кургана № 48 группы «Одинцово-VI» происходят находки деревянной ложки и пестика. Среди ювелирных украшений отмечены семилопастные височные кольца V–VII типов и браслетообразные кольца. Семилопастные височные кольца с секировидными завершениями лопастей, с орнаментацией лентой или городком, с дополнительными колечками у дужки (тип VI), входят в обиход в середине XII в., а тип сростнозубцовых колец (тип VII) — с конца XI—начала XII вв.¹ Браслетообразные проволочные височные кольца диаметром 9–10 см получили распространение в области расселения кривичей, образцы колец с завязанными на две стороны концами относятся к X—началу XII вв.² Таким образом, в целом датировка погребальных комплексов не выходит за пределы XI–XIII вв.

Исследования поселений

Поселенческие памятники бассейна Самынки изучены гораздо хуже, чем курганы XI–XIII вв. Раскопки на их территории, за редким исключением, не проводились, чему имеется несколько причин. Одна из них — трудности исследований в лесном массиве. Культурный слой таких памятников часто бывает буквально «пронизан» корневой системой деревьев и кустарников, что мешает проводить его фиксацию, а наличие крупных живых деревьев препятствует сплошным раскопкам на большой территории. Поэтому археологи ограничиваются закладкой небольших разведочных шурфов на селищах, которые позволяют изучить мощность культурного слоя и собрать коллекцию находок, характеризующих его культурную принадлежность. Если памятник распаивается, то на его поверхности проводится сбор подъёмного материала без проведения земляных работ. В составе комплекса «Одинцовские курганы» раскопки проводились только на двух селищах. Небольшие земляные работы на селище Одинцово-1 были организованы экспедицией Музея истории и реконструкции Москвы под руководством А.Г. Векслера, который вскрыл около 20 кв. м площади памятника. Результаты этих работ не опубликованы.

Летом 2006 г. в окрестностях д. Подушкино и д. Рождествено экспедицией ИА РАН при проведении охранных исследований было открыто новое поселение — Рождественно-1. В том же году начались его раскопки, продолженные в следующем полевом сезоне. В 2007 г. на памятнике вскрыто 1664 кв. м площади, из которых 1000 кв. м приходилась на селище, а 664 кв. м — на могильник. Культурный слой селища оказался переотложен в результате многолетней распашки до поверхности материка. В процессе работ выявлены многочисленные материковые ямы различного назначения — подземные части построек, погреба, подполья, мусорные и столбовые ямы, канавки для стока воды. В некоторых ямах зафиксированы развалы глинобитных печей. В заполнении ям и нарушенном культурном слое собрана коллекция нумизматических находок (24 монеты), предметов бытового и хозяйственного назначения, орудий труда, деталей одежды и украшений из различных материалов. На территории грунтового могильника, имевшего четырёхугольную форму, ориентированную по сторонам света, исследовано более 100 погребений в могильных

¹ Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Археология СССР Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 65.

² Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. С. 10.

яхах. Несмотря на кажущуюся хаотичность, они располагались скоплениями, обозначавшими, по всей видимости, семейно-клановые участки. В верхних горизонтах слоя обнаружены две известняковые надгробные плиты, ориентированные длинной стороной по оси ЗВ. Их лицевая поверхность декорирована в технике трёхгранно-выемчатой резьбы («волчий зуб»). В Подмосковье и Москве такие плиты датируются 2-й пол. XV—сер. XVI вв. В центральной части некрополя (в наиболее возвышенной его части) зафиксированы следы наземной постройки, очевидно, культового сооружения — небольшой церкви или часовни. Это пятно непотревоженного могильными захоронениями светло-серого предматерикового суглинка длиной 9 м и шириной до 4-х м. По периметру пятна прослеживалась канавка. Возможно, канавка образовалась в результате стока дождевых вод с крыши постройки. Рядом с постройкой собрана коллекция наперсных и нательных крестов различных типов¹. От поселения кладбище отделял небольшой ров и оградка по его краю, следы, которых зафиксированы в ходе раскопок. Авторы исследований интерпретировали поселение у Рождествено как погост XV—XVI вв. с кладбищем и деревянным храмом на его территории.

Масштабные раскопки Рождественского погоста удалось осуществить в силу сложившейся ситуации — с началом строительства элитного загородного посёлка и открывшимся финансированием работ со стороны застройщиков. На сегодняшний день это наиболее полно исследованный поселенческий памятник позднего средневековья в Подмосковье.

Краткая характеристика и описание поселенческих памятников в составе археологического комплекса «Одинцовские курганы»

Одинцово. Селище. XI—XIII вв. Памятник расположен в 2 км к СЗ от северной окраины г. Одинцово, в 0,3 км к В от курганной группы *Одинцово-1*, левый берег р. Саминка, ЮЗ часть квартала 36 Подушкинского лесничества. Размеры около 40×26 м, высота над рекой — 5—6 м. Исследовано (А.Г. Векслером) 20 кв. м. Культурный слой мощностью 0,2—1,0 м. Находки: керамика гончарная древнерусская, преимущественно с линейным и волнистым орнаментом, фрагмент семилопастного височного кольца, монетовидная привеска, поясная пряжка. Коллекция хранится в Музее истории Москвы (МИМ)². Это одно из поселений, синхронных погребальным курганам Самынки, оно, вероятно, связано с расположенной в 0,3 км к западу курганной группой «Одинцово-1».

Подушкино. Селище (Одинцово-2). XIV—XVII вв. Находится на северной окраине д. Подушкино, первая надпойменная терраса правого берега р. Саминка. Протянулось вдоль края террасы, размеры около 105×40 м, высота над рекой — 4—5 м. Исследовано (А.Г. Векслером) 28 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,4 м. Керамика гончарная позднесредневековая, в т.ч. красноглиняная, белоглиняная, чернолощёная, морёная, а также поливная (с голубой поливой) восточного производства, многочисленные железные предметы (штыри, гвозди, накладка и др.). Интерпретируется с остатками с. Подушкино, известного в письменных источниках XV—XVI вв. Коллекция в МИМ³.

Подушкино. Селище-2 (Одинцово-3). XII—XIII, XIV—XVII вв. Селище расположено в 1 км к ЮЗ от центральной части д. Подушкино (место пересечения Подушкинского шоссе и дороги к лесничеству), в 0,45 км к ЮЗ от здания лесничества, на левом берегу р. Саминка, в 0,1 км от русла, в 0,3 км к СВ от курганного могильника *Одинцово-3*, в лесу. Территория памятника поросла редкими деревьями. Размеры около 70×60 м, высота над рекой — 9—11 м.

¹ Богомолов В.В., Гоняный М.И., Зайдов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические исследования погоста XV—XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Выпуск 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 281—285.

² АКР. 1994. С. 131. № 290.

³ АКР. 1994. С. 161—162. № 388.

Культурный слой мощностью до 0,5 м. Керамика гончарная древнерусская, датированная XII–XIII вв., и позднесредневековая, главным образом, XV–XVII вв.¹ Это поселение, вероятно, тяготеет к курганной группе «Одинцово III».

Подушкино. Селище-3 (Одинцово-4). XIV–XVII вв. Селище находится в 1,7 км к ЮЗ от центральной части д. Подушкино (место пересечения Подушкинского шоссе и дороги к лесничеству), на мысу правого берега р. Саминка между двумя оврагами, в 50 м от русла, в лесу, к Ю от курганного могильника *Одинцово-8*. Размеры около 15×15 м, высота над рекой – 6–8 м. Культурный слой с включениями кусков печины имеет мощность до 0,4 м. Керамика гончарная позднесредневековая, в т.ч. красноглиняная и белоглиняная². Относится к категории небольших поселений-малодворок.

Подушкино. Селище-4 (Одинцово-5). XI–XIII, XIV–XVII вв. Памятник расположен в 0,35 км к В от юго-восточной окраины д. Подушкино, на правом берегу безымянного ручья, правого притока р. Саминка, в 50 м от его русла, в 0,2 км к ЮЗ от курганного могильника *Одинцово-7*. Размеры около 30×30 м, высота над ручьём – 7–12 м. Культурный слой на склоне достигает мощности 0,8 м. Керамика гончарная древнерусская и позднесредневековая³.

Подушкино. Селище-5 (Одинцово-6). XI–XIII вв. Селище находится в 1,4 км к ЮЗ от центральной части д. Подушкино (место пересечения Подушкинского шоссе и дороги к лесничеству), в 1,15 км к ЮЮЗ от здания лесничества, на правом берегу р. Саминка, в 0,12 км от русла, в 0,7 км к Ю от плотины, в лесу, у курганного могильника *Одинцово-6*, возможно, частично на его территории. Размеры не менее 180×140 м, высота над рекой – 14–17 м. Культурный слой в виде гумусированного суглинка бурого цвета имеет толщину до 0,3 м, в местах ям – до 0,8 м. Керамика гончарная древнерусская, один лепной, датированный нач. XI в.⁴ При раскопках курганов в насыпях отмечено значительное количество керамики и отдельных вещей, вероятно, происходящих из культурного слоя селища.

Подушкино. Селище-6 (Одинцово-7). XI–XIII вв. Расположено в 0,3 км к В от юго-восточной окраины д. Подушкино, на правом берегу безымянного ручья, правого притока р. Самынки, в 30 м от его русла, в лесу, в 30 м к С от курганного могильника *Одинцово-7*. Размеры около 180×140 м, высота над ручьём – 5–20 м. Культурный слой имеет толщину до 0,3 м, на склоне – до 0,8 м. Керамика гончарная древнерусская⁵. Это селище, возможно, синхронно расположенной рядом курганной группе.

Подушкино. Селище-7 (Одинцово-8). XI–XIII вв. Расположено в 1,5 км к ЮЗ от центральной части д. Подушкино (место пересечения Подушкинского шоссе и дороги к лесничеству), на правом берегу р. Саминка, в 70 м от русла, в лесу и на просеке, к С от курганного могильника *Одинцово-8*. Размеры памятника не определены, высота над рекой – 9–10 м. Культурный слой имеет толщину около 0,25 м. Керамика гончарная древнерусская⁶.

Подушкино. Селище-8 (Одинцово-9). XIV–XVII вв. Памятник расположен в 1,3 км к ЮЗ от центральной части д. Подушкино (место пересечения Подушкинского шоссе и дороги к лесничеству), около 1 км к ЮЮЗ от здания лесничества, на левом берегу р. Саминка, в 60 м от русла, в 0,55 км от плотины, в лесу, к Ю от курганного могильника *Одинцово-9*. Размеры памятника и толщина культурного слоя не определены. В обнажениях грунта зафиксированы выходы культурного слоя, найдены обломки гончарной позднесредневековой керамики, в т.ч. красноглиняной⁷.

Подушкино. Селище-9 (Одинцово-10). XIV–XVII вв. Селище находится в 1,2 км к ЮЗ от

¹ АКР. 1997. С. 246. № 2662.

² АКР. 1997. С. 246. № 2663.

³ АКР. 1997. С. 246. № 2664.

⁴ АКР. 1997. С. 246. № 2665.

⁵ АКР. 1997. С. 246–247. № 2666.

⁶ АКР. 1997. С. 247. № 2667.

⁷ АКР. 1997. С. 247. № 2668.

центральной части д. Подушкино (место пересечения Подушкинского шоссе и дороги к лесничеству), в 0,9 км к ЮЮЗ от здания лесничества, на правом берегу р. Саминка, в 40 м от русла, в 0,45 км к Ю от плотины, на лесной поляне. Размеры около 20×10 м, высота над рекой – 8–10 м. Культурный слой – тёмно-бурый суглинок с включениями обломков кирпича мощностью до 0,6 м. Керамика гончарная позднесредневековая, в т.ч. красноглиняная¹.

Одинцово. Селище-11. XV–XVII вв. Памятник расположен в 0,4 км к ЗСЗ от северной окраины г. Одинцово, на правом возвышенном берегу р. Самынки, в 0,27 км к СВ от дамбы речной запруды, рядом с которой проходит трасса Красногорского шоссе. Селище находится в лесном массиве, кв. 40 Подушкинского лесничества. Площадка памятника занимает мысовидную часть высокого коренного берега (высота над урезом воды в р. Самынке – 22 м, что соответствует отметке 181,3 в Балтийской системе высот). Поверхность селища задернована и поросла сосновым лесом, размеры – 90–95×100–110 м. В центре селища имеется сильно оплывшая курганнообразная насыпь, высотой до 0,3 м и диаметром 5 м, которая может быть запаханным курганом. Культурный слой – тёмно-серая гумусированная супесь с включениями угля и обломками кирпичей, мощность до 0,4 м. Керамика гончарная позднесредневековая, в т.ч. красноглиняная и белоглиняная².

Рождественно. Поселение 1. XV–XVI вв. Памятник расположен на площадке, образованной оврагами – правыми притоками р. Саминка, в 200 м к Ю от д. Рождественно. Площадка селища вытянута с запада на восток на 140 м при ширине 70–80 м. Изучение культурного слоя памятника в 2006–2007 гг. показало, что поселение Рождественно-1 состоит из трёх участков: собственно селища с остатками заглублённых в материк частей построек; могильника с целыми и переотложенными погребениями; месторасположения церкви (часовни) в центре могильника³.

Alexandr V. Lazukin

The archaeological complex «the burial mounds of Odintsovo»

Abstract. To the North of Odintsovo, in the basin of Sominki (right tributary of the Moskva-river) the archaeological complex of the burial mounds is located. The cluster is distinguished by the well preserved historical landscape, concentration of the constituent sites of XI-XVI centuries and a peculiarity of the burial tradition with the accompanying equipment. The article deals with the history of the study of complex, the burial and settlement sites investigations in the period from 1958 to 2007. The deposits obtained are analytically examined.

Keywords: Moscow suburbs, the Middle Ages, ancient Russian population, archaeological excavations, Odintsovo burial mounds, funerary monuments, "mounds of seven pinnacles".

¹ АКР. 1997. С. 247. № 2669.

² Лазукин А.В., 2007. Ук. соч. С. 17–18.

³ Богомолов В.В. и др., 2009. Ук. соч. С. 281.

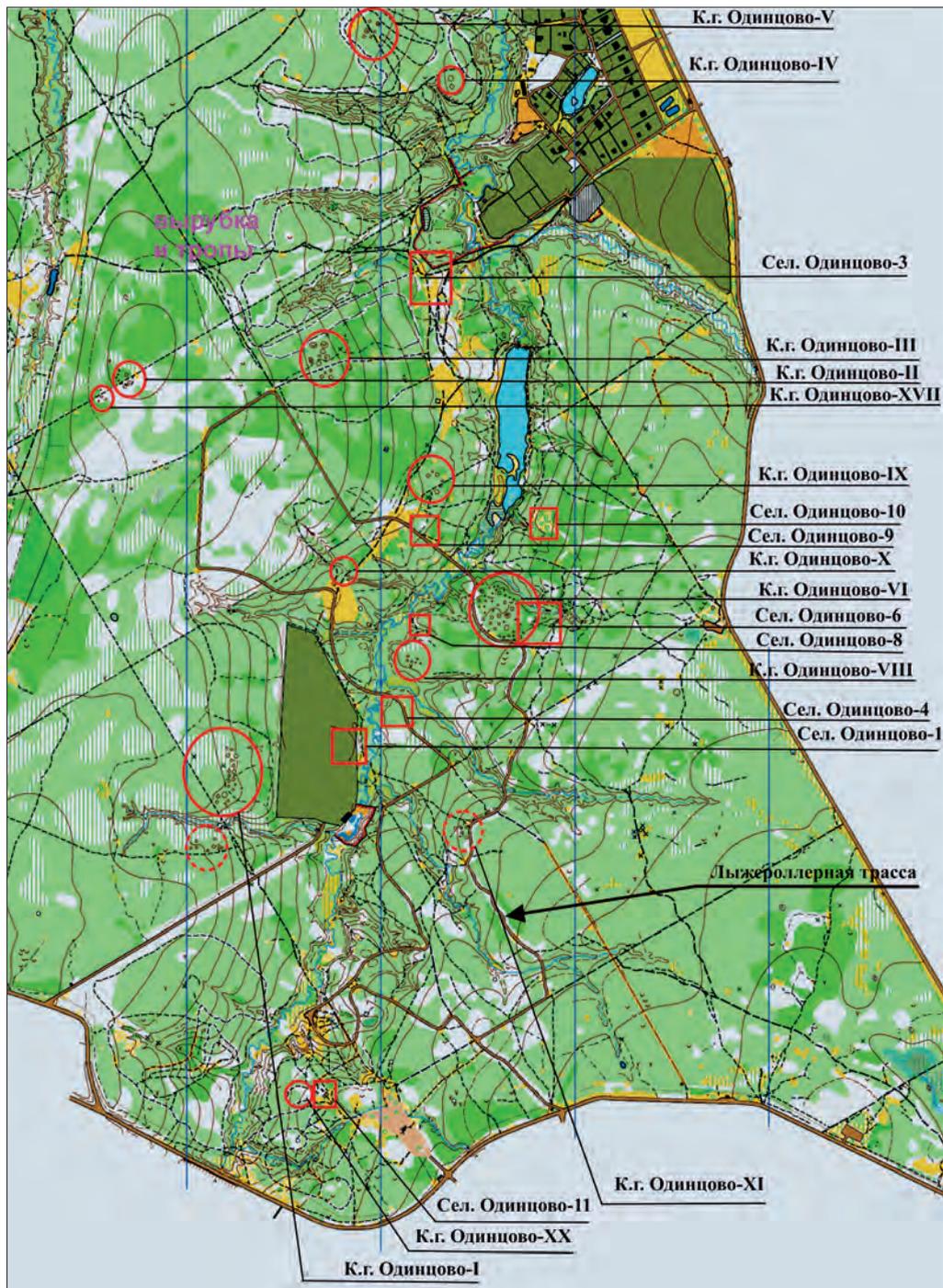

Схема центральной и южной части археологического комплекса «Одинцовские курганы»

Обломский А.М.

Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж

Аннотация. В статье опубликованы материалы горизонта раннеримского времени поселения Ярок-9, которое расположено в Верхнем Подонье в верховьях р. Воронеж (Мичуринский р-н Тамбовской обл.). На поселении обнаружена характерная лепная кухонная керамика (обломки горшков и крышек), фрагменты столовых сосудов, преимущественно мисок и кувшинов: лепных лощеных и сероглиняных гончарных, как с шероховатой, так и лощеной поверхностью. Из индивидуальных находок заслуживают внимание глиняные пряслица, бронзовая фибула, фрагменты бусины из египетского фаянса и железный наконечник стрелы. Горизонт раннеримского периода датируется I в. н.э. К нему относятся две постройки, серия хозяйственных ям и, вероятно, яма с жертвоприношением свиньи. В статье высказано мнение, что поселение Ярок-9 типично для памятников типа Иштутино, которые являются одной из территориальных групп позднескифской культуры.

Ключевые слова: Верхнее Подонье, верховья р. Воронеж, позднескифская культура, поселение Ярок-9, I в. н.э.

Николай Александрович Кренке в своих работах несколько раз обращался к теме южных связей населения позднедьяковской культуры в первые века н.э.¹ Ближайшая к бассейну Москвы-реки область концентрации памятников позднескифского и сарматского круга находится на территории лесостепного Подонья (рис. 1). В предлагаемой вниманию читателей статье публикуются материалы I в. н.э. поселения Ярок-9, одного из самых восточных в этом регионе (на рис. 1 оно обозначено под № 6).

Поселение занимает всхолмление высокой поймы левого берега р. Воронеж в 120 м к северу от северной окраины с. Ярок Мичуринского р-на Тамбовской обл., находится на противоположном от домов села берегу старицы, которая постоянно подпитывается родниками и представляет собой озеро (рис. 2). Следы заболоченной старицы видны и к востоку от поселения. Высота памятника над уровнем низкой поймы реки — 3 м. Его территория задернована, хотя ранее, как показали профили раскопов, была распахана. Западная часть разрушена небольшими овражками. К востоку от них и к западу от раскопа 2 видны следы каких-то сельскохозяйственных конструкций, видимо, временных. Культурный слой в центральной и восточной частях памятника сохранился хорошо. Размеры поселения по данным раскопок и выходам культурных остатков на поверхности — 170×15–70 м.

Памятник обнаружен С.И. Андреевым в 2009 г. В 2010 г. обследован С.И. Андреевым и автором статьи. В 2013–2014 гг. на поселении проведены раскопки, вскрыто 971 кв. м. Соотношение раскопов друг с другом показано на плане (рис. 3).

Общая толщина культурного слоя варьировала в пределах 0,25–0,65 м. В верхней части под дерном залегал слой пашни толщиной 0,1–0,37 м, его подстилал слой темно-серого песка, ниже залегал слой светлого слабо гумусированного песка. Толщина каждого из этих слоев колебалась в пределах от нескольких сантиметров до 10–20 см. В восточной части памятника нижняя светлая прослойка не прослеживалась. Материк представлял собой светлый песок, ниже которого залегали прослойки глины.

Из культурного слоя происходят материалы эпох неолита-энеолита (V–IV тыс. до н.э.), бронзы (середина III тыс. до н.э.—конец II тыс. до н.э.), раннеримского периода (позднескифского круга — I в. н.э.), раннего средневековья (вторая половина V–VI вв.). В незначительном количестве встречены находки раннего железного века (VI–III вв. до н.э.) и

¹ Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. С. 89–93.; Он же. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова (Раннеславянский мир. Вып. 17). М.: ИА РАН, 2016. С. 273–274.

нового времени (XIX–XX вв.), когда на месте поселения существовала бахча. Последние происходят, в основном, из слоя пашни.

Распределение основных групп керамики (эпохи бронзы; лепной кухонной, лепной лощеной, сероглиняной гончарной первых веков н.э.; груболепной со средним шамотом первых веков н.э. и раннего средневековья; с крупным шамотом в тесте раннего средневековья) практически одинаково: количество фрагментов плавно увеличивается сверху вниз до уровня 0,4–0,6 м, где оно становится максимальным, несколько снижается на глубине 0,6–0,8 м и резко падает ниже (в кротовинах на материке). Все эти данные свидетельствуют о сильной перемешанности культурного слоя: какой-либо тенденции в концентрации материалов того или иного хронологического периода на определенной глубине не наблюдается.

Ниже приводится описание объектов и материалов раннеримского времени. Находки позднеримского периода опубликованы¹.

Раскоп 1

Объект 1 (рис. 4: I, 1–5). Представлял собой подпрямоугольную в плане постройку, слабо углубленную в грунт. Перекрывался другой постройкой (объект 4), сливался с хозяйственной ямой (объект 37), в свою очередь перекрывал объект 11. Контуры прослежены в нижней части культурного слоя не по всему периметру сооружения, а с северо-западной, северо-восточной, частично с юго-западной сторон. Дно было плоским. Общая глубина котлована – до 0,19–0,21 м. Ширина постройки составляла 3,6 м, длина – не менее 3,8 м. Заполнение представляло собой темно-серый гумус, в нижней части которого имелись включения материкового песка. Из него происходит обломок сосуда эпохи бронзы (фатьяновского облика) и разнообразная лепная керамика первых веков н.э.: 1 фрагмент сосуда с дресвой в тесте, 28 обломков с мелким шамотом в тесте, 7 – с шамотом (включая средние по размеру зерна, встречены и примеси дресвы), 18 кусков печины. Все определимые обломки сосудов относятся к первым векам н.э. (рис. 4: 1–5).

Объект 3 (рис. 4: II, 6, 7). Подовальная в плане хозяйственная яма. Контуры прослежены на поверхности материка. В центральной части объекта зафиксировано углубление (до 0,25 м). Максимальная глубина ямы – 0,66–0,68 м. Размеры сооружения по верхним контурам – 2,18×1,97 м, в нижней части – 1,42×1,4 м, углубления в центре – 0,52×0,4 м. Заполнение объекта стратифицировано. В верхней его части залегала линза темно-серого песка толщиной до 0,52 м. Ее подстилал слой светло-серого песка. При разборке заполнения обнаружено 18 обломков груболепных сосудов с шамотом (преимущественно, мелким) и дресвой в тесте, в т.ч. выразительный фрагмент верхней части горшка первых веков н.э. (рис. 4: 6, 7).

Объект 5 (рис. 5: I). Подпрямоугольное слабо углубленное в грунт жилище, примыкающее к объектам 12 и 14, стратиграфическое соотношение с которыми выяснить не удалось. Северным углом выходило за пределы раскопа.

Очертания прослежены в нижней части культурного слоя. Юго-восточные контуры терялись в относительно темном грунте. Ширина сооружения – 3,5 м, длина – не менее 3,8 м. Уровень пола объекта определяется по основанию *очага*, который находился в его центральной части. Он представлял собой подовальную в плане глинобитную слабо обожженную площадку размерами 1,2×0,84 м. В центре площадка в толщину достигала 6 см, по краям – около 3 см.

¹ Обломский А.М. О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего средневековья // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / Ред. И.Л. Кызласов. М.: Авторская книга, 2016. С. 119–149.

Находок в тонком слое темно-серого песка, который представляло собой заполнение сооружения, очень мало: всего 13 невыразительных обломков лепных сосудов с мелким шамотом и дресвой в тесте. Один фрагмент гончарного сероглиняного сосуда по фактуре относится к новому времени. Он явно попал в сооружение из культурного слоя. По материалам из заполнения дату жилища определить невозможно, но поскольку по ориентировке оно совпадает с постройкой «объект 1» первых веков н.э., то, скорее всего, и объект 5 также относится к этому периоду.

Объект 6 (рис. 6: I). Круглая в плане, вероятно, столбовая яма глубиной 0,33 м. Размеры по верхнему краю составляют 0,62×0,7 м, в нижней части – 0,54×0,6 м. Заполнение представляло собой темно-серый песок. Из него происходят обломки груболепных сосудов с мелким шамотом и дресвой в тесте, по фактуре характерные для первых веков н.э., фрагмент стенки сероглиняного гончарного сосуда с шероховатой поверхностью.

Объект 11 (рис. 6: II, I). Представлял собой хозяйственную яму, точные контуры которой прослежены только с южной стороны. С севера она перекрывалась более поздними сооружениями. Общая глубина ямы составляла 0,4–0,42 м. Размеры сохранившегося участка по верхнему краю – 1,2×1,5 м, по дну – 0,9×0,85 м. Заполнение представляло собой серый гумус с включениями пятен материкового песка. Из него происходят 20 фрагментов груболепных сосудов, преимущественно, с мелким шамотом в тесте, в т.ч. выразительный обломок раструбообразного венчика с вдавлениями по краю, типичного для первых веков н.э. (рис. 6: I). Некоторые черепки наряду с шамотом содержали примесь дресвы. Найден также 1 обломок сосуда эпохи бронзы.

Объект 12 (рис. 5: II, 1–5). Примыкает к жилищу (объект 5), представляет собой овальную в плане хозяйственную яму глубиной 0,43–0,44 м. Размеры по верхнему краю составляли 1,4×1,18 м, в нижней части – 1,18×0,86 м. Заполнение представляет собой темно-серый песок. В верхней части ямы и над ней практически по всей ее площади зафиксировано скопление керамики *развал 3*. Оно состояло из 95 обломков лепных сосудов с мелким шамотом и дресвой в тесте. Формы сосудов, которые удалось реконструировать, характерны для первых веков н.э. (рис. 5: 1–5). Вне скопления в заполнении ямы найдены несколько невыразительных лепных черепков.

Объект 35 (рис. 6: III, 2, 3; 7: 1–5). В пределы раскопа вошел частично. Контуры прослежены на поверхности материка, максимальная глубина составляла 0,43 м. Размеры исследованной части по верхнему краю – 0,9×1,8 м, по дну – 0,52×1,5 м. Верхняя часть заполнения представляла собой темно-серую супесь толщиной до 0,27 м. Ниже до дна залегал светло-серый песок. Из ямы происходит 10 обломков груболепных сосудов, преимущественно с мелким шамотом в тесте, в т.ч. выразительный фрагмент венчика горшка первых вв. н.э. с насечками по краю (рис. 6: 2), 4 кусочка печины.

В верхней части заполнения ямы находилось скопление керамики *развал 7*. Оно занимало пространство 1,0×0,62 м. Состояло из черепков от разных сосудов: 7 – с мелким шамотом в тесте, 58 – с мелким шамотом и дресвой, 1 – с шамотом средней величины, 15 – с шамотом, 1 – с шамотом и дресвой. Выразительны обломки горшков и крышек первых веков н.э. (рис. 6: 3; 7: 1–5).

Объект 36 (рис. 7: 6–10; 8: I, 1–8). Овальная в плане яма. Контуры зафиксированы на поверхности материка, общая глубина составляет 0,45–0,49 м. Размеры по верхнему краю – 1,5×1,77 м, в нижней части – 1,2×1,0 м. В восточной оконечности объекта на его дне находилась овальная в плане столбовая яма размерами 0,38×0,32 м и глубиной 0,28 м. Заполнение было однородным и представляло собой темно-серую гумусированную супесь. В нем зафиксировано скопление керамики *развал 8*, которое занимало пространство 1,24×1,15 м. Оно состояло из обломков разных сосудов, как кухонных, так и столовых, причем один относился к катакомбной культуре эпохе бронзы, остальные – к первым векам н.э.: 2 – с мелким шамотом в керамическом тесте, 17 – с мелким шамотом и дресвой,

4 – с шамотом средней величины (из них 2 – с дополнительными включениями дресвы). Здесь же найдены 4 обломка слабо обожженных глиняных блоков. В скопление входили также днище лепного лощеного сосуда и обломок верхней части гончарной сероглиняной миски (рис. 8: 1–8).

Вне скопления из заполнения объекта происходят 26 обломков лепных сосудов с мелким шамотом в тесте и 24 лепных черепка с примесью мелкого шамота в сочетании с дресвой, фрагмент верхней части гончарной сероглиняной миски (рис. 7: 6–10), 5 кусков печины.

Объект 40 (рис. 9: 1). Почти примыкает к объекту 44, представляет собой круглую в плане хозяйственную яму глубиной 0,46–0,48 м. Размеры по верхнему краю составляли 1,4×1,4 м, в нижней части – 0,62×0,6 м. Заполнение объекта стратифицировано. В верхней его части залегала линза серой супеси толщиной до 0,3 м. Прослойка такой же супеси мощностью до 0,17 м зафиксирована на дне ямы. Прочее заполнение представляло собой темно-серую супесь. Из объекта происходят 21 маловыразительный фрагмент лепных сосудов, преимущественно, с мелким шамотом в тесте, 5 кусочков печины. Дата объекта до конца не ясна, но, скорее всего, судя по фактуре черепков, он относится к первым векам н.э.

Объект 45. Ритуальный комплекс (жертвоприношение) (рис. 10). В нижней части культурного слоя прослежено овальное в плане **пятно прокала** размерами 1,6×1,4 м с отдельными угольками на поверхности. Толщина прокала – до 0,19–0,28 м. При разборке пятна были найдены 4 обломка лепных сосудов с мелким шамотом в тесте, 1 – с мелким шамотом и дресвой, 1 – с шамотом и дресвой. В 2,1 м к югу от него находилось т.н. **погребение 1**, которое совершено в овальной в плане яме, ориентированной по оси северо-востока-восток – юго-запада-запад. Контуры ямы прослежены на поверхности материка, общая глубина составляла 0,6–0,66 м. Размеры по верхнему краю – 0,88×0,4 м, в нижней части – 0,68×0,23–0,28 м. В верхней части северо-западного борта ямы находилось розовое пятно размерами около 0,2×0,2 м, вероятно, след прокала ее стенок.

В нижней части ямы на 8–12 см выше ее дна, на правом боку головой к юго-западу-западу лежал скелет копытного животного, вероятно, свиньи. В целом, порядок расположения костей – анатомический, ноги были согнуты в коленях и положены вдоль края ямы. Череп животного стоял практически вертикально зубами книзу. Под скелетом до дна ямы залегал темный тлен с отдельными угольками. Под нижними конечностями найден кусок глиняной обмазки.

Каких-либо находок, которые можно было бы непосредственно отнести к «погребению», в яме не обнаружено. Встречены лишь разрозненные черепки, попавшие в ее заполнение из культурного слоя. Тем не менее, они очень показательны. Из заполнения происходят 3 обломка лепных сосудов с мелким шамотом в тесте, 4 неопределимых черепка. В нижней части ямы в районе скелета найдены 4 фрагмента лепных горшков с мелким шамотом в тесте и один – с шамотом и дресвой. По фактуре эта керамика в Ярке-9 характерна для первых веков н.э. К моменту засыпки ямы в культурном слое она уже содержалась. Яма, таким образом, была выкопана либо на каком-то (не самом раннем) этапе существования поселения первых веков н.э., либо позже.

Последовательность действий, приведших к созданию ритуального объекта, можно реконструировать следующим образом. Вначале на участке, где предварительно были сняты дерн и, вероятно, культурный слой (поскольку основание пятна прокала находилось в нижней части культурного слоя), был разведен костер, который некоторое время горел. Остатки костра после того, как он погас, были убраны (слоя угля на поверхности пятна прокала нет, встречены лишь отдельные угольки). Затем южнее была выкопана яма, а стенки ее были обожжены. В нижнюю ее часть была положена некая подстилка (темный тлен). На нее уложена туша животного с предварительно отделенной головой, которая была вертикально поставлена у стенки ямы. После всего этого яма была засыпана.

Объект 52 (рис. 9: II, 1–4). Овальная в плане хозяйственная яма глубиной 0,13–0,18 м. Размеры верхней части – 0,78×0,7 м, стенки ямы – почти отвесные. Заполнение представляло собой темно-серую однородную гумусированную супесь. В придонной части ямы зафиксировано скопление культурных остатков, которое занимало пространство 0,55×0,6 м. Из него происходят фрагмент сосуда эпохи бронзы и серия черепков лепных горшков железного века: 10 – с мелким шамотом в тесте, 9 – с шамотом (3 из них – с дополнительной примесью дресвы), 38 обломков глиняных блоков. Последние своеобразны, они имели вид пирамидок или усеченных конусов (рис. 9: I, 2). Венчики лепных горшков, происходящие из скопления, характерны для первых веков н.э. (рис. 9: 3, 4).

Объект 59 (рис. 11: I; 12: I). Представлял собой мелкую корытообразную яму глубиной не более 8 см, заполненную однородным темно-серым гумусированным песком. По этой причине ее контуры отчетливо «читались» только с северной стороны, а южные терялись в культурном слое. Частично сооружение «выходило» за пределы раскопа (в западном направлении). Размеры исследованного участка по верхнему краю составляли 3,2×0,9–1,0 м. Стенки были почти отвесными. Из заполнения происходят обломок венчика сосуда эпохи бронзы, немногочисленные фрагменты лепных сосудов с мелким и средним шамотом в тесте (иногда в сочетании с дресвой), характерные для первых веков н.э., в т.ч. и обломок венчика горшка с мелкими вдавлениями по срезу (рис. 12: I), фрагмент стенки лепного сосуда с относительно крупным шамотом и отверстием (следом ремонта). Судя по материалу из заполнения, сооружение относится к началу нашей эры.

Вдоль северной и восточной стенок объекта прослежены 4 столбовые ямы, заполненные однородным темно-серым песком (впрочем, не исключено, что три восточные относятся к расположенному рядом объекту 60). Их параметры приводятся ниже в таблице.

Обозначение ямы	Форма в плане	Размеры по верхнему краю (м)	Размеры по дну (м)	Общая глубина (м)
А	овальная	0,37×0,4	0,15×0,12	0,26
Б	овальная	0,58×0,4	0,23×0,1	0,16
В	овальная	0,4×0,38	0,2×0,1	0,05–0,07
Г	овальная	0,38×0,4	0,2×0,22	0,21–0,22

Находок в этих ямах не было.

Объект 62 (рис. 11: II; 12: 2). Дно было плоским, имело уклон к северу. Размеры по верхнему краю составляли 2,6×1,8 м, по дну – 2,4×1,67 м. В основании объекта прослежены две овальные ямы. Размеры северной из них по верхнему краю – 1,0×0,58 м, стенки – почти отвесные. Глубина составляет 0,17 м. Размеры южной по верхнему краю – 0,53×0,62 м, по дну – 0,3×0,38 м, глубина – 0,46 м. Общая глубина объекта – 0,11–0,25 м, не считая ям на его дне. Максимальная глубина вместе с ними – 0,52 м.

Заполнение объекта стратифицировано. В верхней его части залегала линза темно-серого песка толщиной до 0,42 м. Его подстилал светло-серый песок. Из заполнения происходит 13 обломков лепных сосудов с мелким шамотом в тесте (некоторые – с дополнительными включениями дресвы), в т.ч. и фрагмент венчика с вдавлениями по краю (рис. 12: 2), 3 черепка с шамотом средней величины, кусочек печины, мелкий обломок точильного камня.

Объект 66 (рис. 12: I, 3–6). В нижней части предматерикового слоя прослежено пятно неправильно-прямоугольной формы с нечеткими юго-западными контурами, где его край сливался с культурным слоем. При разборке заполнения выяснилось, что фактически в этом месте расположены 2 объекта – 66А и 66, причем первый явно перекрывал второй.

Объект 66А впушен в грунт непосредственно из-под слоя пашни, отличался относительно темным песчаным заполнением. Максимальная глубина объекта от уровня фиксации очертаний — 0,45 м, но реальная — на 0,1–0,15 м больше. Объект представлял собой овальную в плане яму размерами по верхнему контуру 1,3×1,4 м с почти отвесными стенками.

Из заполнения происходят 12 обломков лепных сосудов раннего железного века — раннеримского времени с примесью дресвы, мелкого и среднего шамота в тесте, в т.ч. фрагмент венчика горшка с пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 12: 3).

Объект 66 представлял собой подпрямоугольную слабо углубленную в материк постройку, юго-западные контуры которой прослежены не были, поскольку они «терялись» в предматериковом слое. Примерные размеры сооружения по верхнему краю — 2,55×2,3 м, на уровне плоского пола — 2,4×2,3 м. Общая глубина составляла 0,08–0,2 м. В северо-восточном углу зафиксирована столбовая яма диаметром по верхнему краю 0,38 м, по дну — 0,3 м, глубиной 0,11 м от уровня пола.

Заполнение было более светлым, чем у объекта 66А, но также однородным. Из него происходили 5 черепков сосудов эпохи бронзы, 40 обломков лепных горшков железного века с дресвой, мелким и средним шамотом, причем преобладали последние (рис. 12: 4–6), в т.ч. и характерный фрагмент венчика с вдавлениями по краю и переломом на внутренней части шейки, обломок венчика гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью (рис. 12: 4), 7 кусков печины. По набору керамики объект относится к раннеримскому времени.

Раскоп 3

Развал 3 (рис. 12: 7) занимал пространство 0,4×0,37 м в культурном слое. В его состав входили 9 обломков лепных сосудов с примесью мелкого шамота в тесте, типичных для первых веков н.э., в т.ч. и фрагмент шейки и бочка округлобокого горшка. Здесь же находился обломок ребра лепного сосуда с крупным шамотом в тесте, характерного для раннего средневековья. Не исключено, что в скопление керамики раннеримского времени он попал случайно.

Развал 5 (рис. 12: 8–10) залегал в культурном слое, занимал пространство 0,38×0,4 м. В состав скопления входили 33 обломка сосудов раннеримского времени с включениями мелкого шамота в тесте, в т.ч. венчик горшка, орнаментированный насечками.

Объект 3 (рис. 12: 11–16; 13–14) представлял собой хозяйственную яму максимальной глубиной 1,02 м. Размеры объекта по верхнему краю — 2,38×1,97 м, по дну — 0,9×0,8 м. В северо-западной части объекта находилась плоская ступенька с практически отвесными стенками шириной до 0,5 м.

Заполнение объекта стратифицировано. Большую его часть составляла линза серого гумусированного песка со светлыми пятнами общей мощностью до 1 м. Вдоль ее краев по периметру ямы были видны прослойки переотложенного материкового песка шириной до 0,2–0,3 м. Вдоль стенок объекта и в его придонной части залегала коричневая глина с песчаными включениями общей толщиной до 0,22 м. Материал распределялся следующим образом. Из верхнего слоя до глубины 0,4 м от края ямы происходит венчик горшка абашевской культуры эпохи бронзы, 48 обломков лепных сосудов первых веков н.э. с примесью мелкого и среднего шамота в тесте (иногда в сочетании с дресвой), фрагмент гончарного серолощеного сосуда, обломок лепного подлощенного сосуда, 9 кусков печины (рис. 12: 11–16). Вторая область концентрации материала находилась в придонной части и на дне ямы в глинистом слое. Отсюда происходит выразительный комплекс лепной керамики с мелким и средним шамотом в тесте, в т.ч. с дополнительными включениями дресвы, характерный для раннеримского времени (рис. 13, 14). Здесь же найдены 2 точильных

камня. По условиям залегания материалы из нижней части объекта составляют закрытый комплекс.

Объект 7 (рис. 15: I). Хозяйственная овальная в плане яма была перекрыта раннесредневековым жилищем (объект 2). Контур прослежены на уровне пола жилища. Глубина ямы составляет 0,27 м. Размеры по верхнему краю — 0,7×0,8 м, в придонной части — 0,54×0,6 м. Заполнение представляет собой серый гумус с включениями угля и мелких кусочков обмазки. Из него происходит 11 обломков лепных сосудов с мелким шамотом и дресвой в тесте, по фактуре характерных для первых веков н.э.

Объект 8 (рис. 15: II; 16: I–5). Представляет собой овальную в плане яму-погреб с боковой ступенькой-сходом. Максимальная глубина ямы — 0,67 м. Общие размеры по верхнему краю — 2,46×1,6 м, по дну — 1,4×1,56 м. Ширина плоской ступеньки, которая была вырезана в материке в восточной части объекта, — до 0,9 м.

Заполнение объекта стратифицировано. В верхней его части залегала линза темно-серого однородного песка толщиной до 0,32 м. Ниже до дна ямы ее подстилал перемешанный темно-серый песок с прослойками светлого песка. Вдоль стенок и дна объекта видны тонкие (до 0,18 м) линзы и пятна светлого слабо гумусированного песка. При разборке заполнения обнаружены 2 обломка сосудов эпохи бронзы и 42 фрагмента лепных сосудов с мелким шамотом в тесте, в т.ч. и с дополнительными примесями дресвы. Показателен обломок полой ручки крышки (рис. 16: I–5).

Объект 11 (рис. 15: III) в плане имел зигзагообразную форму. Размеры по верхнему краю составляли 2,0–2,1×4,33 м, по дну — 1,8×4,17 м. Общая глубина объекта — 0,3–0,33 м. На западной оконечности объекта была сделана небольшая ступенька шириной 0,5 м.

Заполнение представляло собой темно-серый однородный гумусированный песок. Из него происходят 8 обломков сосудов эпохи бронзы. Керамика железного века представлена 19-ю обломками лепных горшков с мелким шамотом в тесте (иногда с дополнительными примесями дресвы), которые на поселении Ярок-9 характерны для раннеримского времени. Яма, скорее всего, относится к этому же периоду.

Объект 12 (рис. 16: I, 6). Представляет собой овальную в плане мелкую яму. Южный край может быть определен лишь приблизительно. Размеры по верхнему краю — 2,32×1,2 м, по дну — 2,16×1,2 м. Общая глубина ямы — 0,19–0,2 м. В дне объекта имеются два дополнительных углубления, параметры которых приведены ниже в таблице.

Обозначение ямы	Форма в плане	Размеры по верхнему краю (м)	Размеры по дну (м)	Максимальная глубина (м)
А	овальная	0,5×0,4	0,4×0,36	0,11
Б	овальная	0,62×0,8	0,52×0,75	0,09

Заполнение представляло собой темно-серый гумусированный песок. Из него происходят 6 фрагментов лепных сосудов с мелким шамотом в тесте, в т.ч. обломок прямого венчика с насечками по краю (рис. 16: 6).

Объект 14 (рис. 16: II). Представлял собой неправильно овальную в плане яму, частично выходящую за пределы раскопа. Общая глубина объекта — 0,11–0,14 м. Размеры исследованной части объекта по верхнему краю — 2,2×1,3–1,7 м, стенки были почти отвесными.

Заполнение представляло собой однородный темно-серый песок. Из него происходят 48 обломков сосудов эпохи бронзы. К железному веку относятся 20 обломков лепных сосудов с мелким и средним шамотом в тесте, 1 обломок стенки лепного лощеного сосуда, 6 кусков печины. По составу керамики из заполнения яма относится к раннеримскому времени.

Раскоп 4

Объект 2 (рис. 17: I, 3) представлял собой аморфное пятно неправильных треугольных очертаний размерами 2,4×2,2 м. Стенки объекта почти отвесные, глубина составляла 0,18–0,21 м.

Заполнение было однородным и представляло собой темно-серый песок. В верхней его части зафиксированы два небольших пятна прокала грунта размерами 0,4×0,02–0,06 м северо-западное и 0,08×0,1 м юго-восточное. Толщина обоих пятен – не более 1 см. Из заполнения происходят 2 обломка стенок сосудов эпохи бронзы и лепная керамика раннего железного века – раннеримского времени (2 черепка с примесью дресвы в тесте, 7 – с мелким шамотом, 1 – с мелким шамотом и дресвой), 2 неопределимых обломка лепных сосудов, 4 кусочка пачины. Кроме того, удалось склеить довольно крупный обломок нижней части лепного сосуда с мелким шамотом и дресвой в тесте (рис. 17: 3).

Объект 3 (рис. 17: II, 1, 2). Представлял собой овальную в плане яму общей глубиной 0,37–0,41 м. Размеры по верхнему краю – 0,82×0,78 м, по дну – 0,67×0,65 м. Заполнение представляло собой однородный темно-серый песок. Из него происходит лепная керамика раннеримского времени (5 фрагментов сосудов с мелким шамотом в тесте, 10 – с мелким шамотом и дресвой), 8 неопределимых черепков, археологически целая крышка с мелким шамотом и дресвой в тесте. В нижней части ямы найден крупный обломок другой подобной крышки (рис. 17: I, 2).

Описание материала

Керамика раннеримского времени на поселении Ярок-9 делится на лепную кухонную с шероховатой поверхностью, лепную лошеную и гончарную сероглиняную.

Кухонная лепная керамика. Достоверно к этому периоду относится керамика трех технологических групп: с дресвой (раскоп 1 – 228 фрагментов, раскоп 3 – 197 фрагментов, раскоп 4 – 25 фрагментов), с мелким шамотом (раскоп 1 – 1479 фрагментов, раскоп 2 – 17 фрагментов, раскоп 3–705 фрагментов, раскоп 4–126 фрагментов), с мелким шамотом и дресвой в тесте (раскоп 1 – 1402 фрагмента, раскоп 2 – 5 фрагментов, раскоп 3 – 417 фрагментов, раскоп 4 – 102 фрагмента). Керамика этих рецептур представлена несколькими формами, неоднократно встреченными на памятниках позднескифского круга, в т.ч. и в Верхнем Подонье: округлобкими горшками, как с изогнутыми отогнутыми наружу, так и с раструбообразными венчиками. В последнем случае они часто подчеркнуты изнутри в месте шейки характерными ребрами. Венчики часто орнаментированы мелкими вдавлениями по краю, нанесенные пальцами или палочками с концами разного сечения. Изредка встречаются разнообразные налепы (рис. 18: 7, 8; 19: 4). Некоторые сосуды заглажены щепкой снаружи и изнутри, от чего остаются мелкие расчесы. Это является индивидуальной особенностью памятника. Днища горшков – плоские, иногда с выделенной снизу закраиной. Набор посуды дополняется крышками в виде отрезков сферы с полыми ручками (рис. 4: I–4, 6, 7; 5: I–5; 6: I–3; 7: I–4, 6–9; 8: I, 2, 4–6; 9: 3, 4; 12: I, 2, 6–15; 13: I–5; 14; 15: I–6; 17: I–3; 18: I–5, 7, 8; 19: I, 3–5, 8, 9, 12–17, 19–23). Встречены также обломки миниатюрных сосудов.

Типологическое описание приведенного выше комплекса лепной керамики поселений донской лесостепи сделано А.П. Медведевым¹. Основные керамические формы с аналогичной орнаментацией встречены на других поселениях первых веков н.э. Верхнего Подонья.

¹ Медведев А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. I / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 235.

Примерами могут служить городища Иштутино¹, Чертовицкое-3², Подгорное³, Вертячье⁴, Сырское⁵, Липецкое⁶, Малый Липяг⁷, селища Курино-1⁸, Замятино-14⁹, Студеновка-3, Пады-4¹⁰.

Четвертую и пятую группы лепной кухонной посуды составляет керамика с *шамотом средней величины* (раскоп 1 – 339 фрагментов, раскоп 2 – 2 фрагмента, раскоп 3 – 208 фрагментов, раскоп 4 – 126 фрагментов), с *такими же зёрнами шамота и дресвой в тесте* (раскоп 1 – 154 фрагмента, раскоп 3 – 110 фрагментов, раскоп 4 – 102 фрагмента). Датировать ее значительно сложнее, она имеет хронологически переходный характер. Часть профилированных обломков сосудов представлена теми же типами, что и сосуды, содержащие мелкий шамот в тесте, и орнаментирована в той же манере (рис. 7: 5; 12: 3; 18: 6; 19: 6, 10, 11, 18, 20). Эти сосуды относятся к первым векам н.э. Некоторые венчики горшков и обломки сковородок с высоким краем имеют параллели в древностях раннего средневековья¹¹. Днища сосудов четвертой и пятой групп – плоские, большинство придонных частей сосудов имеют прямые стенки, хотя встречены и днища с закраинами. На некоторых днищах видны отпечатки осей поворотных столиков. Таким образом, часть керамики с включениями среднего шамота в тесте относится к раннеримскому времени, а часть – к раннему средневековью.

Разумеется, деление зёрен шамота на мелкие, средние и крупные, условно. Не всегда величину этих зёрен можно установить. По этой причине часть обломков сосудов включены в седьмую (с *шамотом без более точного определения*) (раскоп 1 – 375 фрагментов, раскоп 2 – 33 фрагмента, раскоп 3 – 95 фрагментов) и восьмую (с *таким же шамотом и дресвой*) (раскоп 1 – 297 фрагмента, раскоп 2 – 25 фрагментов, раскоп 3 – 106 фрагментов) группы. Эта керамика может быть отнесена как к раннеримскому времени, так и к средневековью.

Лепная лощеная керамика. В тесте сосудов этой группы содержатся мелкие примеси шамота или дресвы. Поверхность может быть хорошо залощена, но встречены и обломки сосудов со слабым лощением или хорошо заглаженных с одной из сторон, т.н. подлощенных. Орнамент отсутствует. Фрагментов лепных столовых сосудов на раскопе 1 обнаружено 21, на раскопе 2 – 2, на раскопе 3 – 27, на раскопе 4 – 4 (рис. 8: 7; 16: 16; 20: 13–17). Типологически определяемыми являются обломки венчиков ребристой миски (рис. 20:

¹ Разуваев Ю.Д. Иштутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998. Рис. 6, 7.

² Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины 1 тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998. Рис. 3: 1, 2; 4.

³ Медведев А.П. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1996. Рис. 2: 1, 2, 4.

⁴ Разуваев Ю.Д. Бирюков И.Е. Городище первых вв. н.э. у с. Вертячье // Археологические памятники лесостепного Придонья / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1996. Рис. 2: 5–13.

⁵ Бирюков И.Е. Материалы сарматского времени с Сырского городища в Верхнем Подонье // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998. С. 94–100.

⁶ Бирюков И.Е. Среднее течение р. Воронеж в первые вв. н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2001. Рис. 6.

⁷ Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2001. Рис. 4: 1–8.

⁸ Бирюков И.Е. Материалы раннего железного века с поселения Курино-1 на р. Воронеж. // Археологические памятники лесостепного Придонья / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1996. Рис. 4.

⁹ Бирюков И.Е., Бессуднов А.Н. Поселение сарматского времени в районе Острой Луки Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2006. Рис. 4: 2; 5: 1, 2, 9; 6.

¹⁰ Бирюков И.Е. Среднее течение р. Воронеж в первые вв.н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. 2001. Рис. 4: 1–3, 5–10; 5: 1–6.

¹¹ Обломский А.М. О двух типах... С. 129, рис. 143, 144.

13, 15) и миски с Т-образным краем (рис. 20: 14). Найдены также обломки ручек сосудов (рис. 20: 16, 17).

Миски с прямым венчиком и ребром (рис. 20: 15) относятся к типу II по А.П. Медведеву и хорошо известны в раннеримское время в Верхнем Подонье¹. Ребристые миски с утолщением в верхней части венчика (рис. 20: 13, 14), очевидно, представляют собой подражания гончарным сероглиняным сосудам. В Верхнем Подонье они также встречаются².

Представляет интерес округлобокая миска без выраженных примесей в керамическом тесте с шероховатой внешней поверхностью и заглаженной внутренней (рис. 18: 9). Очень близкий по форме и пропорциям сосуд найден на селище Замятино-14³.

Гончарная сероглиняная керамика. Изготовлена на круге быстрого вращения, имеет хороший печной обжиг. На памятнике представлена фрагментами ребристых мисок с рифленой поверхностью, а также обломками кувшинов (рис. 7: 10; 8: 8; 12: 4; 20: 1–12). Последние, к сожалению, слишком измельчены и типологически неопределимы.

Поверхность гончарных сосудов может быть как лощенной, так и шероховатой. Формы при этом – одни и те же. По классификации гончарной керамики Верхнего Подонья первых веков н.э. А.П. Медведева в Ярке-9 представлены миски типов III (с треугольным в сечении венчиком и загнутой внутрь верхней части сосуда – рис. 20: 5–7, 11), V (ребристые с утолщенным плоским сверху подтреугольным в сечении венчиком – рис. 7: 10; 8: 8), VI (с прямым венчиком и параллельными концентрическими желобками на нем – рис. 20: 1–4)⁴.

На раскопе 1 фрагментов сероглиняных сосудов с шероховатой поверхностью обнаружено 65, с лощенной – 10, на раскопе 3, соответственно, – 13 и 10, раскопе 2 – 1 с шероховатой, а на раскопе 4 – 5 с шероховатой.

А.П. Медведев отмечает, что миски указанных выше типов имеют прямые параллели в Нижнем Подонье и на Кубани⁵. Вероятно, они и производились в гончарных центрах земли меотов. Аналогии всем формам мисок, представленных в Ярке-9, можно найти в обстоятельной публикации И.С. Каменецкого⁶.

Из индивидуальных находок к раннеримскому времени относятся обломки пряслиц с относительно узкими отверстиями, которые по этому признаку отличаются от ранне-средневековых изделий. Из них 7 имеют бочонковидную форму, 3 – округло-биконическую, 1 – усеченно-коническую (рис. 9: 2–4; 10: 2). Своеобразны обломки глиняных пирамидальных изделий из объекта 52, найденные вместе с керамикой первых веков н.э. (рис. 9: 1, 2). Они похожи на хорошо известные в позднескифских древностях Нижнего Поднепровья очажные подставки⁷.

Наиболее показательна для определения даты позднескифского горизонта памятника лучковая подвзвзная бронзовая фибула. Она, к сожалению, сильно деформирована (рис. 20: 24), относится к серии 1 варианту 1 по А.К. Амброзу⁸. А.К. Амброз датировал их

¹ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи / Ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1987. С. 98.

² Там же, рис. 2: 12, 14.

³ Бирюков И.Е., Бессуднов А.Н. Поселение сарматского времени в районе Острой Луки Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2006. Рис. 4: 1.

⁴ Медведев А.П. Керамика сарматского времени... С. 95, рис. 1: 3–6, 8, 9.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Каменецкий И.С. Сероглиняные миски Пашковского 6 городища // Боспорский сборник. Вып. 5. М.: Научно-исследовательский археологический центр «Фарсал», 1994. Рис. 6; 20: 1, 2; 22: 2495, 2519, 2524; 26: 2579, 2582, 2593; 27; 28 и др.

⁷ Погребова И.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. № 64. М.: Наука, 1958. Рис. 37: 1–5; 40: 22; 42: 12; 49.

⁸ Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э.–IV в.н.э. // Свод археологических источников. Вып. Д1–30. М., 1966. С. 48.

I в. н.э., возможно, первой его половиной. В.В. Кропотов относит такие фибулы ко второму варианту серии I и датирует их, в основном, второй половиной I в. до рубежа I/II вв.¹

Обломок рифленой округлой бусины из египетского фаянса (рис. 20: 3I) датируется довольно широко. По Е.М. Алексеевой, бусы такой формы крупных размеров относятся к типам 13 и 16 и суммарно датируются I в. до н.э.—II в. н.э.² Недавно подобные бусы были проанализированы О.С. Румянцевой. Основной период их использования она относит к I—II вв., но отмечает, что в Подунавье, на Северном Кавказе и в Абхазии округлые рифленые бусы известны и позже — до VI в.³

В Верхнем Подонье изделия из египетского фаянса неоднократно найдены в закрытых сарматских комплексах, в основном, могильниках на р. Воронеж. По наблюдениям А.П. Медведева, они датируются I—началом II вв.⁴ Отмечу, что ни в одном из комплексов ни позднеримского, ни гуннского времени, ни раннего средневековья в лесостепном Подонье фаянсовые бусы не встречены. По всей видимости, и экземпляр из поселения Ярок-9 относится на этом памятнике к горизонту раннеримского времени, который по лучковой фибуле ориентировочно датируется I в. н.э.

Не исключено, что к этому же периоду относится и обломок трехлопастного наконечника стрелы (рис. 20: 25).

Из объектов к раннеримскому времени на раскопе 1 относятся две постройки (объект 1 и, вероятно, 5) и серия хозяйственных ям, перечисленных выше. Большинство из этих сооружений группируется в центральной и восточной части исследованной площади, т.е. в наиболее высоком месте восточной части памятника (рис. 2, 3). Не исключено, что к этому же периоду относится и жертвоприношение свиньи (объект 45 раскопа 1).

Культура поселений Верхнего Подонья первых веков н.э. пока не имеет однозначно принятого всеми названия. Погребальные памятники этого времени А.П. Медведев считает сарматскими, отмечая своеобразие северных для этого региона Новоникольского и Вязовского могильников с архаическими местными чертами⁵. На поселениях обитали «потомки лесостепных скифоидных племен»⁶. Тем самым указывается, что население городищ и селищ первых веков н.э. отличалось от верхнедонского сарматского, что не исключает тесного взаимодействия и даже симбиоза его обитателей с носителями сарматской культуры.

К сожалению, монографическое исследование памятников оседлого населения Верхнего Подонья первых веков н.э. пока отсутствует, тем не менее, публикации этих древностей периодически появляются в печати. Наиболее полная характеристика их дана А.П. Медведевым, изданы также карты⁷.

Я предлагал считать оседлое население донской лесостепи одной из групп позднескифской культуры (по параллелям в керамике, некоторым типам украшений и т.д.)⁸, что вызвало критику А.П. Медведева. Суть ее сводится к следующему. Во-первых, термин «позднескифские памятники» в скифо-сарматской археологии закрепился за древностями Нижнего Поднепровья и Крыма. Во-вторых, сам термин носит этнический оттенок, что

¹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ—Украина, 2010. С. 72—74.

² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1—12, ч. 1. М.: Наука, 1975. С. 33—34.

³ Румянцева О.С. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II—III вв. н.э. // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. С. 351.

⁴ Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. С. 45—50.

⁵ Там же. С. 104—107.

⁶ Медведев А.П. III Чертовицкое городище... С. 43.

⁷ Медведев А.П. Археологические материалы...; Бирюков И.Е. Среднее течение р. Воронеж...

⁸ Обломский А.М. Позднесарматские и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов / Ред.: В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 78—81.

приводит к возможности «прямолинейной исторической и этнической интерпретации (по принципу «позднескифские памятники»—«позднескифское население»), на деле кардинально искажающей реальные этнокультурные процессы в том или ином регионе»¹.

В качестве более нейтрального И.Е. Бирюков ввел термин «постскифские памятники»². Тот же термин недавно прозвучал в статье Н.А. Гаврилюк и М. Матеры, но применительно к материалам Нижнего Поднепровья. Авторы статьи также выступают против «дополнительной этнической окраски» древностей последних веков до н.э.—первых веков н.э. этого региона³.

А.П. Медведев — признанный специалист по скифо-сарматской археологии, и он не может не принимать во внимание, что использование этнических терминов по отношению к конкретным культурным группам в этой отрасли археологической науки возникло еще в момент ее зарождения и уже имеет солидную историографическую традицию. Я сам — не сторонник «приклеивания археологическим культурам этнических ярлыков», но, чтобы не создавать путаницы, пользовался уже устоявшимся термином. Кстати, к позднескифской культуре относят не только древности Крыма и Нижнего Поднепровья, а еще и Нижнего Приднестровья, западной части Северного Причерноморья⁴.

Выступая против этнической «позднескифской» окраски, А.П. Медведев, тем не менее, неоднократно отмечал, что население верхнедонских городищ и селищ было местным, не сарматским, и состояло из потомков племен предшествующей скифоидной культуры⁵, т.е. связь оседлого населения первых веков н.э. и скифского времени в лесостепном Подонье все же признается. Тогда в чем же суть спора?

Чтобы избежать продолжения дискуссии о терминах, я предлагаю назвать древности оседлого населения Верхнего Подонья рубежа эр — I—II вв. н.э. — «памятниками типа Ишутино». Ишутинское городище в свое время дало достаточно яркий материал для их характеристики. Разумеется, не менее интересные материалы происходят из раскопок и других памятников (Чертовикское-3, Сырское, Животинное и т.д.), но они, как правило, многослойные, и уже неоднократно фигурировали в различных исследованиях о других эпохах.

К востоку от Днепра памятники, на которых найдена лепная керамика, близкая к происходящей с верхнедонских поселений, известны на территории Днепроовского Левобережья (Ратское и Битицкое городища)⁶. Восточнее поселения с очень похожим керамическим комплексом известны на Самарской Луке Волги (Царев Курган, городище Лбище)⁷. В

¹ Медведев А.П. Археологические материалы... С. 113—114.

² Бирюков И.Е. Постскифская волна от Дона до Волги (сравнительный анализ поселений Подонья и Поволжья первых вв. н.э.) // Форум «Идель—Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель—Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7—11 декабря 2009 г. Тезисы докладов / Ред.: Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 39—41.

³ Гаврилюк Н.О., Матера М. Пізньоскіфські чи постскіфські городища Нижнього Подніпров'я // Археологія. Вып. 4. Київ, 2016. С. 121—135.

⁴ Гудкова А.В. I—4 вв. в Северо-западном Причерноморье. (Культура оседлого населения) // Stratum plus. Вып. 4. Кишинев: ВАШ, 1999. С. 242—270.

⁵ Медведев А.П. III Чертовикское городище... С. 43; Он же. Сарматы в верховьях Танаиса. С. 114.

⁶ Обломский А.М. Днепроовское лесостепное Левобережье в позднеимское и гуннское время (середины III—первая половина V вв. н.э.) // Раннеславянский мир. Вып. 5. М.: Наука. С. 14; Енуков В.В. Медведев А.П., 2003. О новом типе поселений в бассейне р. Сейм // Stratum plus. Вып. 4. 2001—2002. Кишинев: ВАШ, 2002. С. 253—257.

⁷ Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I—V вв. н.э. // Раннеславянский мир. Вып. 7. М.: ИА РАН. СОИКМ, 2005. С. 17—23; Матвеева Г.И. К вопросу о хронологии городища Лбище // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох / Ред.: Д.А. Сташенков. Самара, 2003. С. 90—93; Обломский А.М. Позднерубинские и позднескифские памятники...; Бирюков И.Е. Постскифская волна...

последнее время появились сведения о материалах того же культурного круга на некоторых памятниках района г. Саратова¹. Наиболее близок к древностям типа Иштутино набор посуды Алексеевского городища². В южной части лесной зоны на южных притоках Оки локализуются древности типа Ново-Клейменово, в керамическом комплексе которых, наряду с позднедьяковскими, ошутимы южные, вероятно, верхнедонские элементы³. Тем не менее, памятники типа Иштутино остаются пока наиболее многочисленными из всех групп древностей позднескифской культуры к востоку от Днепра (рис. 21).

Статья написана в рамках программы фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность».

Andrey M. Oblomskiy

Materials of the Early-Roman period on the settlement Yarock-9 in the upper reaches of the Voronezh River

Abstract. The article presents the materials of the Early Roman horizon of the settlement Yarock-9, which is located in the Upper Don region in the upper reaches of the Voronezh River (Michurinsk district, Tambov region). Hand-made kitchen ceramics (fragments of pots and lids), fragments of table vessels, mainly bowls and jars: hand-made polished and grey wheel pottery with rough and polished surfaces were found in the settlement. Among individual finds clay whorls, a bronze fibula, fragments of beads of Egyptian faience and an iron arrowhead attract most attention. The Early Roman period horizon is dated to the first century AD. Objects include two buildings, household pits and probably the pit with the sacrifice of a pig. In the article the opinion expressed, that the settlement Yarock-9 is typical for archaeological sites of Iштутино type, which are one of the territorial groups of the late Scythian culture.

Keywords: The Upper Don region, the upper reaches of the Voronezh river, late Scythian culture, settlement Yarock-9, I century AD.

¹ Хреков А.А. О культуре саратовских городищ в первой половине 1 тыс. н.э. // Археологическое изучение Центральной России / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2006. С. 251–254.

² Юдин А.И. Алексеевское городище правобережья Волги в первые вв. н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3. / Ред.: А.Н. Бессуднов. Липецк–СПб: ЛГПУ, ИИМК РАН, 2007. Рис. 3–7.

³ Воронцов А.М. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти 1 тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. № 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 57–68.

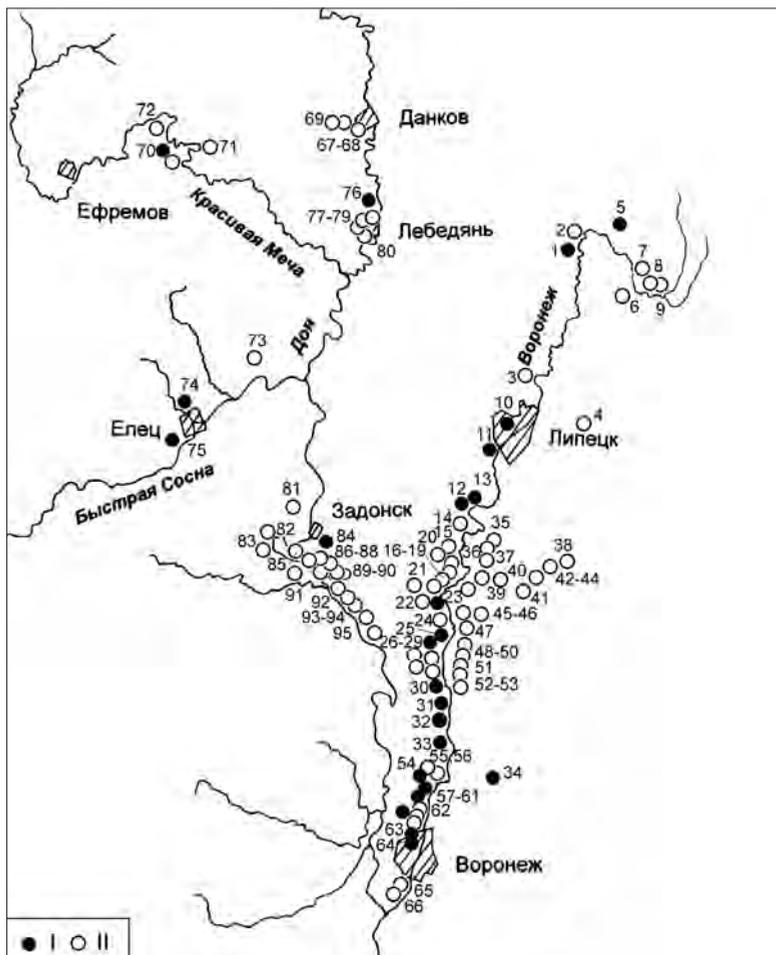

Рис. 1. Карта поселений первых веков н.э. в Верхнем Подонье (по И.Е. Бирюкову, А.П. Медведеву, с дополнениями автора)

I – городище; II – селище. 1 – Гудово; 2 – Делеховое; 3 – Большая Кузьминка-4А; 4 – Профилакторий НЛМК; 5 – Преображенвка; 6 – Ярок-9; 7 – Ярок-5; 8 – Стаево-5; 9 – Стаево-4; 10 – Липецкое городище и прилегающие селища; 11 – Сырское; 12 – Малый Липяг; 13 – Крутогорье; 14 – Пады-4; 15 – Бригантина; 16–19 – Вербилово-3, 5, 6, 8; 20 – Малинино; 21 – Стерляговка; 22–23 – Вертячье, городище, селище; 24 – Курино-1; 25 – Подгорное; 26–29 – Манино, городища, селища 2, 3, 4; 30 – Маланино; 31 – Сенное; 32 – Пекшево; 33 – Ивница; 34 – Каверино; 35 – Гудовский кордон; 36 – Вербиловский кордон; 37 – Малининский кордон; 38 – Круча; 39, 40 – Первомайский кордон-1, 2; 41 – Лесохимический участок-1; 42–44 – Куликово-1, 17, 25; 45, 46 – Любовещкое оз.-2, 5; 47 – Круглое-1; 48–50 – Савицкое-1, 8, 18; 51 – Излегоще; 52, 53 – Усть-Излегоще-1, 2; 54 – Животинное; 55–56 – Староживотинное-3, 5; 57–61 – Чертовицкое, городища 4, 3, 1, селища 3, 6; 62 – Чертовичская стоянка; 63 – Белая Гора-2; 64 – Михайловский кордон; 65 – Стрельбище; 66 – Чижовское-2; 67–68 – Новоникольское-1, 2; 69 – Солнечный; 70 – Ишутино, городище, селище; 71 – Шилово-2; 72 – Красногорье; 73 – Скороварово; 74 – Пажень; 75 – Воргол; 76 – Романово; 77–79 – Лебедянь–птицефабрика, 3, Тяпкина гора; 80 – Покрово-Инвалидная; 81 – Студеновка-3; 82 – Крюково; 83 – Каменка; 84 – Верхнее Казачье, городище; 85 – Нижнее Казачье-10; 86–88 – Замятино-5, 8, 14; 89–90 – Ксизово-17, 19; 91 – Мухино; 92 – Старо-Дубовое; 93–94 – Елец-Маланино-2, 3; 95 – Хлевное-2.

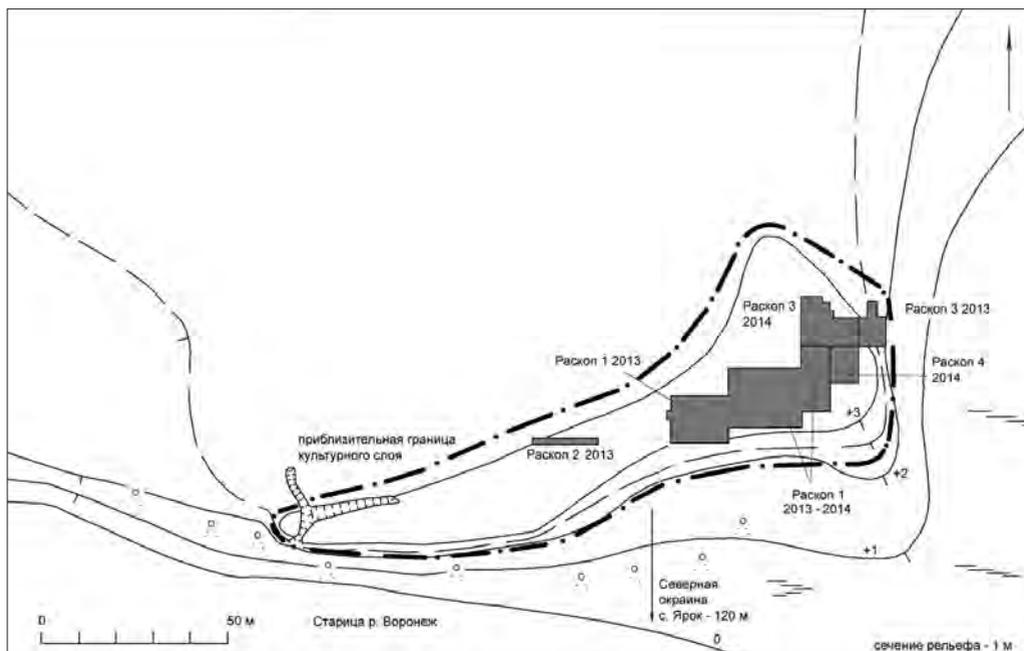

Рис. 2. План поселения Ярок-9

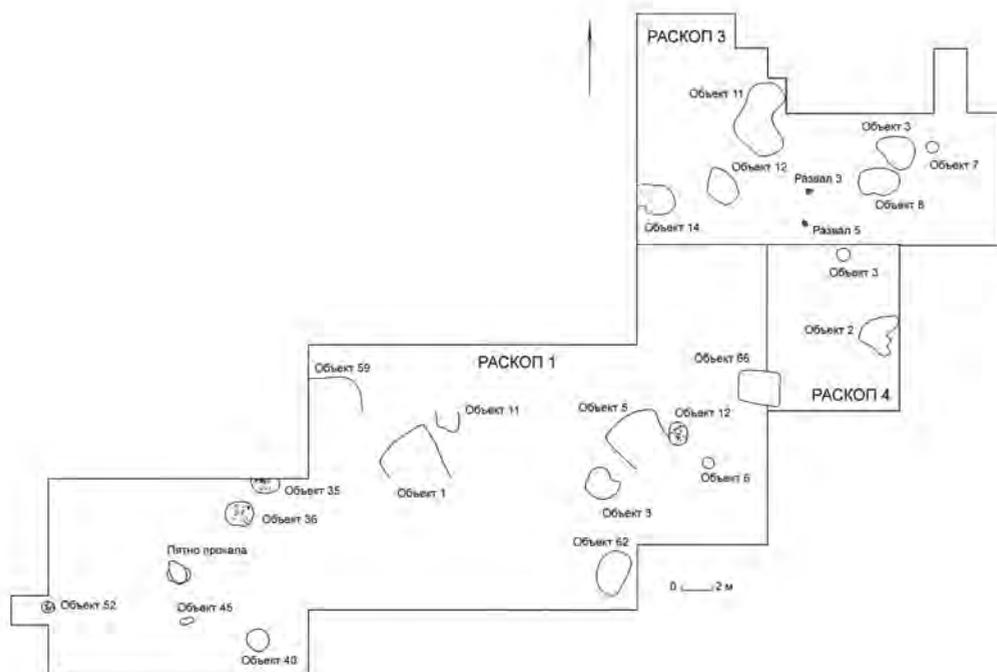

Рис. 3. Ситуационный план раскопанных площадей с обозначением объектов

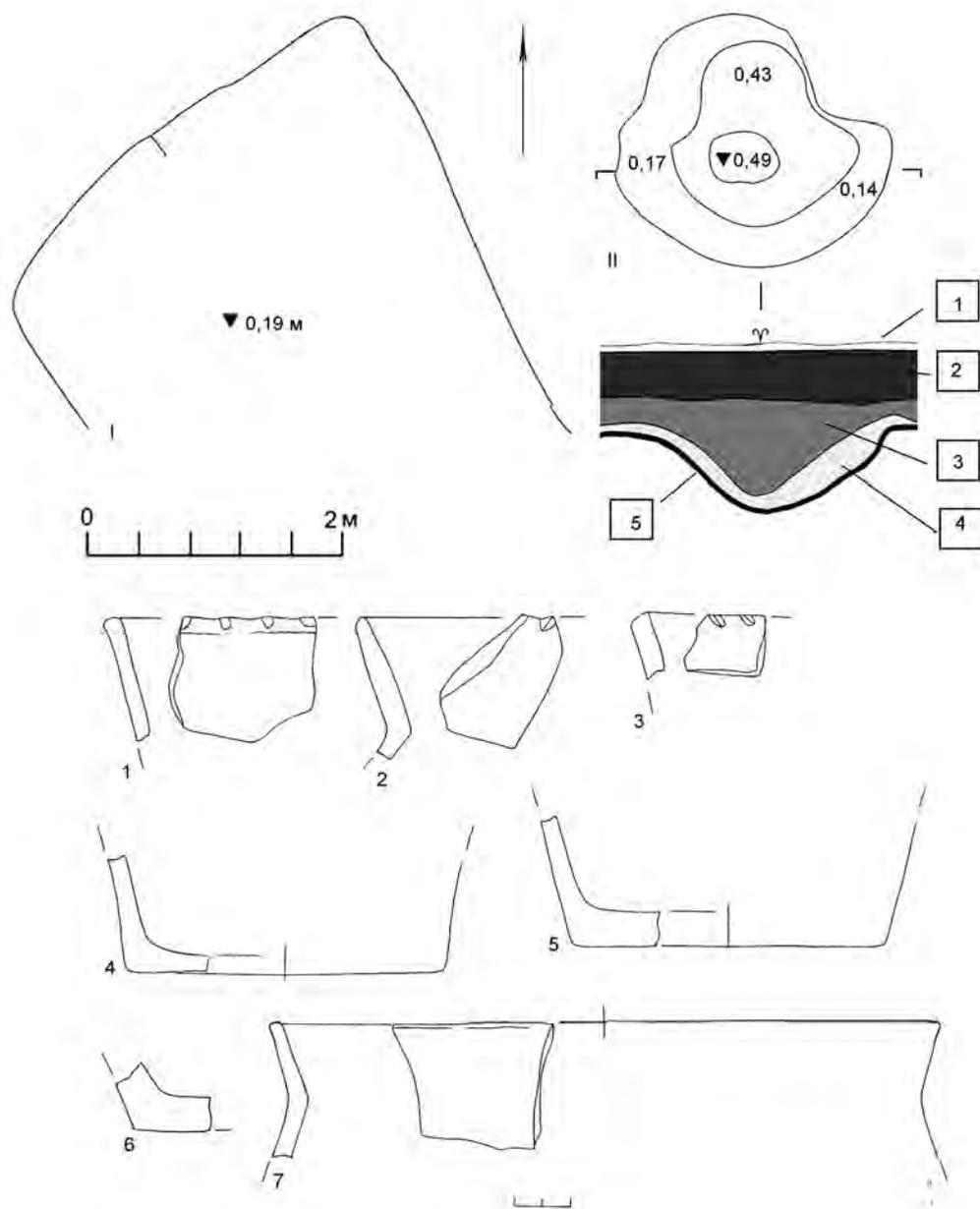

Рис. 4. Раскоп 1, объекты 1 (I) и 3 (II)

1–5 – груболепная керамика из заполнения объекта 1 (1, 2, 4 – с мелким шашотом и дресвой в керамическом тесте; 3 – со средним шашотом; 5 – с мелким шашотом); 6, 7 – груболепная керамика с мелким шашотом в керамическом тесте из заполнения объекта 3.

В квадратах: 1 – дерн; 2 – пашня; 3 – темно-серый песок; 4 – светло-серый песок; 5 – материк.

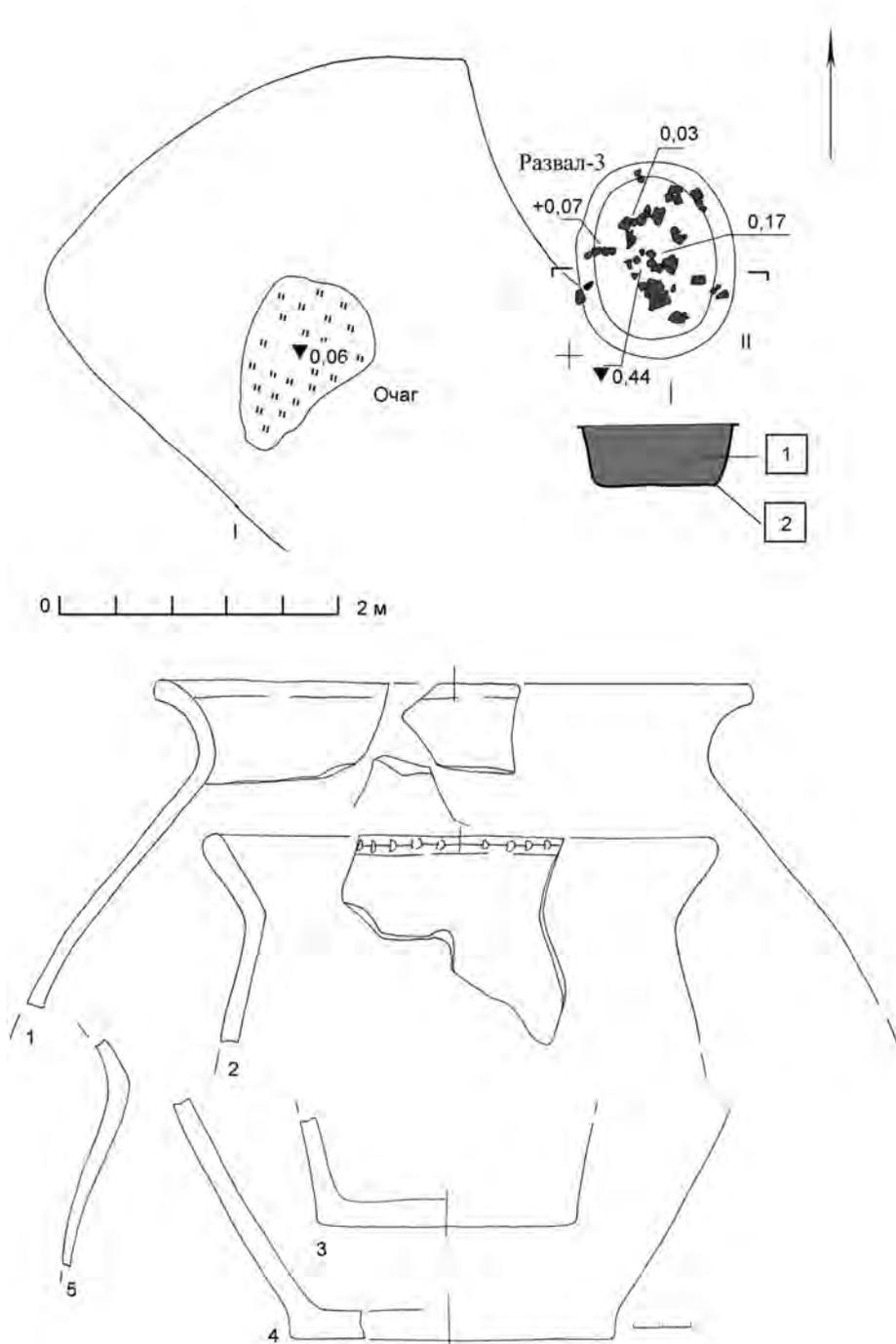

Рис. 5. Раскоп 1, объекты 5 (I), 12 и развал 3 (II)

1–5 – развал 3, груболепная керамика с мелким шамотом в тесте.

В квадратах: *1* – темно-серый песок; *2* – материк.

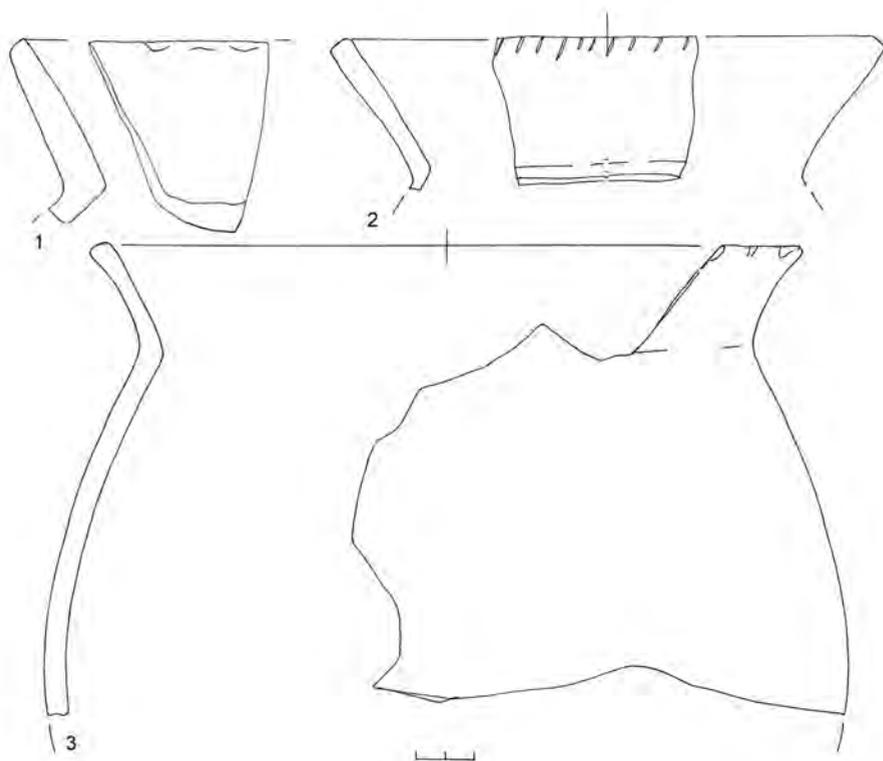
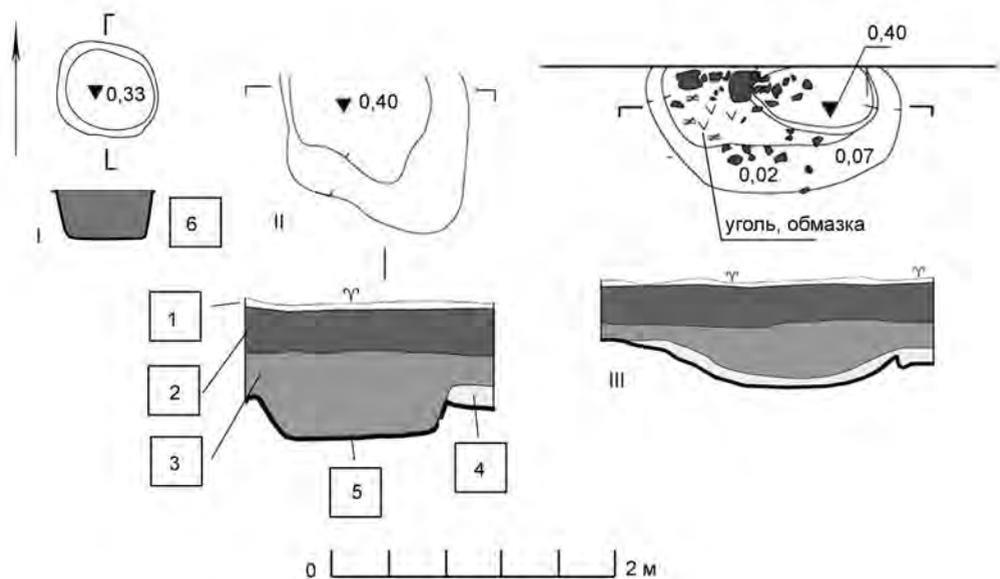

Рис. 6. Раскоп 1, объекты 6 (I), 11 (II), 35, развал 7 (III)

1, 2 – груболепная керамика с мелким шамотом в керамическом тесте; 3 – фрагмент груболепного горшка с мелким шамотом и дресвой в тесте; 1 – объект 11; 2 – объект 35; 3 – развал 7.

В квадратах: 1 – дерн; 2 – пашня; 3 – темно-серый песок; 4 – светло-серый песок; 5 – материк.

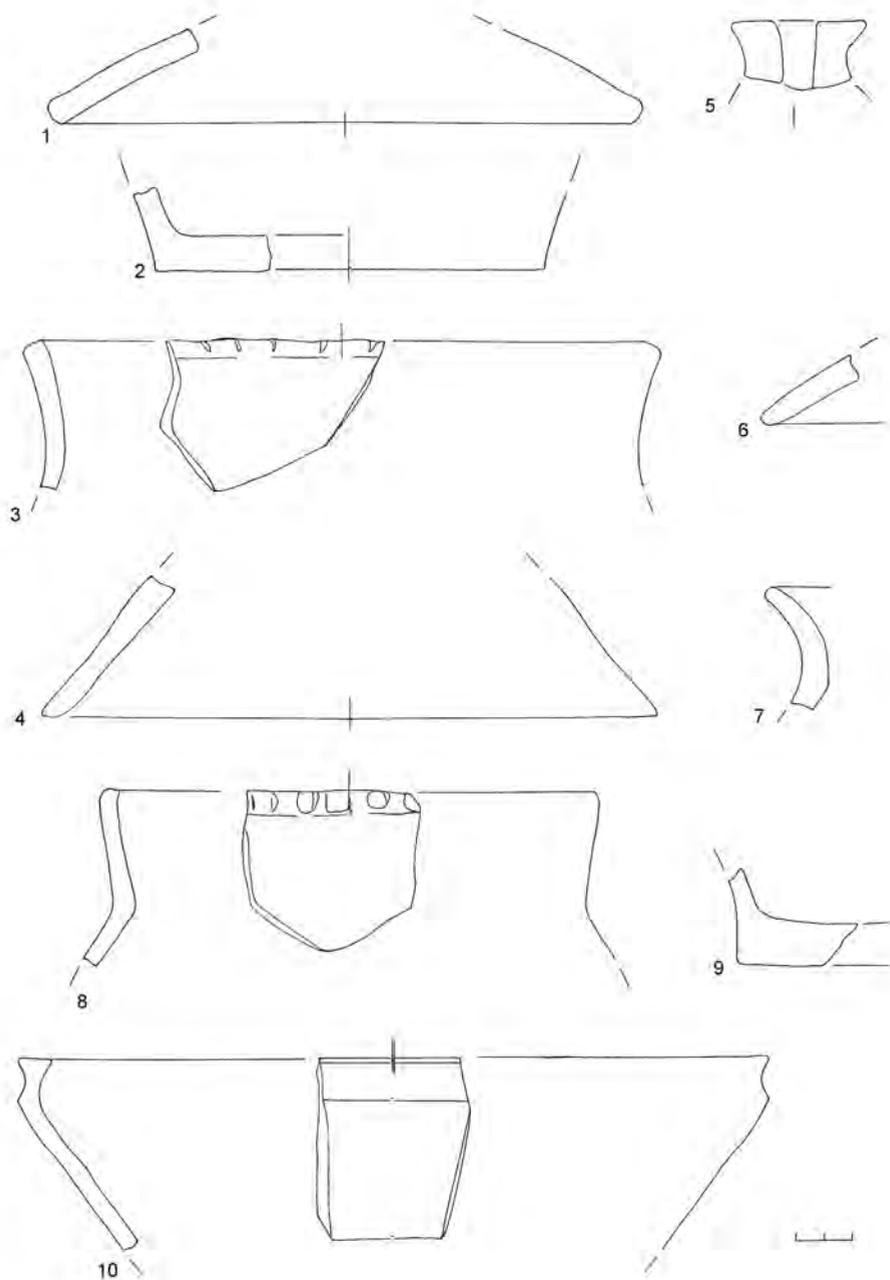

Рис. 7. Раскоп 1, керамика из развала 7 (1–5) и объекта 36 (6–10)

1–4, 6–9 – груболепная керамика с мелким шамотом в керамическом тесте; 5 – фрагмент крышки со средним шамотом; 10 – фрагмент сероглиняной гончарной миски с шероховатой поверхностью.

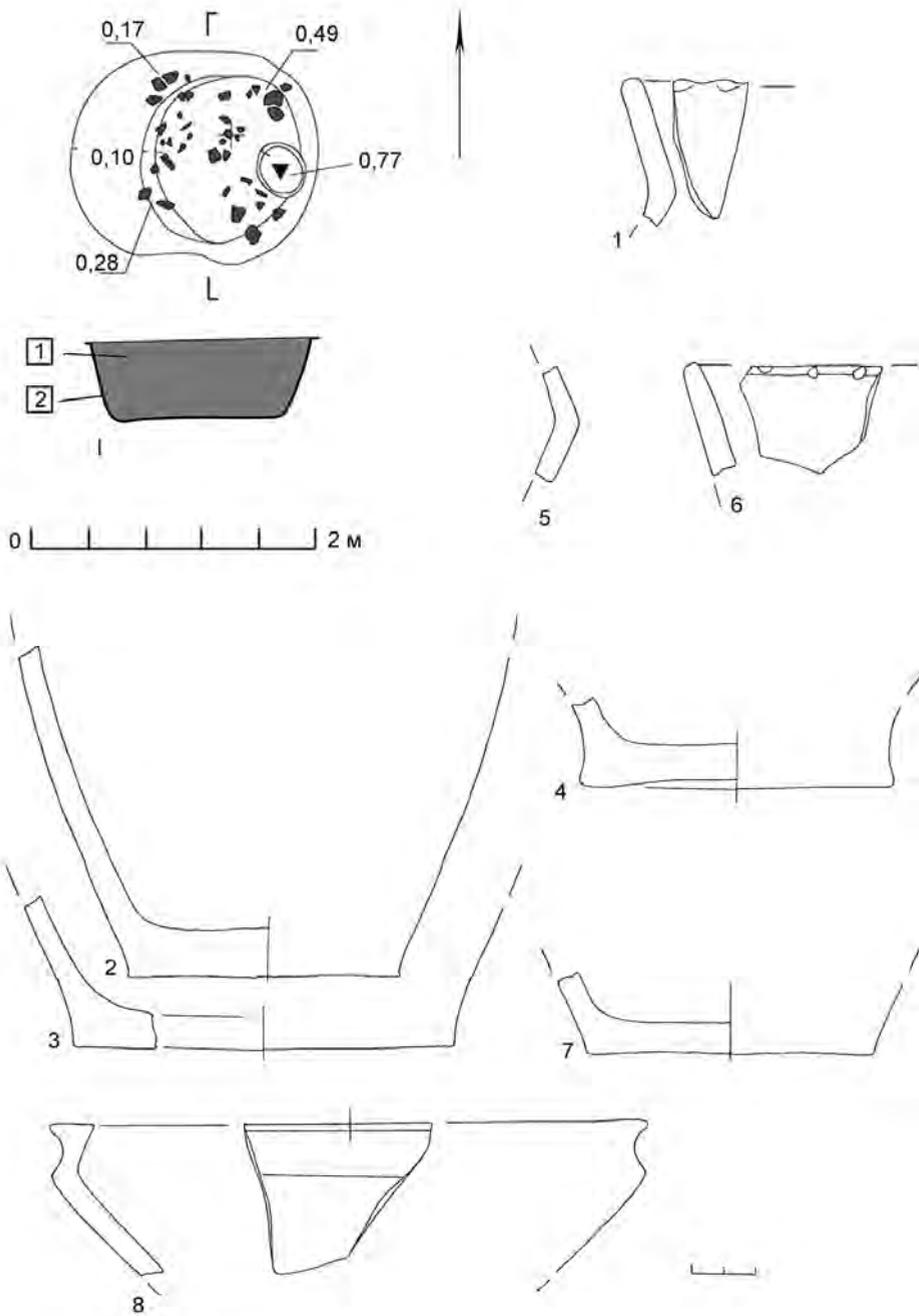

Рис. 8. Раскоп 1, объект 36 (I) и керамика из развала 8 (1–8)

1, 4–6 – грубелепная керамика с мелким шамотом в керамическом тесте; 2 – фрагмент сосуда с мелким шамотом и дресвой; 3 – фрагмент сосуда со средним шамотом; 7 – фрагмент лепного серолощеного сосуда; 8 – фрагмент сероглиняной гончарной миски с шероховатой поверхностью. В квадратах: 1 – темно-серый песок; 2 – материк.

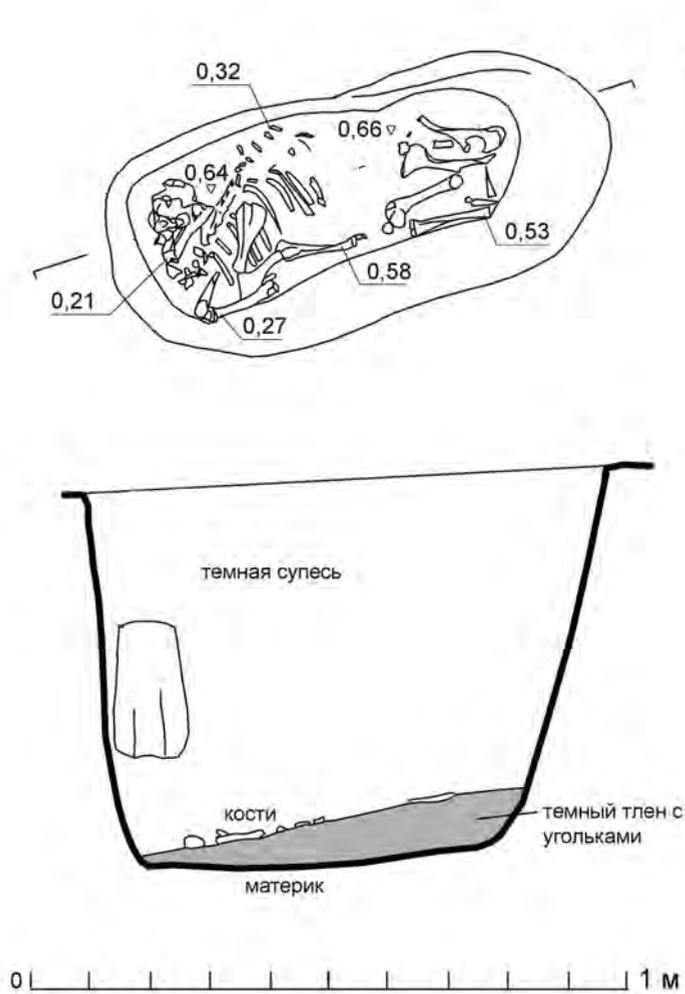

Рис. 10. Раскоп 1, объект 45

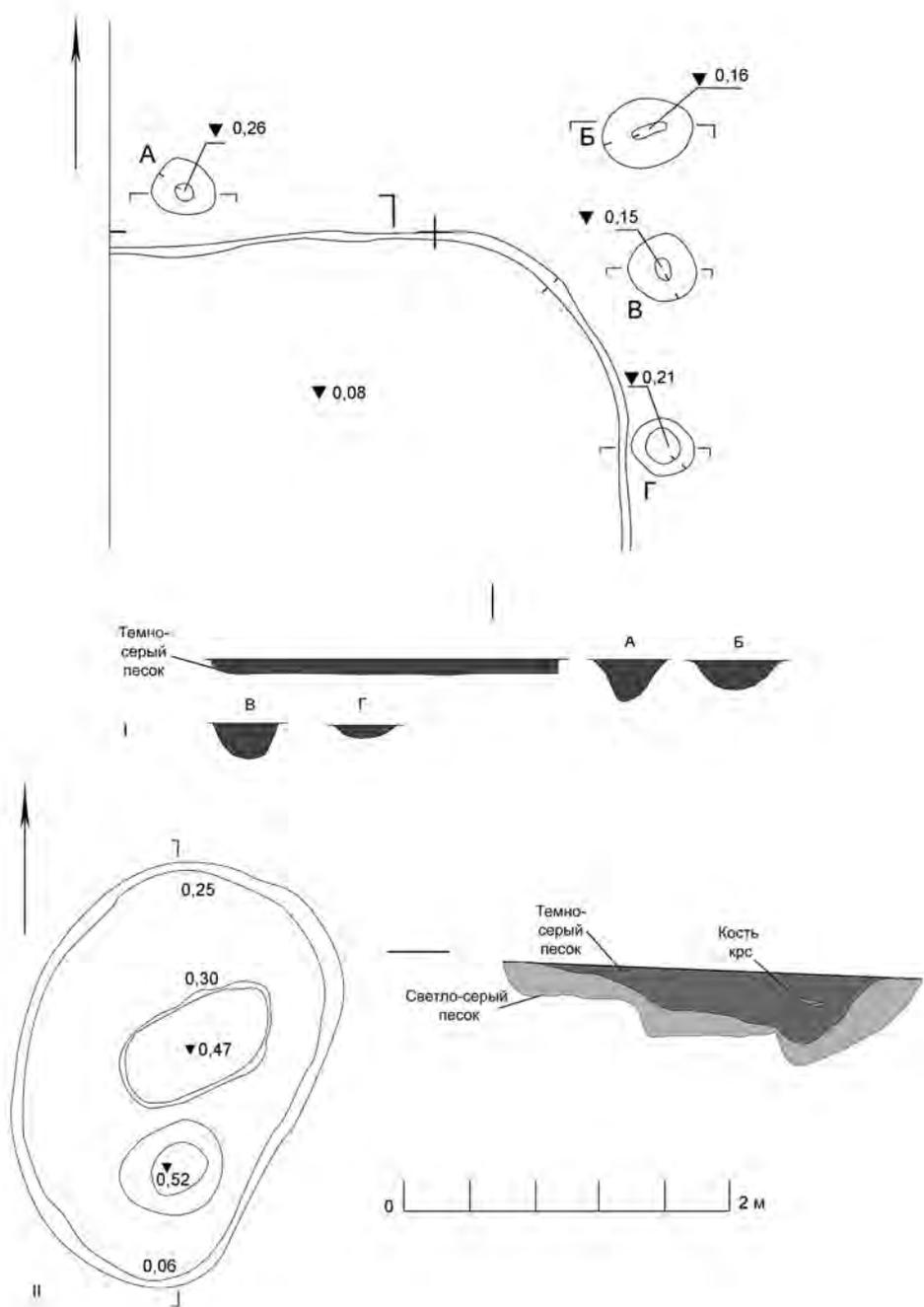

Рис. 11. Раскоп 1, объекты 59 (I), 62 (II). Планы, профили

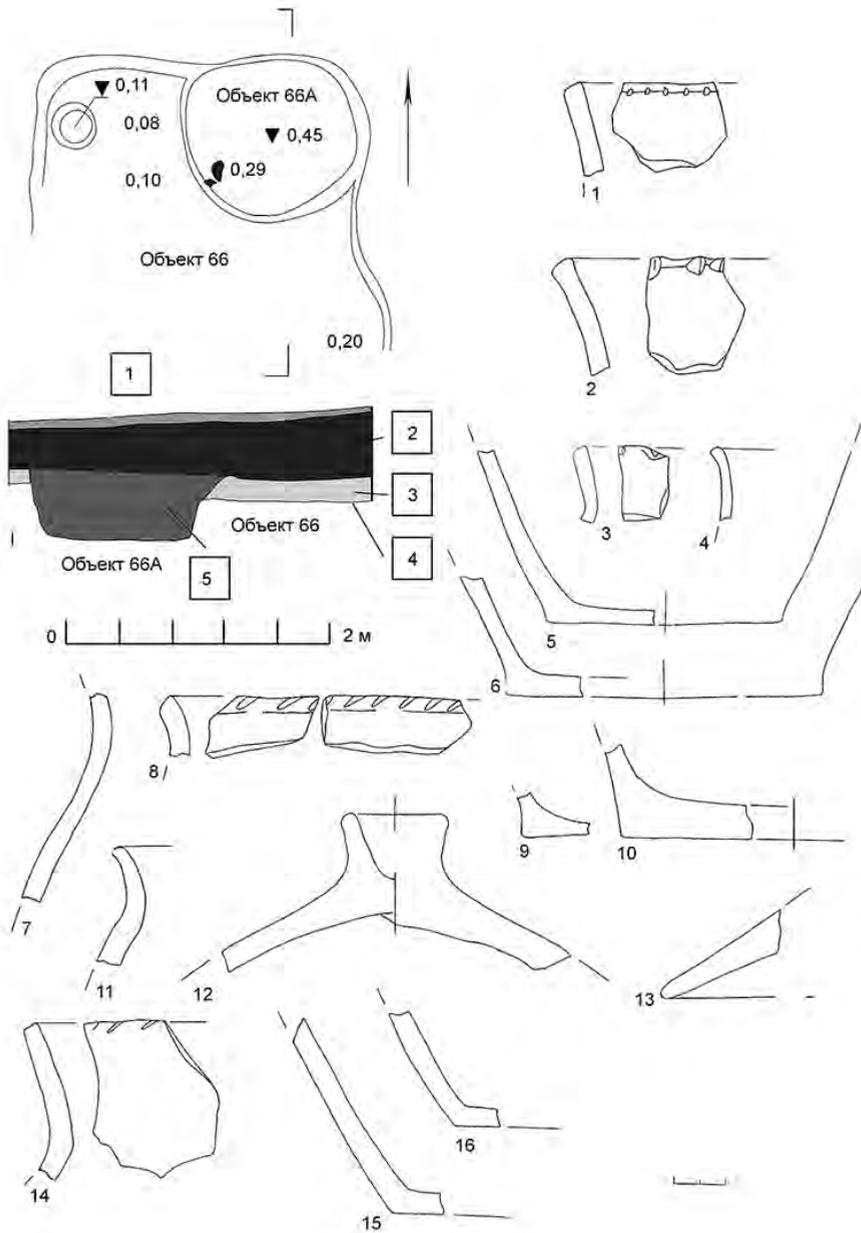

Рис. 12. Раскоп 1 и 3, объект 66 (I) и другие материалы

1 – раскоп 1, объект 59; 2 – раскоп 1, объект 62; 3–6 – раскоп 1, объект 66; 7 – раскоп 3, развал 3; 8–10 – раскоп 3, развал 5; 11–16 – раскоп 3, объект 3, заполнение, глубина 0–0,4 м; 1, 2, 6, 7, 8–10, 12–15 – груболепная керамика с мелким шамотом и дресвой в тесте; 3 – фрагмент груболепного сосуда со средним шамотом; 4 – фрагмент гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью; 5 – фрагмент груболепного сосуда с дресвой; 11 – фрагмент груболепного вторично обожженного сосуда с мелким шамотом; 16 – фрагмент лепного подлощенного сосуда.

В квадратах: 1 – дерн; 2 – пашня; 3 – светло-серый песок; 4 – материк; 5 – темно-серый песок.

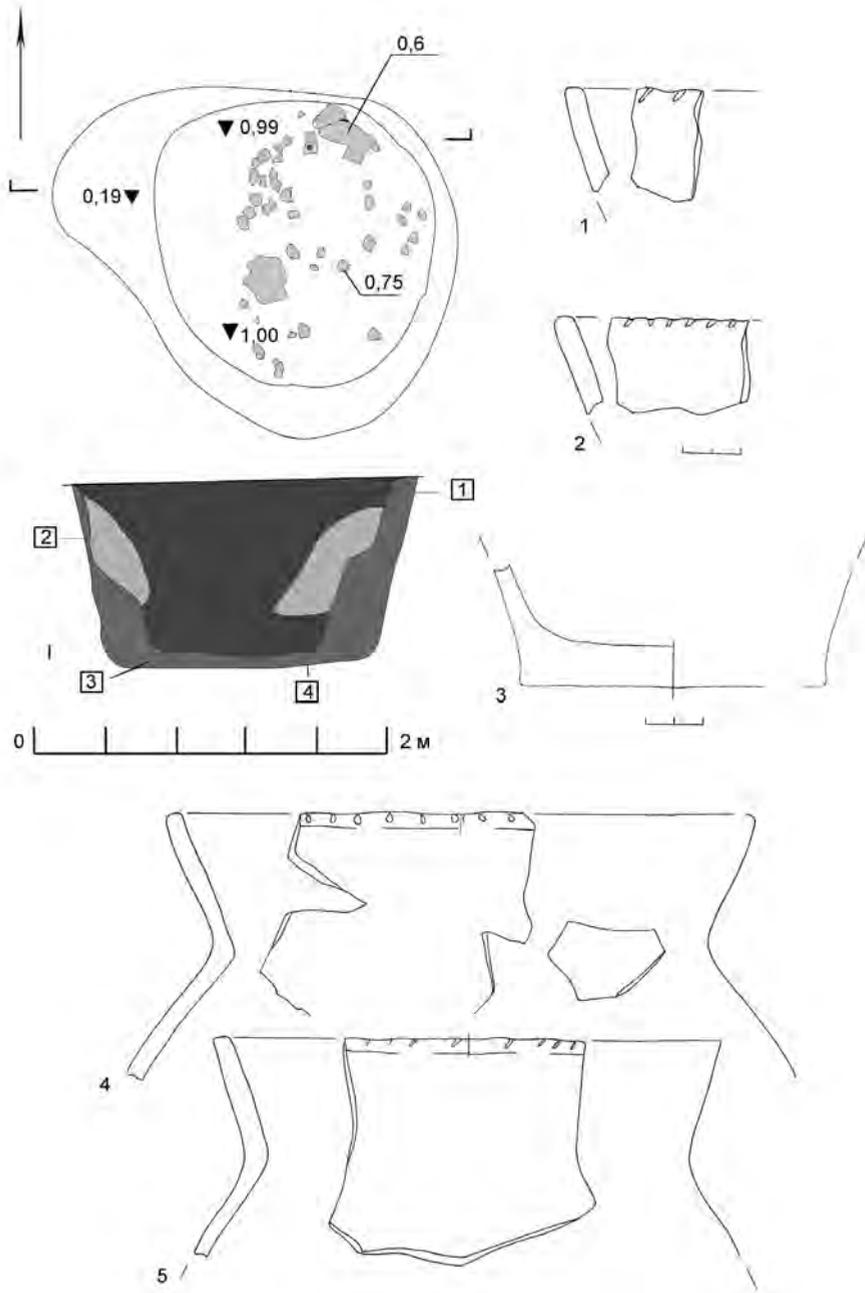

Рис. 13. Раскоп 3, объект 3 (I), груболепная керамика из придонной части заполнения

1, 2, 4, 5 – с мелким шамотом; 3 – с мелким шамотом и дресвой.

В квадратах: 1 – серый гумусированный песок с пятнами светлого песка; 2 – переотложенный материковый песок; 3 – коричневая глина с песчанистыми включениями; 4 – материк.

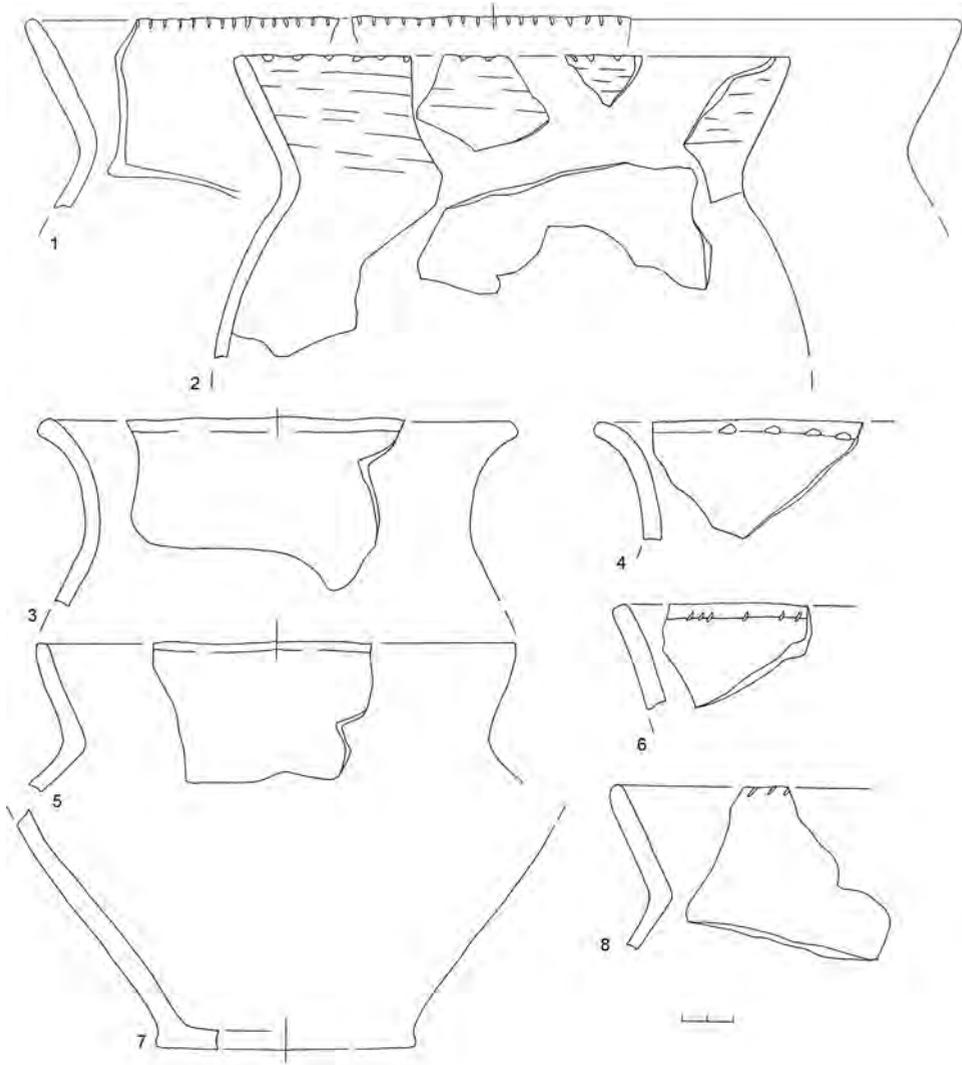

Рис. 14. Раскоп 3, объект 3, груболепная керамика из придонной части

1 – с мелким шамотом в керамическом тесте; *2–8* – с примесями мелкого шамота и дресвы.

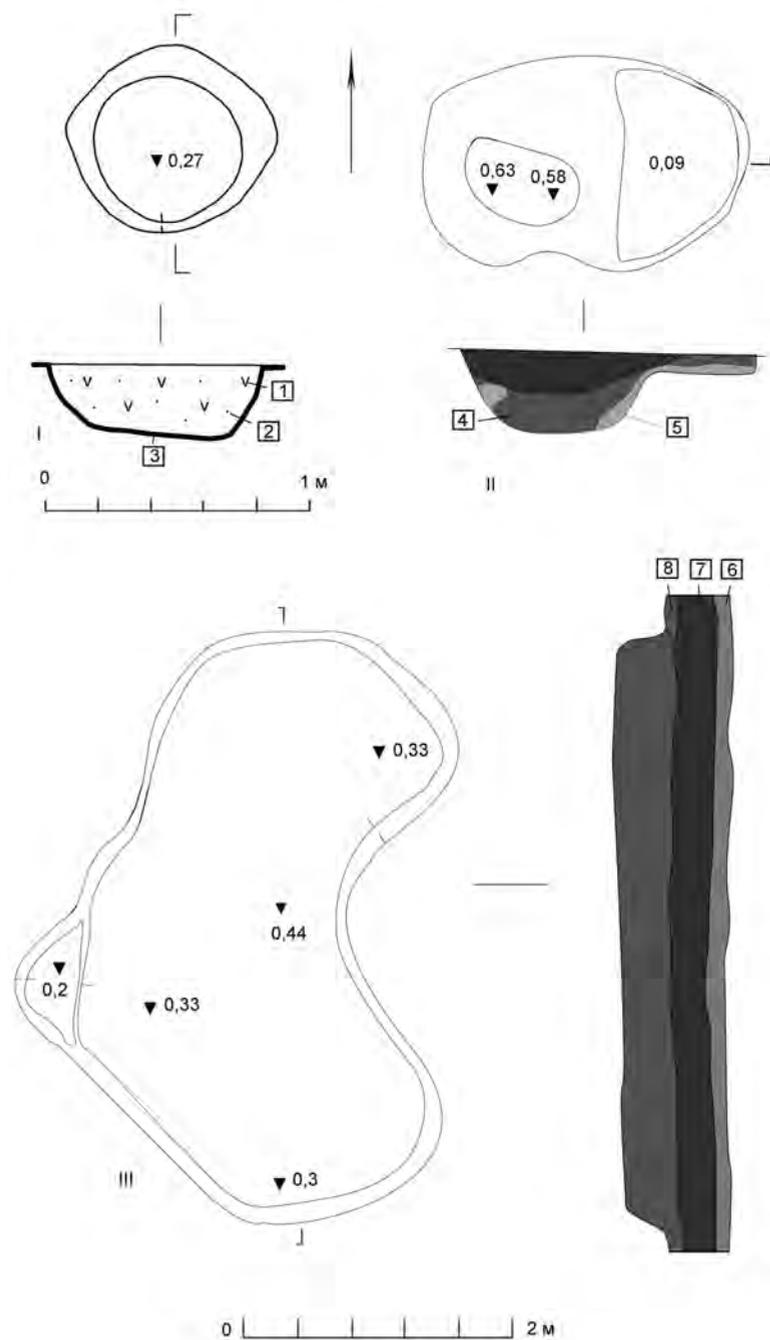

Рис. 15. Раскоп 3, объекты 7 (I), 8 (II), 11 (III)

В квадратах: 1 – уголь; 2 – глиняная обмазка; 3 – материк; 4 – перемешанный слой: темно-серый песок и материковый песок; 5 – светлый песок; 6 – дерн; 7 – пашня; 8 – темно-серый песок.

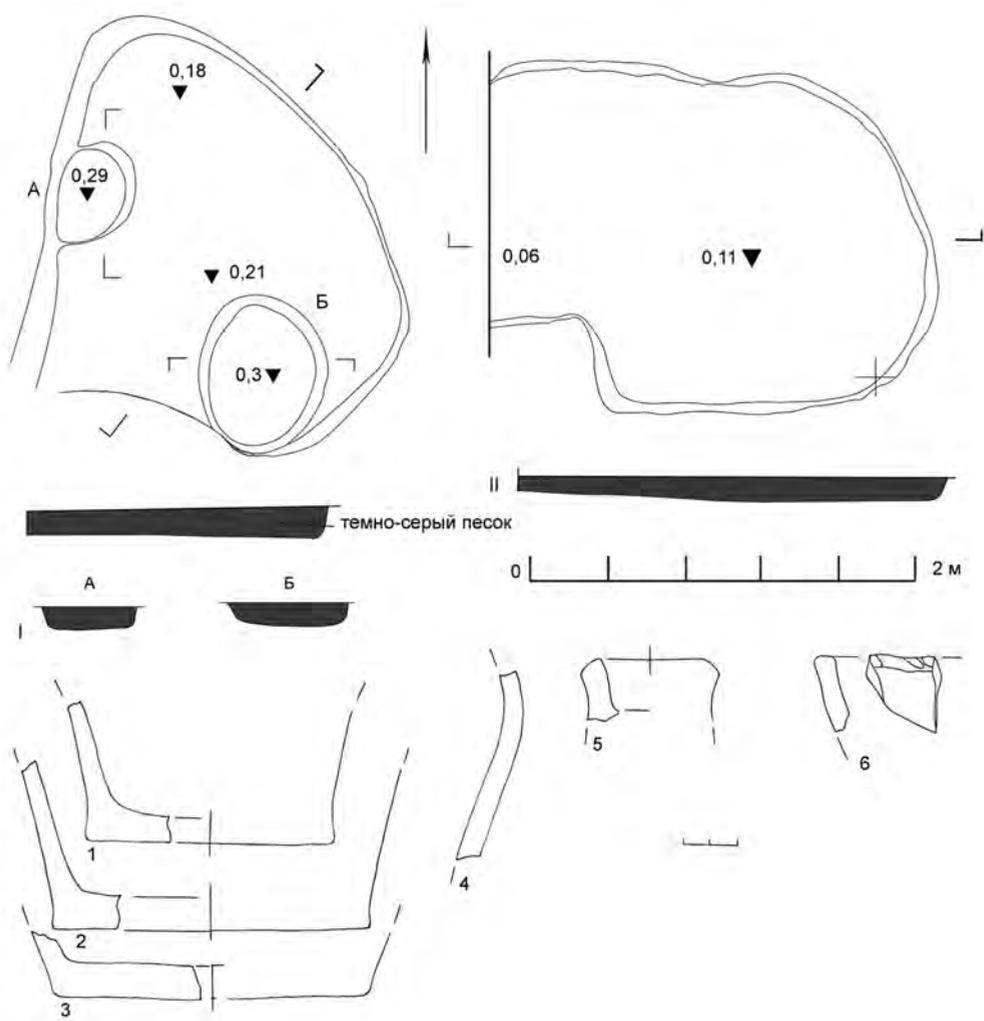

Рис. 16. Раскоп 3, объекты 12 (I), 14 (II) и другие материалы

1–5 – груболепная керамика с мелким шамотом и дресвой в тесте; 6 – фрагмент груболепного сосуда с мелким шамотом в тесте; 1–5 – объект 8; 6 – объект 12.

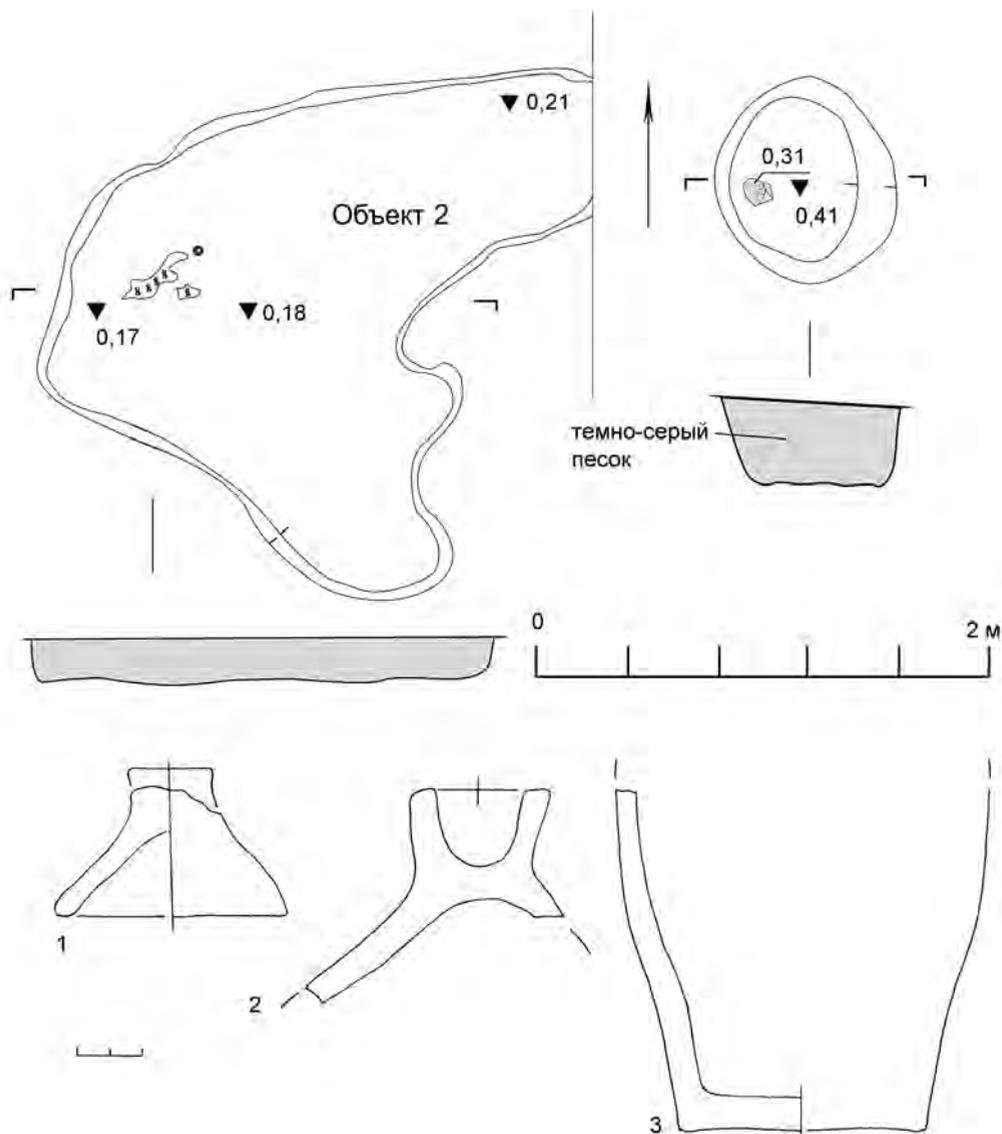

Рис. 17. Раскоп 4, объекты 2 (I) и 3 (II)

1–3 – груболепная керамика с мелким шамотом и дресвой в тесте; 1–2 – объект 3; 3 – объект 2.

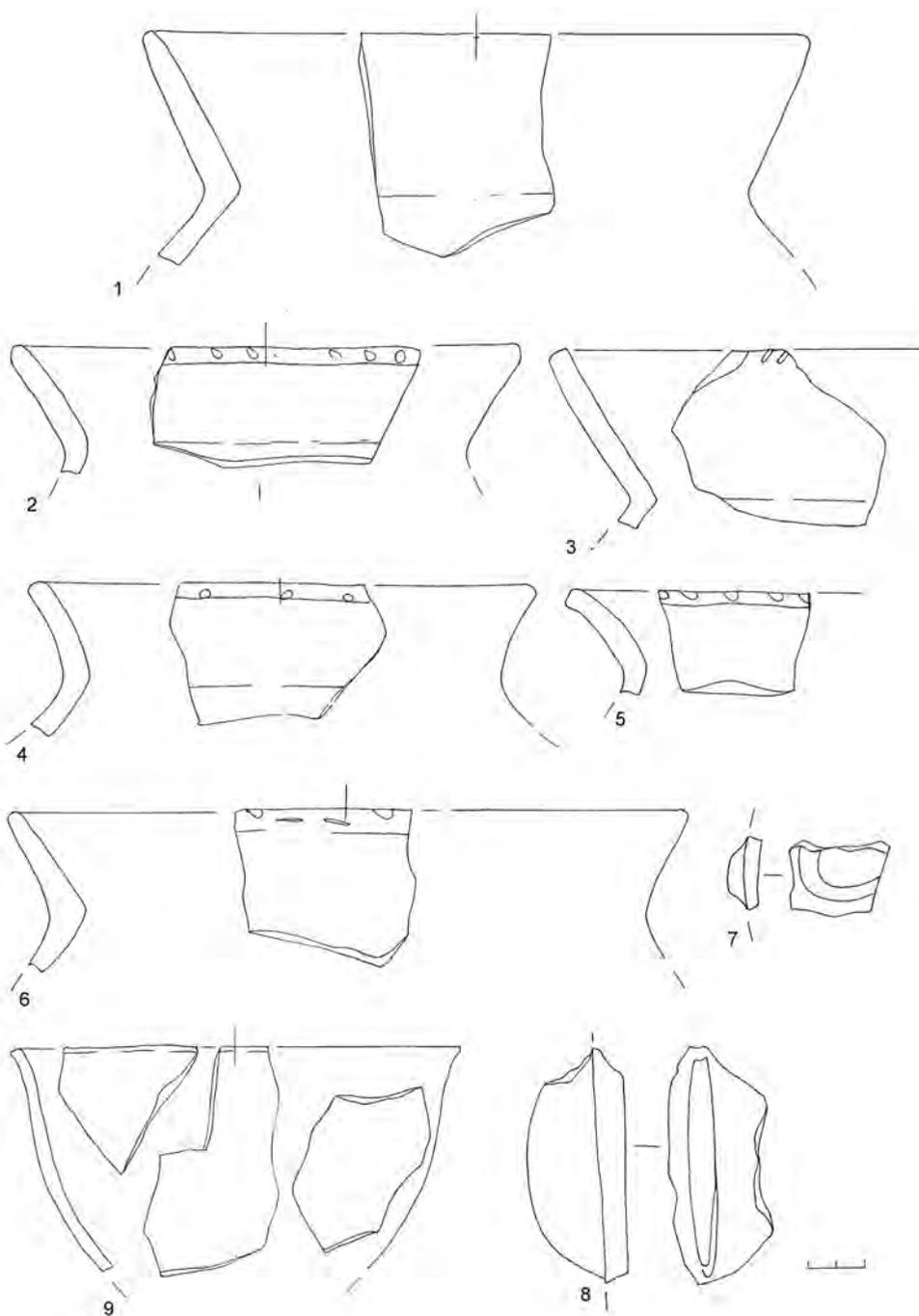

Рис. 18. Груболопная керамика из культурного слоя и заполнения раннесредневековых объектов 1, 7–9 – культурный слой; 2–6 – раскоп 1, развал 6; 1–5 – с мелким шамотом в керамическом тесте; 6 – со средним шамотом; 7, 8 – с мелким шамотом и дресвой; 9 – без выраженных примесей, изнутри заглажена.

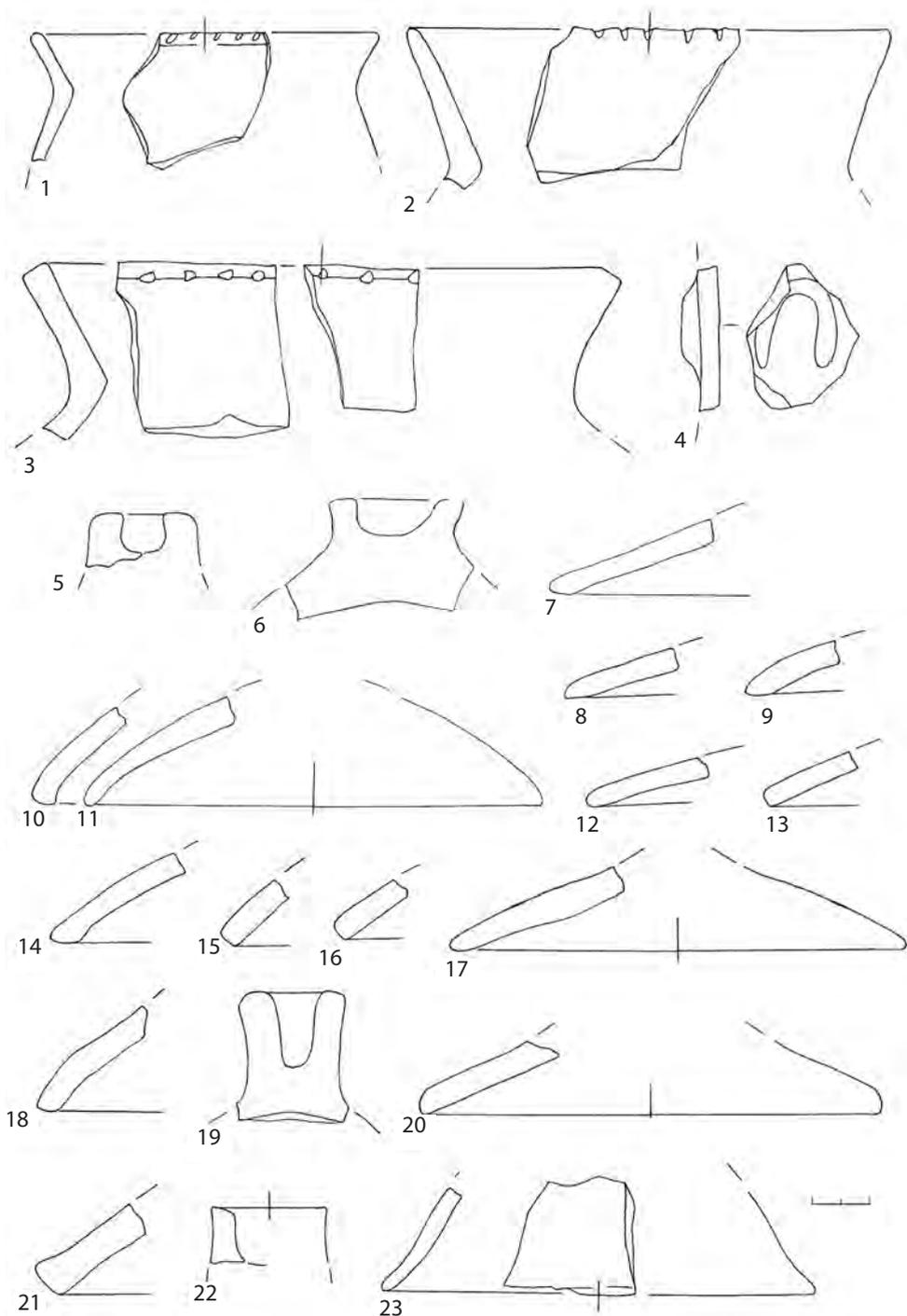

Рис. 19. Груболепная керамика из культурного слоя и заполнения раннесредневековых объектов
 1, 17, 18 – раскоп 3, объект 9; 2–6, 8–16, 19–23 – культурный слой; 1, 5, 8, 9, 12–14, 16,
 17, 19–23 – с мелким шамотом в керамическом тесте; 3, 4, 15 – с мелким шамотом и дресвой;
 6, 10, 11, 18, 20 – со средним шамотом.

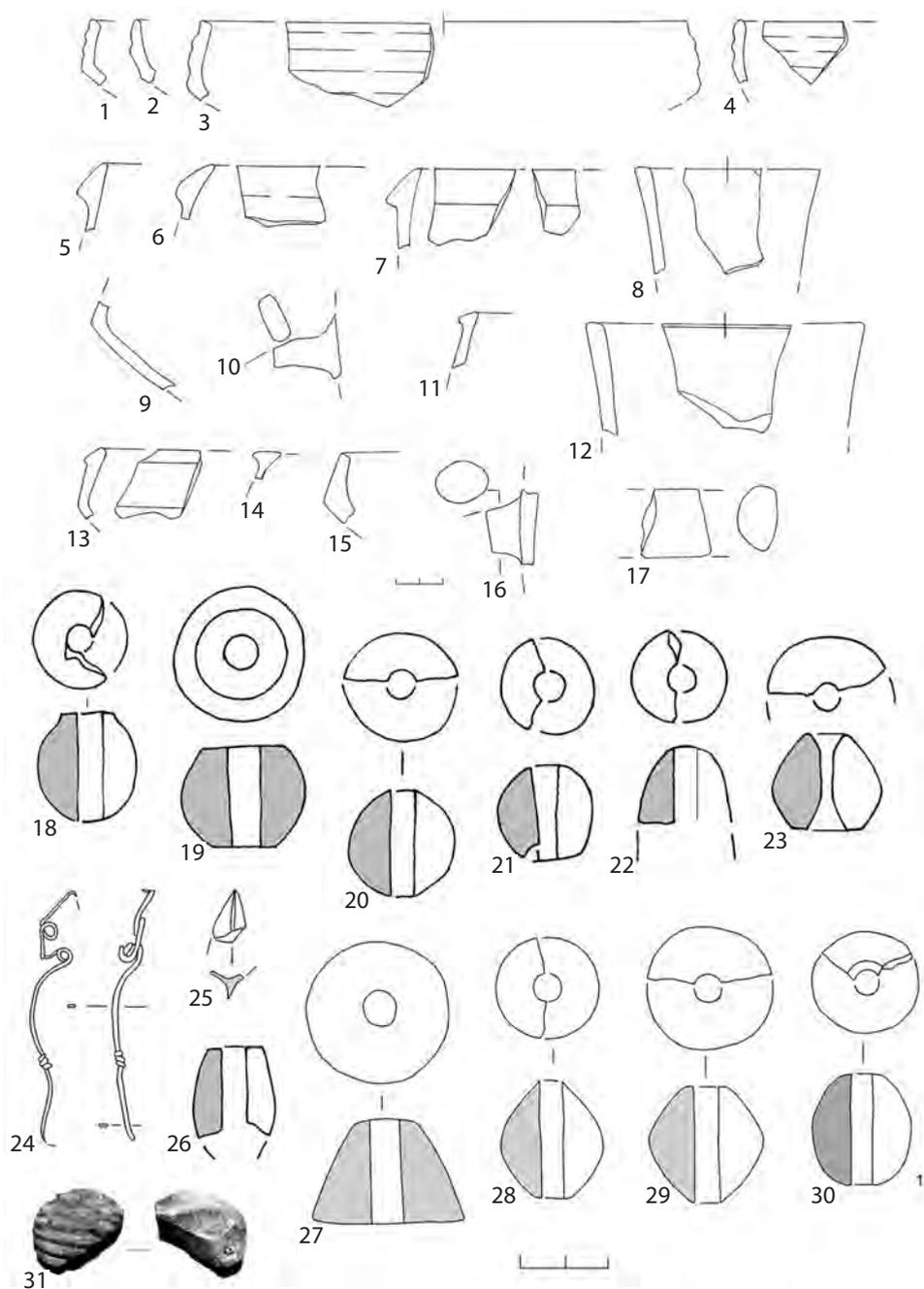

Рис. 20. Столовая керамика из культурного слоя и заполнения раннесредневековых объектов, индивидуальные находки

7 – раскоп 3, объект 9; остальное – культурный слой; 1–6 – гончарная сероглиняная керамика с шероховатой поверхностью; 7–12 – гончарная серолощенная керамика; 13–17 – лепная лощеная керамика; 18–23, 26–30 – глиняные пряслица с шероховатой поверхностью; 24 – бронзовая фибула; 25 – фрагмент железного наконечника стрелы; 31 – голубая бусина из египетского фаянса.

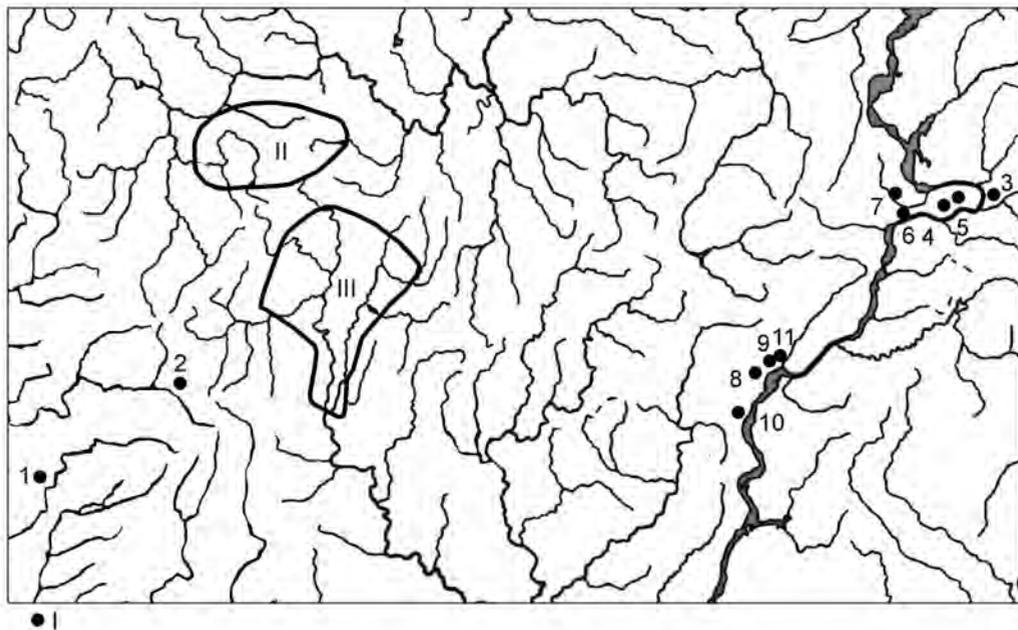

Рис. 21. Памятники позднескифской культуры и родственные им к востоку от Днепра

I – памятники позднескифской культуры (по А.М. Обломскому, Д.А. Стащенкоу,

А.А. Хрекову, И.Е. Бирюкову); *II* – памятники типа Иштутино (по рис. 1);

III – памятники типа Ново-Клейменово (по А.М. Воронцову).

1 – Битица; *2* – Рать; *3* – Царев Курган; *4* – Подгорское селище; *5* – Новинковское V селище;

6 – Лбище; *7* – Шигонское селище; *8* – Алексеевское городище; *9* – Чардымское II городище;

10 – Ахматское городище; *11* – Хлопковское городище.

Лопатина О.А., Тавлинцева Е.Ю.

Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль

Аннотация. В статье публикуется серия профилированной «текстильной» керамики, происходящей с городища Ростиславль. Рассмотрен контекст находок этой керамики, проанализированы стратиграфические особенности ее залегания в культурном слое. На основании стратиграфии и сопутствующих датирующих находок сделано предположение о времени ее существования на городище – с рубежа эр по III в. н.э. На основании рассмотренных аналогий выдвинуто предположение о том, что появление такой керамики связано с инокультурным влиянием со стороны городцево-скифоидного населения Верхнего Подонья (сходство форм сосудов и орнамента) и городецкой культуры Среднего Поочья (расположения текстильных отпечатков на внутренней стороне венчиков). Находки рассматриваемой керамики в основном связаны с памятниками юго-восточной части территории дяковской культуры. Традиции ее изготовления распространяются до среднего течения Москвы-реки, в верхнем ее течении такая керамика неизвестна.

Ключевые слова: дяковская культура, городище Ростиславль, «текстильная» керамика, городецкая культура, культурные связи.

Целью данного исследования является введение в научный оборот серии так называемой поздней профилированной «текстильной» керамики (далее – ППТК), происходящей с городища Ростиславль. Такая керамика обладает специфическими внешними признаками. Это высокий отогнутый венчик, «текстильные» отпечатки на поверхности. Часто они покрывают внутреннюю сторону венчика, где расположены обычно ровной, сплошной полосой примерно до линии перегиба от венчика к плечу. Орнамент в виде ногтевых вдавлений или насечек расположен по краю венчика, тулово не орнаментировано.

Впервые на то, что наличие ППТК является локальной особенностью памятников низовья Москвы-реки, обратил внимание Н.А. Кренке. Он предположил, что в пределах Московщины в первые века н.э. прослеживается культурная неоднородность, которая была связана с разной продолжительностью производства «текстильной» керамики. Так, на памятниках верхнего и среднего течения Москвы-реки «текстильная» керамика исчезает около II–I вв. до н.э., а на памятниках нижнего течения традиция ее производства не прерывалась до первых веков н.э.¹

Изучение памятников дяковской культуры нижнего течения Москвы-реки позволило А.С. Сыроватко выявить общие признаки ППТК – это крупночешуйчатая разновидность «текстильных» отпечатков, специфическая профилированная форма верхних частей сосудов и расположение отпечатков на внутренней стороне венчиков².

Массовые находки ППТК на городище Ростиславль позволяют конкретизировать описание такой керамики. Контекст ее находок дает возможность выдвинуть предположение о датировке, а поиск аналогий – проследить направление культурных импульсов, с которыми, по нашему мнению, связано появление этой керамики на территории дяковской культуры.

Городище Ростиславль расположено в Озерском районе Московской области на правом берегу Оки. Большая его часть представляет собой остатки древнерусского города. На мысовой части памятника в раннем железном веке и раннем средневековье существовало укрепленное поселение. Его раскопки начались в 1998 г. и продолжаются по насто-

¹ Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Рукопись канд. дисс. М., С. 127, 128.

² Сыроватко А.С. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. № 4. 2000. М.: ИА РАН. С. 50; Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дяковской культуры. М.: ЧеВук, 2009. С. 123.

ящее время. Исследование ведет экспедиция ИА РАН под руководством В.Ю. Ковалья¹. Коллекция хранится в Музее Москвы.

С городища Ростиславль происходит серия из 11 сосудов с полным или практически полным профилем (рис. 1, 2, 3), а также 49 венчиков, скорее всего, от разных сосудов, т.е. всего 60 сосудов, которые по внешним признакам относятся к группе ППТК.

Находки развалов ППТК были сконцентрированы в южной части площадки городища. Они были найдены на раскопах, которые либо непосредственно примыкали к валу городища, либо располагались вблизи от него. На сегодняшний день можно выделить четыре участка (рис. 4), каждый из которых имеет свою стратиграфию. Номера участков (I, II, III и IV) не связаны с обозначением раскопов в полевой документации; их выделение в данной статье носит вспомогательный характер, участки обозначают места концентрации развалов профилированных «текстильных» сосудов. Описание развалов сосудов ведется по участкам. В ходе описания используются номера сосудов в соответствии с полевой описью².

Участок I

Соответствует южной части раскопа 1998 г. (кв. 11 и 12). Данный участок сохранил мощный культурный слой³, толщина которого достигала почти 1,5 м. В его составе были выделены два горизонта: слой 1 и слой 2 (здесь и далее нумерация слоев ведется от современной поверхности). Слой 1 был в значительной степени перемешан и представлял собой открытый комплекс, в котором была найдена керамика раннедьяковского времени, но также встречались обломки лепных лощеных и подлощенных сосудов, а также керамика русского средневековья. В южной части раскопа под слоем 1 залегал слой 2, который включал остатки двух построек. В слое 2 преобладали керамические сосуды баночных форм, костяные орудия, и отсутствовала керамика и вещи эпохи средневековья. С участком I связаны 2 развала. Оба были найдены в нижней части слоя 1 приблизительно на одной глубине – 80–90 см.

1. *Сосуд № 78* (рис. 3: 1). Большинство обломков найдено компактной группой. Фрагменты сосуда несут следы ошлакованности. Сосуд орнаментирован насечкой по краю венчика. «Текстильные» отпечатки представляют собой оттиски подквадратной формы, нанесены крайне небрежно, на многих участках их нет вовсе.

2. *Сосуд № 106к* (рис. 1: 4). Фрагменты сосуда также несут следы ошлакованности. Край венчика орнаментирован насечкой. Дно отсутствует, высота реконструирована. «Текстильные» отпечатки в виде ячеек широких пропорций, отдаленно напоминающих рогожные оттиски,

¹ Коваль В.Ю., 1998. Отчет об охранных археологических раскопках на городище Ростиславль и на Ростиславльском I селище в Озерском районе Московской области в 1998 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 21655; Коваль В.Ю., 1999. Отчет об охранных археологических исследованиях на городище Ростиславль и на Ростиславльском I селище в Озерском районе Московской области и об археологических разведках в Озерском, Серебрянопродском районах Московской области в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23528; Коваль В.Ю., 2000. Отчет об охранных археологических исследованиях на городище Ростиславль, на Ростиславльском I селище и об археологических разведках в Озерском районе Московской области в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23607; Коваль В.Ю., 2004. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в Озерском районе Московской области в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27261. Т. 1. Т. 2; Коваль В.Ю., 2005. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и разведках в Озерском районе Московской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27263. Т. 1. Т. 2; Коваль В.Ю., 2006. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2006 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27265. Т. 1. Т. 2.

² Из-за временной недоступности коллекции описание формовочных масс и текстильных отпечатков было сделано нами только для четырех сосудов (№ № 71, 106к, 223 и 227). Остальные описаны в соответствии с данными отчетов. Буква «к» после номера означает, что находка относится к описи керамики, а не индивидуальным находкам.

³ Здесь и далее даны описания стратиграфии участков, на которых были найдены развалы, а не стратиграфия раскопов в целом.

покрывают поверхность не сплошь, а разреженными участками. Изготовлен из глины средней пластичности по рецепту глина+шамот+дресва. Дресва и шамот примерно в равных соотношениях, их общая концентрация 1:4 (1 часть примесей на 4 части глины).

Участок II

Участок II располагался на стыке раскопов 1998, 1999 и 2000 гг. (кв. 9, 14 и 23). Мощность слоя здесь составляла около 1 м. На этом участке в составе слоя 1 удалось выделить 2 горизонта: верхний горизонт (1-А) и нижний горизонт (1-Б). Различий в составе грунта между горизонтами не наблюдалось. Горизонтом 1-А было принято считать верхние 40 см слоя 1 (включая прослойку дерна). Главным признаком этого горизонта являлась сильнейшая переотложенность культурного слоя, в котором был полностью перемешан материал до-славянской эпохи с вещами и керамикой древнерусского времени, отсутствовали хоть какие-то непотревоженные объекты. Нижняя часть слоя 1 (горизонт 1-Б) была в значительно меньшей степени затронута перекопами. Этот слой также не был однородным: его керамический комплекс включал обломки сосудов разных хронологических периодов. Слой 1 повсюду залегал на более раннем слое 2, с которым были связаны остатки последовательно сменявших друг друга построек. В керамическом комплексе слоя 2 полностью отсутствовала круговая, а также лепная лошечная и подлошечная керамика. В отмеченных выше квадратах слой 2 залегал на материке.

На участке II найдены развалы четырех сосудов:

1. *Сосуд № 71* (рис. 1: 1). Его развал найден в горизонте 1-Б на площади около 3 кв. м в центре кв. 14 в линзе опесчаненной серой супеси с включениями золы толщиной до 20 см и диаметром до 2 м. Сосуд без орнамента. «Текстильные» отпечатки нанесены равномерно и сплошь по всей поверхности сосуда при помощи прокатывания елово-шишечного штампа¹. Отпечатки также покрывают внутреннюю поверхность венчика и его край. Сосуд изготовлен из глины средней пластичности по рецепту глина+шамот в концентрации 1:5–1:4. В составе шамота отмечена дресва.

2. *Сосуд № 189* (рис. 2: 1). Обломки этого наиболее крупного сосуда были собраны на площади 3 соседних квадратов в раскопах 1998–2000 гг. в разрозненном состоянии, фрагменты происходили как из горизонта 1-А, так и из горизонта 1-Б на глубине –130–140 см. Полный профиль сосуда получен в результате графической реконструкции, т.к. отдельные склеившиеся блоки фрагментов состыковать между собой не удалось. Орнамент отсутствует. «Текстильные» отпечатки четкие, глубокие, покрывают всю внешнюю поверхность от края венчика до дна горшка.

3. *Сосуд № 199к* (рис. 2: 3). Сохранился на большую часть своей высоты. Дно отсутствует, высота реконструирована. Найден в слое 1-Б. Точная привязка к квадратам пока осталась не выясненной.

4. *Сосуд № 194к* (рис. 3: 2). Сохранились верхняя и донная части. Высота реконструирована. Найден в слое 1-Б. Точная привязка к квадратам пока осталась не выясненной.

Участок III

Участок находился в северо-западной части раскопа 2004 г. (кв. 45). С юга он примыкал к участку I. На этом месте находился северо-западный край вала. Мощность слоя здесь превышала 1 м. На этом участке была зафиксирована самая дробная стратиграфия: верхняя часть слоя представляла собой край насыпи вала. Под ним залегал слой 1, состоявший

¹ Лопатина О. А., 2015. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики // КСИА. Вып. 240. С. 163–172.

из трех горизонтов, различавшихся по вертикальной стратиграфии: 1А, 1Б и 1В. Ниже шел слой 2. Верхняя его часть была выделена в особый горизонт, ему было присвоено обозначение «горизонт 2-А». Ниже шло заполнение построек раннедьяковского времени, которые на этом участке залежали на материке.

В раскопе 2004 г. впервые удалось выделить нижний горизонт верхнего культурного слоя – горизонт 1-В и самый верхний горизонт слоя 2 – горизонт 2-А. По материалу они существенно отличались от вышележащих и нижележащих слоев. В горизонте 1-В доминировала «текстильная» керамика, с почти равным присутствием «нитчатой» и «рябчатой» разновидностей. Среди «текстильной» керамики встречались обломки профилированных сосудов. Если для слоя 1-Б была характерна лошенная и подлошенная посуда¹, то в горизонте В она полностью отсутствовала. По этому показателю данный горизонт может быть отнесен к периоду, непосредственно предшествовавшему эпохе распространения на городище лошенной и подлощенной посуды.

Горизонт 2-А по керамике имел как сходство, так и отличия от вышележавшего комплекса слоя 1-В. Здесь так же, как и в слое 1-В отсутствовала лошенная и подлощенная керамика. «Текстильная» керамика была в значительной степени представлена обломками профилированных горшков. Гладкостенная составляла в этом комплексе существенно меньшую долю, чем в постройках слоя 2, относящихся к раннедьяковскому времени. По определению В.Ю. Ковалю, образцы из формовочных масс с примесями шмота составляли в этом комплексе всего 10 % и этим он резко отличался от слоя 1-В (и слоя 1 в целом), где такой керамики было в 2–3 раза больше. Гладкостенные горшки слоя 2-А, так же, как и «текстильные», отличались профилированностью венчиков. По индивидуальным находкам обращает внимание полное отсутствие в слое 2-А железных изделий, единичность бронзовых вещей, обилие костяных орудий.

С участком III связаны развалы 2 горшков.

1. *Сосуд № 164к* (рис. 2: 2). Происходит из слоя 1-В. Развал профилированного «текстильного» сосуда без венчика. Высота реконструирована. По определению В.Ю. Ковалю, «текстильные» отпечатки представлены крупными и глубокими «рябчатыми» оттисками.

2. *Сосуд № 163к* (рис. 3: 3). Происходит из слоя 2-А. Развал профилированного сосуда с «нитчатыми» отпечатками (определение В.Ю. Ковалю). Донная часть отсутствует, высота реконструирована.

Участок IV

Соответствует юго-восточной части раскопа 2006 г. (кв. 59, 61). Стратиграфия этого участка существенно отличалась от стратиграфии, фиксировавшейся в ходе работ всех прошлых лет, поскольку впервые раскоп был заложен на склоне вала городища. В процессе раскопок стало ясно, что насыпь вала здесь была перекрыта перемешанным слоем, образовавшимся как в результате деструкции вала, так и по иным причинам. Слой 2 на участке отсутствовал. Особенностью этого участка стало выделение двух субгоризонтов в слое 1-В: В-1 и В-2, которые представляли собой врезки в насыпь вала. В нижней части залегания субгоризонта В-1 фиксировалась прослойка угля толщиной 2–3 см. Не исключено, что она являлась остатками сгоревшего пола постройки, врезанной во внутренний склон вала. Размеры предполагаемой постройки не могут быть пока установлены. Хорошо сохранился только юго-восточный край этого сооружения. Именно с субгоризонтом В-1 были связаны три развала «текстильных» профилированных сосудов.

¹ В этом горизонте отложился слой сильного пожара, случившийся ориентировочно в конце IV–V вв. на городище. С горизонтом соотносятся развалы ошлакованных лошенных и подлощенных горшков и скопления обгорелого зерна.

1. *Сосуд № 223* (рис. 1: 2). Происходит из горизонта В-1. Обломки половины этого горшка (все они подклеились в полный профиль) были найдены в небольшой круглой ямке диаметром 40 см, выходящей из горизонта В-1 и частично врезанной в насыпь вала. «Текстильные» отпечатки покрывают поверхность не сплошь, а небольшими участками. Оттиски нечеткие, поверхностные, представляют собой разновидность рябчатых отпечатков узких пропорций. Орнамент отсутствует. Сосуд изготовлен из глины средней пластичности по рецепту глина+дресва в концентрации 1:4.

2. *Сосуд № 227* (рис. 1: 3). Также происходит из горизонта В-1. Развал этого сосуда был найден непосредственно под прослойкой угля в 80 см к С от сосуда № 223. «Текстильные» отпечатки четкие, равномерно покрывают всю внешнюю поверхность сосуда. Относятся к группе рябчатых с элементами широких пропорций. Венчик украшен вертикальными ногтевыми вдавлениями с внешней стороны края. Сосуд изготовлен из пластичной глины по рецепту глина+дресва в концентрации 1:4–1:3.

3. *Сосуд № 273к* (рис. 3: 4). Также происходит из горизонта В-1. Точная привязка к квадратам пока осталась не выясненной. Удалось реконструировать практически полный профиль. Сосуд обладает максимальным значением общей пропорциональности. «Текстильные» отпечатки на поверхности, по определению В.Ю. Коваля, относятся к мелкорябчатой разновидности.

Общие данные о сосудах с полным и практически полным профилем, а также их размерные особенности и пропорции, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Размерные особенности и пропорции целых и реконструированных профилированных сосудов с «текстильной» поверхностью с городища Ростиславль.

№ сосуда	Год раскопок	Участок	Слой	Высота (Н), см	Максимальный диаметр (Dmax), см	Пропорциональность (Н/ Dmax)
78	1998	А	1	23	21,5	1,07
106к	1998	А	1	19,5	17,5	1,11
71	1999	Б	1-Б	30	25	1,2
189	1998, 1999, 2000	В	1-А, 1-Б	41	40	1,03
199к	2000	В	1-Б	21,5	19,5	1,1
194к	2000	В	1-Б	24,5	18,5	1,32
164к	2004	Ж	1-В	17	14,5	1,17
163к	2004	Ж	2-А	26,5	24,5	1,08
223	2006	И	1-В	13,5	14	0,96
227	2006	И	1-В	17,5	17,5	1
273к	2006	И	1	22,5	16	1,34

Данные таблицы 1 показывают, что размерные характеристики сильно различаются. Преобладают сосуды средних размеров высотой от 17 до 26,5 см; имеются также довольно крупные — до 41 см высотой. Опубликованные М.В. Талицким профилированные «текстильные» сосуды из 3 слоя Протопоповского городища имеют сходные размерные особенности — среди них 3 сосуда средних размеров, высотой от 21 до 25 см и один довольно высокий, высотой примерно 54 см¹.

¹ Талицкий М.В., 1948. Керамика Протопоповского городища // СА. X. С. 231.

Большинство рассматриваемых сосудов с Ростиславля имеют значения пропорциональности от 0,96 до 1,2; пропорции двух сосудов заметно отличаются в сторону увеличения – 1,32 и 1,34 (№ № 194 и 273).

Как правило, максимальный диаметр сосудов незначительно превышает диаметр венчиков, реже совпадает с ним; максимальное расширение приходится примерно на середину высоты. В четырех формах – на верхнюю треть сосудов.

В соответствии со систематизацией форм дяковской керамики¹, рассмотренные нами целые формы относятся к трем группам конструкций – губа+щека+плечо+тулово+основание тулова (№ 106к), губа+щека+предплечье+тулово+основание тулова (№ № 199к, 71, 227, 194к,) и губа+щека+плечо+предплечье+тулово+основание тулова (№ № 273, 78, 189, 223, 163). Последняя конструкция является самой сложной из всех дяковских и описывает наиболее профилированную керамику. Отличительная черта всех этих форм – наличие щеки. Щека – это та часть конструкции, которая чаще всего описывает отогнутый наружу венчик. Щека в конструкциях форм с Ростиславля имеет относительно высокие пропорции. Значения ее пропорциональности лежат в диапазоне 0,14–0,26, что соответствует максимальным значениям среди известных нам дяковских конструкций со щекой с других памятников.

Из 60 профилированных «текстильных» сосудов, в число которых входят как целые, так и фрагменты верхних частей, орнаментировано 17. Орнамент расположен исключительно по краю венчика и представляет собой насечки, ногтевые или штамповые вдавления. При этом какой-либо орнамент на тулове отсутствует. В отношении морфологии «текстильных» отпечатков на ППТК с Ростиславля пока сложно сказать что-то определенное из-за частичной недоступности коллекций. Остался не выясненным состав массовых групп отпечатков. Можно лишь отметить, что отпечатки весьма разнообразны. Среди них отмечены как рябчатые с элементами широких пропорций, так и елово-шишечные и ниточные оттиски. «Текстильные» отпечатки на внутренней стороне венчиков имели лишь 16 сосудов из 60. Обычно сосуды с таким расположением оттисков не орнаментированы, за исключением единичных образцов.

В целом, оценивая нашу выборку из 11 развалов ППТК городища Ростиславль, можно отметить, что сосуды, обладая определенным стилистическим единством, заметно различаются. Различия проявляются в морфологии «текстильных» отпечатков (рябчатые широких пропорций, ниточные, елово-шишечные, подквадратные), в особенностях формовочных масс (в качестве искусственных примесей в разных сосудах отмечены дресва, шамот, дресва вместе с шамотом), в пропорциях и в особенностях формы. Скорее всего, эти различия говорят об относительной длительности производства ППТК на городище.

Представляется важным отметить, что вместе с ППТК на городище Ростиславль в сходных стратиграфических условиях встречалась «текстильная» керамика с венчиками, форма которых не обладала столь выраженной профилировкой. Так, целый сосуд (рис. 5) раннедяковской формы с «текстильными» рябчатыми отпечатками широких пропорций и орнаментированный ямками по месту максимального расширения тулова был собран из разрозненных фрагментов, обнаруженных в яме 336, которая прорезала постройку раннедяковского времени (раскоп V, участок 3). Яма формально была отнесена к слою 1-Б, однако в ее заполнении лощеной керамики не было обнаружено². Заполнение ямы, скорее всего, свидетельствует о том, что опущена она была из нижележащих слоев, которые на данном участке стратиграфически не выделялись. Мы предполагаем, что нахождение «текстильного» сосуда ранней формы в относительно поздней яме не является случайным, как и не случайно совместное залегание ППТК и «текстильной» слабопрофилированной керамики, что, однако, требует дальнейшей проверки. В целом количество последней в позднедяковских слоях

¹ Лопатина О.А., 2014. Морфология сосудов дяковской культуры // КСИА. Вып. 236. С. 112–118.

² Коваль, 2004. Указ. соч. С. 107.

Ростиславля невелико. Скорее всего, керамика без выраженной профилировки имела отношение к местной традиции и продолжала сосуществовать какое-то время с пришлой, связанной с производством ППТК (подробнее ниже), постепенно угасая.

* * *

Таким образом, находки развалов «текстильных» профилированных сосудов связаны со слоем 1 в целом, в основном с двумя его нижними горизонтами: 1-Б и 1-В, а также с верхним горизонтом слоя 2–2-А. Особенно интересно устойчивое присутствие подобной керамики в слое 1-В, где полностью отсутствовали обломки лощеных и подлощенных сосудов. Т.е. можно предположить, что традиция производства профилированной «текстильной» керамики появляется на городище до распространения в Поочье лощеной керамики и продолжает сосуществовать с ней какое-то время. *Terminus post quem* для ППТК на Ростиславле дает верхний горизонт вала городища, где, как и в остальных напластованиях вала, подобные сосуды найдены не были. Начало строительства вала Ростиславльского городища приходится на III в. до н.э., последние его досыпки, по мнению В.Ю. Ковалю, были проведены на рубеже эр или в самые первые века н.э. Прекращение строительства вала совпадает с распространением на Ростиславле профилированной «текстильной» и гладкостенной керамики, которое, как считает В.Ю. Коваль, произошло, вероятно, в I в. н.э.¹

Развалы сосудов на участках I, II и III образуют достаточно большое скопление, вытянутое по оси северо-запад – юго-восток (рис. 4). Площадь его составляет около 24 кв. м. Возможно, это скопление маркирует местоположение какой-либо постройки (или построек-?), контуры которой проследить в слое не удалось. Любопытно, что именно на этом относительно компактном участке и приблизительно в тех же стратиграфических условиях было найдено несколько импортных предметов, датировки которых совпадают со временем бытования ППТК.

Эти находки были сконцентрированы на участках I и III (кв. 11, 44, 45). Часть вещей была найдена в заполнении ямы 372 горизонта 1-Б (рис. 4: 1, 2, 4, 5). Яма относилась к слою пожара, который произошел на городище предположительно в конце IV–V вв. н.э.² Ее заполнение содержало разновременный материал, часть находок датируется более ранним временем, чем слой пожара. Это полусферические нашивные бляшки, золотостеклянная бусина, подвеска-уточка. Еще две полусферические бляшки были найдены в непосредственной близости от ямы. Одна из них относилась к горизонту 1-Б, вторая была найдена в заполнении одной из построек слоя 2: находка залегала на 6 см ниже дна ямы 372.

В культуре рязано-окских могильников подобные нашивные бляшки встречаются редко. Они известны в комплексах периода 1 и начала периода 2а (III в.)³. Аналогичные золотые и бронзовые бляшки широко распространены в кочевнических погребениях первых веков н.э., где они использовались для украшения мужской и женской одежды, в том числе женских головных уборов⁴.

¹ Коваль В.Ю., 2012. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 53, 61–63.

² Тавлинцева Е.Ю., 2010. Городище Ростиславль: горизонт пожара середины I тыс. н.э. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 31, 32; Воронцов А.М., 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. погребений // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 230.

³ Белоцерковская И.В., 2007. Рязано-окские могильники. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. РСМ. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 191, 198.

⁴ Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. Материалы и исследования по археологии России. Вып. 9. М.: Восточная литература. С. 47, 63. Рис. 154, 157, 162, 165.

Крупные золотостеклянные бусы, в том числе многочастные (групп К1 и К2), встречаются в ранних погребениях Кошибеевского могильника, которые датируются рубежом I—II—началом/первой половиной IV вв. На Дьяковом городище основная масса золотостеклянных бусин происходит из среднего горизонта верхнего слоя памятника¹. На западе, в Центральной Европе, в ареале киевской и позднезарубинецкой культур подобные бусины синхронны горизонту восточноевропейских выемчатых эмалей².

Объемные подвески-уточка известны на многих памятниках I-ой половины I тыс. н.э. Для древностей Москворецкого бассейна они не характерны: единственная «уточка», найденная на этой территории, происходит с Дьякова городища³. Также как и полусферические бляшки, подвески-«уточка» встречаются в погребениях культуры рязано-окских могильников, относящихся к периоду I и началу периода 2а⁴. К Ростиславльской находке наиболее близка одна из 18 подвесок, найденных на дюне близ с. Дубровичи, а также одна из подвесок из клада с городища Ножа-Вар, дата которого определяется в рамках середины II—середины III вв. н.э.⁵

Еще две находки — однотипные бронзовые пряжки — были найдены рядом на одной глубине у южного борта раскопа 1998 г. в нижней части слоя I (рис. 4: 3). Пряжкам была посвящена специальная публикация, автор которой на основании многочисленных аналогий предложил для них достаточно широкую датировку — III—IV вв.⁶ По мнению В.Ю. Малашева, эту датировку можно сузить до начала второй половины III в.⁷

Таким образом, время бытования ППТК на городище Ростиславль может быть определено с рубежа эр по III в. н.э. включительно.

Профилированная «текстильная» керамика на территории дьяковской культуры встречается в основном на памятниках нижнего Москворечья и Среднего течения Оки в пределах Московской области. Это городища Ростиславль, Протопоповское⁸, Городищи и Погост Красно⁹, Настасьино¹⁰, Кропотовское из раскопок В.А. Городцова¹¹ (рис. 6: 4). По данным А.С. Сыроватко, ППТК найдена на поселениях Сосновка 4, Бебихово 4, возможно, Свиридоново 2 и Сосновка 3. В Зарайском районе это памятники Белый колодец и Апонитищи¹². 1 и 2 городища Апонитищи в своде Н.В. Трубниковой и А.П. Смирнова отнесены к средне-окской группе городецких памятников.¹³ Для среднего течения Москвы-

¹ Кренке Н.А., Румянцева О.С., 2011. Экскурс 2. Стеклянные бусы из верхнего слоя Дьякова городища // Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М.: ИА РАН. С. 83.

² Румянцева О.С. (в печати). Бусы // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.).

³ Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М.: ИА РАН. С. 69. Рис. 145.

⁴ Белоцерковская, 2007. Указ. соч. С. 190—191, 198.

⁵ Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1—59. М. Табл. 2, 1, 22; Ахмедов И.Р., 2003. Комплекс предметов с городища Долматово Старожилковского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань: Поверенный. С. 128—139.

⁶ Лагутин А.Б., 2000. Бронзовые пряжки с мысовой части городища Ростиславль-Рязанский // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Часть третья. Материалы научно-практического семинара «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья». Труды Музея истории города Москвы. Вып. 10. М. С. 33—35.

⁷ Авторы выражают глубокую благодарность В.Ю. Малашеву за консультацию.

⁸ Талицкий, 1948. Указ. соч.

⁹ Сыроватко, 2000. Указ. соч. С. 52.

¹⁰ Энгватова А.В., 2000 Отчет о раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23347. С. 219.

¹¹ НИИ и музей антропологии МГУ, фонд археологии 10, коллекция № 427.

¹² Сыроватко, 2009. Указ. соч. С. 162.

¹³ Смирнов А.П. Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура. САИ. Д-1—14. М.: Наука.

реки известно только три городища, где отмечена такая керамика. Это Дьяково¹, Боршева² (рис. 6: 1–3), Луковня. В коллекции с городища Луковня хранящейся в Музее Москвы имеется небольшая серия «текстильной» керамики, в том числе сильно профилированный высокий венчик с насечкой по краю, но без отпечатков с внутренней стороны. Позднедьяковская профилированная «текстильная» керамика городища Круглица³ отличается от описываемой нами ППТК наличием ногтевого и зашипного орнамента на тулове и особенностями формы венчиков. На памятниках верховьев Москвы-реки ППТК неизвестна.

Существование ППТК на городищах коломенской группы дьяковских памятников А.С. Сыроватко определяет I–II вв. н.э. – первой половиной II в. н.э.⁴

Скорее всего, также или даже чуть более ранним временем можно датировать аналогичную керамику с городища Настасьино, поскольку верхняя дата памятника не выходит за пределы рубежа I–II вв. н.э.⁵

Наиболее позднюю хронологическую позицию занимает ППТК с Дьякова городища. Основные находки такой керамики связаны со средним горизонтом верхнего слоя (глубина – 160–210 см), который датируется III–первой половиной IV вв.⁶

За пределами территории дьяковской культуры наиболее близкие аналогии по формам мы находим в городецкой культуре Верхнего Подонья и Рязанского Поочья.

Данные о керамике городецкой культуры Верхнего Подонья обобщены в работе Т.В. Сарапулкиной, ею же предложена классификация этой керамики⁷. Дьяковская ППТК находит аналогии в типах 1, 2 и 5, которые характеризуются S-видным профилем. Эти типы отмечены на сосудах с гладкой, рогожной и «текстильной» поверхностью. Наличие таких форм в городецкой керамике Верхнего Подонья связывают со скифоидным влиянием. В целом же черты среднедонской скифоидной культуры в городецкой керамике Верхнего Подонья явно выражены, что позволило говорить исследователям о смешанной городецко-скифоидной керамической традиции. Для нее свойственны «профилированные формы сосудов; преобладание орнаментированных пальцевыми вдавлениями обрезов венчиков; наличие примеси шамота в тесте; значительное количество в комплексах гладкостенной керамики; преобладание затертой и нечеткой рогожной и сетчатой поверхностей»⁸. Наибольшее распространение интересующих нас типов городецкой керамики Верхнего Подонья приходится на V–III вв. до н.э., оно также имело место в более позднее время на завершающем этапе культуры⁹, который, по мнению Ю.Д. Разуваева, заканчивается на рубеже эр¹⁰.

Помимо сходства форм и орнаментации, аналогии с Верхнедонским вариантом городецкой культурой прослеживаются и в расположении отпечатков на внутренней стороне

¹ Кренке, 2011. Указ. соч. С. 117.

² Чаукин С.Н., Кренке Н.А., Лопатина О.А. Забытые коллекции городищ Круглица и Боршева. Доклад на 14-м научном семинаре Археология Подмосковья, 16–18 февраля 2016.

³ Кренке Н.А., Чаукин С.Н., 2013. Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке // РА. № 1. С. 115. Рис. 8.

⁴ Сыроватко, 2000. Указ. соч. С. 50.

⁵ Энгватова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН. С. 152.

⁶ Кренке, 2011. Указ. соч. С. 117, 143.

⁷ Сарапулкина Т.В., 2010. Городецкая культура на Верхнем Дону. Дисс. канд. ист.наук. М.

⁸ Сарапулкина Т.В., 2008. Особенности донского локального варианта городецкой культуры // Научные ведомости, № 10 (50). С. 59; Сарапулкина Т.В., 2010. Указ. соч. С. 156.

⁹ Сарапулкина, 2010. Указ. соч. С. 149, 150.

¹⁰ Разуваев Ю.Д., 1997. Поселения скифского времени в правобережье Верхнего Дона. Автореф. канд. ист. наук. Воронеж. С. 20.

венчиков¹, в частности, на керамике Сырского городища, расположенного на окраине г. Липецка, раскопки И.Е. Бирюковач². На этом памятнике найдена небольшая серия такой керамики. На одном из крупных венчиков (рис. 7: 5) отпечатки представляли собой «очень длинные вытянутые оттиски — нечто среднее между текстилем и рогожкой». По мнению автора раскопок, подавляющее большинство материалов Сырского городища относится к двум эпохам: к донскому варианту городищевой культуры (VI—III вв. до н.э.) и к культуре сарматского времени (I—II вв. н.э.). При этом рогожная и «текстильная» керамика с сарматским периодом не связана³.

Формы дьяковской ППТК могут быть сопоставлены также с морфологическими группами верхних частей сосудов, которые исследователи часто выделяют для систематизации керамики конкретных памятников скифского и сарматского времени Верхнего Подонья. Речь идет о керамике с дугообразным S-видным венчиком и о формах с прямым венчиком, который при переходе в тулово образует резкий переход, образуя раструб. Например, это тип 1 и тип 6 для Пекшевского городища, типы 1 и 3 в керамике сарматского времени III Чертовицкого городища, морфологические группы керамики Ратского городища, селища Ксизово 17⁴. В целом сосуды 1 типа, по мнению А.П. Медведева, представляют собой наиболее устойчивый тип в лесостепном Подонье и существуют довольно долго на протяжении скифского и сарматского времени⁵.

Сосуды с раструбообразным венчиком не характерны для поселений скифского времени, но получают широкое распространение в сарматское время в Подонье, где эта форма становится доминирующей⁶.

Аналогичным образом разделял М.В. Талицкий профилированную «текстильную» керамику из 3 слоя Протопоповского городища. Им были выделены формы с отогнутым округлым венчиком и формы с отогнутым прямым венчиком, при том, что преобладали первые⁷. Среди материалов Ростиславля также встречаются обе разновидности форм венчиков. Судя по рисункам из отчетов, подавляющее большинство составляют S-видные венчики; сосудов с венчиками в виде раструба гораздо меньше — 9 из 55 доступных для определения. «Текстильные» отпечатки на внутренней стороне раструбообразного венчика отмечены только один раз, в основном они располагались на венчиках S-видной формы.

В материалах городищевой культуры Рязанского Поочья аналогичная дьяковской ППТК также отмечена. Это материалы Троице-Пеленицкого городища из раскопок В.А. Городцова⁸. В небольшой коллекции керамики этого памятника (ГИМ 61879/Б320)

¹ Сарапулкина Т.В., 2008. Керамический комплекс городищевой культуры на Дону // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов II международной научной конференции, посв. 100-летию М.Р. Полесских. Вып. 2. Том. 1. Пенза. С. 233.

² Бирюков И.Е., 1994. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Липецкой госдирекции по охране наследия за 1993 г. // Архив ИА РАН. Р1—18192; Бирюков И.Е., 1999. Отчет археологической экспедиции Липецкой госдирекции по охране культурного наследия области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р1—21956. С. 185.

³ Бирюков, 1993. Указ. соч. С. 77—81, 114.

⁴ Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья: Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. // РАН. Институт археологии. М.: Наука. С. 68; Медведев А.П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус. С. 67, 68; Енуков В.В., Медведев А.П., 2002. О новом типе поселений в бассейне р. Сейм // *Stratum plus*. На окраинах античного мира. № 4. С. 253—257; Обломский А.М., Разуваев Ю.Д., 2009. Материалы скифского времени с верхнедонского поселения Ксизово 17 // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский А87 сборник научных трудов. Выпуск 13. Воронеж: ВГПУ. С. 176—185.

⁵ Медведев, 2008. Указ. соч. С. 37, 67.

⁶ Медведев, 2008. Указ. соч. С. 68.

⁷ Талицкий, 1948. Указ. соч. С. 232.

⁸ Городцов В.А., 1930. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. Рязань.

имеются несколько профилированных венчиков, в том числе с отпечатками на внутренней стороне (рис. 7: 3). Правда, по морфологии «текстильные» отпечатки Троице-Пеленицы отличны от дьяковских. Это бороздчатые и ниточные оттиски.

К сожалению, большинство памятников городищ культуры средне-окского варианта раскапывались давно, а материалы плохо опубликованы. Поэтому для сопоставления с дьяковской ППТК мы можем привести ограниченное количество материалов. Среди них керамика Шишкинского и Городецкого городищ из раскопок Б.А. Фоломеева¹. Оба памятника относятся к ранним городищам. Финал существования Шишкинского городища по данным радиоуглеродного анализа и археологическим находкам датируется самыми последними веками до н.э.² Для Городецкого городища надежных датировок верхних слоев не имеется, но, по мнению Б.А. Фоломеева, эти памятники синхронны³. Нами были просмотрены материалы этих двух городищ (Шишкинское – 155, Городецкое – 1085 номеров по полевой описи, коллекции ГИМ)⁴. В материалах Шишкинского, в меньшей мере Городецкого городищ, выявлены небольшие серии профилированной керамики с S-видными венчиками с гладкой или рогожной поверхностью, орнаментированные насечками или пальцевыми вдавлениями по краю венчика, с проколами под венчиком. «Текстильные» или рогожные отпечатки на внутренней стороне венчиков профилированных сосудов Шишкинского и Городецкого городищ не выявлены. В целом такая керамика находит аналогии среди городищ скифоидной керамики Вехнего Подонья.

Тем не менее, традиция, связанная с нанесением «текстильных» отпечатков на внутреннюю сторону венчиков, имела отношение к городищам культуры средне-окского варианта. В керамике городищ культуры средне-окского варианта нами найдены венчики без выраженной профилировки с «текстильными» отпечатками на внутренней стороне (рис. 6: 5–9). Это материалы Городецкого городища из раскопок Б.А. Фоломеева (коллекция ГИМ, номера по полевой описи Б.А. Фоломеева), а также Кондраковского городища. Последнее расположено в Навашинском р-не Нижегородской области⁵. Также Б.А. Фоломеев указывал на два случая подобного расположения отпечатков в керамике Тюкова городка⁶. В коллекции Городецкого городища такая керамика представлена единичными экземплярами с рьячатыми отпечатками. На образцах с Кондраковского городища имеются как рьячатые, так и ниточные оттиски, рогожных не отмечено. В отличие от дьяковской ППТК, отпечатки на внутренней стороне слабопрофилированных венчиков расположены неупорядоченно, с разрывами. Более подробная информация недоступна из-за фрагментарности материала. Непрофилированная керамика с «текстильными» отпечатками на внутренней стороне венчика является более древней, чем ППТК. Скорее всего, она имеет отношение к реликтам традиций орнаментирования всевозможными штампами внутренней стороны венчика, восходящим к культурам бронзового века.

Выводы

Скорее всего, традиция производства профилированной керамики с высоким S-видным венчиком и с орнаментом в виде насечек или ногтевых вдавлений по краю венчика проникает на территорию дьяковской культуры со стороны Верхнедонской городищной культуры.

¹ Фоломеев Б.А., 1993. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань. С. 3–21; Фоломеев Б.А., 1994. Шишкинское городище // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М.: ГИМ. С. 138–157.

² Фоломеев, 1993. Указ. соч. С. 9–17.

³ Фоломеев, 1994. Указ. соч. С. 144.

⁴ В полевой описи под одним номером часто значатся несколько фрагментов керамики.

⁵ Николаенко Т.Д., 2008. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2. М.: ИА РАН. С. 291, 292.

⁶ Фоломеев Б.А., 1975. Тюков городок // СА. № 1. С. 157.

Наиболее ранняя «текстильная» профилированная керамика с отпечатками на внутренней стороне венчика найдена на Сырском городище. Вместе с тем, ни на Верхнедонских городецких памятниках, ни на городецких Рязанского Поочья массовые серии профилированной «текстильной» керамики с отпечатками на внутренней стороне венчика сопоставимые с дяковскими не известны. В основном такая керамика здесь представлена единичными образцами. Поэтому мы предполагаем, что в своем окончательном виде комплекс ППТК, скорее всего, складывается где-то на территории городецко-дяковского пограничья, где, скорее всего, происходило активное смешение городецко-скифоидных, собственно городецких и дяковских традиций. Здесь, по всей вероятности, традиция производства «текстильной» керамики не прерывалась и существовала более длительное время, чем на основной территории дяковской культуры. Скорее всего, ППТК формируется при участии, с одной стороны, пришлого скифоидно-городецкого, а с другой – местного городецко-дяковского населения.

Основной массив находок ППТК связан с крайним юго-востоком дяковской территории. Здесь же такая керамика имеет наиболее ранние даты. Материалы городища Ростиславль дают основание говорить о начале бытования этой керамики примерно с рубежа эр–I в. н.э. В среднем течении Москвы-реки носители традиции изготовления ППТК появляются чуть позднее, в III–IV вв. н.э., судя по материалам Дьякова городища. Таким образом, эта керамика возникает где-то в середине начального этапа позднедяковской культуры и продолжает существовать на среднем ее этапе по периодизации Н.А. Кренке¹ (Кренке, 2016). На наш взгляд, ППТК является лишь одной из разновидностей керамики начального этапа позднедяковской культуры, которую можно связывать с инокультурным влиянием. Другой разновидностью, которая не является исконной дяковской, является профилированная гладкостенная керамика, с защипами и ногтевым орнаментом по тулову; она появляется на дяковских памятниках немного ранее. Скорее всего, пути проникновения этих традиций на территорию дяковской культуры Москворечья были разными.

Olga A. Lopatina, Ekaterina Y. Tavlintseva

Profiled «Textile» Ceramics from Rostislavl Hillfort

Summary. The publication describes late profiled «textile» ceramics originating in Rostislavl hillfort. This type of ceramics has distinctive attributes such as a tall rim bent outward, a highly profiled upper part, notched and fingernail marked patterns along the edge of the rim. «Textile» imprints are often found on the inner surface of the rim. The article considers the setting of the findings, analyses stratigraphic individualities of their location in the cultural layer. Stratigraphic location of these vessels at Rostislavl hillfort and dating of finds discovered nearby allow to suggest that these ceramics were in use from early 1st to the 3rd century A.D. Similar ceramics are considered. It is hypothesized that profiled «textile» ceramics appeared in Dyakovo type settlements as a result of cultural influence of the people inhabiting Upper Don river basin (similar shapes and patterns are observed), as well as the influence of Gorodets culture of the Middle Oka river basin (presence of textile imprints on the inner surface of the rim). Dyakovo type settlements located in the south-eastern part of Moscow region yielded the bulk of these ceramics. They are considered to be the oldest. Later the tradition reached the sites of the Middle Moskva river basin. Profiled «textile» ceramics haven't been found at the upper Moskva river settlements.

Keywords: Dyakovo culture, Rostislavl hillfort, «textile» ceramics, Gorodets culture, cultural influence.

¹ Кренке Н.А., 2016. Позднедяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Ранне-средневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 261–332.

Рис. 1. Профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль
 1 – № 71 (Музей Москвы 32945/104), 2 – № 223 (Музей Москвы 32948/508),
 3 – № 227 (Музей Москвы 32948/509), 4 – № 106к (Музей Москвы 31695/510).

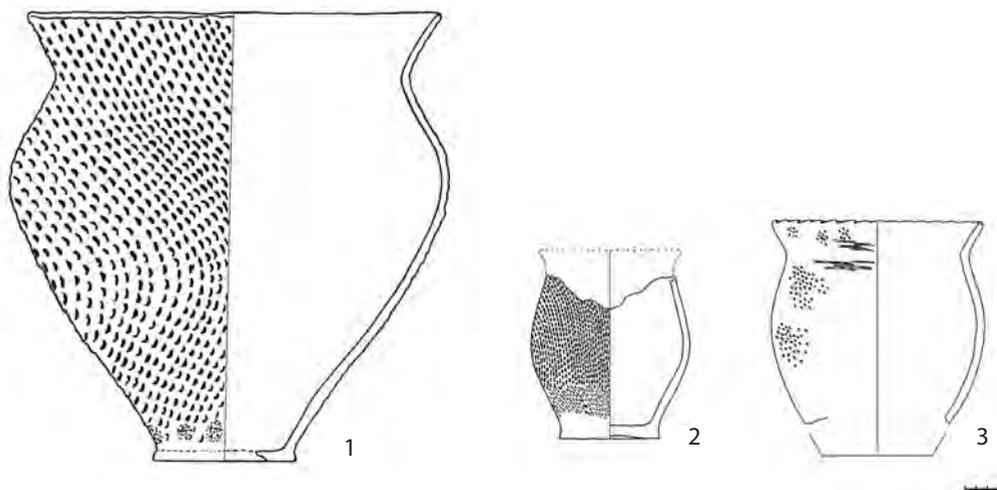

Рис. 2. Профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль
1 – № 189, 2 – № 164к, 3 – № 199к.

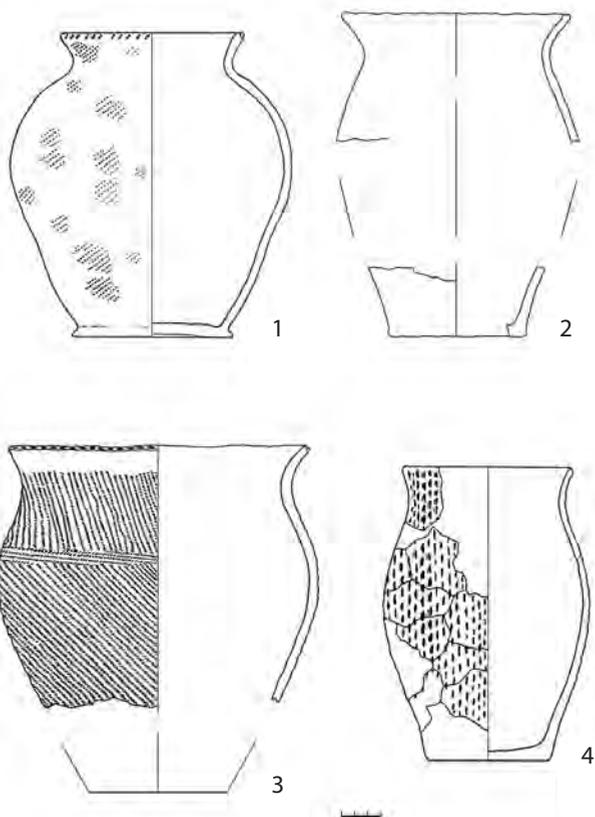

Рис. 3. Профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль
1 – № 78, 2 – № 194к, 3 – № 163к, 4 – № 273к.

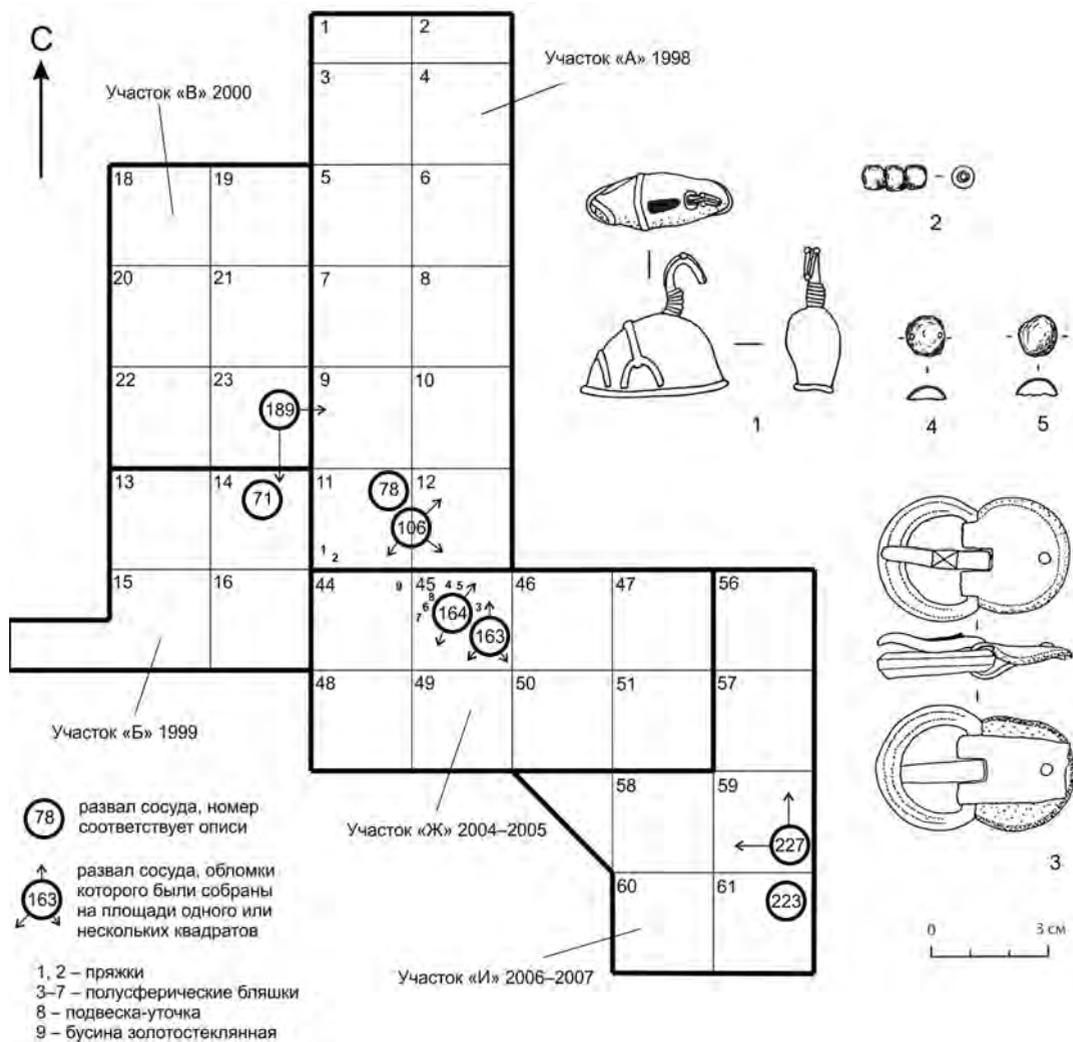

Рис. 4. Сводный план раскопов с обозначением развалов ППТК и синхронных находок

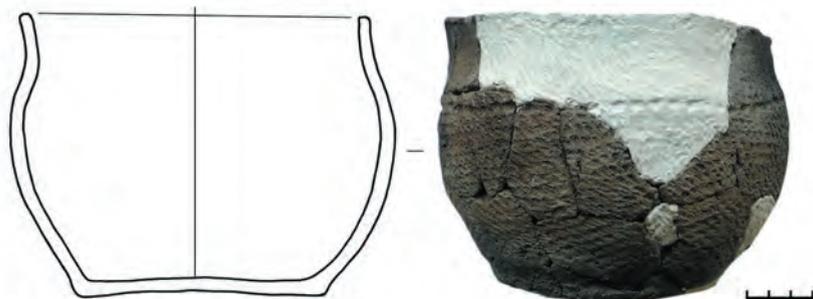

Рис. 5. Сосуд № 266 из ямы 336, городище Ростиславль

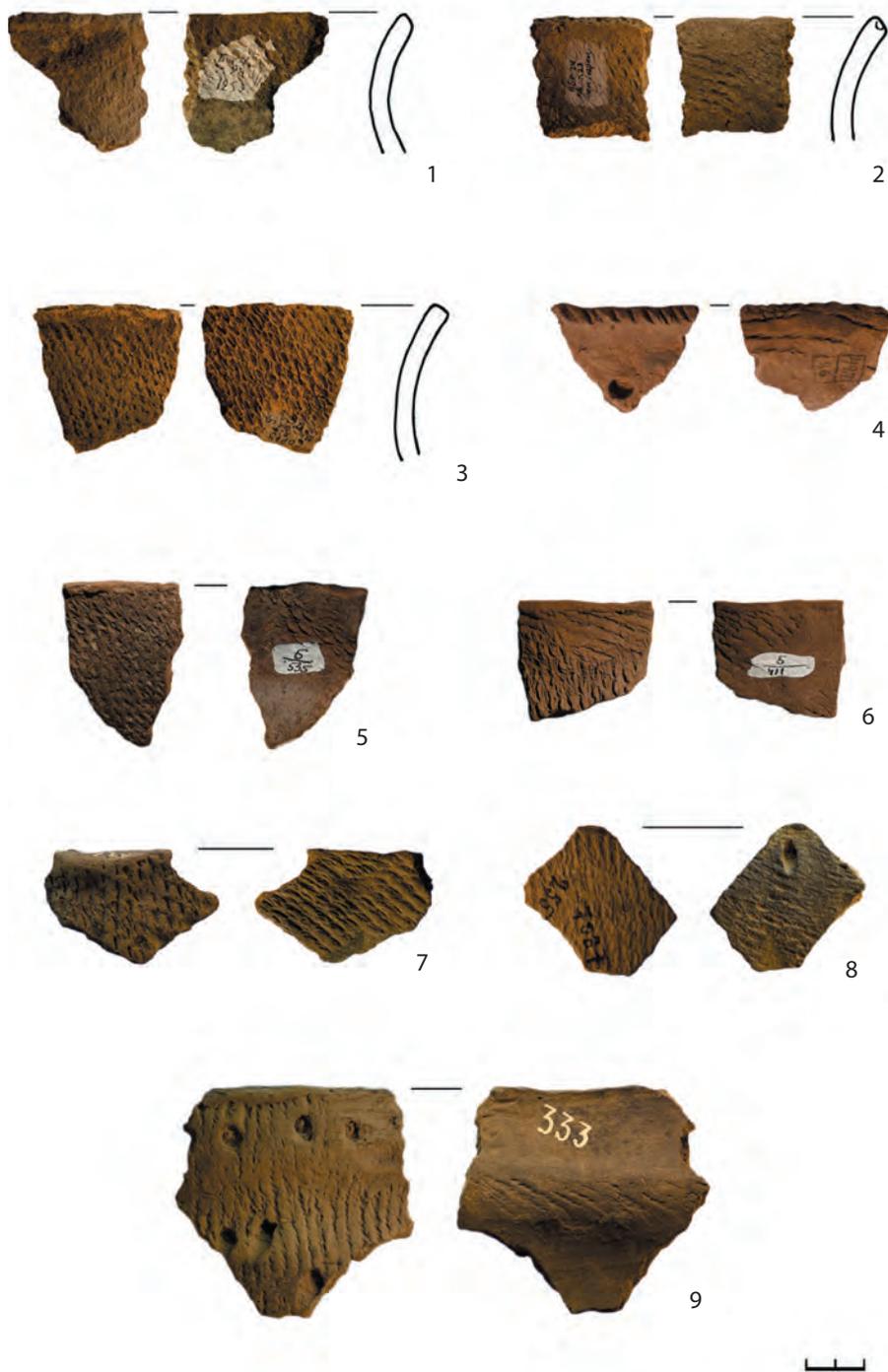

Рис. 6. Керамика с «текстильными» отпечатками на внутренней стороне венчиков
 Дьяковские городища: 1–3 – Боршева, 4 – Кропотовское.
 Городецкие городища: 5, 6 – Городецкое, 7–9 – Кондраковское.
 Внешняя поверхность слева, внутренняя – справа.

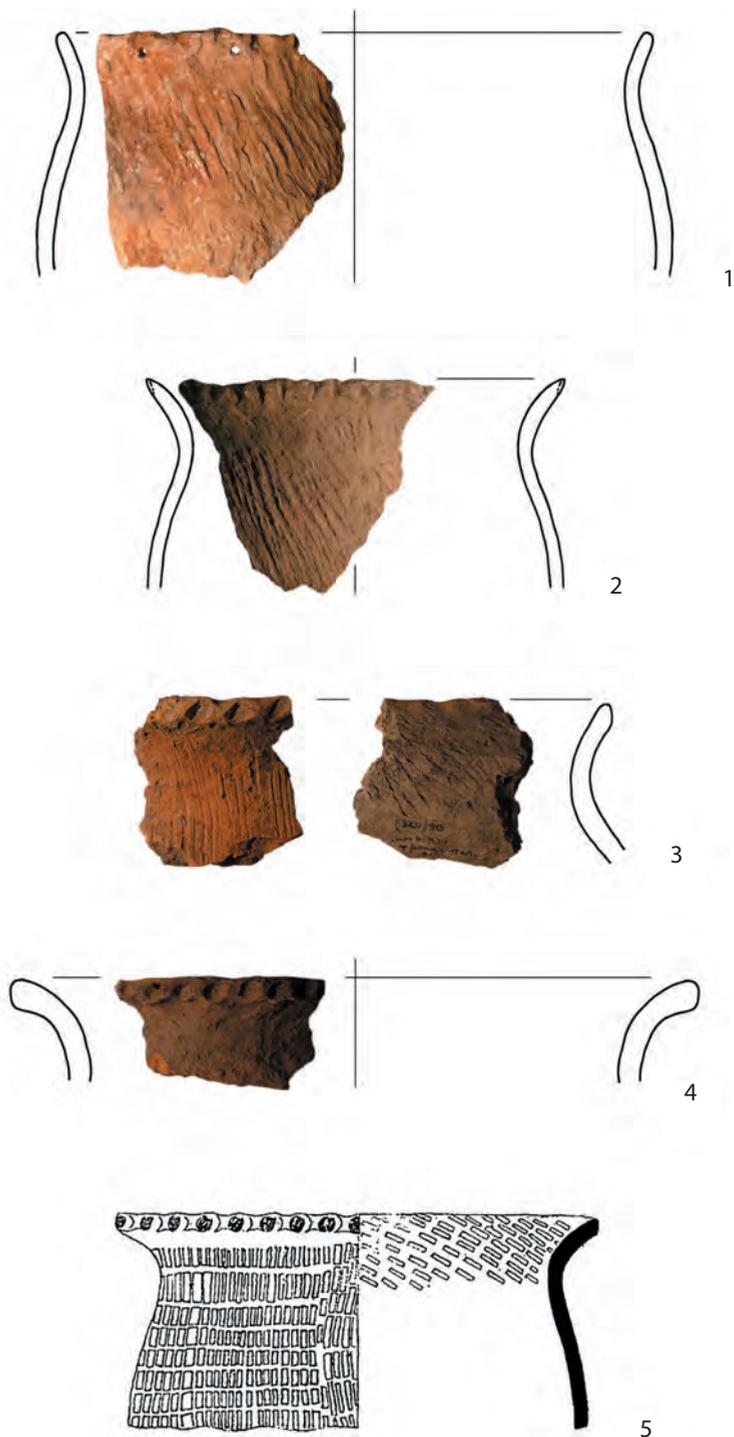

Рис. 7. Профилированная «текстильная» керамика городецких городищ:
1–4 – Троице-Пеленица (ГИМ 61879/ Б320), 5 – Сырское (по Т.В. Сарапулкиной, 2010).

Буров В.А., Завьялов В.И.

Металлографическое исследование гранаты XVII в. из Соловецкого монастыря

Аннотация. Крепость Соловецкого монастыря в XVI–XVIII вв. была прекрасно вооружена. В 2016 г. в Никольской башне была найдена граната в виде полого шара. Ее диаметр 70 мм, диаметр запального отверстия 13 мм, толщина стенок от 5 до 7 см (рис. 1). В результате металлографического анализа на образце обнаружена структура перлита с включениями графита (рис. 2–3). Это свидетельствует о том, что граната отлита из серого чугуна. Микротвёрдость металла 206, 236, 254 кг/мм². Качество отливки невысокое.

Ключевые слова: Соловецкая крепость, граната, XVII в., металлографическое исследование, отливка, серый чугун.

В конце XVI столетия, в эпоху Московского царства, на Соловецком архипелаге в Белом море вокруг монастыря была воздвигнута мощнейшая валунная крепость, ныне признанная выдающимся памятником европейского военного зодчества. Вместе с деревянными острогами на материке, охраняемая московскими стрельцами, она до начала XIX столетия надежно прикрывала огромные приграничные территории, выходявшие к Ледовитому океану¹.

Около 30 описей вооружения свидетельствуют, что Соловецкая крепость была прекрасно вооружена². В ее арсенале находились многочисленные пушки, ядра, ручное и холодное оружие, остатки которого в XX в. оказались разбросанными по разным музеям. Одним из крупных собраний, около 120 предметов, располагает Соловецкий музей-заповедник³. В его собрании имеются и гранаты – разрывные снаряды, наполнявшиеся черным порохом и имеющие фитиль в запальной трубке. Гранаты были ручные и артиллерийские шарообразные⁴. Судя по описям, в соловецком арсенале первоначально были только гранаты-«кубышки», которые появились в небольшом количестве в Петровскую эпоху, около 1704 г. До этого на Соловках артиллерийские гранаты имелись только у царского войска, осаждавшего монастырь во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.). В 1674 г. воевода Иван Мещеринов пожаловался царю на отсутствие гранат. В июле на Соловки были посланы «гранатчики, которые к огнестрельному делу навывчны и учились у иноземцов». Также царь приказал послать 150 шт. пудовых гранат⁵.

Получить представление о шарообразных артиллерийских гранатах конца XVII–XVIII вв. позволяют редкие случайные археологические находки. Одна из таких находок происходит из Никольской башни крепости. Небольшую полу шарообразную гранату обнаружили рабочие в ходе реставрации в 2016 г. и сдали сотрудникам Соловецкой средневековой археологической экспедиции. Предварительно они проявили недюжинное любо-

¹ Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск: Севзапкнигоиздат, 1975; Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX вв. Архангельск: Архангельское книжное изд-во, 1963.

² Буров В.А. Оружейная казна Соловецкого монастыря в конце XVI–XVII вв. // Соловецкий сборник. Вып. 2. Архангельск: Правда Севера, 2005. С. 53–104; Оружейная казна Соловецкого монастыря в XVIII–XIX вв. // Соловецкий сборник. Вып. 3. Архангельск: Правда Севера, 2006. С. 42–119.

³ Балан С.Б. Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. Каталог выставки / Сост. Т.М. Кольцова. М.: СканРус, 2006. С. 141–156; Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков. Каталог оружия в собрании Соловецкого музея-заповедника. Архангельск: Соломбальская типография, 2013.

⁴ Квасневич В. Лексикон старинного огнестрельного оружия. СПб.: Атлант, 2007. С. 11. Рис. на с. 14; С. 38.

⁵ Барсов Е.В. Новые материалы для истории русского старообрядства XVII–XVIII веков. М.: Университетская типография, 1890. С. 102–103, 118, 132.

пытство и упорство, распилив эту гранату пополам. Получился неплохой шлиф, готовый для изучения. Этим мы и воспользовались, тем более что подобные исследования практически не осуществлялись.

Диаметр гранаты 70 мм, диаметр запального отверстия 13 мм. Толщина стенок 5 мм в левой части, 11 мм – в правой. При визуальном осмотре в противоположной запальному отверстию стенки зафиксированы усадочные раковины неправильной вытянутой формы, наиболее крупная из которых имела размеры 11×6 мм. Наличие усадочных раковин маркирует место литника (рис. 1). Неравномерность стенок гранаты и усадочные раковины свидетельствуют о невысоком качестве отливки.

Исследование проводилось по методике, разработанной в кабинете металлографии Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН д.и.н. В.И. Завьяловым. Для проведения анализа у запального отверстия был выпилен образец размерами 2×4 мм. Поверхность образца шлифовалась и полировалась до зеркального блеска. Шлиф после травления реактивами ниталь (4 %-й раствор азотной кислоты в этиловом спирте) просматривались на металломикроскопе ММР-2Р при увеличениях 100х, 125х и 490х. Микротвёрдость измерялась на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке 100 г. Микроструктуры фотографировались на цифровую камеру для микроскопа серии TourCam с последующей обработкой снимков в программе TourView 3.7.

В результате металлографического анализа на образце обнаружена структура перлита с включениями графита (рис. 2–3). Это свидетельствует о том, что граната отлита из серого чугуна. Микротвёрдость металла 206, 236, 254 кг/мм².

Информации об изготовлении гранат в допетровское время крайне мало. Их отливка проводилась в песчаные или металлические формы с сердечником¹. Создаётся впечатление, что до начала XVIII в. этот вид оружия в русской армии использовался редко ввиду сложности расчётов размеров запала.

Vladimir A. Burov, Vladimir I. Zavyalov

Metallographic examination of the 17th century grenade from the Solovetsky monastery

Abstract. The fortress of the Solovetsky monastery was well armed in 16th – 18th centuries. In 2016 a grenade in the form of a hollow sphere was found in Nikolskaya tower. Its diameter is 70 mm, the diameter of the ignition hole 13 mm, wall thickness 5 to 7 mm (Fig. 1). As a result of metallographic analysis, a perlite structure with inclusions of graphite was found on the sample (Fig. 2-3). This suggests that the grenade was cast from grey cast iron. The micro hardness of the metal is 206, 236, 254 kg/mm². The casting quality is low.

Keywords: Solovetsky fortress, grenade, 17th century, metallographic examination, casting, grey cast iron.

¹ Рубцов Н.Н. История литейного дела в СССР. Часть 1. М.: Государственное научно-техническое издательство машиностроительной литературы, 1962. С. 141–143.

Рис. 1. Граната

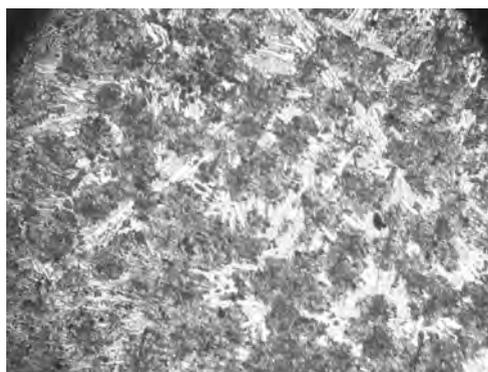

Рис. 2. Перлит с включениями графита.
Увеличение 150. Травлено ниталем

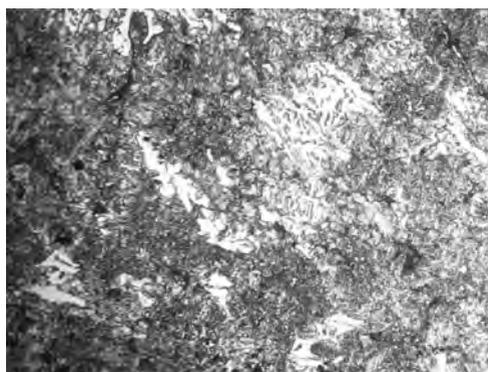

Рис. 3. Перлит с включениями графита.
Увеличение 450. Травлено ниталем

Сведения об авторах

Аносов Дмитрий Васильевич. ООО «ЦАИ «Куликово поле», пр-кт Ленина, д. 47, г. Подольск, Московская область, 142100, Россия. E-mail: anosod@yandex.ru

Александровский Александр Леонтьевич. Институт географии РАН, Старомонетный пер., д. 29, г. Москва, 119017, Россия. E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

Бегунова Виктория Викторовна. Смоленский государственный музей-заповедник, ул. Коммунистическая, д. 4, г. Смоленск, 214000, Россия. E-mail: v.begunova@yandex.ru

Беляев Леонид Андреевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: labeliaev@bk.ru

Буров Владимир Андронович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: vladimir burov<burovvan@rambler.ru>

Гайдуков Петр Григорьевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: russianchange@yandex.ru

Глазунова Ольга Николаевна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

Гоняный Михаил Иванович. Государственный исторический музей, Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Россия. E-mail: mez_andrey@mail.ru.

Грибов Николай Николаевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: nnhora@yandex.ru

Елкина Ирина Игоревна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: ira-elkina@yandex.ru

Ершова Екатерина Георгиевна. Биологический ф-т МГУ, Ленинские горы, г. Москва, Россия. E-mail: eershova@rambler.ru

Ершов Иван Николаевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: ershovin@yandex.ru

Завьялов Владимир Игоревич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: v_zavyalov@list.ru

Зарецкая Наталья Евгеньевна. ГИН РАН, Пыжевский пер, д. 7. г. Москва, 119017, Россия. E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

Исланова Инна Васильевна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: ivisl@mail.ru

Кудрявцев Андрей Алексеевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

Курмановский Владимир Сергеевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: kurmanovskiy@mail.ru

Лазукин Александр Викторович. ГБУК МО «Звенигородский музей», Саввино-Сторожевский монастырь, Ратехинское ш., вл. 1, г. Звенигород, Московская обл., 143180, Россия. E-mail: lazukin63@mail.ru

Леонтьев Андрей Евгеньевич. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: leont3@mail.ru

Лопатин Николай Владимирович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: n.lopatin@gmail.com

Лопатина Ольга Анатольевна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: lopatina.olga@gmail.com

Миненко Владимир Владимирович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: vvminkenko@yandex.ru

Обломский Андрей Михайлович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: oblomsky_a@rambler.ru

Олейников Олег Михайлович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

Панин Андрей Валерьевич. ИГ РАН, Географический ф-т МГУ, Ленинские горы, г. Москва, Россия. E-mail: a.v.panin@yandex.ru

Столярова Екатерина Карленовна. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: kath.stoliarova@gmail.com

Столярова Татьяна Викторовна. Смоленский государственный музей-заповедник, ул. Коммунистическая, д. 4, г. Смоленск, 214000, Россия. E-mail: anasazi03@inbox.ru

Сыроватко Александр Сергеевич. МБУ «Коломенский археологический центр». E-mail: sasha.syg@rambler.ru

Тавлинцева Екатерина Юрьевна. Музей Москвы, Зубовский бульвар, д. 2, г. Москва, Россия. E-mail: tavlintseva@gmail.com

Чернецов Алексей Владимирович. Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117036, Россия. E-mail: avchernets@yandex.ru

Список сокращений

АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России
АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией СПб.
АИППЗ	Археология и история Пскова и Псковской земли
АК БАН	Академическая комиссия Белорусской Академии наук
АН БССР	Академия наук Белоруссии
АН РТ	Академия наук Республики Татарстан
АО	Археологические открытия. М.
АП	Археология Подмосковья. Материалы научного семинара
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН	Белорусская Академия наук
ВАШ	Высшая антропологическая школа (Молдова, Кишинев)
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГАСО	Государственный архив Смоленской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ГИН	Геологический институт Российской академии наук
ГММК	Государственные музеи Московского Кремля
ГубОНО	Губернский отдел народного образования
ЗБС	Звенигородская биологическая станция МГУ
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии
ИА РАН	Институт археологии Российской Академии Наук
ИАК	Императорская археологическая комиссия
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук
ИРАО	Императорское русское археологическое общество
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ	Музей истории г. Москвы
МИСО	Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск
МГОМЗ	Московский государственный объединенный музей-заповедник (Коломенское)
МГУ	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ННЗИА	Новгород и Новгородская земля. История и археология
ПВЛ	Повесть временных лет
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
РИБ	Русская историческая библиотека
РЖВ	Ранний железный век
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
ЧОИДР	Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете
СМЗ	Смоленский музей-заповедник

Научное издание

DE MARE AD MARE
Археология и история: сборник статей
к 60-летию Н.А. Кренке

Редактор Н.И. Ершов
Технический редактор Н.С. Малышева
Корректор А.С. Алексеева

ООО «Свиток»
214025, Смоленск, ул. Н.-Неман, 31/216.
Тел.: 8-910-787-82-59. E-mail: iflim@mail.ru
Лицензия ЛР №6193 от 01.11.2001

Подписано в печать 05.10.2015. Формат 70x100/16.
Бумага мелованная. Печать цифровая.
Гарнитура «NewtonС». Печ. л. 23.
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13